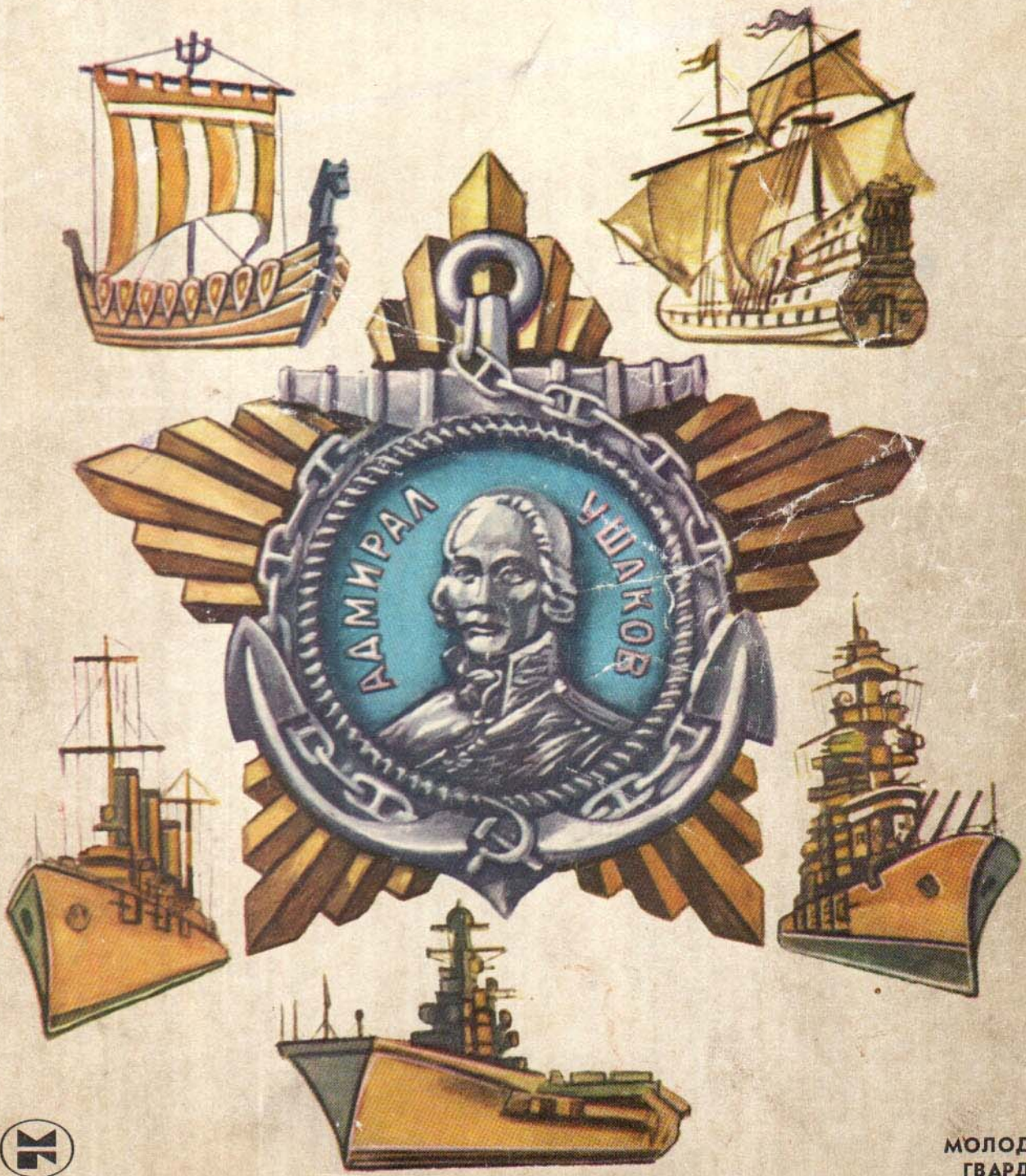
АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Флаг Военно-Морского Флота.

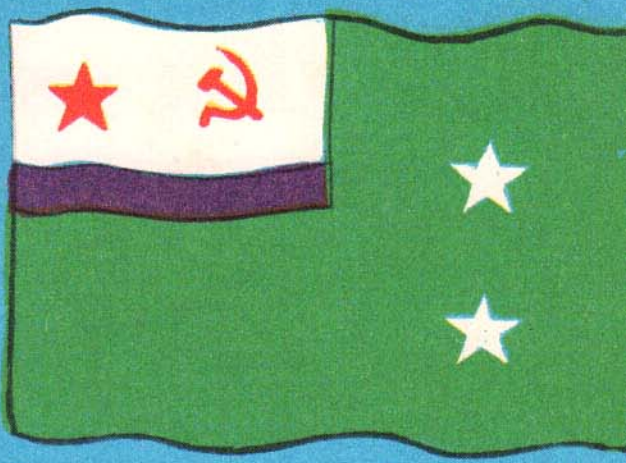
Флаг Главнокомандующего Военно-Морского Флота.

Флаг командующего флотом.

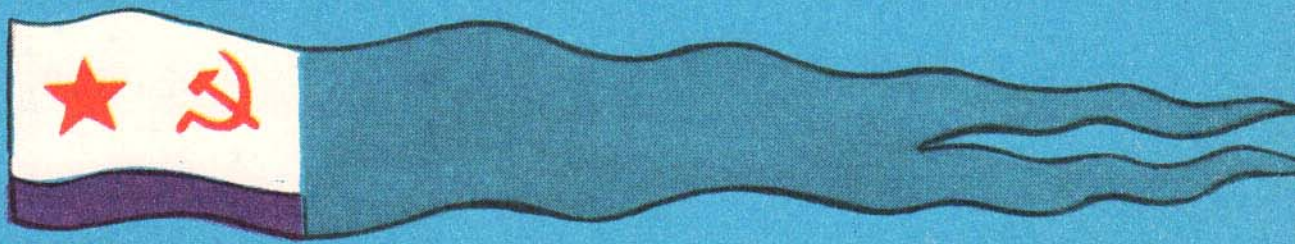
Флаг командующего флотилией, эскадрой.

Флаг командующего соединением.

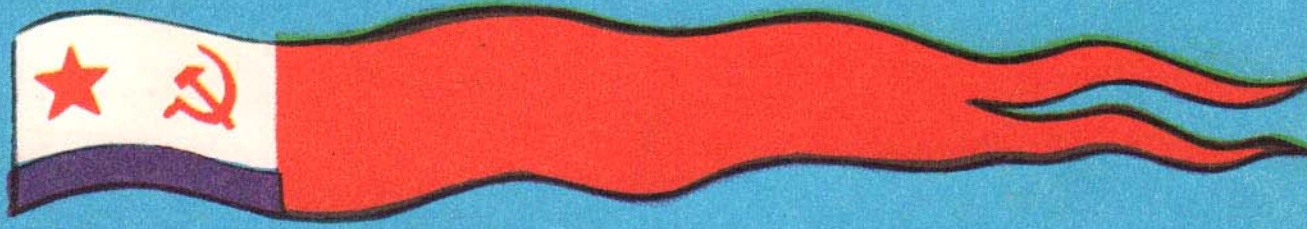
Гюйс.



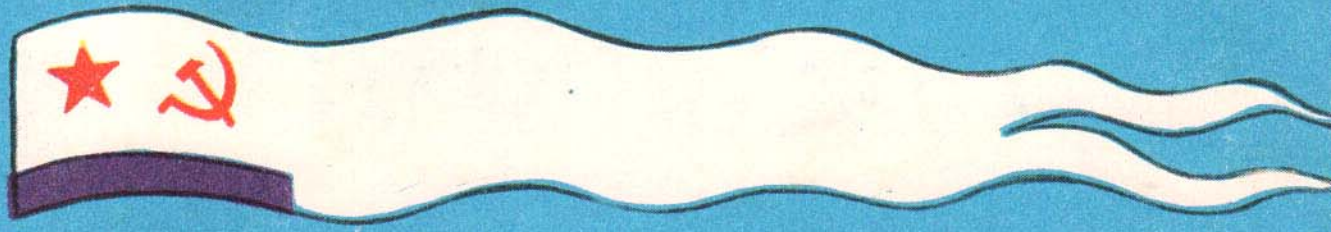
Флаг начальника пограничных войск округа.



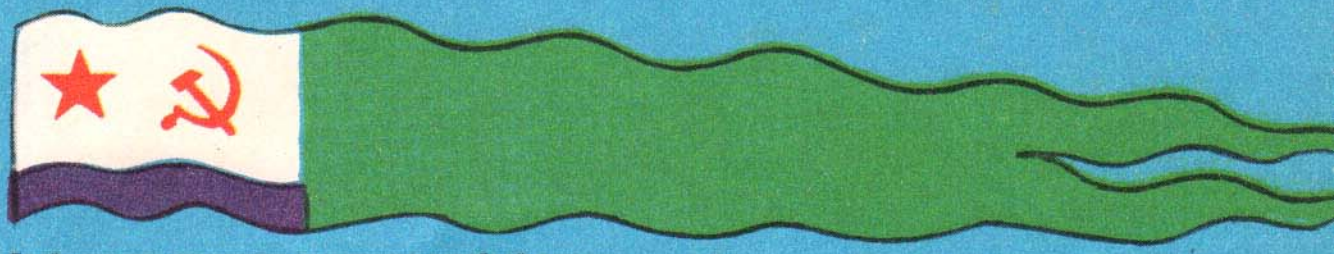
Брейд-вымпел командира дивизиона кораблей.



Брейд-вымпел командира соединения кораблей.



Брейд-вымпел старшего на рейде.

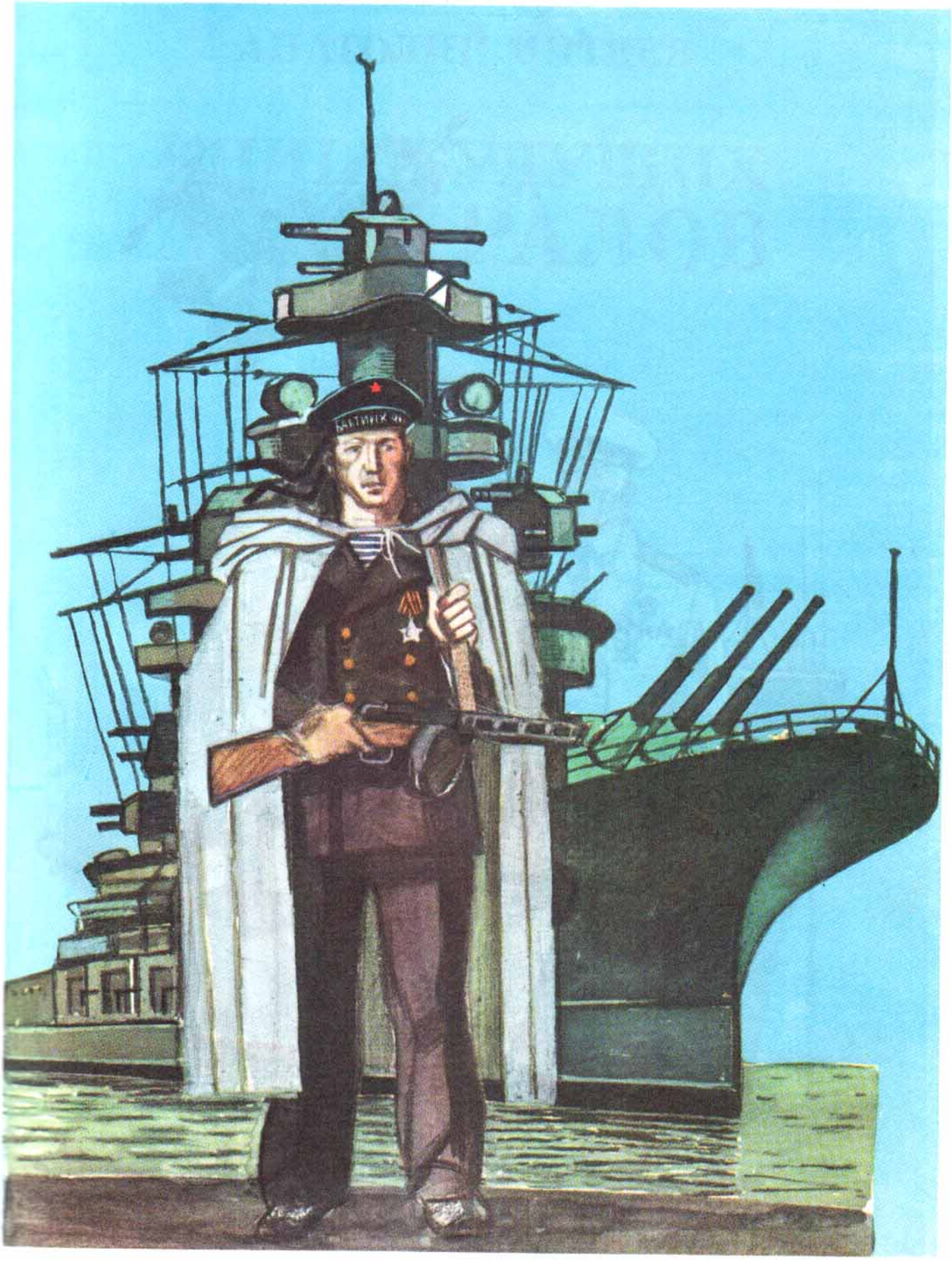


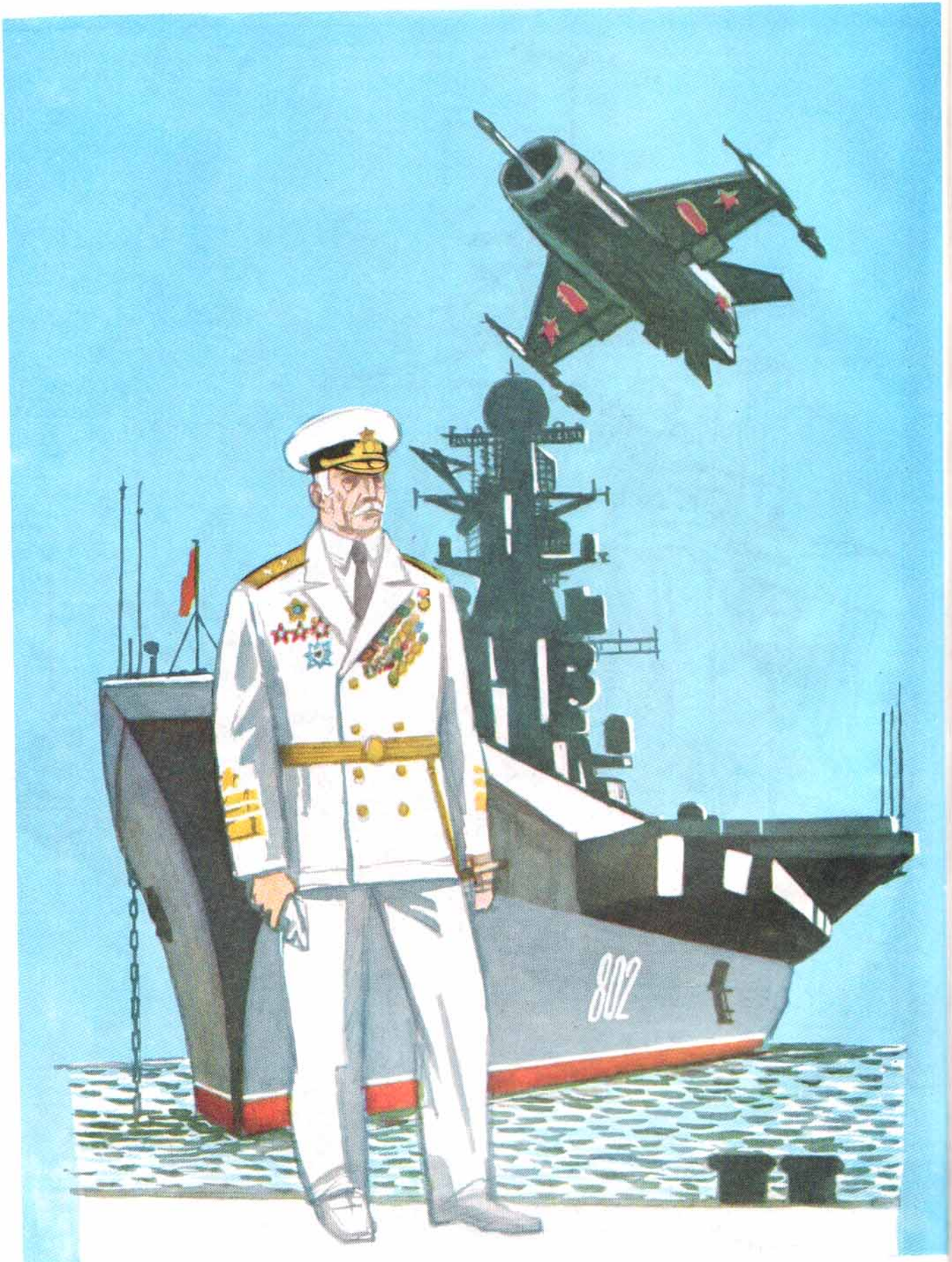
Брейд-вымпел командира соединения кораблей пограничных войск.

АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986




802

АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ

Все приятели
и неприятели
имеют к нам
уважение
и почтение.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков

Художник
Ю. КОПЕЙКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

68.66
М 67

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» благодарит Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова, Институт военной истории Министерства обороны СССР за помощь в работе над этой книгой.

Под редакцией
кандидата исторических наук,
капитана 1-го ранга
А. В. УСИКОВА

отсканировал и подготовил
КОТЯЙ@torrents.ru

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Все может родная земля: накормить своим хлебом, напоить из своих родников, удивить своей красотой. Вот только защитить сама себя не может. Поэтому защита родной земли — обязанность тех, кто ест ее хлеб, пьет ее воду, любуется ее красотой.

Людям даются почетные и уважительные звания. Самое высокое звание из всех — защитник Родины. Память народа веками свято хранит имена отважных воинов — так же, как имена великих ученых, поэтов, мыслителей.

Но правильно ли отделять ученых, поэтов, мыслителей от воинов? Нет, неправильно. Когда опасность грозит родной земле, люди любой профессии становятся воинами. Воин скрыто живет в каждом из нас. Но только до грозного часа скрыто.

Когда на Советский Союз напали фашисты, на защиту страны поднялся весь народ. Очереди стояли у военных комиссариатов, подростки прибавляли себе возраст, чтобы стать плечом к плечу со взрослыми защитниками Родины, и каждый хотел одного: чтобы дали ему поскорее винтовку, чтобы поскорее встретиться с врагом. Ты и сам, верно, замечал в себе воина: когда враги начинают грозить Советской стране, разве не хочется тебе дать им отпор?

Фронтовики — кто воевал с фашистами — не сомневаются в тебе, в твоих товарищах. Вы вырастете и будете хорошими воинами. Некоторые из вас станут командирами армии и флота.

Самая тяжелая беда из всех бед, какие бывают,— война. Мы, ваши отцы и деды, делаем все, чтобы войны не было. Но, к сожалению, еще не можем сказать: с войнами покончено. Пока есть империализм, угроза войны будет существовать. И выход для нас один — быть такими сильными, чтобы никто не осмелился напасть на Советский Союз — первую страну социализма, чтобы никто не посмел тронуть наших друзей.

Сила Советской Армии и Военно-Морского Флота складывается из множества разных сил. Одна из них — командиры. Ты готовишься стать командиром, и ты должен знать, что тебе мало быть крепким, храбрым. Командиру нужны еще и другие качества. Какие? О них ты узнаешь из этой книги. А воспитать их в себе тебе помогут суворовские и нахимовские училища, военные училища родов войск, служба в армии и на флоте, военные академии.

М 4803010102—035 КБ—035—011—85
078(02)—86

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

Книгу об искусстве войны на море мы с тобой, дорогой читатель, начнем рассказом о подвиге советской подводной лодки С-13. Позже ты встретишься со многими героями разных времен и народов. Заглавные же страницы отдадим нашим морякам-подводникам. И не потому, что они наши, хотя наши, конечно, дороже нам всех иных, а потому, что в истории морских боев это один из наиболее впечатляющих примеров, когда торпедная атака подводной лодки была столь результативной.

Произошло это в Великую Отечественную войну. В январе 1945 года советские войска подошли к Данцигу — порту гитлеровской Германии на побережье Балтийского моря (теперь польский город Гданьск). На верфях в этом районе было много недостроенных и почти готовых фашистских подводных лодок. Здесь же размещался учебный отряд подводного плавания. Предвидя скорую потерю города, гитлеровцы решили эвакуировать экипажи и специалистов в Киль, чтобы там пополнить ими флот. 30 января в море вышел «Вильгельм Густлов» — девятипалубный лайнер водоизмещением более 25 тысяч тонн. На нем находилось свыше пяти тысяч гитлеровцев, в том числе около тысячи трехсот подводников. Они заняли не только каюты, но и залы ресторанов, танцзалы, помещения церкви и зимнего сада, плавательный бассейн, пустой была только личная каюта Гитлера.

Теплоход сопровождали миноносец «Леве» и катер-торпедолов. За пределами бухты лайнер ждали основные корабли охранения. Командир конвоя не сомневался, что его корабли отразят нападение самолетов и подводных лодок, будь они советскими или английскими. Не знал он одного: в бухту уже пробралась наша подводная лодка С-13.

Около 20 часов гидроакустик лодки обнаружил далекий шум винтов. Пользуясь мглой, стоявшей над бухтой, подлодка всплыла и двинулась на сближение с противником. Командир капитан 3-го ранга Александр Иванович Маринеско с мостика сам вел наблюдение. Морозный ветер крепчал. Начался шторм. На холоде брызги и потоки воды застывали. Льдом покрылись перископы, ледяным бугром стала рубка. Волны ежеминутно перекатывались через лодку. Лодка шла в позиционном положении. Ее палуба все время находилась под водой. Это было очень опасно. Палуба могла вдруг стать как бы огромным горизонтальным рулем: накренись она вперед, и лодка на скорости произвольно ушла бы на глубину. Гибель командира и тех, кто стоял с ним на мостике, была бы неизбежна. Чтобы не погибла при этом лодка — вода могла затопить ее через рубочный люк,— у люка был дежурный офицер, готовый в любую секунду задраить его.

Вечер сменился ночью. Условия для наблюдения осложнились еще больше. Но лодка продолжала искать врага. Перед полуночью подводники увидели силуэт огромного судна. Шел «Вильгельм Густлов».

В 23 часа 8 минут С-13 атаковала противника, произведя четырехторпедный залп. Одна торпеда не вышла из аппарата, но три попали точно в цель: под фок-мачту, в самую середину морского

великана и под грот-мачту. Кренясь, лайнер пошел ко дну.

К погибающему судну поспешили находившиеся поблизости фашистские корабли: тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер», миноносец «Леве» и миноносец Т-36, тральщик, сторожевой корабль, пароход «Гёттинген», дозорные корабли. Море осветилось прожекторами и ракетами. В воду посыпались глубинные бомбы. Их сбросили около двух с половиной сотен. Но С-13 целой и невредимой выскользнула из бухты.

Продолжая поиск, С-13 9 февраля с помощью гидроакустических приборов обнаружила шум винтов большого корабля и начала сближение с ним со стороны темной части горизонта. В 2 часа 50 минут 10 февраля командир дал двухторпедный залп из кормовых торпедных аппаратов. Обе торпеды попали в цель, и вражеский транспорт «Генерал фон Штойбен», шедший в охранении трех миноносцев, был отправлен на дно. Еще три с половиной тысячи отборных фашистов нашли могилу на дне Балтийского моря. Так лодка уничтожила целую дивизию врага! Дивизию по численности, а по боевой ценности сколько? Ведь при торпедировании одного «Вильгельма Густлова» только подводников погибло столько, что ими можно было укомплектовать десятки экипажей подводных лодок, а готовить специалиста подводного плавания дольше и труднее, чем летчика.

В Германии объявлялся трехдневный траур после гибели 300-тысячной армии под Сталинградом. Такой же траур объявили и после потопления «Вильгельма Густлова». По приказу Гитлера командир конвоя был расстрелян. Наш Маринеско стал считаться «личным врагом Германии».

Уже после войны, когда прошло достаточно времени, чтобы дать точные оценки событиям, офицер Гейнц Шен, спасшийся с утонувшего лайнера, в книге «Гибель «Вильгельма Густлова» писал: «Это, несомненно, была самая большая катастрофа в истории мореплавания».

Мы тоже до сих пор дивимся воинской удаче экипажа С-13 и ее командира. Такую удачу даже вообразить трудно. Говорят, 13 — чертова дюжина — избранным приносит счастье. Может быть, командир подлодки и есть такой избранный? Полатыни море — марине, и его фамилия Маринеско, значит — Морской...

Просто было бы воевать, если победа зависела бы от цифры, фамилии, дня недели и прочего. А ведь победу даже храбрость не дает. Победу дает храбрость, прибавленная к военному искусству... Лодке С-13, когда шла она домой, пришлось вступить в бой с немецкой подводной лодкой. Дело для наших подводников осложнилось тем, что все торпеды были израсходованы. Единственным оружием оставался маневр. Четыре часа длился неравный поединок. Одну за другой выпускала вражеская лодка торпеды. Александр Иванович Маринеско искусно выводил свой корабль из-под ударов.

Что такое военно-морское искусство? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нам с тобой, читатель, нужно совершить морские походы, побывать на флагманских кораблях и с их мостиков взглянуть на битвы флотов. Нам придется заглянуть в глубокую древность, побывать в средних веках, разобрать морские сражения второй мировой войны, познакомиться с современным флотом.

Но есть ли нужда забираться в глубокую древность? Тогда и парусов-то толком не знали, а теперь корабли оснащены атомными энергетическими установками, тогда у воинов были лук и копье, а теперь корабли вооружены ракетами... Не потратим ли мы зря время? Не лучше ли заняться сразу современным флотом? Нет, не лучше. Однажды были сказаны прекрасные слова: «Мы стоим на плечах гигантов». Слова эти надо понимать так, что все наши достижения стали возможны благодаря колоссальной работе, проделанной до нас другими. Наша жизнь — только вершина горы, а вся гора, без которой вершине не на чем было бы держаться,— жизнь прошлая. Мы были бы непростительно высокомерны, мы наделали бы множество ошибок, если бы пренебрегли опытом прежних поколений.

Основатель нашего социалистического государства В. И. Ленин в своих трудах неоднократно подчеркивал, что познание истории позволяет правильно понять настоящее и предвидеть будущее. «...Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня,— говорил Ленин,— если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов».

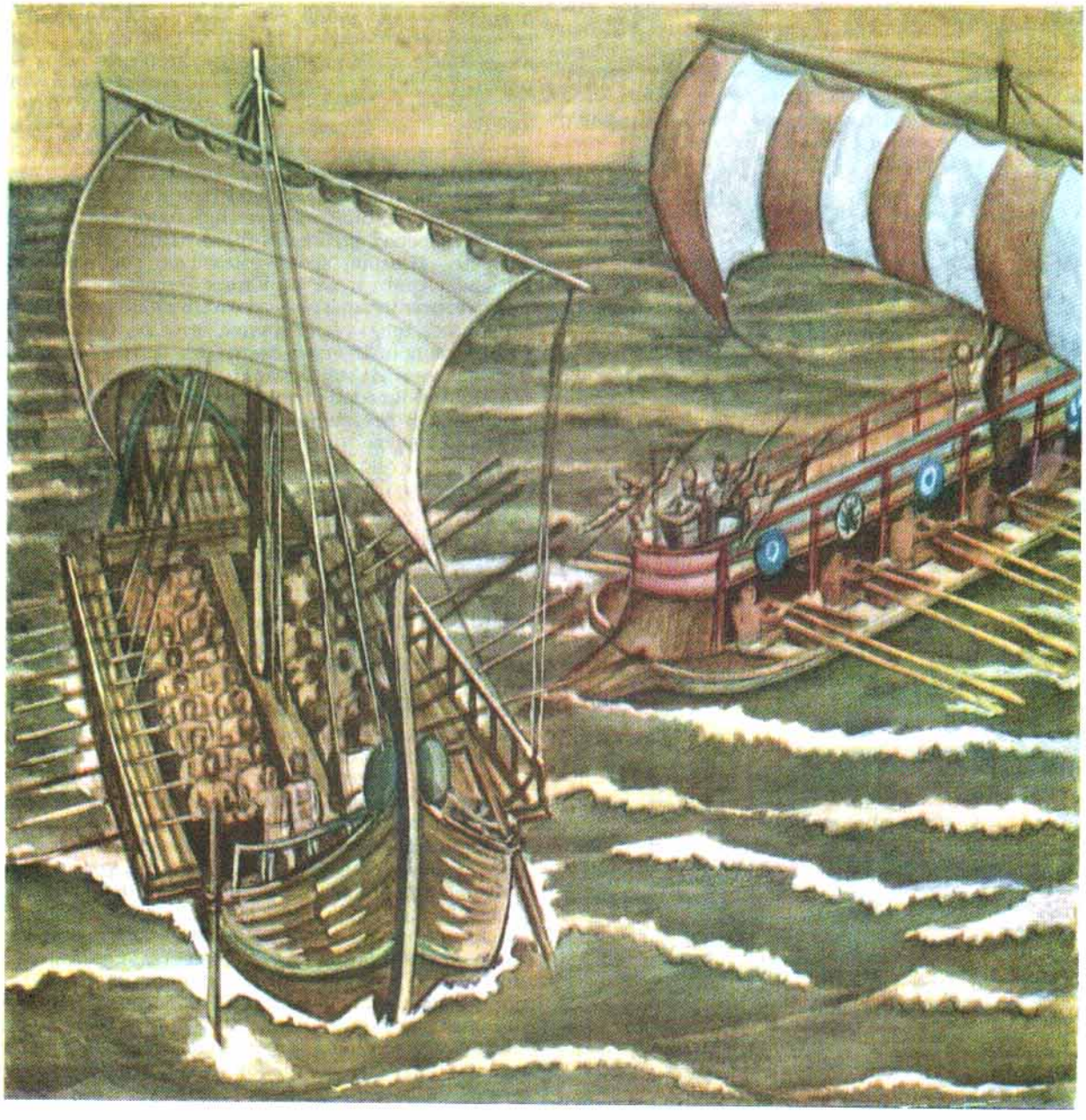
...Твоими наставниками, читатель, в знакомстве с морской службой, с военно-морским искусством будут люди, посвятившие себя службе на военном флоте: матросы, старшины, курсанты, мичманы, лейтенанты, капитаны, адмиралы. В знак уважения к ним главы этой книги пусть будут называться так: Матросская, Старшинская, Курсантская, Мичманская, Лейтенантская, Капитанская, Адмиральская.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАТРОССКАЯ

Нам дороги родители, дороги дети, близкие родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове — Отчизна. Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, если он может принести этим ей пользу?

Цицерон



ОШИБКА АРИСТОТЕЛЯ

Сражение, которое мы разберем первым, произошло две с половиной тысячи лет назад в Эгейском море у острова Саламин. В Саламинском сражении греки разбили огромный флот персов. Но раз уж мы попали в Древнюю Грецию, нельзя не познакомиться с ее знаменитым философом Аристотелем. Цель знакомства не праздная. Оно поможет нам понять политическую суть войн. Войны не возникают случайно. И, изучая ход сражений, мы должны также знать, почему, по каким причинам одно государство нападает на другое.

Аристотель не был человеком военным. Ему нравились тихие прогулки по тенистым тропинкам сада, где поют птицы и благоухают цветы... Ученого и звали перипатетиком, в переводе на русский — любителем прогулок. Философскую школу, основанную им, тоже до сих пор называют перипатетической. Аристотель не просто прогуливался, в пути он занимался с учениками, размышлял о растениях и животных, планетах и светилах, о воспитании детей и искусствах, о жизни и устройстве человеческого общества. В те времена наука только начинала делиться на отрасли, еще мало было накоплено знаний, и один человек мог во всех сферах познания быть одинаково авторитетным. «Самая всеобъемлющая голова» — так называл Аристотеля Фридрих Энгельс.

Аристотель первым — а жил он с 384 по 322 год до нашей эры — определил, что Луна и Земля имеют шарообразную форму.

Он решил задачу параллелограмма сил, его сочинение «Метеорология» положило начало науке физической географии.

Точно неизвестно, сколько сочинений написал ученый, считают, что около тысячи. В них он высказал много верных и много неверных мыслей и суждений.

Как уже говорилось, Аристотель не был человеком военным. Однако когда у царя Македонии Филиппа подрос сын, философ был приглашен к нему учителем. Македоняне в то время подчинили себе другие греческие государства, и Филипп думал о новых завоевательных походах, в которых войском будет командовать его Александр.

Уже в те далекие времена люди знали, что успешно возглавлять вооруженные силы может человек только с выдающимся образованием. Вот Александр и учился у Аристотеля. Будущий полководец постигал грамматику, математику, историю, логику, педагогику, этику, естественные науки, музыку, медицину, литературу. Аристотель учил царского сына и философии. Эти уроки более всего готовили к завоеваниям стран и народов.

Была эпоха рабовладельчества. Аристотель своими знаниями служил рабовладельцам, его самого обслуживали рабы. Процветание городов, богатство и благополучие свободных граждан прямо зависели от числа рабов, купленных или захваченных в военном походе. Это казалось таким очевидным, непреложным, что Аристотель учил:

Аристотель.

«Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива».

Страшные слова, правда? Но еще страшнее то, что спустя много веков их также пытались утвердить. И было это не в эпоху рабовладения, а в наше время — в 1941 году, во время гитлеровского нашествия. Твои родные, неважно, какой ты национальности, тоже объявлялись людьми, «предназначенными к подчинению». Как «низшая раса» мы должны были отдать свои земли, свои города людям «расы господ» — германцам-арийцам, стать их рабами. Но, как ты знаешь, фашисты были разбиты, и этим была опровергнута чудовищная теория фашистов.

Но, может быть, высказывание ученого было справедливо для своего времени и Александр подтвердил своими делами философские выводы учителя?

За десять лет полководец завоевал огромную территорию — от Дуная на западе до Инда на востоке, от Нила на юге до Амударьи на севере. Однако созданная Александром империя просуществовала совсем недолго. Завоеванные народы, как только нашли в себе силы, сбросили чужеземное иго. Так, еще в далекой древности были опровергнуты страшные утверждения Аристотеля.

В высказывании этого философа есть и другие слова, которые мы не имеем права оставить без внимания: «Такого рода **война** по природе своей **справедлива**». Мы к ним еще вернемся.

А теперь — в море!

САЛАМИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Море расположено между Балканским полуостровом, полуостровом Малая Азия и островом Крит. Образовалось после опускания суши Эгеиды. Ее остатки — многочисленные гористые острова. На северо-востоке соединяется с Мраморным морем, на юге несколько проливов между островами ведут в Средиземное море. Глубины до 2530 метров (в южной части). У греческого берега течения направлены с севера на юг, у Малой Азии — с юга на север.

На причудливо изрезанных берегах много удобных гаваней, портов: греческие Пирей, Салоники, Волос, турецкий Измир.

Через Эгейское море идут пути из Черного моря в Южную Европу, Северную Африку, к странам Ближнего и Среднего Востока, через Суэцкий канал — в Индию и другие страны.

ДАРДАНЕЛЛЬСКИЙ ПРОЛИВ

Пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

Назван по имени Дардана — мифического ро-

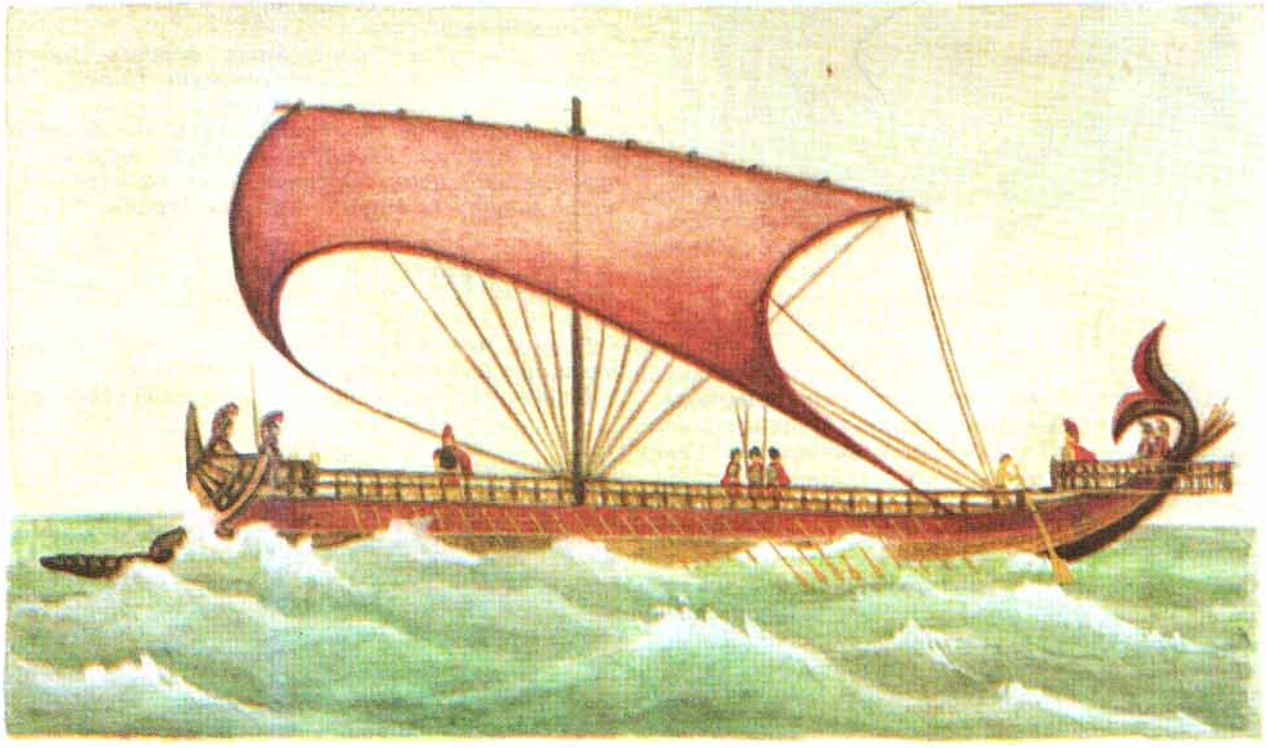
Эгейское море.

доначальника дарданцев, в далекой древности обитавших по обе стороны от пролива. Дарданцы были воинственными мореплавателями. Ученые предполагают, что этот народ и есть легендарные троянцы, крепость которых Трою греки смогли взять после десятилетней осады только хитростью: отправили дар городу — деревянного коня, а в нем спрятали своих воинов.

Турки называют пролив Чанаккале-Багазы. Древнегреческое название — Геллеспонт, то есть море Геллы. Дочь фессалийского царя, как рассказывает миф, вместе с братом бежала от злой мачехи в Колхиду. Переправляясь через пролив, Гелла утонула.

Пролив образовался на месте реки и ее долины, когда произошло опускание суши. Его длина 120,5 километра, ширина от 1,3 до 18,5 километра, глубина 53—106 метров. В проливе существуют два течения: поверхностное — из Мраморного моря в Эгейское и придонное — из Эгейского в Мраморное.

Греческий корабль.



Греческие воины.

СИЛЫ ПЕРСОВ

Саламинское сражение произошло за 150 лет до завоевания Персидского царства Александром Македонским (в 480 году до н. э.). В то время персы были очень сильные. Им подчинялись все государства Малой Азии, Финикия, Палестина, Вавилон, Египет. Но соседние греческие города-государства никак не удавалось завоевать.

В очередной войне с греками персидский царь Ксеркс решил действовать наверняка — напасть одновременно и сухопутными войсками, и флотом. Армию он собрал огромную. Численность ее определяли так: отсчитали десять тысяч воинов, приказали прижаться потеснее друг к другу, обвели вокруг чертой и обнесли отмеченный участок стеной; затем в этот загон входили войска, а царские писцы на табличках отмечали очередной десяток тысяч. Древнегреческий историк Геродот пишет, что насчитали 1 миллион 700 тысяч человек. Геро-

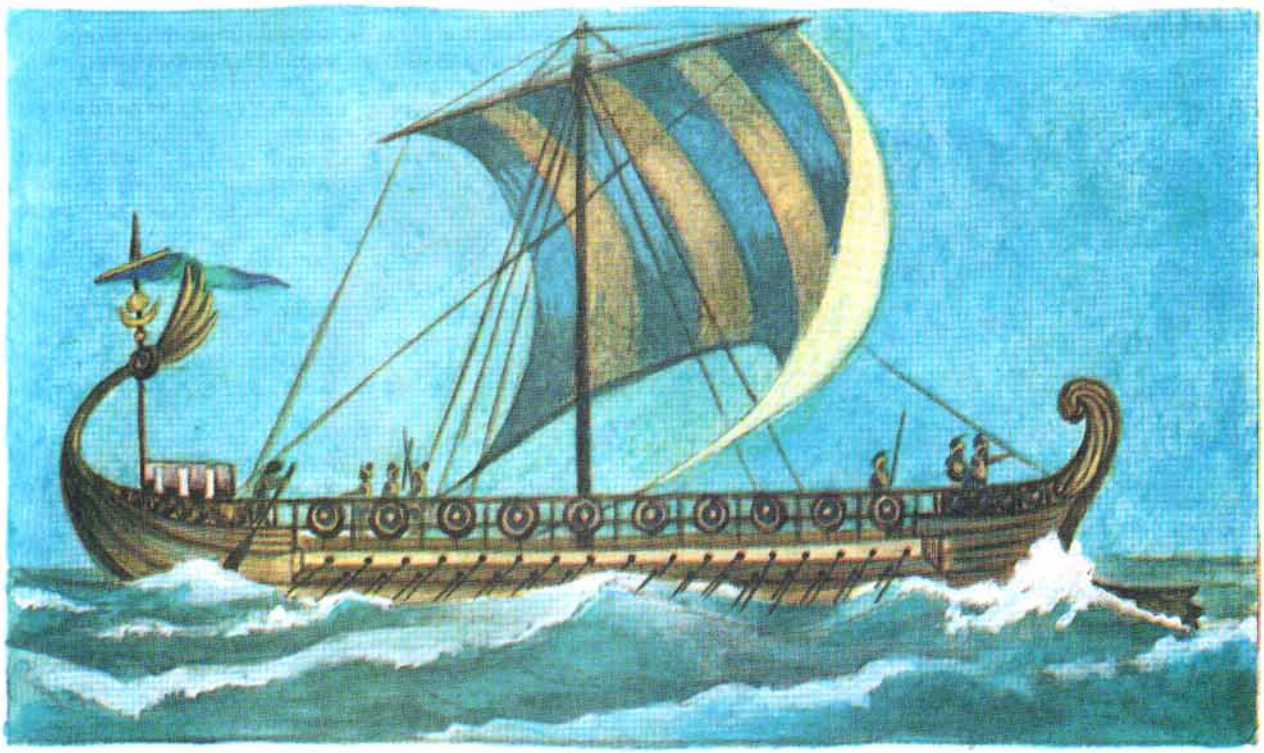
дот, конечно, преувеличивает, но несколько сот тысяч было наверняка. Войска переправлялись через Геллеспонт по двум мостам, составленным из кораблей, стоявших на якоре, и переправа заняла семь дней и семь ночей. Потом на земле Греции армия, ее лошади, верблюды досуха выпивали реки и озера. Численность флота известна точнее. Геродот пишет, что у персов было 1200 боевых кораблей, современные историки считают, что их была тысяча с небольшим.

Переправа через пролив удалась не сразу. Сильный ветер и волны оборвали канаты, которыми были связаны суда. Мост разрушился. Разгневанный Ксеркс распорядился наказать пролив — дать ему триста ударов бичом и заковать в оковы. Палачи отстегали воду, опустили в нее оковы, а потом отрубили головы начальникам, ведавшим строительством мостов. Со второго раза персы переправились с азиатского берега на европейский. Растекаясь по дорогам, они двинулись с севера на юг, все опустошая на своем пути.

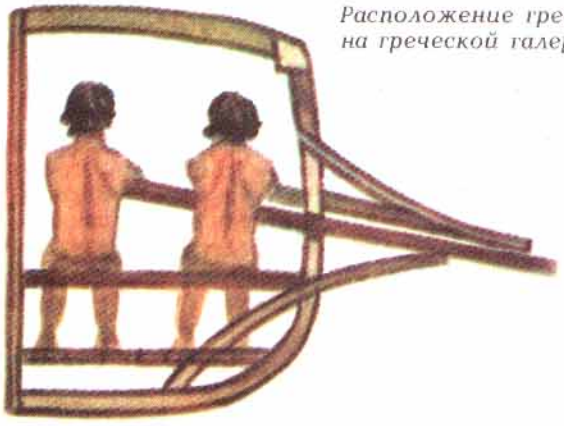
Вдоль побережья, держа курс на Сарнедонский мыс, шел флот. Посмотри школьную карту Греции. На северо-востоке страны есть полуостров Акта, его оконечность называется мыс Афон. Однажды у этого мыса в бурю погибло много персидских кораблей. Помня об этом, Ксеркс велел в узкой части полуострова прорыть канал и по нему обойти проклятое место. «Если мое предположение правильно,— пишет Геродот,— то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия. Он желал показать свое могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь все же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на веслах».

Пройдя канал, корабли направились к острову Эвбея. (Найди его на карте.) У северной оконечности острова, около мыса Артемисий, где был храм богини Артемиды, флот остановился. Эта позиция была очень важная. Совсем недалеко по берегу пролегала единственная дорога, ведущая

Римский корабль.



Персидские воины.

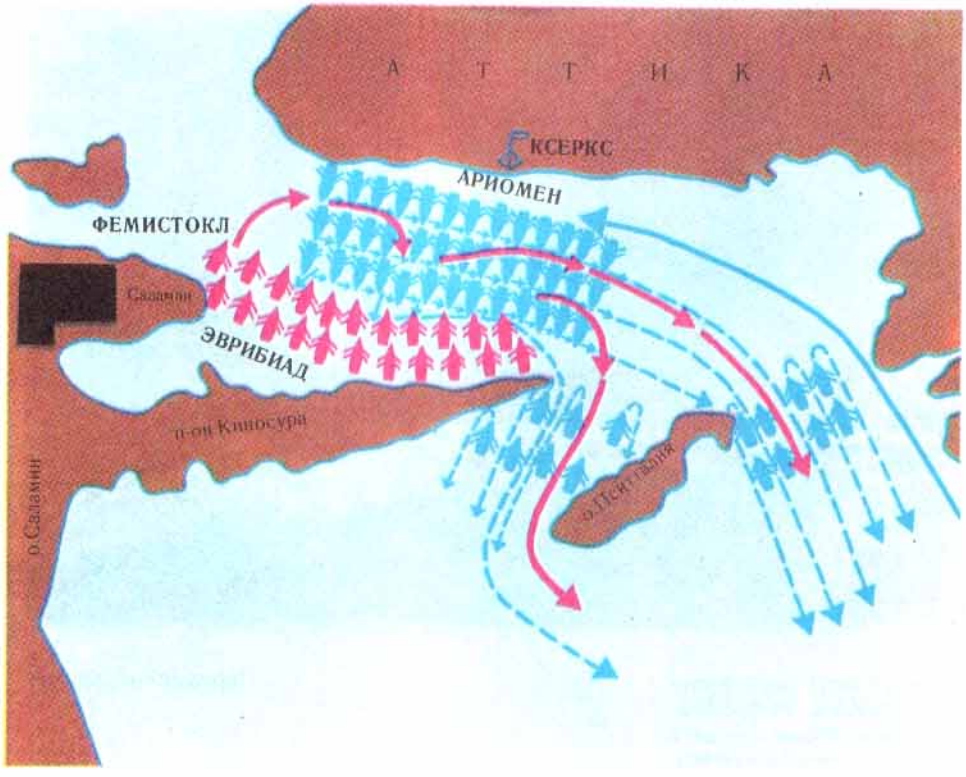


Расположение гребцов на греческой галере.

Саламинское сражение. 480 год до н. э.

единились в единый военно-оборонительный союз, во главе которого стали наиболее сильные и влиятельные в Греции города-государства Афины и Спарта. Было два мнения о том, как вести военные действия. Одни считали, что нужно создать сильную сухопутную армию, поскольку у персов она очень большая. Другие, во главе с афинским флотоводцем Фемистоклом, считали, что такую армию греки никогда собрать не смогут. Поэтому они предлагали все средства отдать строительству флота. Если греческий флот разобьет персов, говорил Фемистокл, сухопутная армия Ксеркса сама уйдет из Греции, потому что армия, отрезанная от Персии, останется без продовольствия. В трудных спорах победили сторонники Фемистокла.

К началу войны в объединенном флоте греков было 270 кораблей, из них 127 дали Афины.



Греческий флот.

Персидский флот.

Атака греческого флота.

Ночной переход персидских кораблей из бухты Фалерон.

Отступление персидского флота.

в глубь страны. У Фермопил дорога сужалась настолько, что по ней могла ехать только одна повозка, там же поперек дороги была возведена каменная стена. Персы справедливо предполагали, что в этом месте они встретят сопротивление греков. Тогда они со своих кораблей высадили бы в тылу греческих войск десант.

ГРЕКИ ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ

Мы все время говорим о персах. А что делают греки ввиду нависшей опасности?

Греческие города-государства — больше тридцати,— забыв на время внутренние распри, объ-

270 и свыше тысячи! Какой огромный перевес у персов! Грекам надо поднимать руки и сдаваться... А военное искусство? Оно удесятеряет силы. Еще прибавляет силу сознание того, что ты защищаешь родную землю.

ПЕРВЫЕ БОИ НА МОРЕ

Как предполагали персы, греки заняли оборону у Фермопил. Возле мыса Артемисий, поблизости от стоянки персидского флота, еще раньше встали греческие корабли. Персы намеревались высадить десант в тылу защитников Фермопильского прохода, а греки мешали этому. Они так искусно расположили корабли, используя очертания бухты, что закрыли подходы к берегу и лишили персов возможности действовать большим числом судов.

Планы морской войны разработал афинский флотоводец Фемистокл. Но спартанцы потребовали, чтобы наварх-флотоводцем был житель Спарты Эврибиад. Афиняне согласились. Они, по словам Геродота, «знали, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собой из-за преобладания... Внутренние смуты настолько хуже войны, ведомой единодушно, насколько война хуже мира». Однако Фемистокл не устранился от руководства флотом, всеми правдами и неправдами осуществлял свои замыслы.

Увидев огромный персидский флот, Эврибиад и другие морские начальники решили отходить к Пелопоннесу — южной части Греции. Там была Спарта, там спешно возводились укрепления и стены вокруг городов. В Пелопоннесе сосредоточились и основные сухопутные силы греков. Фемистокл убедил все же Эврибиада остаться у Артемисия.

Поскольку персы не могли напасть на греков всем флотом, решающего сражения не было. В течение трех дней произошло несколько боевых столкновений. Группа персидских кораблей напала на три сторожевых корабля греков. Первая триера — трезенская — была в скором времени взята на абордаж и захвачена. Самого красивого греческого воина, имя которого к тому же было Леонт — Лев, персы принесли в жертву своему божеству — убили. Другая триера — эгинская — оказала жестокое сопротивление. Ее взяли только тогда, когда все воины на ней были убиты. На этом корабле особенно мужественно сражался один из воинов — Пифей. Из уважения к его храбрости персы решили сохранить ему жизнь, перевязали многочисленные раны и оставили у себя на корабле как почетного пленника.

В других схватках удача была на стороне греков. Им удалось захватить 15 неприятельских кораблей, отставших от основной массы флота.

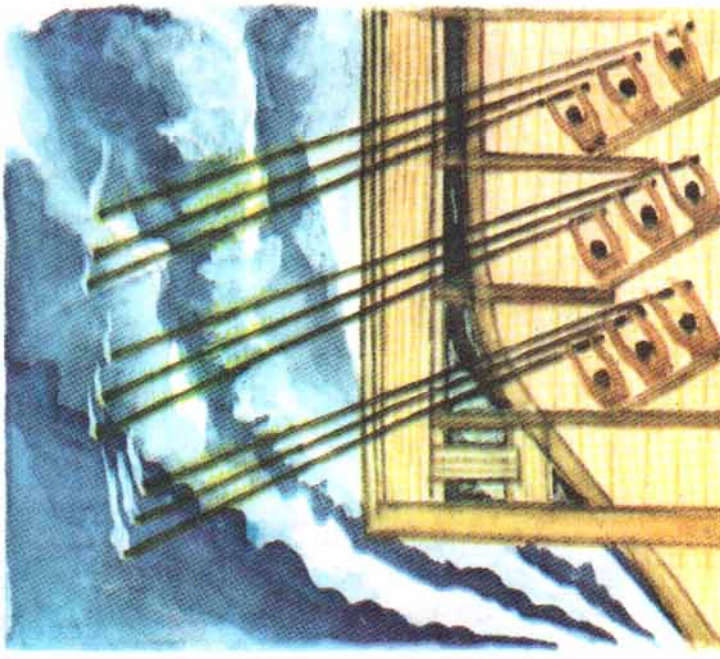
Тридцать кораблей они захватили у Артемисия в кровопролитном бою, который длился с полудня до ночи. «С наступлением темноты (лето было в разгаре) разразился страшный ливень на всю ночь, и с Пелиона гремели сухие раскаты грома. Мертвые же тела и обломки кораблей [течением] принесло к Афетам и прибило к носам персидских кораблей, и они запутались в лопастях корабельных весел».

Первые победы принесли грекам надежду, они убедились, что страшного врага можно бить. В стане же Ксеркса были уныние и досада. Хотя потери по отношению ко всему флоту можно было не принимать в расчет, персов озадачило такое начало войны.

БИТВА У ФЕРМОПИЛ

Еще большее впечатление на персов произвела битва в Фермопильском ущелье. Греки на его оборону послали несколько тысяч воинов во главе с царем Спарты Леонидом. Быстроходный корабль поддерживал связь между сухопутным отрядом и флотом, стоявшим у Артемисия.

Сражение у Фермопил проходило в то же время, что и морское. Ксерксу поставили на горе кресло. Сидя в нем, он смотрел, как гибнут его воины, гонимые в атаку бичами, и как доблестно бьются греки. Погиб отряд мидян. За ним погиб отряд киссеев. Утром нового дня Ксеркс бросил против



Расположение гребцов на греческой триере.

греков «бессмертных» — тех персов, что шли в походе за колесницей царя с поднятыми копьями. Персы сражались храбро, но тоже не избежали гибели. Леонид разделил свое войско на отряды — по вооружению и по народности. Одни отряды сражались, другие в это время отдыхали, а потом сменяли уставших и раненых.

«Во время этих схваток царь,— пишет Геродот,— наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона». Может быть, Ксерксу и не было страшно, однако понять его состояние можно: огромное войско остановилось перед горсткой героев.

Нашелся предатель — из людей, живших в горах и знавших местность. Он провел персов тропою в тыл грекам. Видя безвыходность положения, Леонид приказал всем уходить в Пелопоннес, а сам с тремя сотнями спартанцев остался прикрыть отход. Персы напали на мужественных бойцов со

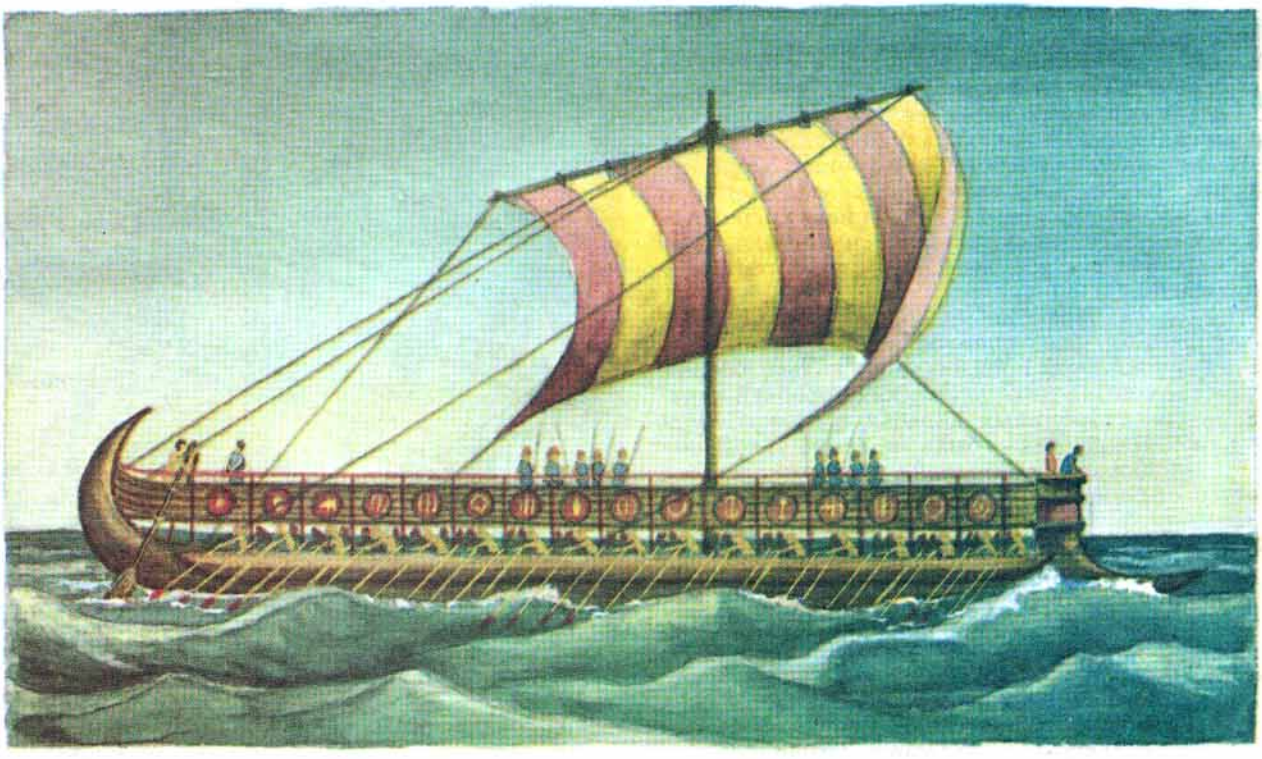
всех сторон. Спартанцы «защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел...» (Геродот).

Как только известие о гибели защитников Фермопильского прохода получили на флоте, греческие корабли, поскольку их пребывание у Артемисия было теперь бесполезным, отошли к острову Саламин.

Между греческими военачальниками снова начались споры. Большинство предлагало организовать сопротивление персам на узком Коринфском перешейке, которым Пелопоннес соединяется со средней частью страны. Туда же предлагали отвести флот. Фемистокл приходил в отчаяние от мысли, что будет отвергнуто его предложение дать морское сражение у Саламина. Флот персов, гнавшийся за греческим, уже сосредоточивался поблизости, в Пирее.

может стать Саламинский пролив: он узкий, в нем много мелей и подводных камней, персидским кораблям в нем будет тесно, все они одновременно не смогут войти в сражение».

Так думал Фемистокл и страшился, что будет упущен час, который может благополучно решить судьбу Греции. Он, видимо, очень надоел своими советами Эврибиаду. Тот на военном совещании, как наварх, поднял палку, чтобы ударить его. В отчаянии и ярости Фемистокл крикнул Эврибиаду: «Ударь, но выслушай!» И вот бывает так: много раз слышали одно и то же, каждый раз отвергали, и вдруг все поняли, что отвергали напрасно, что лучшего и вернейшего в сложившейся обстановке придумать нельзя. Правда, Фемистокл и припугнул союзников. Женщины, дети, старики из Афин укрылись от врага на Саламине. Фемистокл сказал, что его корабли, если не будет тут сражения, заберут беженцев и уйдут в Италию.

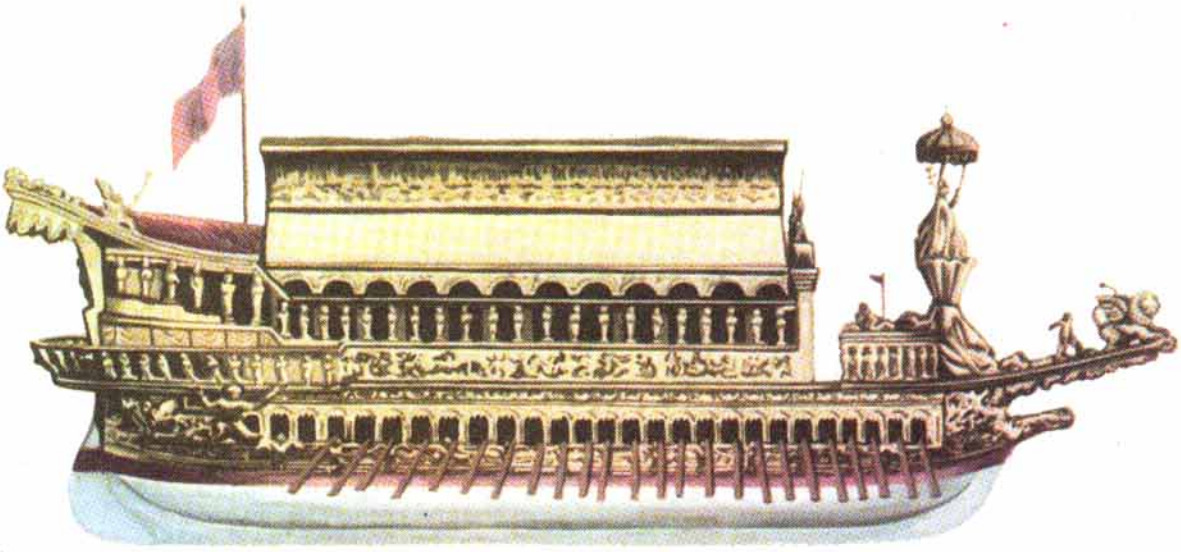


Финикийский корабль.

Мудрый флотоводец рассуждал: «В сражениях на суше персов не одолеть, их очень много. Они уже заняли почти всю страну. Афины разрушили и сожгли, сровняли с землей множество других городов, побили граждан, все съели, даже озера выпили. На Коринфском перешейке их не удержать. Ксеркс завалит трупами своих воинов море, и по ним в Пелопоннес войдут живые. Конечно, и флот персов превосходит численность греческих, но это превосходство не такое большое, как в сухопутных силах. Если заставить персов сражаться только частью имеющихся у них кораблей, если повторить Фермопилы на море, то можно вырвать победу. Морскими Фермопилами

Потерять таким образом половину флота союзники не решились. Было намечено дать сражение в Саламинском проливе, используя его узкости.

Геродот пишет, что и после этого все еще шли споры. Фемистокл будто бы послал — под видом перебежчика — преданного слугу в стан Ксеркса сказать, чтобы персы торопились запереть в проливе греческий флот, иначе он уйдет в Пелопоннес. Так это или не так, но в ночь перед боем персидский флот перешел из бухты Фалерон в Саламинский пролив и стал занимать позицию у материкового берега — напротив греческого флота.



Византийское судно.

Астролябия.

Приспособление для подъема парусов.

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

Посмотрим схему Саламинского сражения. Корабли, стоящие в две линии у Саламина,— греческие. Флот греков пополнился новыми судами, и их теперь 380; фланги греческого флота упираются в прибрежные отмели и прикрыты от ударов. У берега Аттики в три линии стоят корабли персов. Их фланги открыты. Всему персидскому флоту места в проливе не хватило, часть кораблей заняли входы в пролив, чтобы в случае бегства перехватить греческие триеры.

На остров Пситталия персы высадили воинов; они должны убивать греков и спасать своих, которые будут плыть с потопленных кораблей.

Персидским флотом — больше 1000 кораблей — командует брат Ксеркса Ариомен. Греческим командует Эврибиад, афинские корабли, стоящие на левом фланге, подчиняются Фемистоклу.

Сентябрьская ночь стоит над Эгейским морем. Роковая ночь для Ксеркса. Выходил ли он тогда на берег? Видел ли, как малы промежутки между его триерами — всего три метра от весел одного корабля до весел соседнего? Думал ли он о гребцах, силы которых истощаются при ночном перестроении? Ксеркс не понимал, что попал в ловушку. Он и не мог быть осторожным, он привык, что все желания властелина всегда исполняются.

Наступило утро 27 сентября 480 года до н. э. Сражение началось. Ксерксу опять поставили на возвышении кресло: царь все видит, храбрых он одарит золотом, землями, рабами, высокими и хлебными должностями, а трусов казнит. Не правда ли, странная роль для главнокомандующего? Как легко и приятно было бы занимать важный пост, если бы роль и обязанности руководителя сводились к раздаче наград и взысканий!

Первыми двинулись в атаку афинские корабли. Им противостояли корабли финикийцев. Фемистокл, находившийся на левом фланге своего флота, правильно оценил слабые места боевого построения персов и решительно атаковал. Греческие триеры, развив большую скорость, таранили неприятельские суда, били коваными носами в борт, ломали весла. В тесноте финикийские корабли мешали друг другу, скорости у них не было, и тараны не пробивали кораблей Фемистокла.

Следом за левым флангом на персов устремились центр и правый фланг.

Одна из афинских триер протаранила корабль, на котором находился командующий флотом персов Ариомен. Завязался абордажный бой. Персы пытались перейти на палубу греческого корабля. В рукопашной схватке Ариомен был убит.

Правый фланг персов пришел в расстройство. Многие корабли, спасаясь от таранных ударов, начали пробиваться к выходу из пролива. Видя беду и зная, что Ксеркс следит за ними, начальники второй и третьей линий приказали своим кораблям вступить в бой. Это только увеличило сутолоку и неразбериху в боевых порядках персов. Греки, ободренные успехом, действовали хладнокровно, тщательно выбирали цель, точно таранили ее, завязывали абордажные схватки.

В разгар сражения отряд греков высадился на Пситталию и перебил там персов.

В первой схватке флотов персы захватили эгинский корабль и самому храброму греку Пифею — ты помнишь это! — даровали жизнь. Теперь эта триера была взята в плен, храбрый воин оказался у своих.

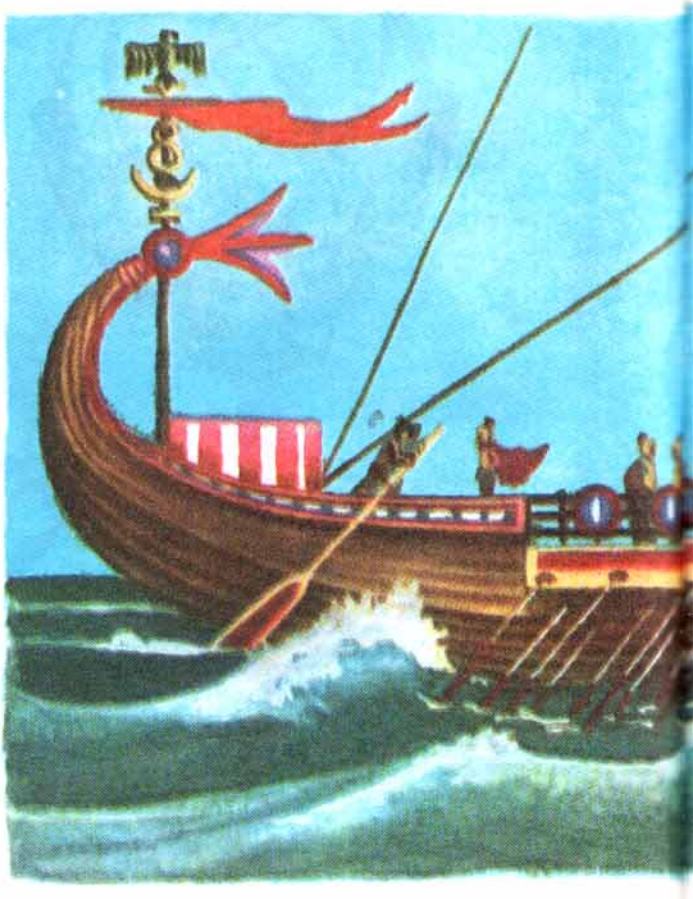
Эгиняне сражались не менее отважно, чем афиняне. Когда персидский флот в замешательстве бросился бежать из пролива, эгиняне своими кораблями устроили засаду, и несколько кораблей, убегавших от афинян, попали в руки эгинян.

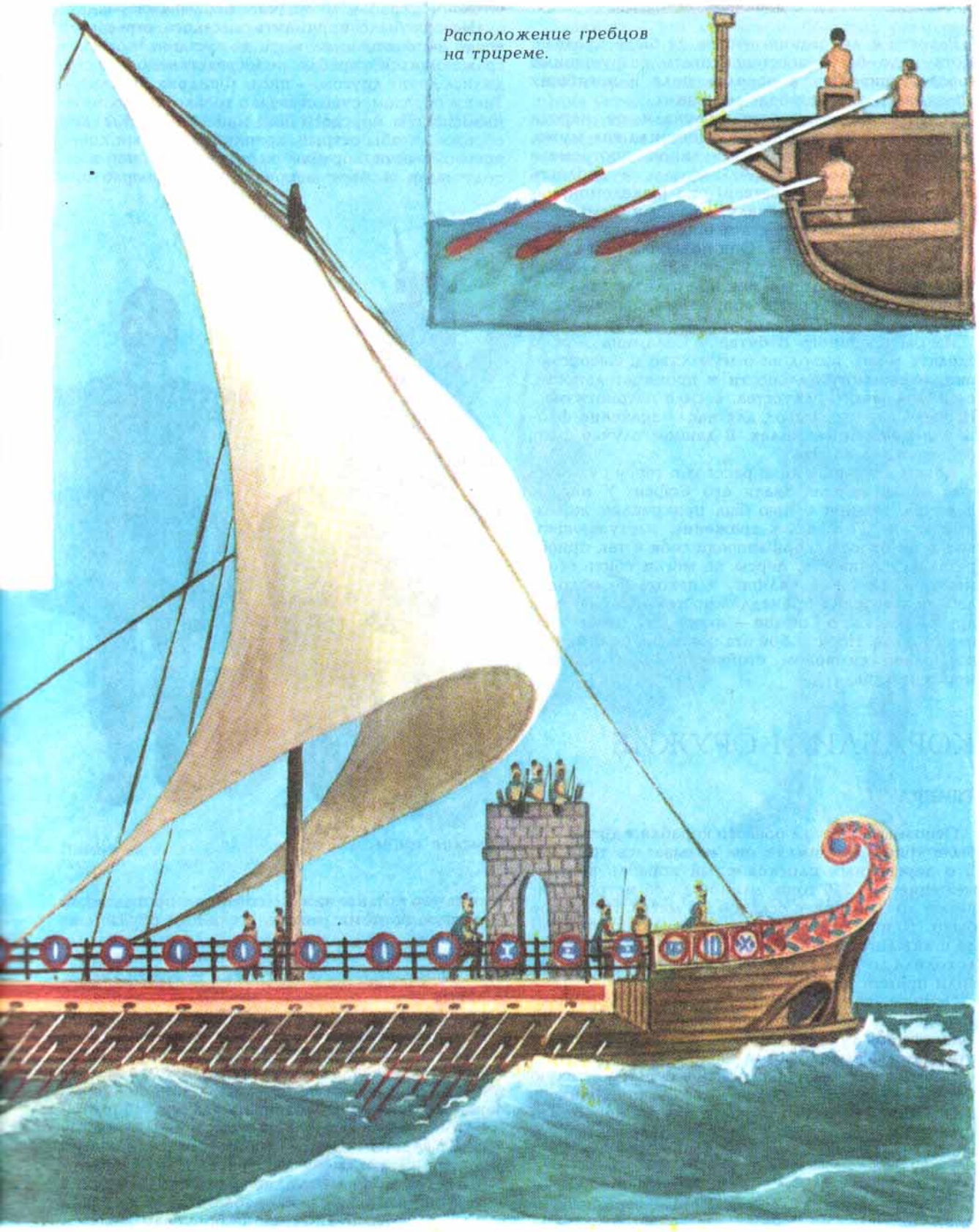
Двести кораблей потеряли персы у Саламина. Греки только сорок. Так закончилось Саламинское сражение.

Напуганный разгромом флота, Ксеркс решил возвращаться в Персию. Под угрозой оказалось снабжение сухопутной армии. Ободренные победой греков, начали готовить восстание многие покоренные персами народы.

В азарте греческие флотоводцы намеревались послать свои корабли, чтобы разрушить переправу через Геллеспонт. Но вскоре отказались от своего намерения, рассудив, что по исправным мостам Ксеркс быстрее уберется из Греции.

Римская трирема.





Расположение гребцов на триреме.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Радости и ликованию греков не было предела. Хотя надо было восстанавливать разрушенные города, приводить в порядок поля и погибших оплакивать, главная беда миновала.

Всевозможные почести получали от народа герои сражений. «...Слава Фемистокла как мужа, безусловно умнейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе... Правда, награду за доблесть [венок из оливковых ветвей] они [лакедемоняне-спартанцы] дали Эврибиаду, а самому Фемистоклу — награду за мудрость и проницательность — также оливковый венок. Они подарили ему также колесницу, самую прекрасную в Спарте. Осыпав Фемистокла похвалами, они при отъезде дали ему свиту из 300 отборных спартанцев, называемых «всадниками»...» (Геродот).

Из рассказанного о битве у Саламина можно сделать много выводов: о мужестве и высокомерии, о неосмотрительности и проницательности, о силе военного искусства, о силе патриотизма... И очень важный вывод для нас — значение флота в вооруженных силах. В данном случае флот решил исход войны.

Дошел до наших дней рассказ о герое сухопутных войск греков. Звали его Софан. У него к панцирю медной цепью был прикреплен железный якорь. Готовясь к сражению наступающего врага, он бросал якорь впереди себя и так приобретал устойчивость, персы не могли сбить его с места копьем. Как видишь, и пехота не обходилась без морских принадлежностей. Правда, есть другой рассказ о Софане — якорь был изображен на его щите. Нас с тобой эта поправка не огорчит, все равно символом стойкости была избрана морская вещь.

КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ

ТРИЕРА

Основным классом боевого корабля в древности была триера. У римлян она называлась трирема. Это деревянный плоскодонный корабль водоизмещением до 250 тонн, длиной до 45 метров, шириной до 6 метров, с осадкой 2,5 метра. На триере было 150 и более весел, расположенных в три ряда с каждого борта. Скорость корабля на веслах доходила до 7—8 узлов*. При попутном ветре ставили прямой парус.

Экипаж состоял из 16 матросов, кормчего, 150 гребцов и 50 воинов, вооруженных для абордажного боя луками, копьями, дротиками, мечами и щитами. Командовал кораблем триерарх.

Плавали триеры и сражались у берегов в тихую погоду. Даже при небольшой волне приходилось весла нижнего ряда втягивать внутрь корабля, а отверстия — весельные порты — закрывать кожаными матами.

Главное оружие триеры — таран завершал форштевень корабля и обычно оковывался медью.

«Нельзя было причинить никакого серьезного вреда неприятелю на море до тех пор, пока оба сражающихся корабля непосредственно не сходились друг с другом,— писал Фридрих Энгельс.— Таким образом, существовало только два возможных способа морского боя: маневрировать таким образом, чтобы острый, крепкий железный конец носовой части корабля со всей силой нанес на ходу удар в борт неприятельского корабля и пустил его ко дну; или же сойтись с противником вплотную бортами и взять его таким образом на абордаж».

Римские воины.

ВОРОН

Римляне имели очень сильную пехоту. Их воины-легионеры прекрасно владели мечом и копьем. Римские военачальники решили использовать в морских боях преимущества своих воинов в рукопашном бою и стали развивать тактику абордажного боя. Свои корабли, кроме тарана, они оснастили воронами. Клюв ворона — остроконечный тяжелый слиток металла, туловище — абордажный мостик, причем его длина превосходила длину тарана неприятельского корабля. При сближении с судном противника римляне обрубали веревку,

---

* У з е л — единица скорости корабля, соответствующая одной миле в час. Морская миля равна 1852 метрам.

державшую ворон в поднятом положении,— металлический клюв падал, пробивал палубу корабля противника, застревал в ней, легионеры по мостику бросались на вражеский корабль и решали исход боя рукопашной схваткой.

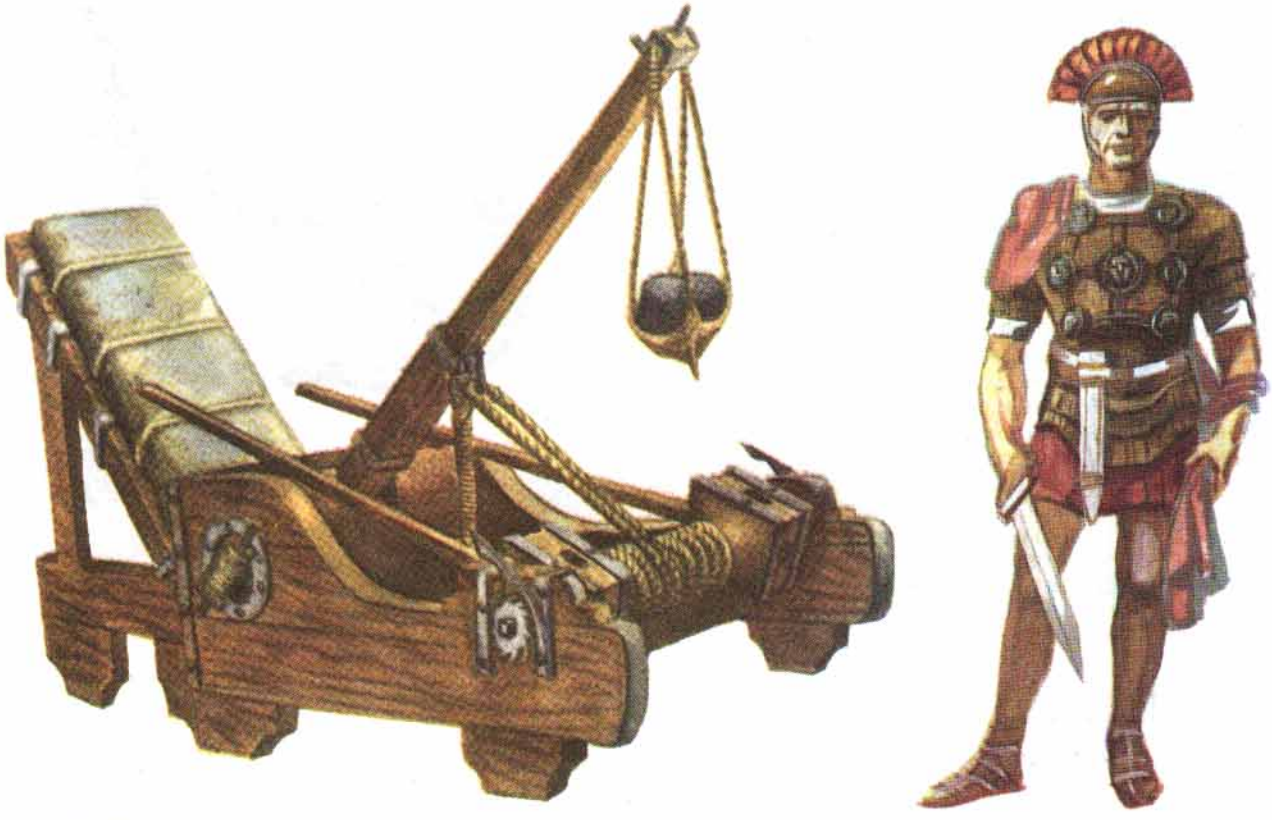
МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ НА ПАЛУБАХ

Римляне первыми догадались ставить на палубах больших кораблей метательные машины — баллисты и катапульты. Морской бой начинался теперь обстрелом неприятеля, потом уже следовали таранный удар и абордаж.

Удачно применил метательные машины Гай Юлий Цезарь. В 55 году до н. э. он совершил нападение на Британию. Корабли Цезаря вышли из Итиса (теперь Булонь во Франции), пересекли Ла-Манш и намеревались высадить десант. У британцев в те времена флота не было. Их пехота и конница, превосходившие войско Цезаря, двигались по берегу, следя за кораблями. У низкого берега римляне начали высаживаться. Британцы засыпали их стрелами, а затем бросили против десанта конницу и боевые колесницы. Тогда римляне принялись обстреливать неприятеля из катапульт и баллист, установленных на кораблях. Британцы не выдержали обстрела и бежали.

БАЛЛИСТА

Баллиста — это лук очень больших размеров. Выстреливала камни, тяжелые стрелы, копья, окованные железом бревна на расстояние до 1000 метров. Машина употреблялась для разрушения укреплений и кораблей. Окованное бревно, выпущенное из баллисты, пробивало четыре ряда частокола по отлогой траектории. Натяжение тетивы баллисты занимало от пятнадцати минут до часа. Обслуживали машину несколько воинов.



Катапульта.

Разновидностью баллисты был «скорпион» — машина меньших размеров, видом несколько напоминавшая это насекомое: желобообразный ствол орудия — длинное тело скорпиона, лук — его клешни. Тетиву баллист и «скорпионов» делали из конских волос или бычьих кишок, скрученных в толстые жгуты.

КАТАПУЛЬТА

Эта машина бросала камни, горшки и бочки с горючей смесью на расстояние до 400 метров. Несколько воинов с помощью ворота закручивали жгут из бычьих сухожилий, в котором был закреплен рычаг с ложкой на верхнем конце. При выстреле жгут мгновенно раскручивался, с силой поворачивал рычаг, рычаг ударялся о перекладину, и снаряд вылетал из ложки.

Снаряды катапульты летели круто вверх. Эта особенность машин использовалась при защите крепостей от римлян. Римляне ходили на приступ в строю «черепаха» — сомкнутой колонной, прикрываясь, как крышей, плотно сдвинутыми над головами щитами; воины первой шеренги и крайних рядов закрывали колонну щитами спереди и с боков. Для стрел и легких копий такой строй был неуязвим. Разрушить его можно было только с помощью катапульт. Камни, падая на «черепаху» сверху, ломали щиты и убивали легионеров. По разрушенной «черепахе» затем стреляли из луков. Сами римляне тоже пользовались катапультами. Они усовершенствовали эту машину, сделали ее легче и подвижнее, а называли «онагр», то есть «осел». Скрип при вращении ворота напоминал крик осла.

ОБ УКРАШЕНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Верно, из всех творений рук человеческих самые красивые — это корабли. Их удлиненные благородные формы приятны и для глаз и для сердца. Волны, ветер, течения, то есть среда, в которой живет корабль, категорически требовали от корабелов изящной работы. Можно сказать, что корабль создан человеком и морем совместно. Плохой корабль море не терпит.

Особо тщательно делались боевые корабли. К ним относились как к большим и сильным героям. И не жалели мастерства для украшения кораблей. Головой льва украшали нос корабля древние египтяне. Финикийцы нос корабля делали в виде лошадиной головы, а корму в виде хвоста рыбы. Древние греки на корме боевых судов воздвигали изящный цветок из дерева. У римских трирем над таранами были скульптурные изображения львов, тигров, носорогов.

ВОИНСКИЙ ПОДВИГ АРХИМЕДА

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Средиземное море — море «среди земли», между Европой, Азией и Африкой. Площадь 2,5 миллиона квадратных километров. Глубины достигают более 5000 метров. Большие полуострова и острова разделяют его на несколько морей: Балеарское, Тирренское, Адриатическое, Ионическое, Эгейское и Кипрское. Через Гибралтарский пролив море соединяется с Атлантическим океаном, через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор — с Черным морем, через Суэцкий канал — с Красным.

Воды Средиземного моря омывают многие страны: Испанию, Францию, Мальту, Италию, Югославию, Албанию, Грецию, Турцию, Кипр, Ливан, Сирию, Израиль, Египет, Ливию, Тунис, Алжир, Марокко.

С древнейших времен и до наших дней Средиземное море является одним из важнейших районов судоходства. Наше знакомство с ним начнем рассказом об обороне морекой крепости Сиракузы.

Говоря о минувших войнах — а их за историю человечества было 15 тысяч,— нельзя не сказать еще об одном древнегреческом ученом-математике и механике, Архимеде. Он, как и Аристотель, превыше всего ценил науку. В ней — в размышлениях, опытах, вычислениях — находил истинное счастье. Но математика и механика Архимеда служили и военному делу. Его рычаги, блоки, полиспасты помогали людям поднимать и переносить большие тяжести, а это было важно при

Якоря и носовые украшения кораблей.

строительстве крепостей и защите их с суши и моря. Ученый придумал и построил много военных машин. Было ему семьдесят четыре года, когда он, как военный инженер, возглавил оборону родных Сиракуз.

Шла вторая Пуническая война. Рабовладельцы Рима и рабовладельцы Карфагена оспаривали господство в Средиземном море, на его островах и в прилегающих к нему странах. Жестокие, кровопролитные сражения шли на суше и на море. Сиракузы в то время были независимым городом-государством греков, самым влиятельным на Сицилии. Римляне, благо до острова рукой подать, постоянно вмешивались в дела соседа, навязывали ему свою политику. В 213 году до н. э. Сиракузы восстали против римлян, они стали таким образом как бы союзником Карфагена.

Римские войска под командованием консула Марцеллы высадились в Сицилии и начали штурм города. Одновременно к городу подошел неприятельский флот в составе 60 кораблей. Они также приняли участие в штурме. Большие надежды возлагались на осадную башню. Это огромное сооружение с тараном и штурмовыми лестницами

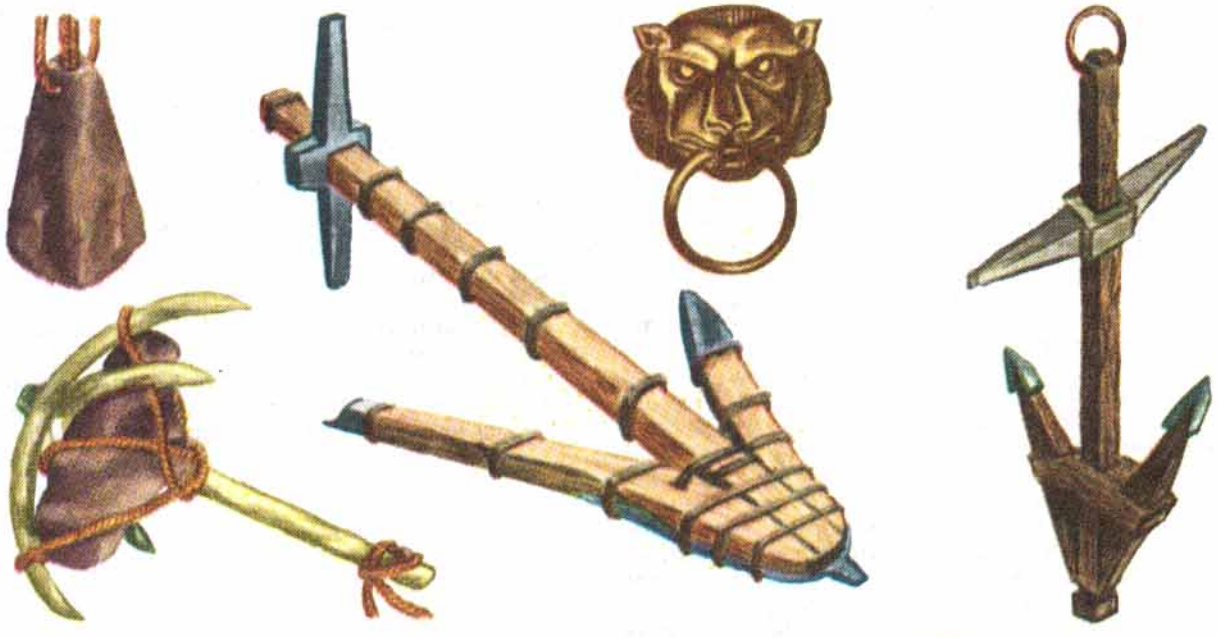
стояло на восьми соединенных друг с другом кораблях. Поскольку город был окружен крепкими стенами, уходившими отвесно в море, римляне предполагали подвести таран к стене и разрушить ее (По другим сведениям, у римлян были четыре осадные башни, стоявшие на кораблях, соединенных по двое.)

Что было дальше? Послушаем историка Плутарха.

«Итак, римляне напали с двух сторон, и сиракузяне растерялись и притихли от страха, полагая, что им нечем сдержать столь грозную силу. Но тут Архимед пустил в ход свои машины, и в неприятеля, наступающего с суши, понеслись всевозможных размеров стрелы и огромные каменные глыбы, летевшие с невероятным шумом и чудовищной скоростью,— они сокрушали все и всех на своем пути и приводили в расстройство боевые ряды,— а на вражеские суда вдруг стали опускаться укрепленные на стенах брусья и либо топили их силой толчка, либо, схватив железными руками или клювами вроде журавлиных, вытаскивали носом вверх из воды, а потом кормою вперед пускали ко дну... Нередко взору открывалось ужасное зрелище: поднятый высоко над морем корабль раскачивался в разные стороны до тех пор, пока все до последнего человека не оказывались сброшенными за борт или разнесенными в клочья, а опустевшее судно разбивалось о стену или снова падало на воду, когда железные челюсти разжимались.

Машина, которую Марцелл поставил на поплавок из восьми судов, называлась «самбука», потому что очертаниями несколько напоминала этот музыкальный инструмент [типа арфы], не успела она приблизиться к стене, как в нее полетел камень весом в десять талантов (три центнера), затем другой и третий. С огромной силой и оглушительным лязгом они обрушились на машину, разбили ее основание, расшатали скрепы и...» Тут текст у Плутарха испорчен, прочитать его не удалось. А следующая сохранившаяся фраза такая: «Марцелл, не видя иного выхода, и сам поспешно отплыл, и сухопутным войскам приказал отступить».

Историки, жившие до Плутарха, писали еще и о том, что Архимед не только разрушал римские корабли, но и поджигал их невидимым «солнечным огнем». Вероятно, этот-то огонь больше все-



Архимед.

го испугал Марцелла, заставил «поспешно отплыть».

Не сумев взять Сиракузы штурмом, римляне начали длительную осаду города. После восьмимесячной обороны Сиракузы пали. Марцелл, разъяренный многими потерями и долгими неудачами, отдал богатый, цветущий город на разграбление своим войскам. Начались убийства, насилия, грабежи, повсюду запылали пожары. Архимед уже ничем не мог облегчить участь сограждан. Он знал, что наступили последние часы его жизни. Он не впал в отчаяние, не думал просить у врага пощады. Старик сидел дома на полу, посыпанном песком, и чертил фигуры: на песке их было удобно чертить и стирать. Какая-то новая математическая идея занимала его. Когда в дом ворвался легионер, ученый сказал: «Не трогай моих чертежей!» Это были последние слова Архимеда. Римлянин ударил его мечом и убил. Так погиб великий ученый и патриот.

Легендой считалось упоминание древних историков о том, что часть римских кораблей Архимед сжег с помощью солнечных лучей. Но вот в 1973 году многие газеты мира поместили сообщение из Афин:

«Согласно преданию Архимед, проделав необходимые расчеты, выстроил воинов греческого войска так искусно, что их поднятые щиты составили некоторое подобие огромного зеркала, сфокусировавшего солнечные лучи на место скопления кораблей римского флота. Корабли, сделанные из легковоспламеняющегося кедра и просмоленные, запылали, не успев встать на якорь. Многим ученым история Архимеда не давала покоя. И вот недавно один из них, Иоанис Сакас, решил провести эксперимент. В порту Скараманга, недалеко от Афин, по его распоряжению выстроились несколько десятков солдат. Каждый держал лист меди размером 91×50 сантиметров, отполированный до зеркального блеска. На расстоянии около 50 метров от берега поставили трирему, которую сделали специально и пропитали смолой по рецепту древних. По команде Сакаса солдаты несколько раз поднимали щитообразные зеркала — ученый искал нужный угол, чтобы сфокусировать солнечные лучи на корабль. И вдруг корабль задымился, а затем вспыхнул ярким пламенем».

Так спустя 2186 лет был подтвержден факт сожжения кораблей солнечными лучами.

О СПРАВЕДЛИВЫХ И НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ВОЙНАХ

Мы условились вернуться к словам Аристотеля о войнах. Напомню, он говорил: «Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива».

Мы знаем, мы убеждены, что людей, которые «предназначены к подчинению», нет. Делить людей на прирожденных господ и прирожденных рабов можно только в величайшем заблуждении или, что бывает чаще, по злому умыслу. Буржуазные философы, готовя народ своей страны к захватнической войне, обвиняют другой народ в неполноценности — чтобы, как говорится, было за что бить, чтобы бьющих не мучила совесть. «Бей его, не стесняйся, он и родился, чтобы его били». Совершенно очевидно, такую войну нельзя и назвать справедливой.

Но можно ли вообще рядом со словом «война» ставить слово «справедливая»? Во всех войнах гибли люди, разрушались города, горели деревни, дети оставались сиротами, а старики — без кормильцев. Огромными массами люди покидали родные места, начинались болезни, голод...

И все же, несмотря на то, что война всегда бедствие, справедливые войны бывают.

Когда мы с тобой говорили о Саламинском сражении, нам ведь очень хотелось, чтобы победили греки. Они защищали свою родину от нашествия персов, значит, они вели войну справедливую. Войну несправедливую, захватническую вели персы: они хотели присвоить чужие земли, чужое добро, хотели господствовать над другим народом.

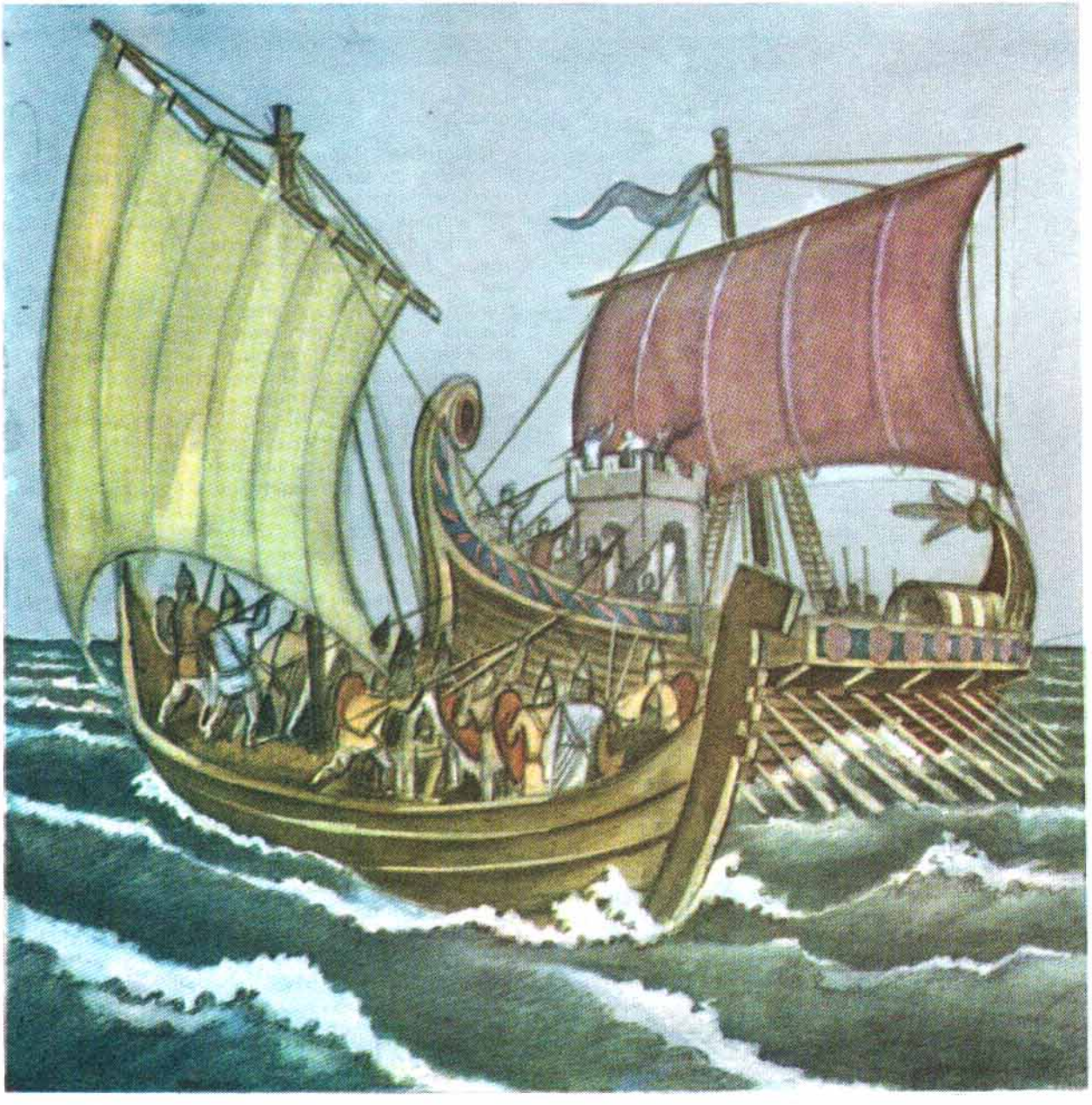
Нам предстоит побывать на многих войнах — книга ведь только начинается. Каждый раз мы с тобой будем занимать сторону тех, кто защищается от захватчиков, кто воюет с угнетателями, кто поднялся на борьбу за независимость и свободу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТАРШИНСКАЯ

Русский флот, который считают сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности бóльшие права на древность, чем флот британский. ...Тысячу лет назад первейшими моряками своего времени были они — русские.

Ф. Дженн, английский историк



ЛАДЬИ В РУССКОМ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Черное море расположено между материковым берегом Европы, Крымским полуостровом, горами Кавказа и северным побережьем Малой Азии. Наибольшая протяженность — 1148 километров. Наибольшая ширина — 615 километров, наименьшая — 263 километра. Наибольшая глубина — 2211 метров. На северо-востоке Керченским проливом соединяется с Азовским морем, на юго-западе проливом Босфор — с Мраморным. Омывает берега СССР, Румынии, Болгарии и Турции. На Черном море всего несколько островов, самый большой Змеиный, площадью 0,17 квадратного километра.*

ПРОЛИВ БОСФОР

Соединяет Черное море с Мраморным. Длина около 30 километров. Похож на извилистую реку с обрывистыми берегами. Ширина от 750 метров до 3,7 километра, наименьшая глубина на фарватере 33 метра. В проливе два течения: придонное из Мраморного моря в Черное и поверхностное — из Черного, уровень которого чуть выше Мраморного. Правила плавания по Босфору необычны, здесь левостороннее движение. Суда, идущие на юг, придерживаются малоазийского берега, используя основную струю попутного течения. Те, что идут на север, придерживаются европейского берега, мысы которого ослабляют силу встречного течения.

В переводе с греческого Босфор — Коровий брод. Как рассказывает миф, бог Зевс полюбил красавицу Ио, а чтобы укрыть от посторонних глаз, превратил ее в белоснежную корову. Но жена Зевса Гера догадалась обо всем и в гневе напустила на Ио свирепого овода. Убегая от овода из Европы в Азию, Ио перебралась через пролив.

Теперь мы с тобой, читатель, из Древней Греции и Древнего Рима перенесемся на тысячу лет вперед — к восточным славянам. Не очень ли широко шагнули мы? Так ведь можно что-то важное проглядеть. За десять-то веков сколько битв на морях прогремело... Нет, наш широкий шаг оправдан. На протяжении многих столетий ни корабли, ни оружие почти не менялись. Поэтому и способы боя тоже оставались почти неизменными. А они уже нам известны.

Но в военно-морском искусстве славян, в их корабельном деле было много самобытного, не такого, как в странах Средиземноморья. Новая глава — Старшинская — о мореходах-славянах.

* В старину произносили «Чермное» море. «Чермный» значило темно-красный, багровый. Слово в родстве с «червонный», то есть красный, алый.

. . .

В далекие времена Черное море называлось понтом Эвксинским, в переводе с греческого — морем Гостеприимным. Греки, чтобы снабжать свою страну пшеницей и вести торговлю, основали на Черноморском побережье много колоний, построили города, оборудовали гавани. Моряки Афин или Спарты после долгого опасного плавания, после бурь и штормов действительно находили у своих соотечественников гостеприимство, радушие, покойный отдых.

ским городам с их ремеслами и торговлей. На Византию, подобно штормовым валам, накатывались готы, гунны, авары, болгары, славяне-склавины, славяне-анты.

Анты жили между Дунаем и Северным Донцом, их южной границей было Черное море. Свое начало анты вели от венедов, упоминавшихся римскими историками еще в I веке нашей эры. Сами же анты дали начало руссам.

Руссы, предки русских, украинцев и белорусов, унаследовали от антов многие черты харак-

Черное море.

Позже море называли Русским. Названия не меняются просто так, не даются даром. Должны были возникнуть веские основания для этого.

В том районе, о котором мы говорим, ко времени смены названия произошли огромные перемены. Греции, такой, какой мы видели ее при Фемистокле, уже не было. Несколько столетий она числилась провинцией Рима и еще несколько столетий — провинцией Византии (или Восточно-Римской империи).

И сама Византия уже вступила в пору заката. Внутри империи не утихали восстания рабов. К тому же шло великое переселение народов. В поисках лучших земель или под натиском кочевых орд множество разных племен двигалось в края с теплым климатом, поближе к примортера, а также занятия и промыслы. Поскольку предмет нашего разговора — дела военные, мы коснемся «наследства», полученного руссами, в его военной части.

Византийский император и писатель Маврикий в конце VI века писал об антах: «...они любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Храбры, в особенности в своей земле, выносливы; легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и в пище... Юноши их очень искусно владеют оружием». Другой византиец, Лев Диакон, позже говорил уже о руссах: «Сей народ отважен до безумия, храбр, силен».

Занимавшиеся хлебопашеством и скотоводством анты не были прирожденными врагами Византии. Бывало, что могущественная импе-

рия просила у них военную помощь и получала ее. Имея своих опытных полководцев, императоры поручали высокие посты военачальникам-антам. Анагаст командовал фракийскими войсками империи, Хвалибуд возглавлял все гарнизоны на Дунае. Доброгаст командовал византийской черноморской флотилией.

Должность Доброгаста для нас с тобой, читатель, особенно интересна. Чтобы получить ее, к тому же у народа, опытного в мореплавании, чужеплеменнику надо было поистине блестяще знать военно-морское искусство. На самом деле славяне в то далекое время и суда строили и воевали в море: ходили боевыми походами в Малую Азию, на Крит, на Сицилию — из Черного моря в Средиземное.

Руссы торговыми плаваниями, морскими сражениями приумножили унаследованную славу антов-мореходов. Об их доблести заговорили народы Европы и Азии, и в знак признания этой доблести понт Эвксинский стали называть Русским морем.

МОРЕХОДЫ КИЕВСКОЙ РУСИ

С развитием феодальных отношений в IX—X веках в жизни восточных славян произошли большие перемены. Объединившись вокруг Киева, восточнославянские племена образовали Киевское государство. Киевская Русь быстро крепла. Византия же своих соседей хотела видеть не равноправными, а покорными — таков уж нрав всех империй. Пытаясь ослабить соседа, византийцы мешали черноморской торговле руссов, топили их корабли, убивали купцов, подговаривали и провоцировали печенегов на разбой в землях Руси. Естественно, Византия получала отпор. От справедливого возмездия ее не спасало широкое море.

Известны девять крупных морских походов киевских дружинников. Самый грандиозный из них — поход князя Олега в 907 году на столицу Византии Константинополь (теперь турецкий город Стамбул).

В Константинополе (или Царьграде, как его звали русские) жили сто тысяч горожан. Множество дворцов и храмов стояло за его крепкими стенами. Особенно богатой была главная улица — с триумфальными колоннами, статуями императоров, с крытыми галереями. Она вела к храму святой Софии, в самый центр города. Храм был велик и прекрасен, его огромный купол как бы парил в воздухе, высокие стены были украшены мозаиками, росписями, мрамором. Дальше от городского центра размещался ипподром, где состязались колесницы, а также рынки, мастерские ювелиров, ткачей, оружейников. На самых окраинах в узких улочках жила беднота. «Главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе» назвал Константинополь Карл Маркс.

Через город проходила основная торговая дорога из Европы в Иран, Индию и Китай. Расположенный на европейском берегу Босфора у выхода в Мраморное море, Константинополь занимал чрезвычайно выгодное географическое положение. Отмечая эту особенность, Карл Маркс называл город еще «золотым мостом между Востоком и Западом».

Византийцы хорошо охраняли свою столицу. На дальних подступах стояли сильные гарнизоны. У ворот дежурили сторожевые отряды. Своеобразные ворота были устроены и в бухте Золотой Рог, по которой морские суда подходили к городу. В случае опасности бухту перегораживали мощной железной цепью. Сам же город был обнесен непреодолимой крепостной стеной. Наиболее прочные укрепления имелись на западной стороне Константинополя, где море не защищало города. Впереди был ров, наполненный водой, переброшенные через него несколько деревянных мостов легко уничтожались горожанами в случае опасности, затем шла отвесная насыпь, за ней — наружные стены с 96 четырехугольными и восьмиугольными башнями; внутри толстых стен имелись проходы и каменные лестницы. Взять такую крепость было невероятно сложно.

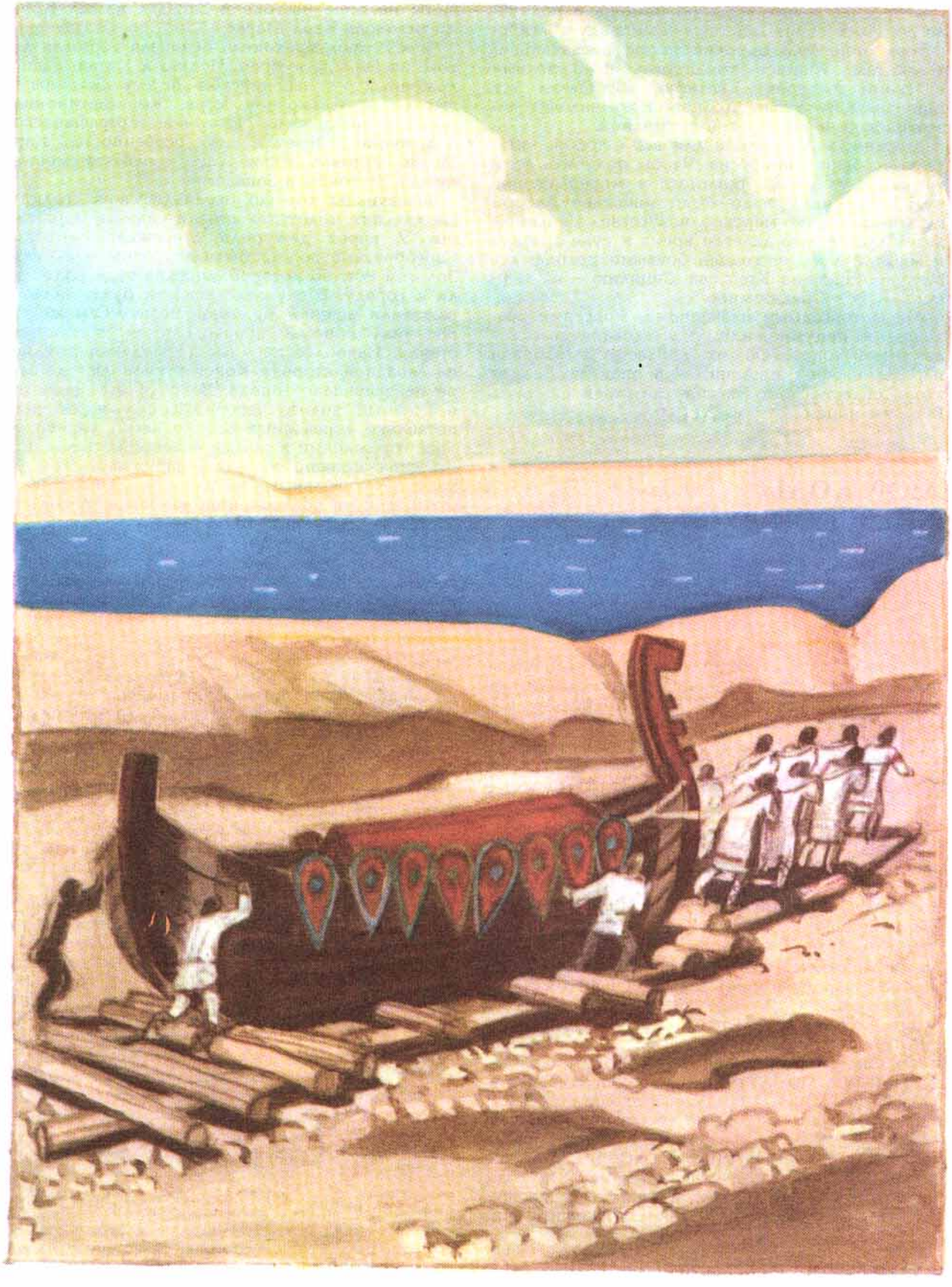
Киевский князь Олег, зная силу противника, собрал для похода большое войско. В него входили, как пишет летописец, поляне, древляне, словене, северяне, кривичи, радимичи, дулебы, вятичи, хорваты, а также воины чуди и мери и воины-варяги. «...С сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000». Зная, что ладья вмещала от 40 до 60 человек, мы можем довольно точно предположить: войско Олега было не меньше 80 тысяч, основную его часть составляли воины-мореходы.

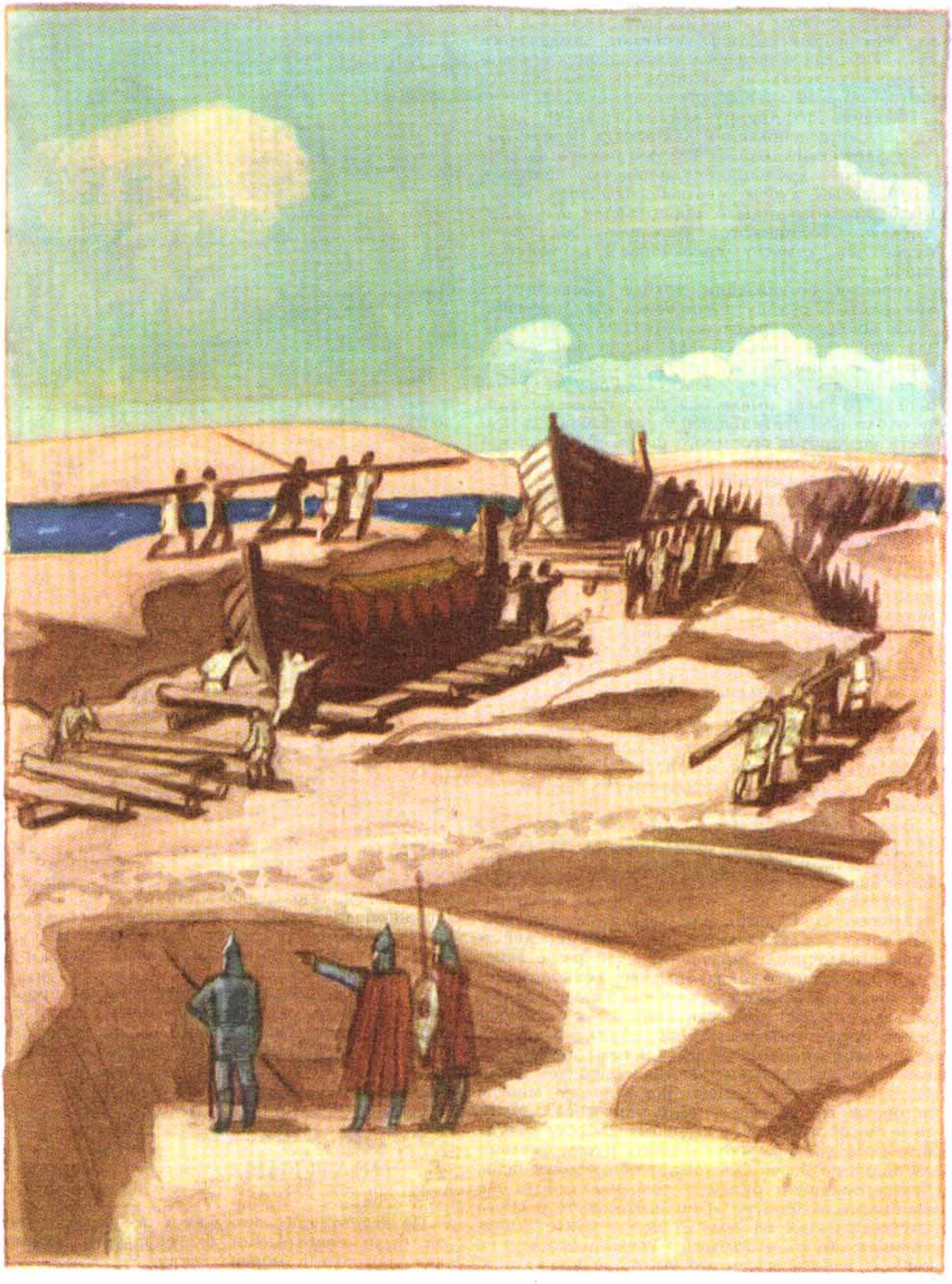
Когда я был школьником, меня смущало, что руссы строили маленькие ладьи, а не триеры, подобные тем, что победили персов в Саламинском сражении. Все дело в том, что славяне жили в лесных краях и дорогами для общения и торговли им служили реки. Центр Руси Киев находился далеко от моря: по Днепру от Киева до моря 952 километра. Природа будто нарочно осложнила судоходство на главной славянской дороге. В нижнем течении реки был порожистый участок. У порога Ненасытец приходилось разгружать суда, вытаскивать из воды, ставить на катки и берегом обходить опасное место. Так что большие корабли славянам просто были не нужны. Об этом писал и византийский император Константин Багрянородный: «Славяне не имеют больших кораблей, так как выходят в море из рек, где нельзя пользоваться большими судами».

Нам с тобой приходится удивляться не тому, что руссы не строили больших судов, а тому, что придумали они суда, одинаково годные и для речных плаваний, и для морских.

В летописях нет даты начала Олегова похода. Но известно, что все торговые и военные плавания киевлян начинались в июне. На Днепре и

Русские ладьи у Константинополя.





З А. Митяев

его притоках еще стояла большая вода, ладьи в это время со всех концов государства шли в Киев. Там формировались караваны, создавалась конная охрана — печенеги, кочевавшие в причерноморских степях, не упустили бы возможности разграбить в дальней дороге товары руссов.

Плавание по Днепру занимало 30—40 дней. Так, месяц с небольшим двигался в Черное море и флот Олега. Ближе к устью Днепра на речном острове дружинники по обычаю принесли под вековым дубом жертвы языческим богам. После краткого отдыха ладьи вышли в море и, держась болгарского берега, продолжали путь — еще семьсот километров — к Константинополю.

Хорошая организация похода, взаимодействие флота с сухопутными войсками, двигавшимися по берегу, позволили руссам застать византийцев врасплох. Правда, начав бой у стен города с конницей Олега, византийцы успели перегородить бухту Золотой Рог железной цепью. То ли не имели они тогда сильного флота около Константинополя, то ли побоялись вывести его против огромного флота руссов, а может быть, понадеялись на свою цепь, но морского сражения византийцы не дали. Скорее всего они рассчитывали, задержав ладьи в Босфоре, сначала уничтожить сухопутное войско. В этой обстановке руссам пригодилось умение перетаскивать суда волоком. Ладьи были вытащены на берег и поставлены на катки. На ладьях подняли паруса. Ветер дул в сторону города и помогал катить суда. Летописец так говорит об этом: «И повеле Олег воем своим колеса изделати и восставити на колеса корабля, и бывшу покосну [попутному] ветру, вспяша [подняли] парусы с поля, и идяше к граду».

Во многих книгах слова летописца «идяше к граду» истолкованы так: ладьи по суше докатились до города. В других книгах этот факт вовсе не упоминается, историки относятся к нему как к легенде. Попробуем разобраться во всем.

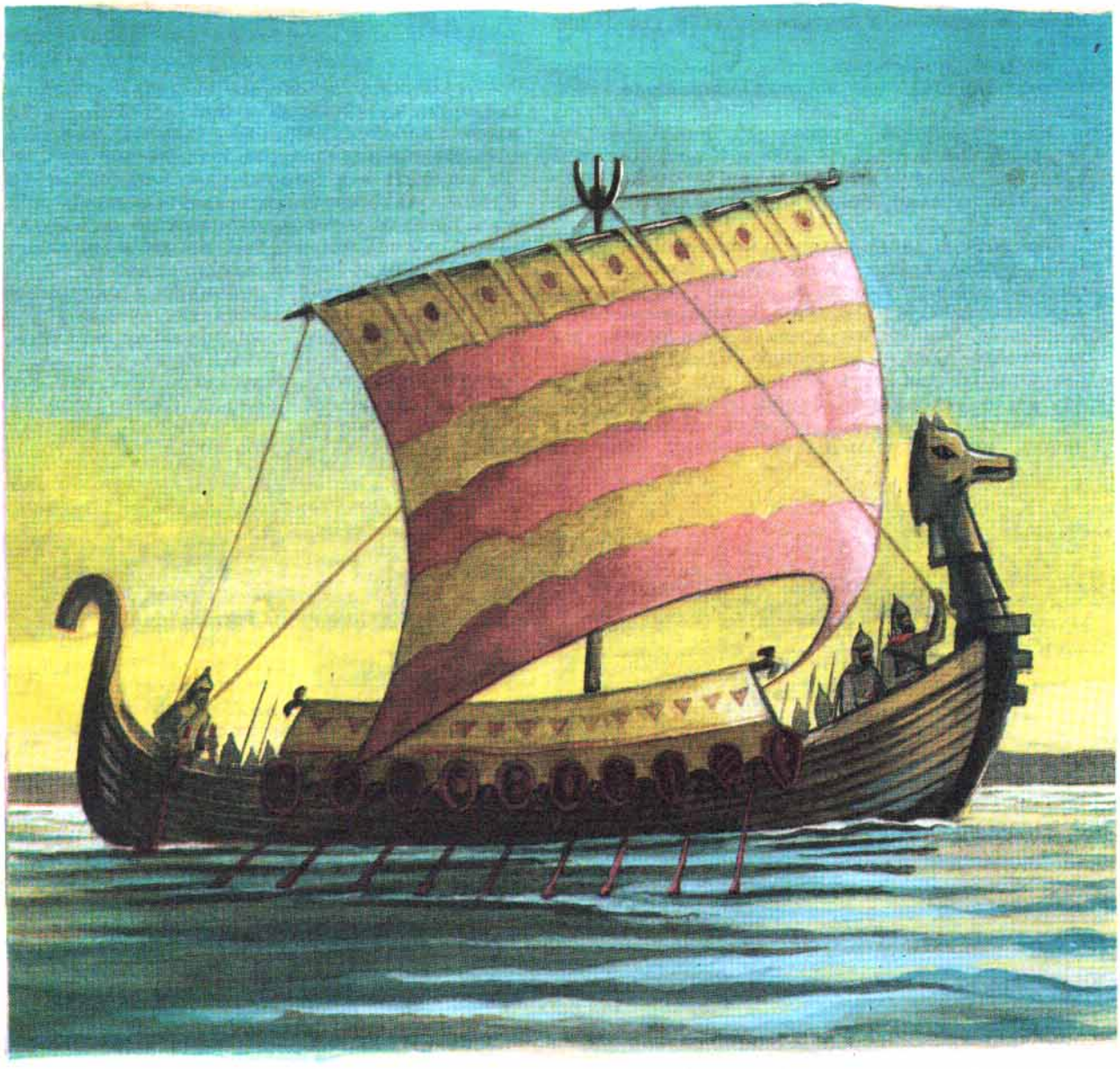
Верно ли, что ладьи докатились по суше до города? Зачем понадобился руссам такой маневр? Те, кто верит летописцу, пишут, что таким маневром руссы устрашили византийцев, деморализовали их, подавили волю к сопротивлению. Действительно, бывали случаи, когда войска какими-либо необычными действиями озадачивали противника. Но разве можно было испугать таких опытных воинов, какими были византийцы? Если бы ладьи докатились до стен города, византийцы были бы несказанно обрадованы этим. Они пустили бы в ход свои зажигательные снаряды и сожгли бы Олегов флот. Дружинникам тогда не на чем было бы возвращаться домой. Вот почему многие историки вообще не упоминают этого момента — он противоречит здравому смыслу. Тогда в чем же дело? Вероятнее всего, руссы вытащили ладьи на берег для того, чтобы обойти цепь, перегородившую бухту в том месте, где она крепилась на берегу. Обошли это место и снова спустили ладьи на воду — уже в бухте. Узкая длинная бухта — Золотой Рог,— похожая на реку, в некоторых местах не шире Москвы-реки, огибала всю северо-восточную часть Константинополя. Встав в бухте и имея свободу маневра, ладьи взяли город в полукольцо. На суше свое полукольцо замкнули конные воины руссов.

Русские воины.

Внезапный приход мощного войска, прорыв ладей в бухту, окружение столицы с суши и с моря действительно потрясли византийцев. Они предложили руссам мир, не начиная сражения. Мир был принят.

ДОГОВОР РУСИ И ВИЗАНТИИ

По договору Киевская Русь получила то, что ей было необходимо: благоприятные условия для торговли и мореплавания. На товары рус-



Русская ладья.

ских купцов отменялись пошлины. Сами купцы, прибыв в Константинополь, полгода получали мясо, рыбу, овощи, хлеб, вино и в обратную дорогу снабжались всем необходимым: продовольствием, парусами, якорями, веревками. Есть в договоре любопытная статья: торговые люди Руси должны были входить в город без оружия и не более чем по пятьдесят человек одновременно. И еще — русским купцам разрешалось мыться в банях. Эта статья кажется курьезной, смешной. Однако она очень значительна: в общественных банях Константинополя мылись только полноправные граждане; рабам, иностранцам ходить туда не разрешалось. Статья о банях как бы уравнивала руссов в правах с византийцами.

Византия выплатила дружинникам Олега дань — по 12 гривен воину, а также дань Киеву, Чернигову, Ростову, Любечу и другим русским городам. Киевская Русь тоже взяла на себя серьезные обязательства. Но выгоднее и нужнее договор был Руси. Карл Маркс считал, что договор содержал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира».

По заключении мира состоялась клятва сторон в верности договору. «Царь же Леон с Олександром мир сотвориста с Олгом, имшеся по дань и роте заходивше [учинив клятву], межи собою, целовавше сами крест, а Олга водише на роту [клятву], и мужи его по русскому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом

своим, и Волосом, и скотьем богом, и утвердиша мир».

Летопись повествует о том, что Олег в знак победы прибил на воротах Царьграда свой щит.

Очень красивый, эффектный финал русско-византийской войны. «И повеси [Олег] щит свой в вратех, показуя победу, и поиде от Царяграда». Как только византийцы согласились на это?

Вернемся к дани, которую византийцы уплатили победителям. Каждый воин получил по 12 гривен. Воинов было 80 тысяч. 12×80 000=960 000 гривен. Теперь разберемся в гривнах. Эти деньги Древней Руси отливались из серебра. Они были разные. Самая распространенная весила чуть больше 400 граммов, а другая, в виде ромба с обрубленными концами,— чуть больше 160 граммов. Возьмем для наших подсчетов меньшую гривну — мы не знаем, в каких именно гривнах выплачивалась дань. Сколько же серебра получили дружинники? 160×960 000=153 600 000 граммов. Или 153 тонны 600 килограммов. Внушительный вес! (А может быть, 400×960 000=384 тонны.) Неприятель, который согласился отдать сотни тонн драгоценного металла, не мог противиться и Олегову щиту на воротах своей столицы.

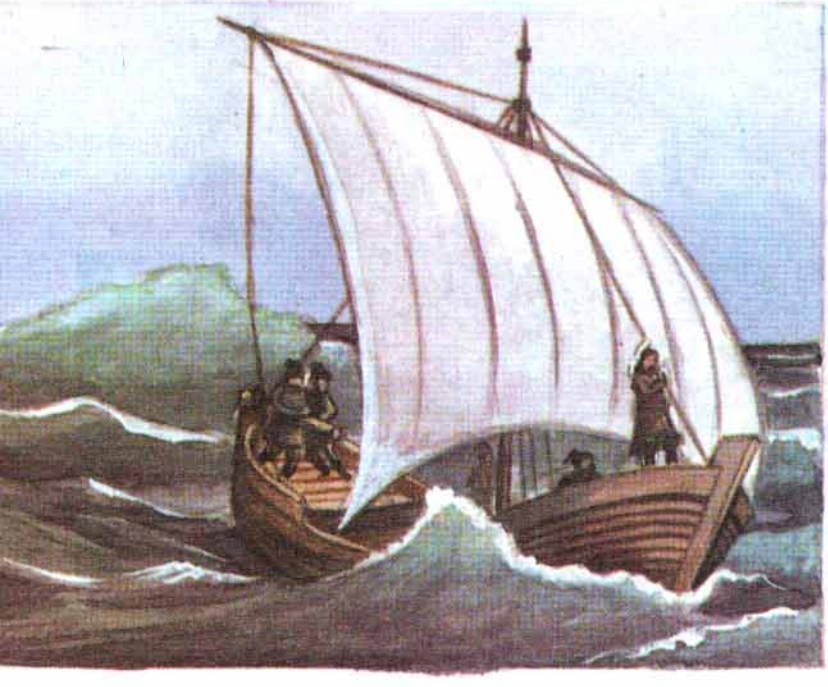
Такой блестящей и бескровной победе руссов можно только позавидовать. Ну а если бы византийский флот вступил в бой с ладьями? Интересно, как действовали бы руссы?

ЛАДЬИ ПРОТИВ ТРИЕР

Сохранились некоторые сведения о морском сражении византийцев и русских, которое произошло в 1043 году. Сын Ярослава Мудрого Владимир предпринял поход на Константинополь, чтобы защитить — в который раз! — права Киевской Руси на свободную торговлю. Сражение началось на виду у города. Император наблюдал за ним с холма, там же был придворный историк Пселл, он-то и описал начало схватки.

400 русских ладей выстроились в одну линию. Против них встали византийские триеры. По знаку императора два корабля вышли из строя и двинулись к флоту Владимира. Тут же две группы ладей тоже отделились от строя и пошли на сближение. Каждая группа окружила своего противника. Византийцы принялись бросать с высоких бортов копья, камни, горшки с горючей смесью. Дружинники, прикрываясь щитами, отстреливались из луков, выбрасывали из ладей огонь и били ручными таранами в днища триер, чтобы потопить неприятельские суда. Видимо, византийские корабли были в большой опасности, потому что император двинул в бой весь флот. Но тут внезапно налетел шторм. Он разметал оба флота. Сражение прервалось.

Больше полутораста ладей штормом выкинуло на берег. Шесть тысяч воинов во главе с воеводой Вышатой стали пробиваться по суше на родину. Недалеко от Варны византийцы разби-



Коч.

Новгородское судно.

ли этот отряд. Тех, кто остался в живых, увели в Константинополь и там ослепили.

Шторм, прервавший сражение, утих. 14 триер начали преследовать ослабленный русский флот. Как заканчивалось сражение, неизвестно. Известно только, что византийцы потерпели в нем поражение.

Несомненно, что киевские мореходы применяли в бою против византийских кораблей какие-то хитрости, какие-то приемы, о которых мы не знаем. И видимо, очень эффективные. Ведь не побоялись они однажды напасть на Константинополь — в отместку за жестокое убийство купцов — всего на двухстах ладьях! И одержали победу.

Патриарх Фотий писал о том походе: «Поход этих варваров схитрен был так, что слух не успел оповестить нас, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькие страны... судоходные реки и моря». На самом деле, каким образом удавалось киевлянам оставаться незамеченными в длительном плавании?

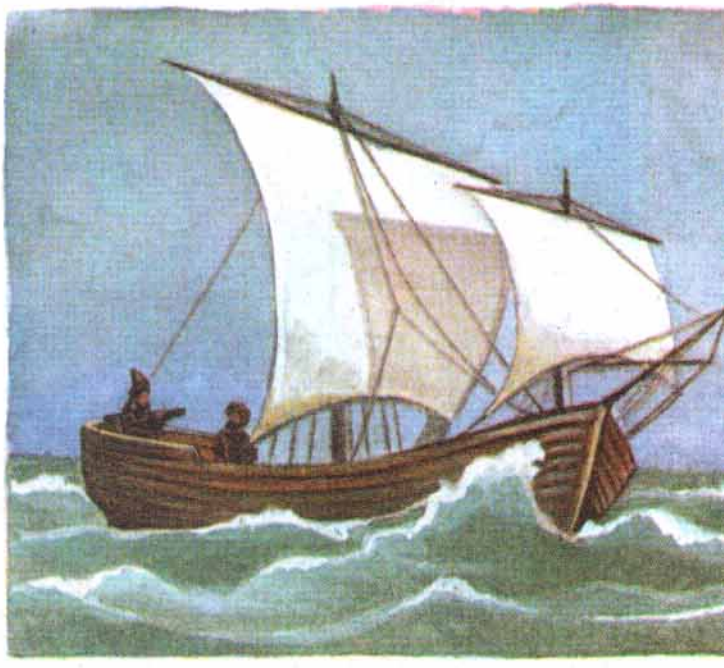
О военных хитростях дружинников нам остается только догадываться. А если мы с тобой, читатель, предположим следующее. Предположим, что приемы боя запорожских казаков против турецких галер были придуманы еще во времена Киевской Руси? Правда, четыре века отделяют запорожских казаков от дружинников. Но ведь традиции упорны и живучи. Главное, что позволяет пойти на такое предположение,— это большое сходство древнерусских ладей с чайками — судами запорожских казаков. Разница, по сути, только в том, что на казацких чайках было несколько пушечек — фальконетов. Но приемы мореплавания от фальконетов не зависели. Как же маленькие чайки воевали с большими галерами? Есть хорошее описание этого у француза Боплана:

«Если казаки встретят на пути [во время плавания к турецким берегам] какие-либо турецкие галеры или другие суда, они преследуют их, атакуют и берут приступом. Вот какой прием они употребляют при этом. Так как их суда возвышаются не более двух с половиною футов над поверхностью воды, то они замечают неприятельский корабль или галеру раньше, чем могут быть замечены сами; заметив неприятельское судно, казаки убирают мачты, справляются о направлении ветра и стараются держаться за солнцем до вечера. Затем, за час до захождения солнца, они начинают быстро идти на веслах к кораблю или галере, пока не подойдут на расстояние одной мили, чтобы не потерять судна из вида, и так наблюдают за ним почти до полуночи. Тогда по данному сигналу казаки из всех сил налегают на весла, чтобы скорее достичь неприятельских кораблей, между тем как половина казаков держится готовой к битве и только ожидает абордажа, чтобы проникнуть на корабль, экипаж которого бывает сильно поражен недоумением, видя себя атакованным 80 или 100 судами, с которых валит на корабль масса вооруженных людей и в один миг овладевает им».

КИЕВСКИЕ И НОВГОРОДСКИЕ СУДА

МОРСКАЯ ЛАДЬЯ

Наиболее распространенным кораблем в Киевском государстве была морская ладья. Ее киль делался из ствола дуба, к нему прикреплялись шпангоуты, к шпангоутам пришивались доски. Морская ладья длиной до 25 метров вмещала от 40 до 60 воинов с оружием, имела 20 пар весел и мачту с парусом. На морских ладьях осуществлялись дальние перевозки грузов по рекам и морям, а также военные походы.



Карбас.

ПАЛУБНАЯ ЛАДЬЯ

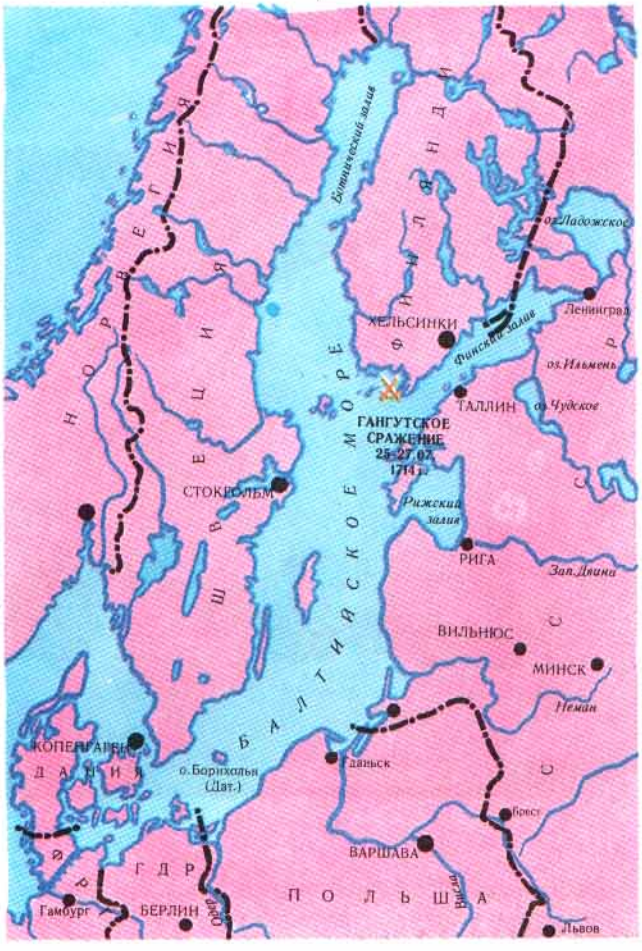
В середине XII века киевский князь Изяслав построил палубные ладьи, имеющие сплошную палубу.

Под палубой были укрыты гребцы, а вооруженные воины размещались на палубе. У ладьи было два рулевых весла: на корме и на носу, что обеспечивало в бою хорошую маневренность и позволяло при необходимости двигаться кормой вперед.

УШКУЙ

Новгородцы для боевых целей, кроме морской ладьи, использовали парусно-гребные суда меньших размеров — коч, шняка, ушкуй. Ушкуи предназначались для действий на северных реках, озерах и в шхерах. Как правило, они были палубными, плоскодонными и имели съемную мачту, вмещали от 35 до 50 человек. Людей, плававших на ушкуях, называли ушкуйниками. Название судна связано со словом «ошкуй» — поморским названием белого медведя. Медведь сильный, ловкий, смелый — эти качества как бы передавались судну и его команде.

Балтийское море.



КАРБАС

На русском Севере широкое применение имело судно типа карбас, длиной до 10 метров, шириной 2—3 метра. Карбас имел до шести пар весел и две мачты с парусами. Судно было приспособлено для плавания во льдах: к днищу по обе стороны киля прибивались полозья, чтобы судно можно было вытаскивать из воды и катить по льду.

РАНЬШИНА

Одним из типов поморских судов являлась раньшина, специально приспособленная для ранних весенних выходов в море. Ее корпус был яйцевидной формы. При сжатии льдов раньшину невредимой выжимало на лед.

БОЛЬШАЯ ЛАДЬЯ

Морским грузовым парусным судном поморов была большая ладья. Судно длиной до 25 метров, шириной до 8 метров, грузоподъемностью более 200 тонн. Укрытое палубой, разделенное переборками на три отсека. В носовом отсеке размещалась команда, стояла печь для варки пищи. В середине — в трюме — лежал груз. У кормы хранились паруса, канаты, запасной якорь, там же была каюта капитана (кормщика). Три мачты с парусами позволяли судну при попутном ветре проходить до 300 километров в сутки.

Чтобы оценить достоинства большой ладьи, достаточно сравнить ее с каравеллой «Санта Мария», на которой Колумб в 1492 году совершил плавание к берегам Америки: длина каравеллы около 23 метров, грузоподъемность около 120 тонн.

ДРАКАРЫ И ШНЕКАРЫ

Так назывались корабли норманнов — ближайших соседей и соперников новгородцев. Корабль-дракон, корабль-змея — так можно перевести эти названия. На носу судов первого типа устанавливалась для устрашения врагов голова дракона, на судах второго типа — изображение змеи. Норманнские корабли имели от 25 до 60 пар весел, а также паруса. В 1880 году норвежские археологи нашли почти не поврежденный корабль, хранившийся в земле с X века. Он был длиной около 23 метров, шириной 5 метров, водоизмещением 20 тонн. Тогда же двенадцать норвежских спортсменов на подобном судне совершили плавание из Скандинавии в Америку. Переход длился 28 дней.

УКРАШЕНИЯ КОРАБЛЕЙ

Суровые норманны (они же викинги — дети бухт, варяги) заботились о красоте своих кораблей не меньше, чем одаренные в искусствах греки. Они не только устанавливали на носах судов скульптурные изображения змей, драконов, волков, но покрывали позолотой мачты, на их верхушках укрепляли флюгера и фонари ювелирной работы.

Древнерусские мореходы украшали ладейные носы головами деревянных лошадей. На парусах вышивали солнечный лик языческого бога Ярилы. Когда Олег возвращался из похода

Варяжское судно.

на Царьград, на его ладьях были подняты парчовые и шелковые паруса — дань византийцев.

ЛАДЬИ В СЕВЕРНОМ СЛАВЯНСКОМ МОРЕ

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Балтийское море омывает берега СССР, Польши, ГДР, ФРГ, Дании, Швеции и Финляндии. Средняя глубина 70 метров, наибольшая — 455.

Берега на юге и юго-востоке низменные, песчаные, покрытые лесом. На севере — высокие, скалистые, со множеством бухт, заливов и мелких островов.

В течение всего года преобладают западные ветры. Осенью и зимой часты штормы, которые нагоняют воду в вершины бухт и заливов, вода в это время поднимается до трех и более метров. Зимой большая часть Рижского, Финского и Ботнического заливов покрывается льдом, центральная часть моря ото льда свободна.

Балтийское море соединяется с Северным морем через проливы Эресунн (Зунд), Большой Бельт, Малый Бельт и приливы Каттегат и Скаггерак.

Море образовалось 13 тысяч лет назад, когда произошло опускание суши в районе датских проливов. Воды океана заполнили огромную впадину, занятую до этого льдом. Около 9 тысяч лет назад суша в районе проливов поднялась, и море стало снова озером. Через 2—2,5 тысячи лет проливы восстановились. В наше время происходит поднятие земной коры, на севере Ботнического залива земля поднимается за сто лет на один метр.

На северо-западе границей славянских земель было Балтийское море. Названия этого моря, как и Черного, тоже менялись. В начале нашей эры оно называлось Венейским заливом. (Россия по-фински и до сих пор Венейя — земля венедов.) Потом море стало называться Северным славянским морем и еще Варяжским. Одновременное употребление разных названий одного и того же моря — факт не случайный. Можно сразу предположить, что два народа особо проявили себя в этом районе Европы.

Норманны (или варяги) — предки современных датчан, норвежцев и шведов,— жившие, как и славяне, на берегах Балтики, в VIII—XI веках прославились как отважные мореходы. Их небольшие, но крепкие суда плавали не только в Балтийском и Северном морях. Они ходили в море Средиземное, к берегам Гренландии, а где-то в 1000 году достигли берегов Северной Америки.

Первые плавания варягов были торговые. Но с течением времени купеческие экспедиции северян все больше приобретали характер пиратских набегов. В середине IX века норманны начали вести самые настоящие завоевательные походы. Им многое удалось: они захватили земли в Англии, Франции, всю Южную Италию, Сицилию, основывая там свои государства. Страны Западной Европы находились в состоянии феодальной раздробленности. Герцоги, князья, графы, бароны ссорились и воевали между собой, поэтому не смогли организовать отпора норманнам. Викинги на своих судах входили в реки и по ним продвигались в глубь территорий. Так, они разграбили и сожгли немецкие города Кёльн, Аахен, Трир, французские Тур, Дижон, Лютецию (теперь Париж).

Естественно, что норманны не оставляли без внимания славянские земли. Но русских территорий завоевать не сумели, как и территорий чуди, мери, веси. Древнерусское государство в то время было сильным, состояние феодальной раздробленности, деления на мелкие, враждующие между собой княжества еще не наступило. Малочисленные варяжские дружины, поступавшие на службу к русским князьям, постепенно смешивались с коренным населением, растворялись в нем.

Опасными для Руси норманны стали тогда, когда образовалось Свейское государство — Швеция. Как византийцы на Черном море, так и шведы на Балтийском не могли примириться с тем, что, кроме них, есть народ, который знает мореплавание, умеет строить корабли, сам ве-

Александр Невский.

дет торговлю с близкими и далекими странами. Защитить права и достоинство русских на Балтийском море и его берегах выпала честь Великому Новгороду.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

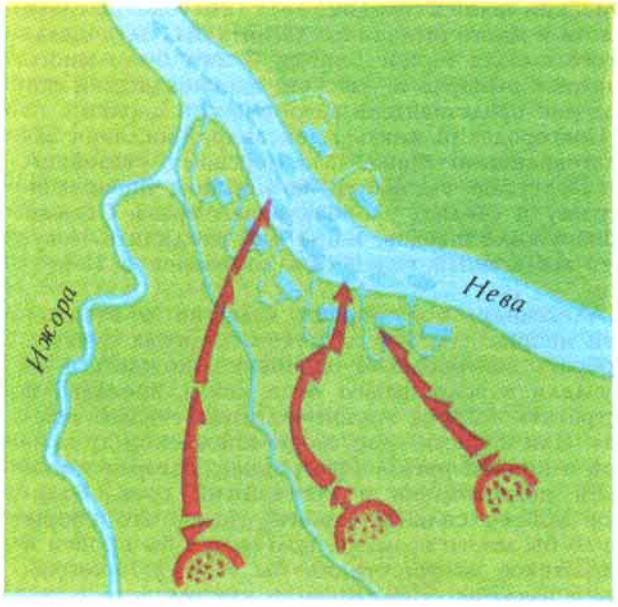
Славяне построили Новгород на берегу полноводного Волхова, недалеко от того места, где река вытекает из Ильмень-озера. Отсюда, если плыть на север, открывался путь — по Волхову (220 километров), Ладожскому озеру (100 километров), реке Неве (75 километров) — в Финский залив и далее в Балтийское море, к странам Северной Европы. Если плыть на юг — через Ильмень-озеро, по реке Ловати,— то, преодолев волоки, можно было попасть в Днепр, Волгу, по ним спуститься в Черное и Каспийское моря. Новгородцам принадлежал весь север от Финского залива до Уральского хребта. Новгородцы по Северной Двине, Онеге, Печоре плавали в Северный Ледовитый океан.

Если к выгодам географического положения прибавить богатства, которые давали Новгороду торговля, ремесла и дань, собираемая с прибалтийских и северных народов, то станет ясно, каким заманчивым он был для шведов. Приезжая на торги в Новгород, варяжский гость-купец видел здесь все, что родит земля и делают человеческие руки: шелка, ковры, краски и пряности южных стран, ткани, кружева, оружие, золотые и серебряные украшения стран западных, дорогие меха, моржовую кость, мед, воск, пеньку и лен самих новгородцев. Все это, казалось, легко было взять мечом.

Нападения шведов на торговые суда новгородцев следовали одно за другим. В 1164 году шведы пытались взять крепость Ладогу, при-

Орден Александра Невского.

Невская битва. 15 июля 1240 года.

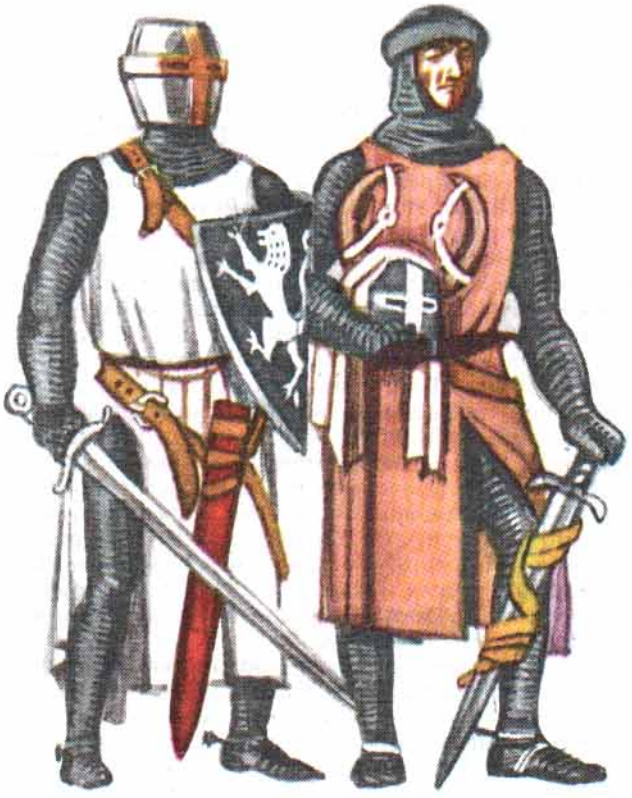


Расположение русских войск.

Направление ударов русских войск.

Расположение шведских войск и флота.

Отступление и бегство шведов.



Рыцари.

крывавшую дальние подступы к Новгороду. Неприятельские суда подошли к крепости и высадили трехтысячный десант. Ладожане во главе с посадником Нежатою четыре дня отбивали штурм. Шведы, изнуренные атаками, отошли к реке Вороновке и там были разгромлены подоспевшей новгородской ратью. Противник потерял из 55 судов 43, на оставшихся судах побитые шведы спаслись бегством.

Новгородские воеводы понимали, что шведов нельзя утихомирить, только изгоняя их из русских земель. Для обеспечения морской торговли на Балтике новгородцы стали готовить большой морской поход на Швецию. В этом походе, по замыслу новгородцев, нужно было нанести удар по важному экономическому и политическому центру страны — городу Сигтуне (теперь на его месте расположен Стокгольм). Для похода был подготовлен многочисленный флот с сильным десантом. Союзниками новгородцев стали карелы.

Летом 1187 года после почти месячного плавания по рекам и морю новгородцы достигли шведских берегов и осадили Сигтуну. 14 июля город был взят штурмом. Победители в качестве трофея увезли с собой знаменитые сигтунские медные врата и потом установили их в новгородском соборе святой Софии. Урок шведам был дан хороший. Активные действия новгородского флота и десантных войск вынудили шведов в 1201 году заключить мирный договор с русскими.

СТРАШНАЯ ОПАСНОСТЬ

Уроки, даже хорошие, к сожалению, часто забываются. В 1240 году шведы предприняли новый поход, намереваясь на этот раз захватить Новгород. Но прежде чем говорить о походе, нам с тобой, читатель, надо посмотреть на перемены, которые к этому времени произошли на русской земле. Могучая Киевская Русь распалась на множество удельных княжеств. Эти княжества были вроде маленьких государств, часто враждовавших между собой. Новгород еще раньше, прогнав своего князя, отпал от Киевской Руси. (Господин Великий Новгород — так стала называться новгородская феодальная республика.) А тут еще пришла страшная беда — полчища татаро-монголов захлестнули русские земли. Не сумев объединить силы для отпора грозному врагу, русские княжества гибли одно за другим. С 1237 года по 1240 год враг разорил Владимир, Москву, Киев, Чернигов и множество других городов. Остались нетронутыми только земли теперешней Белоруссии и земли Великого Новгорода.

Однако сказанное еще не полностью обрисовывает опасность. Рыцарские войска многих европейских стран — крестоносцы — потерпели поражение в арабских странах, куда они направились «освобождать гроб господень», а на самом деле за сокровищами восточных владык. Привыкнув к разбою и грабежу, вернувшиеся в Европу рыцари не хотели сидеть дома. Папа римский, короли и князья Германии, Швеции и Дании нашли для них новое дело — крестовый поход на язычников Прибалтики и «неправоверных» новгородцев.

Довольно быстро рыцари завоевали Эстонию, значительную часть Латвии и вторглись в Литву. Победители не просто обращали побежденных в католическую веру, а самым жестоким образом истребляли эстонцев, латышей и литовцев — освобождали земли для своих поселений. «Войско по всем дорогам и деревням,— пишет «Ливонская хроника»,— истребило много народу и преследовало бежавших в прилегавшие земли, и взяло в плен женщин и детей. Многие из язычников, бежавшие в леса и на морской лед, замерзли и погибли».

Подобная участь готовилась и славянам. Поход шведского флота, о котором говорилось выше, планировался как начало завоевания северо-западной Руси. Следом за шведами намеревались по суше двинуться на Изборск и Псков немецкие рыцари. После взятия шведами Ладоги, а немцами — Изборска и Пскова враги предполагали объединенными силами напасть на Новгород.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Неприятельский флот — 100 судов — вошел в Финский залив в середине лета 1240 года. Во главе флота и многочисленного десанта был зять шведского короля герцог Биргер. С ним было много знатных рыцарей и епископ, вдохновлявший поход как представитель католической церкви.

Новгородский князь Александр Ярославич заблаговременно приказал ижорскому старейшине Пелгусию выставить на морском побережье стражу и следить за появлением врага. Стража обнаружила шведов, когда они входили в Неву. Тут же конный гонец был отправлен в Новгород.

Александр, получивший известие о вторжении неприятеля, мог действовать двумя путями. Собрать новгородское ополчение, дождаться из Суздаля войско своего отца князя Ярослава и встретить такими внушительными силами шведов. Или нанести удар своею княжеской дружиной и конной ратью новгородцев, которая могла быть подготовлена в кратчайший срок. Большое войско сильнее малого. Но на его сборы ушло бы много времени, враг успел бы пройти в Ладожское озеро, осадил бы Ладогу, возможно, и взял бы ее. Александр принял второе решение — немедля, пусть и малыми силами, но внезапно, когда его не ждут, ударить по врагу.

После морского перехода шведский флот остановился для отдыха на Неве, в том месте, где в нее впадает река Ижора. Суда подошли к берегу, с них спустили сходни. Для Биргера и рыцарей между рекой и лесом слуги установили шатер с золотым верхом и палатки. Сойдя с корабля, Биргер первым делом послал Александ-

ру вызов: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже пленю твою землю».

А в это время конное войско Александра спешным маршем шло вдоль Волхова к Ладоге. Пополнившись воинами-ладожанами, оно двинулось к месту высадки шведов. Еще в пути Александр встретился с Пелгусием, старейшина рассказал князю, что шведы чувствуют себя в полной безопасности, их лагерь не охраняется, сторожевые посты не выставлены. Высокомерный и самонадеянный предводитель шведов и не допускал мысли, что новгородцы рискнут напасть на него.

Скрытые лесом, новгородцы приготовились к атаке на шведский лагерь. Было 15 июля. Три или четыре часа дня. Протрубил рог. Конный отряд Гаврилы Алексича выскочил из леса и ринулся вдоль реки, сбивая сходни, спущенные с кораблей на берег. Это был простой и очень эффективный маневр. Шведы, находившиеся на кораблях, не могли прийти на помощь тем, кто был на берегу. А с берега не так просто было убежать на корабли. Неприятель оказался разъединенным на две части. Тут же основное войско новгородцев во главе с самим Александром нанесло по шведам главный удар. На берегу завязался жестокий бой.

Александр находился в самой гуще боя. Он командовал как полководец и сражался как воин. Летописец сообщает, что Александр самому Биргеру «возложи печать на лице острым своим копьем». Записи летописец делал после сражения по рассказам князя и других участников битвы. Можно предположить, что именно такими словами и описывал Александр схватку с предводителем шведов: он не стал уточнять, какую рану нанес Биргеру, просто возложил печать — сделал отметину на долгую память.

Дружинник Гаврила Алексич сражался у самой воды, не пуская неприятеля с берега на корабли и с кораблей на берег. Когда он увидел, что шведы уводят на корабль королевича, то на коне ринулся за ним. Шведы столкнули храбреца вместе с конем со сходней в воду. Дружинник выбрался на берег и оказался поблизости от шведского военачальника Спиридона, сразился с ним, убил его, затем рубился с епископом и тоже убил.

Под прикрытием конных дружинников пеший отряд новгородцев разрушил неприятельские корабли. Отрядом командовал Миша (кроме имени, летописец ничего не сообщает об этом человеке), отряду удалось потопить три корабля.

Дружинник Сава пробился на коне к шатру Биргера и подсек топором шатерный столб. Новгородцы, увидев, как падает шатер, воодушевились еще больше — это было равносильно захвату вражеского знамени. С новыми силами они продолжали сражение и к вечеру одержали полную победу.

Уцелевшие шведы, прорвавшись на корабли, подняли паруса и поспешно ушли в сторону Финского залива. Новгородцы вслед им пустили два захваченных корабля, нагруженных убитыми врагами.

Сами новгородцы потеряли в этом сражении всего лишь двадцать воинов.

Очень простой кажется эта битва — застал врага врасплох и разгромил. Но чтобы представить, как это непросто, надо предположить иное развитие событий. Биргер узнал о подходе дружины, расставил засады, заманил русских на выгодную для себя позицию. И превосходящими силами уничтожил войско Александра. Путь на Ладогу, больше того, на Новгород открыт — ведь ядро русских войск уничтожено. Могло так случиться? Могло, если бы не точный, дерзкий расчет Александра. Простота битвы только кажущаяся. О такой простоте мечтает каждый полководец, но не у каждого это получается.

Обычно к именам князей прибавляли названия городов, в которых они княжили. К имени Александра народ прибавил название реки, на которой была одержана очень важная для русских победа. Александр Невский.

В 1942 году, в разгар войны с немецко-фашистскими захватчиками, Советское правительство учредило военный орден Александра Невского. Его получали командиры за выбор «удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск». Эти слова, взятые из статута ордена, раскрывают главное в полководческом даровании Александра.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Немецкие и датские рыцари были потрясены известием о гибели шведского десанта. С жаждой мести они вторглись осенью того же года в русские земли.

Рыцарские войска Европы до Ледового побоища провели много успешных сражений против пехотных войск разных народов. Закованные в доспехи всадники и их сильные лошади подобно тарану раскалывали пеший строй надвое, затем дробили на более мелкие группы и уничтожали их. Бег лошади придавал рыцарскому копью непреодолимую силу. Отдаленно, конечно, но рыцаря можно сравнить с танком.

Характеру рыцарского боя соответствовало и боевое построение. Немецкие рыцари выстраивались клином. Его острие составляли самые опытные и сильные рыцари, вооруженные тяжелыми копьями и длинными мечами. Рыцари располагались и по краям — наподобие неподвижной брони, за которой укрывалась их пехота. Сами немцы такой строй называли кабаньей головой, русские же дали ему несколько иное название — свинья.

Несомненно, Александр со своими воеводами продумал тактику и приемы боя пехоты против рыцарского войска — у Невского была и конница, но основные силы составляли пешие воины и ополчение.

Когда стало ясно, что немцы примут сражение на льду озера, полководец так расставил свои полки: срединный полк из ополченцев занял позицию у берега, усыпанного валунами. В тылу полка по-

ставили сани обоза — они были укреплением для своих и препятствием для врага. По сторонам расположились полк левой руки и полк правой руки. В них входили лучшие воины из дружин Александра, Андрея и закаленные в боях новгородские бойцы. Вперед выдвинулись лучники.

В субботу, 5 апреля 1242 года, произошла легендарная битва. Ледовое побоище — первый случай разгрома рыцарей пехотой — одна из самых замечательных битв в средние века.

Лучники густо осыпали стрелами надвигавшуюся свинью. Рыцари и пехота с флангов сблизились к середине и сузили клин. Но все равно удар бронированного острия был очень сильным. Немцы прорвали строй срединного полка. Однако следующий их маневр оказался под угрозой: камни на берегу и сани затрудняли движение и без того неповоротливых всадников. Вместо того чтобы стремительно дробить расстроенный порядок пехоты, рыцари бестолково кружили на месте.

В этот момент с флангов ударили отборные дружины.

Впервые противник рыцарей после рассечения его боевого порядка не побежал толпами, обрекая себя на смерть от мечей и копий крестоносцев. Наоборот, ожесточенность битвы нарастала. Конные дружинники под командованием Александра охватили неприятеля с тыла. Захватчики оказались в кольце.

Сбившихся в кучу рыцарей новгородцы стаскивали с лошадей крюками. Засапожными ножами пропарывали животы лошадей, и опять рыцари оказывались на льду. Спешенный крестоносец, закованный в тяжелый панцирь, не мог противостоять ловким русским воинам. Как писал летописец, «...и была тут страшная сеча для немцев... треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзшее озеро точно тронулось, и не видно было льда, потому что он был покрыт кровью».

Слабый весенний лед трещал и ломался под тяжестью лошадей и всадников, рыцари тонули в полыньях. Исход сражения был очевиден. Надо было уносить ноги. Части рыцарей удалось прорвать кольцо. Александр приказал преследовать беглецов. «И обратились враги в бегство, и убивали их, гонясь за ними, как по воздуху, и некуда им было убежать; и убивали их на семи верстах по льду до Суболицкого берега, и пало немцев (рыцарей) 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 знатных немецких воевод».

Победа была полной. В крупнейшем сражении французских и немецких рыцарей (1214 г.) общие потери убитыми составляли 73 рыцаря. А тут 500 убитых и 50 пленных! Такого не знала история.

Карл Маркс дал высокую оценку этой победе: «1242. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».

Летом в Новгород прибыли послы из ордена и просили у Александра вечного мира. Мир был заключен. Говорят, что тогда-то Александр и произнес знаменитые слова, ставшие пророческими: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!»

А было Александру Невскому, когда он прославил себя знаменитыми победами, чуть больше двадцати лет.

* * *

Мы с тобой, читатель, условились каждый раз занимать в сражениях чью-либо сторону. И в битвах киевлян, и в битвах новгородцев мы были, конечно, на стороне наших предков: они вели войны справедливые, потому что отстаивали свое право на свободное судоходство в Черном и Балтийском морях и защищали родную землю от иноземных захватчиков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КУРСАНТСКАЯ

Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого... Россия не могла оставить устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов.

Карл Маркс

«УТРЕННЯЯ ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭРЫ»

Последние сражения, свидетелями которых мы с тобой были, проходили в звоне мечей о броню, в треске копий, лязге топоров. Под ударами весел спешили навстречу друг другу корабли, чтобы тараном развороти борт противнику или сцепиться накрепко для абордажного боя. Но прошло всего три сотни лет, как картины сражений изменились, стали более грозными и впечатляющими. Уже не гребцы, а ветер, упиравший в сложные паруса, гнал корабль по открытому морю вдали от берегов. И хотя свистели еще стрелы, выпущенные из луков, сигналом к битве, ее началом стали громовые раскаты орудий, синий пороховой дым обозначал места, где в жестоких схватках сходились противники.

Почему так случилось? Тысячи лет не менялись флот и его вооружение, а тут вдруг такие перемены за считанные столетия? Чтобы разобраться в этом, нам опять придется немного помедлить с рассказом о битвах. Все дело в том, что человечество вступало в новую эпоху общественного развития — в капитализм. Ушло в прошлое рабовладельческое общество, уходило с исторической сцены общество феодальное. Возник новый класс —

Христофор Колумб.

буржуазия. Энергичные, предприимчивые, изобретательные в способах наживы капиталисты превращали прежние мастерские ремесленников в фабрики и заводы, оснащали их пусть еще примитивными, но все же машинами. Машины давали возможность делать больше товаров, чем делали их раньше вручную.

По десять, двенадцать, четырнадцать часов работали пролетарии, все прибавляя и прибавляя товары капиталисту. Товары надо было превращать в деньги. Естественно, капиталист хотел продать товары подороже, отвезти туда, где их делать не умели и где был на них самый большой спрос и, следовательно, самая большая цена.

Но как доставить товары в далекие страны? Как привезти оттуда дешевое сырье для фабрик? Только по морю. Железных дорог ведь не было. Так возникла необходимость в больших кораблях, способных совершать длительные плавания в открытом море.

Корабль, полный товаров,— заманчивая добыча. Значит, торговые суда надо было охранять. А это мог сделать военно-морской флот.

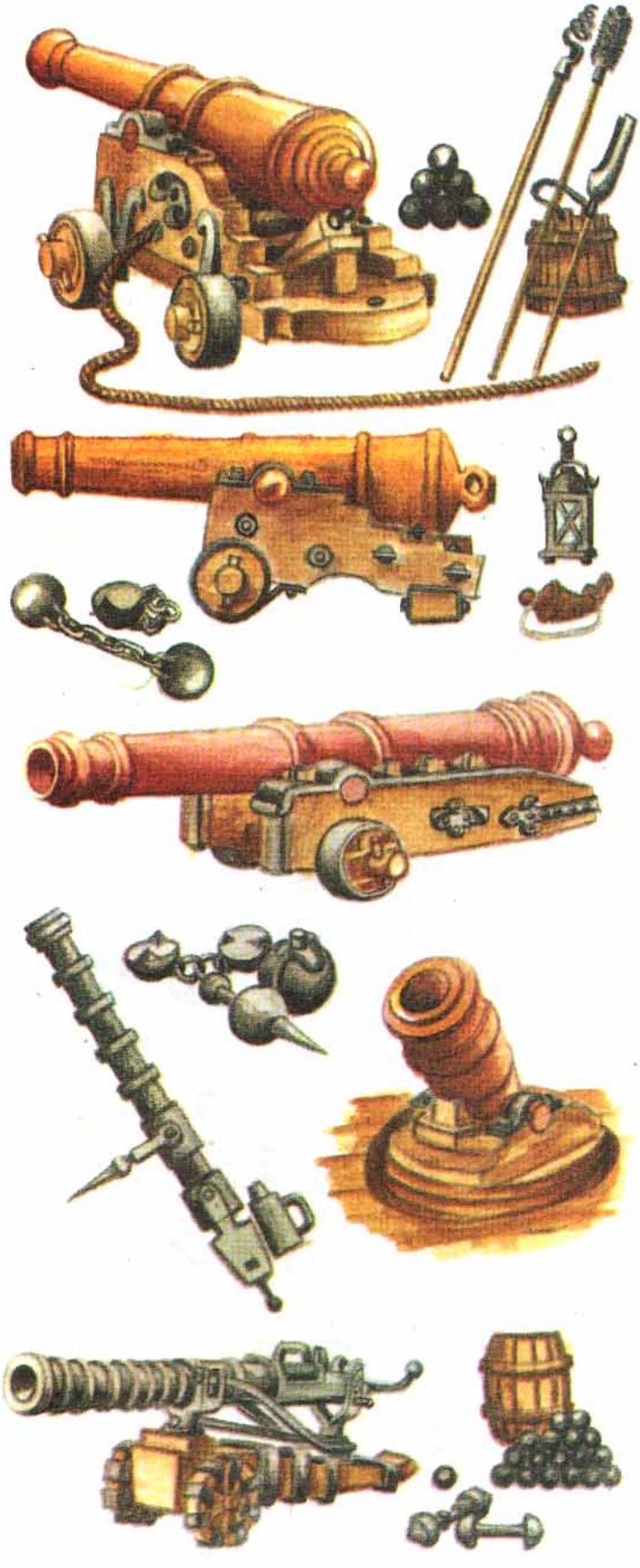
К созданию флотов принуждало еще одно обстоятельство. Ты, верно, помнишь значение Константинополя для торговли Европы со странами Востока? Напомню, Карл Маркс называл этот город «золотым мостом между Востоком и Западом». Но получилось так, что «золотой мост» оказался закрытым. А закрыли его турки, завоевавшие Византию. Турки не пускали европейских купцов через свои владения ни в Иран, ни в Китай, ни в богатейшую Индию. В Индию европейцы могли теперь попасть только морем. К слову сказать, как плыть в Индию, никто еще не знал.

В 1492 году на поиски Индии отправился генуэзец Христофор Колумб, служивший у испанцев. Однако попал он совсем в другую страну — пересек Атлантический океан и оказался у берегов Южной Америки. Достиг желанной Индии через шесть лет португалец Васко да Гама, обогнув Африку. Вскоре испанец Магеллан совершил первое кругосветное плавание. Люди были потрясены рассказами мореплавателей о богатствах открытых ими земель, о легкости, с которой их можно было взять. И опять же, чтобы добраться до сказочных богатств, чтобы охранять захваченные земли-колонии от других захватчиков, требовался флот.

Можно сказать, что необходимость в сильном военно-морском флоте и создала его. Причем довольно быстро. Буржуазия не хотела медлить, когда огромные прибыли сами просились в руки. Потратившись на деревянный корабль с полотняными парусами и бронзовыми пушками, владелец встречал его из дальнего плавания как бы сделанным из чистого золота. В эти годы самыми нужными людьми стали корабельные плотники, пушечные мастера, матросы, капитаны. Испанцы и португальцы, англичане и голландцы, французы и датчане — все связанные с морем народы устремились в океанские просторы.

Васко да Гама.

Фернан Магеллан.



Надо ли говорить о жестокости, с которой наемники капиталистов завоевывали колонии и истребляли туземцев? Эти времена, по словам Карла Маркса, вписаны «...в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня». «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке,— писал Маркс,— искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства».

Мы с тобой, читатель, коротко, несколько упрощенно разобрали причины, побудившие создать военно-морской флот. Но мы ничего еще не сказали о технических возможностях того времени. Они были довольно благоприятными для совершенствования кораблей и вооружения.

КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ

АРТИЛЛЕРИЯ

В Европе первые артиллерийские выстрелы услышали жители испанского города Сарагосы. Эту крепость в 1118 году обстреляли завоеватели-арабы. Сами они узнали секрет пороха и пушки от китайцев и индийцев.

Испанцы, испытав на себе действие артиллерии, первыми из европейцев обзавелись собственными орудиями. В 1308 году они взяли Гибралтарскую крепость с помощью нового оружия.

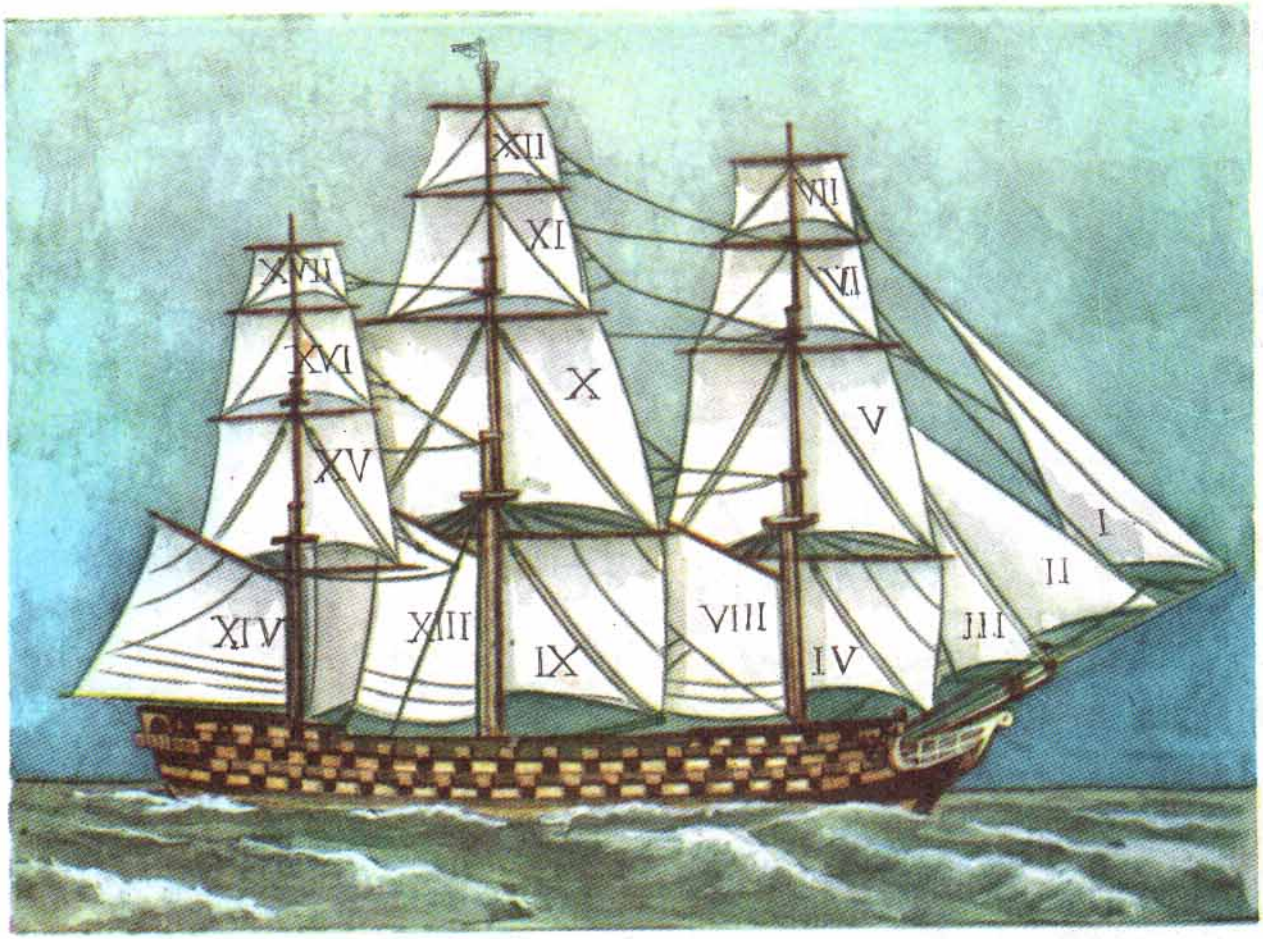
Вскоре состав пороха перестал быть тайной. По всей Европе начали делать пушки. Это произошло в середине XIV века.

Первые орудия были громоздкие, тяжеловесные, неудобные в обращении. Лить стволы еще не умели, их сваривали из длинных полос железа и для прочности охватывали обручами. В пушку насыпали порох, закладывали пыж, затем каменное ядро, наводили ствол в цель и стреляли, поджигая порох через дырочку раскаленной проволокой.

Стреляли такие орудия всего на 50—100 метров. В час можно было сделать не больше двух выстрелов. В 1551 году произошел курьезный случай: французские корабли увидели большую эскадру испанских галионов. Хитрые французы подняли на своих кораблях флаги испанского императора и просигналили, что везут императорскую родственницу. Испанцы по ритуалу отсалютовали «родственнице» из всех орудий. Поняв оплошность, кинулись заряжать орудия, но второго выстрела не успели произвести — французы были уже рядом, пошли на абордаж и захватили на галионах богатую добычу.

Артиллерийское производство все время совершенствовалось. Одна новинка приходила за другой. Научились отливать орудийные стволы — вначале из бронзы, потом из чугуна. Придумали зажигательные снаряды — чугунные ядра, обмазанные смолой и серой. Придумали бомбу. Внутри

Пушки и мортира.



Основные паруса 96-пушечного линейного корабля. Первая половина XIX века.

I— бом-кливер; II— кливер; III— фор-стеньга-стаксель; IV— фок; V— фор-марсель; VI— фор-брамсель; VII— фор-бом-брамсель; VIII — фор-грисель; IX — грот; X — грот-марсель;XI — грот-брамсель;XII — грот-бом-брамсель; XIII — грот-трисель; XIV — бизань /косая/; XV — крюйс-марсель; XVI — крюйс-брамсель; XVII — крюйс-бом-брамсель.

ее помещали порох. У бомбы поджигали фитиль и с горящим фитилем закладывали в орудие. Стрелять надо было без промедления, иначе бомба разрывалась в стволе. Был любопытный снаряд — книпель. Это два ядра, скрепленные между собой цепью или железным штырем. Книпелями разрушали оснастку корабля, рвали паруса, тросы и канаты, сбивали части рангоута.

ПАРУСА

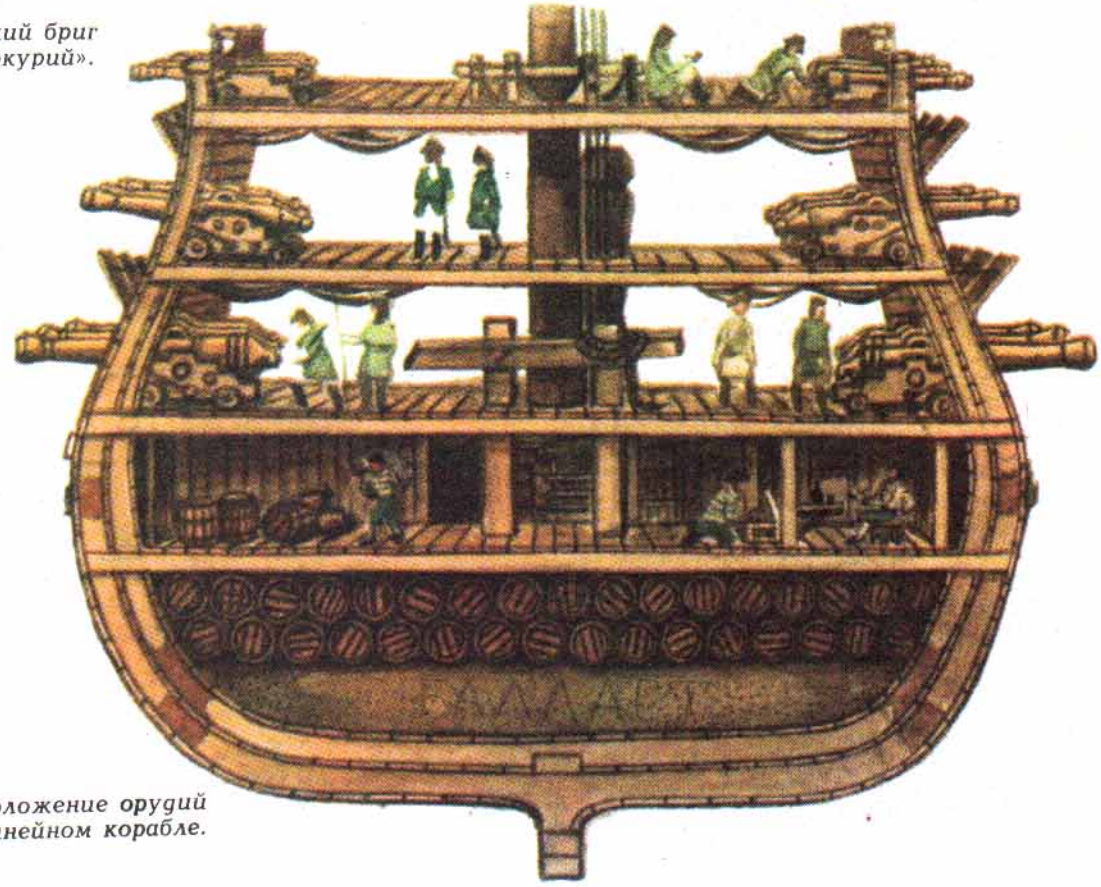
Книпель был придуман не зря: нарушить оснастку корабля, превратить паруса в подобие простыней, болтающихся на бельевой веревке, значило лишить корабль хода. Сдвинуть с места, а тем более перемещать с помощью весел корабль водоизмещением в полторы тысячи тонн было невозможно. (Правда, на первых парусных кораблях — галеасах были еще весла, а на галерах они были основным движителем и в XIX веке.) Посмотри рисунок линейного корабля первой половины XIX века. Он дает представление о сложности оснастки. Как много парусов на нем! Как расчетливо расположены они! Малейшее дуновение ветра будет поймано ими. О самых быстрых парусниках—клиперах большой знаток флота капитан и писатель Д. Лухманов писал: «Они были так легки на ходу, что даже при таком ветерке, когда человек мог ходить с зажженной свечкой по палубе, имели до 7 узлов хода».

КОРАБЛИ

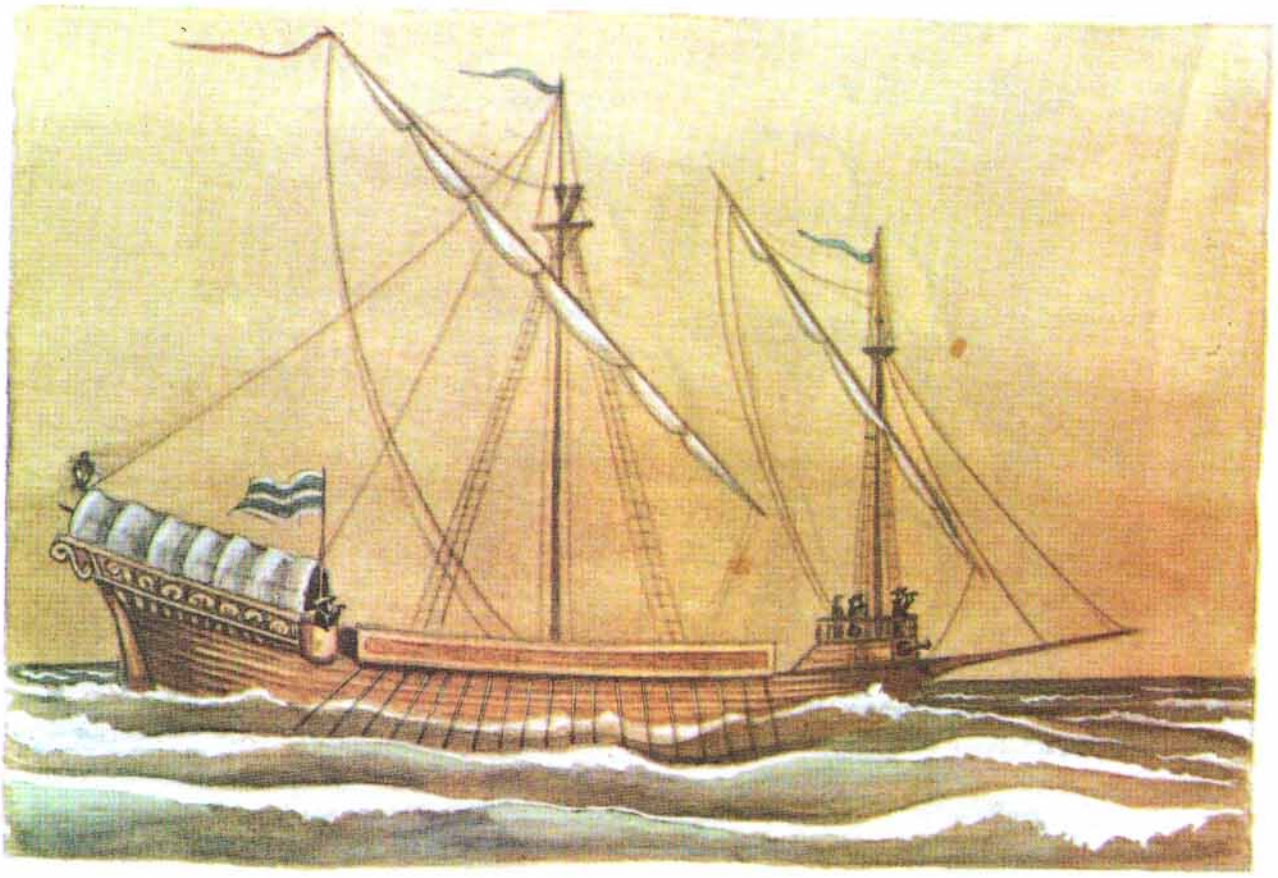
Поскольку пушки были тяжелые,а к их весу надо прибавить вес ядер — чугунных, бронзовых или свинцовых,— то судостроители старались делать корабли все крупнее и крупнее. На большом корабле орудий больше, потому он и сильнее. Появились корабли с командой в тысячу человек, вооруженные сотней пушек. Длина такого корабля была 50, а ширина 15 метров. Триеры древних

Каравелла Колумба «Санта-Мария» (на стр. 50).

Русский бриг «Меркурий».



Расположение орудий на линейном корабле.



Скампавея /малая галера/ времен Петра I.

были плоскодонные. Теперь же корабли строили с килем, это делало их более устойчивыми, или, как говорят моряки, остойчивыми. Корабль глубоко сидел в воде, над водой возвышались крепкие борта. Обводы корабля со временем приобрели стройные, изящные очертания, что улучшило мореходность и маневренность судов.

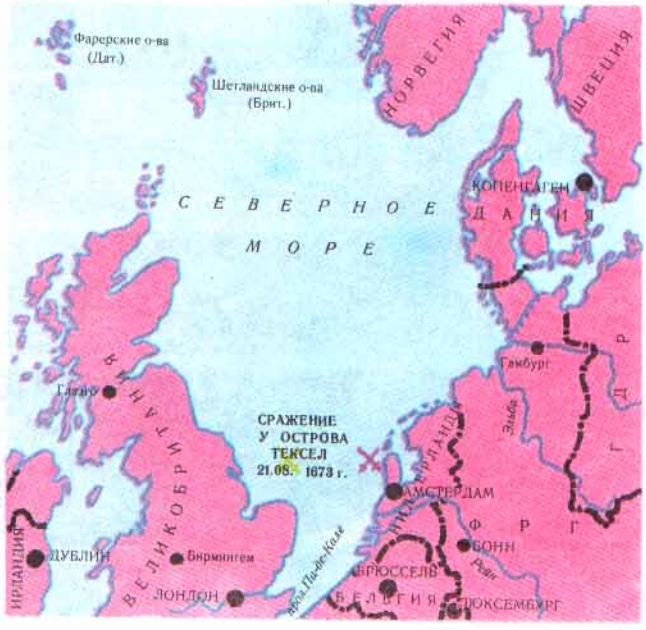
Не простым делом оказалось размещение пушек. Вначале их ставили только на носу и на корме, потом — вдоль бортов. Наконец, стали делать на кораблях не одну палубу, а две или три — как этажи, и на всех этажах-деках устанавливали орудия. Корабельные пушки в три ряда со всех сторон опоясывали корабль.

ТАКТИКА ПАРУСНЫХ КОРАБЛЕЙ В БОЮ

Совершенно очевидно, что более мощный залп корабль мог произвести из бортовых орудий. Это и определило тактику того времени. Корабли выстраивались в линию кильватера — один в киль другому, один за другим. Встав против такой же линии неприятеля, флот начинал артиллерийский бой.

Очень важно было перед боем занять наветренное положение, то есть находиться по отношению к ветру впереди противника. Флот, занявший наветренное положение, диктовал начало и дистанцию боя: ему было легко совершать маневры, он мог пустить на неприятельскую линию

Северное море.



брандеры — парусные суда, наполненные горючим материалом и предварительно подожженные; брандеры сцеплялись с неприятельскими кораблями, и те тоже загорались. Ветром же сносило на неприятеля пороховой дым, который осложнял стрельбу и другую работу команды. Наконец, тот, кто находился в наветренном положении, мог в нужный момент прорезать неприятельскую линию через разрывы, образовавшиеся в ней, и отбить корабли авангарда или арьергарда.

Свое преимущество было у находящихся под ветром: их поврежденные корабли легко выходили из боя.

В первых морских сражениях часто получалось, что против большого корабля в линии противника оказывался маленький корабль атакующей линии. Маленькому с большим было сражаться трудно. И случалось, мощный флот проигрывал бой из-за подобного обстоятельства. Тогда в линию стали выстраивать только большие корабли. Их стали называть линейными. Постепенно все корабли разделились на классы по силе артиллерийского вооружения и задачам.

Линейные корабли вели бой в линии. Их водоизмещение 700—1800 тонн, 60—100 пушек, экипаж 450—750 человек.

Фрегаты — средние корабли — тоже вели бой в линии и занимались разведкой. Водоизмещение 100—700 тонн, 35—50 пушек, экипаж 130—250 человек.

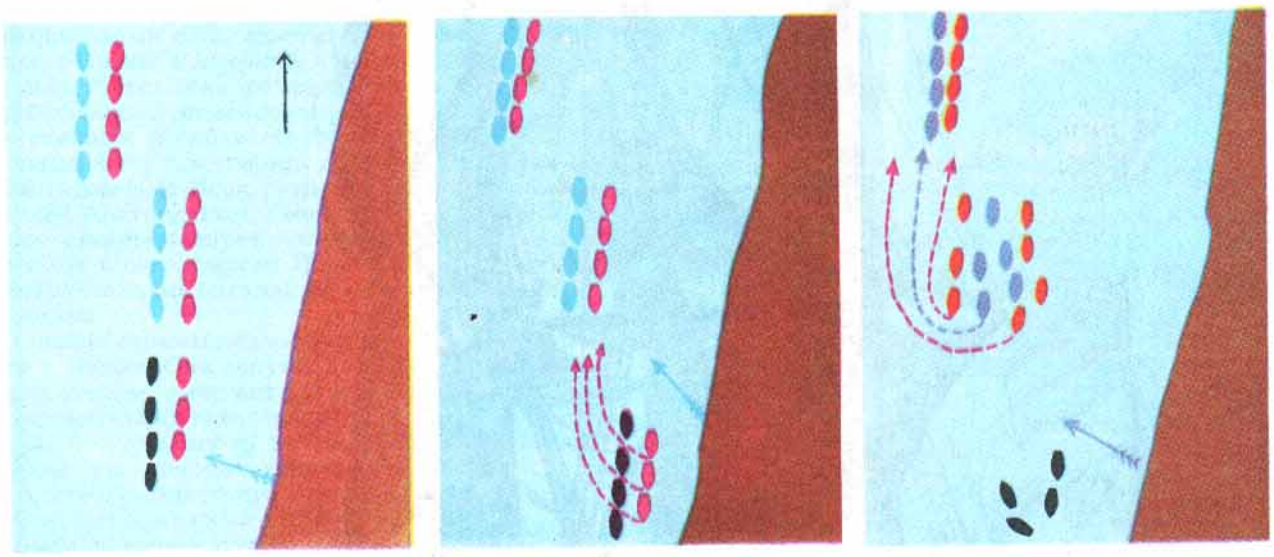
Легкие крейсеры (корветы, бриги, бригантины) нападали на торговые суда, охраняли свои торговые суда, поддерживали связь на флоте. Водоизмещение 50—250 тонн, 6—36 пушек, экипаж до 100 человек.

Брандеры — мелкие парусные суда для поджигания неприятельских кораблей.

В бою важное значение приобрели точное выполнение распоряжений флотоводца, слаженные и одновременные перестроения кораблей. Чтобы облегчить управление флотом, его стали делить на три эскадры. Каждая эскадра состояла из трех дивизий: авангарда, которым командовал вице-адмирал, центра, где находился возглавлявший всю эскадру полный адмирал, и арьергарда, которым командовал контр-адмирал. Отдельными кораблями командовали капитаны.

Командующий флотом, находившийся на наиболее сильном корабле, управлял боем с помощью флажных сигналов и посыльных судов.

Сражение у острова Тексел. 21 августа 1673 года.



Англичане.

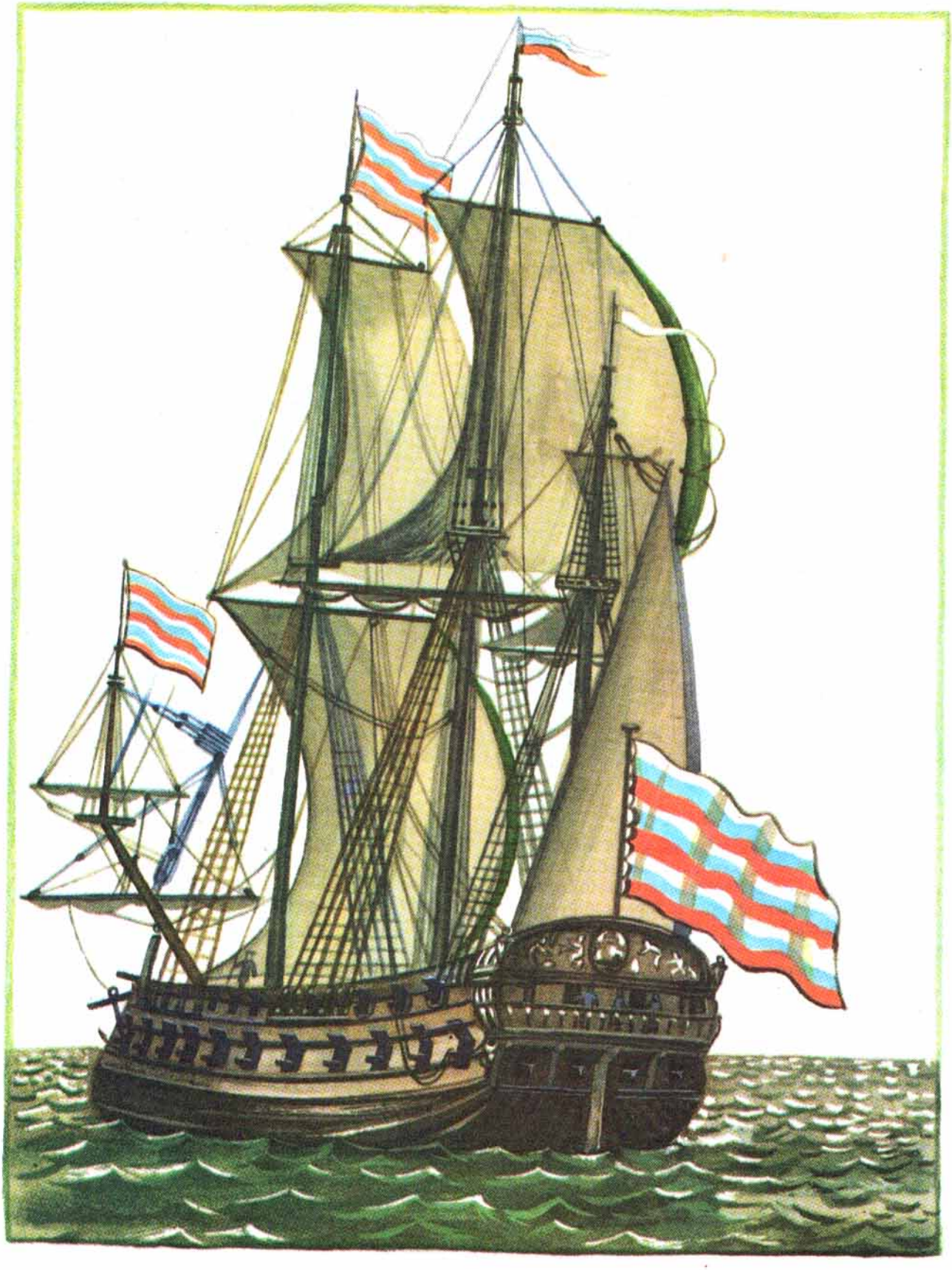
Французы.

Голландцы.

Четырнадцатое сражение

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Море расположено между островами Великобритания, Оркнейскими и Шетландскими — на западе, полуостровами Скандинавским и Ютландским — на востоке, на юге оно омывает берег Европы. На севере воды Северного моря сливаются с водами Норвежского моря. Средняя глубина — около 100 метров. Часты туманы. Льды мешают судоходству только в суровые зимы.



Ни в одной другой части Мирового океана нет такого интенсивного судоходства, как в Северном море. На побережье, им омываемом, расположены порты Великобритании, ФРГ, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии. Из Балтийского моря в Северное, а через него в Азию, Африку, в обе Америки плывут суда СССР, ГДР, Польши, Финляндии и Швеции.

Познакомившись с изменениями на флоте, давай посмотрим морское сражение тех времен. Отправимся в Северное море к берегам Голландии и Англии. Эти две страны в XVIII веке были сильнейшими и богатейшими в Европе. Голландия, например, имела 16 тысяч торговых и рыболовных судов, почти столько, сколько приходилось на долю всех других европейских народов.

С деловитостью и неутомимостью пауков капиталисты этих стран раскидывали по всему свету колониальные сети, охватывая ими земли в Африке, в Индии, в Америке. Хотя мир был велик, во многих точках земного шара сети англичан перекрещивались с сетями голландцев. Тогда в эти точки спешили корабли соперниц и силой оружия решали, кому там грабить туземцев. Всем известный город Нью-Йорк с самого начала назывался Новым Амстердамом. Смена названия на Новый Йорк свидетельствует, что англичане за тысячи миль от своего старого Йорка одержали победу над голландцами из столь же далекого старого Амстердама.

О непримиримых и злобных врагах говорят: «пауки в банке». Они дерутся до тех пор, пока одно насекомое не умертвит другое. В таком противоборстве сошлась английская буржуазия с голландской. Кто-то кому-то должен был подчиниться. Такова уж природа капиталистов — драться за богатство, вырывать его у другого, если даже другой может крепко дать сдачи.

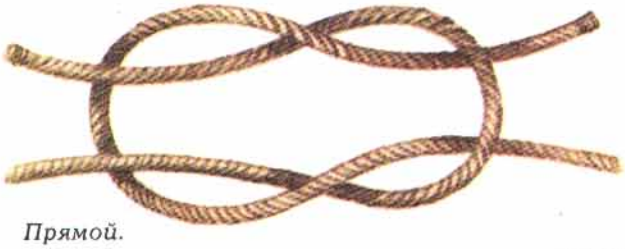
Было у соперников три войны. Они длились с небольшими перерывами 22 года. Из 15 боев и сражений, в которых побеждала то одна, то другая сторона, мы возьмем предпоследнее.

Посмотри карту того района. Обрати внимание на географическое положение Англии. Откуда бы ни шли голландские корабли — из Индии, Африки, Америки,— они обязательно пройдут около английских берегов. Англичане, используя выгоды географического положения, начали войну против торговых судов голландцев, возвращавшихся из колониальных плаваний. Голландцы ответили тем, что стали собирать суда в караваны и на охрану посылать эскадры боевых кораблей. Тогда Англия решила уничтожить военный флот неприятеля. Одновременно с морской войной Англия — а к ней присоединилась еще Франция — начала войну и на суше.

В конце июля 1673 года англо-французский флот вышел в море, чтобы высадить на побережье Голландии крупный десант и подкрепить им свои су-

Корабль «Предестинация», построенный в 1700 году на Воронежской верфи (с л е в а).

Отделка английского корабля «Ройял Соверен».



Прямой.

Рыбацкий штык.

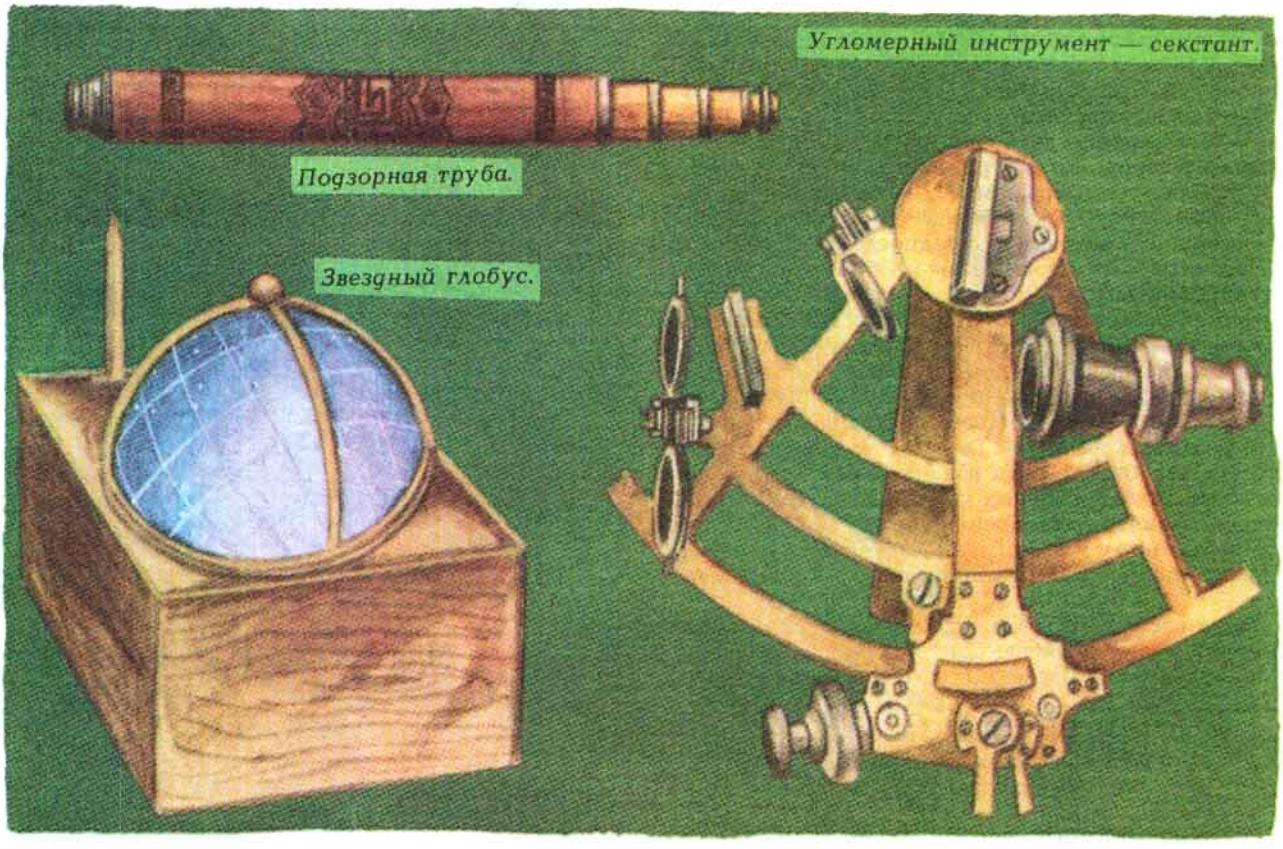
МОРСКИЕ УЗЛЫ.

Выбленочный.

Шкотовый.

Удавка.

Рифовый.



хопутные войска. Командовал флотом — 95 кораблей — адмирал Руперт.

Сухопутная армия голландцев была слабая. Поэтому командующий голландским флотом адмирал Рейтер получил приказ не допустить высадку десанта. Задача Рейтера осложнялась тем, что в это же время ожидался приход большого каравана торговых судов из Индии. Да и кораблей у голландцев было меньше — 70.

Рейтер понимал: спасти караван он сможет, если, несмотря на меньшие силы своего флота, сам нападет на противника первым, свяжет его боем — тогда торговым судам с богатыми товарами удастся проскользнуть в свои порты.

95 кораблей и 70 кораблей. Чем возместить разницу в 25 кораблей? Адмирал Рейтер рассчитывал на своих комендоров, которые стреляли лучше английских.

Голландский флот обнаружил неприятеля недалеко от острова Тексел, одного из Западно-Фризских островов. Корабли Рейтера оказались под ветром, ветер дул на них со стороны противника. Такое положение невыгодно для боя. И адмирал весь день и всю ночь маневрировал, дожидаясь благоприятного для себя ветра.

Утром ветер переменился, подул в восточно-юго-восточном направлении. Голландские корабли оказались в наветренном положении и приготовились к бою.

Теперь обратимся к первой схеме боя. Корабли союзников идут тремя кильватерными колоннами: в авангарде 30 французских кораблей; в центре 30 английских кораблей; в арьергарде 35 английских кораблей (см. стр. 53).

Адмирал Рейтер посчитал, что с авангардом союзников справятся 10 голландских кораблей — французы воевали плохо. А против центра и арьергарда он выделил почти столько же, сколько было у противника в этих отрядах,— по 30 кораблей.

Пока адмиралы готовятся к схватке, мы посмотрим вооружение их кораблей. В статье Фридриха Энгельса «Флот» есть описание большого английского корабля того времени. Он назывался «Ройял Соверен» — «Королевский властелин». На нижней палубе корабль имел 30 орудий 42-фунтовых и 32-фунтовых; на средней — 30 орудий 18-фунтовых и 9-фунтовых; на верхней палубе — 26 легких орудий, вероятно, 6- или 3-фунтовых. Кроме того, он имел 20 погонных орудий и 26 орудий на баке и «шканцах». 132 орудия!

Допустим, на других кораблях, встретившихся в бою, артиллерии было вполовину меньше, чем на «Королевском властелине», и то мы получим почти 11 тысяч стволов. Грозное число, не правда ли? Ко времени этого сражения пушки уже стреляли со скоростью до 12 выстрелов в час. Сражение предстояло нешуточное! Что означает «42-фунтовое орудие, 3-фунтовое»? В фунтах тогда выражался калибр орудий, определялся он по весу чугунного ядра. Старинная мера веса фунт равна 400 граммам. Значит, снаряд самой большой пушки «Королевского властелина» весил 16,8 килограмма, а самой маленькой — 1,2 килограмма.

Сражение началось. Голландский авангард контр-адмирала Банкерса атаковал французов, которые излишне удалились от центра. Те, имея численное превосходство, решили частью кораблей повернуть и выйти в наветренное положение. Если бы такое им удалось, то французы поставили бы противника в два огня, голландская линия оказалась бы между двумя линиями французских кораблей. Как это опасно, ты представляешь: на голландцев ядра посыпались бы с обеих сторон. Но когда французы поворачивали, расстояние между их кораблями так увеличилось, что в эти разрывы вошли голландские корабли. Что получилось? Французы могли стрелять в голландцев только из кормовых и носовых орудий, а голландские комендоры били по противнику из бортовых. Это сразу дало преимущество голландцам, ведь бортовых орудий в несколько раз больше, чем кормовых и носовых. Строй французских кораблей был нарушен, корабли получили большие повреждения и стали поспешно выходить из боя. Банкерс не преследовал французов. Он со своими десятью кораблями был очень нужен в центре. На второй схеме пунктирными линиями показано, как авангард идет на помощь Рейтеру.

Центры и арьергарды тоже вели бой. На английских кораблях было много десантников. Оберегая их от голландских ядер, Руперт все время держался на предельной артиллерийской дистанции. Несколько раз он приказывал своим кораблям спускаться под ветер, то есть отходить от наседавших голландцев.

Корабли Банкерса сразу изменили характер боя. Теперь против 30 англичан было 40 голландцев. То, что не удалось французам, удалось Рейтеру и Банкерсу: удачным маневром они поставили часть английских кораблей в два огня, а часть окружили. (Посмотри третью схему.) Голландские комендоры принялись осыпать неприятеля ядрами и бомбами.

В это же время напряженный бой вели арьергарды. Ни англичанам, ни голландцам не удалось сохранить строй линии, все корабли перемешались, и капитаны сами выбирали себе противника.

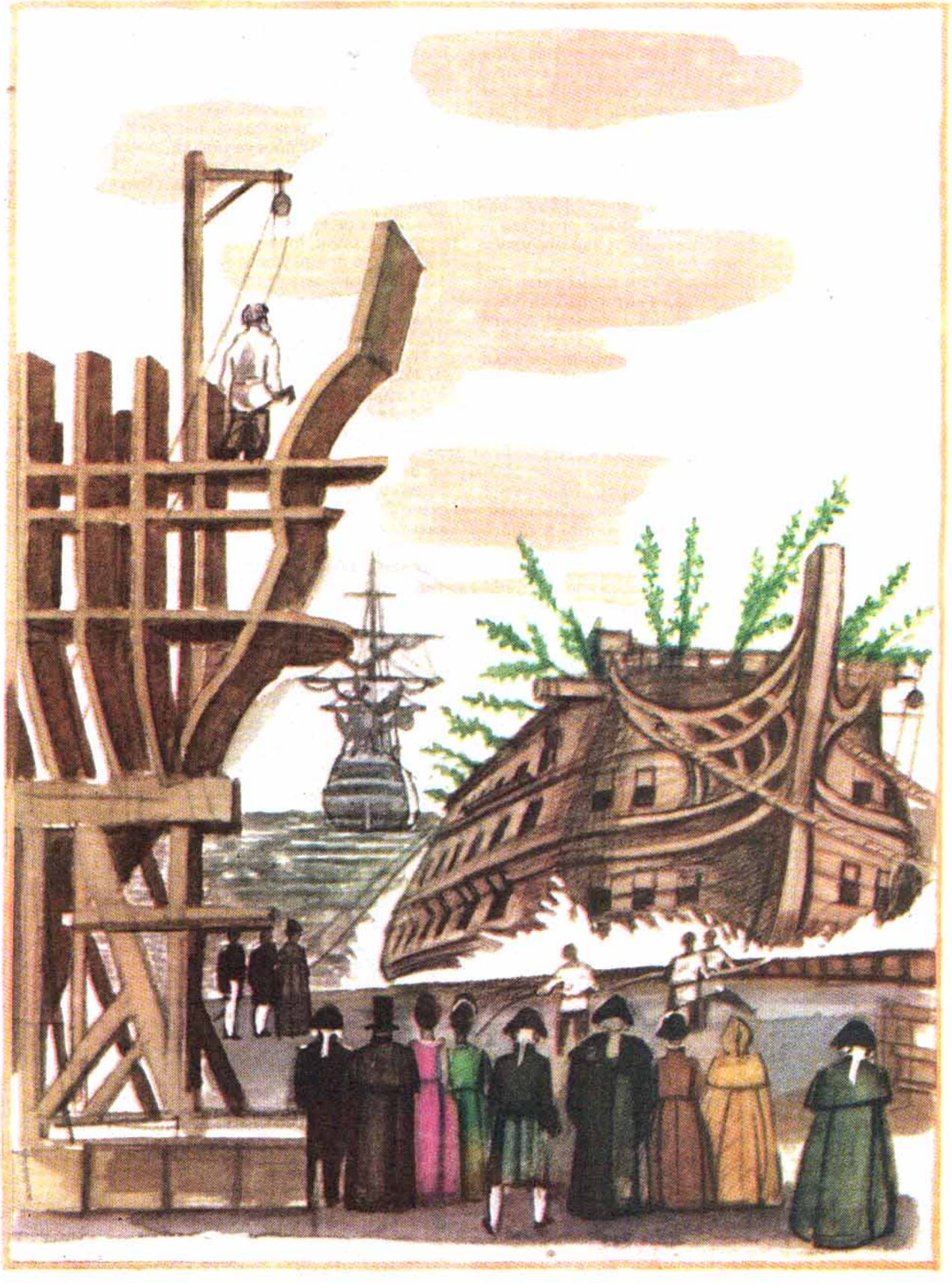
После полудня Руперту удалось вырваться из тисков голландцев. Он повел потрепанные корабли на соединение со своим арьергардом. К своему арьергарду последовал и Рейтер.

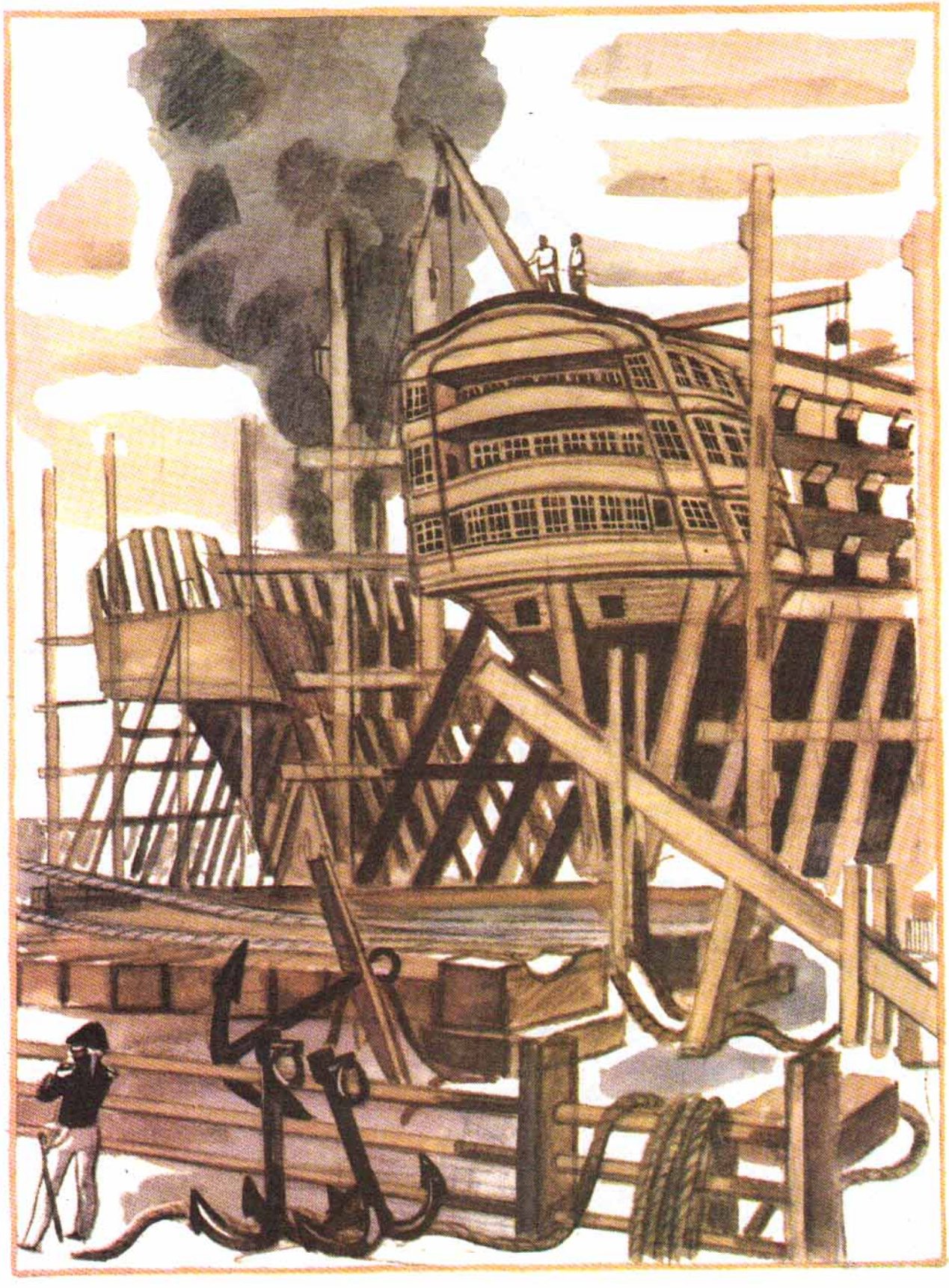
Все английские корабли — 65 — и все голландские — 70 — еще держались на воде. Бой разгорелся с новой силой. В вечерние часы и решился исход всего сражения. Голландские артиллеристы оправдали надежды своего адмирала. Пошел ко дну получивший многочисленные пробоины один английский корабль, затем — второй. Семь кораблей горели огромными кострами. На шлюпках, на досках, на обломках мачт английские матросы и десантники старались подальше отплыть от страшного места.

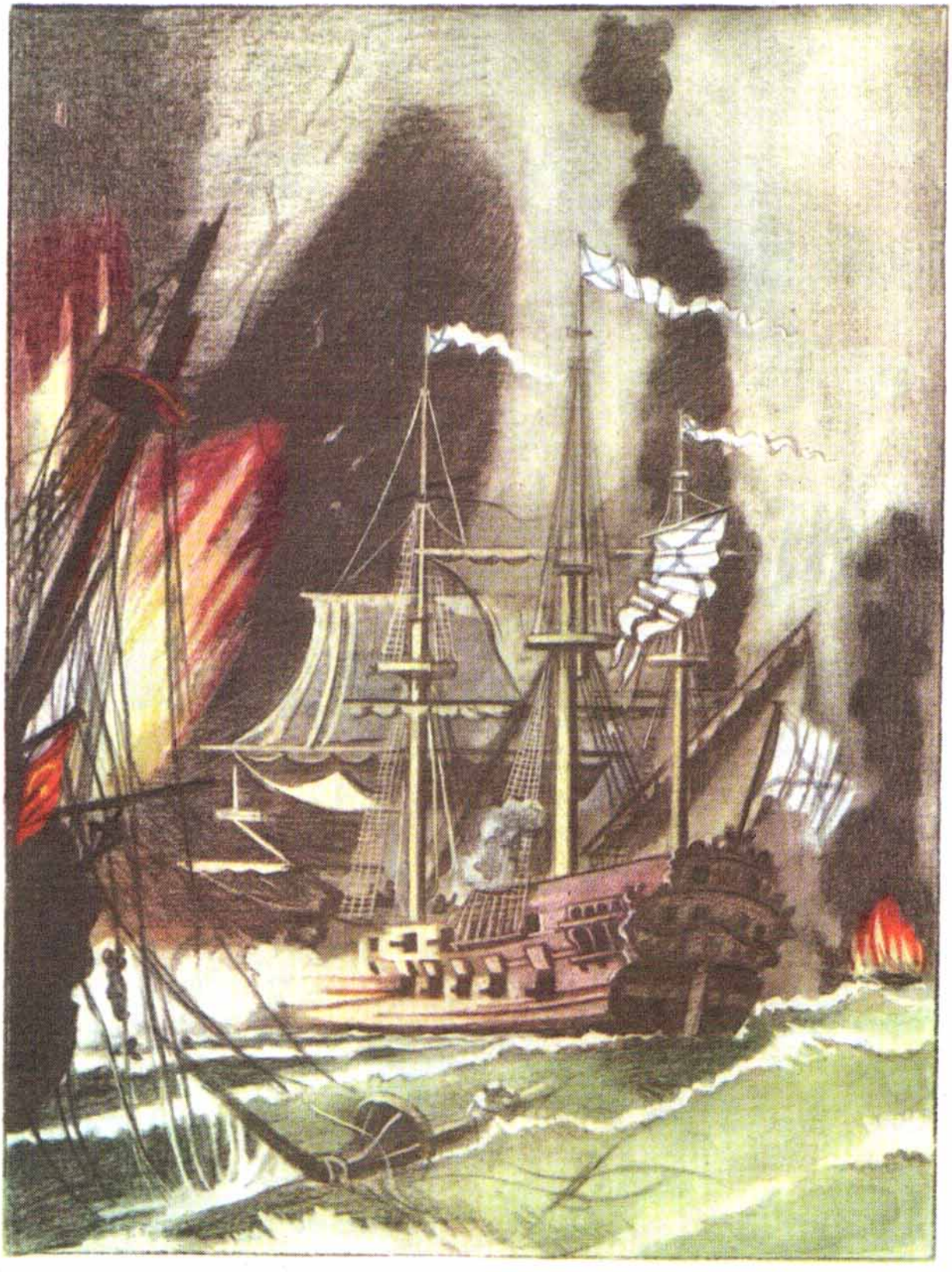
С заходом солнца бой прекратился. Противники ушли к своим базам. Как видим, сражение велось по всем правилам. И эти правила совсем не похожи на правила древних сражений.

Кроме девяти кораблей, англичане потеряли в тот раз убитыми около двух тысяч человек. Они не смогли высадить десант. Торговый караван голландцев беспрепятственно дошел до своих бере-

Строительство кораблей на Адмиралтейской верфи в Петербурге (на стр. 58, 59).







гов. У Рейтера все корабли держались на воде, хотя тоже получили много повреждений.

Рейтер добился серьезной победы. Но общую победу (за счет других сражений) и в морской и в сухопутной войне одержали англичане. Голландская буржуазия подчинилась буржуазии английской. С той поры и на долгие века Англия стала единоличной «владычицей морей». На всех важных морских дорогах встали английские крепости. По всем морям и океанам как хозяева поплыли английские военные корабли. А колонии Англии были во всех частях света. При населении 46 миллионов человек и территории 300 тысяч квадратных километров она (к 1914 году) владела колониальным населением в 393 миллиона человек и землями площадью 33 миллиона квадратных километров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ

В те годы, когда адмиралы Рейтер и Руперт водили в бой мощные эскадры, в семье русского царя Алексея Михайловича родился мальчик — будущий царь Петр I и вице-адмирал Петр Михайлов. Мое и твое, читатель, отношение к царям вполне определенное — оно укладывается в точную формулу: «Царей надо свергать». Но мы с тобой погрешили бы против истории, против правильного понимания ее, если бы отнеслись к Петру I без должного уважения.

Петр I, как и другие цари, был деспотом. Никто не считал, сколько крепостных, согнанных царевым указом на болотистые берега Невы, умерло до того, как встали там город Петербург, крепости, верфи, заводы. Но вот в другом указе написано: «Повелеваю хозяина оружейной фабрики Корнилу Белоглаза бить кнутом и сослать на работу в монастырь, понеже он, подлец, осмелился войску государеву негодные пищали и фузеи продавать. Старшего альдермана [браковщика] Фрола Фунса бить кнутом и сослать в Азов на галеры — пусть не ставит клейма на плохие ружья». Жестокий указ. Но когда представишь солдат, ушедших на войну с негодными ружьями, жестокость покажется оправданной. Следующие строки этого указа показывают Петра твердым администратором: «Приказываю ружейной канцелярии из Петербурга переехать в Тулу и денно и нощно блюсти исправность ружей».

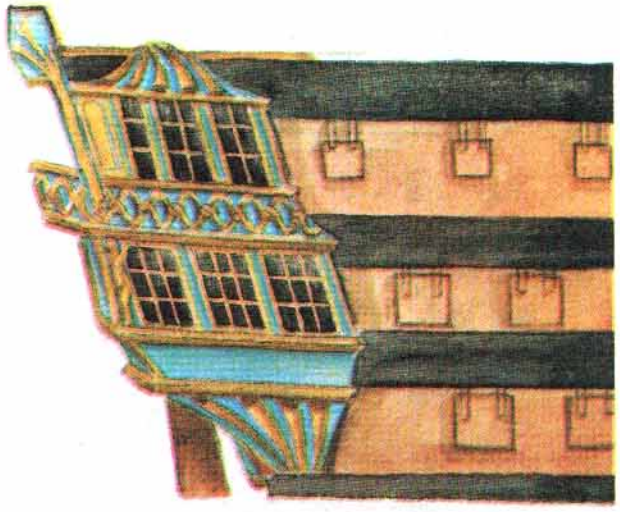
Не щадя никого, Петр не щадил и себя. Во второй год войны со шведами участвовал в абордажном бою при захвате неприятельских кораблей «Гедан» и «Астрильд», вошедших в Неву. Сам водил в контратаку батальон стрелков под Полтавой. А умер, простудившись на море во время бури, когда спасал команду тонувшего корабля. Личное отношение Петра I к общему делу не могло не вызвать симпатий у других людей. Главное же, что влекло за ним, что помогало преодолевать нечеловеческие трудности,— это то, что Петровы начинания и предприятия нужны были государству и всему народу России.

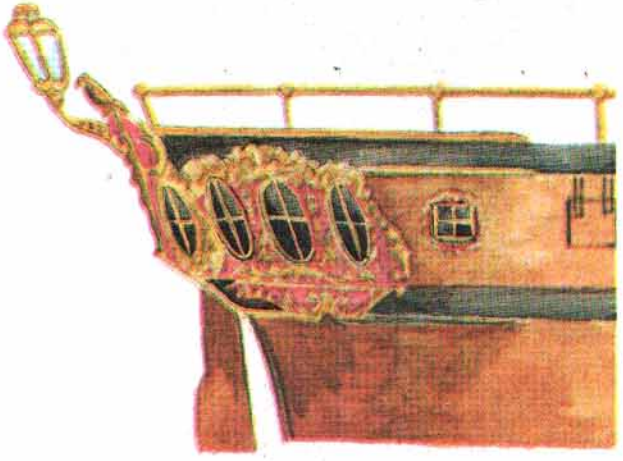
Петр I.

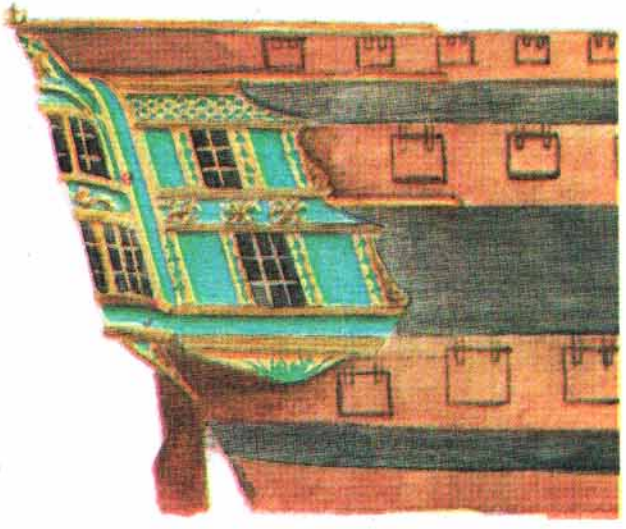
Россия тогда сильно отставала от развитых стран Европы — в экономике, в торговле, в культуре. Из этой общей отсталости происходила отсталость военная. Причин тому было много, и не последняя, что огромное государство было отрезано от Черного и Балтийского морей. Россия не могла возить свои товары в другие государства и вести торговлю. А границы страны постоянно были открыты — на юге для вторжения турок и крымских татар, на северо-западе для шведов, захвативших земли по берегам Финского залива.

Мы знаем: к концу царствования Петра I самым сильным, самым могучим на Балтийском море был русский флот. Он насчитывал 48 линейных кораблей и фрегатов, почти 800 галер и других судов. На кораблях и в морских крепостях несли службу 28 тысяч человек. А как трудно было создать такую мощь!

Корабельное дерево не обработаешь без инструмента. Надо было наладить изготовление пил, топоров, сверл. Нужны гвозди, скобы, цепи, якоря, нужны пушки и ядра к ним — и это производство пришлось начинать почти на пустом месте. А паруса, а сукно на солдатские и матросские мундиры? Надо было ставить ткацкие фабрики. Неученый командир не может вести корабль в море, на наемных иностранцев надежда плохая. Учреждались навигационные школы. Наконец, нужны бы-







ли уставы и наставления, чтобы организовать вооруженные силы, привести их в порядок, сделать боеспособными. Все это и многое другое было сделано.

Петр I особенно любил флот. Он отлично знал искусство кораблестроения и военно-морское искусство. Звание вице-адмирала было ему присвоено не потому, что он был царь, а потому, что заслужил его умелым и мужественным руководством в боях и сражениях. Его военный авторитет был очень высок. В 1716 году против шведов выступила эскадра русских, датских и английских кораблей. Датчанин генерал-адмирал Гульденлев и англичанин адмирал Норис единодушно предложили Петру I возглавить эскадру, хотя его морское звание было меньше, чем у них.

Петр любил флот. Но, готовясь к войне с турками и шведами за моря, он прежде занялся созданием сухопутной армии.

Почему так? Ведь сухопутной армией моря не отвоюешь. «Если отвоевать море, но не обеспечить удержание берегов, зачем начинать войну?» — так рассуждал Петр I и был дальновиден и проницателен.

«Основной войной Петра Великого» назвал Карл Маркс Северную войну со шведами. Она началась в 1700 году и кончилась в 1721-м. Швеция в то время была одним из сильнейших государств Европы. 38 линейных кораблей, 45-тысячная армия давали возможность воинственному королю шведов Карлу XII постоянно вмешиваться в дела соседей — Польши, Саксонии, Пруссии, Дании. Финляндия принадлежала шведам, земли прибалтийских народов и русские — вплоть до Ладожского озера — тоже. С таким грозным и опытным противником не побоялся вступить в единоборство Петр I.

Много сражений и боев — на суше, на море — провели русские и шведы за два десятка лет. Началось все с поражения русских войск под Нарвой в 1700 году, прошло через великую Полтавскую победу русских в 1709-м и закончилось походом на Стокгольм, когда отряды генерал-адмирала Апраксина остановились в трех километрах от шведской столицы — Карл XII умер, королева Элеонора, сменившая его, попросила Петра кончить военные действия.

В 1721 году был заключен мирный договор со шведами. Россия возвратила себе устье Невы, Карельский перешеек, Выборг, Кексгольм, приобрела Эстляндию, Лифляндию и Моонзундские острова. Россия прочно утвердилась на берегах Финского и Рижского заливов.

Карл Маркс об итоге войны писал: «Петр I завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны». Эти слова определяют характер Северной войны. Со стороны русских она была справедливой, наше сочувствие на стороне наших предков, сумевших одолеть опасного врага.

Убранство кормы русских кораблей.

ПОБЕДА У ГАНГУТА

Разгромом шведской армии под Полтавой закончился первый период Северной войны. Была решена важная задача: уничтожена считавшаяся непобедимой в Европе шведская армия. Россия была согласна заключить мирный договор при условии возвращения ей земель на побережье Балтийского моря, искони принадлежавших нашим предкам. Но король Швеции Карл XII и слушать не хотел об этом. Имея сильный флот, он был уверен в победе над Петром I.

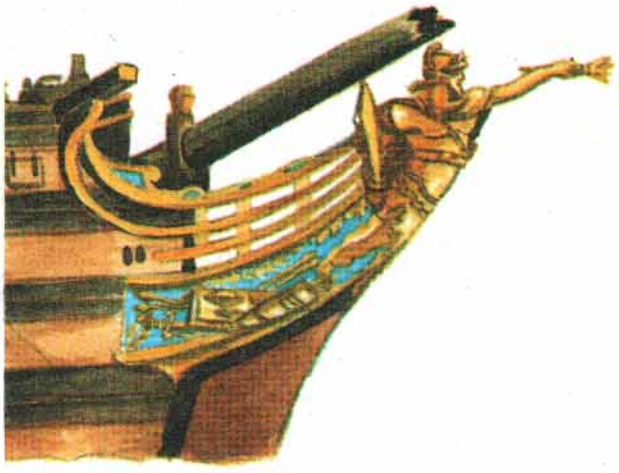
Одним из сражений, прославивших русский флот в борьбе за выход России к берегам Балтики, было Гангутское сражение, которое произошло в 1714 году. Еще в 1713 году русские сухопутные войска заняли основной опорный пункт шведов в Финляндии — Гельсингфорс (теперь Хельсинки) и затем овладели последней крепостью Финляндии — городом Або. На другой год Петр решил послать в Або гребной флот с десантом, чтобы оттуда напасть на Аландские острова, занять их, а с островов высадиться на побережье Швеции. Переход гребного флота от Котлина до входа в финские шхеры должен был прикрывать корабельный флот — линейные корабли и фрегаты. Затем кораблям надлежало уйти в Ревель, оттуда препятствовать проникновению шведского флота к Або и в Финский залив.

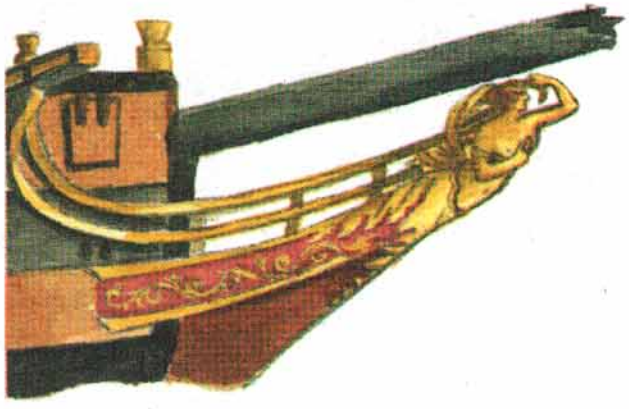
Гребной флот, которым командовал Апраксин, состоял из 99 галер и малых галер — скампавей. На нем было 15 тысяч десантников. В корабельный флот входили 11 линейных кораблей, 4 фрегата и другие парусные суда. Им командовал Петр I.

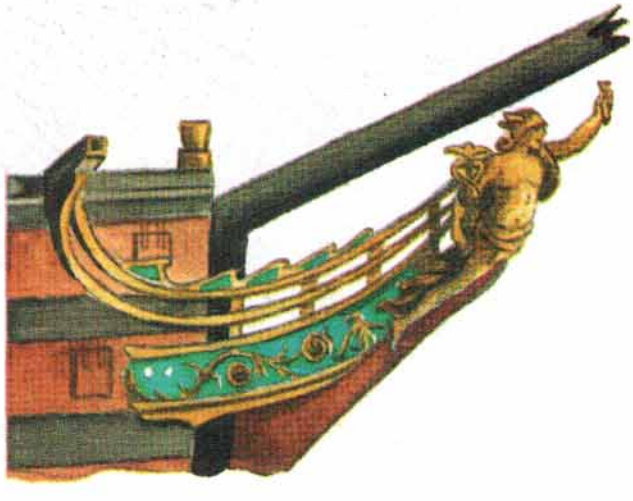
Первая часть плана была исполнена без затруднений. Галеры и скампавеи, идя на веслах сквозь шхеры — лабиринты скалистых островов и островков у финского берега, были неуязвимы для шведов. Гребных военных судов шведы имели мало, а линейные корабли, фрегаты и крейсеры не могли войти в шхеры из-за глубокой осадки и большой величины. Однако шведы рассчитывали перехватить и уничтожить русские галеры у южной оконечности Гангутского полуострова, где шхер не было, а был глубокий открытый плес. Там и сосредоточились под командой адмирала Ватранга 17 линейных кораблей, 5 фрегатов и небольшой отряд гребных судов.

Русский гребной флот в конце июня 1714 года подошел к Гангутскому полуострову и сосредоточился в бухте Тверминне. Разведывательные корабли обнаружили неприятельский флот. Апраксин отправил донесение Петру в Ревель о силах неприятеля и предложил корабельному флоту или отвлечь на себя противника, или совместно с гребным флотом атаковать его.

Петр не захотел вводить в дело свои корабли из-за большого численного превосходства шведов. Он отправился к Гангуту, чтобы разобраться во всем на месте. Царь-адмирал сам провел разведку

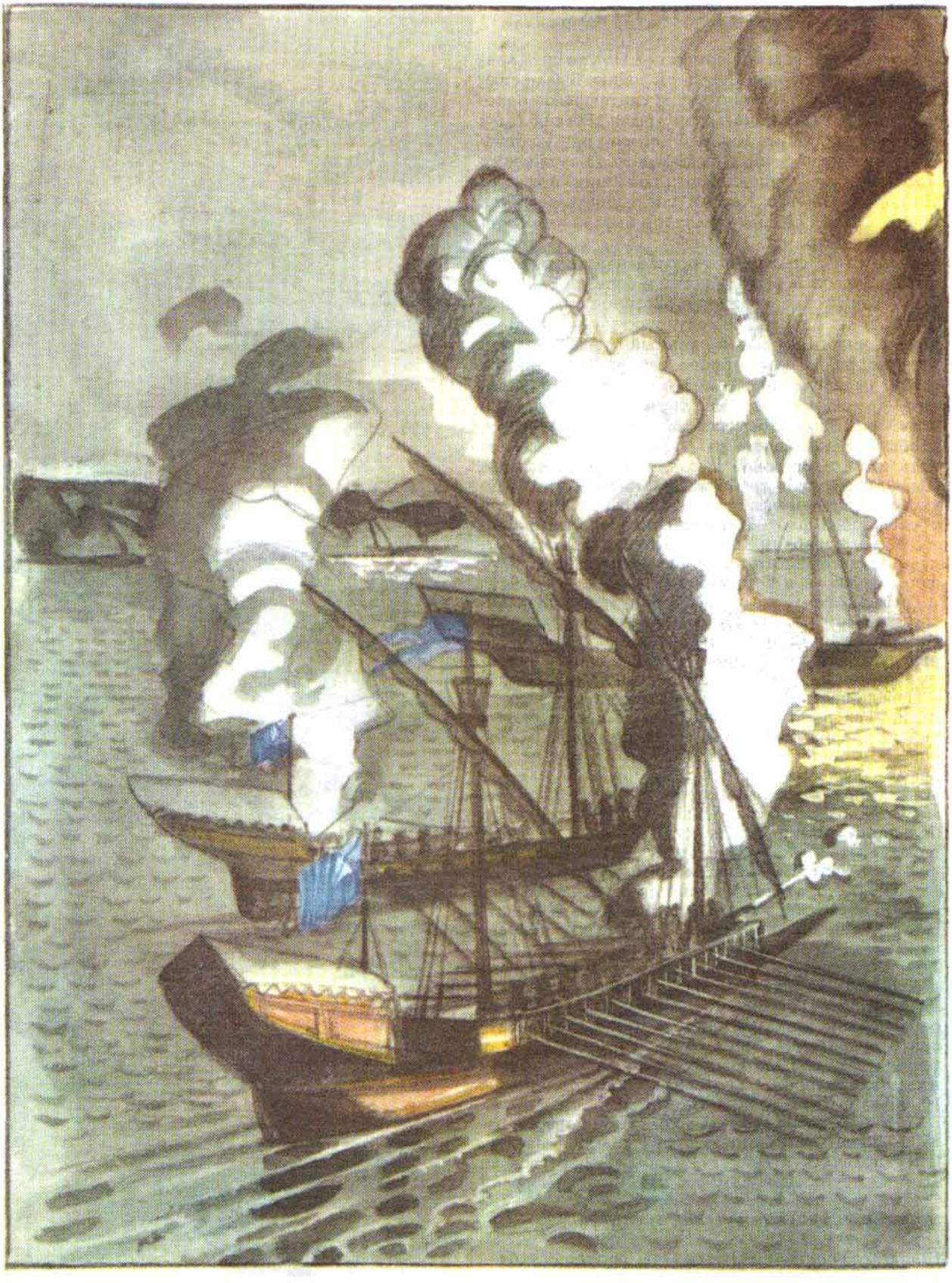


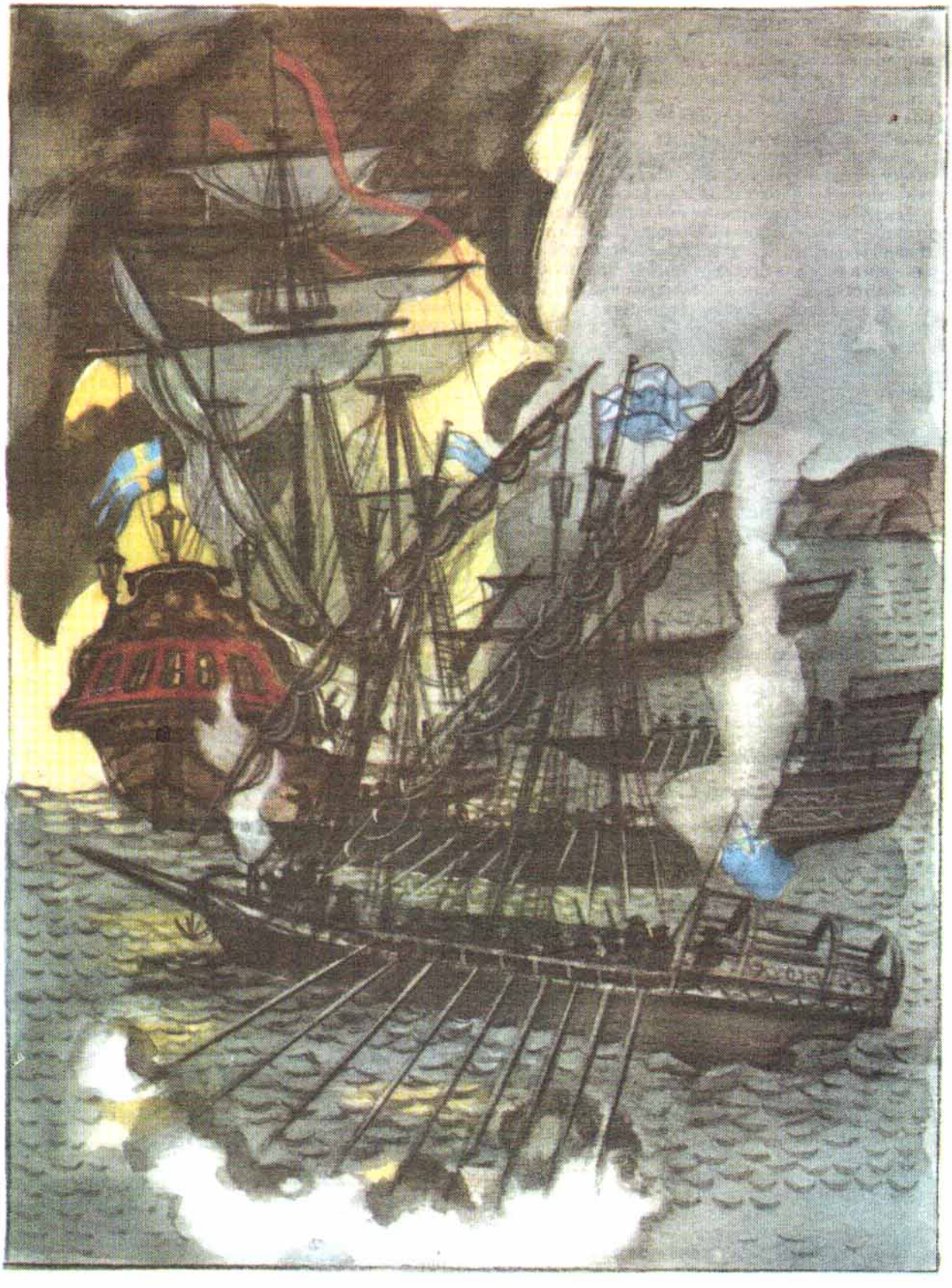




Носовые украшения русских кораблей.

Гангутское сражение. Июль 1714 года (на стр. 64—65).





неприятельского флота и обследовал весь полуостров. В его северной части оказался перешеек шириной всего два с половиной километра. Петр приказал строить на перешейке бревенчатый настил, чтобы перетащить по нему корабли через полуостров,— у западного берега полуострова снова начинались шхеры.

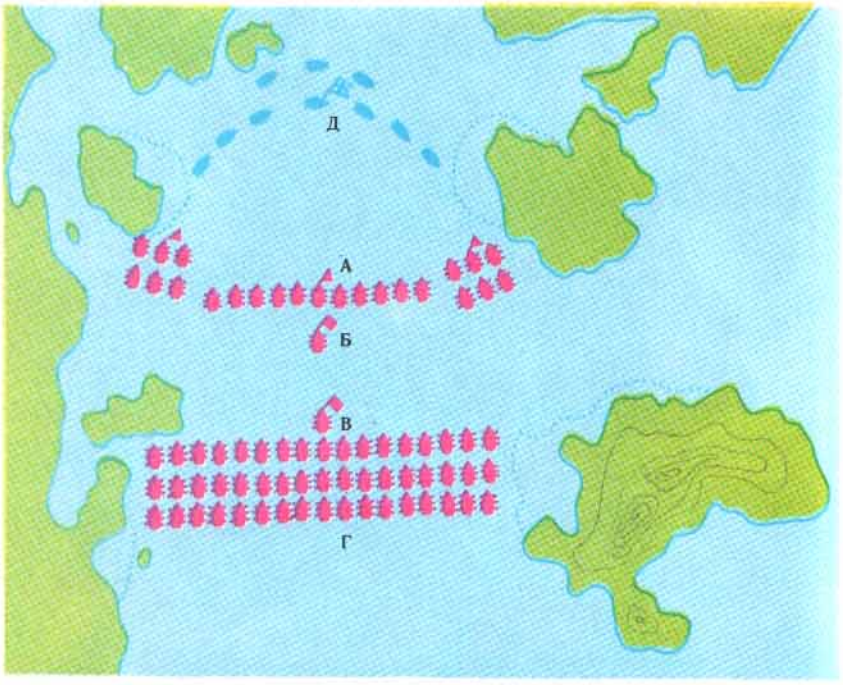
Это была технически осуществимая задача. Поэтому Ватранг, узнав от местных жителей о строительстве переволоки, принял все за чистую монету и немедленно предпринял ответные действия: направил контр-адмирала Эреншельда с парусно-гребным фрегатом «Элефант», шестью большими галерами и тремя шхеботами на западную сторону полуострова. Одновременно вице-адмирал Лиллье направился к бухте Тверминне с 8 линейными кораблями, фрегатом и двумя бомбардирскими судами. Лиллье должен был атаковать русский флот в подходящий момент, скорее всего тогда, когда часть галер была бы переброшена по переволоке на другую сторону полуострова. Ватранг с 7 линейными кораблями и 2 фрегатами остался на месте — сторожить мыс Гангут.

В Северной войне русские войска часто применяли военные хитрости. Без них и побед было бы меньше, и достались бы они тяжелее. В чем теперь состояла хитрость? В том, что Петр и не думал перетаскивать все галеры на другую сторону. Он намеривался перетащить несколько скампавей, чтобы вызвать у шведов замешательство их неожиданным появлением в тылу. Но шведы предвосхитили развитие событий, сами поторопились разделить флот на части. Это была большая ошиб-

Бой русских галер со шведами.

Утро 26 июля.

А — главные силы русского галерного флота.
Б — авангард русского флота, прорывающийся мористее главных сил шведского флота.
В — дозорный отряд русских, идущий на прорыв следом за авангардом.
Г — главные силы шведского флота.
Д — отряд Лиллье, возвращающийся к Ватрангу.
Е — отряд Эреншельда у переволоки.



Положение кораблей перед боем у Рилакс-фиорда 27 июля.

А — передовой отряд русских кораблей.
Б — корабль Петра I.
В — корабль Апраксина.
Г — главные силы русского флота.
Д — корабли Эреншельда.

Утро 27 июля.

А — главные силы русского флота.
Б — русский авангард, заблокировавший отряд Эреншельда.
Г и Д — главные силы шведского флота, отряды Ватранга и Лиллье.
Е — отряд Эреншельда.

ка Ватранга. В самом горячем месте — у мыса Гангут — он ослабил свои силы.

Петр не мог упустить такой выгодной ситуации. Он знал, что летом в этом районе по утрам бывает безветренная погода, штиль стоит почти до полудня. Было и решено утром прорваться через опасное место под самым носом неприятеля.

Вечером 25 июля 20 скампавей авангарда подо-

шли к Гангутскому плесу. Там уже были 15 скампавей дозора. За ночь гребцы выспались — им предстояла трудная работа.

Наступило утро 26-го. Ветра не было. Грозные корабли Ватранга, подошедшие к берегу так близко, как было только можно, стояли с обвисшими парусами. Скампавеи вышли из шхер и на предельной скорости пошли мористее стоянки шведов (мористее — дальше от берега). Они двигались в кильватерной колонне, одна за другой, вызывая ярость шведского адмирала. Корабли открыли сильный огонь. Но ядра не доставали русских. Тогда шведы начали буксировать корабли с помощью шлюпок. Дело у них продвигалось медленно. Вслед за авангардом и скампавеи дозора, взяв еще мористее, благополучно миновали 15-километровый плес и вошли в шхеры на западной стороне Гангутского мыса. Они остановились там для короткого отдыха, а затем заблокировали корабли Эреншельда у переволоки.

Лиллье из-за штиля не смог подойти к Тверминне и вечером вернулся к Ватрангу. Шведы побоялись, что ночью галеры могут атаковать их, поэтому корабли отошли от берега. Они встали двумя линиями на том месте, где прошли скампавеи, и ждали утра.

Пока приближается рассвет 27 июля, посмотри первую схему Гангутского сражения. Ты яснее представишь себе те события.

Посмотрел? Теперь понадобится вторая схема. Утро наступило, сражение, похожее на игру в кошки-мышки, продолжается.

В минувшую ночь галеры Петра и Апраксина — уже главные силы — подтянулись из Тверминне к плесу. Утром при штиле и тумане они ринулись на прорыв, но уже около самого берега, теперь мористее были шведы. Шведские ядра опять не долетали до галер и скампавей. Шлюпки опять взяли на буксир тяжелые корабли и тащили их к берегу. Но все было напрасно, русские обогнули мыс и двинулись туда, где стоял заблокированный отряд Эреншельда. Только одна галера села на мель, и шведы захватили ее.

Теперь посмотри третью схему сражения. У Эреншельда, напомню, 18-пушечный фрегат, шесть больших галер и три шхербота — всего 120 орудий. Видишь, как он расположил свои корабли? Фрегат в центре полукруга кораблей, фланги упираются в прибрежные отмели. Прямо как в сражениях древних флотов.

У русских большое превосходство в силах. Но воспользоваться им невозможно: очень мало пространство, на котором встретились противники (подобное было у персов в Саламинском сражении). Поэтому атаку будут вести 23 скампавеи, на каждой от 3 до 5 небольших пушек, всего 90. Скампавеи стоят в строю фронта с двумя рядами кораблей на флангах. Командовать ими будет Петр. Его галера — позади строя скампавей. Если понадобится помощь, она придет из главных сил флота, которым командует Апраксин.

После полудня русские корабли тремя отрядами начали атаку. Впереди каждого отряда на шлюпках шли командиры, стоя со шпагами в руках,— предстоял абордажный бой.

Шведы открыли частый артиллерийский огонь. Так они отбили две атаки. Тогда Петр приказал

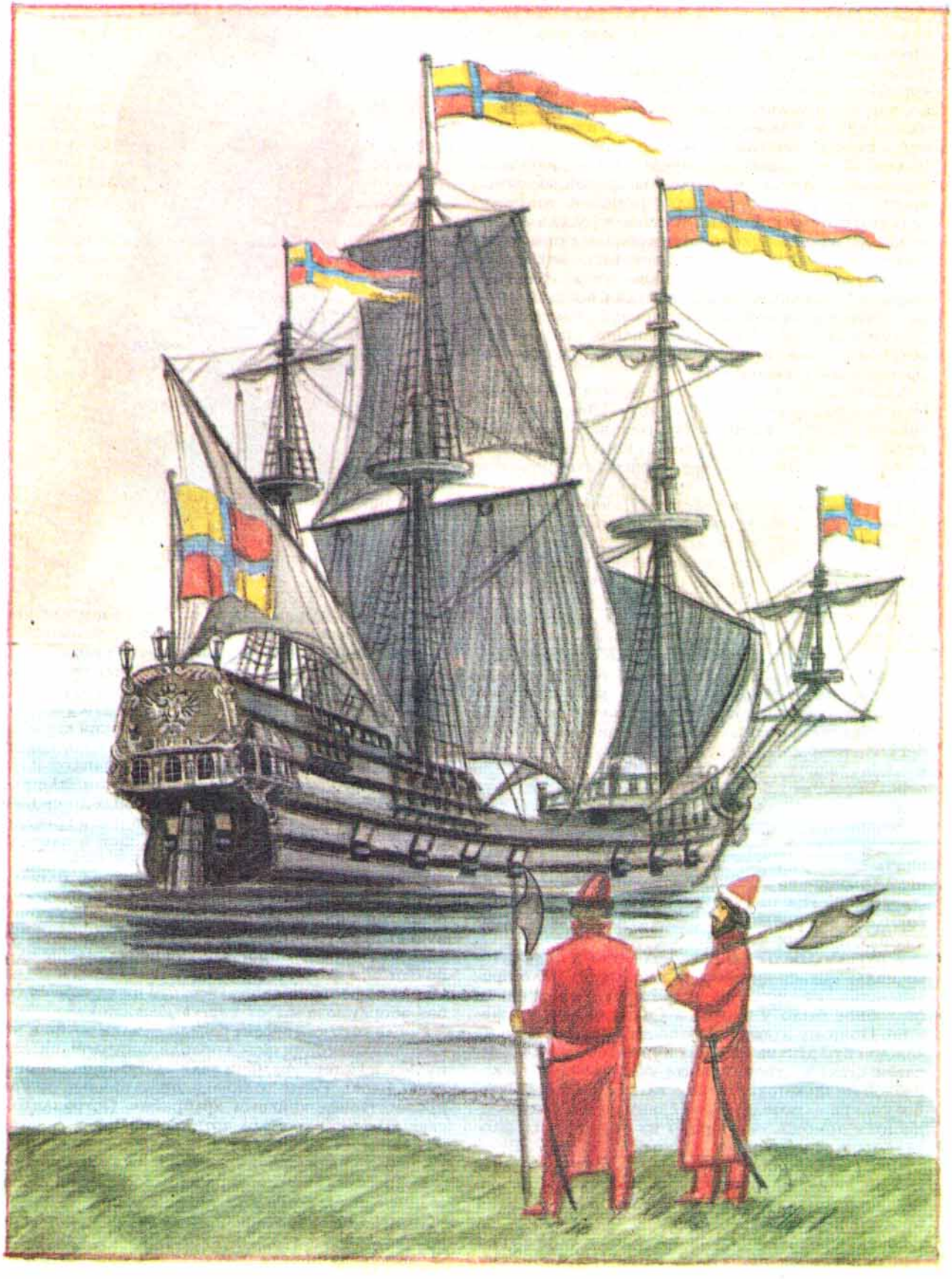
Беллинсгаузен Ф. Ф.

атаковать фланговые корабли. Дело пошло лучше. Удалось сблизиться с неприятелем; вдобавок к пушкам десантники на скампавеях повели огонь из ружей. Один за другим начались жестокие абордажные бои. Исход схватки был очевиден. И шведы стали спускать флаги и сдаваться в плен. Дольше всех сопротивлялся флагманский корабль. Его удалось взять на абордаж после того, как на нем вспыхнул пожар. Эреншельд со шпагой в руках пробивался к борту, где его ждала шлюпка. Израненный адмирал уходил в шлюпке со своими матросами. Однако капитан Бакеев и его гренадеры, тоже в шлюпке, догнали беглецов и пленили адмирала.

В «Реляции о случившейся морской баталии между российскою авангардиею и швецкою эскадрою» говорилось: «И хотя неприятель несравненную артиллерию имел пред нашими, однакож по зело жестоком суопротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили. Однакож так крепко оборонялись, что ни единое судно без обордирования от наших неотдалось».

После того как десант был доставлен в Або и эта кампания закончилась, корабли победителей вернулись в Петербург. Они вели за собой плененные суда. Вдоль Невы толпился праздничный народ, приветствовал криками храбрецов. Петропавловская крепость гремела артиллерийскими салютами. На мосту у крепости была сооружена арка. На ней в числе прочих висела картина — двуглавый российский орел держит в когтях слона. Название шведского фрегата «Элефант» значит «Слон». Под картиной было написано: «Орел не мух ловит!»

Гангутская победа обеспечила русскому флоту



широкое использование выхода в Ботнический залив и Балтийское море и привела к резкому изменению стратегической обстановки на Балтийском театре в пользу России. Она позволила перенести военные действия на территорию Швеции и предрешила успешное окончание Северной войны в пользу русского оружия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЕРНОМУ МОРЮ

Тяжелее и дольше, чем на Балтику, возвращалась Россия к Черному морю. На это понадобился почти век — 96 лет.

Как ты знаешь, противником Руси на Черном море постоянно была Византия. С XV века на этом поприще ее сменила Турция.

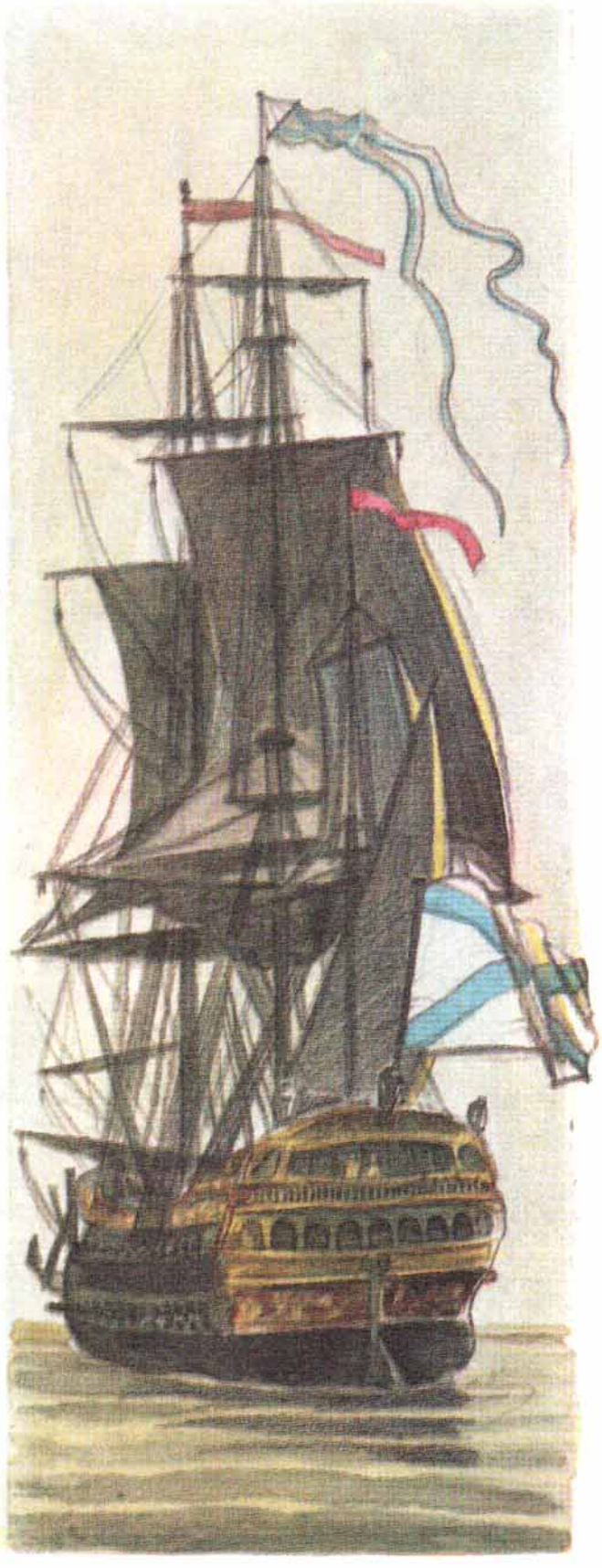
Предки турок, одно из племен восточных завоевателей, начали нападения на византийские владения еще в XIII веке. Византия как государство погибла после захвата Константинополя. Его жители были нещадно вырезаны, город получил новое название — Стамбул — и стал турецкой столицей. Знаменитый храм святой Софии был переделан в мусульманскую мечеть. Что пришлось целиком по вкусу завоевателям, так это мощные стены вокруг города. Не тронули они и цепь, которой византийцы пытались остановить ладьи Олега; потом турецкий султан прикажет протянуть ее поперек бухты, чтобы остановить чайки запорожцев...

Считая собственностью Босфор и Дарданеллы, турки стали считать и все Черное море своим внутренним морем. Оно, по сути, так и было. Султанская империя далеко раздалась вширь, захватив черноморские, эгейские и адриатические берега, все северное побережье Африки тоже принадлежало туркам.

На Адриатике и в Средиземном море у турецкого флота было много соперников: венецианцы, испанцы, французы, англичане... На Черном же море турецкий флот был безраздельным владыкой. Единственным народом, земли которого выходили к морю и который мог противостоять туркам, были русские. Турки понимали это и основные военные усилия в бассейне Черного моря направляли против России.

С севера в Черное море корабли русских могли спуститься по Дону, Днепру и Дунаю. В устьях этих рек турки построили крепости: Азов, Очаков, Измаил. Там же стояли их эскадры.

Запорожцы на чайках, донские казаки на стругах пробивались темными осенними ночами из Дона и Днепра в море, совершали дерзкие набеги на прибрежные турецкие города. Даже на



«Орел» — первый военный корабль русской постройки.

Русский линейный корабль конца XVIII века (справа).

Константинополь ходили на веслах. И даже Азов захватывали. Но это не меняло положения: черноморские пути оставались закрытыми для торговли и общения русских с другими народами.

Когда Петр I задался великой целью вернуть выходы к морям, он начал с Черного моря (точнее — с Азовского). Флот, построенный на воронежских верфях, спустился по Дону к крепости Азов. В 1696 году крепость, атакованная кораблями и сухопутными войсками, пала. Однако вскоре ее пришлось вернуть туркам. В те годы более опасными врагами стали шведы. Воевать одновременно с двумя сильными государствами Петр не мог, для этого не было средств.

Войны с турками, длительные и тяжелые, на суше и на море, начались уже после смерти Петра.

В каждом новом сражении турки получали все более ощутимые удары: теряли неприступные крепости, такие, как Измаил, уступали такие важные в военном отношении территории, как Крым, их многотысячные армии исчезали в сражениях с Румянцевым и Суворовым, их эскадры уничтожались кораблями Спиридова и Ушакова. Однако Турция не хотела признавать право России на пользование Черным морем. Султаны не были бы такими упрямыми, если бы не «владычица морей» Англия. Она постоянно подталкивала турок к войне с Россией и, даже будучи союзником России, тайно или явно помогала им.

Английские капиталисты поступали так потому, что боялись будущую Россию — обладательницу могучего флота. Перед их глазами был свежий пример Швеции. В Северной войне она получила такой удар, что из великой державы превратилась в государство второстепенное. И англичане уже воевали с Россией — не так, как с Голландией, не сами, а руками турок.

Петр только еще начинал строить флот, а бдительный английский посол доносил из Петербурга в Лондон: «Корабельные мастера-англичане пользуются в России большой милостью у царя. Если они останутся на службе в России, ...то сделают ее хозяином Балтийского моря, ...жалованье они получают большое, и выплачивается оно аккуратно... Царь сажает их за свой стол при самых многолюдных собраниях... Предоставляю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть застрельщиком возрастающего могущества [России]. ...Давно пора отозвать этих мастеров с царской службы. Здесь, в Петербурге, пять мастеров, ...все они британские подданные... Без указа Адмиралтейства они не поедут в Англию; ...нужно решение правительства». Английский парламент такое решение принял. Отозвать пятерых мастеров или подтолкнуть к войне Турцию — вещи не равнозначные. Но любое средство хорошо, если оно во вред России.

Турция в конце концов была вынуждена отдать России северные берега Черного моря. Это произошло в 1791 году, после большого сражения на море. Мы с тобой, читатель, теперь отправимся к адмиралу Ушакову.

Бой русских с турками.

Ушаков Ф. Ф.

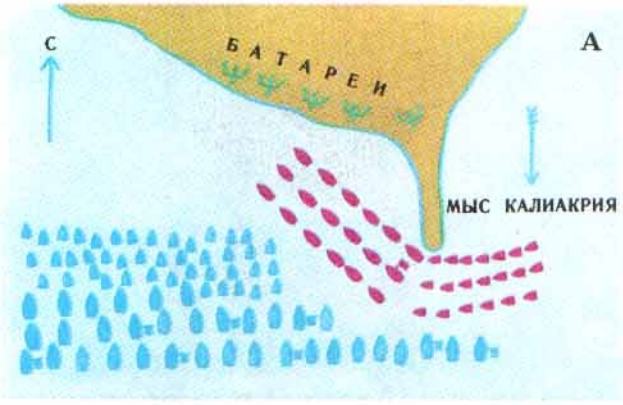
СРАЖЕНИЕ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

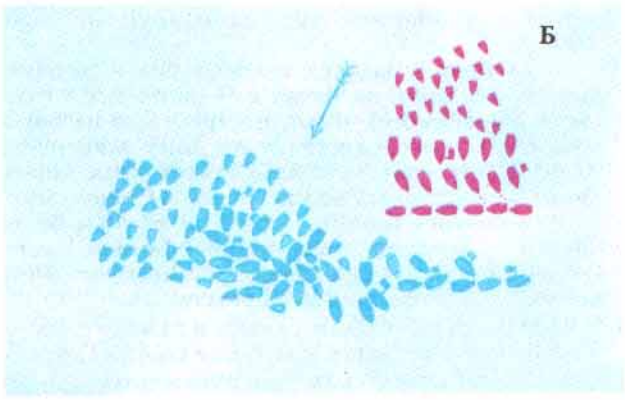
Из всех русских военачальников прошлого мы особо выделяем генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Он провел 60 боев и сражений, во всех одержал победу. Полководец побеждал любого неприятеля: турок, поляков, пруссаков, французов... Побеждал, как он сам говорил, не числом, а умением. Его войско только в двухтрех случаях численно превосходило противника.

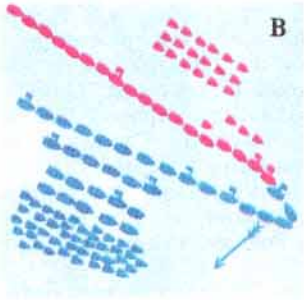
Меньше мы знаем адмирала Федора Федоровича Ушакова. Между тем прославленный Суворов, восхищенный мастерством Ушакова при взятии средиземноморской крепости Корфу, далеко не ради красного словца воскликнул: «Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

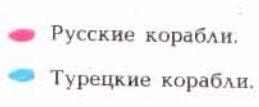
Суворов и Ушаков жили в одно время, участвовали в одних войнах. Многое в их судьбе было схоже. Оба ни разу не были побеждены, обоих турки из уважительного страха звали пашами: Ушак-паша и Топал-паша (Топал — значит хромой. Суворов чуть прихрамывал). В конце жизни и генералиссимус и адмирал были отстранены от боевых дел, так как не угодничали перед монархами. Генералиссимус и адмирал одинаково верили в сол-

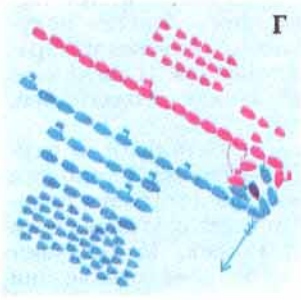
Сражение у мыса Калиакрия. 31 июля 1791 года.

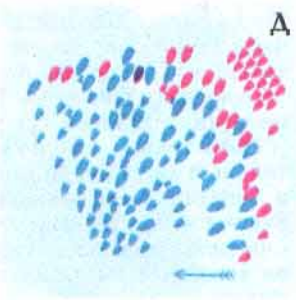












дат и матросов, знали, что русские могут совершить во имя Родины такие подвиги, какие не под силу другим войскам. Разница заключалась лишь в том, что один водил в сражения пехоту и конницу, другой — корабли. Но и тут тоже было сходство, может быть, самое главное,— и Суворов и Ушаков были военачальниками-новаторами, совершенствовали формы боя, в устоявшиеся правила вносили свои поправки.

Русский генерал Драгомиров говорил: «Работают у того, кто сам работает, и на смерть идут у того, кто сам ее не сторонится». Суворов только однажды, при штурме Измаила, не был в гуще боя — наблюдал за ходом действий с холма. И Ушаков всегда находился в самом горячем месте сражения. Как раз одно из новшеств, которое он ввел, и заключалось в том, что флагманский корабль эскадры во главе с самим адмиралом вступал в бой с флагманом неприятеля.

Флагманские корабли были самые сильные, самые лучшие в эскадре. Если удавалось потопить такой корабль, поджечь его, взять на абордаж или заставить выйти из боя, то это сразу давало ощутимый результат. Гибель флагмана пугала, эскадра оставалась без руководителя.

Конечно, и русский флагманский корабль подвергался повышенной опасности. Русской эскадре тоже грозили неприятности в случае его гибели или гибели адмирала-флагмана. Но на войне не победить без риска, без дерзости. Важно только, чтобы они были оправданными, чтобы были основания рисковать и дерзать.

А какие основания имел для этого Ушаков? Первое — он обладал даром мгновенно оценивать обстановку и видеть слабости вражеской позиции. Второе — экипажи его кораблей были обучены им и прекрасно владели парусами и пушками, они могли быстро и точно исполнить маневр и хладнокровно поразить цель. Третье — Ушаков очень хорошо знал противника, его приемы боя, его психологию и привычки. Например, Ушакову было известно, что турецкие адмиралы требуют от своих капитанов абсолютно точного исполнения распоряжений, данных на весь бой. Значит, стоило разрушить намеченную пашой схему боя, как неприятельские капитаны не знали, что им делать. Или другое — главным в тактике турецких кораблей считался абордаж, артиллерия предназначалась в основном для подготовки абордажного боя. Зная это, Ушаков смело вел корабли на противника и с расстояния в 50—70 метров картечью уничтожал турецких моряков, сгрудившихся у борта для абордажного броска.

Так, Ушаков одержал победы в сражениях у острова Фидониси (36 русских кораблей против 49 турецких), у Керченского пролива (32 корабля против 54), у острова Тендра (5 линейных кораблей и 11 фрегатов против 14 линейных кораблей и 8 фрегатов турок).

Год 1791-й снова принес Ушакову блистательную победу. У мыса Калиакрия (северо-восточнее Варны) в последний день июля 34 русских корабля разгромили турецкий флот, состоявший из 78 кораблей.

За восемь месяцев до этого сражения войска Суворова взяли штурмом крепость турок Измаил, запиравшую устье Дуная. Крепость пала после

девятичасового боя. С суши ее атаковали пехотинцы, с Дуная корабли гребной флотилии; в море крейсировала эскадра Ушакова, не давая флоту турок помочь осажденным.

После падения Измаила между Турцией и Россией начались переговоры о мире. Казалось, турки, потеряв последний оплот на северном побережье Черного моря, должны были стать сговорчивее. Но они затягивали подписание мирного договора. Почему? Потому что у них был еще довольно сильный флот; на помощь своим черноморским кораблям они постоянно перебрасывали корабли средиземноморских эскадр. (Туркам принадлежали территории современного Египта, Алжира, Туниса, Ливии и Сирии.) Если бы султан разуверился в мощи своего флота, договор был бы подписан и окончилась бы война, изнурительная для обеих стран. Тут на долю Федора Федоровича Ушакова и выпало сказать свое веское слово.

Турецким флотом командовал капудан-паша Гуссейн. На помощь ему султан вызвал эскадру алжирского паши Саида-Али, старого, опытного флотоводца, одержавшего много побед над европейскими адмиралами, прозванного «грозой морей», «львом полумесяца». Саид-Али, уходя из Стамбула, пообещал султану «привести Ушак-пашу с веревкой на шее». В то время не было телеграфа, но хвастливые слова алжирского адмирала дошли и до адмирала русского.

Эскадра Ушакова в поисках неприятеля шла вдоль западных берегов моря. У мыса Калиакрия русские неожиданно обнаружили турецкий флот. Кораблей было очень много: 18 линейных, 17 фрегатов, 43 легких. Они стояли у берега под защитой нескольких батарей. Ветер дул со стороны берега, так что выгодное, наветренное положение было у турок. Гуссейн и Саид-Али считали свою позицию абсолютно неуязвимой, атаковать их мог разве только безумец. Поэтому часть экипажей была отпущена на берег праздновать религиозный праздник рамазан-байрам.

Эскадра Ушакова состояла из 16 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 бомбардирских судов, брандера и 13 легких кораблей.

Что было делать Ушакову? Неприятель наконец-то найден. В случае победы над ним окончится война — с выгодой для России. Но ведь турок намного больше... И стоят они по всем правилам морского искусства. Тем-то и славен Ушаков, что он, казалось бы, в неуязвимой позиции умел разглядеть изъян. Ушаков решил немедля, пока неприятель не приготовился к бою, атаковать его.

Наблюдая за атакой, давай, читатель, считать, сколько раз русский адмирал нарушит правила боя. Первое нарушение он уже сделал — меньшими силами нападает на большие. Тут же последовало второе нарушение. Он начал атаку турецких кораблей, находясь в походном порядке. Его эскадра шла трехкильватерной колонной. (Посмотри схему А.) Полагается выстраиваться одной колонной, чтобы вся огневая мощь кораблей, все пушки одного борта (вспомни Рейтера и Руперта) были направлены на неприятеля. А тут три колонны — две трети пушек закрыты от неприятеля своими же кораблями.

Так-то оно так. Но иначе Ушакову не использовать видную пока ему одному слабость турецкой

Орден Ушакова.

позиции. Ушаков намеревается занять наветренное положение, чего никак не предполагали оба паши. Эскадра входит в узкое пространство между берегом и неприятельским флотом. Если бы она входила классической колонной — авангард, центр, арьергард,— это заняло бы много времени, идут-то парусники, не торпедные катера мчатся. Турки с береговых батарей и с кораблей расстреляли бы идущие один за другим русские корабли, как медлительных гусей.

Орудия правого борта правой колонны несколькими залпами подавили береговые батареи турок. Эскадра Ушакова заняла наветренное положение.

Медаль Ушакова.

Разин С. Т.

Гуссейн и Саид-Али были ошеломлены случившимся. Они приказали поднимать паруса и рубить якорные канаты. Выбирать якоря, ждать, когда с берега прибегут матросы, нет времени. Надо как можно скорее уходить мористее, чтобы в отдалении построить корабли в линию и принять бой. (Схема Б.)

Отходить с подветренной стороны просто. Турки отошли, и вот они уже выстраивают кильватерную колонну. Впереди корабль Саида-Али и корабль второго флагмана — вице-адмирала. Ушаков в это время ликвидирует свою временную слабость — из трех колонн тоже строит одну. Сам он находится на 80-пушечном корабле «Рождество Христово». Русский флагман, верный своему принципу, уже нацелился на флагманский корабль турок, на корабль Саида-Али. Это третье нарушение правил: командующему всей эскадрой полагается быть в центре.

Схема В показывает нам очень важный период сражения. Большие корабли — и русские, и турецкие — выстроились в линии баталии, как в классическом бою. Ну что ж! Классическое — это не значит плохое. В классическом есть резон. Но чего же тогда достиг Ушаков? У русских наветренное положение перед схваткой, они хозяева боя.

Однако не зря Саида-Али звали «грозой морей». Он своим авангардом пытается, обогнав русские корабли, выйти на ветер. На схеме видно, как передовые турецкие корабли уже повернули на 180 градусов. Ушаков вовремя понял, чего хочет достичь алжирец. Потом он писал об этом моменте в донесении: «...заметил я, что Саид-Али с вице-адмиральским кораблем и другим большим и несколькими фрегатами, будучи передовым, спешил отделиться вперед, выигрывая ветер, потому для предупреждения его нападения погнался я с кораблем «Рождеством Христовым» за ним, следуя вперед нашей линии... Построя линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саид-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим «Рождество Христово», приближаясь к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полкабельтова, атаковал его».

Сколько метров в кабельтове? 185,2 метра. Значит, Ушаков подошел к кораблю Саида-Али на 90 метров. Вероятнее, «Рождество Христово» был еще ближе к турецкому флагману. По рассказам участников сражения, Саид-Али и Ушаков видели друг друга. Русский адмирал крикнул алжирцу: «Саид, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!»

Угроза алжирского адмирала пленить Ушакова не была пустой. Как видим, он смело шел на сближение с русским флагманом, и турки уже приготовили абордажные лестницы, чтобы перебраться на палубу «Рождества Христова».

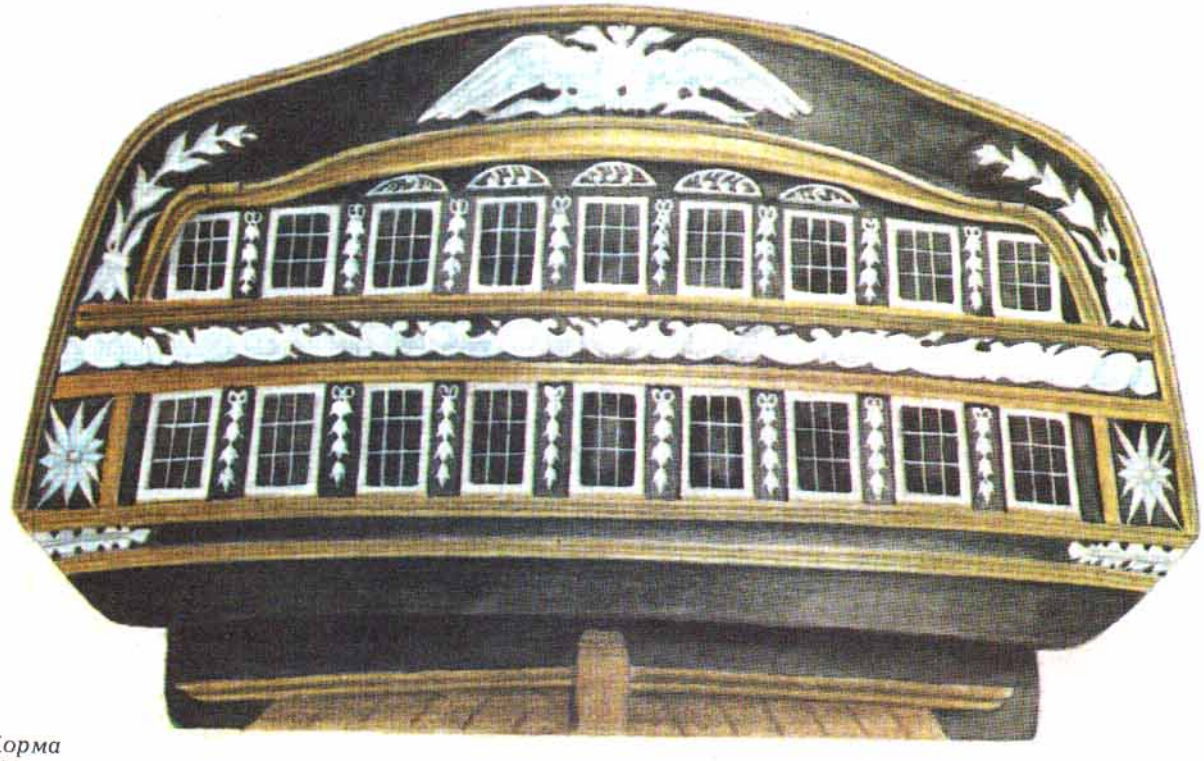
Но тут грянул бортовой залп русских пушек. Ядра перебили турку мачту, реи, разворотили корму. Новые залпы нанесли новые повреждения. И быть бы самому Саиду-Али в плену, но тут два линейных корабля и два фрегата турок, спасая своего адмирала, буквально вклинились между его кораблем и кораблем Ушакова. (Схема Г.)

Ожесточенный бой вели русские со вторым флагманским кораблем неприятеля — вице-адмиральским и с другими кораблями. Те с перебитыми мачтами, с изорванными парусами, с развороченными бортами один за другим выходили из боя. Излюбленный прием Ушакова — удар по флагманским кораблям — привел противника к потере морального духа. К вечеру, разуверившись в своих пашах, потеряв способность к сопротивлению, турецкие корабли смешались в кучу. Началось паническое бегство. Оно изображено на схеме Д.

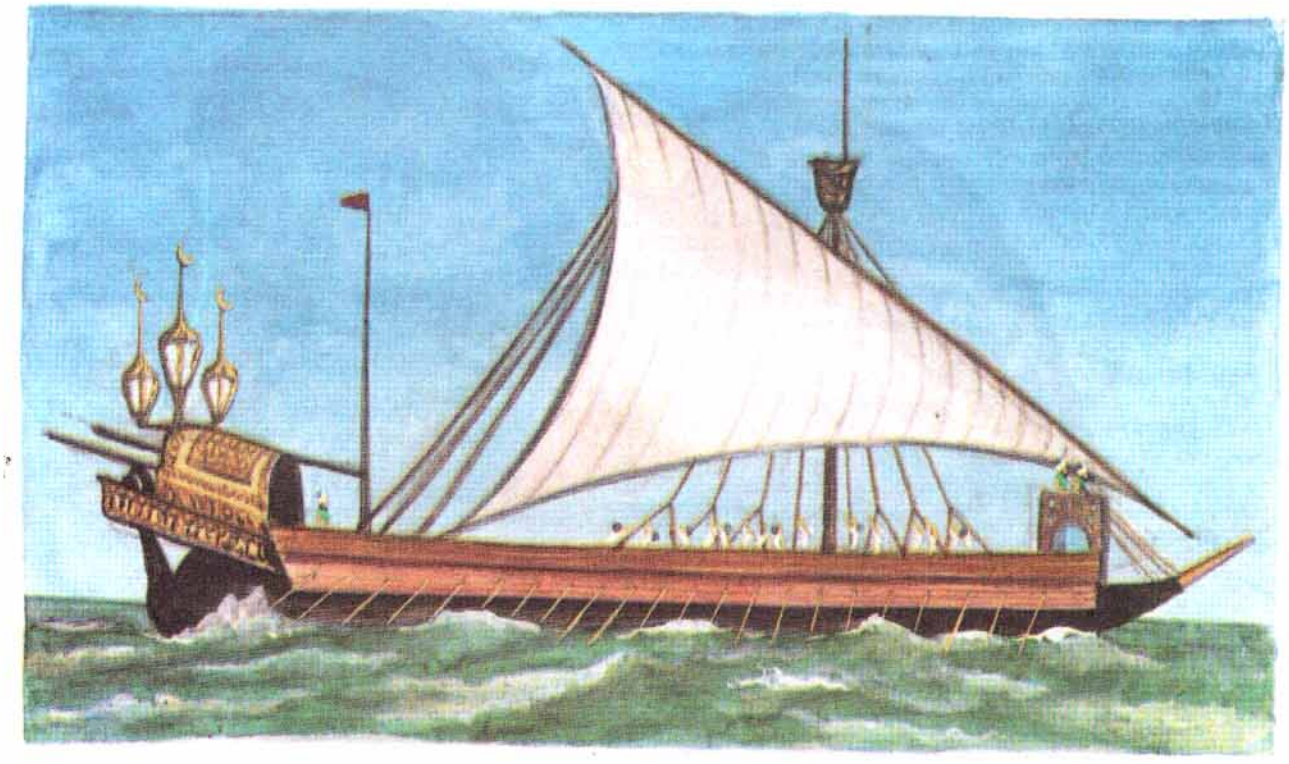
Мы с тобой, читатель, еще не касались действий малых судов ушаковской эскадры. На схемах В и Г они изображены двумя стайками: одна стайка густая, в другой всего четыре корабля. Четыре (два фрегата и два бомбардирских судна) — это резерв, который Ушаков держит на направлении главного удара, то есть в самом ответственном месте. Решающим был бой флагманов: резерв в нужный момент со свежими силами вступил в дело и помог вывести из строя сильные турецкие корабли.

До Ушакова флотоводцы тактического резерва не выделяли: они не догадывались о его пользе, считая полезнее ввести в бой сразу все корабли. Только позже, изучая победы русского адмирала, стали заимствовать его военное открытие. Мы с тобой уж не будем больше называть нарушениями отступления от правил, которые допустил Ушаков. На самом деле эти нарушения — открытия в военно-морском искусстве.

Корма русского 64-го пушечного корабля «Ингерманланд». 1713 год.



Корма 100-пушечного корабля «Император Петр I». 1825 год.



Парусно-гребной корабль фуста.

Атака со стороны берега, которой началось сражение у Калиакрии, тоже открытие Ушакова. Спустя семь лет ее повторил известный английский адмирал Нельсон — он атаковал сильную французскую эскадру у берегов Египта и одержал победу.

Но мы несколько отвлеклись от сражения, которое завершается у мыса Калиакрия. Итак, что делают малые корабли, изображенные в неизменном положении на схемах В и Г? Их положение меняется только на схеме Д. Это еще резерв — 17 крейсерских судов. Он предназначен для добивания и преследования одиночных неприятельских кораблей, выходящих из боя, а также для уничтожения шлюпок, которые плывут к берегу. Ушаков о действиях резерва писал в донесении: «И во время посланных от меня крейсеров в погоню за судами... многие неприятельские суда загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве побиты и потоплены...»

Суворов говорил: «Противник оттеснен — неудача, противник истреблен, взят в плен — удача». И еще: «Недорубленный лес опять вырастает...» Сам полководец всегда самым решительным образом преследовал бегущего врага и уничтожал или пленил его. Так же поступал и Ушаков, хотя людям, изнуренным в бою, бывает трудно найти силы для преследования. В этот раз корабли русского адмирала тоже преследовали врага. Но туркам повезло. Сначала их скрыла ночь, затем начался шторм. Ушаков временно приостановил погоню. А когда возобновил, пришло сообщение об окончании военных действий. Эскадра Ушакова, потеряв в сражении 17 человек убитыми и 27 ранеными, вернулась в Севастополь.

Последней каплей, которая разбила чашу упрямства турецкого султана, было прибытие в Стамбул части кораблей алжирской эскадры (многие корабли потонули в пути из-за повреждений, полученных в бою). Избитый флагманский корабль Саида-Али встал на якорь в Босфоре. На борту было 450 убитых и раненых. Моряки первым свезли на берег израненного адмирала, посадили его в закрытые носилки и понесли во дворец султана. И тут на глазах всего города флагманский корабль начал тонуть. Приход кораблей-калек, разгром эскадры так угнетающе подействовали на стамбульцев, что никто не подал кораблю помощи, и он утонул.

Победа русского флота у Калиакрии развеяла последние надежды Турции, и она пошла на мир.

Русско-турецкая война 1787—1791 годов закончилась. 29 декабря 1791 года в Яссах был заключен мирный договор. Россия стала хозяином северных берегов Черного моря.

Мы с тобой, читатель, все время сравнивали Суворова и Ушакова. Их боевую славу равно ценит наш народ и до сих пор. В годы войны с фашистами Советское правительство учредило в признание заслуг перед Отечеством орден Суворова и орден Ушакова. Ими награждаются за выдающиеся победы военачальники армии и флота. Еще учреждена медаль Ушакова — для награждения за отвагу матросов, старшин и сержантов.

«ОРЕЛ» САЛЮТУЕТ КАЗАЧЬЕМУ АДМИРАЛУ

Отец Петра I, царь Алексей Михайлович, тоже занимался флотскими делами. Правда, у него это было куда скромнее, чем у сына. Он намеревался создать военную флотилию для охраны судов, осуществлявших торговые перевозки по Каспийскому морю — между Россией и Персией.

В 1668 году в селе Дединове, при впадении Москвы-реки в Оку, были построены корабль, яхта и две шлюпки. Весной следующего года они вышли в плавание — по Оке до Волги, по Волге до Астрахани. Корабль был двухпалубный, трехмачтовый, длиной 25 метров (как ладья), но зато шириной 6,5 метра. Вооружили его 18 6-фунтовыми пушками и 4 3-фунтовыми. Назвали «Орлом».

«Орел» стал первым русским военным кораблем. Жизнь этого корабля была очень короткой, всего два года. Мое отношение к его гибели двойственное: и жалко, что он погиб, и не жалко.

В ту пору Россию потрясали восстания крестьян. Жизнь крепостных была так невыносимо тяжела, что люди самого мирного нрава, самых мирных занятий оставляли дома, семьи и становились бесстрашными, дерзкими воинами. Ядром, вокруг которого собирались холопы, были казаки, казачьим атаманом стал Степан Разин. К нему, к единственному заступнику, шли сотни и тысячи, образуя крестьянскую армию.

«За дело, братцы,— писал в своих письмах простому люду Степан Разин,— ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки и язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как мне, будьте только мужественны».

Эти воззвания Разин станет посылать по России позже, когда возмужает сам и соберет вокруг себя большую силу, а в годы постройки «Орла» он предводительствовал казачьей флотилией и совершал отчаянные набеги на южные города Каспия, нападал на торговые суда персов. Можно сказать, что военную деятельность Разин начал как адмирал, а потом уже стал генералом крестьянской сухопутной армии. Дербент, Решт, Фарабат, Астрабат и другие богатые прибрежные города стали свидетелями казацкой удали и военного мастерства. У Разина было две тысячи казаков, 40 стругов, вооруженных небольшими пушками. Персы дважды пытались уничтожить разинцев, и оба раза персидские суда бежали.

Шах Аббас и русский царь так обеспокоились, что предприняли против Разина совместные действия. Алексей Михайлович направил к шаху полковника Пальмара, шотландца на русской службе, для руководства строительством персидской военной флотилии. Персы к весне 1669 года построили полсотни судов и подготовили нужное войско. Сражение флотилий произошло около Свиного острова, где была стоянка разинцев (этот остров примерно в 100 километрах к югу от Баку).

Казаки смело начали сражение. А главное — умело. Когда суда персов приблизились к острову, струги бросились в открытое море, как бы убегая от неприятеля. Воодушевленные таким началом, персы ударили в бубны и барабаны, затрубили в трубы и ринулись в погоню. Командующего персидской флотилией Менеды-хана больше всего беспокоило, как бы какие-нибудь струги не ускользнули от расправы. Поэтому персидский адмирал приказал своим судам соединиться при помощи цепей. Таким подобием невода персы попытались охватить флотилию Разина.

Нельзя не восхититься новым распоряжением Разина, его оценкой возникшего положения: струги, как один, повернули назад и пошли на персов, корабли которых, скованные, как невольники, потеряли способность свободно маневрировать. Струг Разина приблизился к кораблю Менеды-хана. Разинский пушкарь с первого выстрела всадил ядро в пороховую камеру флагмана. Корабль загорелся и начал тонуть. Потонув, он утащил за собой соседей, прикрепленных к нему цепями. Менеды-хан успел перебраться на другое судно. Но панику уже нельзя было приостановить. Струги подошли вплотную к неприятелю, и начались абордажные бои. Из 50 судов удалось бежать только трем. Победа была одержана казаками поистине блестящая.

Летом флотилия Разина — 1200 казаков на 22 стругах — пошла к устью Волги. Было решено кончить морской поход и вернуться на Дон. Однако случай изменил планы казачьего адмирала. В море встретились два персидских судна, полные товаров. Оба судна, их экипажи, стрелецкая охрана и, конечно, товары были захвачены разинцами без особого труда. Оказалось, что персы везли дорогие подарки русскому царю. Поэтому астраханский воевода послал против Разина полсотни гребных судов. Разин решил, что в новом сражении нет смысла, и увел свою флотилию в море. Царским вельможам не оставалось ничего иного, как предложить мир казакам. Казаки должны были отпустить пленных, вернуть подарки, предназначенные царю, отдать часть пушек, а за это получали беспрепятственную дорогу на Дон и прощение всех прежних грехов. Разин на такие условия согласился.

Струги подошли к Астрахани. На стругах были подняты флаги, борта были застелены персидскими коврами. Казаки салютовали астраханским судам из пушек и пищалей. Прогремел ответный салют, ударил холостыми выстрелами в честь казацкой флотилии и «Орел». Первый русский корабль салютует казацкому атаману и его товарищам — не правда ли, знаменательное событие?

Астраханские власти и сам воевода вынуждены были с почтением обращаться с казаками. В начале сентября 1669 года после переговоров и двухнедельного отдыха казаки отплыли домой — на Дон.

О том, как ширилось крестьянское восстание,

как оно шло, ты знаешь из школьных учебников. Нам с тобой, читатель, надо отметить только следующий эпизод: в 1670 году участники восстания сожгли корабль «Орел».

Правда, жалко, что сожгли? И не жалко — ведь корабль-то был на стороне царя, сколько вреда могли причинить восставшим его пушки...

О КРАСОТЕ КОРАБЛЕЙ

Мы уже говорили, как в древности моряки и корабелы украшали корабли. Шло время. Корабли менялись, увеличивались их размеры, но средства на украшения отпускались не менее щедро, чем раньше. Первый линейный корабль парусного флота, построенный англичанами в 1610 году, имел водоизмещение 1400 тонн, а украшен он был не менее роскошно, чем норманнский драккар водоизмещением 20 тонн. Стоимость резного дерева, инкрустаций, скульптур на носу и корме составляла одну пятую стоимости всего корабля. Еще больший корабль — «Ройял Соверен» (о его вооружении мы уже говорили) — англичане украсили, как говорится, с ног до головы. На его носу была скульптура — король Эдуард на коне; конь топтал копытами семь человеческих фигур, олицетворявших поверженных врагов Англии. На балконах кормы стояли позолоченные Нептун, Юпитер, Геракл, Язон. Эскизы всех украшений были сделаны знаменитым художником Ван-Дейком. Считают, что «Ройял Соверен» был самым изукрашенным кораблем за всю историю кораблестроения.

Стоит ли говорить, какой опасности подвергались в сражениях все эти прекрасные творения искусства. Но никто не помышлял укрывать их во время боя, наоборот — корабль входил в сражение во всей красоте, рассчитывая на победу, а не на гибель. К слову сказать, «Ройял Соверен» участвовал во многих схватках, ни разу не был побежден, и, верно, украшения его как реликвии были бы сохранены в музеях, если бы не случай — в одной из кают упала горящая свеча, начался пожар, корабль сгорел.

С большим искусством была украшена резными фигурами корма первого корабля русского Балтийского флота — «Полтавы». На носу знаменитого русского брига «Меркурий» стоял бюст мифического покровителя торговли Меркурия, нос корвета «Львица» был украшен резной фигурой могучего зверя. В Петербурге была открыта специальная мастерская, где делали скульптуры для военных кораблей. Заказы флота исполняли самые известные скульпторы, в том числе Петр Клодт, чьи кони и теперь украшают Аничков мост в Ленинграде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИЧМАНСКАЯ

Матрос есть главный двигатель на военном корабле.

Адмирал П. С. Нахимов

ПАРОХОД И ПАРОХОДОФРЕГАТЫ

В 1804 году в Париж приехал уже известный в Европе изобретатель Фултон. Как часто бывает с изобретателями, у него была прекрасная идея — построить пароход, но денег на это не было. Фултон знал, что Франции для победы над Англией нужен флот, и поэтому, мечтая осуществить свое главное изобретение, предложил французскому императору Наполеону начать строительство пароходов.

Наполеон был человеком проницательного ума, он ценил науку, окружил себя учеными, вел дружбу с ними. Однако ни он, ни его энергичные министры не заинтересовались пароходом. Обиженный изобретатель уехал в Америку. Там и осуществлялась его страстная мечта. В 1807 году первый пароход — «Клермон» — вышел в воды Гудзона.

Не только французы, но и морские специалисты других стран сначала не оценили военные возможности парохода. Очень уж хорошей мишенью были его водяные колеса. Судно можно было остановить одним метким выстрелом. Колеса же отняли у пушек самую лучшую часть палубы, оставив для них только нос и корму. Малая мощность паровой машины, необходимость держать на судне запас угля — все это казалось роковыми изъянами. Но пароход не зависел от ветра! И это качество заставляло военных изобретателей думать о пароходе.

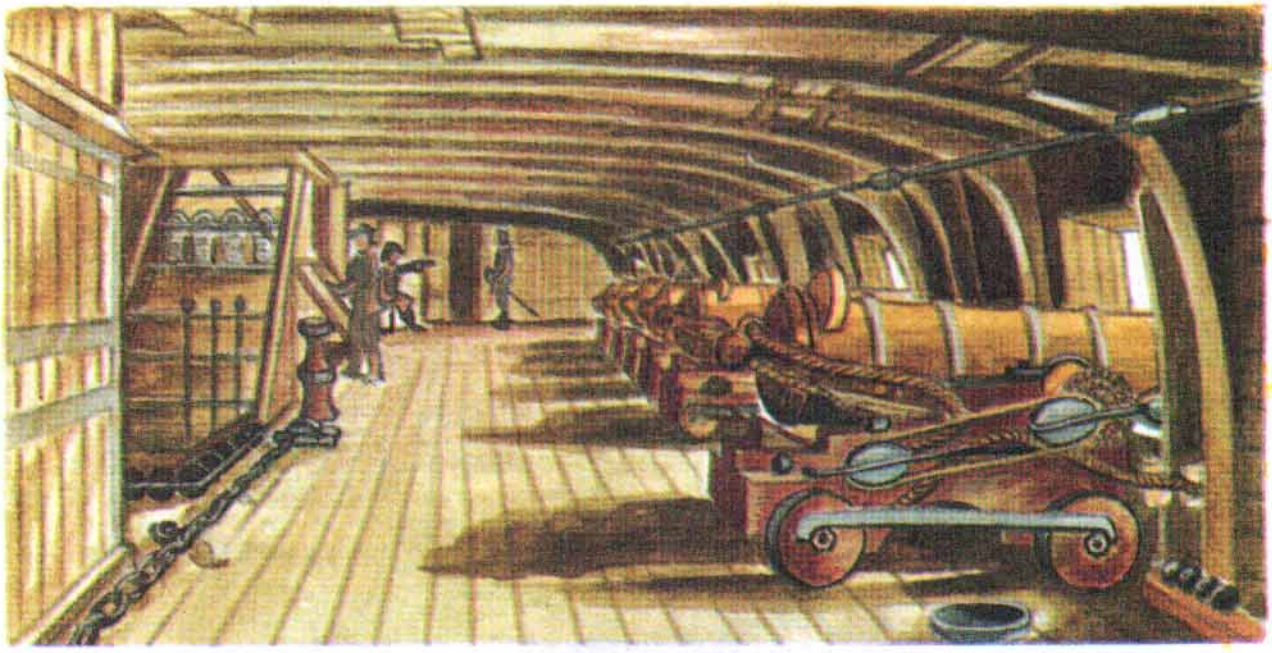
На палубе парохода положили рельсы. По ним можно было перемещать орудия с носа на корму и обратно, сосредоточивая их где нужнее. Затем придумали вращающиеся орудийные площадки. Эти новшества уравняли артиллерийскую силу парохода с парусниками.

Парусный корабль имел пушек несравненно больше, но стрелять-то сразу из всех он все равно не мог, стрелял только одним бортом. А тут еще широко распространились бомбические орудия — несколько усовершенствованные русские единороги. Их снаряды — разрывные бомбы — не просто проламывали борт, а взрывались внутри корабля. Одно такое орудие по результативности заменило несколько старых. С артиллерией дело уладилось.

Оказалось, что и уголь можно экономить, установив на пароходе паруса. Так возникли военные пароходофрегаты — для разведки, для посыльной службы, для буксировки линейных кораблей.

Впоследствии был изобретен гребной винт. Он-то и произвел революцию на флоте. Винт находился под водой, паровую машину устанавливали глубоко в трюме — и винт и машина были теперь довольно надежно защищены от снарядов неприятеля.

Морские державы создавали новые флоты — паровые. Но основными кораблями для ведения боя все еще оставались парусные линейные корабли.



Батарейная палуба линейного корабля начала XIX века.

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ

ВРАГИ-СОЮЗНИКИ

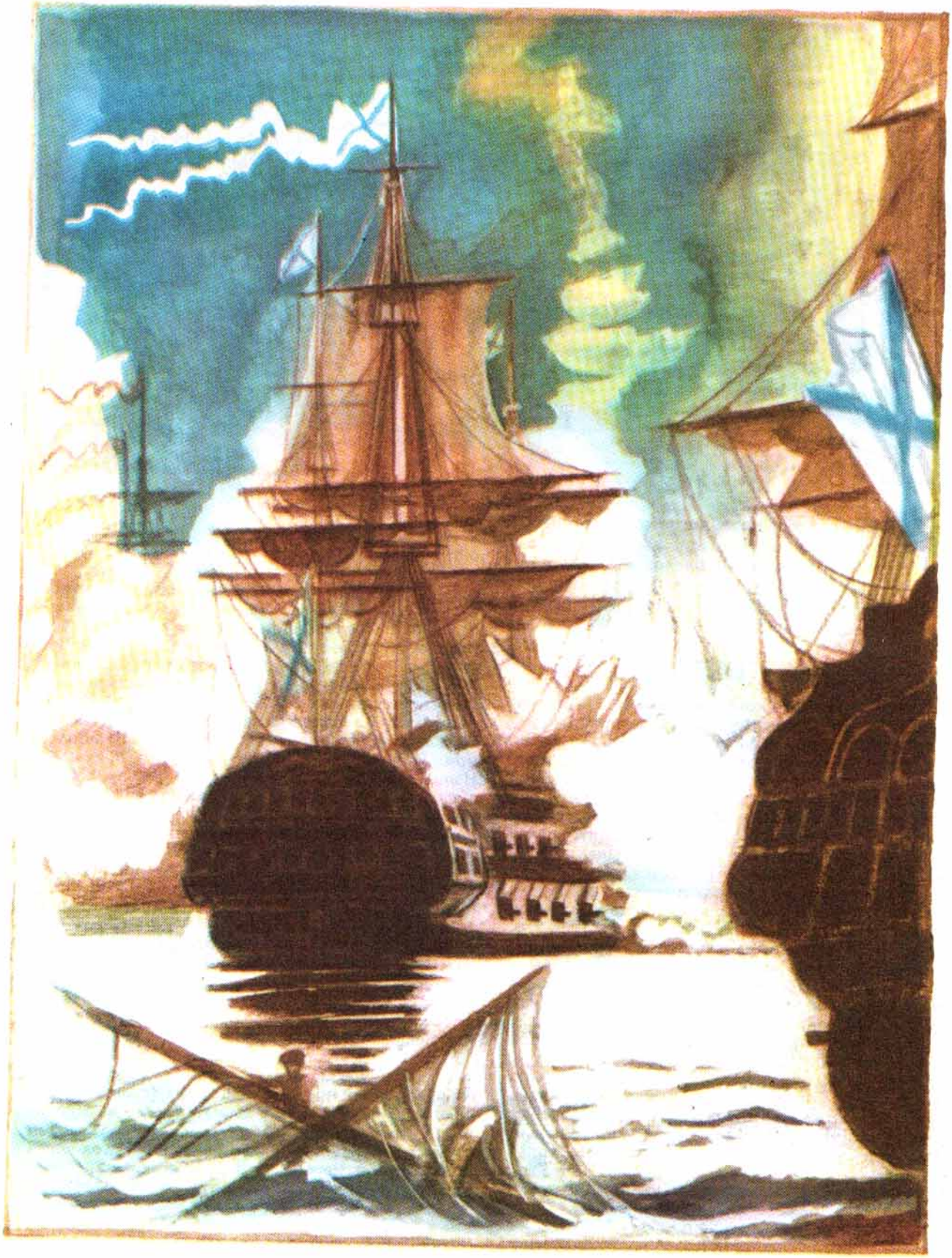
Оставим на время корабли. Вернемся к политике. Северные берега Черного моря принадлежат России. Ее флот достойно плавает по морям, совершает кругосветные плавания, прославляя себя такими великими открытиями, как открытие Антарктиды. Русские капиталисты набираются сил. Капиталистам Англии и Франции — самым могущественным в мире — приходится тесниться, чтобы высвободить русским место на рынках сбыта. Без участия России уже не решается ни одно мировое событие. В частых ссорах и драках государства Западной Европы стараются получить в союзники Россию.

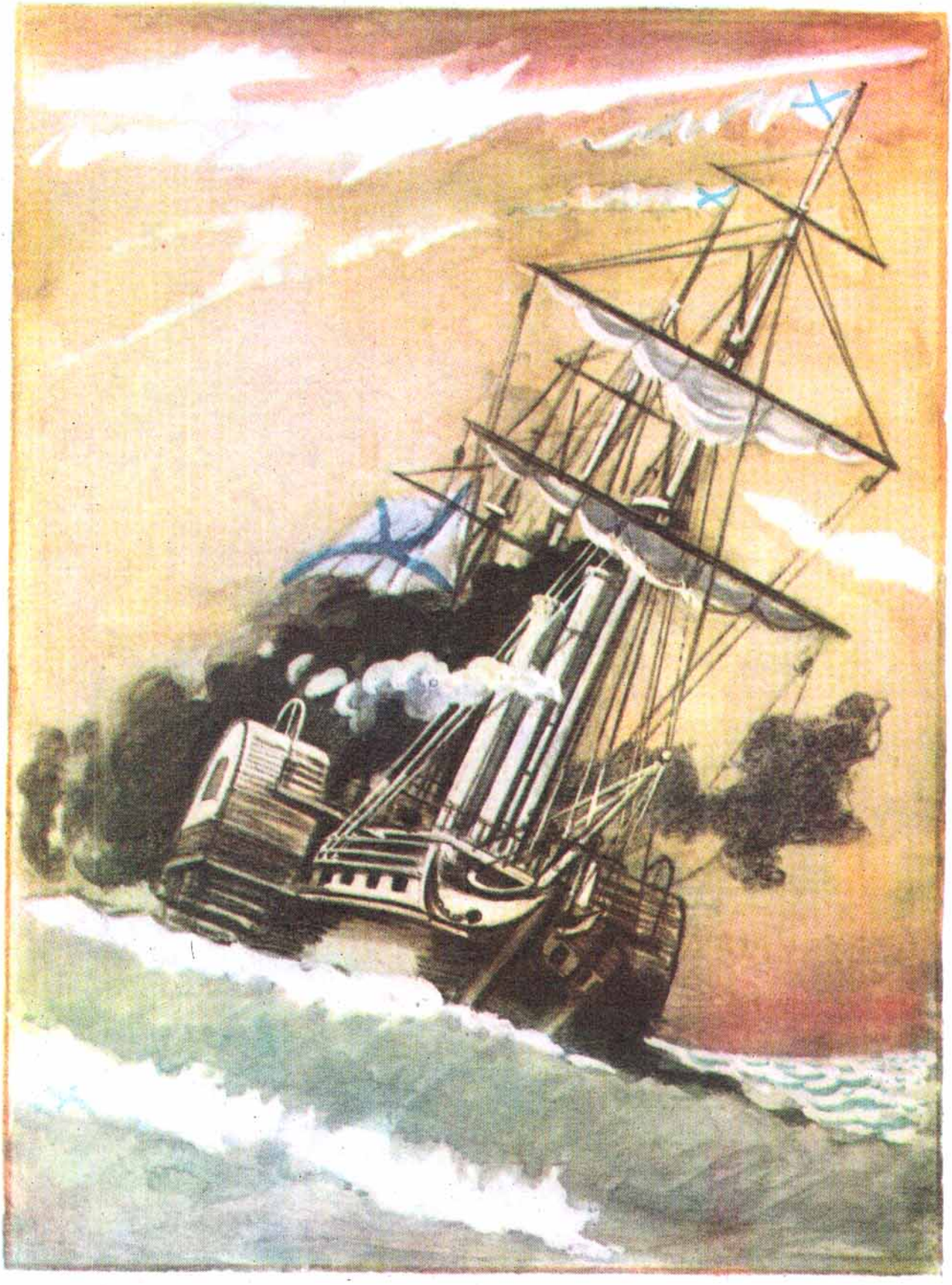
Мир живет в капиталистической эпохе, и главный принцип ее — любой ценой больше прибыли, больше выгоды. Поэтому союзы непрочные, союзники — вероломные: могут из друзей стать врагами и пойти войной на бывшего союзника.

Особенно коварна Англия. За полтора века с того времени, как Петр I начал отвоевывать у турок Азов, и до Крымской войны Англия три раза вступает в союз с Россией, четыре раза открыто становится ее противником и семь раз оказывает России косвенное противодействие — не объявляя войны на бумаге, враждует на деле. Тебе, конечно, интересно знать, как идут необъявленные войны. И хотя наш разговор о военно-морском искусстве, но два примера мы рассмотрим.

Россия, Англия и Австрия в 1798—1800 годах вели войну против Франции. В этой войне блестящие победы над неприятелем одерживали русские войска и русский флот. Эскадра под командованием Ушакова в Средиземном море взяла у французов крепость Корфу, считавшуюся неприступной. Войска Суворова в Италии разбили французов у Турина, у Нови, на реке Треббии и за четыре месяца освободили весь север страны. Суворов мог после этого повести войска во Францию, на Париж. Полководец не сомневался в победе над Наполеоном. И вот англичане и австрийцы, боявшиеся Наполеона как самой смерти, еще больше испугались возможной победы русских над французами. Как бы тогда возвысилась Россия! Союзники добились, что суворовские войска из Италии были посланы не во Францию, а в Швейцарию, занятую французами,— на соединение с австрийцами. По заснеженным перевалам, по обледеневшим горным дорогам, в холод и непогоду двигалось русское войско. И когда оказалось оно в самой глубине гор, выяснилось, что австрийская армия ушла из Швейцарии. Складов продовольствия и боеприпасов, которые обязаны были сделать в горах австрийцы, не было. А карта, подготовленная австрийским штабом, привела войска в тупик. Дорога, имевшая продолжение на карте, на самом деле обрывалась у пропасти. Голодные, замерзающие люди, суворовские чудо-богатыри, каждый день отбивали атаки превосходящих сил французов, наносили им поражения и вышли все же из ловушки. 13 и 14 сентября 1799 года великий полководец с боями совершил свой знаменитый переход через Сен-Готард и Чертов мост. Союзники просто-напросто намеревались загубить русскую армию.

Наваринское сражение (на стр. 82—83).





Предательство было совершено и против Ушакова. Английский адмирал Нельсон, чтобы русские не овладели Римом, тайно послал к французам, занимавшим этот город, своих парламентеров и предложил им выгодные условия капитуляции.

В то время императором России был Павел I. Эти случаи и другие подобные рассердили его. Он вышел из союза. Россия прекратила войну с Наполеоном. Больше того, Павел I и Наполеон стали вести переговоры о совместном выступлении против Англии. Переговоры шли так успешно, что Наполеон посвятил Павла в свои планы завоевания Индии. Наполеон считал: если отнять у Англии эту колонию, Англия превратится в бедное второстепенное государство. Из школьной истории ты также знаешь, что Павел I был мастер отдавать на плацу команды. Он и тут остался верен себе. Договора с Францией еще не было, а русский император 12 января 1801 года отправил атаману Войска Донского генералу Орлову распоряжение: немедленно двинуть казачьи полки к Оренбургу, а оттуда — в Индию, чтобы «поразить неприятеля в его сердце». Двадцать три тысячи казаков с артиллерией без промедления выступили в поход.

Английское правительство было в смятении. Над Англией нависла, пожалуй, самая страшная за всю историю угроза потерять богатейшую колонию. Соединенные силы Франции и России никто не смог бы остановить, даже если бы все остальные государства объединились для противодействия. Но мы знаем, что союза России и Франции не получилось. И через 11 лет Наполеон вторгся в нашу страну со страшной войной.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке в Петербурге Павел I был задушен заговорщиками-царедворцами. Когда это известие получил Наполеон, он в ярости воскликнул: «Они промахнулись по мне 3-го нивоза, но попали в меня в Петербурге!» Кого имел в виду Наполеон, говоря «они»? Англичан. Англичане были причастны к неудачному покушению на Наполеона 3-го нивоза, то есть 24 декабря 1800 года. Наполеон ехал в оперу на премьеру оратории Гайдна, когда поблизости от кареты взорвалась «адская машина». Конечно, среди непосредственных исполнителей обоих заговоров не было английских подданных, но как в Париже, так и в Петербурге англичане свое дело делали.

НАВАРИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Посмотрим еще один пример вероломства англичан, на этот раз неудавшегося. Нам придется отправиться на юго-запад Греции, в Наваринскую бухту. Там произошло сражение, после которого во всей Европе вошло в моду сукно «цвета наваринского дыма с пламенем».

Не выдержав гнета турецкого султана, восстала Греция. Дела повстанцев после первых успехов шли все хуже и хуже. Турки, усиленные войсками и флотом Египта, залили страну кровью, разрушали города, сжигали села, вырубали виноградники и, как в прежние времена, увозили греков в неволю. Во всех европейских странах люди были потрясены зверствами турок, жалели греков и требовали от своих правительств помочь несчастному народу.

Решительнее всех откликнулось на требование общественности русское правительство. Конечно, дело было не только в сочувствии единоверному христианскому народу. Тут сказались и еще не завершенная борьба с турками за Черное море, и желание утвердиться на Балканском полуострове. Но, специально оговоримся, было и бескорыстное желание русских людей помочь мужественным повстанцам, обреченным на гибель. Позже русские войска пойдут на помощь болгарам, будут жестокие бои с турками на Шипке, под Плевеном. Болгария после пяти веков турецкого гнета обретет самостоятельность, и для каждого болгарина с той поры до наших дней каждый русский станет любимым братом.

Русское правительство предложило Англии и Франции вмешаться в греко-турецкие дела, послать на помощь грекам союзную эскадру. Оно заявило, что в случае отказа единолично предпримет решительные действия. Франция согласилась. Франции нужно было закрепиться в Египте. Поскольку египетский паша помогал турецкому султану, представлялся удобный момент припугнуть пашу. Согласилась и Англия, хотя она никоим образом не хотела подрывать силу Турции: Турция, как мы знаем, была нужна ей для постоянной борьбы с Россией. Но английское правительство боялось уронить себя в глазах общественного мнения, еще оно опасалось, что в случае победы повстанцев упустит из-под своего влияния Грецию, занимающую такое важное положение на морских сообщениях. Было у англичан и третье соображение, конкретное — приглядеть за русскими кораблями, как бы они чего не натворили с турками. Ведь союзники по согласованному решению должны были своим присутствием лишь попугать турок, заставить их пойти на некоторые уступки грекам.

Был 1827 год. Эскадра союзных кораблей пошла к Наваринской бухте, где стоял турецко-египетский флот: 3 линейных корабля, 23 фрегата, 42 корвета, 15 бригов, 8 брандеров — всего 91 корабль. Было у неприятеля еще около 50 транспортных и торговых судов, большинство из которых имели по 10—20 пушек. С обеих сторон вход в бухту охраняли береговые батареи — в Наваринской крепости и на острове Сфактирия. Таким образом, союзникам угрожали 2300 орудий.

Соединенная эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 9 фрегатов и 7 меньших судов, всего 26 кораблей с 1300 орудиями.

У русских на 4 линейных кораблях и 4 фрегатах 466 орудий; у англичан на 3 линейных кораблях, 3 фрегатах, 4 шлюпках и катере 472 орудия; у французов на 3 линейных кораблях, 2 фрегатах, бриге и шхуне 362 орудия.

Командование эскадрой было поручено старшему по званию английскому вице-адмиралу Кодрингтону. Французскими кораблями командовал контр-адмирал де Риньи. Русскими — контр-адмирал Логин Петрович Гейден. Его флаг был на линейном корабле «Азов», которым командовал ка-

Пароходофрегат «Владимир».

питан первого ранга Михаил Петрович Лазарев, отважный мореход, незадолго до этого вместе с Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном открывший Антарктиду. Лазарев исполнял и должность флаг-капитана русской эскадры, по нашим понятиям был начальником штаба.

Турки, естественно, были обеспокоены действиями союзников. Их поразило, что Англия, всегдашняя помощница и защитница, вдруг выступает против них вместе с русскими. Однако английский посол успокоил султана, передав ему слова своего премьер-министра: «Существо этого соглашения, являющегося мирным вмешательством, подразумевает дружескую демонстрацию силы». Поэтому командующий турецко-египетским флотом и войском Ибрагим-паша даже не ответил на ультиматум трех адмиралов, в котором содержалось требование прекратить военные действия против греков.

Гейден и Лазарев настояли, чтобы против турок были предприняты решительные действия. Англичанин и француз не могли не согласиться. Было решено ввести корабли в Наваринскую бухту и поставить их, как в бою, перед кораблями неприятеля, «дабы грозным присутствием там сил своих удержать кровопролитие мусульман...».

В приказе Кодрингтона о порядке входа эскадры в бухту и постановке там кораблей были такие строки: «Ни из одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде сделанного на то сигнала. Разве только в таком случае, что откроют огонь с турецкого флота, в таком случае те из турецких судов должны быть истреблены немедленно». Как видишь, приказ англичанина бережет турок. А энергичные слова «должны быть истреблены немедленно»? Они написаны по необходимости, они вроде ширмы, за которой англичане скрывают свои истинные намерения. В конце концов не так важно, если какой-либо турецкий корабль, не выдержав искушения, вдруг откроет огонь и получит ответную порцию ядер. Важно, чтобы турецко-египетский флот остался цел. Не случайно Кодрингтон приказал французским кораблям встать в бухте против египетских кораблей, на которых служили французские офицеры: соотечественники не будут стрелять друг в друга, скорее договорятся о мирном решении дела.

Но вышло все не как задумывали англичане. Произошло сражение. Один из его участников, лейтенант Павел Степанович Нахимов, будущий знаменитый адмирал, так писал о нем своему другу: «Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признают, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре * ничего подобного не видали».

Теперь посмотрим схему Наваринского сражения. Обрати внимание на вход в бухту, он очень узок — меньше мили. Батареи с острова Сфактирия и из крепости надежно держат его под обстрелом. Эти же орудия прикрывают фланги своих кораблей, то есть могут вести огонь и в глубину бухты. Турецко-египетский флот стоит в виде подковы: впереди линейные корабли и фрегаты, за ними две линии корветов и бригов, у самого берега — транспортные суда. Брандеры расположены на флангах. Ибрагим-паша имел, кажется, все основания пренебречь ультиматумом — и не столько из-за дружественного отношения англичан, но из-за неприступности своей позиции. Не только ему, но и на союзной эскадре «вход в Наварин казался многим даже сумасбродством» (П. Нахимов).

Лазарев М. П.

И все же союзная эскадра двумя кильватерными колоннами — в правой наветренной англичане и французы, в левой подветренной русские — двинулась в бухту. Это было 8 октября в 11 часов. Русские корабли во главе с 74-пушечным «Азовом» уже подходили к узкому проходу, как Кодрингтон приказал Гейдену лечь в дрейф и пропустить французов, которые отстали от своей колонны. Момент был настолько ответственный, что русский адмирал не стал оспаривать приказ, его корабли тут же уменьшили ход. Иначе могла получиться пробка, свалка союзных кораблей, и они стали бы прекрасной мишенью для береговых батарей. Англичане во главе с линейным кораблем «Эйша», а следом французы, ведомые фрегатом «Сирен», вошли в бухту и стали занимать места против неприятельских судов. Ни одного выстрела с турецкой стороны не было. Не стреляли и союзники. Но как только в бухту начали входить русские корабли, на них посыпались снаряды береговых батарей. В историческом журнале русской эскадры об этом моменте сказано: «Трудно угадать, почему адмирал Кодрингтон... не дождавшись левой колонны, пошел в порт с одной только правою, тогда когда бы ему надлежало вступить туда с обеими. Английский адмирал, сего не соблюдавший, подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил предводителя оной в великое затруднение тем, что он во мраке густого дыма, под сильным перекрестным огнем неприятеля должен был вводить и устраивать оную».

* Абукир — мыс на египетском побережье, около этого мыса в 1798 году англичане уничтожили французский флот. Трафальгар — мыс вблизи Гибралтарского пролива, там в 1805 году англичане разбили франко-испанский флот.

Русские моряки тогда еще не знали, что Кодрингтон просто отдавал их на расстрел туркам, на уничтожение, хотя, как видно из записи в журнале, догадывались о злом умысле.

Несмотря на ожесточенный огонь, русские корабли точно заняли отведенные им места против неприятельских кораблей.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, но, когда русская эскадра входила в бухту, произошел случай, коренным образом повлиявший на всю обстановку. Для борьбы с брандерами была выделена группа фрегатов во главе с англичанином Феловесом, командиром «Дартмута». Феловес ответственно отнесся к возложенным на него обязанностям. Он послал шлюпку к начальнику турецких брандеров, чтобы передать требование отвести их подальше от союзных кораблей. Турки начали стрелять по шлюпке из ружей, убили офицера и нескольких гребцов. Защищая шлюпку, начали стрелять из ружей с фрегатов «Дартмут» и «Сирен». Команда одного из брандеров попрыгала в воду. Тогда египетский корвет ударил из пушки по французскому кораблю. Как ты помнишь, этот фрегат был флагманским кораблем французов, на нем находился контр-адмирал де Риньи. «Сирен» в отместку ударил по египтянину всем бортом. И тут вся бухта загрохотала орудийными выстрелами.

Кодрингтон пытался остановить сражение. Он послал шлюпку с парламентером к египетскому флагману Мухарем-бею, чтобы передать предложение о взаимном прекращении огня. Но парламентер был убит, и предложение не дошло по назначению. Больше того, египетский флагманский корабль открыл огонь по кораблю самого английского адмирала. Одновременно по «Эйша» начал стрелять корабль турецкого капитана-бея. На английском корабле были разбиты несколько орудий, рухнула бизань-мачта. Еще 15—20 минут такого огня — и английский флагман погиб бы.

Спас «Эйша» русский «Азов». Корабль Мухарем-бея оказался повернутым кормой к «Азову». Лазарев приказал бить в нее из 14 орудий. Через 20 минут корма была разрушена, начался пожар в помещении, где хранились боеприпасы. Неприятельские моряки принялись тушить пожар, но выстрелы картечью прогнали их, и корабль вскоре взорвался.

Одновременно «Азов» вел бой еще с пятью вражескими кораблями. Гейден, находившийся на «Азове», был контужен, однако все время был вместе с Лазаревым.

О своем командире Лазареве Нахимов писал так: «Я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было смотреть на него во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня недостанет слов описать все похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана».

Лучше Нахимова нам никто не расскажет о том сражении. Продолжим чтение его письма, которое он вскоре после наваринской победы послал своему товарищу, тоже морскому офицеру.

«О, любезный друг! Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы не сыпались книпели, ядра и картечь. И если бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники). Когда же «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче. Вскоре после сего пришел еще французский корабль «Бреславль», не нашедший в своей линии места, стал на якорь у нас под кормой и занял линейный корабль, совершенно уже обитый нами [занял — здесь значит выбрал себе противником]. Тогда, повернувшись всем лагом к фрегатам, мы очень скоро их разбили. Они обрубили канаты, и их потащило к берегу, но вскоре один из них загорелся и был взорван на воздух, другой, будучи в совершенно обитом состоянии, приткнулся к мели и ночью турками сожжен. «Бреславль» также очень скоро заставил замолчать своего обитого противника...

В 6 часов кончилось сражение совершенным истреблением всего турецкого и египетского флотов. В продолжение сражения взорвано на воздух

Наваринское сражение. 8 октября 1827 года.

Русские корабли.

Корабли англо-французской эскадры.

Корабли турецко-египетского флота.

до 15 судов, не включая 7 брандеров. И я не понимаю, как ни одно судно из соединенного флота не сгорело во время сражения. До 6 судов было взято в плен. Остальные, будучи совершенно избиты, все рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали.

Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, беспрерывно видели горящие и взрывающиеся на воздух суда так близко, что, стоявши наверху, чувствуешь довольно сильный жар.

В 12 часов видим большое военное судно, идущее прямо на нас. Окликаем — не подает голосу. Мы сейчас догадались, что он идет с тем, чтобы сцепиться с нами и зажечь себя. Но что делать? Ни одной не имеем целой шлюпки, которую могли послать абордировать его и потом отбуксировать. Он прошел нас и сцепился с «Гангутом», с которого вскочили на него, изрубили находившихся несколько человек турок, не успевших еще зажечь оного. Остальная половина ночи была гораздо покойнее...

На нашей эскадре убитых офицеров —2, лейтенант Куприянов и мичман Жадовский. Тяжело раненных —2, и оба с нашего корабля. Шеман в голову и немного поврежден правый глаз, однако же поправляется очень хорошо. Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оную ранее, нежели сделают марсовому урядннку, который прежде него был ранен. Есть еще, но о них не стоит писать, потому что легко ранены. Я не понимаю, любезный друг, как я уцелел. Я был наверху, на баке, у меня было 34 человека, из которых шестерых убило и 17 ранило, меня даже и щепкой не тронуло».

Итак, сражение закончилось полным разгромом турецко-египетского флота. Противник потерял больше 60 судов, в их числе 3 линейных корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов. Уцелевшие корабли были настолько повреждены, что, как писал Нахимов, «вряд ли когда встанут под парусами». Потери в людях достигали 7 тысяч.

Конечно, и союзная эскадра была сильно повреждена. Понадобились большие и долгие работы, чтобы привести корабли в порядок. «Азов» получил 153 пробоины, из них 7 в подводной части.

По общему признанию, корабль Лазарева был в сражении самым доблестным. Именно он уничтожил египетский флагманский корабль Мухарембея и турецкий флагманский корабль Тахир-паши. «Азову» впервые на русском флоте присвоили георгиевский кормовой флаг — на белом полотнище, перекрещенном голубыми полосами, красный щит с изображением Георгия Победоносца. Тогда же ввели правило: когда такой корабль приходит в ветхость, его флаг и имя передавать новому кораблю.

Михаил Петрович Лазарев, доблестный капитан, получил звание контр-адмирала и сразу четыре ордена: русский, английский, французский и греческий. Его храбрые помощники, которые тоже впоследствии стали адмиралами, героями Севастопольской обороны, получили свои награды: лейтенант П. Нахимов — орден Георгия 4-й степени, греческий орден Спасителя и чин капитан-лейтенанта, мичман В. Корнилов — орден Анны 4-й степени и чин лейтенанта, гардемарин В. Истомин — Георгиевский крест и чин мичмана.

Нахимов П. С.

Описывая прекрасное завершение сражения, мы с тобой, читатель, несколько отвлеклись от темы разговора — двурушничестве Англии. Оно вскоре получило новые подтверждения. Первое: турки обвинили в гибели своего флота только русских и начали против России новую войну. Англичан и французов они в своей беде не обвиняли — не за что. Второе: стала известна приписка, которую английский король сделал на документе о награждении Кодрингтона орденом (не наградить его было нельзя): «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки». По прошествии некоторого времени адмирала уволили в отставку.

И главный итог событий, началом которых было Наваринское сражение,— русско-турецкая война 1828—1829 годов закончилась очередным поражением Турции. Греция получила независимость.

АДМИРАЛ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ НАХИМОВ

Во время Великой Отечественной войны Советское правительство учредило орден двух степеней и медаль Нахимова. Орденом награждались офи-

церы Военно-Морского Флота «за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций», а медалью — отличившиеся в боях матросы, старшины и сержанты флота. Именем адмирала названы училища, где подростки начинают готовиться к военно-морской службе. Чем адмирал заслужил такую память?

События привели нас как раз к тем годам, когда флотоводческий талант Павла Степановича Нахимова проявился необычайно ярко и весь был отдан отечеству. О славном адмирале наш рассказ.

Мы с тобой, читатель, уже, кажется, научились определять характер войн. Однако не будем торопиться хвалить самих себя. Было бы просто, если бы войны по своему характеру были все сразу ясны, как стеклышко: эта справедливая, эта несправедливая. Бывает так: вступает государство в войну справедливую, а потом война превращается в несправедливую с его стороны, захватническую. Но бывает наоборот: начала страна войну несправедливую, но события в ходе ее так круто изменились, что война — или целиком, или отчасти — приобретает черты и признаки справедливой. Для России такой войной стала Крымская война 1853—1856 годов.

Весной 1853 года между Турцией и Россией были разорваны дипломатические отношения, а осенью начались военные действия на Черном море и по обе стороны от него — на Кавказе и Дунае, где были границы враждующих стран.

Царь и его правительство отнеслись к очередной войне с турками без тревоги. Царю, его министрам, капиталистам и помещикам казалось, что в итоге войны, разгромив Турцию, можно будет еще больше укрепить влияние в странах Балканского полуострова и Ближнего Востока. Было у них еще немаловажное соображение, чтобы новую войну считать благом: в стране не утихали волнения и бунты крепостных крестьян; у всех на памяти было восстание, поднятое против царя офицерами-декабристами. Сильное потрясение, такое, как война (с победоносным концом), должно было, по мнению царя и его окружения, успокоить народ, ненависть к туркам должна была заглушить недовольство царскими порядками. Как видишь, цели войны были далеки от интересов народа. Она несла русским людям новые жестокие законы, новые разорительные налоги, гибель тысяч и тысяч солдат, матросов. Эти беды в одинаковой мере ждали и народ Турции. Так что началась война несправедливая с обеих сторон.

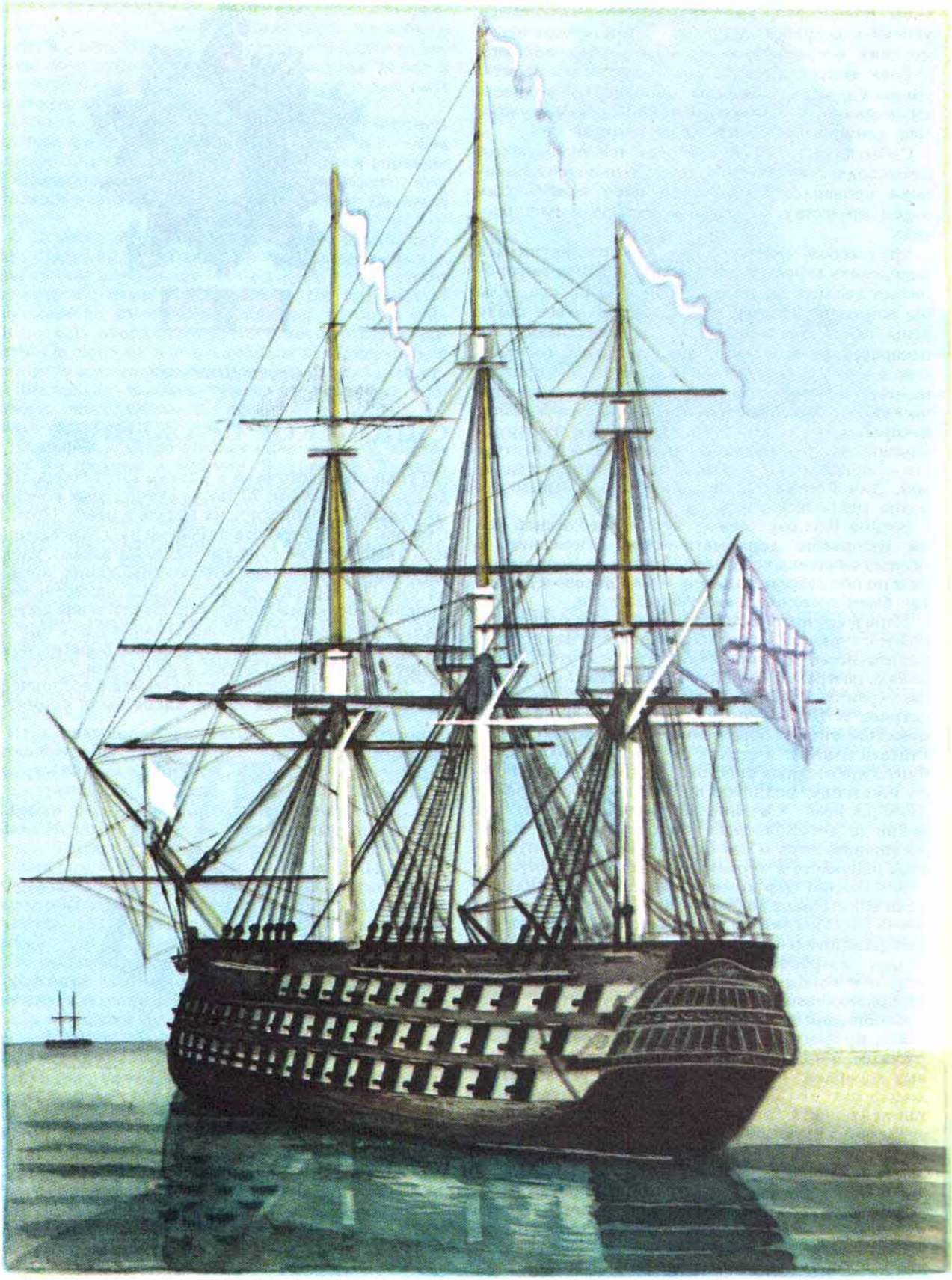
Сообщения с театра военных действий в первое время приходили радужные. Успех сопутствовал русским. 5 ноября 1853 года произошел бой паровых кораблей — первый в истории. Русский пароходофрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова артиллерийским огнем повредил колеса турецкого парохода «Перваз-Бахри» («Владыка морей») и затем пленил его. Через несколько дней парусный фрегат «Флора» вел бой с тремя турецкими пароходами, двум из них нанес большие повреждения и всю троицу обратил в бегство. А 18 ноября произошло знаменитое Синопское сражение — последнее в истории парусного флота.

Орден Нахимова.

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Турки сосредоточили в Батуме (этот город тогда принадлежал им) 20 тысяч сухопутных войск и готовились перебросить их морем в район Поти и Сухума, чтобы отрезать от России русскую армию, находившуюся на Кавказе. Если бы десант удался, то армия, лишенная всякого снабжения, погибла бы. Переброску десанта турки намеревались прикрыть боевыми кораблями. На усиление своего флота в районе Батума и направили они из Стамбула эскадру Осман-паши. (Ты, верно, обратил внимание, что написано Батум, а не Батуми, Сухум, а не Сухуми? Географические названия в исторических очерках пишутся такие, какие были приняты

Медаль Нахимова.



в то время. Даты пишутся того стиля, которым пользовались тогда.)

Русский флот на Черном море после смерти Михаила Петровича Лазарева возглавляли два адмирала: Владимир Алексеевич Корнилов и Павел Степанович Нахимов. Они предполагали, что турки предпримут именно такие действия. Но где искать эскадру противника? Море велико. К тому же осенью часты штормы, туманы. Было одно средство: крейсировать у турецких берегов, днем и ночью не смыкая глаз, чтобы не пропустить врага. Случилось так, что Нахимову пришлось половину своей эскадры отправить в Севастополь — корабли получили повреждение во время жестокого шторма. И почти тут же выяснилось, что турецкие корабли стоят в Синопе, отдыхая перед второй половиной пути. Эти сведения Нахимов получил, опрашивая торговые суда, их подтвердили матросы захваченного турецкого парохода.

Синоп был укрепленной базой турецкого флота. По берегам бухты на возвышенных местах расположились шесть батарей с крупнокалиберными орудиями. Под их защитой стояли 16 кораблей: 7 фрегатов, 2 парохода, 3 корвета, 2 военных транспорта, 2 брига. На кораблях и на берегу у турок было в общей сложности 512 орудий.

Что было делать Нахимову? Напасть с ограниченными силами на неприятельский флот нельзя, только загубишь свои корабли. Но нельзя и упустить неприятеля! В руках маленькой эскадры русских оказалась судьба всего Кавказа. «Я решился,— писал потом Нахимов,— тесно блокировать этот порт». 84-пушечные линейные корабли «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» встали у входа в бухту, закрыв собой выход из нее. Фрегат «Кагул» занял пост для наблюдения в нескольких милях от бухты, а в Севастополь за помощью со всей возможной быстротой пошло посыльное судно.

Трудно сказать, почему турецкий адмирал не напал на русских, имевших только 252 орудия. Он больше недели смотрел на них со своего фрегата «Ауни-Аллах». Конечно, адмирал понимал, что три грозных стража откроют выход из бухты, только если погибнут...

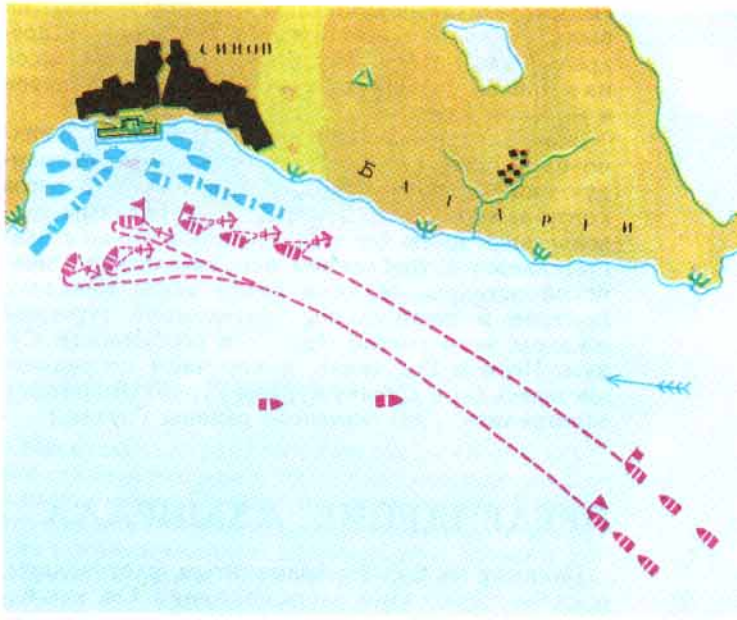
И вот пришла помощь: три 120-пушечных корабля и фрегат под командованием контр-адмирала Федора Михайловича Новосильского. Лил дождь, ветер был сильный и неблагоприятный. Но Нахимов приказал готовиться к сражению. Приказ адмирала заканчивался словами, которые мог сказать только командующий, до конца уверенный в мужестве и мастерстве своих помощников: «...все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и поэтому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».

Теперь русские имели 8 кораблей: 6 линейных, 2 фрегата. На них 720 орудий, в том числе 76 бомбических, снаряды которых взрываются внутри корабля. Чтобы превосходство в артиллерии еще увеличить, чтобы огонь был как можно губительнее, адмирал приказал начинать его с дистанции 300—600 метров. А во всех западных флотах было принято вести артиллерийский бой на расстоянии одного-двух километров.

Русские корабли, стремясь быстрее сблизиться с противником, вошли в бухту двумя кильватерными колоннами. Под градом ядер и книпелей они встали против турецких кораблей и сами открыли ошеломляющий огонь.

Флагманский корабль «Императрица Мария», на котором находился Нахимов, сразился с турецким флагманом — фрегатом «Ауни-Аллах». Ты, конечно, помнишь, что решительно атаковать и вывести из дела неприятельский флагман — такое правило ввел еще Ушаков. Через полчаса, не выдержав обстрела, «Ауни-Аллах» выбросился на берег. За ним выбросился на берег «Фазли-Аллах». В отдельные моменты на флот врага и его береговые батареи обрушивалось до 200 снарядов в минуту.

Синопское сражение. 18 ноября 1853 года.



Все корабли Нахимова сражались так же доблестно, как флагман. И все же адмирал особо выделил корабль «Париж» и приказал поднять на мачте «Марии» сигнал с благодарностью. Но сигнальные фалы были перебиты. Адмирал послал шлюпку, и команда «Парижа» узнала о похвале начальника. А командовал доблестным кораблем капитан первого ранга Истомин, если помнишь, он вместе с Нахимовым и Корниловым был в Наваринском сражении на «Азове».

Не прошло и трех часов, как неприятельская эскадра перестала существовать. Были разбиты и все береговые батареи. Турецкие корабли горе-

Русский линейный корабль середины XIX века.

ли. Два из них взорвались, засыпав город обломками. В городе начались пожары. Их никто не тушил, так как население ушло в окрестные деревни. Спастись удалось только пароходу «Таиф». На нем бежал контр-адмирал Мушавер-паша — такой титул имел в турецком флоте английский советник капитан Адольф Слэд. Потери турок только погибшими составили около 3 тысяч, это из 4500, находившихся в сражении. Было много пленных, в их числе сам вице-адмирал Осман-паша, раненный в ногу, и три командира фрегатов.

Русские потеряли 38 человек убитыми и 235 ранеными. Все корабли были целы, но имели много повреждений. Некоторые пришлось до самого Севастополя буксировать пароходами, которые вскоре подошли к месту сражения. Дело это было трудное из-за сильного ветра и волн. Но эскадра Нахимова благополучно пришла в свою базу. Ей была устроена торжественная встреча — с поздравлениями, наградами и обедами для матросов на площади у Графской пристани, а для офицеров в морском клубе.

Значение победы, одержанной при Синопе, видно из письма, которое послал Нахимову командующий отрядом судов у кавказских берегов контр-адмирал Петр Вукотич: «С сердечным удовольствием имею честь поздравить в. пр-во с блистательным истреблением неприятельской Синопской эскадры, великой грозы всего Кавказа... Быстрое и решительное истребление турецкой эскадры вами спасло Кавказ, в особенности Сухум, Поти и Редуткале, покорением последнего досталась бы в добычу туркам Гурия, Имеретия и Мингрелия». (Это основные районы Грузии.)

ПРЕДВИДЕНИЕ АДМИРАЛА

Нахимов не был бы знаменитым флотоводцем, если бы только умел вести сражения. Он, как истинный военачальник, мог обозреть взглядом будущее, а это дано не многим. Один из морских офицеров, лейтенант Ухтомский, в дневнике писал: «Во время Синопского дела я был на Сухумской эскадре и в начале декабря 1853 года на шхуне «Смелая» возвратился в Севастополь. Конечно, все мы очень сожалели, что не имели счастья быть в Синопе, и с жадностью ловили все подробности и последствия этого дела... В первый свободный день я отправился к Нахимову по праву знакомого. Он был очень любезен, жалел, что меня не было в Синопском отряде, и невольно увлекся, рассказывая о Синопе. «Только ужасно то, г. Ухтомский,— сказал адмирал,— что эта победа подвинет против нас войну, ибо англичане увидят, что мы им действительно опасны на море, и, поверьте, они употребят все усилия, чтобы уничтожить Черноморский флот». По изменившемуся звуку голоса адмирала и по выражению глаз несомненно было то, что Нахимов как бы винил себя в том, что он навлек или ускорил будущие бедствия войны».

Наша наука рассматривает войну как продолжение политики. Продолжение не мирными средствами, а насильственными. «Ту самую политику,— писал Владимир Ильич Ленин,— которую

Истомин В. И.

известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия».

Мы с тобой, читатель, знаем политику Англии того времени, политику ее правящего класса — капиталистов. Это захват колоний, порабощение народов, безжалостное уничтожение соперников. Знаем также, что английские капиталисты предпочли наносить удары соперникам чужими руками. Так бывает в обычной жизни: идет здоровенный громила, а рядом с ним держится слабосильный, но занозистый тип; этого-то типа и выпускает громила начинать драку. Смотрит с любопытством, как отвешивают тумаки его сообщнику, но забить не дает, сам кидается с кулаками. И в этой войне, о которой мы говорим, за спиной Турции стояла Англия. Не только она, еще Франция и Сардиния. Весной 1854 года эти государства, увидев, что Турции грозит поражение, объявили России войну. Тут же к границам России подтянула огромную армию Австрия: она держала нейтралитет, но, если бы русские войска с западной границы были переброшены на юг, не замедлила бы захватить большие территории. К отторжению русских земель приготовились Швеция и некоторые другие государства. Вот как просчитался Николай I и его правительство! Думали воевать только с Турцией, а пришлось иметь дело с сильнейшими державами мира.

Следуя своей предвоенной политике, Англия и ее союзники поставили себе целью уничтожить Черноморский флот России, отторгнуть от нее Крым, Кавказ, придунайские районы, а также земли на Балтике и на Дальнем Востоке. «Раз уж пришлось самим вступить в войну,— рассуждали английские и французские капиталисты,— надо

низвести Россию на морях до самого крайнего положения».

Началась изнурительная, многолетняя война.

Фридрих Энгельс писал о ней: «В течение сорока лет Европа не знала проклятия подобной борьбы; по важности и значительности ее участников, равно как и по разнообразию и необъятности их ресурсов, едва ли найдется что-либо аналогичное во всей истории человечества». Слова Энгельса подтверждают такие цифры. В Отечественной войне 1812 года, воюя с Наполеоном, русская армия израсходовала 36 тысяч пудов пороха, а за время обороны Севастополя —200 тысяч.

Военные действия шли в местах, удаленных друг от друга на тысячи миль. Союзные эскадры получили задачу нанести удары по русским базам и флотам на всех морях, омывающих Россию: по Кронштадту на Балтике, по Архангельску на Белом море, по Петропавловску-Камчатскому на Тихом океане. Атаки на эти крепости были успешно отбиты. Причем на минах, поставленных у Кронштадта, подорвались четыре паровых корабля неприятеля; это был первый в истории случай успешного применения минного оружия.

Самым тяжелым театром военных действий стало Черное море, точнее — Крымский полуостров (отсюда и название всей войны — Крымская) и даже не весь полуостров, а Севастополь — главная база русского Черноморского флота.

Корабли не могут обойтись без берега, как птицы не могут вечно парить в воздухе. Перелетные птицы, увидев в море судно, без страха устремляются к нему и отдыхают на нем, набираются сил, чтобы продолжать нелегкий путь. А самому кораблю, чтобы отдохнуть, набраться сил, залечить раны, полученные в боях и штормах, нужен берег. Когда мы будем вести рассказ о Великой Отечественной войне, мы увидим, что и фашисты главный удар на Черном море нацеливали на Севастополь. «Захватив Севастополь, погубим русский флот» — так рассуждали наши противники в войну давнюю и в войну недавнюю.

В течение всего лета 1854 года англо-французское командование готовилось к высадке армии на русское побережье.

2 сентября союзный десант — 62 тысячи английских, французских и турецких солдат — высадился в Евпатории. Его доставили из Варны три сотни транспортных судов. 89 боевых кораблей обеспечивали высадку. Собственно, обеспечивать им ничего не нужно было. Войска выгружались на берег совершенно беспрепятственно. В Крыму в это время не было достаточно сильной русской армии. Главнокомандующий Меншиков был убежден, что союзники, чтобы не зимовать в окопах, осенью высаживаться не станут, поэтому и не позаботился о сосредоточении своих войск. Не мог помешать высадке и флот. У союзников было вдвое больше военных судов, причем ядро их флота составляли паровые винтовые корабли, не зависевшие от ветра. Вооружены они были нарезными орудиями. Вне всякого сомнения, корабли Нахимова, если бы они вступили в бой, были бы уничтожены. Как мы увидим дальше, именно эскадра Нахимова — ее корабли, ее моряки — сыграла решающую роль в обороне Севастополя. Без них Севастополь был бы захвачен неприятелем с ходу.

Сенявин Д. Н.

ВОЕВАТЬ НЕЧЕМ

Мы несколько раз говорили: это впервые в истории сделали русские и это, а как дошло до дела — воевать нечем. Почему так получилось? Потому что царская Россия сильно отстала от других держав в промышленном производстве, во всем хозяйстве. Нарезное оружие, к примеру, было изобретено русскими, а раньше вооружили им свои армии англичане и французы, да еще турок снабдили. Первый военный пароход «Скорый» тоже русские сделали, а к началу Крымской войны на Черном море было у русских всего шесть пароходофрегатов. В огромной стране порох делали три завода. Чугуна Россия производила в 10 раз меньше, чем Англия. Потом, когда начнутся у Севастополя ожесточенные артиллерийские дуэли, русские из-за нехватки снарядов смогут на десять выстрелов противника отвечать только одним.

Поставим перед собой такой вопрос: если бы царь и его правительство заранее узнали о размерах опасности, грозящей Севастополю, Крыму, всей России, могли бы они вооружить русскую армию и флот так же хорошо, как был вооружен неприятель? Что-то было бы лучше, конечно. Но коренной разницы не было бы. Для коренного изменения военных дел нужно было изменить в корне политическую и социальную основу жизни всего народа. И первое, что нужно было сделать,— это отменить крепостное право — право помещиков иметь в собственности людей, распоряжаться ими как вещами. И на заводах работали люди, находившиеся в собственности капиталистов. Труд

что в городе, что в деревне был рабским трудом, следовательно, малопроизводительным. В Англии и Франции давным-давно закончилась эпоха феодализма, в России же господствовали феодальные отношения.

Но разве мог царь по доброй воле изменить существующие порядки? Наоборот, он всячески укреплял их: это ведь были порядки его, а не чьи-нибудь. Он сам был богатейшим помещиком. Каково ему было расстаться со своей собственностью? И разве мог он обидеть свою опору — русских помещиков?

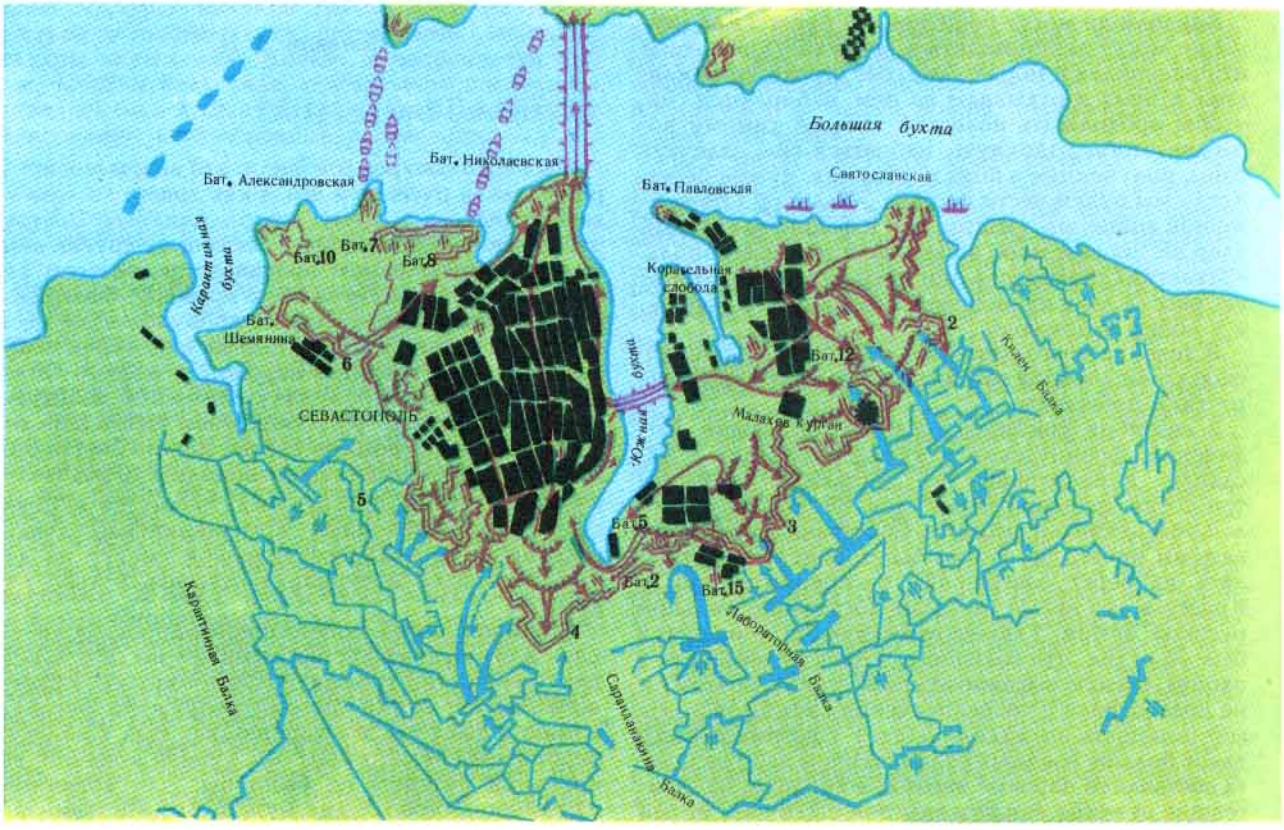
Мы говорили, что флот на Черном море возглавляли Корнилов и Нахимов. Правильнее, точнее было бы сказать, что они больше всех делали для флота. А должности их были не такие уж главные — первый был начальником штаба Черноморского флота, второй — начальником 5-й флотской дивизии. Над ними стояло много вельмож, титулы которых были настолько пышные, насколько убогими были их военные способности. Оба адмирала имели ограниченные права, свои приказы и распоряжения обязаны были согласовывать, утверждать; они тратили много сил, чтобы доказать выгодность и необходимость какого-либо дела. Только нечеловеческая энергия, святая преданность отечеству давали им силы воевать с неприятелем и одновременно с вельможным начальством.

ПЕРВЫЕ БОИ У СЕВАСТОПОЛЯ

Неприятельские войска двигались от Евпатории к Севастополю. 8 сентября на реке Альме им преградила путь русская 34-тысячная (вдвое меньшая по численности) армия. Произошло кровопролитное сражение. Потери с обеих сторон были очень большие. Главнокомандующий князь Меншиков приказал своим войскам отступить к Бахчисараю, чтобы прикрыть дорогу на Симферополь. В этом был резон, но Севастополь остался один, город должен был защищаться сам — силами небольшого гарнизона и тем, что мог дать флот.

Остается только гадать, как решилась бы судь-

Оборона Севастополя. 13 сентября 1854 года — 27 августа 1855 года.



Русские бастионы.
Русские батареи.
Англичане.
Французы.
Траншеи противника.
Поддержка крепости огнем русских кораблей.
Контрудар и отход русских войск.
Атаки противника и его отход.
Место затопления русских кораблей.

ба города, если бы союзники сразу после сражения двинулись на Севастополь. Имея хорошую орудийную защиту со стороны моря и старые укрепления на северной стороне, город был беззащитен на суше с юга. Но союзники долго не могли прийти в себя от понесенных потерь, они даже не преследовали отступавшую русскую армию. Это-то и дало возможность в кратчайший срок возвести на южной стороне города линию оборонительных сооружений. Когда англичане, французы и турки, обойдя северные укрепления города, вышли к южной стороне, они неожиданно для себя наткнулись на непреодолимую полосу редутов и бастионов.

Флот неприятеля тоже был остановлен, он не смог войти в Севастопольскую бухту: у входа в нее моряки затопили пять старых линейных кораблей и два фрегата. Жалко было топить свои корабли, все они были прославлены во многих сражениях. Но иного выхода не было.

Союзное командование, как и предполагал Меншиков, боялось оставить свои войска в окопах на зиму. Только проблему эту оно намеревалось решить иначе, чем представлял себе Меншиков,— решительным штурмом взять Севастополь и закончить войну до холодов.

5 октября союзники, пользуясь большим превосходством в артиллерии, начали ожесточенную бомбардировку города с суши и моря. После этого начался штурм укреплений. Защитники Севастополя сражались с невиданным мужеством. Штурм они отбили, при этом уничтожили много неприятельских орудий и повредили несколько кораблей. И опять потери в людях с обеих сторон были очень большие, повторить штурм в ближайшее время противник не мог. Севастопольцы воспользовались передышкой для совершенствования своей обороны.

Умер раненный на Малаховом кургане адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. С того тяжелого дня все заботы о защите Севастополя легли на Павла Степановича Нахимова и его давнего соратника адмирала Владимира Ивановича Истомина.

РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ

Теперь, дорогой друг, мы будем читать документы. Из них ты увидишь, как развивались события и какое место занимал в них Нахимов. Правда, многие эпизоды борьбы при этом останутся в стороне от нас, но зато ты почувствуешь ветер той эпохи, ее дух, ее речь. Надо учиться читать документы, самому осмысливать их, самому делать из них выводы. Воспитай в себе интерес к факту. Никакие, даже самые красивые, пересказы никогда не будут ценнее факта.

14 сентября 1854 года. Приказ П. С. Нахимова

«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой: нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю».

Из записок неизвестного унтер-офицера

«В Севастополе везде кипела работа; все бегало, суетилось. Почти все полки были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и другими орудиями, необходимыми при постройке укреплений. Рабочие таскали землю в корзинах, в мешках, в полах шинелей, во всем, в чем было можно. Всюду возили и носили бревна, доски, станки и орудия, снятые с потопленных кораблей. Работали не только солдаты, но даже женщинам была дана работа: они построили батарею...»

20 ноября 1854 года. Из письма артиллерийского офицера Л. Н. Толстого брату

«Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провел неделю в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трех недель подошел в одном месте на 80 сажен и не идет вперед; при малейшем движении вперед его засыпают градом снарядов. Дух в войсках выше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо «здорово, ребята!» говорил: «Нужно умирать, ребята, умрете?» — и войска отвечали: «Умрем, ваше превосходительство, ура!» И это не был эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22 000 исполнили это обещание.

...Бомбардирование 5-го числа останется самым блестящим, славным подвигом не только в русской, но и во всемирной истории. Более 1500 орудий два дня действовали по городу и не только не дали сдаться ему, но и не заставили замолчать и одну двухсотую наших батарей...»

Из дневника участника обороны

«...Мальчики от 10-летнего возраста являются на бастионы, где с необыкновенным самоотвержением под самым сильным неприятельским огнем остаются на батареях, помогая артиллерийской прислуге, поднося заряды и снаряды; так, сын матроса 37-го флотского экипажа Максим Рыбальченко, мальчик 12 лет, во время самого сильного бомбардирования города, в продолжение 5, 6 и 7-го чисел октября, собирал ложившиеся в Аполлонову балку ядра и носил их на бастион Корнилова... В настоящее время Максим Рыбальченко находится на батарее Камчатского люнета и исполняет обязанности нумера, подающего снаряды к орудию. Товарищ Рыбальченки, сын матроса 30-го флотского экипажа, Кузьма Горбаньев [14 лет] с первых дней осады Севастополя явился на бастион № 4 и просил командующего там определить его в число артиллерийской прислуги. 2 апреля Кузьма Горбаньев ранен и после перевязки возвратился к своему месту.

Максим Рыбальченко и Кузьма Горбаньев за храбрость награждены медалями на Георгиевской ленте».

12 октября 1854 года. Из письма капитана второго ранга М. М. Коцебу М. Ф. Рейнеке

«Уважаемый любезный Михаил Францевич!

Па[вел] Степ[анович] третьего дня был на нашей стороне и просил передать вам, что, кроме незначительной царапины от штуцерной пули, пролетевшей мимо его уха, он здоров.

Сам же скажу, что П[авел] С[тепанович] как бы ищет смерти, разъезжая под самым убийственным огнем; недавно матросы без церемонии сняли его с лошади и отнесли в место, более безопасное. Он один теперь ездит по линии, воодушевляя своим присутствием и матрос, и солдат».

Из письма М. Ф. Рейнеке П. С. Нахимову 19 октября 1854 года

«...Вести из Севастополя сильно беспокоят меня — не столько опасным положением города, которое при помощи божьей может поправиться, сколько твоя отчаянная отвага... С твоим именем и при твоих понятиях об обязанностях начальника иначе и быть не может. Но для чего без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню? К чему искать смерти? Рассуди хладнокровно и увидишь, что эта отвага для главного действующего лица не только бесполезна, но даже и вредна и опасна общему делу: тебя убьют, и дух чинов, имеющих доверие и надежду единственно к тебе, упадет. Хорошо еще, если найдется человек, который не допустит пасть духу войска до отчаяния и сумеет возбудить в них за потерю любимого начальника месть к врагам. Но есть ли такой человек при тебе?..

Ради бога, мой добрый друг, береги себя для общей пользы! Только ты еще можешь поправить или хоть поддержать дела Севастополя...»

Дорогой читатель! Давай и мы поразмыслим над этим важным письмом, как, верно, какое-то время размышлял над ним сам Нахимов. Может быть, Нахимов действительно «без нужды пускался в самые опасные места»?

Будучи каждый день готовым к смерти, Нахимов вовсе не искал ее: врага мертвые не одолеют, победа только во власти живых. Он думал именно так, и это подтверждает его приказ, в котором он подчеркивает, что победа «при большой потере со своей стороны не есть еще полное торжество». Дальше он говорит: «...и поэтому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности».

Тогда почему же все-таки сам Павел Степанович ежедневно на протяжении девяти месяцев (из

Корнилов В. А.

одиннадцати осады) бывал в самых опасных местах? Почему он, человек высокого роста, не сменил, как другие адмиралы и генералы, свой черный сюртук с золотыми эполетами на солдатскую шинель и был виден издали и своим и неприятельским войскам? Еще раз вспомним слова генерала русской армии, теоретика военного дела Драгомирова: «Работают у того, кто сам работает, и на смерть идут у того, кто сам ее не сторонится». Оборона Севастополя — сплошная чреда героизма и самопожертвования. А начало этой чреды было в поведении Корнилова, Нахимова, Истомина. Нахимов пережил своих товарищей адмиралов. Владимир Иванович Истомин был убит ядром на Камчатском люнете в марте 1855 года. И Павел Степанович уже один «не сторонился смерти». Видя это, зная это, не боялись смерти другие.

А как нелегко ему было изо дня в день — долгие месяцы — служить примером неустрашимости. Он ведь был самым обыкновенным человеком, и здоровье его было плохим.

Из воспоминаний врача Х. Я. Гюббенета

«...Он неоднократно говорил мне в искренней беседе, что, пережив двукратное бомбардирование Севастополя, третьего пережить не в состоянии! [Адмирал пережил пять бомбардирований!] В последнее время он страдал различными припадками — болями в желудке, рвотою, головокружением, даже обмороком. Сам он всегда говорил мне откровенно о своем положении, которое тщательно старался скрывать от всех прочих, он уверял, что о лечении теперь и думать нечего; стоит ему прекратить сегодня обычный круг деятельности, чтобы впасть завтра в совершенное изнеможение. «Да,— присовокупил он к этому,— если мы сегодня заключим мир, то я убежден, что, наверное, завтра же заболею горячкою: если я

держусь еще на ногах, то этим я обязан моей усиленной, тревожной деятельности и постоянному волнению». И в самом деле, деятельность его, не прекращавшаяся до самой последней минуты, возрастая почти до лихорадочного состояния и держа его целых девять месяцев в беспрерывной тревоге, переступала почти границы естественного...»

В самом начале книги мы с тобой, читатель, уже говорили, что одна храбрость не дает победы над неприятелем. Нужно еще и искусство воевать.

Формулу победы великолепно точно выразил Александр Васильевич Суворов: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство».

Мы не чтили бы так Нахимова, если бы он был только примером храбрости. Он был знаток военного искусства и сам творил его. Изучив в ежедневных поездках свою оборону, Павел Степанович делал что было в его силах, чтобы на пути возможного движения неприятеля стояли надежные заслоны.

В начале 1855 года он был очень озабочен защитой входа в Севастопольскую бухту. Штормовые ветры и волны разрушили преграду из затопленных кораблей, неприятель мог воспользоваться этим и ввести свою эскадру на рейд. Отбить такую атаку было бы невозможно, так как береговые батареи были здесь недостаточно сильны, а на русских кораблях почти не осталось ни орудий, ни людей — все было свезено на берег. Предположив в своих размышлениях, что союзники прорвутся на рейд, Нахимов увидел и события, которые за этим непременно последовали бы,— штурм города с южного берега бухты. Защитники Севастополя не выдержали бы его, ведь им в спину били бы орудия англо-французской эскадры.

Увидев опасность, Нахимов придумал, как усилить защиту рейда. И это при остром недостатке людей, орудий, пороха, снарядов. Павел Степанович написал обстоятельный доклад главнокомандующему сухопутными и морскими силами Крыма князю Меншикову. В докладе излагалось, как и за счет чего усилить корабли, оставшиеся незатопленными, где и в каком количестве добавить береговые батареи. Несколько дней спустя Нахимов посылает князю еще докладную записку. В ее конце нескрытое волнение, даже отчаяние: Нахимов боится, что главнокомандующий отвергнет его предложения, и тогда Севастополю гибель.

Из докладной записки П. С. Нахимова А. С. Меншикову

«...Может быть, в. с-ть найдете в этом изложении односторонний взгляд моряка, но тем не менее я уверен, что вы отдадите справедливость прямодушию, с которым оно писано; конечно, только полное и глубокое убеждение заставило меня возвысить свой голос перед в. с-тью,— не мне решать вопросы столь сложные. Но если вы найдете хотя немного истины во всем мною сказанном, то для собственного вашего спокойствия позвольте обсудить его в военном совете. Этим средством вы положите конец опасениям тех, кому известно настоящее положение затопленных кораблей, или в противном случае решитесь без душевного беспокойства на меры, указываемые необходимостью.

Чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, послужат мне оправданием перед в. с-тью в настоящем моем поступке».

Вот ведь как бывало: умный человек, истинный патриот и честный должен извиняться перед светлейшим начальством за то, что видит страшную опасность, грозящую общему делу, и знает, как эту опасность предотвратить.

Нас с тобой, читатель, должна заинтересовать на первый взгляд странная черта в поведении Меншикова: он всячески притеснял и унижал Нахимова, хотя, если бы доверился ему, поддерживал бы его предложения, сам получил бы большие почести за победы над неприятелем. У нас нет оснований сомневаться, что Меншиков желал — и очень сильно — выиграть войну. В чем же тогда дело?

Самодержавная власть царя плодила в огромном количестве сановников, в характере которых карьеризм, лизоблюдство, пресмыкательство перед сильными мира сего сочетались с ненавистью и завистью к людям меньшего звания, но энергичным, дальновидным, одним словом, талантливым. Меншиков был по-своему умен, однако ум его обслуживал потребности характера. Унизить человека, оскорбить было для него сверхприятным делом. При этом забывалось все, в том числе и собственная ответственность за порученное. То, как пытался Меншиков унизить Нахимова, может служить классическим примером мести бездарного начальника своему подчиненному за то, что тот талантлив.

В разгар боев за Севастополь Меншиков написал ходатайство царю о награждении Нахимова орденом Белого орла «за достохвальное служение». «Дать» — наложил резолюцию Николай I. По поводу награды морской офицер П. В. Воеводский писал М. Ф. Рейнеке: «Награда Белым орлом, мало сказать, удивила, но оскорбила всех видевших действия Павла Степановича, зато [поэтому] ни один человек не позволил себе поздравить его...»

Этот орден не имел ценности. У него не было даже статута, то есть неизвестно, за что он давался. Военные люди высоко ценили орден Георгия, он имел четыре степени и вручался дворянам за воинские подвиги. Нахимов уже был награжден Георгием 2-й степени, поэтому все ждали, что его наградят орденом 1-й степени. Такой награды Павел Степанович был достоин больше, чем кто-либо другой в Севастополе. Но Меншикову хотелось унизить героя, и он сделал это с помощью награды.

Раз уж речь зашла об орденах того времени, надо сказать, что Нахимов относился к ним с уважением, ведь ни он сам, ни его товарищи не получали их даром. Ты знаешь, в каком страшном сражении получил лейтенант Нахимов Георгия 4-й степени,— припомни Наварин.

Орденами 1-й и 2-й степени награждал царь, а орденами 3-й и 4-й степени — «кавалерственные думы», учрежденные при командующих, царь же только утверждал решение думы. Дума состояла

из георгиевских кавалеров и большинством голосов выносила свое решение — наградить или отказать. Павел Степанович Нахимов, как человек кристальной честности, входил в думу георгиевских кавалеров Севастополя.

Из подписанного Нахимовым решения походной думы

«...Подвиг лейтенанта Бирюлева заключается в следующем:

С первого начала военных действий офицер этот отличается особенным мужеством, особенно же 9 и 20 декабря 1854 года и 1 января 1855 года при трех вылазках, в которых взято в плен 3 офицера и 53 рядовых и много побито неприятеля. Всегда командовал охотниками и, всегда будучи впереди, первый бросался в неприятельские траншеи; увлекал людей к неустрашимости и обращал неприятеля в бегство. Сверх сего, ночью с 19 на 20 декабря 1854-го (новый год неприятеля) вызвался с 100 чел. охотников, бросился на высоту против батарей на бульваре, ...штыками выбил оттуда французов, разорил их работы и устроил на том самом месте завалы, в которых под его наблюдением наши штуцерные [стрелки] держатся и доселе.

Кавалерственная дума, сообразив таковые подвиги лейтенанта Бирюлева с статутом военного ордена великомученика и победоносца Георгия, признает его, Бирюлева, достойным награждения орденом Св. Георгия 4-й степени...»

Николай Алексеевич Бирюлев впоследствии был контр-адмиралом. В вылазке, о которой идет речь, его спас Игнатий Шевченко, матрос-охотник. Охотниками называли тех, кто по своей воле, по охоте, шел на выполнение рискованного задания.

Из воспоминаний Б. П. Мансурова

«Лейтенант Бирюлев сам рассказывал мне некоторые подробности о смерти Шевченки: он всегда сопровождал его вместе с Петром Кошкой в качестве телохранителей, как Кошка при мне выразился.

Бирюлев уже одолжен был один раз Шевченке за спасение жизни, ибо на одной из предшествующих вылазок сей последний без оружия бросился на целившегося в упор на Бирюлева французского стрелка и схватил его за горло так удачно, что повалил на месте и сам остался невредим, тогда как выстрел штуцера оторвал Бирюлеву только ножны. В ночь на 20 января, когда Бирюлев бросился в траншее на неприятельских стрелков, Шевченко увидел, что на его командира направлено в нескольких шагах штуцеров 15, которых сей последний не замечал; в одно мгновение Шевченко локтем и плечом свалил Бирюлева с ног и в ту же минуту упал, раненный пулей, которая попала ему в грудь и вылетела около крестцовой кости...»

Как видишь, читатель, матрос Шевченко был не менее отважен, чем офицер Бирюлев. Однако орден матросу не полагался. Орденами награждались только дворяне. Для рядовых и унтер-офицеров был знак ордена Св. Георгия — вначале одной степени, а позже — четырех. Его называли Георгиевским крестом. После победы Великой Ок-

Бутаков Г. И.

тябрьской социалистической революции были упразднены чины и сословия, а также старые ордена, но не был упразднен Георгиевский крест — награда простых патриотов, таких, как Игнатий Шевченко и Петр Кошка.

Георгиевским крестом награждались и целые подразделения. В таком случае на роту выделялось от 5 до 10 крестов. Нахимов предлагал матросам самим назвать храбрейших и достойнейших. Этот маленький штрих в нравственном портрете адмирала для нас с тобой, читатель, очень важен. Другие командиры поступали иначе: рота тянула жребий, и счастливый «нижний чин» получал «георгия». Для большинства офицеров солдаты и матросы были не людьми, а военным имуществом. Уважительное отношение к ним считалось предосудительным, недостойным дворянина. Нахимов же требовал от офицеров ценить матросов, считать их товарищами по оружию.

Из рассказа лейтенанта В. И. Зарудного о разговоре с П. С. Нахимовым

«...Пора нам перестать считать себя помещиками,— говорил адмирал,— а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля; матрос бросится на абордаж, ежели понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу как на средство удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных — как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества...»

В то время в стране жило как бы два совершенно различных народа, несхожих и по социальному положению, и по жизненным интересам. Одному — богатому меньшинству — было дано все, у другого — неимущего большинства — все отнято. Но обездоленные, униженные люди ни за что не хотели отдать чужестранным захватчикам землю, на которой так тяжело жили. Земля была родная. И невечно было жить на ней в мучениях. Этим объясняется героизм Игнатия Шевченко и тысяч ему подобных, этим объясняется и почитание адмирала Нахимова — его деятельность отвечала интересам простого народа.

В феврале 1855 года П. С. Нахимов назначается временным военным губернатором Севастополя, а месяц спустя за отличия в обороне города его производят в адмиралы. Теперь ему стало легче руководить обороной, уже не нужно было убеждать и умолять вышестоящих начальников отдать то или другое распоряжение, он многим распоряжался сам.

По-прежнему круг его дел был необычайно широк. Вот ему встретились матросы — несут обед в медном нелуженом котле. Пища в медной посуде делается ядовитой. Надо приказом запретить пользоваться нелуженой посудой.

Неприятель начал стрельбу по пароходам новыми зажигательными ракетами. Надо сообщить всем командирам способ тушения ракет.

Пароход «Крым» подавил артогнем неприятельскую батарею, Нахимов сам наблюдал за стрельбой. Надо поблагодарить командира и команду.

Ранены храбрые молодые лейтенанты. Адмирал посылает в госпиталь лакомства для них. Изувечены ядрами матросы с кораблей его эскадры, кто без руки, кто без ноги вернутся в свои деревни. Надо передать им с адъютантом деньги. В подобных случаях кошелек Нахимова открыт для них. У него не было семьи, и почти все деньги, какие он получал, тратились на помощь младшим офицерам и матросам.

Неприятель подвел траншеи к самым бастионам, подтащил орудия. В ближнем бою главное — упредить противника. Нахимов отдает приказ, в котором просит быть особенно бдительными на рассвете, чтобы не пропустить момента, когда вражеские артиллеристы станут снимать щиты с амбразур: в этот момент и надо бить по ним метким огнем из своих пушек.

Женам и детям матросов нечего есть в осажденном городе. Нахимов добивается у царя разрешения зачислить семьи моряков на военное довольствие.

Нет ядер. Их везут за 900 верст из Луганска. Дохнут волы, ломаются в степи телеги, вся дорога усыпана брошенными снарядами. Надо посылать своих офицеров, чтобы ускорить подвоз...

Между тем ряды защитников города все таяли и таяли. Особенно много погибло моряков. Они отдавали свои жизни, чтобы не был отдан врагу Севастополь. Уже не существовало русского Черноморского флота, но, как выводятся птенцы в крепком гнезде, корабли вывелись бы в надежной Севастопольской гавани. Надо было отстоять это орлиное гнездо.

Было 28 июня —300-й день высадки неприятеля в Крыму, 267-й день бомбардирования города. Тогда и случилось, чего так боялись севастопольцы.

Из письма П. И. Лесли родным. 30 июня 1855 года

«Грустно мне писать это письмо, дорогие мои друзья, но что же делать? И вы, вероятно, еще прежде получения этого письма знали о незаменимой потере, которую испытал наш Черноморский флот. 28-го числа в 6 часов вечера ранен штуцерной пулей Павел Степанович Нахимов, и ранен в голову, так что рана чрезвычайно опасна, но что грустнее для меня — это то, что он ранен на моей батарее. Вот подробности этого несчастья... Осмотревши работы неприятеля с одной стороны, и, так как моя батарея расположена полукругом, он пошел на другую сторону и, взойдя на барбет, устроенный для полевых орудий, начал осматривать работы, и хотя его предупреждали, чтобы не высовывался слишком, но он, как и постоянно 10 месяцев, не поберег себя и продолжал осматривать работы, совершенно высунув из-за мешков голову, несколько пуль просвистело мимо, но он не обращал на них внимания и продолжал смотреть; наконец какая-то проклятая ударила его в голову, и удар был так силен, что Павел Степанович моментально упал навзничь без чувств. Все окружавшие его так и охнули, и у всех опустились руки. Я побежал поскорее за носилками и потом уже увидел, как его сносят с моей батареи. Между прочим, кровь из раны струится, я схватил свой носовой платок и перевязал им голову Павла Степановича. Когда его принесли на перевязочный пункт, устроенный на кургане, то там сделала ему настоящую перевязку сестра милосердия, которая живет у нас на батарее. Откуда Павла Степановича отвезли на Северную сторону в дом, и к этому времени успели собраться доктора... Рана его вот какая: пуля ударила выше правого глаза и вышла позади виска. Страдание должно быть очень сильно... Вы, конечно, можете себе представить все наше горе, когда всеми любимый, как отец родной, и уважаемый, как хороший и справедливый начальник, уже не в состоянии распоряжаться нами, а мы без него сироты; он один только у нас и остался, который заботился о нас и поддерживал дух. Матросы жалеют его, как отца родного; они знают его давно и знают, как он о них всегда заботился; все свое довольствие раздавал им. Курган наш — это проклятое место, где был убит Корнилов, ранен Павел Степанович и убит тоже Истомин, хоть и не на этом самом кургане, но он был начальником на нем все время. Итак, мы лишились всех трех адмиралов, на которых имели огромную надежду... Но и десять адмиралов не сделают того, что делал один Павел Степанович...

Сию секунду прислали нам сказать, что Павел Степанович умер. Мир праху твоему, добрый наш начальник, и вечная память...»

Из походных записок участника обороны Севастополя П. В. Алабина [28 июня—1 июля 1855 года]

«...Приехав утром на Графскую, я еще застал прах Нахимова в его скромном домике: он лежал в углу небольшой комнаты; моряки составляли почетный караул; три флага приосенили славный прах, четвертый, тот, который развевался на ко-

рабле «Императрица Мария» в славный Синопский день, прикрывал знаменитого покойника. Этот флаг, изорванный в битвах, изъеденный временем, был почетнейшим покровом Нахимову...»

Из дневника капитан-лейтенанта А. Б. Асланбегова

«...1 июля... В 6 часов, после обеда со всех мест обороны съехались начальствующие лица отдать последний долг... Мы вынесли гроб из квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его в церковь между двумя батальонами армейскими и флотскими, составленными от всех бастионов и батарей и судов флота, по ту сторону церкви стояло шесть орудий. По окончании панихиды дозволено было всем матросам батальона проститься с адмиралом. ...В 8 часов мы подняли прах Павла Степановича, чтобы отнести его на место упокоения, рядом с Михаилом Петровичем [Лазаревым]. Вся дорога, весь подъем был унизан провожающими; многие ожидали, что неприятель откроет канонаду по площади, но, однако, он вел себя прилично, даже разнесся слух во время погребения, что будто английские корабли приспустили флаги, но, оказалось, несправедлив. Гроб опустили, батальоны и артиллерия сделали залпы, и толпы начали расходиться.

И так, Синопский герой, мужественный защитник Севастополя, ученик адмирала Лазарева, третий лейтенант «Азова» в Наварине, окончил свое трудовое поприще...»

Что было в Севастополе после смерти Нахимова? В конце августа противник предпринял шестую ожесточенную бомбардировку города и его обороны. За трое суток англичане и французы выпустили 150 тысяч снарядов. 27 августа они начали штурм русских бастионов. Французская дивизия атаковала Малахов курган, на котором оборонялось менее тысячи русских солдат и матросов. Одновременно начался штурм и других укреплений. Потери с обеих сторон были очень велики. Главнокомандующий Горчаков, сменивший Меншикова, принял решение оставить Южную сторону. По заранее наведенному мосту вечером того же дня русские войска, взорвав свои укрепления, начали отход. Противник не мешал отходу. Чтобы враг не воспользовался Севастопольской гаванью и рейдом, на фарватере были затоплены еще оставшиеся боевые корабли: 6 линейных кораблей, 9 фрегатов, корветов и бригов и пароходофрегаты. Русские войска закрепились на Северной стороне города. Так закончилась героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 349 дней.

Союзники настолько были обескровлены и измучены в боях у города, что в Крыму больше не предпринимали никаких военных действий.

На Кавказе союзникам был нанесен ряд крупных поражений. Русские войска взяли сильную турецкую крепость Карс, в которой пленили 20 тысяч турок вместе с их командующим английским генералом Вильямсом. Перед русскими войсками открылся путь в глубину Турции. Но тут начались мирные переговоры. Россия и союзные страны — Англия, Франция, Турция, Сардиния — были истощены войной. Обе стороны поняли бессмысленность и бесперспективность дальнейшего кровопролития.

В начале 1856 года был подписан мир. Россия теряла часть Бессарабии, ей запрещалось иметь на Черном море военный флот. Но Крым и Севастополь оставались русскими. Героические моряки и солдаты своей стойкостью, мужеством, самопожертвованием сберегли их для России будущей.

В 1870 году Россия отказалась признавать ограничительные статьи договора и начала восстанавливать военный Черноморский флот.

Рассказ о защитниках Севастополя и их славных адмиралах мы закончим тоже документом — словами, сказанными Григорием Ивановичем Бутаковым. Помнишь, он командовал пароходофрегатом «Владимир» и провел с удачей первый в истории бой паровых судов? После Крымской войны он был уже контр-адмиралом, заведующим морской частью в городе Николаеве. Вот его слова:

«...Ни Нахимов, ни Корнилов не родились, а сделались Нахимовым и Корниловым, сделались потому, что постоянно посвящали себя всеми силами прежде службе, а потом себе, а не прежде себе, а потом службе; и никакие преграды и никакие огорчения, неизбежные в быту человеческом, не могли отклонить их во всю жизнь от этого пути. Вот весь секрет этих знаменитых вождей наших, завещанный нам в огне и пламени Севастополя...»

О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Спуск на воду корабля всегда большое торжество. Играют оркестры, палят пушки, люди кричат «ура»!», и самый почтенный человек разбивает бутылку праздничного вина — шампанского о форштевень. Корабль выходит в жизнь, полную трудов, опасностей и доблести. Пусть он со славой несет свой флаг и ничем не запятнает свое имя!

Первый построенный русскими мастерами корабль назывался «Орел». Орел — гордая, сильная птица. Он был изображен и на российском гербе. Так что лучшего названия для того корабля, пожалуй, и нельзя было придумать.

Первые петровские галеасы назывались «Апостол Павел» и «Апостол Петр». Лучший линейный корабль Петра I, построенный в начале Северной войны, назывался «Гото Предестинация» — «Божие сему есть предзнаменование». Имена святых и впоследствии часто давали кораблям. Так, в штурме морской крепости французов на острове Корфу участвовали линейные корабли и фрегаты: «Св. Павел», «Св. Петр», «Св. Михаил», «Св. Григорий», «Св. Николай», «Св. Макарий», «Св. Магдалина», «Св. Ирина», «Св. Семион и Анна», «Св. Захарий и Елизавета», мало того — «Св. Троица», «Казанская Богоматерь», «Богоявление» и даже «Сошествие Святого Духа» — флагманский корабль эскадры.

В сонм «святых» названий изредка врывались поэтичное и звучное «Старый дуб» или игривое

Корабль «Полтава». Середина XVIII века

но опасное «Не тронь меня». Оба названия принадлежали линейным кораблям.

После блистательных побед русского оружия пошли такие названия: «Полтава», «Гангут», «Выборг», «Азов», потом — «Чесма», «Наварин», «Синоп»... И рядом с кораблями, носившими имена царей и их родни, поплыли «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Спиридов», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Нахимов» — флот и Россия чтили этим память своих выдающихся флотоводцев.

После русско-японской войны один из эсминцев получил название «Капитан I ранга Миклухо-Маклай». Владимир Николаевич Миклухо-Маклай, брат знаменитого путешественника, командовал броненосцем «Адмирал Ушаков». В неравном бою с японскими кораблями экипаж не сдал корабль, а, подобно экипажу «Варяга», затопил его. Командир погиб тогда.

Раз уж мы упомянули «Варяга», то надо сказать, что в его время на флоте была отдана дань героической и былинной русской старине. Были крейсеры «Олег», «Аскольд», «Богатырь», «Баян»... Броненосные лодки «Стрелец», «Единорог», «Вещун», «Колдун», а еще «Русалка», «Чародейка»...

Первый русский пароходофрегат назывался «Богатырь», первый винтовой фрегат — «Архимед», первый в мире миноносец — «Взрыв» (у него на носу был установлен один торпедный аппарат). Первый в мире подводный минный заградитель назвали «Крабом» — это подводная лодка для постановки мин. Подводные лодки назывались: «Дельфин», «Касатка», «Минога», «Морж», «Скат», «Сом», «Барс», «Пантера»...

Деревянные да и металлические корабли жили недолго, а имена их были красивые, памятные. Поэтому на русском флоте в разное время было несколько «Полтав», «Гангутов», «Севастополей». Ты, верно, заметил, что «Богатырем» называли пароходофрегат и потом — крейсер. В 1770 году в знаменитом Чесменском сражении участвовал парусный линейный корабль «Не тронь меня», а в начале нашего века так же называлась броненосная плавучая батарея.

Но были случаи, когда имя корабля жило непрерывно. Помнишь, в героическом бою при Наварине корабль «Азов» за доблесть получил кормовой георгиевский флаг? Когда он отслужил свой срок, новый корабль получил название «Память Азова», на нем был также поднят георгиевский флаг. Такой же чести удостоился бриг «Меркурий».

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов бриг вблизи Босфора, будучи в разведке, встретился с двумя турецкими линейными кораблями: флагманским 110-пушечным и 74-пушечным. Турки устремились в погоню за 18-пушечным суденышком. Командир брига капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский созвал совет, чтобы решить, как действовать в этом безвыходном положении. По обычаю первое слово дали самому младшему в чине офицеру — подпоручику корпуса флотских штурманов Прокофьеву. Совсем еще юный моряк ответил: надо драться до последней возможности, затем сцепиться с кораблем турецкого адмирала и взорваться вместе с ним. Матросы поддержали такое решение офицерского совета. Казарский сам зарядил пистолет и положил его у люка крюйт-камеры, где хранился порох. Оставшийся в живых должен был, когда наступит момент развязки, исполнить общее решение. Но пистолет не понадобился. Бриг сражался так яростно, так умело подставлял под бортовые залпы турок только корму, что турецкие корабли прекратили погоню: на флагманском была разбита адмиральская каюта, поврежден рангоут и такелаж, второй корабль потерял крепление грот-мачты и почти все паруса фок-мачты. Конечно, «Меркурий» был изранен еще больше: 22 пробоины в корпусе и 300 повреждений в оснастке. Но он вышел из труднейшего боя победителем и благополучно пришел к своим берегам.

Турецкий штурман так рассказывал об этом случае в письме другу: «Сегодня на рассвете, приближаясь к Босфору, мы встретились с русским бригом. Корабль капудан-паши и наш открыли сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное — мы не могли заставить командира брига сдаться. Он дрался, отступая и маневрируя так искусно, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, а он со славой продолжал свой путь. Бриг этот должен был потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он находился всего на расстоянии пистолетного выстрела от нашего корабля. Во время сражения мы поняли, что командир этого брига никогда не сдастся и, если потеряет всякую надежду, взорвет свой корабль и взлетит на воздух вместе с ним. Если в великих деяниях древних и наших времен отмечены подвиги храбрости, то этот подвиг должен затмить их, а имя героя достойно быть начертанным золотыми письменами на храме славы».

Меркурий — вестник богов у древних римлян. Как видишь, и такие названия давались русским кораблям.

Был бомбардирский корабль «Юпитер» (бог-громовержец). Был фрегат «Аргус», в греческой мифологии Аргус — многоглазый страж, которому богиня Гера поручила следить за красавицей Ио. Поскольку фрегаты несли дозорную службу и вели разведку, такое название надо считать удачным.

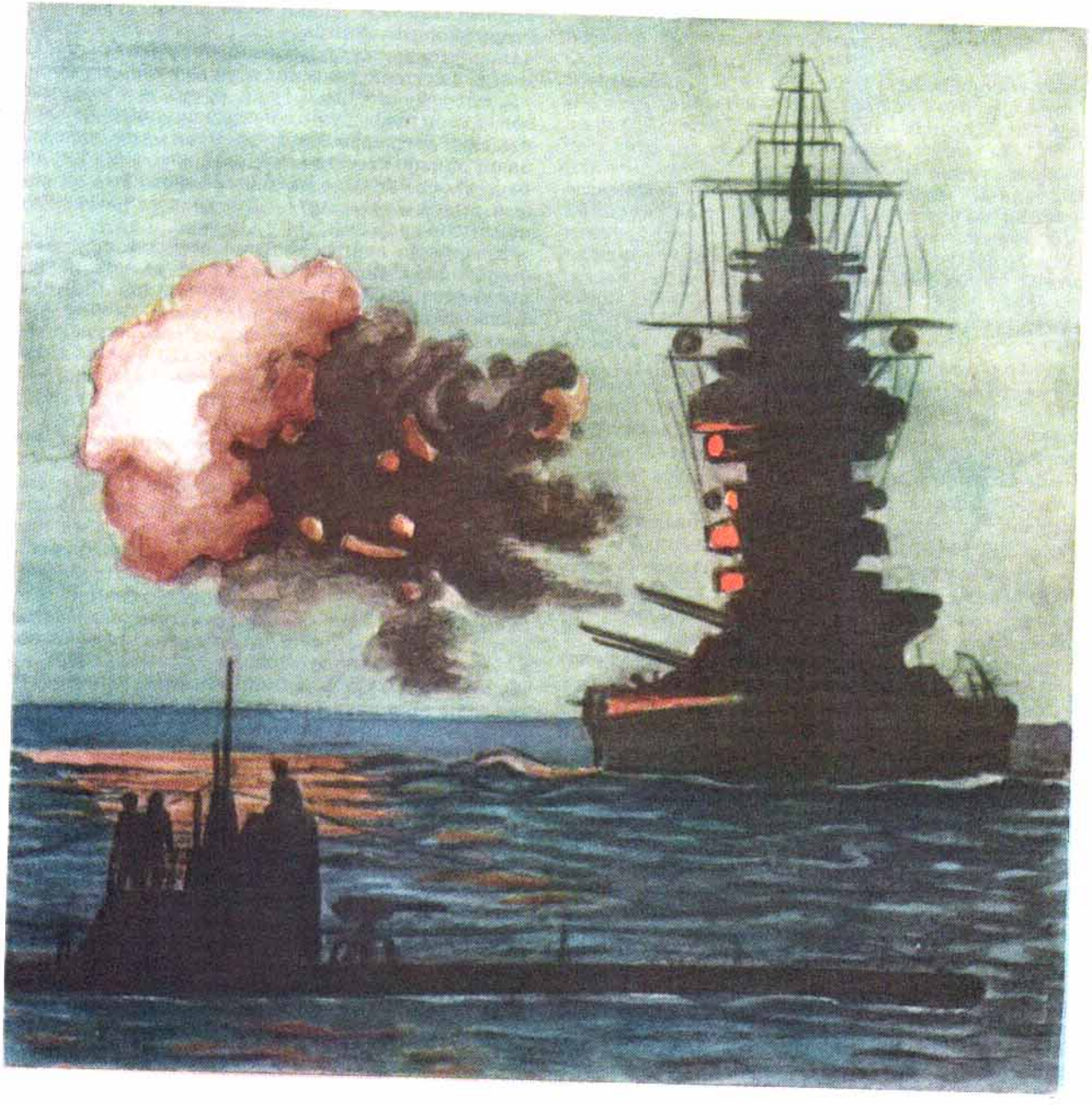
Любопытно, что захваченные у неприятеля корабли включались в русский флот с прежними названиями. В 1789 году русский 24-пушечный бриг заставил сдаться в плен шведский 44-пушечный фрегат «Венус». Через год, плавая под русским флагом, «Венус» сражался со шведским 64-пушечным линейным кораблем «Ретвизан» и пленил его. А в 1807 году и «Венус» и «Ретвизан» в составе русской эскадры сражались с турками у Дарданелльского пролива, где была одержана блистательная победа. Через столетие «Ретвизаном» был назван эскадренный броненосец, он принимал участие в русско-японской войне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ

Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух различных эпох нашей Родины. Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения пережитых лет, впереди я вижу молодую, обновленную, счастливую Россию...

Из речи лейтенанта П. П. Щмидта на суде



ФЛОТ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Когда шли сражения Крымской войны, в Черном море появился корабль, который вел себя на первый взгляд странно: он всегда оказывался там, где возникали какие-либо важные события, но оставался безучастным к ним. Ни гул орудийной стрельбы, ни стоны раненых, казалось, не доходили до его экипажа. Подобно призраку, отрешенному от земных дел, он вдруг неожиданно поднимал якоря, уходил, скрываясь за горизонтом. И возникал уже в другом отдаленном районе...

Была у голландцев колония в Северной Америке — Новый Амстердам. Ее у них отняли англичане и назвали Новым Йорком — Нью-Йорком. Эта и соседние колонии восстали против Англии, после долгой войны создали республику — Соединенные Штаты Америки. Флаг США и развевался над странным кораблем. Широченный океан да четыре моря отделяли американцев от Крыма. Но новое капиталистическое государство, которому ста лет еще не было, уже сочло необходимым иметь свои глаза и уши в напряженной точке Европы. Пройдет не так много времени — американцы начнут появляться во всех районах земного шара — уже с «большой дубиной», а это был их первый выход «на люди» — для знакомства с будущими соперниками.

Крымскую войну, конечно, изучали не только американцы. Во всех странах из удач и неудач воевавших сторон делали выводы на будущее. Главный вывод, общий, был таков: необходимы более мощные, дальнобойные, скорострельные орудия и разрушительные снаряды; нужны новые корабли — специально для действий в море и действий у берегов; нужно с почтением отнестись к минам, у них большое будущее.

Дерево на флоте уступило место металлу. Металл нужен был и для железных дорог: без них уже не мыслилась переброска войск, оружия и снаряжения к театрам военных действий. И если в 1870 году все страны мира выплавили 14 миллионов тонн чугуна, то в 1900 году — 41 миллион.

КОРАБЛИ

Паровые машины пришли на смену парусам. От пушечных ядер и бомб корабли надежно защитились броней, так надежно, что артиллерийские дуэли не давали никакого результата, и, чтобы причинить вред противнику, приходилось броненосцам идти на таран. Возвращение к тактике древних было недолгим, удалось создать более совершенные орудия и снаряды — за усилением защиты последовало усиление удара.

Не сразу, но довольно быстро флоты совершенно изменили свой облик. Определились классы кораблей.

Эскадренные броненосцы стали основными боевыми кораблями. Они предназначались для действий в море и заменили линейные корабли парусного флота. Затем шли броненосцы береговой обороны, броненосные и бронепалубные крейсеры, эскадренные миноносцы и миноносцы, канонерские лодки, минные заградители, подводные

лодки, тральщики, посыльные, вспомогательные и транспортные суда.

Русские кораблестроители в то время создали много прекрасных кораблей. В 1861 году в России был построен первый стальной броненосный корабль — канонерская лодка «Опыт». До этого корпуса броненосцев делали из дерева и только обшивали броневыми листами. Лодка была небольшой — водоизмещением 270 тонн. Она имела на носу за бронированным укрытием одно орудие и предназначалась для ведения артиллерийской стрельбы в прибрежных мелководных районах. Итальянское слово «канноне» означает «пушка», отсюда и происходит название типа корабля.

Опыт есть опыт. А в 1869 году был заложен эскадренный броненосец «Петр Великий» водоизмещением около 10 тысяч тонн. Когда корабль был готов, он стал лучшим броненосцем того времени. Его борта защищал пояс из 356-миллиметровой брони в средней части и 203-миллиметровой на носу и корме. Палуба была покрыта броневыми плитами толщиной 76 миллиметров. В двух броневых башнях стояли по две пушки калибром 305 миллиметров. Они стреляли снарядами весом в 300 килограммов и на расстоянии двух километров пробивали 300-миллиметровую броню. В Синопском сражении — всего двадцать лет назад — невероятно грозными казались такие корабли, как «Императрица Мария». Но 74 пушки «Марии», угоди их ядра одновременно в одну точку, не причинили бы столько вреда, сколько один снаряд «Петра Великого». Броненосец был и прекрасным морским ходоком. Две паровые машины и два винта позволяли развивать скорость более 14 узлов.

Англичане были поражены успехом русских — отсталая Россия обогнала самую сильную промышленную морскую державу! В газетах стали писать, что проект броненосца придумал для русских известный английский кораблестроитель Э. Рид. Рид был честным человеком. Он напечатал в лондонской газете «Таймс» письмо:

«Позвольте мне опровергнуть сообщение, будто я составил проект недавно спущенного в Санкт-Петербурге русского броненосца «Петр Великий». Этот проект — произведение адмирала Попова, человека, одинаково достойного как в военное, так и в мирное время. ...Для нас было бы пагубным самообольщением думать, что прогресс во флотах у других держав исходит лишь из Англии... Русские успели превзойти нас как в отношении боевой силы существующих судов, так и в отношении новых способов постройки. Их «Петр Великий»... представляет собою судно более сильное, чем всякий из собственных наших броненосцев».

Вскоре англичанам опять пришлось следовать за русскими. На этот раз в создании броненосных крейсеров. Отношения между Россией и Англией оставались обостренными. Не исключалась новая война. Поскольку жизнеспособность Англии во многом зависела от связей с колониями, русское правительство решило построить корабли, способные нарушить морские сообщения неприятеля, перехватывать его вооруженные торговые суда и громить их конвои. Идея постройки крейсеров, которые подолгу плавали в океане, имели большую скорость, были защищены броней и вооружены мощной артиллерией, принадлежала опять-таки вице-адмиралу Андрею Александровичу Попову.

Первый броненосный крейсер «Генерал-Адмирал», заложенный в 1873 году, имел водоизмещение 4600 тонн, его броневой пояс был толщиной 152 миллиметра. Вооружение состояло из четырех 203-миллиметровых орудий, стоявших в середине корабля, и двух 152-миллиметровых — на корме и носу. «Генерал-Адмирал» развивал скорость до 15 узлов, он брал тысячу тонн угля да еще имел паруса, чтобы при попутном ветре экономить топливо. Службу на крейсере несли 482 человека. Последующие корабли этого класса были крупнее, развивали скорость до 19 узлов.

Если ты помнишь, задачи, сходные с задачами броненосных крейсеров, в парусном флоте выполняли фрегаты. Вот что писал о разнице между новыми и старыми кораблями адмирал Степан Осипович Макаров:

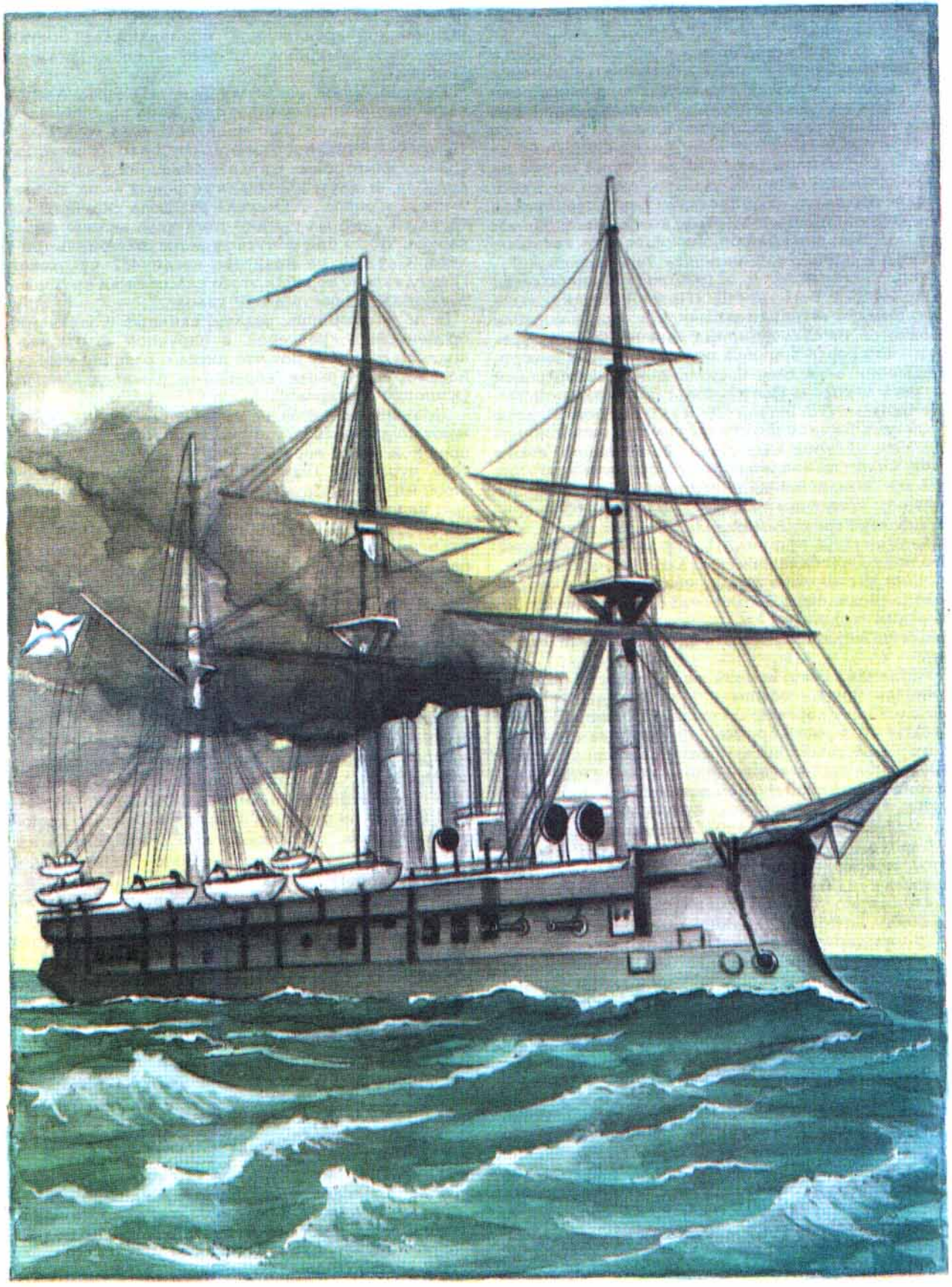
«Машина и котлы на крейсере «Рюрик» занимают по длине 192 фута (около 55 метров) в самой широкой части корабля. Чтобы ясно представить себе, что такое 192 фута такого судна, как «Рюрик», можно сказать, что, если бы вынуть из него всю машину с котлами и угольными ямами и налить туда воды, мог бы разместиться на швартовах весь фрегат прошлого времени со всем его экипажем и со всеми его пушками. Кругом фрегата осталось бы даже достаточно свободного места, чтобы обойти его на шлюпке».

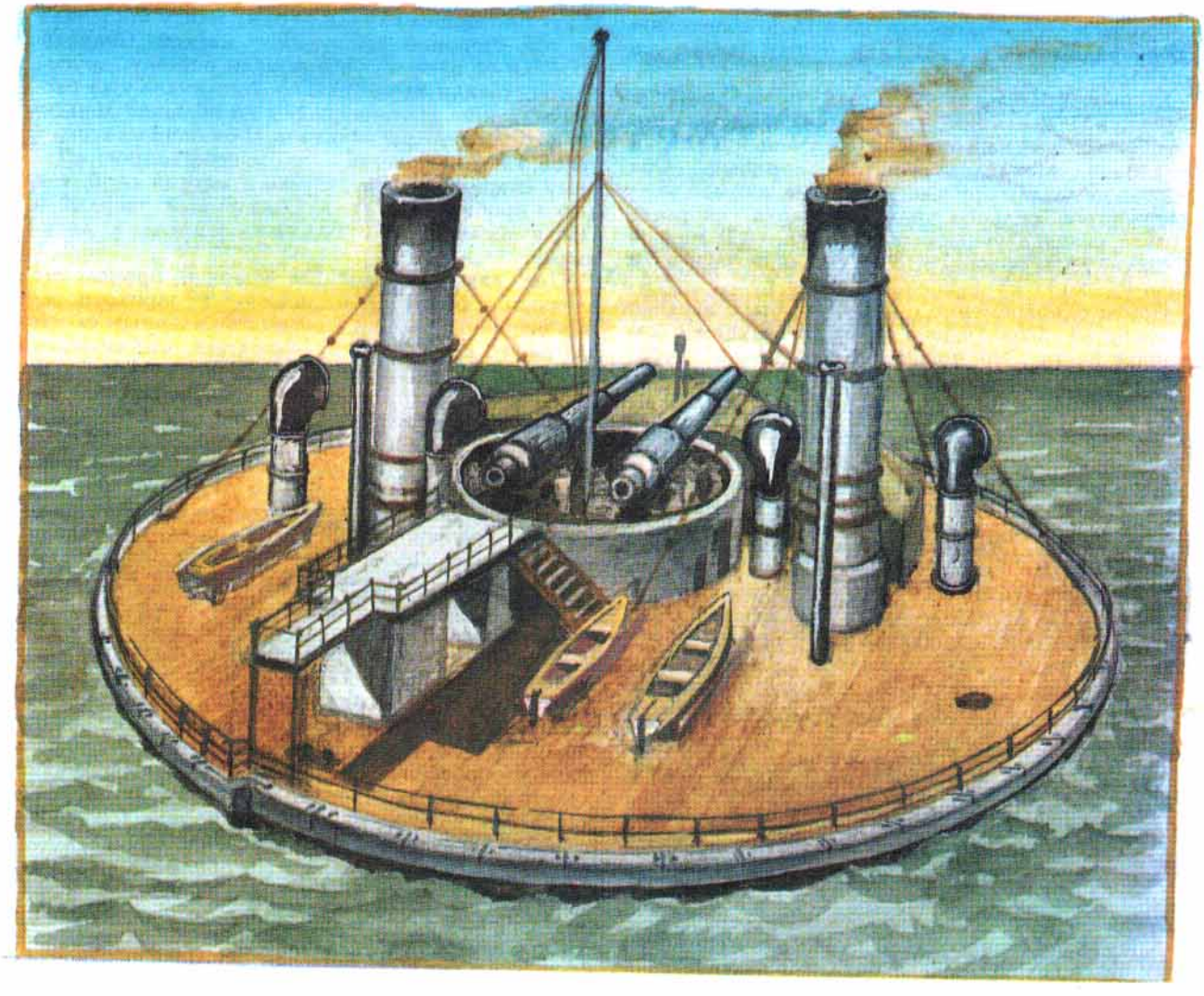
Англичане не могли не понять, чем им грозят корабли, подобные «Генерал-Адмиралу». Они знали, что Россия строит их уже в течение полутора десятков лет. Поэтому и английский флот начал спешно обзаводиться крейсерами.

Русским крейсерам не пришлось действовать против Англии. Зато в войне с японцами они некоторое время держали в страхе торговый флот неприятеля и суда других стран, которые перевозили грузы японцам из Америки, Европы и Австралии. В один из походов, 13 июня 1904 года, крейсеры «Россия», «Громобой» и «Рюрик», выйдя из Владивостока, перерезали самую оживленную морскую дорогу между Японией и Маньчжурией. Японские суда бросились врассыпную, их было так много, что крейсерам пришлось выбирать цели для атаки. Были потоплены три транспорта. При этом погибли несколько тысяч солдат и утонули 18 осадных орудий, которые предназначались для штурма Порт-Артура.

Все это происходило в районе, близком к морским базам неприятеля. 9 японских крейсеров и 8 эскадренных миноносцев были посланы для уничтожения русских кораблей. Но «Россия», «Громобой» и «Рюрик» действовали так дерзко и осмотрительно, что еще в течение нескольких дней сеяли панику у побережья Японии. 18 июня они захватили большой английский пароход с военным грузом и отправили его во Владивосток.

Рейды крейсеров повторялись. Судовладельцы и промышленники терпели большие убытки из-за простоя судов в портах и гибели в море. Дело дошло до того, что в Токио они устроили демонстрацию у дома адмирала Камимуры, отвечавшего за





Круглый броненосец, построенный по проекту адмирала Попова А. А.

охрану морских путей. Одних проклятий на голову Камимуры показалось мало, и они подожгли его дом.

АРТИЛЛЕРИЯ

Мы видим, что корабли обзавелись мощной артиллерией. Как удалось достичь этого? Ведь раньше артиллерийская стрельба по броненосцам не давала никаких результатов, и приходилось прибегать к таранным ударам.

Тут главную роль сыграли винтообразные канавки — нарезы в стволе орудия. Из таких орудий можно было стрелять продолговатыми снарядами, снабженными поясками из мягкого металла. Врезаясь в нарезы пояском, снаряд начинал вращаться в орудийном стволе, вращаясь, он летел точно в цель. Попробуй сбить волчок, когда он кружится на полу. Щелкнул его, а он все равно вертится. Так и вращающийся снаряд приобрел устойчивость на траектории полета; если бы он не вращался, он бы кувыркался в воздухе. Снаряды гладкоствольных пушек и были шарообразными, чтобы не кувыркаться.

В гладкоствольных орудиях пороховые газы при выстреле прорывались между стенками канала ствола и ядром, из-за этого уменьшалась скорость полета снаряда и, следовательно, его разрушительная сила. Ведущий поясок ликвидировал этот изъян, он не пропускал пороховые газы, и они сильнее давили на дно снаряда, выталкивали его с большей скоростью. Снаряд летел дальше, сильнее ударял в цель. Мало того, продолговатый снаряд был тяжелее шарообразного, в него вмещалось больше взрывчатых веществ, чем в старую бомбу. Сила удара снаряда нарезной пушки — за счет

Крейсер «Память Азова». Конец XIX века.

скорости и веса — возросла раз в 15 по сравнению со снарядом гладкоствольной пушки такого же калибра.

Вторым врагом брони стали новые пороха. Француз П. Вьель придумал пироксилиновый порох, чуть позже наш знаменитый ученый Дмитрий Иванович Менделеев — пироколлоидный. Оба пороха не давали при выстреле дыма, а самое важное — втрое сильнее толкали снаряд, скорость полета снаряда увеличилась до 700—800 метров в секунду (ты знаешь, что от скорости зависит и сила удара).

Почти одновременно с нарезами было введено устройство, позволявшее заряжать орудия с казенной части. Это новшество увеличило скорострельность до двух и более выстрелов в минуту. Теперь небольшое число орудий обрушивало на броню град ударов.

МЕТАЛЛ

Газы новых порохов нередко разрывали орудийные стволы. Делать же пушки с очень толстыми, а значит, тяжелыми стволами было нельзя: они уже и так весили до сотни тонн каждая. Надо учесть, что броня составляла до 40 процентов веса всего корабля. Тяжело было кораблю под грузом металла. Возникла необходимость делать металл прочнее, чтобы пушки и броня были легче.

В годы после Крымской войны прославили русскую науку своими открытиями металлурги. Особенно важными были исследования инженера Дмитрия Константиновича Чернова. Он объяснил процессы, которые происходят в стали при тепловой обработке, и научил металлургов управлять этими процессами — получать металл с нужными качествами.

Заводы, применяя на практике открытия ученых, стали делать прочные орудия и прочную броню — менее тяжелыми, чем раньше. Удавалось так отливать стволы и так прокатывать броневые плиты, что слой металла, подвергавшийся действию пороховых газов или ударам снарядов, был очень твердый, а слой, лежащий за ним, вязкий, упругий. Вязкий слой не давал раскалываться и трескаться хрупкому твердому слою.

Состязание брони и снаряда шло с переменным успехом. На более сильный снаряд броня отвечала повышением прочности. К 1890 году опять создалось положение, когда снаряды не пробивали броневую защиту корабля. Что было делать?

Жил в то время удивительный адмирал, русскому флоту он дал так много, что просто не верится — по силам ли такое одному человеку? Ему, Степану Осиповичу Макарову, и принадлежит слава победителя брони.

Лучшую броневую сталь тогда делала английская фирма «Гарвей». Она продавала ее другим странам. Продавала честно: прежде — испытания на полигоне. Разобьет снаряд плиту — не покупайте, навязывать не будем. Не разобьет — выкладывайте денежки. Однажды под Петербургом шли такие испытания. Стреляли из мощных 229-миллиметровых орудий. Снаряды оставляли чуть заметную вмятину в плите, а сами раскалывались. И тут произошел случай — одну плиту поставили не той стороной к орудию — мягкой. Снаряды пробили ее навылет. Все поняли ошибку, другие плиты ставили внимательнее. Англичане уже рассчитывали на крупный заказ, на большие деньги. Но на полигоне был Макаров. И он один из всех — такой уж был человек — задал себе вопрос: «Почему снаряд, ударив сначала в мягкий слой, так легко пробил потом слой закаленный, твердый?» После размышлений адмирал записал в дневнике:

«Так как... деформация снаряда происходит главным образом в первый момент соприкосновения вершины снаряда с весьма закаленным слоем плиты, то есть основания полагать, что если бы поверх закаленного слоя имелся бы хотя небольшой толщины слой из более вязкой массы, то снаряды не будут столь сильно деформироваться, так как головная часть будет работать, уже будучи как бы сжатой в вязком металлическом обруче, который и удержит снаряд от разрушения».

Через некоторое время англичан снова пригласили на полигон. По их броневым плитам теперь стреляли из 152-миллиметрового орудия. Первый снаряд пробил плиту и раскололся на две части. Второй, пробив, остался целым. В боевых условиях он взорвался бы в корпусе корабля.

Весь военный мир охватила сенсация: у русских появился снаряд, пробивающий практически любую броню. Как это ни странно, ни сам адмирал Макаров, ни другие адмиралы и офицеры не сочли нужным — из-за простоты устройства — засекретить изобретение. Такие снаряды вскоре стали делать во многих странах. Что же придумал Макаров? Он надевал на головку снаряда колпачок из мягкой и вязкой стали. При ударе о броню колпачок (или наконечник) как бы прилипал к броне, создавая тот самый «небольшой толщины слой из более вязкой массы». Новые бронебойные снаряды повсюду называли «макаровскими колпачками».

УПРАВЛЕНИЕ ОГНЕМ

Хорошие орудия, хорошие снаряды были важным приобретением корабельной артиллерии. Но морскому артиллеристу редко приходится стрелять при спокойной воде. Волны качают корабль и, следовательно, орудие. Небольшое изменение угла наводки — снаряд, пролетев десяток километров, падает далеко от цели. Многие люди думали, как улучшить точность стрельбы корабельных пушек. И никому это не удавалось.

В 1877 году началась очередная война России с Турцией. Как всегда, в странах Европы с пристрастием следили за ее событиями. Скоро умы военных моряков взбудоражило сообщение о победе русского торгового парохода «Веста» над турецким броненосцем «Фетхибуленд». Суда встретились недалеко от Констанцы. Турки намеревались потопить «Весту», так как знали, что пароход в плен не сдастся. «Веста» приняла бой, хотя по числу орудий и по их калибру во много раз уступала броненосцу. Пять часов длилась артиллерийская дуэль. Неприятельские снаряды попадали редко, но причинили пароходу, не защищенному броней,

Макаров С. О.

большие разрушения. Много матросов и офицеров было убито. Однако «Веста» отвечала меткими залпами, и броненосец был так поврежден, что бежал от парохода.

Специалисты понимали, что экипаж парохода и его командир капитан-лейтенант М. М. Баранов проявили редкое мужество в бою, но были отмечены также небывалая для того времени частота, сосредоточенность и меткость огня. «У русских появилось какое-то новшество в артиллерии» — к такому выводу пришли зарубежные наблюдатели.

Пароход на самом деле был оборудован «системой аппаратов автоматической стрельбы» — так назвал ее сам изобретатель отставной морской офицер Алексей Павлович Давыдов. С помощью электромеханических приборов, которые учитывали крен корабля и другие величины, орудия одновременно автоматически наводились на цель и стреляли в тот момент, когда наводка была закончена.

Шпионы иностранной фирмы украли из мастерской Давыдова чертежи приборов. Но инженеры фирмы не могли связать их в единое целое. Из многих стран изобретателю посыпались предложения на покупку — за крупные деньги — его системы управления огнем. Давыдов жил в нужде, все до копейки тратил на изобретательство, но приборы свои за границу не продал. Он знал: это ослабило бы силу родного флота. «Прибор нашего талантливого соотечественника,— писал в своем отзыве артиллерийский комитет Морского ведомства,— обеспечил нашим морским силам важный и могущественный перевес над иностранными флотами».

Давыдов своим изобретением дал начало целой отрасли артиллерийской техники.

МИННОЕ ОРУЖИЕ

Любая пробоина в корпусе корабля — неприятность. Опасная неприятность — пробоина в подводной части. Подсчитано, что на глубине в 6 метров через отверстие в квадратный метр в одну секунду вливается 11 тонн воды. Но чем нанести удар в подводную часть корабля? Миной.

Мы говорили, что русские мины в Крымскую войну преградили путь англо-французской эскадре у Кронштадта. Хотя ни один из четырех кораблей, подорвавшихся на минах, не утонул (оказался мал заряд), новое оружие испугало неприятеля, вскоре все 100 его кораблей ушли из Балтийского моря.

Англичане тогда выловили несколько мин и повезли их с собой. Адмирал Нэпир, который был с эскадрой у Кронштадта, дома, как большой специалист минного дела, взялся объяснять морским офицерам устройство нового оружия. Беседа шла на палубе корабля, там же укрепили на стойке трофейную мину. У адмирала вместо указки была трость. По окончании лекции он прислонил ее к мине. И адмиралу, и его слушателям повезло. Когда они ушли от экспоната, ветром качнуло трость, и мина, как бы желая подтвердить, что с ней шутки плохи, взорвалась. Осколками и взрывной волной побило надстройки корабля, газами обожгло матросов.

Мина была похожа на металлическую воронку. Из ее широкой части торчали вверх два железных прута. Они держали во взведенном состоянии пружину ударного механизма. Стоило тронуть эти «усы», как мина взрывалась. Устанавливали мину на якоре, укорачивая или удлиняя трос, чтобы мина не выглядывала из воды. Ее создателем был действительный член Петербургской академии наук Борис Семенович Якоби.

Мины совершенствовались, они стали мощнее, их ударные механизмы чутче. Но тридцать лет мины были только оборонительным оружием. Их ставили для защиты своих берегов, подходов к портам. Очень канительно отмеривать трос и ставить мину на якорь. Попробуй заниматься этим во владениях неприятеля! Тут же попадешь под артиллерийский огонь и взлетишь на воздух от взрыва собственных мин. Но вот лейтенант Николай Николаевич Азаров придумал механизм, который автоматически ставил мину на нужную глубину. Стоило опустить мину в воду, как она была готова к разрушительной работе.

Потребовались специальные корабли для перевозки большого количества мин и постановки их. Русские кораблестроители дали флоту еще один новый класс кораблей — минные заградители. В 1891 году были спущены на воду два минных заградителя «Буг» и «Дунай» водоизмещением по 1380 тонн. Через несколько лет вошли в состав флота «Амур» и «Енисей» водоизмещением по 2,5 тысячи тонн. Они могли пройти три тысячи миль без захода в порты и брали на борт две сотни

мин. Эти корабли предназначались для постановки мин у берегов неприятеля.

Как бы скрытно ни ставились мины, неприятель часто знает о них. Он старается проделать проходы в минных заграждениях, протаскивая тралы, или подрывает их, пуская впереди боевых кораблей менее ценные суда. Чтобы помешать этому, охрану минных заграждений стали поручать береговой артиллерии и артиллерии кораблей. Так возникло новое средство обороны побережья и портов — минно-артиллерийские позиции.

Грозное оружие мина. Но неподвижное. Многое зависит от случая. Заденет ее корабль или пройдет безнаказанно в самой близости. Заставить бы мину двигаться!

Прежде чем была придумана самодвижущаяся мина — торпеда, пользовались шестовыми минами и буксируемыми минами. В первом случае двухпудовая мина прикреплялась к десятиметровому металлическому шесту, сам шест крепился к борту катера, и надо было ударить миной в борт корабля ниже ватерлинии. Во втором случае мина буксировалась на тросе, и надо было так протащить ее, чтобы она задела неприятельский корабль. Совершенно очевидно, такими минами могли воевать только отважные и дерзкие люди, презиравшие любую опасность. В русском флоте подобных смельчаков было немало. Им и принадлежит честь первых минных подводных ударов, превращения мины из оружия оборонительного в оружие наступательное.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов русской сухопутной армии надо было переправиться через Дунай — преодолеть почти километровую полосу воды и затем выходить на высокий обрывистый берег. На Дунае у противника было много речных броненосцев. Чтобы не допустить их к понтонному мосту, русские ниже и выше его устроили в реке заграждения из мин. Но сильное течение срывало мины, целиком на безопасность переправы нельзя было положиться. Тогда решили накануне форсирования реки атаковать стоянку турецких кораблей минными катерами. Лунной ночью четыре паровых суденышка: «Джигит», «Царевич», «Царевна» и «Ксения», вооруженные шестовыми минами, держась в тени берега, подобрались к турецким кораблям. Для атаки выбрали монитор «Сейфи». «Царевич» ударил его шестовой миной в корму. Однако пробоина получилась неопасная. Тогда ударила «Ксения» — в самую середину корабля; после взрыва «Сейфи» стал тонуть.

«Царевич» взрывом своей же мины наполовину был залит водой. Винт «Ксении» запутался в снастях тонувшего монитора. С турецких кораблей била артиллерия, стреляли из ружей. И все же катера остались целы и ушли к себе.

Новое оружие всегда ошеломляет. Боясь повторения минных атак, турецкий отряд поспешил укрыться под защитой береговых батарей. Русская армия благополучно переправилась через Дунай.

Как ты помнишь, России было запрещено иметь Черноморский военный флот. Восстановление флота началось лишь после 1870 года. Поэтому в новой войне многочисленные бронированные корабли турок были хозяевами на море. Англия, получив от Турции остров Кипр, щедро снабдила турок паровыми машинами, орудиями, снарядами, как всегда, советниками. Турецкий броненосный флот начал блокаду русского побережья — с высадками десантов, с жестоким обстрелом прибрежных городов.

Было единственное средство активной борьбы с броненосцами — атаки минными катерами. (Их стали называть миноносками.) Но катера не могли ходить далеко в море, очень уж они малы. Тогда-то и обратил на себя внимание молодой лейтенант Степан Осипович Макаров, будущий знаменитый адмирал. Торговый быстроходный пароход «Великий князь Константин», которым он командовал, стал доставлять катера к месту атаки.

Как действовали катера, ты уже знаешь. Только отвага, только дерзость, только бесстрашие делали их атаки грозными.

Макаровские катера повредили минами несколько крупных кораблей противника. Хотя все они до конца войны вышли из строя, лейтенант не был доволен результатами. Ему хотелось — и он знал, что это возможно,— одним ударом отправлять корабли на дно. Макаров добился, чтобы ему дали четыре торпеды (мины Уайтхеда), купленные перед войной у англичан. Для пуска их под килем одного катера установили трубу — прообраз торпедного аппарата, другой катер должен был пускать торпеду с плотика, привязанного к борту.

14 января 1878 года вошло в историю флота как дата первого успешного торпедного удара. В ту ночь «Великий князь Константин», преодолев сотни миль, подобрался к Батумскому рейду. Катера «Чесма» и «Синоп» помчались к стоянке вражеских судов. Туман, висевший над морем, рассеялся. «Свет луны и блеск снежных гор,— писал потом в донесении Макаров,— прекрасно освещали рейд». С расстояния в 60 метров одновременно обоими катерами были выпущены торпеды. Они ударили в борт сторожевой пароход «Интибах». «Слышен был энергичный взрыв...— доносил Макаров.— Затем слышен был сильный треск от проломившегося судна и глухие вопли и крики отчаяния многочисленной команды. Пароход лег на правую сторону и быстро погрузился на дно с большей частью своего экипажа... До того, как скрылись мачты, прошла одна или две минуты».

Катера «Чесма» и «Синоп» по праву считаются родоначальниками торпедных катеров и тактики группового торпедного удара. Важным результатом смелых атак Макарова и его сподвижников стало то, что русские судостроители создали еще один класс кораблей — класс миноносцев. В отличие от миноносок, которыми вскоре обзавелись все флоты, миноносцы могли плавать в открытом море и там наносить торпедные удары по неприятельским кораблям. У миноносцев была хорошая скорость — чтобы легко догонять врага и самим уходить от погони, они были небольшие — это затрудняло артиллерийскую стрельбу по ним. Первый в мире русский миноносец «Взрыв» имел водоизмещение 160 тонн, на носу у него был один торпедный аппарат, а экипаж состоял из 21 моряка.

В очень короткое время миноносцы стали грез-

ной силой на море. Для борьбы с ними стали строить контрминоносцы — тоже быстроходные корабли, но вооруженные сильной артиллерией.

НЕПОТОПЛЯЕМОСТЬ КОРАБЛЯ

Пока не было мин и торпед, пока подводные пробоины корабль получал от случайных ударов о камни и рифы, не было большой заботы о подводной защите судов. Сложную задачу поставило перед моряками и судостроителями минное оружие — борьбу за непотопляемость корабля. Русские моряки, ученые и в этой отрасли судостроительной техники сказали свое значительное слово. Среди них опять мы должны назвать Макарова. Ему было двадцать лет, он только что получил первый офицерский чин мичмана, когда придумал конструкцию пластыря для заделки пробоин в корпусе корабля. Подобно колпачку, этот пластырь впоследствии на всех флотах тоже называли макаровским.

Однако Макаров не ограничился изобретением пластыря, он предложил улучшить систему водонепроницаемых отсеков и установить на корабле водоотливную и пожарную системы. С их помощью можно было быстро откачивать воду из затопленных отсеков или затоплять отсеки по выбору. Представь, что вода затопила какие-то отсеки и откачать ее невозможно. Из-за этого корабль накренился или получил дифферент. Накренились, следовательно, орудийные башни, вести стрельбу невозможно, главное же — корабль может перевернуться. Тут-то насосы и начинают подавать воду в противоположные отсеки, крен, или дифферент, выравнивается. Корабль, хотя сидит в воде глубже, снова ведет бой. Идеи Макарова развил и углубил ученый-кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов, впоследствии советский академик, Герой Социалистического Труда. Крылов разработал таблицы, по которым любой корабельный инженер мог очень быстро определить отсеки, подлежащие затоплению, корабль, получивший не одну, а несколько пробоин, все равно держался на воде, оставался в строю.

Мичману Макарову помог осуществить его изобретения командующий броненосной эскадрой Балтийского флота адмирал Григорий Иванович Бутаков. (Ты, конечно, помнишь это имя.) По ходатайству Бутакова Макарову было досрочно присвоено звание лейтенанта, что в мирное время делалось исключительно редко.

Ты, верно, уже отметил для себя пытливость Макарова, его постоянное желание вникать во все, что окружает моряка, во все внести улучшение. Можно сказать, такое уж было свойство его характера. Но одного характера мало. Нужно было отлично знать корабль и беды, которые подстерегают его. Все это знал Степан Осипович. Девяти лет он поступил в Морское училище в Николаевске-на-Амуре, а когда исполнилось двенадцать, совершил первое — пятимесячное — плавание на клипере «Стрелок». В четырнадцать целый год провел в плавании у берегов Северной Америки — на флагманском корабле Тихоокеанской эскадры, паровом корвете «Богатырь». (Командовал эскадрой адмирал Андрей Александрович Попов. Эта фамилия тебе тоже знакома.) Короче говоря, прежде чем получить звание мичмана, Макаров плавал на одиннадцати кораблях и провел в море около двух тысяч дней. В первом плавании мичманом — на двухбашенной броненосной лодке «Русалка» — стал свидетелем аварии, которая чуть не погубила лодку. «Русалка» пробила о камень днище и не потонула только потому, что ее успели посадить на мель. Этот случай и заставил Макарова задуматься о средствах спасения поврежденного корабля.

Но ведь и другие хотели выручать корабли из беды. Чем-то все же Макаров отличался от них, если никто не придумал, как это делать, а он придумал. Может быть, все исходило из его особой любви к кораблям? «Тот, кто видел потопление судов своими глазами,— писал Степан Осипович,— хорошо знает, что гибель корабля не есть простая гибель имущества; ее нельзя сравнить ни с пожаром большого города, ни с какою другою материальною потерею. Корабль есть живое существо, и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевленный исполин, послушный воле своего командира. Корабль безропотно переносит все удары неприятеля, он честно исполняет свой долг и с честью гибнет, но не к чести моряков и строителей служат эти потопления, за которые они ответственны перед своей совестью. Корабль может и должен быть обеспечен от потопления».

ТАКТИКА БРОНЕНОСНОГО ФЛОТА

Итак, корабли перестали зависеть от ветра, они оделись в броню, вооружились мощной артиллерией и торпедами. Теперь разведку вели крейсеры, главный удар в бою наносили эскадренные броненосцы и броненосные крейсеры. Эскадренные миноносцы торпедными атаками добивали корабли, поврежденные артиллерией.

Наиболее капитальный труд по тактике броненосного флота создал все тот же адмирал С. О. Макаров. В его книге «Рассуждения по вопросам морской тактики» дано определение тактики флота как науки, разработаны тактические приемы использования артиллерийского, минного и торпедного оружия. Одной из самых важных глав книги является глава об эскадренном бое. В ней Макаров определил состав эскадры, боевые построения, маневрирование и приемы ведения морского боя. Главным условием победы Макаров считал сосредоточение превосходящих сил против части эскадры противника, а наиболее выгодным маневром для достижения этой цели — охват головы или хвоста кильватерной колонны. Несмотря на огромное отличие броненосных кораблей от парусных, тактика броненосного флота напоминала линейную тактику флота парусного. Вспомни приемы адмирала Ушакова. Основным строем нового флота была та же длинная кильватерная колонна. Как и в прежние времена, две колонны кораблей сходились на артиллерийский выстрел, начинались дуэли. Только неизмеримо увеличилась дистанция артиллерийского боя — с 50—70 метров

в парусном флоте до 2—10 километров в броненосном.

Почему же при огромных изменениях в кораблях и оружии тактика флота изменилась очень мало? Дело в том, что оставались прежними, времен парусного флота, средства связи — сигналы и приказы передавались, как и раньше, флагами, выстрелами из пушек, ракетами, прожекторами. Сигнальщик одного корабля должен был видеть своего товарища на другом корабле или слышать его. Стоило кораблю или группе кораблей отойти от эскадры к горизонту, как связь между ними прерывалась. О сложном взаимодействии боевых единиц, о дальней разведке, о неожиданных для противника маневрах флотоводцы, как люди трезвого ума, и не мечтали. Они знали, что управлять флотом могут только при развертывании сил и в самом начале боя. Дальше командиры кораблей действовали по собственной инициативе, так как получить приказ командующего не могли. Не было средства передать его.

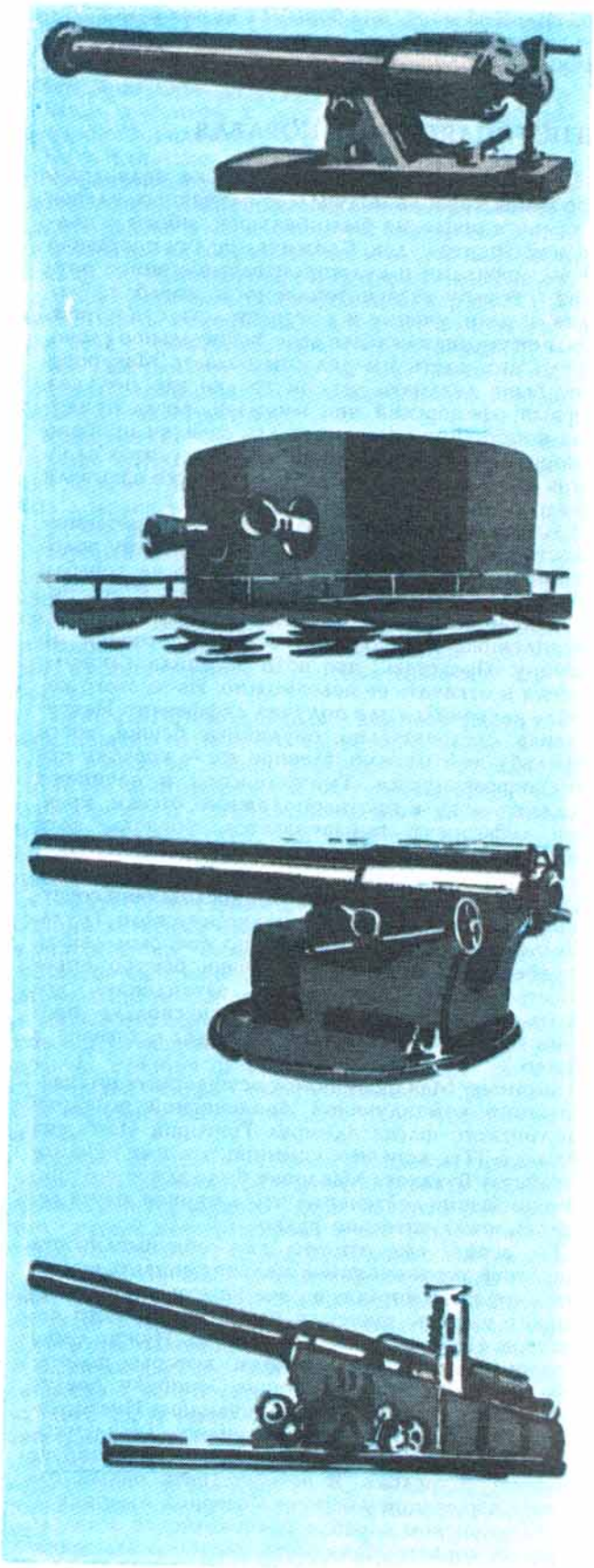
РАДИО

И все же оно было найдено — надежное, универсальное, поистине великое средство связи. Преподаватель Кронштадтского военно-морского учебного заведения — Минных офицерских классов — Александр Степанович Попов изобрел грозоотметчик — первый радиоприемник. 7 мая 1895 года он продемонстрировал его на заседании ученых в Петербургском университете.

Вскоре на кораблях Балтийского и Черноморского флотов начались опыты по радиосвязи. Первое практическое применение радио произошло тоже на море.

Осенью 1899 года на полном ходу наскочил на подводные камни броненосец береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин». Это случилось около пустынного острова Гогланд в Финском заливе. Повреждения были так велики, что корабль остался на зиму на месте аварии. Залив покрылся льдом. На беду, «Апраксин» оказался в полосе сильного течения, оно несло льдины на броненосец, и корабль трещал под их напором. Весеннее движение льда уничтожило бы его. Броненосец был совсем новенький. Постройка его обошлась в четыре с половиной миллиона рублей. Надо было всеми средствами спасать корабль. Тогда-то для связи броненосца с берегом и было использовано радио. На станциях работали Александр Степанович Попов и его помощник радиотехник Петр Николаевич Рыбкин.

В спасении броненосца главное дело сделал ледокол «Ермак», тоже только что построенный. Взломав льды в заливе, он несколько раз доставлял из Кронштадта и Ревеля (теперь Таллин) спасательные партии, материалы, продовольствие, топливо, эвакуировал больных. Затем, когда на огромную пробоину удалось наложить пластырь, с большими предосторожностями довел корабль до порта.



Морские орудия.

ЛЕДОКОЛЫ

«Ермак» был самым мощным и самым совершенным ледоколом своего времени, таким он оставался и долгие годы. Его трудная работа окончилась только в 1963 году, когда металл ледокола пошел на переплавку. (В 1974 году «Ермаком» назван мощный дизель-электрический ледокол нашего Арктического флота.)

Честь создания первого в мире ледокола принадлежит судовладельцу Британеву. Он имел пароходы, которые осуществляли перевозки между Кронштадтом и берегом. Как человек предприимчивый, Британев не хотел терпеть убытки из-за простоя своих судов в пору ледостава и весеннего ледохода (зимой в Кронштадт ездили санные обозы). В 1864 году он у своего парохода «Пайлот» переделал носовую часть так, что пароход, словно лыжа, въезжал носом на лед и ломал его своей тяжестью. Через несколько лет ледоколом заинтересовались немцы. Выдалась суровая зима, и замерз вход в порт Гамбург. Всего за 300 рублей продал Британев им чертежи. Немцы тоже построили ледокол. Ледокольные суда специальной постройки появились во многих странах. Уместен вопрос: можно ли Британева считать изобретателем ледокола? Ведь его придумка элементарно проста, вот и немцы заплатили за чертежи смехотворно малые деньги... Говорят, все гениальное просто. До Британева разрабатывался ледокол, который должен был дробить лед перед собой паровыми молотами и пилить пилами. А малые деньги? Британеву прежде не приходилось торговать чертежами, вот и продешевил.

В России за постройку специального ледокола взялся человек, имя которого упоминалось в этой главе уже несколько раз,— Степан Осипович Макаров. К тому времени к его военной славе прибавилась слава ученого: он написал и опубликовал около 100 работ о море и кораблях. Академия наук дважды отмечала его труды высшей премией. Степан Осипович смотрел на будущий ледокол глазами как бы трех специалистов. Макаров-ученый видел в нем средство исследования Арктики, Макаров-администратор — средство хозяйственных перевозок и сообщений с устьями Оби, Енисея, со всей Сибирью, Макаров-военный — средство проводки военных судов с Балтики на Тихий океан не вокруг Европы, Африки и всей Азии, а кратчайшим и совершенно безопасным в военном отношении путем — вдоль северных берегов России по Ледовитому океану. Была не за горами русско-японская война, и подготовка к ней тревожила дальновидного адмирала.

Степан Осипович не ошибся в своем детище. Только за первый десяток лет «Ермак» провел во льдах около тысячи судов. В 1938 году он снял со льдины зимовщиков первой станции «Северный полюс». Расходы же на свое строительство он окупил, когда спас «Генерал-Адмирала Апраксина». «Ермак» стоил в четыре раза дешевле, чем броненосец.

ВОЙНА, УСКОРИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

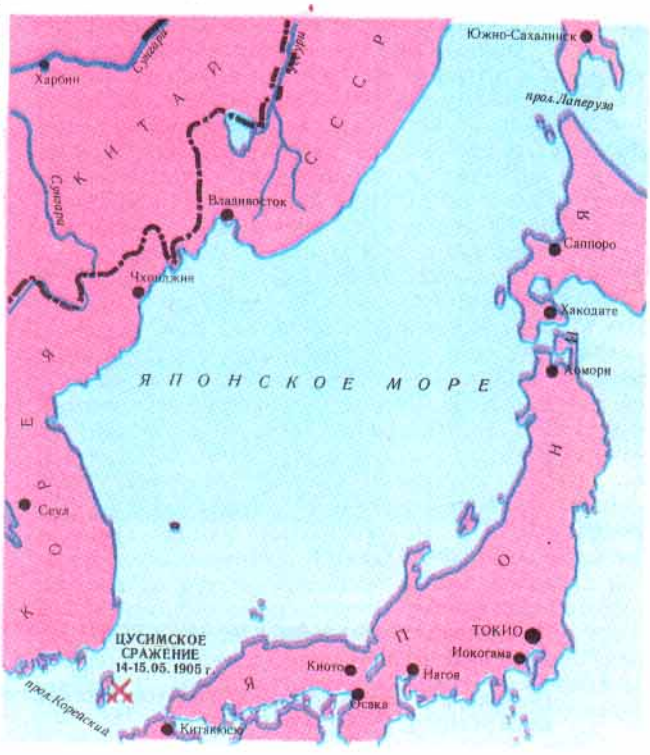
ЖЕЛТОЕ МОРЕ

Море Тихого океана глубоко вдается в сушу между берегом Азии и полуостровом Корея. На юге его воды сливаются с водами Восточно-Китайского моря. Глубины небольшие — на северо-западе до 30 метров, на юге самая большая глубина 106 метров. Крупные заливы — Бохайвань, Ляодунский и Западно-Корейский. Высота приливов 3—4 метра, у корейского берега — до 9 метров. С июля по октябрь над морем часто проходят тайфуны. Северо-западная часть с ноября по март покрыта льдом. Основные порты: китайские — Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Инкоу, Далянь (Дальний), Порт-Артур, Вэйхай, корейский Инчхон (Чемульпо).

ЯПОНСКОЕ МОРЕ

Полузамкнутое море Тихого океана расположено между Азиатским материком и островами Сахалин, Хоккайдо, Хонсю. Проливами Невельского и Лаперуза сообщается на севере с Охотским морем, проливом Сангарским (Цугару) на востоке с Тихим океаном, путь в Восточно-Китайское мо-

Японское море.



Русско-японская война. 1904—1905 годы.

Положение русских войск к началу военных действий на суше /апрель 1904/.

Положение русских войск к началу военных действий на море /сентябрь 1904 года/.

Нападение японского флота на Порт-Артур.

Начало военных действий на море.

Боевые действия русских и японцев.

ре лежит через Корейский пролив на юге. Средняя глубина свыше 1,5 километра, наибольшая — 4225 метров, в середине моря дно возвышается, глубина там до 285 метров. В северной части моря в ноябре появляется лед и держится до начала мая. С мая по октябрь над Японским морем проходят тайфуны. Чаще — до двух в месяц — они бывают в юго-восточной и восточной частях моря.

Велико транспортное значение Японского моря. Через него проходят пути, связывающие Советский Союз, Корею и Японию между собой, а также со всеми странами Тихого океана. Советские порты: Владивосток, Находка, Советская Гавань, Ванино, Холмск, Александровск, Невельск, японские: Отару, Ниигата, Цуруга, Майдзуру, корейские: Чхончжин, Хыннам и Вонсан.

Броненосные корабли строились не для парадов, оружие создавалось не для устройства фейерверков. Назревала новая схватка империалистических держав. Мы все время говорили о трех странах, которые занимали господствующее положение в мире,— об Англии, Франции и России. Теперь могущественных стран стало шесть, к старой троице прибавилась молодая троица — США, Германия и Япония.

Япония, вступившая на путь капиталистического развития позже других стран, к началу XX века превратилась в крупное империалистическое государство. Новый империалистический хищник мечтал о захвате чужих территорий и о порабощении других народов. Но мир уже был поделен... Единственный способ прибрать к рукам какую-либо территорию и подчинить себе какой-то народ — переделить мир заново. К новому дележу колоний на Дальнем Востоке стремились и другие империалистические государства.

Сначала империалистические соперники открыто не враждовали. Они сообща накинулись на Китай. Огромная страна не имела средств защитить себя. Япония захватила у китайцев остров Тайвань, Россия закрепилась в Северной Маньчжурии, Германия присвоила китайский порт Циндао, Англия — порт Вэйхайвэй, Франция — порт Юнань. Соединенные Штаты Америки к этому времени отняли у испанцев — в непосредственной близости к Китаю — Филиппины; в Китай американцы еще не проникли, но базу для этого подготовили хорошую.

Легко представить, как завидовали России и Японии, граничащим с Китаем, капиталисты стран, отдаленных от Китая. Они знали, что японские капиталисты хотят прибрать к рукам не только китайские земли, но и другие соседние страны, мечтают о создании огромной восточной империи. Не было секретом и желание царского правительства создать на Дальнем Востоке Желтороссию — прибавку к Российской империи.

Намерения русского императора и императора японского взаимно исключали друг друга. Поэтому запахло войной между Россией и Японией. Это очень обрадовало капиталистов Англии, США, Франции и других стран — соперники истощат в войне друг друга, и можно будет обоих выпихнуть из Китая.

Ко времени, о котором мы говорим, Россия была сильнее Японии. Когда японцы отняли у Китая Квантунский полуостров, русский царь воспротивился этому. И японцы должны были убраться оттуда. Правда, убрались они не даром — русское правительство выплатило им компенсацию в размере 400 миллионов иен (около 400 миллионов рублей серебром). Итак, Россия была сильнее Японии, она могла победить в будущей войне. Этого, естественно, не хотели другие великие державы. И вот немецкие офицеры принялись обучать сухопутную армию японцев, англичане взялись за строительство для японцев броненосного флота. В канун войны правительство Англии прикажет своей Средиземноморской эскадре не выпускать из Черного моря русские корабли. А президент США предупредит, что если какая-либо страна будет помогать России, то США немедленно станут на сторону Японии и пойдут «так далеко, как это потребуется в ее интересах».

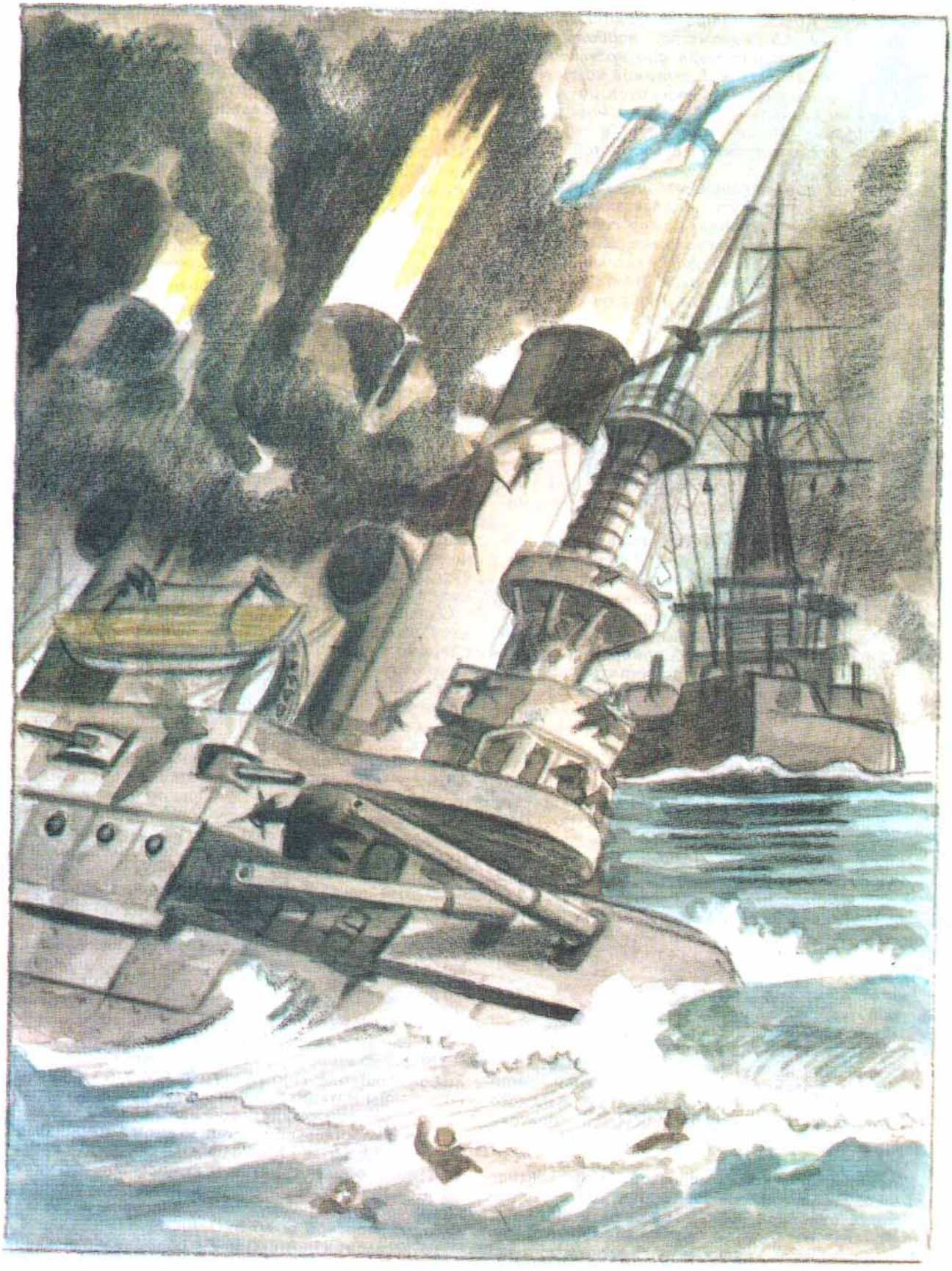
Русский флот на Тихом океане имел две главные базы: Владивосток и Порт-Артур. Порт-Артур расположен на оконечности Квантунского полуострова. Здесь природа создала гавань, удобную для стоянки кораблей. Узким выходом она соединяется с Желтым морем. Флот, находящийся здесь, может держать под контролем важные морские пути. Основная масса русских кораблей и находилась в Порт-Артуре.

Однако, несмотря на эти преимущества, война для России обернулась тяжелейшим поражением. Впервые в истории русский флот был разгромлен и уничтожен. Сама военная кампания представляется цепью нелепостей, которые делало царское правительство. Оно как будто играло с японцами в поддавки — есть такая игра, когда надо не выигрывать шашки, а отдавать их. Денежная компенсация за полуостров — 400 миллионов! — стала теми средствами, на которые японцы смогли начать подготовку к войне. Что значили эти деньги? Строительство эскадренного броненосца и броненосного крейсера обходилось в среднем в 10 миллионов рублей. Значит, японцы получили от своего противника как бы 40 мощных кораблей — огромный флот! К началу войны таких кораблей у русских было всего 11, у японцев — 14.

Между тем руководители русского флота основную ставку делали на то, что русские корабли, если не будут целиком господствовать в Желтом и Японском морях, то уж, конечно, не позволят противнику перебрасывать из Японии сухопутные войска для атаки Порт-Артура с суши, то есть русский флот будет сильнее японского.

Из такого ошибочного предположения следовала новая ошибка: Порт-Артур был плохо укреплен со стороны материка. В начале 1900 года, за четыре года до русско-японской войны, заседала комиссия по обороне крепостей, членом которой был и Степан Осипович Макаров. Он, как всегда трезво и резко, обратил внимание комиссии на это упущение. К мнению Макарова не прислушались. Предчувствуя огромную беду, Макаров послал в Главный морской штаб письмо:

«В заседании комиссии по обороне крепостей



было доложено, что линия сухопутной обороны Порт-Артура простирается на 22 версты, местность крайне пересеченная, что вызывает потребность в большом числе укреплений. Между тем назначено лишь 200 орудий, что... безусловно, недостаточно, необходимо 447 орудий. ...Вся сухопутная оборона состоит из орудий небольших калибров, и нет ни одной пушки на сухопутной обороне, которая могла бы отвечать на огонь больших осадных орудий.

Япония прежде всего займет Корею, и ввиду близости корейских портов от Японии и удобств, представляемых вооружением гаваней острова Цусима, нашему флоту, оперирующему в Корейском проливе далеко от своего базиса, будет невозможно помешать высадке японцев в Корею в каком угодно числе.

Заняв Корею, японцы могут двинуться к Квантунскому полуострову и сосредоточить там более сил, чем у нас. Вся война может быть ими сосредоточена на этом пункте. Это будет война из-за обладания Порт-Артуром, к которому они подступят с потребной для сего силой, и мы должны быть готовы к должному отпору с сухого пути.

В случае союза Японии с Англией преобладание на море будет на их стороне, и тогда возможно допустить большую высадку японского десанта в одну из бухт Квантунского полуострова. Это очень облегчит подвоз тяжелых осадных орудий и позволит повести правильную осаду Порт-Артура с сухого пути...

Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке. Флот, лишившись своего главного опорного пункта и оставшись лишь при одном Владивостоке, будет крайне стеснен в своих операциях. Чтобы этого не случилось, Порт-Артур должен быть сделан неприступным и снабжен провизией, порохом и углем в таком количестве, чтобы выдержать продолжительную осаду, пока не прибудет подкрепление».

В письме Макарова встречаются слова «сухой путь», «с сухого пути». Знаток военной истории, адмирал сопоставлял состояние дел в Порт-Артуре с положением Севастополя накануне Крымской войны. Севастополь, как ты помнишь, тоже был плохо укреплен «с сухого пути».

Письмо «ходило по инстанциям» — от одного начальника к другому — и затем попало в архив с такой резолюцией управляющего Морским ведомством адмирала Тыртова: «...я не могу не обратить внимания адмирала Макарова на его несколько пессимистический взгляд на оборону Порт-Артура; по-видимому, адмирал нашу эскадру считает нуль, так как полагает, что, несмотря на ее присутствие в Желтом море, неприятель свободно может подвезти к Порт-Артуру тяжелые осадные орудия для ведения правильной осады крепости с сухого пути. Для этого нужно уничтожить эскадру нашу».

Резолюция Тыртова была оскорбительной для Макарова, который никогда не был ни паникером, ни трусом. К слову сказать, Степан Осипович, занимавший в то время должность главного командира Кронштадтского порта, всеми мыслями был на Дальнем Востоке: его всегда неизбежно тянуло туда, где назревала опасность. Один из его друзей позже вспоминал: «Когда я был у него в гостях после назначения его главным командиром и спросил, доволен ли он, Степан Осипович мне с грустью ответил, что считал бы своим местом Порт-Артур, добавив при этом: «Меня пошлют туда, когда дела наши станут совсем плохи, а наше положение там незавидное».

Гибель броненосца «Петропавловск».

ДЕЛА СТАЛИ ПЛОХИ

Наступил 1904 год. 24 января Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Японцы торопились начать войну, так как знали, что русские еще не достроили корабли для Тихоокеанского флота. 26 января Макаров направил новое письмо — «весьма секретное» — управляющему Морским ведомством. Речь в нем шла о совершенно конкретных вещах:

«Из разговоров с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде... Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел...»

Посмотри на карте очертания гавани Порт-Артура (Макаров называет ее внутренним бассейном). Выход из гавани узок, к тому же мелководен. Там, в Порт-Артуре, это обстоятельство страшило командование: на внутреннем рейде (в гавани) кораблям стоять безопасно, но, во-первых, японцы могут закупорить узкий выход, затопив в нем свои суда, во-вторых, если придется выходить из бассейна в море, то японский флот, внезапно заняв внешний рейд, может спокойно расстреливать гуськом выходящие русские броненосцы. И командование, вместо того чтобы выслать разведку и иметь хорошую охрану внешнего рейда, поставило на внешнем рейде всю эскадру.

Последнее предсказание Макарова сбылось очень скоро. В ночь с 26 на 27 января японские миноносцы внезапно атаковали русских, стоявших на открытом рейде. Два эскадренных броненосца — «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины после торпедных ударов.

Наступивший день принес новую беду: после героического боя русские моряки в корейском порту Чемульпо вынуждены были затопить крейсер «Варяг» и взорвать канонерскую лодку «Кореец». В Чемульпо после этого японцы начали высадку десанта.

Так вот, буквально в первые дни войны дела стали совсем плохи. А вскоре Макарова назначили командующим Тихоокеанским флотом.

Как схожа судьба Степана Осиповича Макарова с судьбой Александра Васильевича Суворова, Михаила Илларионовича Кутузова да и Павла Степановича Нахимова! Пока не грянула беда, ко-

мандуют именитые бездарности. И до того докомандуются, что «дела станут совсем плохи». Тогда выправлять ошибки призывают талантливых, но опальных, которых до страшного часа держат на второстепенных должностях. А Тихоокеанским флотом до Макарова заправляли адмирал Алексеев, побочный сын Александра II, и адмирал Старк.

С прибытием Макарова в Порт-Артур положение стало быстро выправляться. Подобно Нахимову, он вдохнул энергию в матросов и офицеров. К несчастью, он был командующим флотом чуть больше месяца. 31 марта адмирал погиб. После этого начали сбываться его остальные предсказания.

Японцам удалось заблокировать русский флот в гавани. Тут же последовала высадка десанта на Квантунский полуостров — всего в 40 километрах от Порт-Артура. В начале августа японцы по суше вплотную подошли к Порт-Артуру. На сопках они установили осадные орудия большой мощности и принялись обстреливать не только укрепления и саму крепость, но и корабли, стоявшие во внутреннем бассейне.

Русским флотом теперь командовал контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт. Нерешительный и неумелый, он упустил время, когда можно было флоту с боем прорваться во Владивосток. Но стоять под огнем орудий в гавани русским уже было нельзя, и Витгефт, понуждаемый к этому из Петербурга, решился на прорыв. «Смерть была,— по его выражению,— и спереди, и сзади».

Прорваться не удалось. После сражения с японцами несколько русских кораблей ушли в иностранные порты и были там интернированы, а большая часть эскадры вернулась в Порт-Артур. К декабрю японцы расстреляли ее из орудий «с сухого пути».

20 декабря 1904 года генералы Стессель и Фок сдали Порт-Артур. Сдали, несмотря на то, что можно было еще сражаться.

Русские, обороняя Порт-Артур, потеряли 27 тысяч человек. Японцы, пытаясь его взять,— 112 тысяч. Командующий японскими войсками генерал Ноги, как самурай, был уязвлен тем, что Порт-Артур он фактически не взял, он понимал, что возможности его защитников не были исчерпаны. Ноги писал тогда генералу Тераучи: «Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю,— это стыд и страдание, что мне пришлось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие».

Но тем не менее Порт-Артур пал. И это было, говоря словами Макарова, «страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке». Получилось даже хуже, чем предсказывал проницательный флотоводец,— погибла не только морская крепость, погибла русская эскадра.

Горько сознавать, как много погибло тогда храбрых и преданных — не царю, но Отечеству — моряков. И, может быть, самой трагической была гибель адмирала Макарова и броненосца «Петропавловск», взорвавшегося на японских минах.

ГИБЕЛЬ БРОНЕНОСЦА И АДМИРАЛА

Офицер эскадренного броненосца «Полтава» капитан второго ранга Сергей Иванович Лутонин вспоминал:

«...Макаров, который перед этим всегда выходил в море с тралами, в гибельный для нас день 31 марта, введенный в заблуждение, пошел без предосторожности, он предполагал, что рейд чист. «Петропавловск» стоял в Западном бассейне крайним к выходу, за ним была «Полтава»; потом во второй линии стояли «Победа», «Пересвет»; «Севастополь» был в Восточном бассейне. Лишь только донесся до нас шум выстрелов боя «Страшного» и виден был отдаленный столб пламени взрыва, адмирал поднял сигнал: «Флоту поднять пары, выйти в море». Быстро были подняты пары. «Петропавловск» лихо выскочил в проход, за ним вплотную идет «Полтава», подняв свой огромный шелковый флаг — дар полтавского дворянства; остальные броненосцы замешкались. Макаров их не ожидал — с двумя броненосцами, «Баяном» и крейсерами он полным ходом пошел навстречу броненосным японским крейсерам. Расстояние между ними сблизилось до 50 кабельт[овых]. «Петропавловск» открыл огонь, за ним «Полтава». Крейсера дали полный ход и быстро ушли вне досягаемости наших выстрелов. Японский беспроволочный телеграф работает все время, вот мы разбираем их телеграммы: «саре — остановиться» — затем опять какое-то приказание. Мы преследуем все дальше и дальше крейсера, мы уже в 25 милях от [Порт-]Артура. На горизонте показываются дымки. Это навстречу идет нам Того со всем своим броненосным флотом. Погода была пасмурная — серые облака низко неслись над морем, юго-западный ветер разводит волну, вон уже зайчики забегали. Макаров, видя огромное неравенство сил, поворачивает обратно, к нам присоединяются «Победа», «Пересвет», полным ходом мы мчимся к [Порт-]Артуру. Того преследует строем кильватера, его «Миказа» ясно вырисовывался из-под горизонта. «Севастополь» застрял в проходе, виден только его нос. Намерение адмирала для нас ясно — заманить японцев ближе к [Порт-]Артуру аналогично 27 января, но Того не хочет сближения, он остановился в 100 кабельт [овых] и чего-то выжидает. «Петропавловск» разворачивается вправо. Я стою на мостике и наблюдаю всю картину. Вдруг из-под носа «Петропавловска» вылетает облако белого дыма, броненосец вздрогнул, в воздухе пронесся какой-то глухой гул. «Петропавловск» взорвался!» — кричит сигнальщик. Вслед за первым взрывом раздается второй, высоко взлетает в воздух столб желтого дыма — это взорвались носовые зарядные погреба. Весь нос «Петропавловска» окутан дымом, мостик скрылся, видна только одна задняя труба. Командир «Полтавы» тотчас же за первым взрывом стопорит машины, дает полный задний ход. «Полтава» медленно двигается вперед [по инерции] и останавливается в саженях 50 от кормы «Петропавловска». Раздается третий взрыв, черное облако закутало гибнущий броненосец, нос «Петропав-

ловска» ушел в воду, корма высоко поднялась, «Петропавловск» ложится на правый бок, весь руль его вылез наружу, левый винт оголен, медленно рассекает воздух и давит прыгающих в воду людей. На юте черно от них, на глаз там человек 300, кто прыгает в воду, кто в отчаянии бегает взад и вперед; вот корма еще больше легла, и вся эта людская масса сыплется за борт. Вслед за первым взрывом я начинаю спускать шлюпки, проклятые найтовы второпях не отдаются, их рубят топорами; вельбот, паровой катер и гребной на воде, мичмана Пчельников, Ломан, лейтенант Рошаковский спешат спасать гибнущую команду «Петропавловска». С «Полтавы» сброшено все, что может служить спасением тонущих, летят за борт круги, койки, доски от минных плотиков, пояса. Приливное течение и ветер разносят в разные стороны плавающих людей; кучки разбились, где один, где два, где пять борются с волнами за спасение своей жизни. Тяжело было смотреть, как гибли в воде спасшиеся от взрывов люди; оглушенные, попавшие в 4 градуса тепла воду, бедняги быстро выбивались из сил и погружались на дно; наши три шлюпки спасли 38 человек, остальные 40 человек были спасены «Гайдамаком» и миноносцами; некоторые уже спасенные из воды умирали на шлюпках — сердце останавливалось. Так умерли у нашего борта доктор Волкович и мичман Акимов. В воде плавает какая-то черная масса с вице-адмиральскими погонами, наш гребной катер спешит туда. Что это? Адмирал? Нет, адмирала нет, это плавает его тужурка...»

САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ

Дорогой друг! Это горестное повествование я перечитывал не однажды. И каждый раз я ловил себя на мысли, что нет у меня злости к японцам, ставившим роковые мины. Злость возникала к самонадеянному Тыртову, к великому князю Алексею Александровичу, который командовал флотом России лишь потому, что был царским братом... Словно этот Тыртов, великий князь и сам царь Николай II вертели винты «Петропавловска», на которые падали с накренившейся палубы матросы... Зададим вопрос: «Хотели ли Тыртов, Алексей Александрович, Алексеев и им подобные проиграть войну?» Ответ только один: «Нет и нет!» Тогда почему же они так неразумно поступали? Потому что иначе поступать не могли. Они не обладали нужными качествами ни как военные, ни как политики. Самодержавная власть, власть несправедливая, могла опираться только на людей «верноподданных», таких, главное качество которых — послушание вышестоящему на лестнице чинов, а не ум, не талант, не инициатива. Умные, талантливые, инициативные люди неизбежно становились противниками царского строя. Умный и честный человек по своей природе не может быть беспрекословным соучастником неверных, ошибочных дел. Поэтому и получилось, что во главе государства, на самых важных постах оказались люди с минимальными деловыми способностями. Как видишь, к управлению делами страны не допускались энергичные представители даже богатого класса. Что же говорить о представителях простого народа? Самодержавная власть, страшась перемен, возвела перед выходцами из народа непреодолимую стену на пути к высоким постам. Посуди сам, скольких великих умов недосчиталась, не узнала Россия из-за такого деления людей на сословия!

Макаров многие годы воевал с царскими порядками, воевал, по его выражению, «за право исполнять свои обязанности». При этом адмирал был сторонником существовавшего общественного строя. Жизни иной, иного общественного устройства он не представлял.

Но уже в то время было много людей, которые ясно представляли иную жизнь, иное общественное устройство. Они знали, что путь в «молодую, обновленную, счастливую Россию» лежит через революцию — через свержение царя, капиталистов и помещиков. Знали они также, что этот путь нелегкий, что будут принесены на нем великие жертвы, но другого выхода не было, и их ничто не страшило. Особое место среди таких людей занимали моряки.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Мы с тобой, читатель, уже назвали множество имен, запечатлевшихся так или иначе, по-доброму или по-худому, на страницах Истории Человечества. Есть на этих страницах три имени, которые светятся ярче других хороших имен: Маркс, Энгельс, Ленин.

Что сделали для людей Карл Маркс и Фридрих Энгельс? Говоря предельно кратко, открыли законы развития человеческого общества и определили главную силу этого развития — классовую борьбу. Они доказали, что капиталистический строй не вечен, что на смену ему придет новое общество — коммунистическое. Главным, кто ускорит гибель капитализма и кто поторопит нарождение коммунизма, будет рабочий класс. Чтобы этот класс был еще сильнее, учили Маркс и Энгельс, во главе должна стать его партия — партия коммунистов.

А что сделал для людей Владимир Ильич Ленин? Он продолжил учение Маркса и Энгельса, исследовал империализм — капитализм в последней стадии и открыл его законы, увидел, что первой может совершить социалистическую революцию Россия, определил союзника революционных рабочих — беднейшее крестьянство, создал партию коммунистов, после победы революции основал первое в истории Советское социалистическое государство.

Все вместе — Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин проложили людям путь к счастью.

Полного счастья не может быть, пока есть войны. Наши учители, наши вожди Маркс, Энгельс, Ленин потому и любимы нами беспредельно, что путь, указанный ими, ведет к полному счастью — к постоянному миру, к такому обществу, в котором нет враждебных классов и войны затевать просто некому.

...Мы оставили Порт-Артур после его падения, после уничтожения русской эскадры. Но война России с Японией продолжалась. Бушевали кровопролитные сражения на полях и сопках Маньчжурии. Хотя ничего уже нельзя было поправить, на Дальний Восток с Балтики шла — чуть ли не вокруг всего света — 2-я Тихоокеанская русская эскадра, за ней спешила 3-я. Все корабли, какие бы и на ходу, царь бросал в прорву войны. Пройдя 30 тысяч километров, они будут мало пригодны к сражению, японцы в Цусимском проливе уничтожат и их. Всего русский флот потеряет погибшими или плененными 67 кораблей из 115...

В «Матросской» главе нашей книги мы условились определять отношение к войне, о которой идет рассказ, и занимать сторону тех, кто воюет за правое дело. На чью же сторону мы встанем в русско-японской войне? Обе державы ведут войну несправедливую, и сражения-то проходят на территории третьей страны... Ни на чью? И все же в такой, с обеих сторон несправедливой войне коммунист не может абсолютно одинаково относиться к противникам. Он должен ответить себе на вопрос: «Победа какой державы будет полезнее трудящимся?»

За ходом русско-японской войны пристально следил Владимир Ильич Ленин. Газета большевиков «Вперед» опубликовала его статью «Падение Порт-Артура». В ней есть такие слова:

«Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще,— не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии... выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие... Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия».

Итак, пусть победят японцы? Да. Русским рабочим и крестьянам победа японцев нужнее победы царя, но ведь нельзя не пожалеть те тысячи и тысячи русских, которые полегли у стен Порт-Артура, в Маньчжурии. Да, нельзя. Мы все до сих пор гордимся моряками, которые на крейсере «Варяг» без тени страха вышли на бой с целой эскадрой неприятеля и не спустили перед ней флага. Тут нет противоречия. А почему нет? Потому что...

«Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению...»

Несколько раз Владимир Ильич повторит важнейший вывод из факта падения Порт-Артура:

«Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу...»

140 ТЫСЯЧ ПРОТИВ 40 ТЫСЯЧ

Газета «Вперед» со статьей «Падение Порт-Артура» вышла 1 января 1905 года. А уже 9-го числа в России начались те основные действия, прологом которых Владимир Ильич Ленин назвал падение дальневосточной морской крепости: началась революция 1905—1907 годов.

Чтобы взорвалась граната, прежде должен взорваться детонатор. Детонатором революции стало событие, которое тебе хорошо известно,— расстрел мирной демонстрации в Петербурге. 9 января на улицы города вышло 140 тысяч рабочих. Демонстранты несли царю жалобу на господ; они думали, что чиновники скрывают от царя тяжелую жизнь рабочих, что, узнав об этом, царь накажет виновных и жизнь наладится. На площади перед Зимним дворцом и в других местах демонстрантов встретили войска, они открыли огонь — больше тысячи демонстрантов было убито, несколько тысяч ранено. Известие об этом зверстве быстро распространилось по всей России, повсюду начались революционные выступления народа.

Надо сказать, что царь и его правительство могли вообще не допустить этой демонстрации — могли днем раньше взять петицию у организатора демонстрации попа Гапона, ведь целью шествия и было вручение жалобы царю. Но убийство безоружных людей планировалось как мера, способная по всей стране вызвать страх и тем удержать от выступлений против самодержавия даже самых решительных людей. Сила самодержавия была, как ты знаешь, ослаблена победой японцев. В этих условиях царь решил действовать особенно жестоко.

К 9 января в Петербург прибыла кавалерия и пехота из Пскова, Ревеля, Нарвы и других пунктов — вместе с полицией собралось свыше 40 тысяч карателей. Гражданские власти Петербурга были отстранены от дел, всем распоряжались военные во главе с генералом князем Васильчиковым. Над князем-генералом стоял еще великий князь Владимир, дядя Николая II. Город был поделен на секторы, откуда каждые полчаса поступали сведения в главный штаб подавления демонстрации. Против рабочих, их жен и детей готовилось настоящее сражение.

«Военный план дяди царя, Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды, в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охране мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского,

Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), и, наконец, Дворцовая площадь, куда все-таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «владимирова урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному».

Ты, конечно, догадался, что читал сейчас Ленина. Сколько негодования скрыто за внешне спокойными словами! Какая убийственная ирония в начале первой фразы: «Военный план дяди царя... распоряжавшегося бойней...» Как твердо заключение — четкий афоризм, формула победы, отлитая из стали: «На войне надо действовать по-военному».

Итак, 140 тысяч были рассеяны 40 тысячами. Сто сорок тысяч не имели оружия, не были по-военному организованы и обучены. С военной силой успешно бороться может только военная сила. Вот почему у всех революционеров вызвало огромную радость известие о восстании против царя моряков Черноморского флота. Это было началом перехода на сторону революции частей армии, в которой царь до этого видел свою главную опору.

ВОССТАНИЕ МОРЯКОВ

МОРСКИЕ ПРОЛЕТАРИИ

Для расстрела демонстрации в Петербург были вызваны пехота и кавалерия. Но не моряки. Хотя поблизости — в Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе — их было много. И восстали первыми моряки, а не пехотинцы, не кавалеристы. Случайное это совпадение? Нет, не случайное. Среди угнетенных классов самый организованный класс — рабочие. Среди военных — моряки. Это потому что условия службы на корабле сходны с условиями работы на предприятии.

Как вспоминает Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, Ленин говорил: «Моряки на кораблях — это рабочие на фабриках и заводах. Они твердо спаяны со своим «производством», они живут тут же, на этих своеобразных плавучих заводах, среди них много рабочих; машины их объединяют, сплачивают; они, как пролетарии, чутко понимают друг друга; жизнь у них общая; они сливаются в одну массу, чувствуя общий гнет царской военщины, и более, чем кто-либо из военных, приспособлены к восприятию нашей пропаганды и агитации». Чтобы была полнейшая ясность в революционности различных родов войск, добавим к этому, что если в матросы брали рабочих (они быстрее овладевали корабельной техникой), то в пехоту брали крестьян — неграмотных, забитых людей, а в кавалерии были казаки из богатых, зажиточных станиц.

Так вот, восстали военно-морские рабочие завода «Князь Потемкин Таврический» — самого сильного черноморского броненосца. 14 июня 1905 года на нем был поднят красный флаг.

Многое об этом восстании тебе, читатель, известно. Поэтому обратим внимание на сторону, которая очень важна для всякого военного человека, в том числе для морского офицера,— на четкость действий, на их продуманность, на организацию дела. Этого-то как раз и не хватало потемкинцам. Кощунственно упрекать героев в недостатках? А мы и не будем их упрекать: во-первых, они не заслужили ни малейшего упрека, во-вторых, разбор недостатков, их анализ, их изучение — прямое, честное, пусть и горькое — есть единственный путь к будущему успеху. Коммунист-ленинец никогда не отмахивается от неприятных фактов, не скрывает их, даже если они возникли по его вине, он не приукрашивает истинного положения вещей. Недостатки восстания на броненосце в значительной степени были характерны для всей первой революции. Ленин, большевики глубоко разобрались в них, и через десять лет новая революция прошла безошибочно, в 1917 году она победила.

Броненосец «Князь Потемкин Таврический», короче — «Потемкин», был новейшим мощным кораблем. Он имел четыре 305-миллиметровых орудия, шестнадцать 152-миллиметровых. На нем были еще пушки меньшего калибра и торпедные аппараты. Команда насчитывала 730 человек.

Агитационную работу на корабле вела партийная подпольная организация матросов-большевиков. Она действовала под руководством Центрального военно-морского исполнительного комитета РСДРП, который возглавлял всех коммунистов Черноморского флота и был связан с партийными организациями приморских городов. Была у него связь также с большевистским центром в Женеве (в то время там находился Ленин). Восстание Черноморского флота комитет наметил сначала на осень, а потом на конец лета. Почему именно на конец лета? Потому что в это время флот должен был выйти в учебное плавание, и корабли были бы снабжены запасом продовольствия, топлива и снарядов. Сохранилось письмо одного из руководителей военно-морского комитета, Александра Ивановича Петрова, матроса учебного корабля «Прут». Из письма виден план восстания. Писал Петров в тюрьме перед казнью, было ему 25 лет.

«Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим. Вспыхнув в одном месте, оно не скоро переместится в другое. Войска только тогда будут открыто переходить на сторону народа, когда у них явится уверенность во всеобщем восстании. А для этого надо, чтобы восстание охватило широкий район. Где же такой широкий район, как не у нас на Черном море? Кто, как не мы, матросы,

Вакуленчук Г. Н.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический».

начавшие революцию в Севастополе, можем перебросить ее сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев? И кто, как не мы, можем... заставить войска принять участие в революции? Что они примут участие, мы в этом не сомневались...»

Но восстание, как ни досадно, началось гораздо раньше, когда и на кораблях, и в городах подготовка к нему только шла. 14 июня броненосец «Потемкин» опробовал новые орудия в районе Тендровской косы. В этот день команде дали на обед борщ с тухлым мясом. Команда отказалась от обеда. Старший офицер Гиляровский усмотрел в этом бунт, вызвал караул и приказал накрыть брезентом группу из 30 моряков, чтобы затем рас-

Матюшенко А. Н.

стрелять. В этой обстановке руководитель коммунистов броненосца, спокойный, выдержанный матрос Григорий Никитович Вакуленчук призвал матросов к оружию. Он понимал, что начинать восстание в одиночку нельзя. Но и другого выхода не было: потом команда и весь флот не простили бы большевикам расстрела своих товарищей. Больше того, расстрел испугал бы тех матросов, которые колебались, размышляли еще, к какой стороне примкнуть, они остались бы и в другое время послушными приказам офицеров — остались бы на стороне царя. Матросы бросились к винтовкам, на корабле началась перестрелка, были убиты командир корабля, старший офицер, еще

Офицер и матросы крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

несколько офицеров, остальные арестованы. Смертельную рану получил Вакуленчук, в него стрелял Гиляровский. Смерть Вакуленчука была очень серьезным ударом по восставшим, они буквально с первых минут остались без опытного руководителя.

Для руководства кораблем матросы избрали судовую комиссию во главе с унтер-офицером Афанасием Николаевичем Матюшенко. Он был смелый человек, яростно ненавидевший господ, он первым и открыл стрельбу по офицерам. Но ему недоставало большевистской убежденности, последовательности в действиях. То он слушал большевиков, то выполнял советы меньшевиков или анархистов... Пройдет два года, и Матюшенко тайно вернется из Румынии к анархистам, будет арестован по доносу провокатора и расстрелян в Севастопольской тюрьме. Пока же он жив и руководит восставшим броненосцем.

Первое решение было принято верное — идти в Одессу, там началась общая забастовка рабочих. У Тендровской косы был миноносец № 267. Под угрозой орудий «Потемкина» его офицеры сложили свои полномочия, а команда подняла красный флаг, приветствуя революцию. Броненосец и миноносец вместе пошли в Одессу. (Они до самого конца были неразлучны.)

Вечером корабли подошли к Одессе. Красные флаги на их мачтах вызвали огромное воодушевление рабочих. Рабочие чувствовали, что теперь, с приходом грозных кораблей, они не одиноки перед царскими войсками. Утром нового дня матросы перевезли на берег тело Вакуленчука, выставили около палатки почетный караул, и до самого вечера трудовая Одесса прощалась с матросом-большевиком. Тысячи людей прошли около убитого, тут же возникали митинги, произносились речи. 16 июня были похороны. Траурное шествие еще больше напугало местные власти. Чтобы те не посмели выслать солдат против участников похорон, броненосец произвел несколько боевых выстрелов по местам, где располагались верные царю войска.

События клонились к тому, что бастующие рабочие вот-вот возьмутся за оружие.

Владимир Ильич Ленин, хотя был в это время в Женеве, знал о восстании броненосца. Он немедля разработал план развития восстания и послал с ним в Одессу М. И. Васильева-Южина в качестве представителя ЦК большевиков. «Постарайтесь, во что бы то ни стало, попасть на броненосец,— инструктировал Владимир Ильич посланца,— убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

...Необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот...

Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию».

ДАВАЙ ПОМЕЧТАЕМ

Давай немного помечтаем. Наши мечтания будут политические. В политике тоже можно и нужно мечтать. Попробуем представить, как могли бы продолжиться события в Одессе.

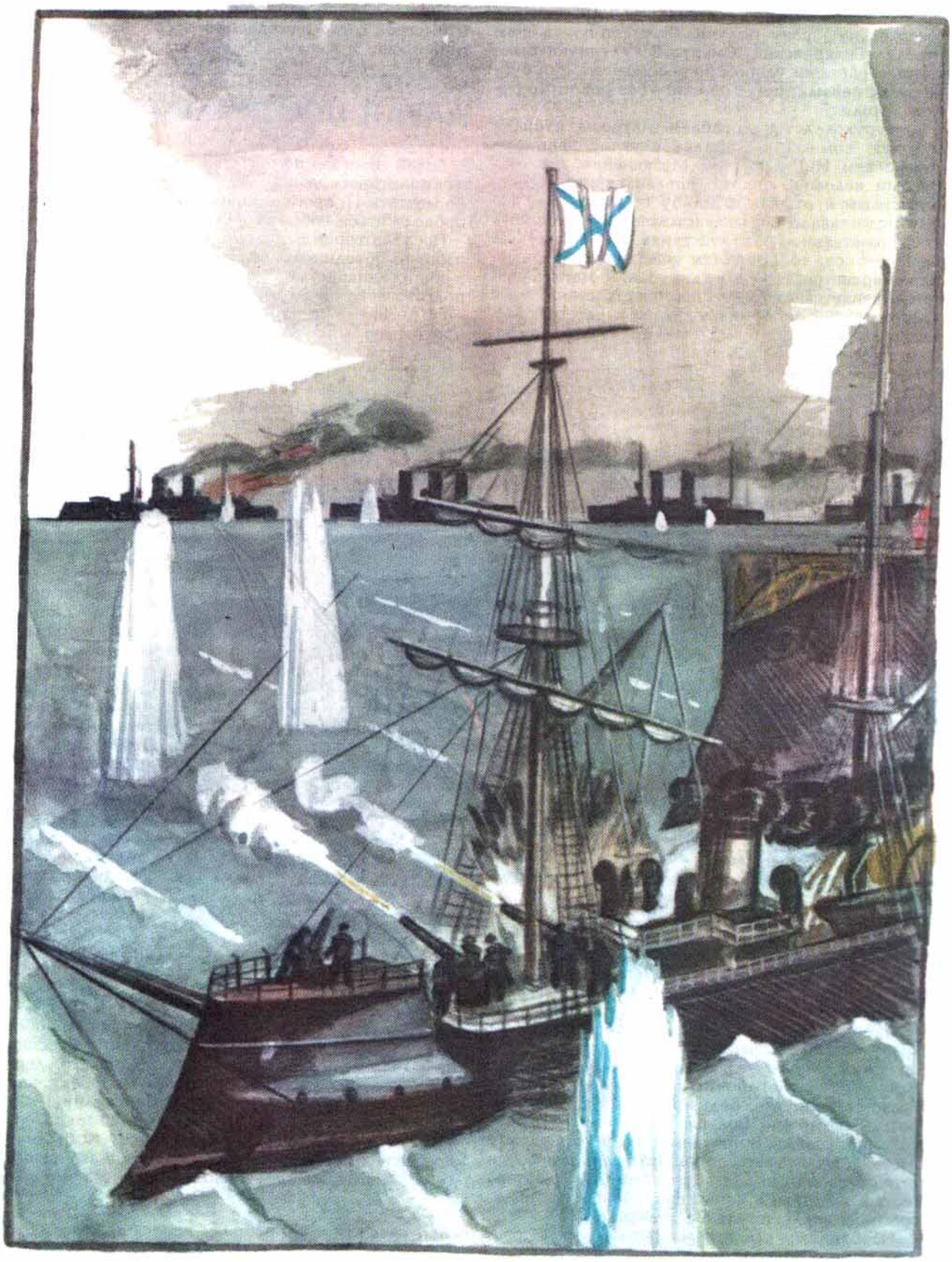
После похорон Вакуленчука, когда и матросы и рабочие объединены общей печалью по убитому и общей ненавистью к его убийцам, а следовательно, готовы к общим действиям, в город высаживается десант в несколько сот моряков. Высадку прикрывают мощные орудия корабля. Войска, верные царскому правительству, рассеиваются артиллерийским огнем. Отряды матросов занимают важные пункты в городе: учреждения, телеграф, вокзал и, конечно, склады оружия. Рабочие получают винтовки, гранаты, пулеметы. Власть в городе переходит в руки восставших...

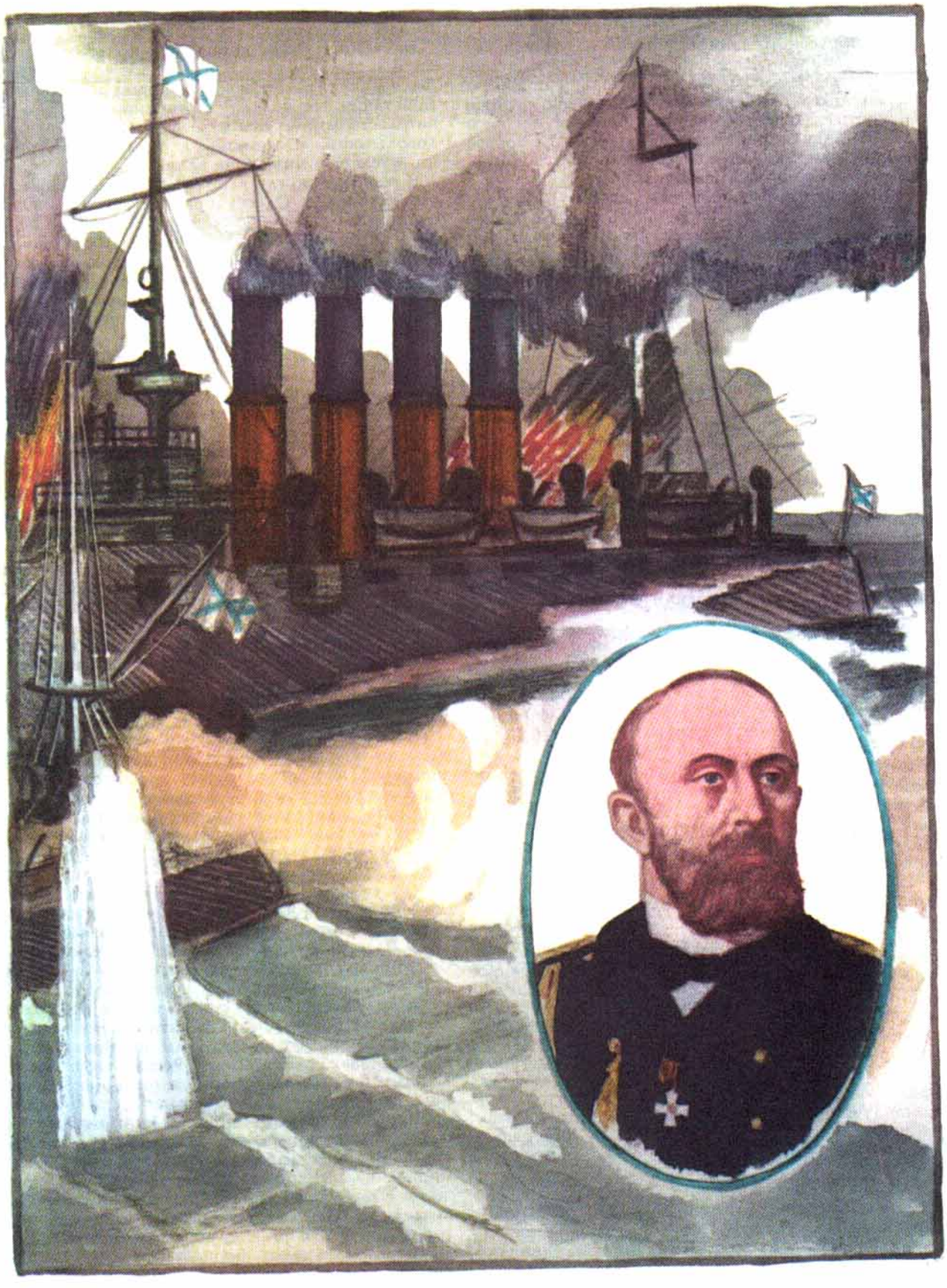
У восстания есть свои правила, свои законы (о них мы будем говорить дальше), одно из правил такое: восставшие должны постоянно добиваться успеха, пусть даже маленького, тогда колеблющиеся — а их большинство — переходят на сторону восставших и тем увеличивают силу восстания. Почему переходят? Такое уж свойство колеблющихся людей — в неясной обстановке примыкать к сильному, а не к слабому. И вот, когда город был бы в руках революции, многие воинские части перешли бы на сторону потемкинцев. Другие, если бы не перешли, заняли бы нейтралитет — тоже хорошо! Узнав об этом, о том, что у властей нет послушных войск и некому охранять помещичьи имения, крестьяне тоже восстали бы, начали бы захватывать владения помещиков, разбросанные в степях Причерноморья. И, как разливается по округе вода, прорвавшая плотину, восстание хлынуло бы в сторону от Одессы, затопляя весь юг России и всю страну. А Владимир Ильич в это время был бы уже не в Женеве, быстрый миноносец пришел бы от румынских берегов в Одессу, и Ленин руководил бы восстанием из этого города, в котором оно началось, подобно тому, как это было в 1917 году в Петрограде...

Мы с тобой набрались смелости мечтать о победе первой русской революции. А было ли у нас право мечтать об этом? Не пустые ли мы мечтатели? В этом тоже надо разобраться.

Первое, что дало нам право на дерзкую мечту,— это оценка положения Лениным. Он видел: победить можно, поэтому так стремился в Россию. Если даже не победить во всем и до конца, то одержать хотя бы частную, но мощную победу над царизмом во имя успеха будущего восстания. Что Ленин мог так думать, подтверждается такой его фразой: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба **масс** даже за безнадежное дело **необходима** во имя

Бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой. Руднев В. Ф. (на стр. 126—127).





дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к **следующей** борьбе». Фраза взята из предисловия к русскому переводу писем К. Маркса, которое Ленин написал в 1907 году после поражения революции. Здесь же Владимир Ильич приводит слова Маркса, выделяя их, что обозначает особую важность сказанного: **«Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов».**

Непогрешимо-благоприятных шансов на победу в те дни, когда восстал броненосец, не было. Однако обстановка для вооруженного выступления была благоприятной, терпение народа иссякло. Эта обстановка — второе, что дало нам право мечтать. «Весь Юг России волнуется так, как никогда,— писал Владимир Ильич Ленин.— Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в **6000 человек...** Большая часть войск, по приказу генерал-губернатора, выведена из города, потому что **среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины.** В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах... В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания...»

В наших мечтах мы как бы забыли о всем Черноморском флоте. Другие броненосцы, крейсеры, эсминцы, миноносцы могли ведь прервать наши мечтания несколькими залпами по «Потемкину» — на них-то флаги были не красные, а традиционные, андреевские. Нет, скорее всего не могли. Посмотрим, как происходили события на самом деле.

В Одессе цепь неудач броненосца удлинилась еще на одно звено (первое — это смерть Вакуленчука). В городской организации большевиков тоже не нашлось руководителя восстания. Незадолго перед этим жандармы провели многочисленные аресты коммунистов. Проходили драгоценные часы и дни, когда можно было победить врага, застигнутого врасплох, а «Потемкин» выжидал и бездействовал. Царские же власти вели себя энергично. Они установили в городе военное положение, усилили гарнизон, арестовали много рабочих. Флоту был отдан приказ захватить мятежный броненосец или потопить его.

17 июня весь флот подошел к Одессе. Потемкинцы надеялись, что корабли перейдут на их сторону, и смело двинулись навстречу эскадре. Броненосец и миноносец № 267 прорезали строй эскадры. Хотя орудия повернулись в сторону героев, ни одного выстрела не раздалось над морем. Матросы на кораблях приветствовали восставших. «Георгий Победоносец», тоже броненосный корабль, поднял красный флаг и последовал за «Потемкиным». Может быть, последовали бы за ним и еще какие-то корабли, на кораблях шли споры среди матросов: как поступить? Но в это время командующий поднял сигнал «Всем идти в Севастополь». В его положении это было умное решение, и флот ушел — подальше от дерзкого примера.

Ленин советовал морякам действовать «решительно и быстро». Потемкинцам надо было убедить команду «Георгия Победоносца» арестовать своих офицеров и офицерских прихвостней, но они этого не сделали. 18 июня «Георгий Победоносец» был нарочно посажен на камни, после этого власти захватили его.

На «Потемкине» кончались уголь, продовольствие и пресная вода. В Одессе все это уже нельзя было получить. Броненосец пошел в румынскую Констанцу. Не желая осложнений с царским правительством, румыны отказали и в угле и в продовольствии. «Потемкин» двинулся в Феодосию, но и там ему ничего не дали.

В то время, когда «Потемкин» искал уголь для своих топок, в Одессу приехал Васильев-Южин. Он немного опоздал, броненосца на рейде не было — еще одно звено в цепи неудач. Куда он ушел, никто не знал; эсминец «Стремительный», команда которого состояла из офицеров, и другие корабли получили задание настигнуть броненосец и потопить его, поэтому потемкинцы свой маршрут держали в секрете.

Узнав о восстании «Потемкина», 19 июня у Тендровской косы восстало учебное судно «Прут» с командой в 280 человек. Руководил им матрос Петров (о нем ты уже знаешь). «Прут» под красным флагом пошел на соединение с «Потемкиным» и тоже не застал его у Одессы. (Вскоре власти захватили «Прут», руководители восстания были расстреляны, многие матросы посажены в тюрьму.)

Большевики намечали восстание на флоте на то время, когда корабли будут обеспечены запасом угля, продовольствием и боеприпасами. Насколько это было важно, мы с тобой видим сейчас: «Потемкин» прекращал борьбу из-за нехватки угля. 23 июня вместе с миноносцем № 267 он снова пошел в Констанцу. Судовая комиссия, так как корабли скоро остановятся, решила сдать их румынским властям. 25 июня матросы сошли с кораблей на берег. Восстание броненосца, длившееся полторы недели, закончилось.

Полторы недели — велик ли срок? Срок не велик, но велики были последствия героического примера. По примеру этому в октябре восстали моряки Кронштадта, в ноябре — Севастополя, затем последовало восстание в балтийской крепости Свеаборг, затем опять в Кронштадте. Восставали крейсеры «Очаков», «Память Азова» и другие корабли. Восстания начались в армейских частях.

«Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия... шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось **свое** движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком. И эта казарма становится очагом революции». Так писал Владимир Ильич Ленин о всей русской армии. О броненосце «Потемкин» он писал: «Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец,— перешла открыто на сторону революции... «Потемкин» остал-

ся непобежденной территорией революции, и, какова ни была бы его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования **ядра революционной армии».**

Пройдет не так уж много времени, у рабочих и крестьян будет своя революционная армия.

ФЛАГМАН НЕСДАВШИХСЯ

Морская война не обходится без гибели кораблей. Однако гибель гибели рознь. Иная гибель бывает равной победе. Так погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

«Варяг» был легкий крейсер-разведчик. На нем стояли две паровые машины по 10 тысяч лошадиных сил, и он развивал хорошую скорость. Его вооружением были 12 152-миллиметровых и столько же 75-миллиметровых орудий, 10 пушек меньших калибров, два пулемета, шесть торпедных аппаратов. Служили на нем 573 моряка во главе с капитаном первого ранга Всеволодом Федоровичем Рудневым.

«Варяг» и «Кореец» стояли в корейском нейтральном порту Чемульпо. Там же находились крейсеры англичан, французов, итальянцев и американский военный корабль. По всему было видно, что вот-вот начнется война Японии с Россией. Русским кораблям надо было бы уйти в Порт-Артур и соединиться с эскадрой. Тем более что выход из бухты был узкий, извилистый, до 40 миль длиной. Однако приказ адмирала Старка предписывал стоять в Чемульпо.

Японцы, по выражению одного из их офицеров, объявление войны считали «совершенно непонятным, глупым европейским обычаем». (С этим нельзя не согласиться, ведь внезапно напавший получает много преимуществ. Война не рыцарский турнир. Все войны после русско-японской начинались без «старомодных объявлений».) И вот по новому обычаю утром 27 января (9 февраля) 1904 года на внешнем рейде Чемульпо остановилась эскадра японского адмирала Уриу: 6 крейсеров, 8 миноносцев и 3 транспорта. Корабли расположились полумесяцем у выхода из бухты. Вскоре на «Варяг» прибыл командир французского крейсера и уведомил Руднева о начавшейся войне. Руднев вместе с французом отправился на английский крейсер, командир которого Бэйли, как старший по званию, был старшим на рейде. Англичанин передал Рудневу ультиматум японцев: покинуть порт до полудня, в противном случае корабли будут атакованы на стоянке. Англичанин добавил от себя, что если «Варяг» и «Кореец» останутся на месте, то все другие корабли, «сохраняя собственную безопасность, уйдут в море». Руднев попросил Бэйли сопроводить крейсер и канонерку до границы корейских территориальных вод. Бэйли отказался (ты помнишь, Англия очень желала победы японцам). Больше того, англичанин известил Уриу о намерении русских кораблей прорываться в Порт-Артур.

Вернувшись на корабль, Руднев объявил о начале войны, об ультиматуме японцев и о своем решении прорываться с боем в Порт-Артур — в бухте крейсер был более уязвим, чем в море.

«Безусловно, мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была,— говорил Руднев экипажу.— Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим ни кораблей, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте каждый обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю».

Экипаж ответил командиру троекратным «ура!».

Руднев приказал, чтобы на флаг были поставлены самые отважные моряки; сбитый флаг тут же поднимать, чтобы враг ни на мгновение не подумал, будто флаг спущен перед ним.

В 11.20 «Варяг», а следом «Кореец» под командованием капитана второго ранга Григория Павловича Веляева двинулись в море. Иностранные моряки прекрасно понимали, как тяжело придется через какие-нибудь четверть часа русским матросам и их командирам. Величие духа русских потрясло всех. Стоявшие у причалов корабли, как в праздник, подняли флаги расцвечивания, на итальянском крейсере оркестр играл гимн России. Сотни людей с затаенным дыханием провожали храбрецов.

Уриу намеревался преподнести русский крейсер в подарок императору. На его крейсере «Нанива» поднялся сигнал: «Предлагаю сдаться без боя». Русские не ответили. И в 11.45 японцы открыли огонь. Комендоры «Варяга» стреляли хорошо. Загорелся и вышел из боя броненосный крейсер противника «Асама», с повреждениями вышел из боя крейсер «Такачихо». На «Варяга» в торпедную атаку ринулись два миноносца. После нескольких встречных залпов один миноносец начал тонуть, второй поспешил вернуться к эскадре. Вспыхнули пожары еще на нескольких кораблях врага.

В песне о «Варяге» поется, что корабль во время боя стал «подобен кромешному аду». Это не поэтическое преувеличение. Если «Варяг» за час боя выпустил 1105 снарядов по нескольким кораблям, то сколько же снарядов выпустили 14 японских кораблей по русскому крейсеру? На «Варяге» начались пожары, хлынула вода в подводные пробоины. Одно за другим выходили из строя орудия. Разнесся слух, что убит Руднев. Командир был ранен осколком снаряда в голову. В залитом кровью мундире, без фуражки, Руднев вбежал на мостик и крикнул:

— Братцы! Я жив! Целься вернее!..

Несмотря на то, что аварийные команды работали героически — тушили пожары, подвели пластырь на пробоины,— вести бой было уже невозможно: корабль почти потерял управление, из больших орудий годных было только два, из средних — пять, все 47-миллиметровые были подбиты. Руднев принял решение вернуться в порт. Он надеялся исправить крупные повреждения и снова идти на прорыв. Пустив вперед канонерскую лодку, «Варяг» шел в Чемульпо, отбиваясь от двух крейсеров-преследователей.

В порту подсчитали потери: 34 убитых, 188 раненых. На «Корейце» потерь не было. Выяснилось, что повреждения скоро не исправить. Иностранные крейсеры готовились уйти из бухты. Оставался один выход — уничтожить корабли.

По обычаю тех времен один командир не мог принять решение об уничтожении корабля. Это мог сделать совет офицеров. Совет офицеров обоих кораблей согласился с предложением Руднева. Сильный взрыв мог повредить другие суда. Поэтому на «Варяге» были открыты кингстоны. Шлюпки с итальянского, французского и английского крейсеров взяли русских моряков (отказали в этой помощи только американцы). Последним с крейсера, поцеловав поручни, сошел Руднев. А предпоследним был раненый и контуженый матрос Петр Оленик.

«Варяг» с большим креном на левый бок медленно погружался в воду.

На рейде была взорвана канонерская лодка «Кореец».

Уриу не удалось сделать подарок императору.

Подвигов, подобных подвигу «Варяга» и «Корейца», было несколько в ту войну. «Варяг» стал как бы флагманом целой эскадры, которая предпочла плену гибель в морской пучине.

Третьим кораблем непобежденной эскадры стал миноносец «Стерегущий», которым командовал лейтенант А. С. Сергеев. 10 марта 1904 года при возвращении в Порт-Артур из разведки он был окружен двумя минными крейсерами и четырьмя миноносцами противника. «Стерегущий» сражался до последней возможности. Он нанес серьезные повреждения двум кораблям, сам же потерял убитыми всех офицеров, почти всех матросов, у него были повреждены орудия, котлы, машина, руль. Японцы готовились взять «Стерегущего» на буксир и увести к себе. Тогда кочегар Осинин уничтожил сигнальные книги и флаги, а матрос Василий Новиков открыл кингстоны. Миноносец утонул. Четверых оставшихся в живых и находившихся в тяжелом состоянии русских моряков подобрала японская шлюпка.

Ты знаешь, что 28 июля 1904 года русская эскадра пыталась прорваться из осажденного Порт-Артура во Владивосток. Большая часть кораблей после сражения с японцами была вынуждена вернуться в Порт-Артур. Вырваться удалось только крейсеру «Новик». Он обошел Японские острова со стороны Тихого океана и уже был у южной оконечности Сахалина, когда встретился с двумя крейсерами противника. В ожесточенном бою «Новик» был сильно поврежден, в это время подошли еще вражеские корабли. И команда затопила свой крейсер. В память о крейсере в 1913 году название «Новик» получил эскадренный миноносец, который был лучшим эсминцем в мире, по его типу потом еще долго строили другие эсминцы. А что означает слово «новик»? Новиками в старину называли молодых дворян, впервые записанных на военную службу.

Пятым кораблем, который погиб так же геройски, как «Варяг», был броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» под командованием капитана первого ранга В. Н. Миклухо-Маклая (о нем мы уже говорили). Шестым — крейсер «Дмитрий Донской», которым командовал капитан первого ранга И. Н. Лебедев. Оба корабля были затоплены командами 15 мая 1905 года во время Цусимского сражения.

Конечно, потопление корабля своей командой — мера самая крайняя. Она, как видишь, применялась, когда все боевые возможности были исчерпаны и кораблю грозило стать кораблем чужого флота.

Непросто было морякам расставаться с родным кораблем. Страшные раны не выжимали из моряков слезинки, а тут люди плакали. Иные же не могли представить свою жизнь без корабля и умирали вместе с ним. Так погиб капитан второго ранга Владимир Алексеевич Степанов, командир минного заградителя «Енисей». Он был не просто командиром, он разработал проект этого корабля и строил его. Когда «Енисей» подорвался на мине и начал тонуть, Степанов остался на мостике.

Вернемся, читатель, снова к «Варягу», к его экипажу и командиру. Что было с ними дальше, после заслуженных почестей и наград? Мы знаем: русско-японская война ускорила первую русскую революцию. А бой в Чемульпо, как частица войны, ускорил созревание революционных настроений у его участников. Это было замечено властями, и экипаж «Варяга» не оставили целиком, а распределили по многим кораблям. Несколько моряков попали на броненосец «Потемкин», они участвовали в восстании корабля, причем матрос с «Варяга» Антон Войцеховский был ближайшим помощником Вакуленчука. Старший штурман «Варяга» Евгений Андреевич Беренс во время Октябрьской революции, когда офицеры демонстративно уходили с кораблей, без раздумий встал на сторону большевиков и в открытом письме призвал офицеров флота быть вместе с народом. В 1919 году он был назначен командующим Морскими Силами Республики. А Руднев? После боя ему был пожалован чин флигель-адъютанта, он стал числиться в свите самого царя Николая II. Однако Руднев не получил корабля. Его назначили командиром строящегося броненосца «Андрей Первозванный» и 14-го флотского экипажа.

Во дворце, где флигель-адъютант Руднев обязан был дежурить, произошел знаменательный разговор моряка с царем. «Однажды он застал царя одного. Николай, видимо, скучал. И Всеволод Федорович, нарушив придворный этикет, в разговоре стал задавать ему вопросы о ходе войны.

Николай махнул рукой.

— Внутри у нас назревает куда более опасное событие — революция. Вот когда к вам, господин Руднев, ворвутся в квартиру матросы 14-го экипажа и повесят вас, вот это и будет революция!

— Матросы? Меня повесят? Нет, ваше величество, я твердо убежден, что со мной этого не случится...»

Сын Руднева, Николай Всеволодович, рассказывает еще об одном разговоре отца, на этот раз с командующим Петербургским военным округом великим князем Николаем Николаевичем. Было это в октябре 1905 года, после митинга, который

Бронепалубный крейсер «Очаков».

Шмидт П. П.

провели большевики в 14-м экипаже. Руднев о митинге знал, но никаких наказаний матросам не назначил.

— По-вашему, ничего особенного не случилось, господин флигель-адъютант? А прокламации? А газеты? А митинги? Это же бунт, настоящий бунт!

Руднев молчал.

— Всех этих мерзавцев перестрелять как бешеных собак! — кричал князь.

— Но ведь нельзя же расстрелять всю Россию,— ответил Руднев.

После разговора с князем Рудневу предложили уйти в отставку. Правда, его произвели при этом в контр-адмиралы. А как было не произвести, если о доблести моряка знал весь мир? Даже враги, японцы, наградили его своим высшим орденом «Восходящего солнца».

Все же царь не мог сдержать ненависти к Рудневу, не мог простить ему сочувствия матросам. В начале 1907 года герою русско-японской войны запретили находиться в Петербурге. В деревне Мышенки под Тулой, в небольшой усадьбе, Руднев доживал свою жизнь. Всеволод Федорович умер 7 июля 1913 года.

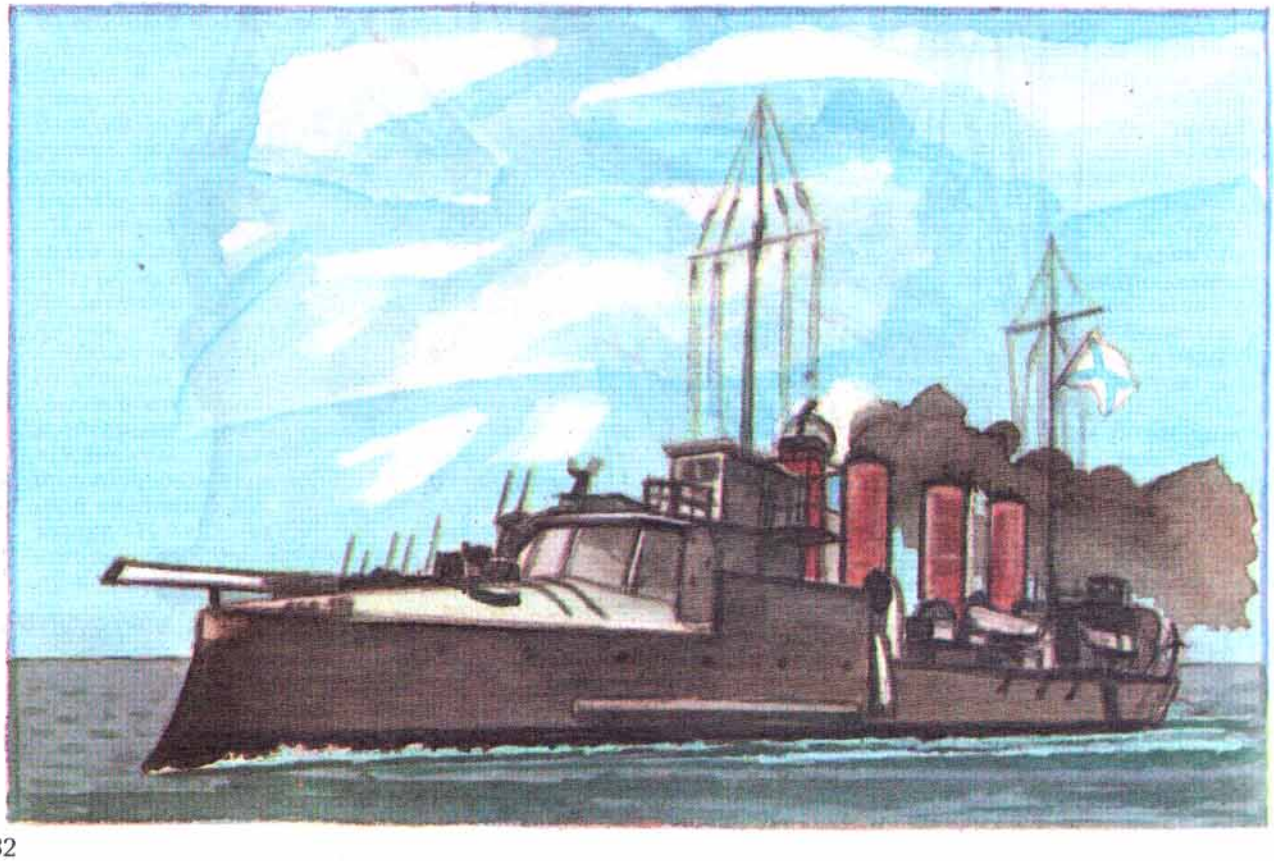
Когда Руднев был отставлен от службы, был отчислен из пажеского корпуса и его старший сын Николай. Он готовился тоже к морской службе, а стал впоследствии агрономом. Конечно, любое дело нужно, плохих профессий не бывает, но жалко, что Николай Всеволодович не стал моряком. Рудневы вели свой род от матроса Семена Руднева, который еще в петровские времена, в 1696 году, отличился в боях под Азовом. С той поры мужчины Рудневы служили на флоте. И вот морская династия оборвалась...

Остается сказать еще о самом «Варяге». Японцы подняли корабль, дали ему свое название — «Сойя». В 1916 году русское правительство выкупило у японцев «Варяг». Над ним снова взвился андреевский флаг, а еще прибавился кормовой георгиевский, как на «Азове», как на «Меркурии».

В конце того же года крейсер из Владивостока пришел в Мурманск. Корабль был в плохом состоянии. В марте 1917 года он пошел в Англию на ремонт. В море радист принял радиограмму о свержении царя. Матросы, несмотря на сопротивление офицеров, заменили андреевский флаг корабля красным флагом.

«Варяг» стоял в Ливерпуле, англичане ремонт откладывали и откладывали. А в декабре объявили корабль собственностью военно-морского флота Великобритании. Правительству Советской Республики они ответили, что крейсер потоплен немецкой подводной лодкой и затонул в Ирландском море. На самом же деле, как выяснилось много лет спустя, «Варяг» у берегов Ирландии налетел на камни. Полузатонувший, он пролежал там до 1925 года — снять с камней его не могли и в море разрезали на металл.

Миноносец «Стерегущий».



О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Наступали новые времена. Смена времен отражалась, как в зеркале, в названиях кораблей, в их судьбах.

Царские власти получили от румын броненосец «Князь Потемкин Таврический» и переименовали его в «Святой Пантелеймон», будто святой мог служить царю надежнее, чем светлейший князь. На «Пантелеймоне» была уже другая команда, и офицеров подобрали свирепее, чем были. Но осенью 1905 года во время Севастопольского восстания на «Пантелеймоне» поднялся красный флаг. Ненадолго, но все же поднялся. В начале 1917 года, после свержения царя, броненосец получил прежнее название — «Потемкин», а через несколько месяцев был назван «Борец за свободу». В апреле 1919 года броненосец был подорван интервентами в Севастополе.

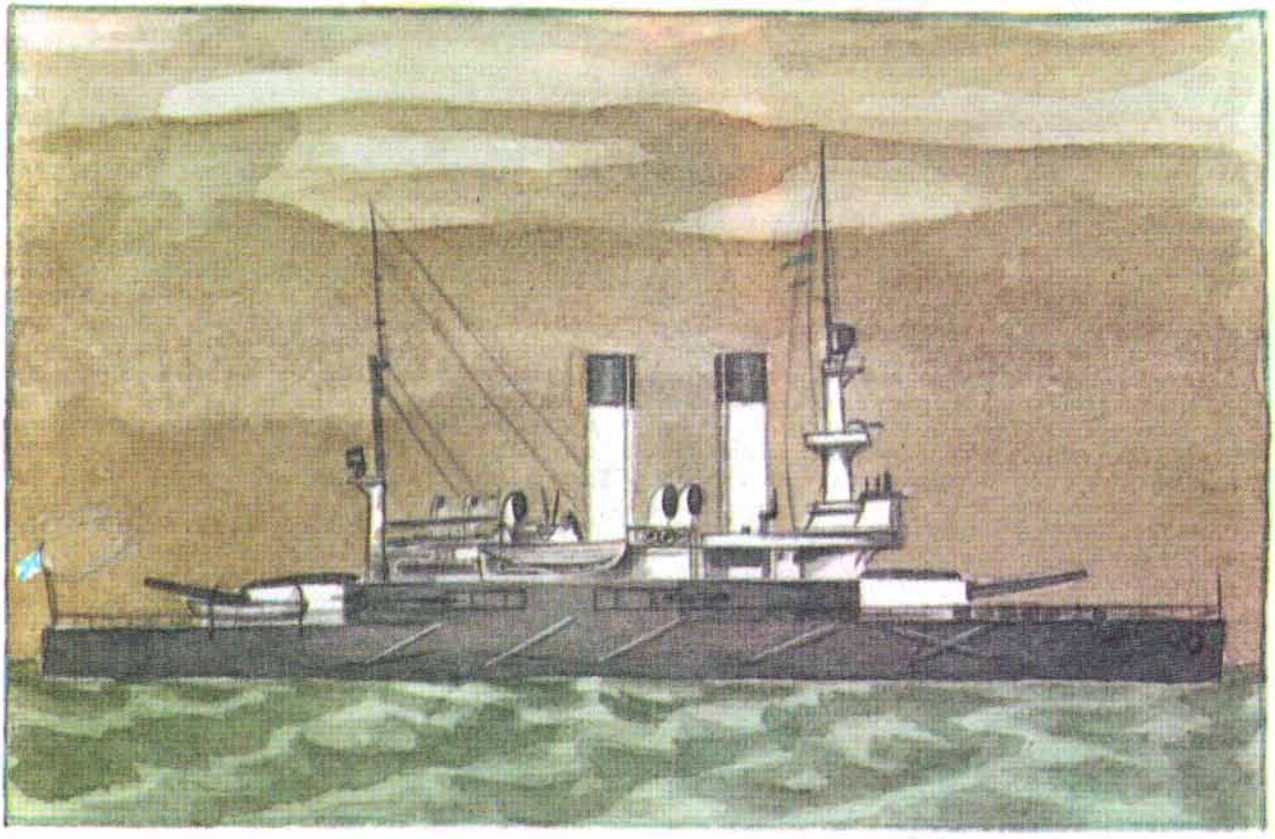
После гражданской войны его пытались восстановить. Но разрушения оказались велики, вся машинная часть была сильно повреждена, поэтому металл корабля пошел на переплавку.

Главной силой Севастопольского восстания был крейсер «Очаков». 13 ноября 1905 года команда крейсера восстала и присоединилась к матросам флотской дивизии. Возглавить восставших матросы предложили лейтенанту Петру Петровичу Шмидту, и он прибыл на крейсер. 15 ноября над крейсером был поднят сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Красные флаги уже развевались над минным крейсером «Гридень», миноносцами «Свирепый», «Заветный», «Зоркий», канонерской лодкой «Уралец» и минным транспортом «Буг». К «Очакову» примкнул броненосец «Пантелеймон».

Но, к сожалению, Шмидт не проявил достаточной решимости. Силы контрреволюции были еще сильны и сумели быстро подтянуть войска. По восставшим кораблям открыли огонь крепостная и полевая артиллерия и орудия броненосцев «Ростислав», «Память Меркурия». «Пантелеймон» спустил красный флаг. Остальные корабли приняли бой. Силы были слишком неравные. Потонул «Свирепый». На «Очакове» начался пожар. После двухчасового боя матросы покинули свои корабли, ставшие мишенями. Кто на шлюпках, кто вплавь добирались к берегу. Их расстреливали из пулеметов. Руководители восстания были арестованы.

Один из них, машинист крейсера Александр Гладков, писал из тюрьмы: «Прощайте, дорогие родители! Смерть мне не страшна, я жизнь свою посвятил для блага народа. Я знаю, за что меня расстреливают! Братец Костя! Передай всем товарищам почтение и скажи, что брат твой погиб в борьбе за свободу, за Севастопольскую революцию... Нас погибают четыре человека: лейтенант Шмидт, Антоненко, Частник и я. Расстреливать

Броненосец «Адмирал Ушаков».



нас будут в городе Очакове, на морской батарее. Там будет моя могила...»

Крейсер «Очаков» в наказание был переименован в «Кагул». В 1917 году он получил прежнее название. В 1918 году его захватили интервенты и белогвардейцы и назвали «Генерал Корнилов». Обрати внимание: не адмирал Корнилов, а генерал, который повел с Дона на молодую Советскую Республику белую армию и был убит. В 1920 году на крейсере бежали из Крыма врангелевцы, они отдали потом корабль интервентам — в уплату за оружие.

Как ты знаешь, особой славой освящены названия «Память Азова» и «Память Меркурия». Броненосец «Память Меркурия» стрелял по восставшим в Севастополе. А вот полубронеиосный крейсер «Память Азова» стал первым революционным кораблем на Балтике. В июне 1906 года он поднял красный флаг и пошел в Ревель (Таллин) на помощь восставшим рабочим. С ним должны были идти минные крейсеры «Абрек» и «Воевода», но офицеры посадили эти корабли на мель. В Ревельском порту корабль сразу же попал под сильный перекрестный обстрел. Восстание было подавлено. Власти расстреляли 18 матросов во главе с их руководителем Арсением Коптюхом, остальных 270 отправили на каторгу и в арестантские роты. По приказу царя мятежный корабль «разжаловали» в учебное судно и назвали «Двина». Прежнее название — «Память Азова» — вернулось к кораблю в 1917 году.

Среди многих звучных и славных названий кораблей особо выделяется «Аврора». Древние римляне звали Авророй богиню утренней зари, которая приносила свет богам и людям. Ее изображали юной крылатой женщиной. В колеснице, запряженной светлыми конями, она поднималась из океана к небу. Крейсер «Аврора» орудийным выстрелом тоже известил народы о начале светлой жизни. Конечно, в часы штурма Зимнего дворца никто не думал о красивых аналогиях, так уж получилось, что именно «Авроре» выпало произвести исторический выстрел.

Первая «Аврора» русского флота была 44-пушечным фрегатом из семейства кораблей, носивших имена мифических богинь (в него входили знаменитые «Паллада» и «Диана»). Парусная «Аврора» прославилась многими доблестями в Крымскую войну. В 1853 году она вышла с Балтики на Дальний Восток, чтобы подкрепить русские силы в Петропавловске-на-Камчатке. Огибая Южную Америку у мыса Горн, корабль попал в жестокую бурю. Для ремонта и пополнения запасов «Аврора» подошла к небольшому городку Кальяо. В его гавани оказалась англо-французская эскадра. Союзники любезно встретили русский корабль. Но вскоре они получили приказ из Лондона: найти и уничтожить фрегат «Аврора», фрегат «Паллада», транспорт «Двина», затем следовать на Камчатку и захватить Петропавловск. Командир фрегата капитан-лейтенант Изыльметьев вовремя узнал об опасности, туманной ночью при полном штиле вывел корабль в море — его буксировали шлюпки. Сделано все было так тихо и скрытно, что стоявший вблизи дозорный английский корабль не заметил исчезновения почти плененного противника.

«Аврора» летом 1854 года, на 198-й день плавания, отдала якорь в Авачинской бухте. Вскоре к Петропавловску подошла неприятельская эскадра. Вместе с командами «Авроры» и «Двины» русских было всего 926. Они сражались так храбро, так умело, что разгромили два неприятельских десанта, уничтожив больше 400 солдат противника, и нанесли кораблям такие повреждения, что союзники едва добрались до американского берега. Пушки одного борта «Авроры» были свезены на берег, так что комендоры фрегата били по врагу и с моря и с суши, авроровцы ходили в штыковые атаки против морских пехотинцев. Французский офицер Эдмонд де Айи писал после сражения о командире Петропавловского порта генерале Василии Степановиче Завойко и Иване Николаевиче Изыльметьеве: «Они имеют право ждать, что их имена навсегда будут сохранены в летописях русского флота».

Летом 1857 года, теперь уже обогнув африканский мыс Доброй Надежды, «Аврора» вернулась в Кронштадт.

Кругосветное плавание и доблестная оборона Петропавловска — такое славное наследство вместе с именем получил в 1903 году новый балтийский крейсер. Теперь «Аврора» имела восемь 152-миллиметровых орудий, 24 75-миллиметровых, восемь 37-миллиметровых и три торпедных аппарата. Она развивала скорость до 20 узлов. «Авроре» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры пришлось участвовать в Цусимском сражении. Вместе с крейсером «Олег» она прикрывала транспорты. Двум русским выпала доля противостоять девяти японским крейсерам. Как и команды других кораблей, авроровцы бились с храбростью и яростью. Крейсер получил много повреждений, в бортах зияли пробоины, начал гореть боезапас, корабль потерял управление. Под ожесточенным артиллерийским огнем пожар был потушен, руль исправлен. Ночью «Аврора» взяла курс на Манилу, там она была интернирована (в Кронштадт корабль вернулся на следующий год). В бою корабль потерял 104 моряка убитыми и ранеными. Был убит командир крейсера капитан первого ранга Е. Р. Егорьев. На «Авроре» сейчас хранится его портрет: оставшиеся в живых матросы вставили фотографию командира в кусок бортовой брони, прорванной снарядом, и оправили обгоревшими досками палубы.

Началась первая мировая война. «Аврора» вместе с другими кораблями несла дозорную службу в Финском заливе, обеспечивала постановку минных заграждений. В конце 1916 года крейсер пришел в Петроград и стал на ремонт. Красный флаг на «Авроре» был поднят 26 февраля 1917 года — матросы крейсера одними из первых на Балтийском флоте перешли на сторону революции. Близился день, когда «Авроре» было суждено произвести выстрел, известивший мир о победе Великого Октября.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАПИТАНСКАЯ

Мы Россию отвоевали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся.

В. И. Ленин

ФЛОТ ГОТОВИТСЯ К БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Сейчас, читатель, мы посмотрим, что дали наука и техника флоту после русско-японской войны, в преддверии войны мировой.

ЛИНКОРЫ

Англичане в 1906 году спустили на воду броненосный корабль «Дредноут», по-русски «Неустрашимый». Строить его англичане начали сразу после Цусимского сражения, в котором в качестве наблюдателей участвовали английские адмиралы. Пороки эскадренных броненосцев, их слабые места увидели не только они, однако они первыми создали корабль, для которого старые броненосцы были почти мишенью. За постройку дредноутов — линейных кораблей, линкоров — немедля принялись другие страны.

Чем же отличались линкоры от броненосцев? В морских боях русских и японцев выяснилось, что броненосцам нужны только самые мощные орудия — 305-миллиметровые и орудия калибром 75 миллиметров. Орудия среднего калибра — 152 миллиметра — не нужны. Они стреляли ближе, чем пушки главного калибра, и, по сути, не участвовали в бою, а ведь на корабле их было по 10—16 штук! Для броненосца опасны торпедные атаки эсминцев, но эсминцы имеют тонкую броню и атакуют с коротких дистанций, поэтому их можно отгонять огнем 75-миллиметровых орудий. Отказавшись от орудий среднего калибра, англичане получили возможность поставить на «Дредноуте» 10 305-миллиметровых пушек (в пяти двухорудийных башнях) и 24 75-миллиметровые пушки по бортам. На старом броненосце больших орудий было только четыре; выходит, «Дредноут» по силе огня превосходил броненосец в два с половиной раза, один заменял почти три корабля.

Вторым новшеством была мощная броня, прикрывавшая весь корабль, а не только середину, как у старых броненосцев.

Третье новшество — «Дредноут» ходил со скоростью 21 узел, подобно крейсеру. А скорость очень важна в бою. Японцы во многих случаях побеждали русские корабли именно потому, что имели преимущество в скорости и навязывали противнику позицию и дистанцию боя. «Дредноут» был кораблем-гигантом. Он имел водоизмещение почти 18 тысяч тонн. Как же такая махина могла ходить с быстротой крейсера? Дело в том, что вместо паровых машин на нем стояли турбины — это было еще одно новшество в кораблестроении.

В России первый линкор «Севастополь» построили в 1914 году, вскоре спустили на воду «Петропавловск», потом «Полтаву» и «Гангут». Эти корабли были сильнее «Дредноута». На «Севастополе» стояло 12 орудий калибром 305 миллиметров и 16 орудий калибром 120 миллиметров. При водоизмещении 23 тысячи тонн линкор развивал

скорость свыше 23 узлов. Примерно тогда же англичане построили самый большой линейный корабль «Ворспайт» водоизмещением 30 тысяч тонн.

В парусном флоте первым помощником линейного корабля был фрегат, у эскадренного броненосца — эскадренный крейсер, а первым помощником линкоров стали линейные крейсеры; они имели не такую надежную броню, но тоже были сильно вооружены и ходили быстро.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

В русско-японскую войну торпеды и мины утвердили свою грозную репутацию. Это оружие совершенствовалось, совершенствовались также корабли, которые носили его. Перед первой мировой войной самым быстроходным кораблем в мире — 36 узлов — был эскадренный миноносец «Новик». На нем впервые были установлены рельсовые дорожки для крепления на них большого запаса мин в походе и быстрого сбрасывания их во время минных постановок и трехтрубные торпедные аппараты для одновременной, залповой стрельбы торпедами. Кроме минного оружия, «Новик» имел четыре 102-миллиметровых орудия. Крошки по сравнению с линкорами (водоизмещение чуть больше тысячи тонн), эсминцы были опасны в море и принимали участие в больших сражениях.

Однако, как ни хороши эсминцы, они не могут нанести удар скрытно. Это могли делать подводные лодки. На протяжении столетий подводные суда были мечтой изобретателей в разных странах. В России первую подводную лодку построил крестьянин Ефим Никонов. В июне 1720 года ее модель испытывали в Петербурге. Она хорошо погружалась, двигалась под водой и всплывала. На испытаниях был сам Петр I. Мы знаем, что царь-флотоводец пустяка не одобрил бы. Видимо, он рассчитывал на боевое применение крестьянского изобретения, так как приказал лодку строить. Через четыре года лодка была готова. Петр снова приехал на испытания. Но при спуске разбили днище. Пока ремонтировали, на Неве встал лед. Испытания отложили до весны. Тут Петр I умер. И лодка стала не нужна, сгнила в сарае, где ее делали, «таясь от чужого глаза».

Много раз пытались строить лодки и позже. Но создать грозное подводное судно было невозможно, пока не изобрели хорошего двигателя внутреннего сгорания. Конечно, труды энтузиастов не пропали даром. Многие их придумки пошли в дело, служат подводникам и в наши дни. Так, перископ был еще на лодке, построенной в 1834 году русским генералом Александром Андреевичем Шильдером. А первым применил сжатый воздух для вытеснения воды из балластных цистерн Иван Федорович Александровский.

В русско-японскую войну подводные лодки были уже довольно ладными кораблями. Хотя ни русским, ни японским подводникам не удалось торпедировать суда, с такой угрозой считались обе стороны. Так, японцы не рискнули атаковать Владивостокский порт надводными кораблями, они знали, что его охраняют три десятка русских подлодок.

Лодки «Сом», «Дельфин», «Касатка» — с двигателями внутреннего сгорания — построил замечательный корабельный инженер Иван Григорьевич Бубнов. К первой мировой войне он создал подводную лодку «Барс». Лодки этого типа в подводном положении плавали со скоростью почти 10 узлов, в надводном — 18. Они имели 12 торпедных аппаратов.

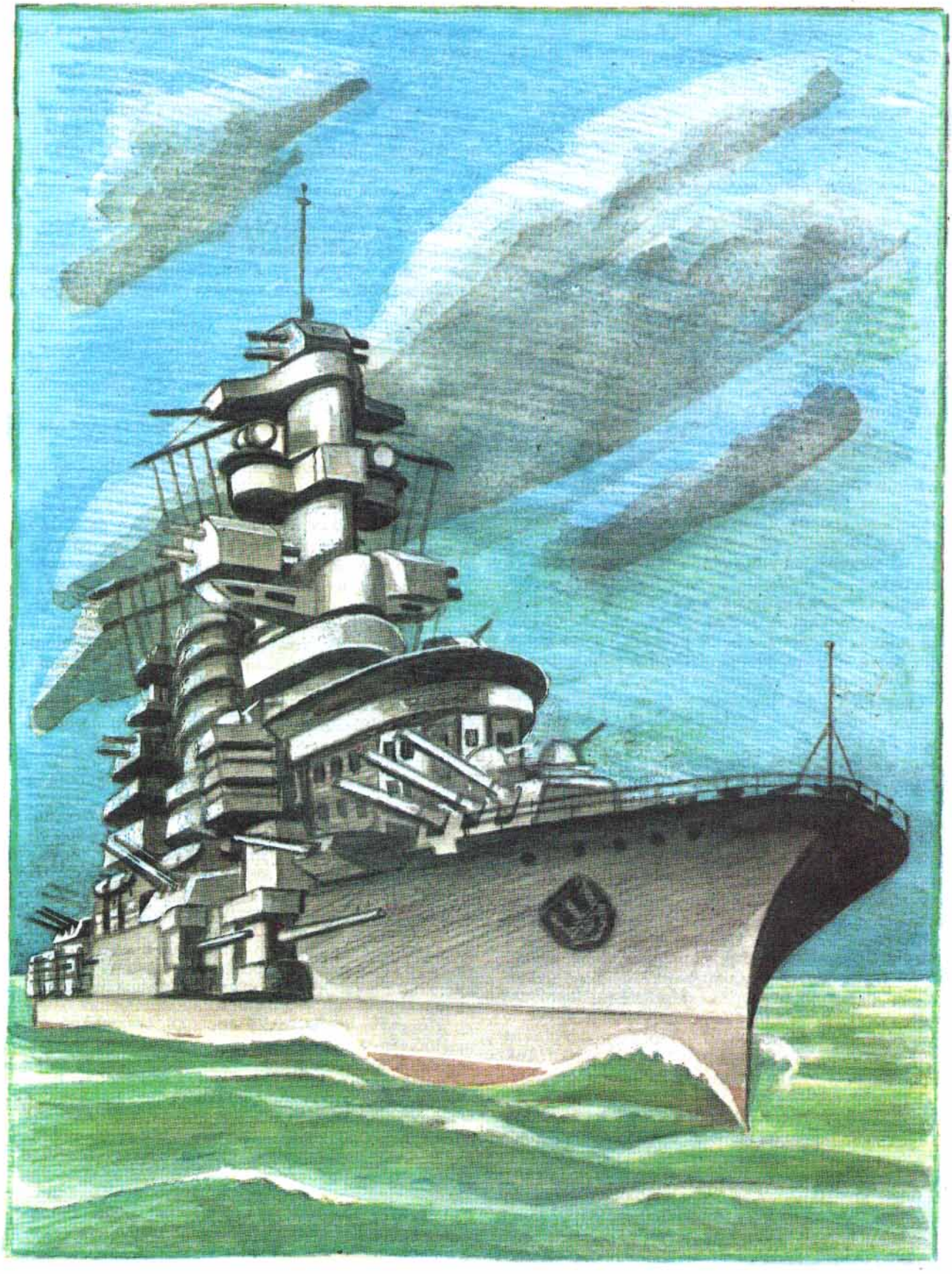
Истинной гордостью русского флота стал подводный минный заградитель «Краб» — подводная лодка, которая ставила мины, не всплывая на поверхность. Такой корабль у других флотов появился лишь через несколько лет.

До чего же интересные люди изобретатели! А какие разные... Макаров — адмирал, Шильдер — генерал (он был смертельно ранен в Крымскую войну), Никонов — крестьянин, Александровский — художник-фотограф... А подводный заградитель придумал железнодорожный техник Михаил Петрович Налетов.

15 мая 1904 года у Порт-Артура на минах подорвались японские броненосцы «Хацусе» и «Яшима». После этого японцы остерегались русских мин, следили, где их ставят. Если бы было можно ставить мины скрытно, с подводного судна! Охваченный такой идеей, Налетов и его добровольные помощники в осажденном Порт-Артуре почти построили невиданный корабль. Но крепость была сдана. Пришлось подводный заградитель уничтожить, чтобы секрет не достался японцам. Налетов и после войны думал о своем проекте. В 1908 году, соблюдая секретность, в Николаеве возобновили строительство подводного заградителя «Краб». В 1912-м он был спущен на воду. В 1915-м преподнес первый сюрприз.

Шла первая мировая война. Противником русского флота на Черном море были турецкие и германские корабли. Случилось так, что нужно было перевести из Николаева в Севастополь новый линкор «Императрица Мария». На корабле еще не стояли орудия, их должны были ставить в Севастополе. Разведка неприятеля узнала об этом. Неприятель решил атаковать беззащитный линкор на переходе. 15 июля группа кораблей во главе с германским крейсером «Бреслау» выходила из Босфора. И тут крейсер подорвался на мине, да так, что семь месяцев простоял в ремонте. Корабли вернулись в Стамбул. Турки и немцы были озадачены случившимся. Ведь мины стояли так близко к берегу, что русский корабль, ставивший их, неминуемо должен был попасть под огонь береговых батарей.

Летом следующего года русские корабли полностью закрыли минами выход из Босфора в Черное море. Надводные минные заградители под охраной больших кораблей на виду у турок поставили тысячи мин. Думая, что положение минных полей известно, турецкие суда выбирали, казалось, безопасные фарватеры, но подрывались. Стало очевидным, что в минных постановках участвовал заградитель-невидимка. Так оно и было.



САМОЛЕТЫ

Время, о котором мы говорим, дало армиям два новых рода войск — бронетанковые войска и авиацию. На земле и в небе появились боевые машины. Свои танки на море уже были — чем не танки бронированные корабли? А самолетам на море предстояло еще занять подобающее место. Тогда, пожалуй, никто и не представлял, что в недалеком будущем флот без авиации будет как без рук. Ведь первые самолеты были тихоходные, хрупкие, летали совсем недалеко.

За приобщение самолета к морю взялся молодой инженер, выпускник Киевского политехнического института Дмитрий Павлович Григорович. Он придумал крылатую лодку — гидросамолет. Лодки Григоровича не нуждались в аэродромах, они взлетали с воды и садились на воду. Так в самолет вселилась морская душа. Одно было плохо — слабые моторы не пускали летающую лодку в просторы над морем. Она не могда долететь до вражеского берега, тем более вернуться оттуда.

И все же весной 1915 года несколько летающих лодок появились над турецкими укреплениями в Босфоре. Почти семь сотен километров отделяют южный берег моря от северного. Но туркам не приходилось ломать голову, определяя национальную принадлежность самолетов — те корректировали огонь русских кораблей. Подобно тому как Макаров доставлял на большом пароходе к месту атаки минные катера, корабли доставляли из Севастополя к Босфору гидросамолеты.

Через год произошло событие еще важнее. Русское командование, чтобы оставить неприятельский флот без топлива, решило нанести удар по Зунгулдаку — портовому городу и центру турецкой угольной промышленности. (Найди Зунгулдак на карте, он на южном берегу моря, восточнее Босфора.) В соединение кораблей, осуществлявших операцию, входили два авиатранспорта с 11 гидросамолетами, линкор «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и два эсминца. Прибыв на место, авиатранспорты спустили на воду гидросамолеты. Те взлетели, но не только для разведки и корректировки огня — они сбросили бомбы на порт и шахты, на шахтах возник пожар, в порту был потоплен пароход.

Важность случившегося состояла пока не в разрушениях, которые авиация причинила противнику, а в том, что было положено начало кораблям-авианосцам и их тактике — действиям в бою. Не линкор и крейсер были главной ударной силой соединения, а самолеты-бомбардировщики с авианосцем. Главная же задача линкора, крейсера и эсминцев заключалась в защите авиатранспортов от кораблей неприятеля.

Дмитрий Павлович Григорович энергично продолжал конструировать новые летающие лодки. Он создал гидросамолет, вооруженный 37-миллиметровой пушкой, гидросамолет-истребитель, имевший броню, а также двухмоторный гидросамолет-торпедоносец. Торпеды, которые были оружием подводных лодок и миноносцев, стали и оружием авиации. Машины Григоровича были настолько хороши, что по русским чертежам их стали делать союзники России, в том числе американцы.

О храбрости и находчивости моряков мы с тобой, читатель, говорили много. Новые моряки — летчики рождавшейся морской авиации — с самого начала показали себя достойными воинами. В книге «Рассказы о боевых кораблях», которую написал З. Перля, есть интересный эпизод:

«С кораблей русского флота было спущено на воду несколько гидросамолетов; они вылетели в разведку над турецкой территорией. Вскоре вернулись все машины, кроме одной. Решили, что невернувшийся самолет сбит противником. Поэтому корабли ушли в Севастополь.

Прошло несколько дней. С борта русского миноносца, крейсировавшего у крымского побережья, заметили небольшую шхуну, шедшую курсом на Севастополь. Велика была радость наших моряков, когда выяснилось, что команда шхуны состоит из членов экипажа русского гидросамолета, считавшегося погибшим.

Оказалось, что гидросамолет (командиром его был летчик лейтенант Сергеев, а наблюдателем — унтер-офицер Тур) действительно был обстрелян турками, пули пробили бак с горючим, почти весь бензин вытек, и пришлось садиться на воду под берегом настолько далеко от русских кораблей, что их сигнальщики не заметили этого.

Вскоре турки обнаружили гидросамолет и поняли, что машина лишена подвижности, а это верная добыча. Чтобы захватить русский гидросамолет, турецкое командование послало военную шхуну.

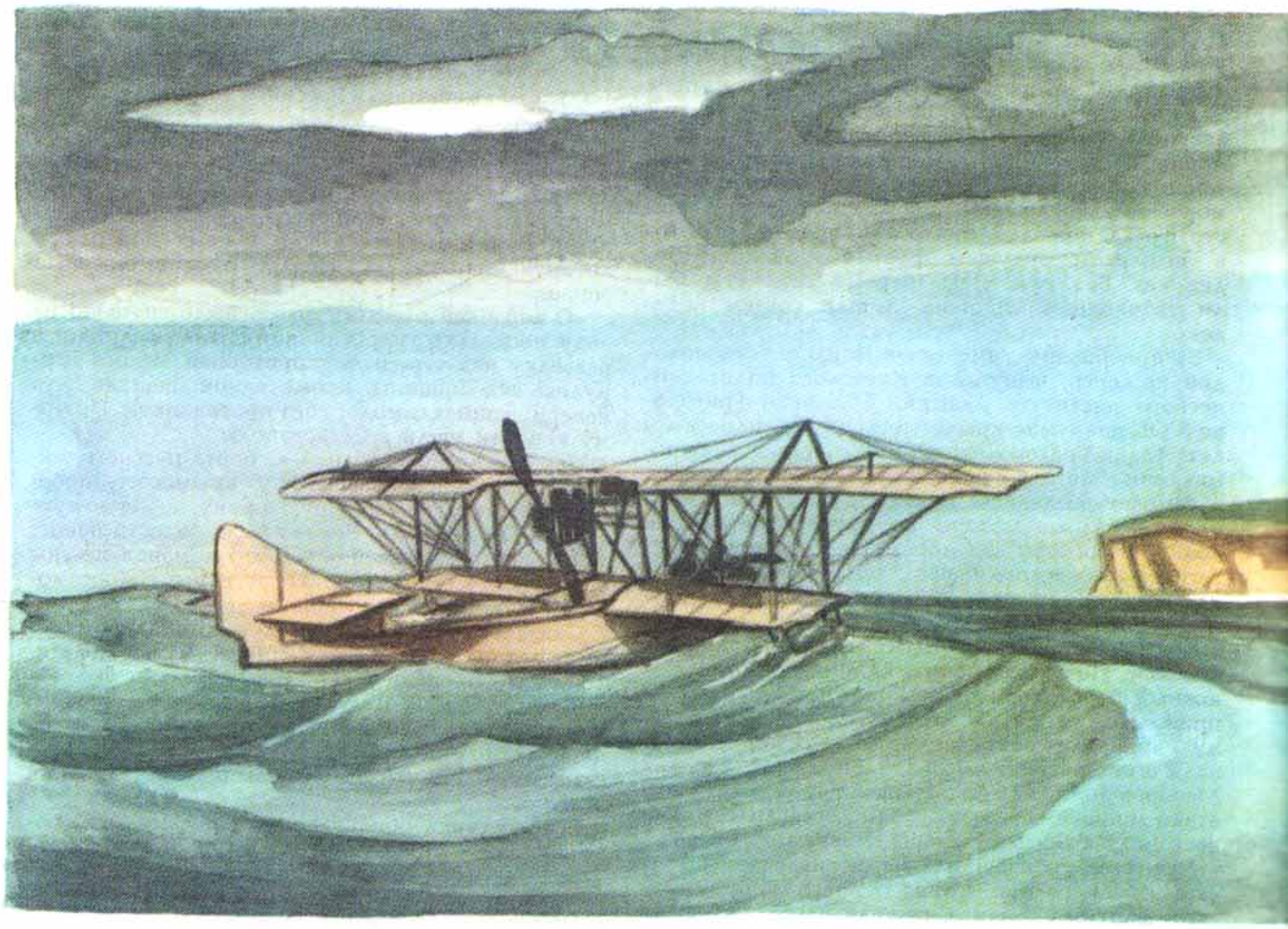
Сергеев и Тур отлично знали технику своего оружия и поэтому нашли путь к победе.

Горючего не хватило для продолжения полета, но остатков его было достаточно, чтобы дать ход гидросамолету по воде. Турки на шхуне, не ожидавшие сколько-нибудь серьезного сопротивления, не поверили своим глазам, когда увидели, что русский гидросамолет пришел в движение, завертелся его винт; крылатая лодка, набирая скорость, двинулась им навстречу, в стремительную лобовую атаку. Еще несколько минут, и уже на короткой дистанции заговорил ее пулемет. Меткие пулеметные очереди навели панику на не ждавшую такой встречи команду шхуны. Турки стали уходить. Но Сергееву и Туру этого было мало. Они стали нагонять вражеский корабль, продолжая осыпать его пулями. Турки не выдержали, спустили шлюпку и удрали к берегу, оставив шхуну русским летчикам. Сергеев и Тур сняли с гидросамолета все ценные части, приборы, оружие, затем уничтожили свою машину.

Славные моряки-летчики на время превратились в матросов, подняли паруса на своем трофейном корабле и успешно довели его до родных берегов».

...Итак, после русско-японской войны на флоте было множество изменений. Но главное, чем обогатился флот,— это линкоры, подводные лодки, авиация.

Линкор «Севастополь».



Бой русского гидросамолета с турецкой шхуной.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

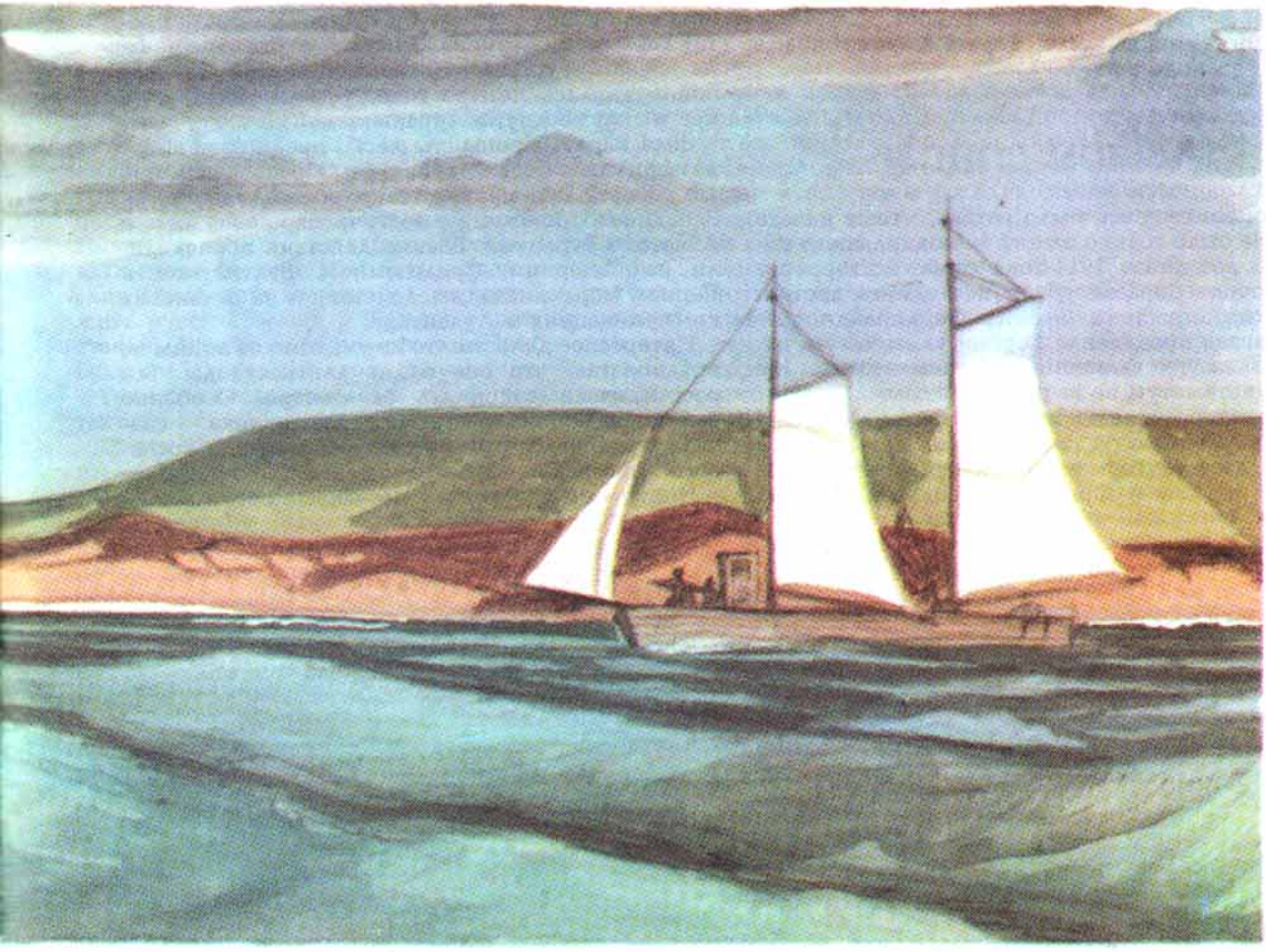
Владимир Ильич Ленин называл Японию, Германию и США молодыми хищниками. (В отличие от старых — Англии, Франции.) Клыки у молодых хищников выросли крепкие, но колонии имели свирепых и тоже клыкастых хозяев. Отнять какую-либо землю, какой-либо остров или порт можно было только в драке.

Япония свою долю вырвала — ей стали принадлежать Маньчжурия, Корея, Ляодунский полуостров и южная половина русского острова Сахалин. После этого не прошло и десяти лет, как окреп новый молодой хищник — Германия. Наиболее острые противоречия возникли между Германией и Великобританией, интересы которых сталкивались во многих районах земного шара, особенно в Африке, Восточной Азии и на Ближнем Востоке, куда германский империализм пытался распространить свое влияние.

Вот война России с Японией не переросла в мировую. А война Германии с Англией сразу стала мировой. Почему так?

Русско-японская война шла очень далеко — за тысячи миль от других главных капиталистических стран, на самом краю земли. Воевали хотя и сильные державы, но второстепенные. Их интересы нё выходили за рамки Дальнего Востока и сходились в Китае. А тут боевые действия вспыхнули в середине Европы и между самыми могущественными державами, каждая из которых в своей политике вела группу государств. Каждая из групп создала коалицию (временный военно-политический союз) капиталистических государств, интересы которых охватили практически все районы земного шара.

Война мировая, всеобщая была нужна капиталистам еще и потому, что во всех развитых странах нарастало революционное движение, а в странах отсталых — движение национально-освободительное. Мы с тобой говорили, что поражение в войне несправедливой ускоряет революцию, а победа замедляет ее. Естественно, каждый из участников начавшейся мировой войны рассчитывал победить и тем нанести в своей стране удар революционному движению.



КТО И ЧТО ХОТЕЛ ЗАХВАТИТЬ

Посмотрим, какие цели в войне ставил каждый из ее основных участников. Сначала возьмем Германию и страны, которые были в союзе с ней.

Германия намеревалась разгромить своего главного соперника — Англию, отнять ее колонии. Заодно разбить Францию, Бельгию, Голландию и отнять их колонии. У России немцы намеревались взять Польшу, Украину и Прибалтику. Ничего себе аппетит!

Австро-Венгрия намеревалась захватить на Балканах Сербию, Герцеговину и Боснию с целью утвердить свое господство в этом районе.

Турция намеревалась приобрести российское Закавказье.

Болгария хотела получить Македонию и часть Сербии.

Теперь возьмем страны Антанты * — союз противников германского блока.

Англия намеревалась разбить Германию, низвести ее до рядовой державы и тем обезопасить свои колониальные владения на будущее. При этом она рассчитывала взять германские колонии в Африке, а у Турции забрать Месопотамию и Палестину и закрепиться получше в Египте.

Франция хотела вернуть отнятые Германией пограничные области Эльзас и Лотарингию, прихватить Саарскую область, богатую углем, взять часть африканских колоний немцев.

Россия намеревалась приобрести Галицию и отнять у турок Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы.

Япония, пока европейские державы дерутся между собой, хотела продолжить захваты в Китае и взять германские колонии на Дальнем Востоке.

Италия намеревалась захватить территории на Балканском полуострове.

Особые цели были у Соединенных Штатов Америки. Война началась в 1914 году, но США вступили в нее только в 1917-м. До этого американцы произвели огромное количество оружия и выгодно продали его обеим сторонам, чтобы противники вышли из войны изнуренными и немощными. По

* «Антанта» — в переводе с французского «Согласие».

расчетам американских миллиардеров, наступило время, когда можно было сделать широкий шаг в мировое господство.

ХОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

У капиталистов все было готово, чтобы начать войну. Не было только одного — подходящего повода. Но вот летом 1914 года сербские террористы в городе Сараеве убили наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, заведомо зная, что выполнить его невозможно. Ну а коли ультиматум не выполнен, в самый раз пустить в дело оружие. 28 июля австрийские войска напали на Сербию. И снежный ком покатился с горы: 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа — Франции и Бельгии. Англия объявила войну немцам 4 августа. 23 августа против Германии выступила Япония. 29 октября начала воевать Турция... Поскольку первая мировая война длилась четыре года, успели ввязаться в нее и многие другие страны.

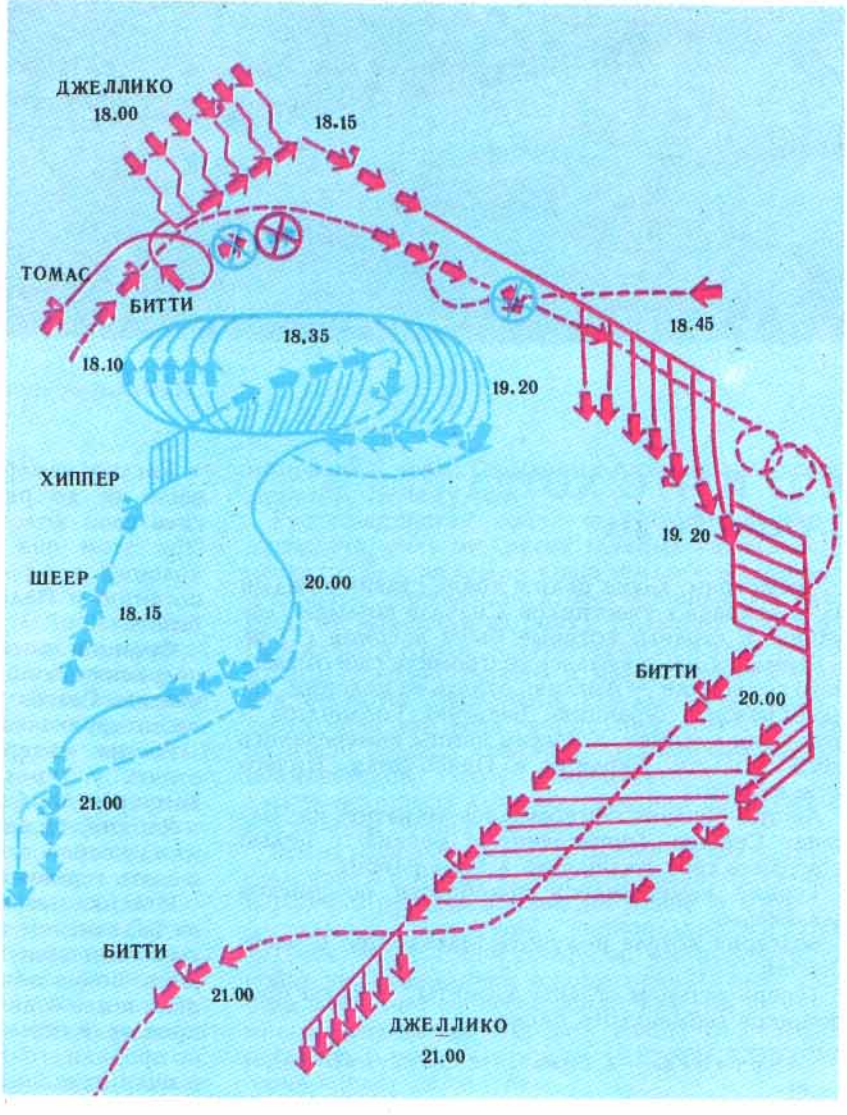
Зная карту Европы, ты легко представишь, где развернулись боевые действия. Образовались три, как говорят, сухопутных театра военных действий: Западноевропейский, Восточноевропейский и Азиатско-Турецкий. Боевые действия происходили на Северном, Средиземном, Балтийском и Черном морях, начались действия и на океанских коммуникациях в Атлантике.

Интересное дело: никто из участников войны не предполагал, что она будет длиться годы. Все рассчитывали закончить ее быстро. Особенно быстро надеялись разгромить противника — сначала Францию, потом Россию — немцы, до «осеннего листопада», за 8—10 недель.

Немцам не удалось в намеченные сроки завое-

Ютландское сражение. Май 1916 года.

Оперативное развертывание флотов.



Бой главных сил.

Эскадры английских линейных кораблей или линейных крейсеров.

Эскадры немецких линейных кораблей или линейных крейсеров.

Маневрирование английских линейных кораблей.

Маневрирование немецких линейных крейсеров.

Гибель корабля.

вать Францию. Когда французским и английским войскам приходилось туго, с востока на войска Германии и Австро-Венгрии усиливали давление русские армии. Немцы были вынуждены перебрасывать на восток подкрепления, снимая дивизии с Западного фронта. Ни на Западном, ни на Восточном фронтах сильных ударов у немцев не получалось. Германское командование решило после этого основные усилия сосредоточить на востоке и вывести из войны Россию, а уж после взяться за Францию. Немцы сильно потеснили русских. Но главного замысла — окружить и уничтожить русские армии в Польше — они не осуществили. Армии, хотя и отошли в Прибалтике и в Галиции, сохранили свою силу.

Германский генеральный штаб снова изменил тактику.

Опять немцы как бы вернулись к началу войны — всерьез взялись за Францию. В феврале 1916 года они предприняли мощное наступление на Верденский укрепленный район, прикрывавший Париж. И опять французам помогли русские, начав наступление на северном крыле своего фронта.

Положение под Верденом все же оставалось опасным. И летом французы и англичане на своем фронте, а русские на своем почти одновременно большими силами повели наступление, чтобы заставить немцев снять войска из-под Вердена. Русское наступление отлично удалось. Париж был спасен.

ЮТЛАНДСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В 1916 году, так богатом военными событиями, произошло и самое крупное морское сражение. В Северном море, недалеко от Ютландского полуострова, встретились главные силы флотов Англии и Германии. Мысль о нем принадлежала немецкому адмиралу Шееру, хотя все получилось не так, как он рассчитывал.

С самого начала войны германский флот — его крейсеры, миноносцы и особенно подводные лодки — начал действовать на путях сообщений Англии с колониями. Ты знаешь, как эта страна зависит от всего привозного. Немецкие корабли подходили и к Британским островам, они обстреливали прибрежные города, ставили мины у выходов из баз и портов. Но заметного успеха ни одна сторона такими действиями не добилась. Тогда-то адмирал Шеер и решил выйти со своим флотом в море, остановить его в определенной точке, выслать затем эскадру, чтобы та раздразнила англичан, ложным отступлением заставила бы противника пуститься в погоню и навела его на главные силы немецкого флота. Так Шеер намеревался уничтожить основные морские силы Англии

Сражение происходило 18 и 19 мая. А за десять дней до этого — заблаговременно — к английским базам Скапа-Флоу, Кромарти и Розайт Шеер послал 11 подводных лодок. Главные силы английского флота стояли в этих базах, и подводные лодки должны были, во-первых, известить своего адмирала о выходе кораблей противника в море и, во-вторых, нанести по ним первый удар.

План Шеера был прост и хорош: может быть, он и осуществился бы, но на войне бывает много «но» — английские разведчики-радисты перехватили приказ Шеера с датой выхода немецкого флота, а подводные лодки проглядели выход флота английского. И получилось так, что уже английский адмирал Джелико как бы отнял у Шеера его план и присвоил. Джелико, зная, что противник выходит в море со всем флотом, тоже вышел, но не с эскадрой, а со всем флотом — более сильным, чем немецкий. У англичан было 28 линкоров-дредноутов, 9 линейных крейсеров, 8 броненосных крейсеров, 26 легких крейсеров и 79 эсминцев. У немцев — линкоров-дредноутов 16, старых линкоров (эскадренных броненосцев) 6, линейных крейсеров 5, легких крейсеров 11 и эсминцев 61.

Шеер еще не догадывался, что ему готовится ловушка его собственной конструкции.

Джелико послал свою приманку — авангардную эскадру адмирала Битти к Ютландскому полуострову, а с главными силами намеревался занять позицию в 70 милях западнее авангарда. Было это 18 мая. На рассвете того же дня вышло в море и авангардное соединение немцев — их приманка — под командованием адмирала Хиппера.

После полудня оба авангарда увидели друг друга. Английская эскадра оказалась гораздо сильнее немецкой. У Битти было 4 мощных линкора, 6 линейных крейсеров да еще легкие крейсеры и эсминцы, а у Хиппера — всего 5 линейных крейсеров, легкие крейсеры и эсминцы. Битти решил напасть на противника, хотя, конечно, знал, что где-то поблизости находятся главные силы немцев. Да и как было не атаковать! Превосходство в 4 дредноута (помнишь, какие это грозные корабли!) давало все шансы на победу. Хиппер, увидев, что английская эскадра полным ходом движется к нему, повернул свои корабли назад, чтобы навести неприятеля, как это замышлялось, на свои главные силы.

Англичане шли быстрее. Хипперу пришлось принять бой. И тут начались свои «но» у англичан. Они плохо распределили цели между своими кораблями. По немецкому крейсеру «Дерфлингеру» никто не стрелял, и его артиллеристы спокойно, без помех делали свое дело. К тому же у немцев меньше времени ушло на пристрелку. В результате они за полчаса потопили два линейных крейсера англичан. Эсминцы обеих сторон долго не могли сблизиться с большими кораблями для торпедного удара. Все же один английский эсминец изловчился и, выпустив три торпеды, потопил немецкий миноносец и повредил линейный крейсер.

Возможно, что Битти все же воспользовался бы своим превосходством в силах, но на горизонте показался весь флот немцев. Тут уж Битти пришлось повернуть корабли, завлекая неприятеля к своим главным силам.

Шеер все еще не знал, что главные силы англичан находятся поблизости. Он только видел, что английская эскадра убегает от него, что его план почти осуществился — надо только настичь беглецов. Немецкий флот, в котором голову кильватерной колонны заняли корабли Хиппера, со всей возможной скоростью пустился за эскадрой Битти.

Теперь нам нужно обратиться к схеме Ютландского сражения. Не правда ли, она просто красива! Это искусство — вычертить точную, ясную и красивую схему. У левого края синими стрелками, похожими на бумажных голубей, обозначено движение немецкого флота — впереди Хиппер, за ним Шеер. Ориентируйся при чтении на время, которое указано в самых напряженных точках схемы. Флот Германии начал преследование в 18.15, время указано гринвичское.

Ровно в 18 часов главные силы английского флота — их принято называть Гранд-Флит — подошли к району сражения. Шли они шестью параллельными колоннами — по четыре мощных линкора в каждой. По сторонам держались эсминцы, охраняя тяжелые корабли от подводных лодок. Через 10 минут в ту же точку пришла эскадра Битти. Линкоры этой эскадры, которыми командовал адмирал Томас, присоединились к другим линкорам, а крейсеры заняли место в голове флота (движение крейсеров обозначено пунктиром). Несколько раньше этого момента у англичан случилось новое «но». Штурман флагманского корабля неверно определил положение своего флота. Из-за этого главные силы не успели в нужный момент перестроиться из шести колонн в одну кильватерную колонну. Если бы перестроение было сделано вовремя, то голова немецкого флота попала под огонь 28 линейных кораблей. Представляешь, залпы какой силы обрушились бы на неприятеля! Вот когда сработала бы ловушка. А так получилось, что правая колонна дредноутов загородила собой неприятельские корабли.

Шеер увидел наконец весь Гранд-Флит. Он принял благоразумное решение мгновенно — приказал уходить своему флоту восвояси. На схеме ты видишь овал с линиями, напоминающими меридианы,— это выход немецких кораблей из сражения. Отряд крейсеров Хиппера повернул раньше (стрелки по диагонали) и на меньшем пространстве, а Шееру с тяжелыми кораблями пространство потребовалось куда большее. И главные силы флотов, как говорят, вошли в боевое соприкосновение. Чтобы прикрыть поворот флота, немецкие эсминцы при поддержке крейсеров атаковали англичан торпедами, а после поставили дымовую завесу. Артиллерийский бой флотов длился всего 12 минут. Скрытые дымовой завесой и наступавшими сумерками немцы оторвались от англичан. Шеер и Джелико потеряли друг друга.

Английский адмирал не хотел упустить неприятеля — когда еще будет возможность отомстить за разбой на морских дорогах? Джелико приказал флоту идти на юг, затем на юго-запад, чтобы отрезать немцев от баз и на рассвете возобновить сражение. А Шеер в это время только и думал, как бы скорее укрыться в своих базах под защитой минных заграждений и береговых батарей. Немецкий флот спешил к ним кратчайшим путем — шел на юго-восток. И получилось так, что две огромные массы кораблей около полуночи чуть не столкнулись друг с другом. Иди Джелико несколько тише или Шеер несколько быстрее — и свалка флотов была бы неизбежной. А так корабли немцев прошли, как говорят, за кормой, то есть позади Гранд-Флита.

Сзади тяжелых английских кораблей шли прикрывающие миноносцы. В их-то порядок и врезались немцы. Миноносцы произвели торпедную атаку, потопили легкий крейсер немцев, но и немцы потопили 4 английских миноносца. Атака миноносцев нарушила строй немецкого флота. В замешательстве немецкий линкор протаранил и потопил свой же крейсер. Джелико слишком поздно понял, какие события происходят в хвосте его флота, и не успел — второй раз за сражение — воспользоваться благоприятной возможностью.

Утром 19 мая немецкий флот прорвался в свою базу. Ушли в свои базы и англичане. Немцы потеряли линкор, линейный крейсер, 4 легких крейсера и 5 эсминцев. Англичане — 3 линейных крейсера, 3 броненосных крейсера и 8 эсминцев.

Историки отмечают «нерешительный характер» Ютландского сражения. Создается впечатление, что оба адмирала больше заботились о сохранении своих кораблей, чем о нанесении вреда чужим кораблям. (Особенно Шеер.) Это подтверждается тем, что артиллерийский бой и торпедные атаки противники вели с больших дистанций, на сближение не шли. Страдала, конечно, от этого меткость. Англичане из 4598 выпущенных снарядов попали только сотней, немцы — из 3597 попали 120. Торпедами было потоплено 8 кораблей. Из 74 английских торпед в цель попали 5, а из 109 немецких — только 3.

После Ютландского сражения немецкое командование больше уже не пыталось уничтожить английский флот. Мирясь с его существованием, оно развернуло подводную войну против торгового судоходства. Только за три месяца 46 немецких подводных лодок потопили 1012 торговых судов. Англичане стали собирать свои суда в караваны. На их охрану, проводку отряжались легкие крейсеры, эсминцы и тральщики. В местах, где было вероятным нападение лодок, несли дежурство катера-охотники с глубинными бомбами и авиация. Эти меры оказались хорошими. В 1917 — 1918 годах союзники провели в Северном море и в Атлантическом океане почти 25 тысяч судов. Немцам удалось потопить лишь 201.

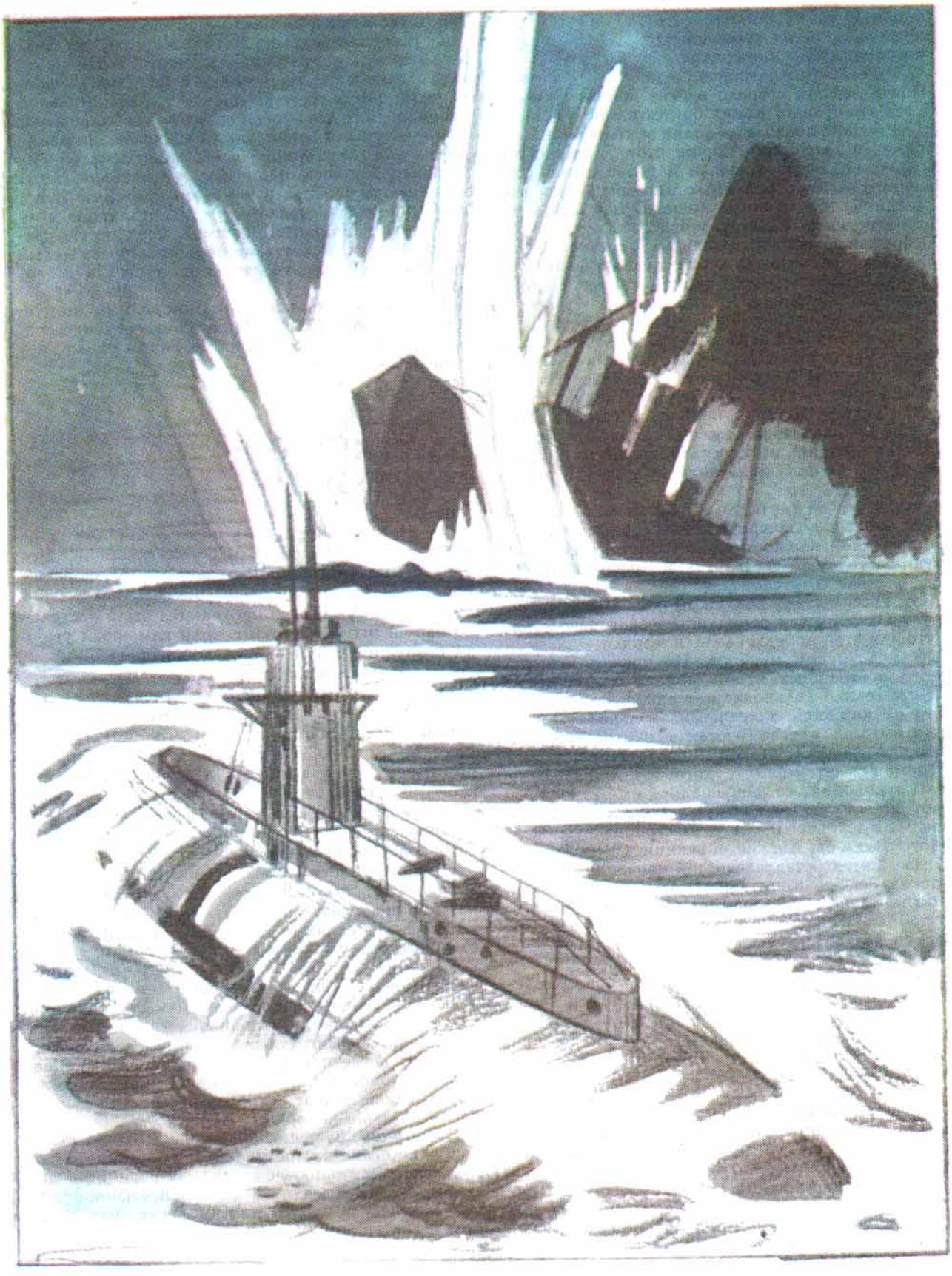
СТРАШНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

И на суше и на море все яснее вырисовывались признаки поражения Германии и ее союзников. Их людские резервы и экономические ресурсы истощились раньше, чем резервы и ресурсы Антанты. Первая мировая война заканчивалась. 29 сентября 1918 года Болгария подписала перемирие с Антантой, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия, 11 ноября сложили оружие войска Германии.

Наступил мир. Историки заносили на страницы человеческой летописи страшные цифры.

За время войны воюющие страны произвели:
276 миллионов винтовок,
свыше 1 миллиона пулеметов,
152 тысячи орудий,
182 тысячи самолетов,

Подводная лодка торпедирует транспорт.



около 10 тысяч танков,
несколько тысяч кораблей,
более миллиарда снарядов,
47,7 миллиарда патронов.

Почти все это сгорело в огне войны. Сколько же все это стоило? Каких богатств лишились люди? Немецкие подводные лодки за годы войны потопили 10 линкоров. Линкор стоил столько же, сколько 400 тысяч лошадей или 500 тысяч тонн пшеницы. А 10 потопленных линкоров — это ведь 4 миллиона потопленных лошадей или 5 миллионов тонн уничтоженного зерна!..

В армиях воюющих стран было 70 миллионов человек. Сколько всякого добра сделали бы эти люди, если бы оставили их у станков или на пашне!

Погибло на войне 10 миллионов человек, и 20 миллионов было ранено.

Историки писали страшные цифры. А географы переделывали карты. Надо было нанести на картах новые границы и даже новые государства. Австро-Венгрии не стало. На ее территории возникли три страны: Австрия, Венгрия и Чехословакия. Германия лишилась положения великой державы, а заодно колоний, они достались Англии и Франции. Франция получила также Эльзас и Лотарингию...

Переделки на картах были бы меньшими, если бы не произошло во время войны событие великой исторической важности, оно окрасило одну шестую часть суши на картах в красный цвет — Россия стала советской.

Как Россия стала советской, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция и что для этой победы сделали моряки — об этом мы сейчас будем говорить. Но прежде еще немного о страшных итогах войны. Тогда-то они пугали только дальновидных людей, а большинству не казались страшными. Только немногие видели тогда в этих итогах ядовитое семя, из которого вырастет вторая мировая война.

Германия по мирному договору лишалась не только колоний, ей запрещалось иметь военный флот, но вот сухопутную армию она могла иметь. Почему в договоре были такие странные условия? Флот грозил бы Англии, Франции, США, а сухопутная армия оставлялась для нападения на Советскую Россию. Капиталисты Антанты понимали, что капиталисты Германии не смирятся с тем, что их побили да еще и ограбили, отняли «последнее». Вот и была разрешена Германии новая агрессия, но указывалось, на кого следует напасть.

Италия и Япония, воевавшие на стороне Антанты, при дележе плодов победы получили незначительные территории. Через 20 лет, когда Германия начнет новую мировую войну, и Япония и Италия, помня «несправедливость» Англии и Франции, выступят на стороне германских фашистов и увеличат этим их силу.

Соединенные Штаты Америки вступили в войну против Германии только в 1917 году. Многим тогда казалось, что США вмешались в схватку из-за благородных побуждений — помочь разгромить зачинщика кровопролития. К США относились как к справедливой стране, помня, что там была гражданская война северных штатов с южными, рабовладельческими, а после победы северян негры были освобождены от рабства. Но благородством тут и не пахло. Вот что по этому поводу говорил Владимир Ильич Ленин: «...действительная цель вступления Америки в войну — это подготовка к будущей войне с Японией. Американский народ все-таки пользуется значительной свободой, и трудно предположить, чтобы он вынес принудительно воинскую повинность, создание армии для каких-либо завоевательных целей, для борьбы с Японией, например. Американцы видят на примере Европы, к чему это приводит. И вот понадобилось американским капиталистам вмешаться в эту войну, чтобы иметь предлог, скрываясь за высокими идеалами борьбы за права малых народностей, создать сильную постоянную армию».

Так ведь получилось и на самом деле. Во вторую мировую войну США и Япония ожесточенно сражались из-за преобладания на Тихом океане и в странах его бассейна.

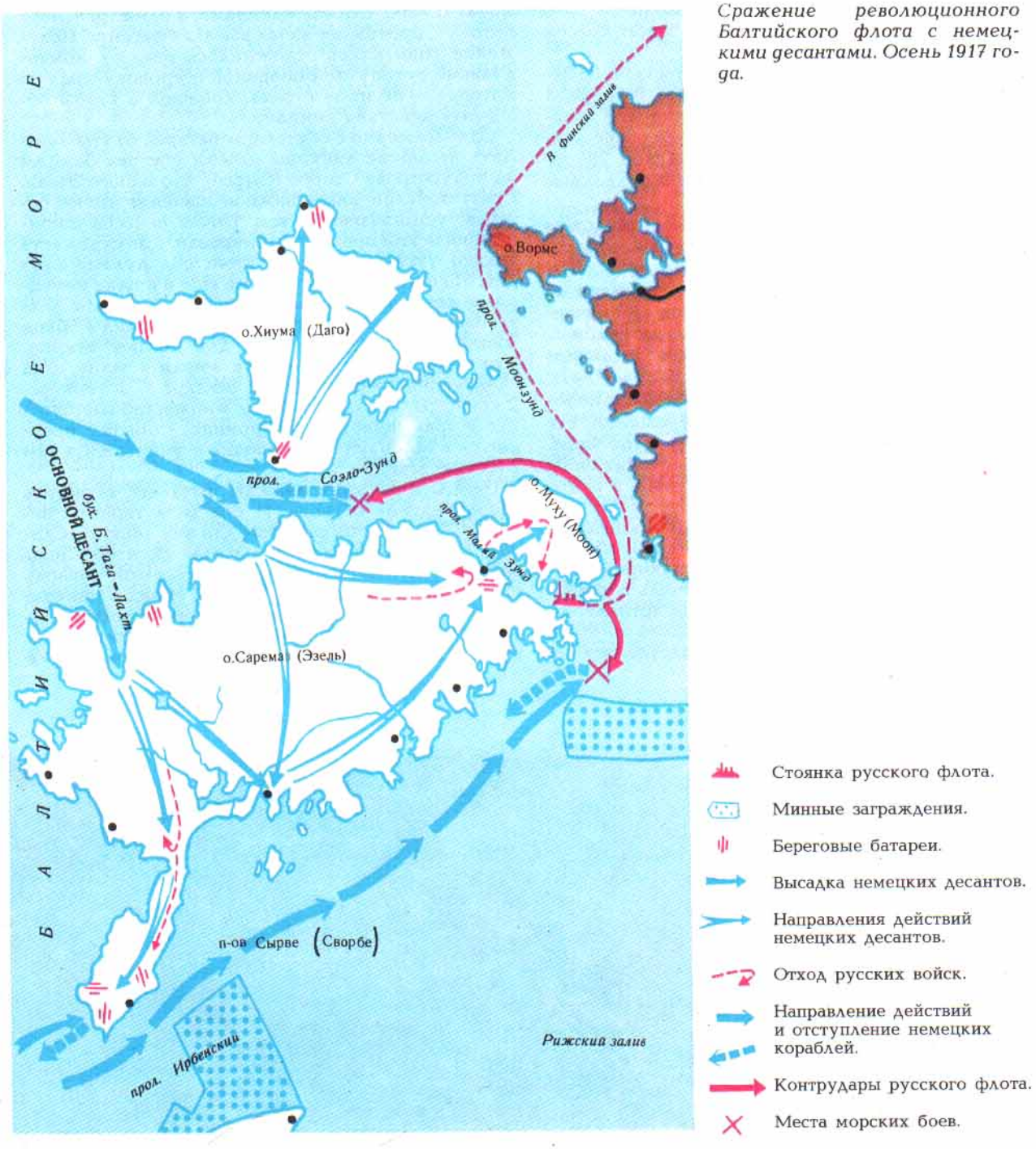
БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ

О том, как действовал в первую мировую войну Черноморский флот, мы уже говорили. Ему удалось почти полностью закрыть Босфорский пролив. Немецкие крейсеры боялись выходить в море, а коммуникации противника были настолько нарушены, что турки возили каменный уголь в Стамбул не из Зунгулдака, до которого по морю всего сто миль, а из Германии.

На Балтике русский флот действовал тоже хорошо. Он искусно загородил минами входы в свои заливы, мины были поставлены и на коммуникациях противника, так что германские корабли почти всю войну активных действий на Балтийском море не вели.

Но в конце сентября 1917 года немцы предприняли крупную операцию в районе Моонзундских островов. Правительство Германии понимало, что в России вот-вот произойдет социалистическая революция. Знало оно также, что в случае победы революции Россия выйдет из войны — большевики не делали из своих намерений секрета, наоборот, говорили всему миру, что, придя к власти, тут же покончат с войной. Не нужно быть стратегом, чтобы понять, как выгодна была революция для немцев: восточный фронт сам собой ликвидировался бы. Был немцам полный резон не мешать большевикам выиграть революционные бои. Однако они наметили крупное морское сражение, целью которого было уничтожение кораблей Рижского залива, захват островов и выход немецких войск по суше и морю к Петрограду.

Почему немцы поступали вопреки логике? Они вопреки логике не поступали. Наоборот, действовали очень логично — с классовых позиций капиталистов. Они спасали от падения Временное правительство — правительство русских капиталистов и помещиков. Мы часто говорим о пролетарской солидарности, но есть и капиталистическая солидарность; капиталисты — злейшие враги друг



Сражение революционного Балтийского флота с немецкими десантами. Осень 1917 года.

друга, однако в минуту опасности для капитализма объединяются и друг другу помогают. Немецкий флот собирается напасть на Моонзундские острова, туда идут больше 300 кораблей и судов — англичанам и французам самый бы раз ударить по ослабленному немецкому флоту в Северном море. Но линкоры и крейсеры союзников стоят в базах — зачем же мешать немцам в расправе с русской революцией...

ОБОРОНА МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВОВ

Моонзундские острова надежно прикрывают вход в Рижский залив, и для защиты устья Финского залива они тоже важны. Самый крупный

остров — Эзель (теперь Сарема), поменьше Даго (Хиума), еще меньше Моон (Муху) и много совсем маленьких островов и островков.

Острова оборонял 12-тысячный гарнизон, 30 самолетов морской авиации, береговые батареи и флот Рижского залива: 2 старых линкора, 3 крейсера, 33 эсминца и миноносца, 3 канонерские лодки, 5 минных заградителей, 17 тральщиков, 28 сторожевых кораблей и катеров и еще 3 подводные лодки.

Немцы же подготовили 25 тысяч десантников на 40 транспортах. А флот был такой: 10 новейших линкоров, 1 старый линкор, 9 легких крейсеров, 57 эсминцев и 11 миноносцев, 57 охотников за подводными лодками, 95 тральщиков, 6 подводных лодок и около 70 вспомогательных судов. С воздуха кораблям и десанту помогали 94 самолета и 6 дирижаблей.

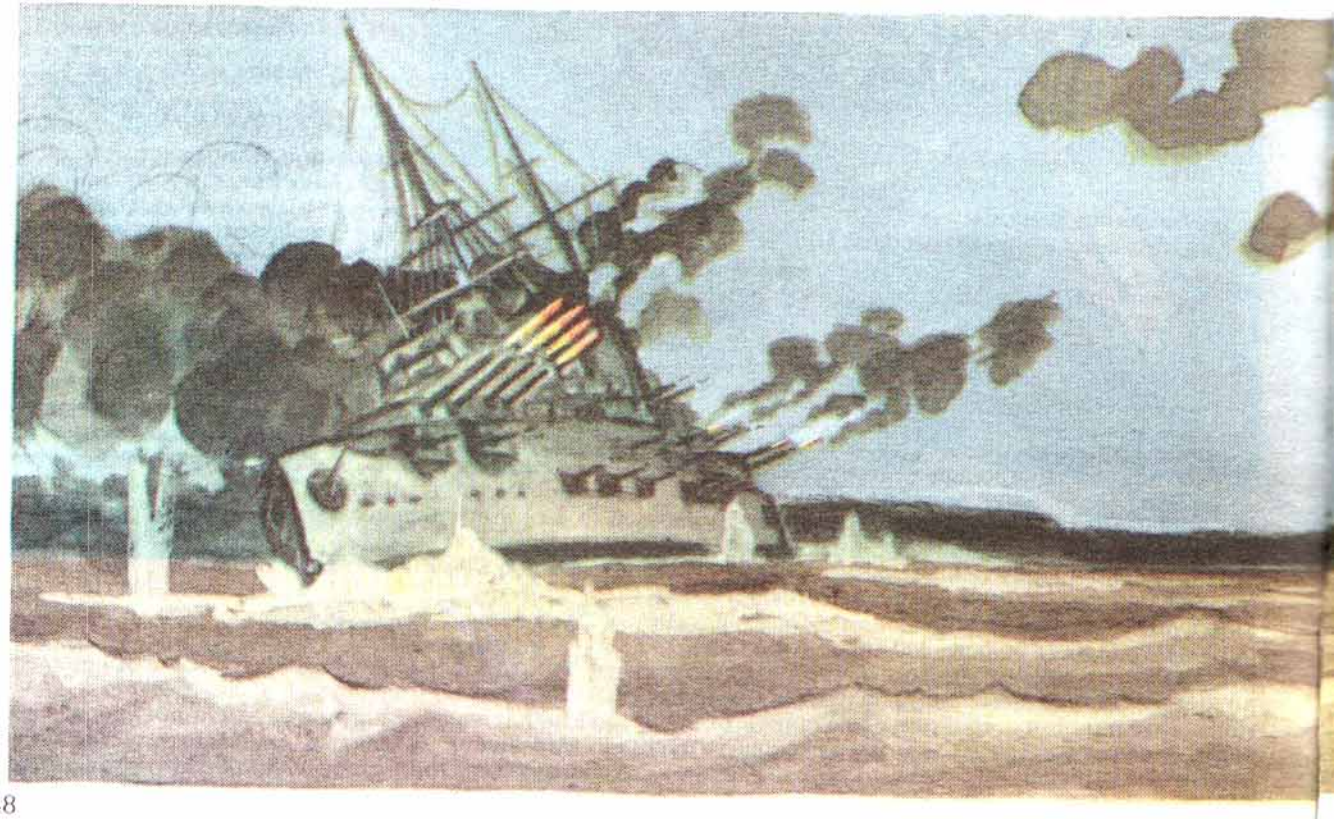
Огромную силу собрали немцы. Больше половины той, что была в Ютландском сражении, где решалась участь двух крупнейших флотов мира. А во сколько раз флот немцев превосходит силы русских? И сказать трудно. 11 линкоров и 2 — что тут говорить?

29 сентября рано утром 7 линейных кораблей противника подошли к бухте Тага-Лахт и начали обстрел русских батарей. По числу линкоров было видно, что именно в этом месте на Эзель готовится высадка десанта. Превосходство в артиллерии у немцев было подавляющим. Русские батареи были разбиты. Хотя два линкора подорвались на минах и ушли с повреждениями, а один транспорт потонул, противник начал высадку десанта. Положение защитников осложнилось тем, что командующий сухопутной обороной островов бежал на материк — не из-за страха, конечно, а чтобы облегчить действия немцам.

Одновременно с обстрелом батарей бухты Тага-Лахт немецкие линкоры начали обстрел батарей на полуострове Сворбе (Сырве), что на юге Эзеля. Сразу понятно, какое важное значение имеют батареи, установленные там. Почти по всей ширине Ирбенский пролив заминирован. Для судов есть только узкий проход — прямо под дулами орудий. Но батареи, атакованные еще и с тыла немецкими десантниками, высадившимися в Тага-Лахте, были потеряны. Путь в Рижский залив в обход минных заграждений был для немцев открыт. 3 октября немецкие корабли вошли в залив, а на следующий день немецкая эскадра — 2 линкора, 2 крейсера, авиатранспорт и множество миноносцев и тральщиков — предприняла попытку прорваться в Моонзундский пролив и уничтожить там русскую эскадру.

Немцы и до этого дважды пытались захватить Моонзундские острова. И оба раза терпели неудачу. Главной помехой был для них линкор «Слава». Кайзер Германии Вильгельм II, чтобы подзадорить немецких моряков, объявил этот корабль своим «личным врагом». Принц Генрих в приказе на вторую операцию писал: «Уничтожению «Славы» придаю моральное значение». Потопить «Славу» пытались линкоры — артогнем, эсминцы и

Бой «Славы» с немецкой эскадрой.



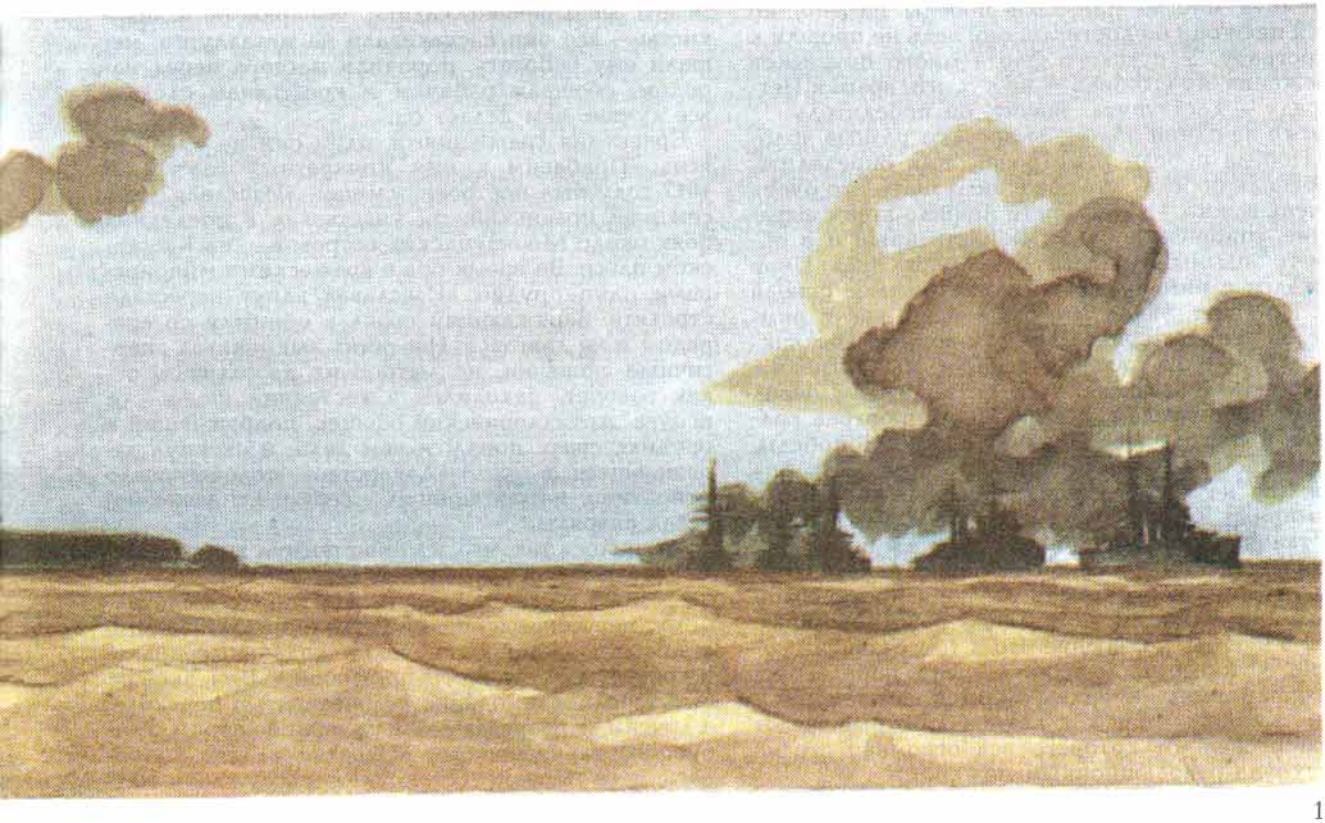
подводные лодки — торпедами, самолеты — бомбами, но русский корабль топил вражеские корабли, разгонял их по морю своими тяжелыми снарядами и продолжал мужественную, трудную жизнь. Четыре 305-миллиметровых орудия «Славы» стреляли ближе, чем орудия новых линкоров противника, приходилось «Славе» затоплять отсеки одного борта, корабль тогда накренялся, угол возвышения орудий увеличивался, увеличивалась и их дальнобойность. Но как при этом ухудшалась маневренность корабля! Чтобы повернуть, приходилось перекачивать воду в отсеки противоположного борта, на это уходило время, время тревожное, когда от горизонта летели в «Славу» снаряды немецких линкоров...

«Славе» выпала честь принять на себя основной удар врага и в третий раз. Это был ее последний бой.

Вражеские корабли подошли к проливу двумя колоннами: в одной — линкоры и крейсеры, в другой — тральщики. Тяжелые корабли остановились перед минными заграждениями, а тральщики двинулись проделывать для них проходы. В это же время на русские корабли налетела немецкая авиация. (Найди место сражения на схеме, оно обозначено крестиком.) Ближе к неприятелю — перед минными заграждениями — находились линкор «Гражданин» и крейсер «Баян». Севернее их была «Слава». Пока минные заграждения не разрушены, враг не сможет двинуться дальше, поэтому и батарея с острова Моон и три русских корабля открыли огонь по тральщикам. Третьим залпом тральщики были накрыты. «Слава» перенесла огонь на линкоры. Ее бортовые отсеки снова были затоплены, и снаряды летели далеко. Но тут появились вражеские миноносцы, их нельзя было подпустить на торпедный удар. «Слава» занялась миноносцами. Ее орудия ударили так хорошо, что те бросились назад, на юг. За миноносцами отошли и другие корабли противника.

Во время стрельбы по миноносцам вышла из строя носовая башня «Славы». А немецкие корабли, перестроившись в отдалении, опять пошли в атаку. «Гражданин» всеми орудиями, а «Слава» кормовыми нанесли удар по тральщикам. Но те все же сделали свою работу. Линкоры неприятеля «Кениг» и «Кронпринц» на большой скорости приблизились к русским кораблям и открыли огонь. «Кронпринц» попал двумя снарядами в «Гражданина», а «Кениг» тремя в «Славу». Два снаряда пробили ее борт ниже ватерлинии.

«Слава» сразу набрала через огромные пробоины много воды, нос ее осел, так что даже канал, прорытый на фарватере специально для «Славы», оказался мелким. Двенадцать лет прожил линкор, а вернее — эскадренный броненосец «Слава», и вот наступили последние часы героического корабля. Выход оставался единственный — затопить «Славу», чтобы, и погибшая, она преграждала путь врагу на север, к Петрограду. Командир корабля Л. В. Антонов и комиссары Центробалта А. И. Тупиков и Н. Н. Зуев приказали готовить линкор к затоплению.



«Гражданин» и «Баян» прошли мимо «Славы» по еще свободному фарватеру. Наши эскадренные миноносцы сняли с линкора команду и выпустили по кораблю несколько торпед. Корабль горел всю ночь. Всю ночь в нем происходили взрывы. Утром над водой были видны лишь верхушки надстроек.

...Немцы заняли Моонзундские острова. Но дальше они не продвинулись, не рискнули идти в Финский залив. Враг при высадке десанта и в морских боях потерял 12 эсминцев и множество тральщиков. 3 его линкора, крейсер, 13 эсминцев и несколько тральщиков получили повреждения. Попытка прорваться в Финский залив стоила бы — и немцы это поняли — еще дороже.

Так балтийские моряки начали свою службу революции до того, как революция началась.

РАССУЖДЕНИЯ О ПОБЕДЕ

Вот мы с тобой, дорогой друг, считаем, что русский флот в Моонзундском сражении одержал победу. А какая же это победа? Острова захвачены врагом, Рижский залив тоже, и по линкорам победа у немцев: повреждения на трех линкорах исправят, а «Слава»-то лежит на дне морском...

Близко к слову «победа» стоит слово «достижение». Часто встречается словосочетание «достигли победы». Соседство этих слов не случайно, победа всегда есть достижение чего-то, какой-то цели. И нам, рассуждая о победе в сражении, надо определить: кто достиг в нем цели, какая сторона? У немцев многие признаки победы налицо, но своей цели они не достигли, они ведь не прошли к Петрограду. У русского флота много признаков поражения, но его цель — не пустить врага к Петрограду — достигнута, значит, он победитель.

Даже на одной яблоне вызревают разные яблоки. Победа победе тоже рознь. Как определить, хороша ли победа? Это тоже надо знать, это очень и очень важно. Из древности пришло к нам выражение «пиррова победа». Воинственный и в общем-то опытный в ратных делах царь Эпира Пирр сражался с римлянами. Римляне бежали с поля боя. Но Пирр, узнав, что его войско, как и римское, за день потеряло 15 тысяч воинов, воскликнул: «Еще одна такая победа, и мы погибли». Полководец оказался почти беззащитным перед любым неприятелем. Вскоре Пирр проиграл сражение и сам был убит. Значит, ценность победы, ее важность надо определять по тому, как она скажется на последующих событиях — военных ли, мирных ли.

С такой точки зрения посмотрим мы на победу в Моонзундском сражении. Конечно, нельзя говорить, что без нее не было бы социалистической революции — Россия огромна, революционные силы в ней были большие. Но в том развитии событий, которые произошли на деле, победа русского флота над немецким видится нам важной и очень важной — она как ладонь, прикрывшая от ветра огонек, от которого вся огромная страна вспыхнула революционным пожаром.

Помимо свойства оказывать влияние на последующие события, у победы есть еще важное свойство — вселять бодрость в войска. А это особенно нужно, если впереди ждут новые, более грозные сражения. Командующий сухопутной обороной островов, генерал, предал своих солдат, бежал. А матросов предали сразу четыре адмирала, тоже бежали перед сражением. Бежало много офицеров. И все же корабли сражались не только храбро, но и умело. После сражения моряки еще больше поверили в свои силы, в возможность одержать новую победу — уже в битве за свободу. В старой революционной песне поется: «Смело, товарищи, в ногу! Духом окрепнем в борьбе!» Дух матросов в боях становился все крепче и крепче.

Нам с тобой, дорогой читатель, трудно представить то время, оно было невероятно сложным. Сохранить, а тем более укрепить силу духа в сложностях того времени было непросто. Старая жизнь с ее порядками, законами, привычками рушилась, а новая только зарождалась. Старую жизнь можно сравнить с огромной и безобразной грудой ржавого железа; большевик-металлург переплавлял ее в сверкающую сталь. В те октябрьские дни новой стали еще не было, и старого железа уже не было — металл был в расплавленном состоянии. Многих это пугало, многие не представляли, какого качества будет слиток. Многие боялись, как бы не разрушилась от небывалого накала сама плавильная печь, не вытекла бы из нее расплавленная масса... Что тогда будет с людьми, с Россией?

А у печи, если продолжить сравнение, был не один большевик. Вокруг суетилось множество разных лиц, тогда было много разных партий, и каждая норовила сварить металл по своему рецепту. Эсеры, меньшевики, кадеты, монархисты и анархисты — все они наскакивали на металлурга, мешали ему работать, порочили мастера перед народом, обещали рабочим и крестьянам сделать все лучше, чем делает он.

Сравнения сравнениями, одни они не очень-то ясны. Прибавим к ним конкретный случай. В 1917 году был построен эсминец «Изяслав». Совсем еще новенький, он участвовал в последних боях около Моонзундских островов — на Кассарском плесе. Во время боя с вражескими миноносцами одно орудие «Изяслава» вдруг перестало стрелять. Заряжающий стоял в обнимку со снарядом и не двигался. Наводчик выкрикивал энергичные словечки, но матрос их не слышал, он, как говорят, находился в состоянии шока — от испуга. Артиллерийский офицер, подбежавший к орудию, сразу понял, в чем дело, и стукнул заряжающего в ухо. «Лекарство» подействовало мгновенно, матрос пришел в себя и исправно подавал снаряды.

Случилось так, что эсминец погнул винты. После того как бой закончился, ему надлежало идти на ремонт в базу у Гангута. Идти надо было одному, пересекая широкое устье Финского залива, а там сторожили одиночек и подводные лодки, и крейсеры, и самолеты противника. Весь экипаж был взволнован, однако не опасностью перехода, а другим — назревал самосуд над офицером, ударившим заряжающего. «Царская власть кончилась, а ее порядки остаются! — рассуждали мат-

росы.— Офицер был барином, барином и остался». Все верно. Ведь бежал с «Изяслава» перед сражением командир минной дивизии; очень храбрый и умелый, он знал, что значит оставить все эсминцы на произвол судьбы. За месяц до этого матросы утопили злобного бульдога, которого держал на эсминце старший офицер — сторонник царского строя, люто ненавидевший революцию и матросов; не дожидаясь, когда и его выкинут за борт, он сам убрался с корабля.

Обстановка на эсминце все больше накалялась. Уже пахло расправой не только над артиллерийским офицером, но и над всеми остальными. И многие из офицеров кляли себя, что не ушли с корабля, когда он готовился к выходу в море, и думали они так: «Нет, никогда матросы не простят нам принадлежности к классу господ, примирение невозможно». А ведь несколько часов назад все были дружны в опасном бою за революцию. Больше всех страдал в те минуты от неустойчивости бытия молодой мичман Иван Исаков. Это был его первый корабль, первый бой и, могло быть, последний день жизни. У него не было в родне дворян, он поступил в Морской корпус, когда в связи с войной стали зачислять в него не только детей дворян, но и студентов. А разве есть в этом разница для матросов? Офицер!..

Мы с тобой, читатель, к этому эпизоду пришли от разговора о том, что в Моонзундском сражении окреп боевой дух балтийских моряков. Но какая же это крепость духа, когда рядовые хотят вздернуть на мачту своих командиров — без суда и следствия? Они даже не думают, что без офицеров просто не смогут вести корабль, тем более воевать на нем... Подожди. Дело это кончилось собранием команды, на котором матрос-большевик спросил матроса-эсера (председателя судового комитета), как бы он «лечил» заряжающего, если бы в ту злосчастную минуту оказался рядом с ним? Это ведь не шуточное дело — оставить орудие без снарядов, когда неприятель ведет ураганный огонь. И собрание после споров и криков решило: не считать этот случай старорежимным мордобитием. Уже без происшествий «Изяслав» пришел в базу. Правда, офицер-штурман дезертировал с эсминца при первой возможности. Но мичман Исаков остался, и другие остались, потому что почувствовали: есть на корабле и во всей меняющейся жизни сила, которая справедлива, тверда и дальновидна,— это большевики. Не пройдет и месяца, как команда «Изяслава» — после Октябрьской революции — будет простым голосованием избирать своих командиров. Старшим офицером, на место того, что травил матросов бульдогом, она изберет юного мичмана Ивана Степановича Исакова. А ему будет суждено стать одним из знаменитых советских адмиралов.

ЦЕНТРОБАЛТ

На «Изяславе» большевиков было мало, и все же они вели за собой матросов, а не эсеры, не меньшевики, не анархисты. На старых же кораблях большевистские организации насчитывали сотни матросов, на линкоре «Республика» служило 520 большевиков. Большевистским был и Центробалт, хотя в него входили и представители других партий. А что такое Центробалт? Слово расшифровывается так: Центральный Комитет Балтийского флота. Он был избран моряками после Февральской революции, после того, как свергли царя. Моряки поручили комитету изжить царские порядки на флоте и контролировать действия офицеров. Авторитет Центробалта был так велик, что без его согласия корабли отказывались выполнять распоряжения Временного правительства. В Моонзундское сражение корабли послал Центробалт. Он же пошлет корабли и отряды моряков в Петроград для участия в Октябрьском вооруженном восстании.

Дыбенко П. Е.

Замечательного человека избрали матросы председателем комитета — матроса с линкора «Республика» Павла Дыбенко. Дыбенко на этом корабле, когда назывался он «Император Павел I», был в числе руководителей восстания. Флот знал его как очень энергичного человека, хорошего организатора. Даже сама его внешность подкупала людей. Это был красивый человек, крепкого телосложения, с мужественным лицом.

Жизнь Павла Ефимовича Дыбенко вся без остатка была отдана служению партии и народу. Сделав много для победы революции, он потом отстаивал ее в боях гражданской войны — в Крыму, на Кавказе, на Волге. Три ордена Красного Знамени — вот как высоко была оценена его военная деятельность. После гражданской войны он окончил академию, командовал войсками Среднеазиатского округа. Написал книги: «Военная доктрина и эволюция армии», «Из недр царского флота к Великому Октябрю», «Мятежники». Даже

если так коротко знать жизнь Павла Ефимовича, нельзя не удивиться, как не ошиблись моряки, выбрав этого человека руководителем революционного флота.

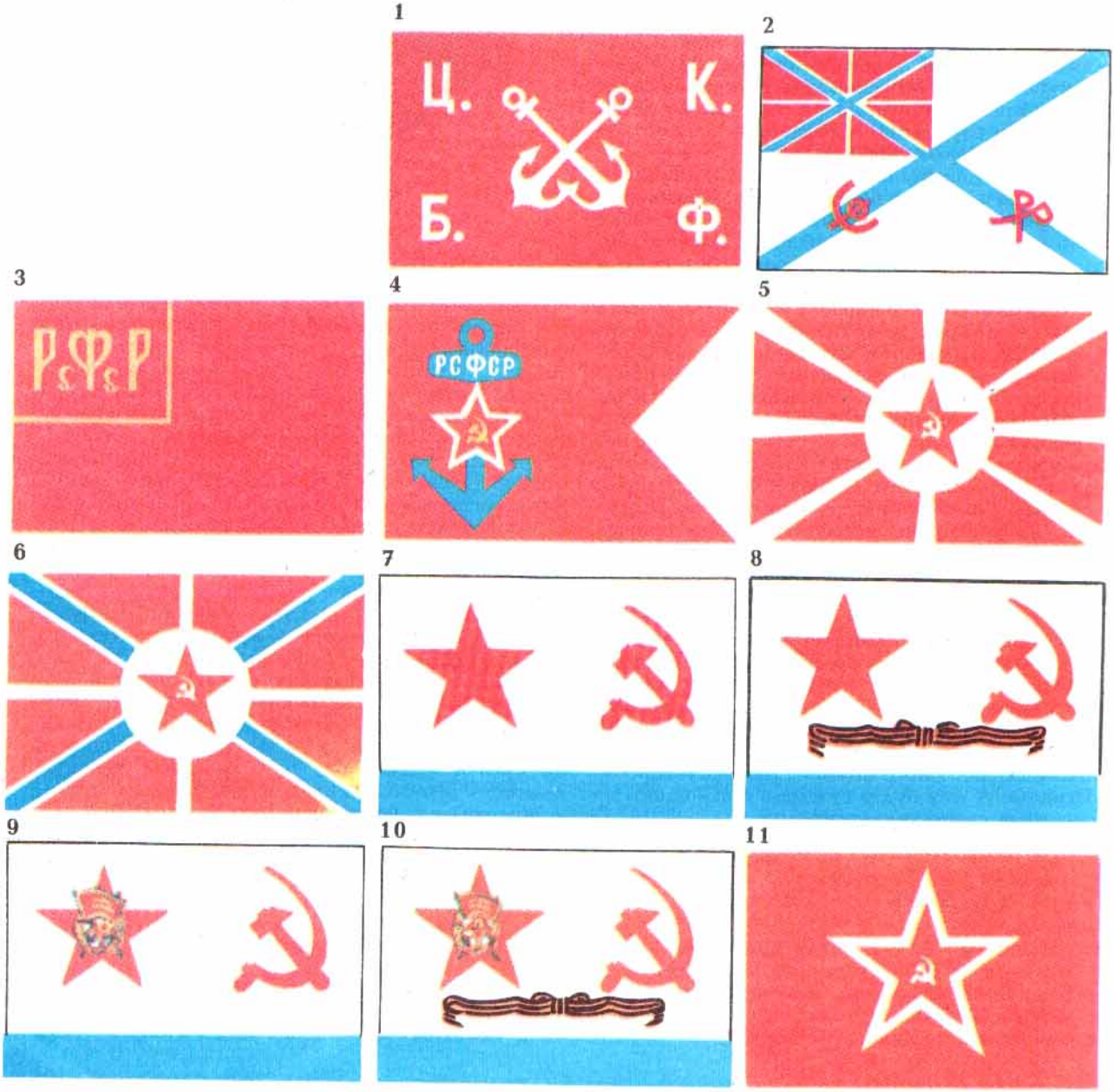
ФЛАГИ КОРАБЛЯ

Историки, подсчитывая трофеи, взятые войсками Суворова, на первое место поставили не 2670 пушек, не 107 судов, а 609 знамен неприятеля.

Готовясь к бою с японской эскадрой, командир «Варяга» приказал стоять у флага самым храбрым матросам. Если флаг был бы сбит, они тут же должны были поднять его: нет флага — значит, корабль сдается.

Во все времена флаг или знамя для военного человека были святыней. Высокой доблестью считается захват вражеского знамени и бесчестием — потеря знамени своего. Если потеряно знамя, пусть это случилось в полку, в дивизии, полк, дивизия расформировываются. Но пусть вся дивизия пала в бою, а знамя спасено, и дивизия восстанавливается, снова живет боевой жизнью.

В годы Великой Отечественной войны произошла прямо-таки ужасная вещь: за потерю знамени пришлось расформировать старейшую дивизию нашей армии, славой с которой могла сравниться разве только что 25-я Чапаевская,— 24-ю Самаро-Ульяновскую Железную дивизию. Когда было совершено покушение на Ленина, эта дивизия отчаянной атакой выбила белогвардейцев из Симбирска. Командир Гай тогда послал телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич, взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара». Ленин ответил: «Взятие Симбирска — моего родного города —



есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы». Прошло несколько дней, дивизия сдержала обещание — взяла Самару.

Горько было вычеркивать такую дивизию из списков армии! Нужно было мужество, чтобы сделать это. Но иначе нельзя — знамя потеряно...

Как радостно, как счастливо нам с тобой, дорогой друг, узнать, что знамя 24-й не досталось фашистам. Дивизия была снова собрана под своим знаменем, она живет с ним до сегодняшнего дня. Послушай, как было спасено знамя.

В первых числах августа 1941 года в село Анютино Могилевской области ворвалась мотопехота фашистов. Трое наших бойцов, отступавших из села, залегли на улице, отстреливались из винтовок, но все трое были убиты. Старый житель села Дмитрий Николаевич Тяпин после боя стал хоронить красноармейцев. У одного под телогрейкой оказался сверток, в нем и было знамя дивизии.

Дмитрий Николаевич прекрасно знал, какая будет ему кара, если немцы узнают, что он спрятал знамя. Но он знал также и цену военной святыни. А смелости ему было не занимать — в первую мировую войну молодой солдат получил три Георгиевских креста. Тяпин берег свой тайник до возвращения армии в Белоруссию. Как только выяснилось, что знамени не касались фашисты, так и собрали под него из других частей бойцов и командиров Самаро-Ульяновской Железной.

Дмитрия Николаевича наградили за спасение знамени орденом Красного Знамени (обрати внимание, самый первый советский орден называется «Красное Знамя»). Тяпин получил еще одну награду — самую редкую: был зачислен навечно в списки одного из полков дивизии. Старый колхозник не захотел быть только почетным солдатом, захотел он быть солдатом и самым обыкновенным: попросил, чтобы самароульяновцы взяли его с собой — дивизия гнала фашистов на запад. Тяпина взяли, но все же не простым солдатом, его назначили знаменщиком. Вот что удивительно. Тяпину еще раз пришлось спасать знамя. В конце 1944 года большая группа немцев прорвалась к штабу дивизии. Дмитрий Николаевич, защищая знамя, застрелил из автомата 12 фашистов. Еще один орден Красного Знамени прибавился на мундире 65-летнего воина. Дмитрий Николаевич прожил долгую жизнь — больше 90 лет. После войны часто бывал в своей дивизии. Там и теперь в одной из рот стоит его кровать. А на вечерней поверке первой выкликается его фамилия.

Но почему так важны военные знамена и флаги? Как пришло к ним это великое значение?

Представь себе сражение далеких времен. Сошлись два войска. Сшиблись, как две стены, навалились друг на друга. А потом смешались. И вот уже сражение распалось на отдельные бои. Летят стрелы, падают люди и лошади, звенят мечи, ломаются копья: где свои? Где враги? Где решающее место схватки? Все это узнает воин, взглянув поверх голов сражающихся,— над полем боя реет стяг, он созывает к себе воинов. Около стяга самая горячая схватка. В старину вместо «готовиться к бою, строиться» говорили «ставить стяг». Дружинники клялись в верности князю: «Ты — наш князь, где узрим твой стяг, там и мы с тобой!» Подстягой назывался обряд посвящения маленького мальчика в воины. Отец-дружинник клал перед ним обнаженный меч, потом сажал сына на коня и провозил перед товарищами, завещая будущему воину боевого коня, оружие и верность стягу-знамени. Как видишь, в древности без стяга, без знамени просто-напросто было бы труднее сражаться, потому-то еще в древности воспитывалось уважение к знамени, почитание его святыней.

В рассказах о флоте, начиная с петровских времен, мы часто упоминали андреевский флаг — белое полотнище с голубым диагональным крестом. Начав строительство кораблей, Петр I учредил и военно-морской флаг (сохранился рисунок вымпела, который собственноручно сделал Петр I). А почему флаг назывался андреевским? По библейской легенде Христос посылал в разные страны своих учеников для проповеди христианства. Первым он позвал для этого дела Андрея. Поскольку Андрей был первым, получил он дополнение к имени — Первозванный. Андрею Первозванному достались земли, лежащие по берегам Черного моря. Русская церковь по этой причине стала считать его покровителем русской земли. К слову, первый русский орден и самый высокий назывался орденом Андрея Первозванного. Ты помнишь: многие русские корабли тоже назывались именами святых. Гвардейский флаг, врученный «Азову», был как бы дважды святой — на андреевском полотнище красный щит с изображением Георгия Победоносца. Такая уж была эпоха...

Кончилась та эпоха. Началась новая. Ей потребовались новые флаги. Новый — красный флаг — поднялся на броненосце «Потемкин» в 1905 году. Но это был не специальный военно-морской флаг. Близким к специальному можно считать, пожалуй, флаг Центробалта. Он был поднят в самом начале 1917 года на пароходе «Виола», где размещался Центробалт (1).

Свои особые флаги поднимают на кораблях командующие флотами, старшие и младшие флагманы — командиры эскадр и соединений. В декабре 1917 года, после Октябрьской революции, должность командующего флотом была упразднена, коллективным командующим стал военный отдел Центробалта. Он взял себе прежний флаг командующего, но добавил на полотнище красные буквы СФ и РР — свободный флот Российской Республики (2).

Официальный советский военно-морской флаг утвердил в 1918 году V Всероссийский съезд Советов (3). А до этого на кораблях были красные флаги без эмблем и надписей.

В 1920 году флаг нашего флота изменился. На нем появились якорь и ставшая неотъемлемой эмблемой всех флагов пятиконечная звезда с серпом и молотом (4).

В 1922 году в жизни страны произошло очень важное событие — республики объединились в Союз Советских Социалистических Республик — СССР. В связи с этим военно-морской флаг снова изменился — красное полотнище, на нем белое

солнце с лучами, в середине солнца пятиконечная звезда (5).

Есть еще морской флаг, который называется гюйс. Он поднимается ежедневно на носу кораблей первого и второго ранга (на линкорах, крейсерах, эсминцах, больших подводных лодках), но только если корабль не в походе, а стоит на якоре. Такой флаг поднимается и в морских крепостях. Гюйс в те годы был такой же, как дореволюционный, но в середине изображалась звезда (6).

В 1935 году был утвержден флаг, который и по сегодняшний день увенчивает советские корабли (7).

Военно-морской флаг СССР присваивается всем кораблям — большим и маленьким. При стоянке на якоре он поднимается на кормовом флагштоке, на ходу — на гафеле, на рее кормовой мачты.

У гвардейских кораблей флаг несколько иной — добавлена гвардейская оранжево-черная лента (8).

Корабль, награжденный орденом Красного Знамени, имеет на флаге поверх звезды изображение ордена (9).

Особо отличившийся корабль может быть и гвардейским и Краснознаменным. Оба отличия есть на его флаге (10).

Гюйс стал представлять собой красное полотнище, в середине его в белой кайме звезда с серпом и молотом (11).

Кроме флагов, корабль имеет еще вымпел — длинный узкий флаг с косицами. Вымпел поднимается на грот-стеньге, когда корабль находится в кампании. Спускается он только при выводе корабля из кампании или во время ремонта.

Если на корабле находится должностное лицо, которому присвоен флаг или брейд-вымпел, то такой флаг или брейд-вымпел поднимается вместо обычного вымпела.

На кораблях первого и второго ранга и в соединениях других кораблей есть еще знаменные флаги. Это Военно-Морской флаг СССР, прикрепленный к древку. Под ним моряки выходят на парады и демонстрации на берегу. Сам корабль в праздничные дни поднимает вдобавок к другим флагам флаги расцвечивания и Государственный флаг СССР.

В военное время Государственный флаг поднимается на корабле в самые грозные часы — при обнаружении противника и в бою.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дорогой друг! Мы с тобой говорили о многих военачальниках. Они прошли перед нами в пурпурных плащах, в сверкающих шлемах, закованные в латы, в мундирах, украшенных орденами. А теперь у нас разговор о военачальнике, который никогда не носил военной формы, звание его было — почетный красноармеец и почетный моряк. Наш разговор теперь о Владимире Ильиче Ленине.

Ленин был не только гениальным стратегом, о чем всем известно. Он был и блестящим командиром-оператором, то есть таким командиром, который умеет спланировать военную операцию и осуществить ее на поле боя. Давай посмотрим, как Владимир Ильич руководил, командовал вооруженным восстанием в Петрограде.

ИСКУССТВО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Александру Васильевичу Суворову принадлежат слова, которые каждый командир обязан помнить как «дважды два — четыре». «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство». Нельзя думать, что и восстание победит лишь благодаря храбрости и героизму его участников. Для достижения победы героизм должен сочетаться с искусством восстания.

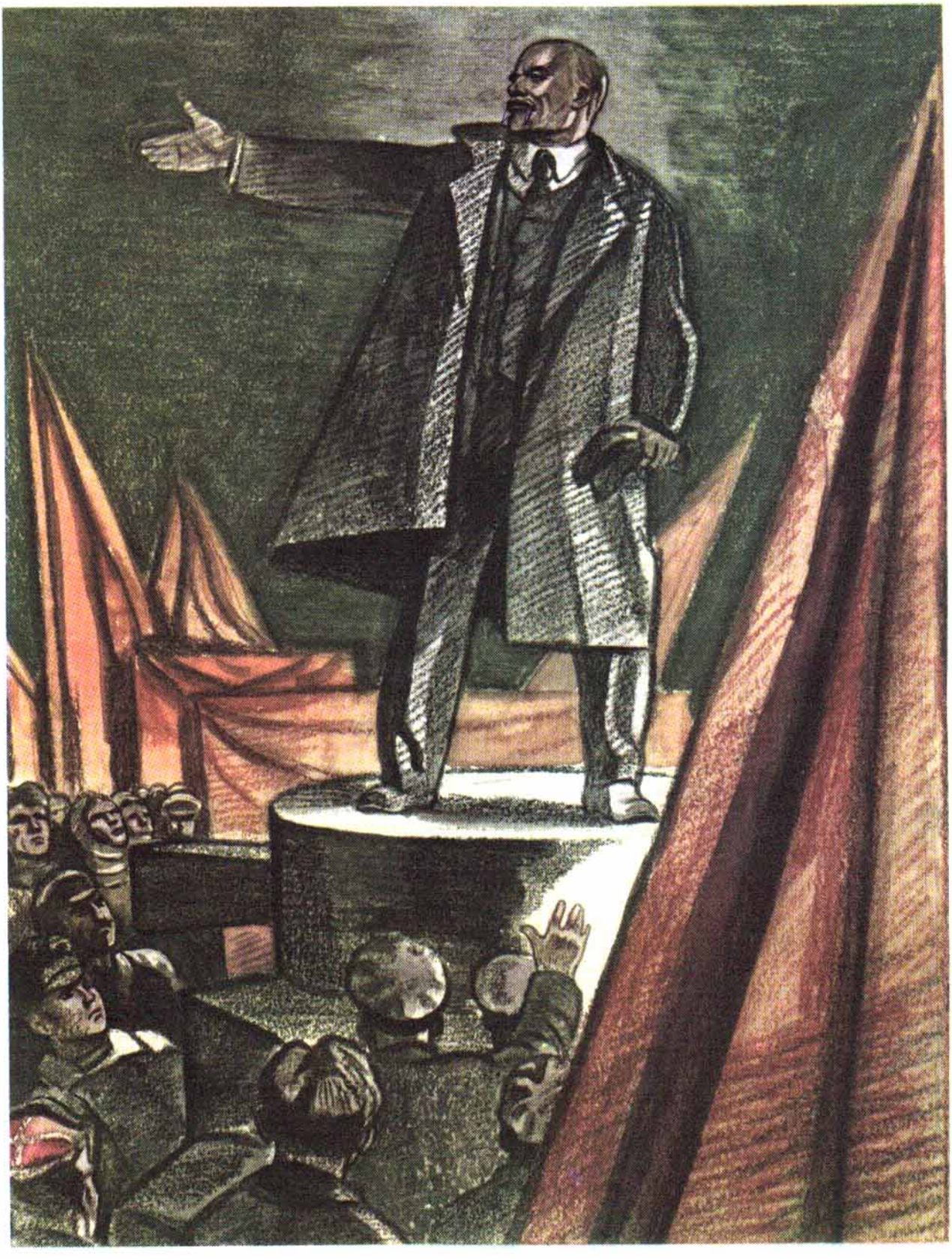
Военное и военно-морское искусство ведут развитие с далеких времен. Множество полководцев и флотоводцев обогатили их своими открытиями. Искусство вооруженного восстания гораздо моложе, первыми его теорию и правила начали разрабатывать Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Конечно, правила военного искусства и искусства вооруженного восстания схожи — ведь в обоих случаях речь идет о вооруженной борьбе, так в обоих случаях необходимо:

точно оценить силы врага;
наметить места главных ударов;
создать там перевес в силах;
выбрать для начала действий самый благоприятный момент;
быстро принять правильное решение, если обстановка изменится.

При этом военачальник должен обладать мужеством принять на себя ответственность за исход операции, должен он обладать и личной храбростью.

Но есть в искусстве восстания и особенности. Вот как писал о них Фридрих Энгельс:

«Восстание... подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении. Эти правила... ясны и просты... Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет раньше еще, чем померилось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое



успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильными и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя...»

СИЛЫ СТОРОН И НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

В октябрьские дни 1917 года подсчитать силы противника и даже свои собственные было невероятно сложно. Посуди сам: всю русскую армию, подчинявшуюся Временному правительству, вроде надо было бы отнести к числу неприятеля. Но огромное множество солдат и матросов было за революцию, за большевиков. Казалось бы, что в сторонники революции можно зачислить всех рабочих и крестьян. Но и тут дело было непростое: кадеты, меньшевики, эсеры вели среди народа свою агитацию, ставили свои цели, и какая-то часть людей верила им, шла за ними, а не за большевиками.

Только Ленин, гениальный вождь трудящихся, смог заметить тот момент, когда силы сторонников революции превзошли силы старого мира. Конечно, нельзя было сосчитать революционных рабочих, солдат, матросов и крестьян, как считают перед войной дивизии, но в этом и не было необходимости. Главное — их было уже больше, и во главе их стояло, что было известно точно, 350 тысяч коммунистов.

Ленин и Центральный Комитет партии наметили для восстания два центра: Петроград и Москву. Наибольшее значение для захвата власти имел Петроград. Он был столицей страны. В нем находилось Временное правительство. Низложение правительства, захват важных государственных учреждений, которые тоже находились в этом городе, сразу поставили бы в тяжелое положение врагов по всей стране. К этому надо добавить, что петроградские рабочие были за революцию, а их военные отряды — Красная гвардия — вполне боеспособными. Только большевиков в Петрограде было 50 тысяч. Рядом с городом находился революционный Балтийский флот. Поблизости, в Финляндии, которая в то время входила в состав России, и в Ревеле (Таллине) войска тоже поддерживали большевиков. Пройдет небольшой срок, большевики получат телеграмму и от латышских стрелков: «40 тысяч наших штыков — в распоряжении Питерского Совета...»

Были, как обычно бывает, и в районе Петрограда свои минусы. В городе размещалось много офицерских школ, верных правительству. Недалеко проходила линия фронта — ведь шла первая мировая война, правительство могло снять с позиций верные ему части, бросить их против восставших. Наконец, в революцию могли вмешаться немцы. Хотя они и получили отпор на море, но была к Петрограду и сухопутная дорога... Медлить с восстанием было нельзя. 10 октября (по новому стилю 23-го) Центральный Комитет большевиков принял предложение Владимира Ильича Ленина о вооруженном восстании.

ПЛАН-ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Ты сейчас прочтешь план восстания, разработанный Лениным. Читай не торопясь. Сравни требования и указания Владимира Ильича с правилами военного искусства и с правилами вооруженного восстания, написанными Энгельсом. Обрати внимание на то, как эти правила применяются Лениным к обстановке и условиям, сложившимся в России в октябре 1917 года.

Вот что писал в своем плане Ленин: «...одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление **всего** флота, скопление **гигантского перевеса** сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров) наших «вандейских войск»* (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши **три** главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой **каких угодно потерь** были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить **самые решительные** элементы (наших «ударников» **и рабочую молодежь,** а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и **для участия** их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, **требующая искусства и тройной смелости**.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: **погибнуть всем, но не пропустить неприятеля...**

Успех... революции зависит от двух-трех дней борьбы».

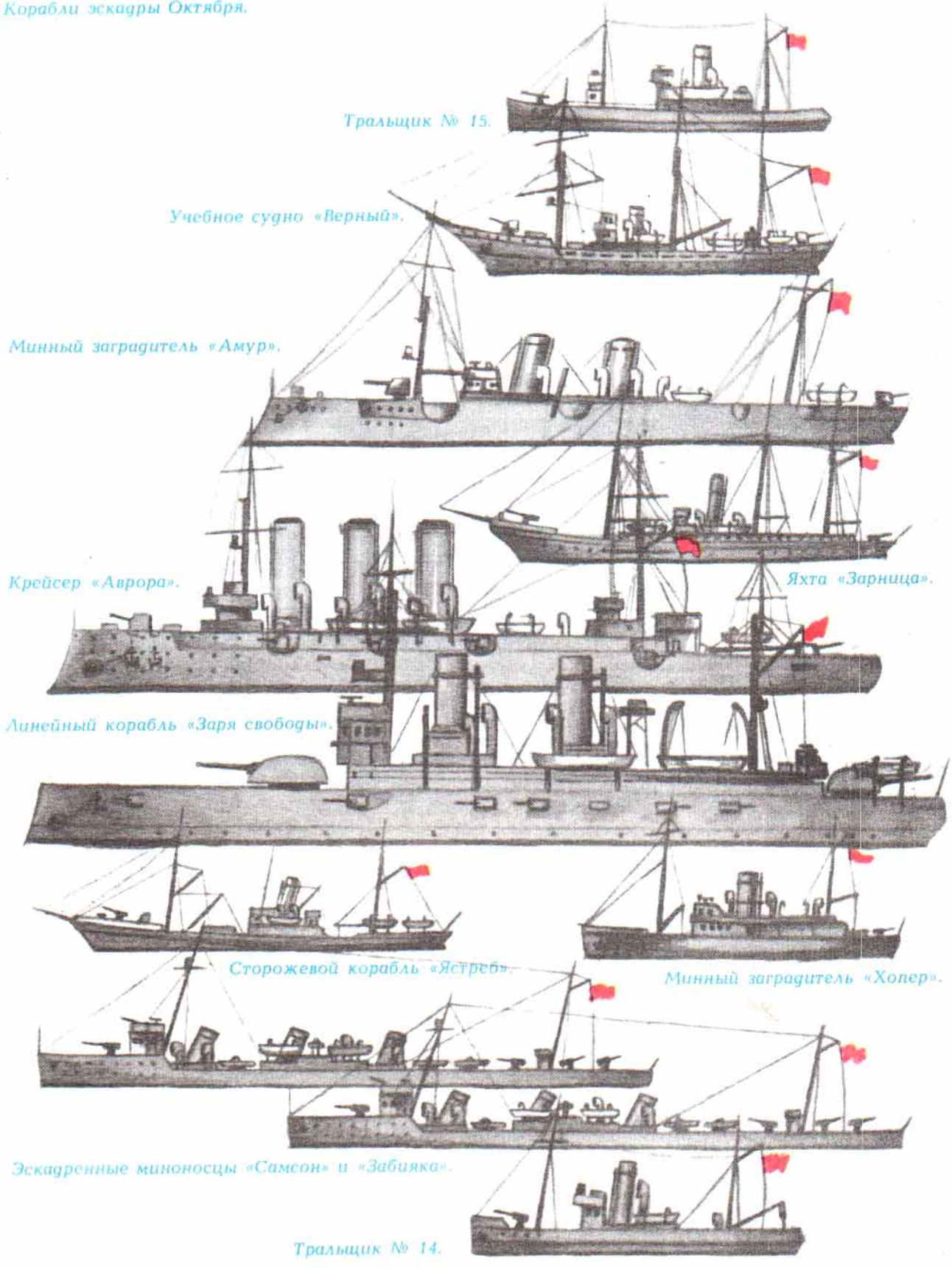
Как видишь, план Ленина, а говоря военным языком, его приказ к штурму, прост и точен. Город отрезается от всей страны, и внутри его проходит стремительный двух-трехдневный бой, в результате которого власть переходит к народному правительству, а правительство помещиков и капиталистов свергается.

Чтобы выполнить первую часть приказа, чтобы отрезать город от враждебных сил в стране, предусмотрен захват железнодорожных станций — только по железным дорогам враг может получить подкрепление. Морские пути он не сможет использовать для этого — они уже в руках революционных матросов.

Для исполнения (одновременно с первой частью) второй части приказа — свержения правительства и разгрома его защитников — необхо-

* Вандея — область на западе Франции, там жило много богатых крестьян-кулаков, из которых формировались отряды, отличавшиеся зверствами и жестокостью в борьбе с горожанами — участниками французской революции 1792 года. «Буржуазная гвардия» — французская буржуазия свергла короля при огромной поддержке простого люда, а когда народ потребовал свою долю власти, для борьбы с ним и была создана «буржуазная гвардия».

Корабли эскадры Октября.



Тральщик № 15.

Учебное судно «Верный».

Минный заградитель «Амур».

Крейсер «Аврора».

Яхта «Зарница».

Линейный корабль «Заря свободы».

Сторожевой корабль «Ястреб».

Минный заградитель «Хопер».

Эскадренные миноносцы «Самсон» и «Забияка».

Тральщик № 14.

димо «в первую голову» захватить десять мостов внутри города, иначе рабочие отряды с заводских окраин не смогут попасть в правительственную часть Петрограда.

Стоит ли говорить, как важно овладеть центрами связи! Эта задача поручается небольшим, но до конца надежным отрядам красногвардейской молодежи и матросов.

Центральный Комитет большевиков принял решение о восстании. Для непосредственного руководства был создан Военно-революционный комитет — ВРК.

МОМЕНТ ВНЕЗАПНОСТИ УТЕРЯН

Подготовка к восстанию еще не была закончена, как случилось предательство. Члены ЦК Каменев и Зиновьев, не веря в успех восстания, написали в меньшевистской газете о намерениях большевиков. Они надеялись, что после этого Центральный Комитет будет вынужден отменить восстание.

Временное правительство сразу же приняло свои меры. Оно решило вывести из города части, настроенные революционно, и ввести надежные войска с фронта. Зимний дворец — резиденция правительства — и все важные учреждения были окружены караулами казаков и юнкеров. Мосты были взяты под охрану и разведены — подняты, как во время прохода под ними судов. Телефонная станция отключила телефоны Смольного, где находились Военно-революционный комитет и члены Центрального Комитета партии. Сам Смольный было приказано захватить, Ленина, членов ЦК ВРК арестовать. Вот как нежданно-негаданно из-за предательства Каменева и Зиновьева осложнилась обстановка. Внезапного удара по врагу не получилось. А ведь внезапность, как мы знаем,— первое условие для победы решившихся на восстание.

ВСЕ РЕШАЕТ БЫСТРОТА

Но и для такой обстановки план Ленина оставался единственно правильным. Только потерю внезапности надо было возместить самыми быстрыми и решительными действиями. Владимир Ильич в те дни по решению ЦК скрывался от шпионов Временного правительства на квартире революционерки Фофановой. Торопя товарищей, он послал им письмо: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все».

Письмо было отправлено вечером. А ночью Владимир Ильич, нарушив запрет ЦК, пошел в Смольный. Главнокомандующий революции в такое время должен был находиться в своем штабе, чтобы ежечасно, ежеминутно следить за ходом операции. «Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными,— говорил Энгельс,— ценность которых может изменяться каждый день». В Петроградском вооруженном восстании обстановка менялась буквально каждый час.

Риск для Ленина был очень большой. В городе еще не свистели пули, но Ленина постоянно искали сотни глаз. Временное правительство, его контрразведка прекрасно понимали, что значит оставить большевиков, революцию, весь трудовой народ без вождя. Но мы не можем упрекнуть Владимира Ильича в неоправданном риске. Это был тот решающий момент, когда полководец выходит в первую цепь бойцов. С Лениным был связной ЦК рабочий-финн Эйно Рахья. Они шли по улицам темного, безмолвного города. Парик и щека, подвязанная платком,— будто зуб болит, изменили внешность Владимира Ильича. Но пропуска ни у него, ни у провожатого не было. И когда два конных крикнули: «Стой! Пропуск!», Рахья приготовился до конца выполнить поручение партии — сберечь жизнь Ленину. Однако обошлось без выстрелов. Пока Рахья, прикинувшись непонимающим, спорил с юнкерами, Владимир Ильич ушел далеко вперед. Конные решили не связываться с полуночным гулякой и ускакали.

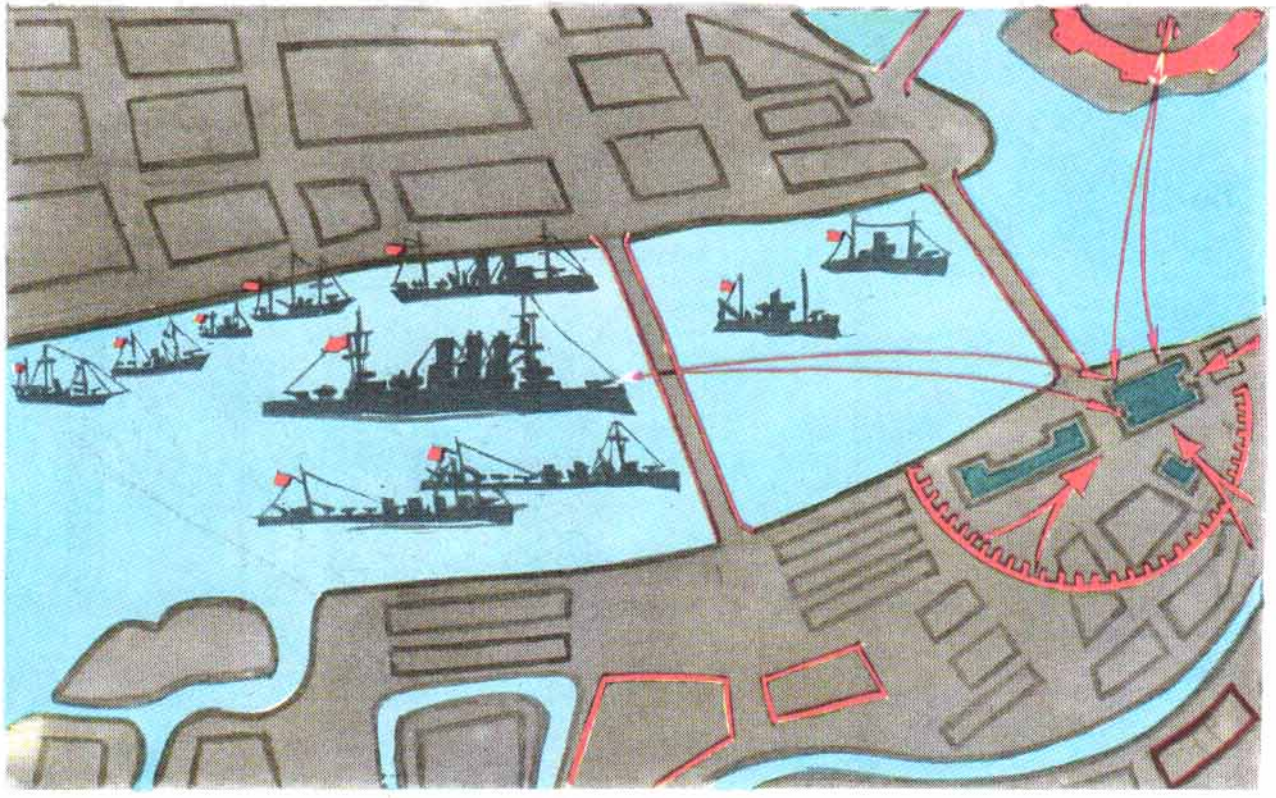
Теперь было уже недалеко до Смольного. Чем ближе подходил к нему Ленин, тем оживленнее становилось на улицах. Грелись у костров караулы солдат и красногвардейцев, шли отряды рабочих, матросов, спешили автомобили, броневики — одни направлялись в Смольный, другие, получив приказ, держали путь в разные части города. На действия Временного правительства большевики ответили своими энергичными действиями. Около 600 комиссаров Военно-революционного комитета уже были в полках и батальонах гарнизона, в арсеналах, на кораблях и предприятиях города, на местах организовывали выполнение исторического приказа.

«УСТАВ» ВЫСЛАН

Мы с тобой, дорогой читатель, оставили Центробалт на пароходе «Виола» в Гельсингфорсе. Перед восстанием красный флаг со скрещенными якорями и буквами ЦКБФ был перенесен на яхту «Полярная звезда», имевшую хорошую радиостанцию. Центробалт ждал из столицы шифровку. 24 октября в восемь часов вечера радиотелеграфист яхты принял ее: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Свердлов». Поскольку до этого момента большевики флота — и в Гельсингфорсе, и в Ревеле, и в Кронштадте — проделали огромную работу, разъясняя морякам их обязанности перед революцией, «устав» без промедления был выслан: в Петроград ушли боевые корабли с пятитысячным десантом, почти пятитысячный отряд моряков отправился по железной дороге.

Как легко писать об этом сейчас, и как было трудно тогда все это осуществить! Сколько всякого противодействия пришлось преодолеть руко-

водителям восстания! Тут и запреты властей, и отказ офицеров вести корабли, и сомнения простых матросов. Но большевики все преодолели. Командующий Балтийским флотом контр-адмирал Развозов 25 октября доносил главнокомандующему Северного фронта: «Невзирая на мой протест, непосредственным распоряжением Центробалта в Петроград было послано даже четыре миноносца и отменено еще ранее отданное мною приказание находившемуся в Петрограде и окончившему ремонт крейсеру «Аврора» присоединиться



Корабли Балтийского флота вошли в Неву.

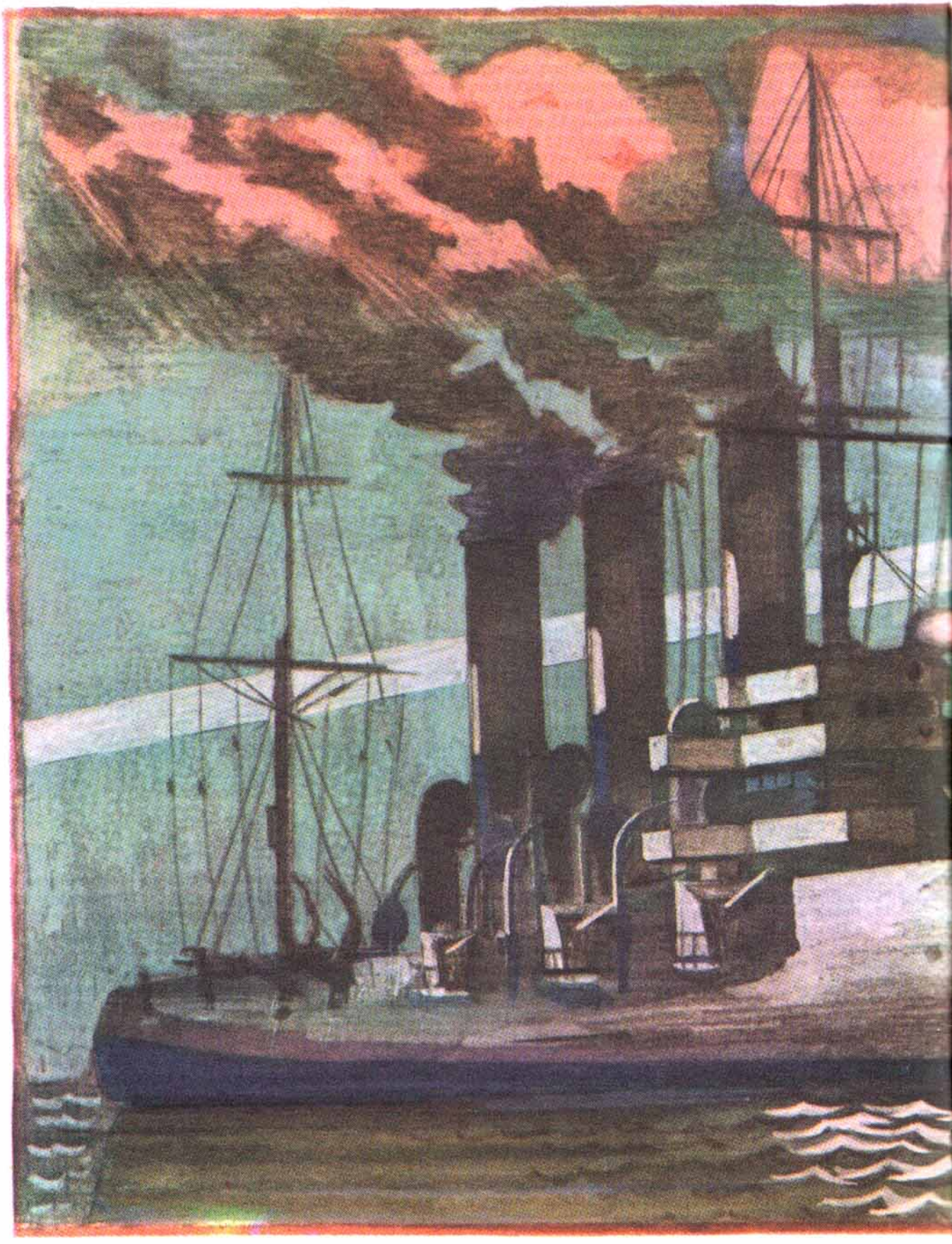
к флоту. Препятствовать этому я не имел никакой возможности... Прошлой ночью члены Центробалта довели до моего сведения, что ими будут посланы в Петроград крейсер «Олег» и миноносец типа «Новик» для поддержки Совета. Я заявил категорический протест... Несмотря на это, сегодня по радио за подписью судового комитета крейсера «Олег» мой штаб был уведомлен, что во исполнение приказания Центробалта крейсер выходит в Петроград». Это противодействие властей. А сомнения матросов? Послушаем матроса-комендора В. Ф. Купревича с эсминца «Самсон»; славный корабль был в числе тех, что участвовали в восстании, он стоял на Неве рядышком с «Авророй».

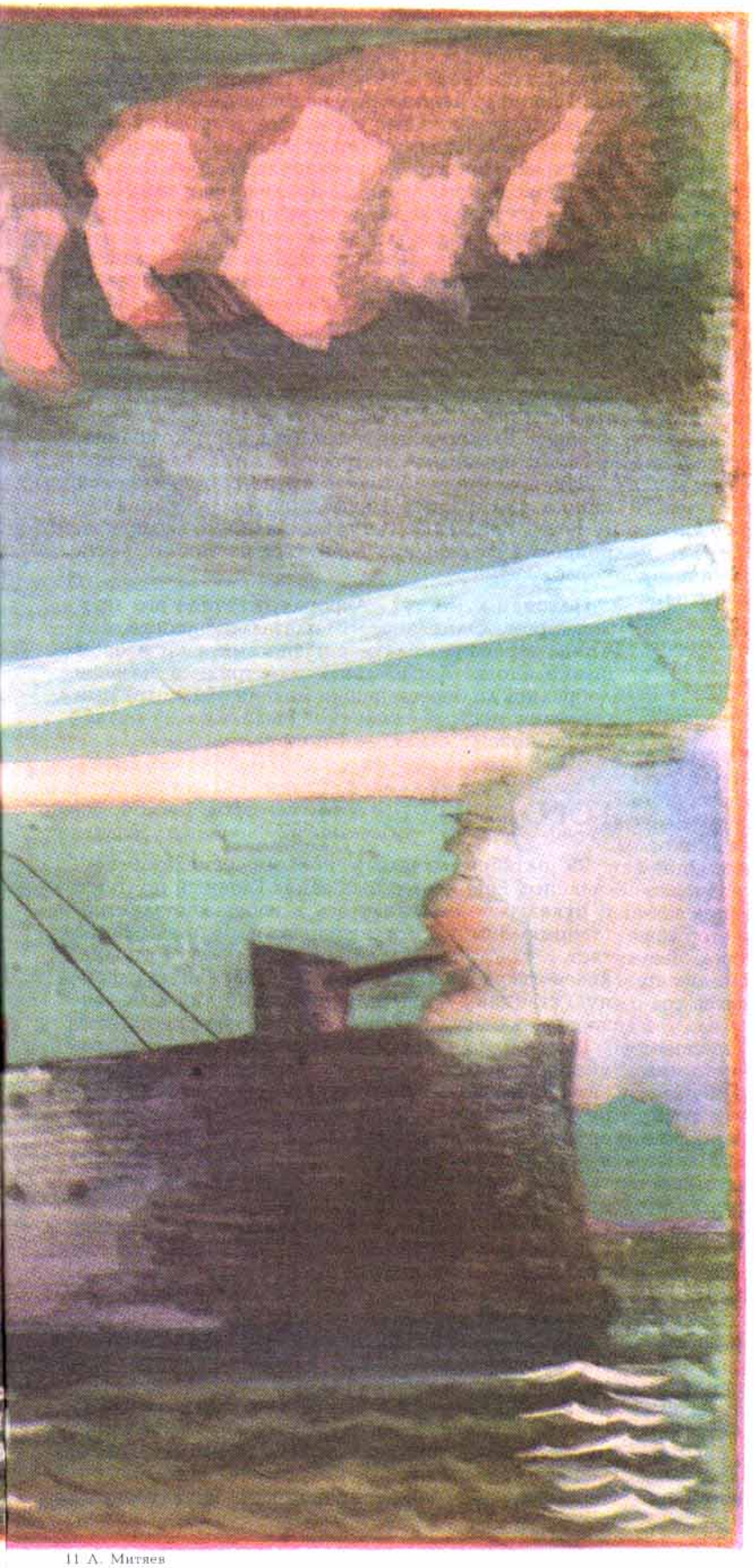
«...наш эсминец «Самсон» получил предписание Центробалта срочно выйти в Петроград... На собрании часть личного состава высказалась против такого похода. Мне поручили выступить в защиту немедленного выхода миноносца в Петроград. Затем взял слово член судового комитета Сергей Волков. Он закончил выступление твердым заверением: «Приказ революции выполним».

Утром 25 октября «Самсон» вместе с другими миноносцами взял курс на Петроград. Перед отходом на борт миноносца мы приняли десант — 130 человек с других кораблей. Это были матросы преимущественно с линейного корабля «Республика». По пути миноносцы зашли в Кронштадт, где получили стрелковое оружие, боеприпасы и продовольствие... При подходе к Петрограду на «Самсоне» от фока до грота растянули огромное красное полотнище с надписью «Вся власть Советам!».

Их было пятнадцать — целая эскадра — кораблей, которые примут непосредственное участие в восстании и в защите его в первые дни от контрреволюции: линейный корабль «Заря свободы», крейсеры «Аврора» и «Олег», эсминцы «Самсон», «Забияка», «Победитель», «Меткий», «Деятельный», минные заградители «Амур» и «Хопер», сторожевой корабль «Ястреб», тральщики № 14 и № 15, учебный корабль «Верный», яхта «Зарница», а еще вспомогательные суда — катера, баржи, буксиры.

Скоро пойдут в Петроград корабли из Гельсингфорса, Ревеля, Кронштадта, поедут поезда с матросами. Много часов пройдет, пока моряки прибудут





11 А. Митяев

Белышев А. В.

Выстрел «Авроры».

в город. А там уже идет восстание, его начали красногвардейцы и рабочие заводов, солдаты и матросы гарнизона.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Первый отпор врага получил в типографии газеты «Рабочий путь» (под таким названием тогда выходила «Правда»). Юнкера захватили типографию, но революционные солдаты выгнали их. Газета вышла с призывом к решительному бою. (Юнкера — воспитанники военных училищ, готовившиеся к офицерскому званию.)

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Весь ее гарнизон перешел на сторону революции, сопротивлялся только комендант, которого посадили под арест в самой крепости. Овладение крепостью было важной победой, она держала под огнем своих орудий близлежащий мост и Зимний дворец с подступами к нему. Рядом находился Арсенал, в котором хранилось 100 тысяч винтовок,— он тоже попал в руки восставших.

Как и гарнизон крепости, на сторону восставших перешел Кексгольмский полк, охранявший телеграф.

Захват мостов тоже прошел успешно. Отряды Красной гвардии из десяти захватили девять, свели их и обеспечили путь заводским отрядам к Зимнему. У врага оставался еще Николаевский мост (теперь он называется мостом лейтенанта Шмидта). Его охрана бежала, когда к нему стал приближаться крейсер «Аврора»...

Этот мост восставшие получили после полуночи. А перед полуночью в Смольный пришел Владимир Ильич Ленин. При виде вождя всех охватила радость, вера в скорую победу окрепла. Однако впереди было еще много дел. На карте Петрограда красные флажки, которыми отмечались захваченные пункты, стояли еще не так густо, как было намечено в плане. И главное — город еще не был изолирован от внешних сил. Владимир Ильич Ленин ту ночь провел перед картой сражения за ключевые позиции города.

Прежде чем перейти к рассказу о следующем дне восстания, поинтересуемся подробностями прихода к мосту «Авроры».

Одним из тех 600 большевиков, которых Военно-революционный комитет послал в воинские части и на корабли, был матрос Александр Викторович Бельшев. Ему выпала честь стать комиссаром «Авроры». Крейсер стоял у стенки судостроительного завода, только что окончив ремонт. На кораблях в те дни хозяином были судовые комитеты, избранные командами. Комитету и передал комиссар предписание ВРК привести корабль в боевую готовность. Дело было важное, поэтому в заседании комитета приняла участие вся команда. Командир крейсера попытался было удалить комиссара на берег, но матросы приняли решение: приказ ВРК выполнять, подчиняться не командиру, а комиссару. У причала и на самом корабле усилили караулы, послали на берег патрулей. Буксир привел из Кронштадта баржу со снарядами. Моряки перегрузили боеприпасы в корабельные погреба. Крейсер был готов служить революции.

Около полуночи из Смольного пришло распоряжение: захватить Николаевский мост и обеспечить по нему движение красногвардейских и солдатских отрядов Васильевского острова. Важен был и сам мост, на котором один вражеский пулемет мог побить массу народа, важно было и место около него — оттуда орудия крейсера могли бить по укреплениям, возведенным вокруг Зимнего дворца.

Командир отказался вести корабль к мосту, сославшись на то, что реку давно не чистили. Отказались и все другие офицеры. Мели, конечно, опасны для корабля. Старшина рулевых Сергей Захаров сел с товарищами в шлюпку и в кромешной тьме, с крошечным фонариком, промерил фарватер. Даже начертил схему безопасного пути. Но и после этого офицеры не пожелали вести крейсер. Белышев арестовал их в кают-компании, а сам с опытными матросами встал на мостик.

Буксиры стали отводить крейсер от заводской стенки на середину Невы. Ночь была осенняя — темная, дождливая. И тут командир не выдержал, попросил разрешения вернуться на мостик вести корабль.

Подойдя к мосту, «Аврора» осветила его прожектором. Одного этого оказалось достаточно, чтобы охрана бежала — с матросами, с крейсером шутки плохи! Корабельные электрики в шлюпке добрались до берега, нашли механизмы, которыми сводился мост, и свели его. Было уже 25 октября, по новому стилю — 7 ноября.

ГОРОД ОТРЕЗАН

25 октября началось новыми успехами восставших. Еще ночью был занят Главный почтамт. В руках рабочих оказалась и городская электростанция: Зимний отключили от сети, и там погас свет. К концу дня солдаты Кексгольмского полка, красногвардейцы и матросы захватили телефонную станцию — теперь уже Зимний лишился связи, зато в Смольном она работала надежно.

Главное же — были заняты вокзалы и большие участки железных дорог, ведущих в город. На юго-западе вошел в Морской канал линкор «Заря свободы», под прицелом его дальнобойных орудий оказалась Балтийская железная дорога, а десант занял станцию Лигово (Урицк); кронштадтские моряки захватили Ораниенбаум (Ломоносов) и Петергоф (Петродворец). Отряд моряков на севере от города взял под контроль большой участок дороги Петроград — Гельсингфорс. Войска неприятеля теперь не могли попасть в город. К тому же, как оказалось, большинство частей, на которые рассчитывало правительство, остались на местах дислокации. Одни заняли нейтралитет, другие выразили сочувствие революции — подтверждалось правило восстания, что колеблющиеся переходят на сторону тех, кто одерживает победу.

Были и части, верные правительству, но их не пустили революционные войска. Так были задержаны Кубанская кавалерийская дивизия, две петергофские школы прапорщиков, артиллерия в

Павловске, три полка донских казаков и другие войска.

А силы восстания все росли. С многотысячным десантом моряков, рабочих и солдат прибыли из Кронштадта и встали на Неве «Амур», «Хопер», «Зарница», тральщики, транспорты, баржи. Вечером отдали на Неве якоря «Забияка», «Самсон», «Ястреб», «Верный». На берег сошли не только десантники, но и часть экипажей. Отряды моряков подкрепили тех, кто подавлял очаги сопротивления в различных районах города, и тех, кто готовился к штурму Зимнего дворца.

Вечером Временное правительство, непрерывно заседавшее в Зимнем, убедилось, что помощь извне не успеет. Еще утром его глава Керенский сумел тайно уехать за помощью в сторону Северного фронта — в автомобиле американского посольства, переодетый в женское платье.

ПЕРЕВЕС В СИЛАХ У БОЛЬШЕВИКОВ

Площади и улицы, прилегавшие к Зимнему дворцу, все теснее заполнялись революционными отрядами. Тысячи бойцов готовились к решающему штурму. Гигантский перевес в силах, на котором настаивал в плане-приказе Владимир Ильич Ленин, был создан.

Видя бесполезность сопротивления, страшась гнева восставших, ушли от Зимнего казаки и другие отряды. Охранять его, по сути, уже было некому. И только надежда на подход верных правительству войск все еще удерживала за баррикадами юнкеров да женский ударный батальон.

ПОКА МИНИСТРЫ ЧИТАЮТ УЛЬТИМАТУМ

Можно задать вопрос: почему Зимний дворец держался почти сутки даже после того, как в Неве встала «Аврора»? Может быть, восставшие просто боялись атаковать его?

Во-первых, брать приступом прочные каменные многоэтажные здания сложно. К примеру, для взятия здания имперской канцелярии в Берлине во время Великой Отечественной войны были выделены две наши дивизии — с танками, самоходками и орудиями. Во-вторых, никто никогда не был таким противником кровопролитий, как большевики. Вот когда будет взят дворец, красногвардейцы отпустят юнкеров на все четыре стороны — под честное слово не играть больше с оружием. Да и сам дворец было жалко. Он стоит сейчас в Ленинграде как новенький. В нем великое собрание редчайших картин — гордость нашего народа. А если бы били по нему орудия «Авроры» и «Самсона»? Военно-революционный комитет справедливо полагал, что у целого-то правительства хватит здравого смысла, чтобы прекратить сопротивление и сдаться. ВРК послал министрам соответствующий ультиматум. Пока министры читают его и спорят, как поступить — сдаться или еще потянуть? — мы с тобой поговорим о Временном правительстве.

Любопытное совпадение и, конечно, случайное — отец Ленина Илья Николаевич был директором народных училищ Симбирской губернии, а отец Керенского Федор Михайлович был директором городской гимназии; Владимир Ульянов после окончания гимназии получил золотую медаль из его рук. Кто тогда мог думать, что сыновья двух симбирских педагогов окажутся на противоположных остриях политической и военной борьбы в России? Один станет вождем революции, другой — вождем контрреволюции?

Глава буржуазного Временного правительства Керенский сам не был ни помещиком, ни капиталистом. Адвокат по профессии, он занимался политикой и принадлежал к партии эсеров, то есть социалистов-революционеров. Социалист. Революционер. Слова-то какие высокие и чистые! Дело не в словах, дело в деле.

Коммунисты-большевики были партией рабочего класса, его авангардом, передовым отрядом. А эсеры? Они были партией сельской и городской мелкой буржуазии, авангардом, передовым отрядом кулаков, держателей мастерских, лавок и других мелких собственников. Эти мелкие собственники своими врагами считали крупных капиталистов и помещиков, разорявших их, дразнивших недосягаемыми богатствами, поэтому боролись с ними и были заинтересованы в свержении царя, в революции. И получалось, что в некоторых эпизодах борьбы с самодержавием и эсеры и большевики шли рядом, хотя конечная цель партий не могла быть одинаковой. Посуди сам, разве эсеры могли согласиться с таким важнейшим делом большевиков, как ликвидация частной собственности? Были разными и методы борьбы. Большевики всегда осуждали террор, были за массовые выступления трудящихся, ведь на место убитого царя или министра тут же, как на пружине, выскакивал новый царь или министр. А эсеры террор выбрали для себя главным средством. В их партии была «Боевая организация» — специально для убийства политических деятелей и государственных чиновников высокого ранга. Во главе ее стоял один из создателей партии, Азеф. Эсеры убили — бомбами, из пистолетов — много царских министров и губернаторов. Большое количество террористов за эти убийства попало в тюрьмы, на каторгу и виселицу. Убийство губернатора — событие, о котором люди долго говорят, долго помнят его. Естественно, что эсеры в этих разговорах окружались ореолом мучеников и борцов за народ. Партия приобретала авторитет, хотя убийства никаких выгод народу не приносили, наоборот, после террористических актов полиция и жандармерия еще свирепее стояли на страже законов.

Раз уж мы коснулись террора социалистов-революционеров, нельзя не сказать, что в 1918 году они убили видных деятелей нашей партии В. Володарского и М. Урицкого, и в Ленина стреляла эсерка Ф. Каплан...

Бывает же так чудно, Азеф, главарь террористов, как раскрылось впоследствии, был на служ-

бе царской охранки. Он дважды выдавал жандармам свою организацию и несколько раз — отдельные отряды, выдал даже целый эсеровский съезд в Харькове, а своими сообщениями предотвратил убийство министра внутренних дел в 1906 году и убийство царя — в 1907-м. Центральный комитет эсеров приговорил предателя к смерти. Однако Азеф улизнул за границу... В одном из стихотворений Маяковский писал: «ночь черная, как душа Азефа».

Мы с тобой, дорогой читатель, несколько увлеклись рассказом о партии эсеров. Министры в Зимнем дворце, верно, десять раз уж прочитали ультиматум, нам пора возвращаться на площадь, где вот-вот начнутся последние события. Но еще несколько слов о Временном правительстве. В него входило 16 министров, из них только шесть были представителями буржуазии, как миллионер, владелец сахарных заводов, министр иностранных дел Терещенко, остальные же десять были «социалистами» — кадеты, эсеры и меньшевики. Берем в кавычки социалистов, потому что за семь месяцев, прошедших после свержения царя, они «не успели» ни дать землю крестьянам, ни 8-часовой рабочий день рабочим и не кончили войны. Наоборот, были за ее продолжение до победного конца. 10 министров-«социалистов» своим присутствием в правительстве маскировали министров-капиталистов, закрывали их от гневных глаз народа. Вот и в толпах людей, окруживших Зимний дворец, нет-нет да и раздавались голоса сомнения: «Братцы! Как же это мы... Там ведь наши товарищи по партии. Я эсер — и там эсеры. Я меньшевик — и там меньшевики. Нехорошо получается. На своих со штыками!» Будь Временное правительство из одних капиталистов и помещиков, разве спорила бы команда на эсминце «Самсон» — идти или не идти в Петроград?..

Но большевики были большевиками не только по названию. За ними шло большинство народа, зная или чувствуя, что правда у большевиков.

НАЧАЛО ШТУРМА И ПОБЕДА

Временное правительство отклонило ультиматум. А до этого было вот что.

«К «Авроре» подошла шлюпка,— рассказывает А. В. Белышев.— Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение. В девять часов вечера Временное правительство должно сдаться. В случае его отказа над Петропавловской крепостью появится красный огонь. Это будет сигнал «Авроре» дать условный выстрел, возвещающий начало штурма Зимнего дворца.

Я отправился на бак, там у шестидюймового орудия стояли вахтенные комендоры. Напряжение все усиливалось. С берега доносилась стрельба. А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже тридцать пять минут десятого, а красного огня все нет... Но вот во мгле за мостом показался огонь. Был 21 час 40 минут. Я отдал команду:

— Носовое, огонь! Пли!

Мелькнула вспышка выстрела, покатился грохот над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца. Мы прислушались. В ответ на выстрел послышалось громкое «ура!». Это наши пошли на штурм. Я отдал приказ зарядить орудие боевым снарядом: мало ли что...

И вот стало тихо.

— Прожекторы живо!

С улиц, прилегавших к Дворцовой площади, с винтовками, гранатами бросились в атаку матросы, красногвардейцы и солдаты. Ружейный огонь юнкеров, укрывшихся за баррикадами, и пулеметные очереди броневиков несколько раз прижимали к брусчатке атакующих. Но разве можно было остановить восстание! Устрашенные грозным натиском, бежали с броневиков пулеметчики. Почти прекратилась стрельба из-за укрытий. Женский ударный батальон целиком сдался. Только юнкера отступили в здание и забаррикадировали входы. Но и это сопротивление было сломлено».

В начале третьего часа ночи с 25-го на 26-е октября (8 ноября по новому стилю) министры Временного правительства были арестованы.

Матросам и красногвардейцам стоило большого труда довести министров невредимыми до Петропавловской крепости. Толпы людей готовы были разорвать своих врагов в клочки. Каждого министра держали под руки два матроса, а вся процессия была окружена тремя кольцами охраны.

Восстание победило. И как при взрыве детонатора взрывается весь снаряд, так с восстанием Петрограда восстала вся Россия. На земле начиналась новая жизнь — без капиталистов и помещиков.

Теперь, когда ты прочел, как шло и победило восстание, прочти еще раз план-приказ Владимира Ильича Ленина. Ты увидишь, что все события происходили в точном соответствии с ним. Предвидя действия восставших и действия врагов, Ленин писал: «Успех... зависит от двух-трех дней борьбы». Эти сроки тоже были выдержаны.

Удивительно, что восстание, потрясшее весь мир, было самым бескровным. Убитыми обе стороны потеряли всего шесть человек, 50 человек было ранено. Такой победе может позавидовать любой военачальник.

Может быть, из-за таких малых потерь восстание тебе показалось делом довольно простым? Тогда ты порассуждай, предположи какие-либо изменения в обстановке — тебе яснее станет сложность той борьбы. Представь, к примеру, что Кубанская кавалерийская дивизия, о которой говорилось выше, не была задержана на месте дислокации и прискакала на охрану Зимнего. Да еще несколько полков донских казаков прибыли, да еще артиллерия из Павловска... Какое сражение было бы тогда? Но этого не случилось, потому что план Владимира Ильича Ленина был гениальным военным планом, а те, кто исполнял его,— члены Военно-революционного комитета, комиссары, красногвардейцы, матросы, солдаты, были мужественными и храбрыми, были коммунистами.

ВОЕННЫЕ ЗАБОТЫ ЛЕНИНА

Прошло совсем короткое время, и Советской Республике пришлось вести кровопролитную войну. Ее навязали рабочим и крестьянам русские и иностранные капиталисты.

Керенский, бежавший в район Северного фронта, возвращался к Петрограду вместе с частями конного корпуса генерала Краснова. Подняли в самом Петрограде мятеж юнкера. Юнкерский мятеж моряки и красногвардейцы подавили быстро, а Краснов 27 октября занял Гатчину, 28-го — Царское Село (Красное Село теперь). Вот как близко враг подошел к Петрограду...

Основные надежды в эти дни революция возлагала на моряков. И флот послал на защиту города большие силы. В Петроград прибыли из Кронштадта и Гельсингфорса пять тысяч моряков. Линкор и крейсер «Олег» встали в Морском канале, эсминцы «Забияка», «Деятельный», «Меткий» и «Победитель» поднялись по Неве до села Рыбацкого. Корабли обеспечили артиллерийскую поддержку матросам, занявшим позиции в районе Колпина, Пулкова и Царского Села.

С утра 30 октября части генерала Краснова пошли в атаку на Пулково. Его конницу поддерживали огнем полевые орудия и два бронепоезда. Матросы, руководимые Павлом Ефимовичем Дыбенко, красногвардейские и солдатские отряды устояли под разрывами шрапнели, сдержали натиск кавалерии, а затем перешли в контрнаступление. Краснов несколько лет спустя писал о бое под деревней Новые Сузы: «Сотня оренбургских казаков с беззаветной лихостью развернулась в лаву и ринулась на деревню Сузы, занятую моряками. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики побежали вперед, чтобы помочь оренбургской молодежи пулеметным огнем. Еще секунда напряженного внимания. Видно, как под выстрелами едва не в упор падают люди. Командир сотни убит. И сотня, кто верхом, кто соскочив с лошади, побежала назад. Освободившиеся от всадников лошади, задрав хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов... Матросы, не сдерживаемые артиллерийским огнем, перешли в наступление. С большим искусством они стали накапливаться на обоих флангах; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую железную дорогу, на царскую ветку и приближались к станции Царское Село, выходя мне в тыл».

Некоторые казачьи части, обескураженные большими потерями, удивленные стойкостью моряков и красногвардейцев, их храбростью, заколебались. Они предложили начать переговоры. В ночь на 1 ноября в Гатчину, где находились основные силы казаков, отправился Дыбенко с одним лишь матросом. И получились там не переговоры, а митинг, который шел всю ночь до утра. Дыбенко рассказывал, что такое Советская власть. По словам Краснова, он «очаровал в несколько часов не только казаков, но и многих офицеров». Утром казаки приняли резолюцию: бои прекратить, Керенского и Краснова арестовать.

Мятеж был ликвидирован. 2 ноября Военно-революционный комитет огласил первое победное сообщение Советской Республики: «Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе. Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал. Казаки, перейдя на сторону революционных войск, ищут Керенского с тем, чтобы передать его в руки Военно-революционного комитета. Авантюра Керенского считается ликвидированной. Революция торжествует. Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко».

БРЕСТСКИЙ МИР И СУДЬБА ФЛОТА

В ту ночь, когда был взят Зимний дворец, в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов. Военно-революционный комитет передал ему власть, и съезд избрал новое — Советское — правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Правительство тогда же приняло декреты о передаче земли крестьянам, заводов и фабрик — рабочим и Декрет о мире. То, что было вековечной мечтой народа, сбылось в России.

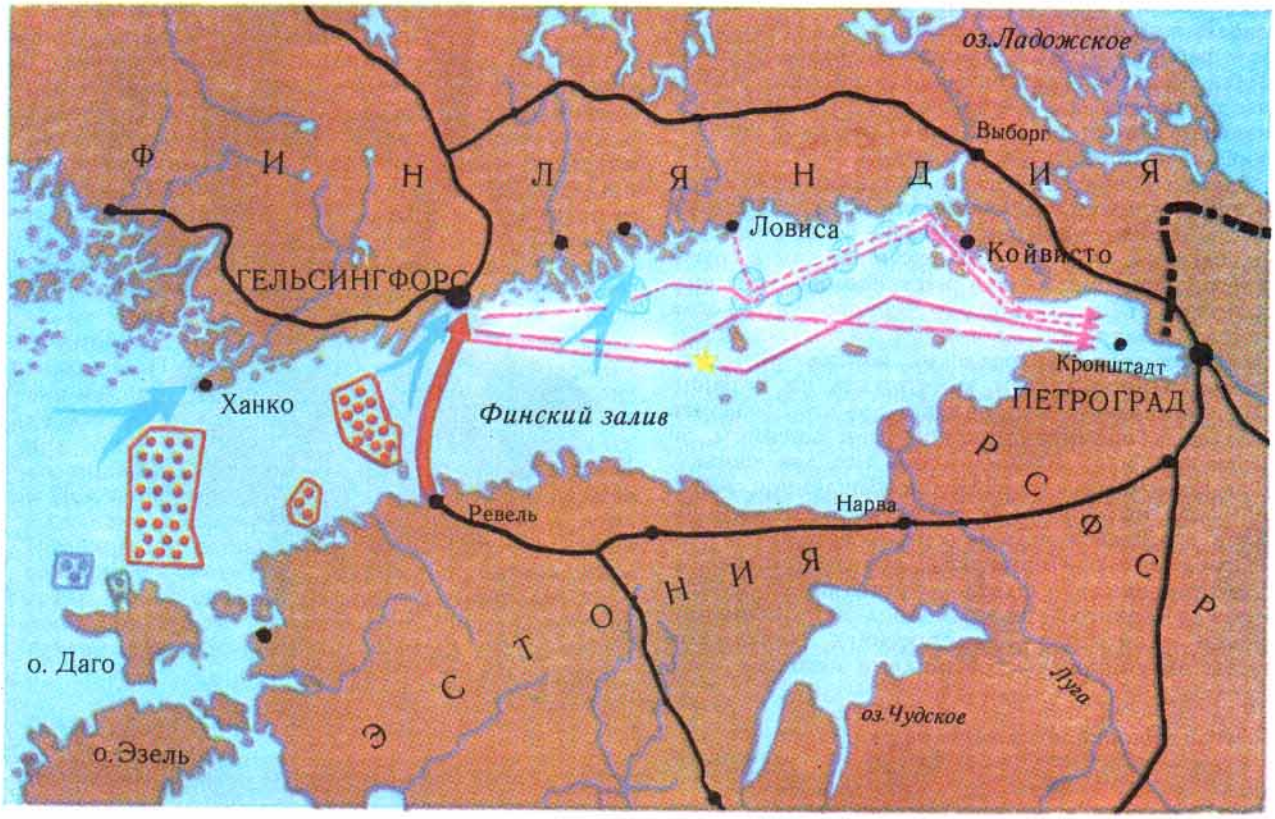
Сбылось. Но сбывшуюся мечту надо было защитить от сильного и коварного врага. Он со всех сторон окружал новую Россию и был в ней самой. Защищать же, по сути, было нечем. Солдаты царской армии устали от многолетней жизни в окопах, от смертей, поражений, от надругательств офицеров. К тому же эсеры агитировали солдат спешить в деревни на дележку помещичьей земли. Царская армия разваливалась на глазах. Новой армии, социалистической, еще не было. Было только ее ядро — отряды Красной гвардии, революционные матросы и солдаты. В этой обстановке вопрос о выходе из войны приобрел особую остроту. Советской Республике мир был нужен, как человеку воздух. Нет воздуха — смерть...

Правительство Ленина предложило всем воюющим странам — их правительствам и народам — прекратить боевые действия на фронтах мировой войны, объявить перемирие и начать подготовку к заключению мира.

Как и следовало ожидать, правительства Англии, Франции, США и других стран Антанты отказались от такого предложения. Мир им в это время не был нужен: перед ними уже вырисовывалась победа над Германией, а делать что-либо полезное для Советской России они не собирались, наоборот, уже планировалась интервенция, то есть вторжение иностранных войск в Россию — для восстановления власти русских капиталистов. Другое дело Германия и ее союзники. Вот им мир был нужен. Ликвидация огромного Восточного фронта давала много выгод. Они согласились на мирные переговоры.

Тут уместен вопрос: нужно ли было звать к миру страны Антанты? Ведь было ясно, что на прекращение войны они не пойдут.

Ледовый поход Балтийского флота. Февраль — май 1918 года.



Мир без аннексий и контрибуций (без отторжения территорий и денежных выплат) предлагался не только и не столько правительствам, как народам воюющих стран. А это имело смысл огромный. Потом, когда начнется интервенция, будет много иностранных войск, которые откажутся воевать против России. Так, восстанут на Севастопольском рейде в 1919 году французский броненосец «Франс» и флагман эскадры «Жан Барт» — моряки поднимут красные флаги, выстроятся на палубах, снимут береты и запоют «Интернационал». Не пойдут в бой их соотечественники — три пехотных полка, саперный, пулеметный и артиллерийский полки. Откажется воевать на Дальнем Востоке 310-й американский полк. Там же восстанет японская рота, ее увезут в море и всю расстреляют... Английский политический и государственный деятель, умный слуга своего класса, Черчилль, враг коммунизма № 1, как он сам о себе говорил, напишет о солдатах, посланных в Россию: «Послушное орудие, действовавшее почти без осечки во всех самых напряженных схватках воюющих друг с другом наций, теперь неожиданно сломалось в руках тех, кто направил его на новое дело». Советской Республике окажут огромную помощь немецкие рабочие и коммунисты, а также рабочие Австро-Венгрии. И все потому, что будет перед глазами народов огромная страна, сутью существования которой стал мир. Но вернемся к переговорам с Германией.

Итак, мир на востоке был нужен Германии, чтобы успешнее воевать на Западном фронте. Ко времени переговоров, к декабрю 1917 года, под оккупацией немецких войск были большие территории бывшей Российской империи. И Германия захотела оставить за собой земли площадью в 150 тысяч квадратных километров. Польшу, Украину и Прибалтийские страны германцы решили превратить в вассальные государства.

Условия, на которых немцы соглашались заключить мир с Советской Россией, были тяжелыми, оскорбительными. Однако иного выхода у нас не было. Советское правительство дало своей делегации указание подписать такой несправедливый, тяжелый мир.

Владимир Ильич Ленин говорил тогда, что стра-

не нужно как можно скорее получить мирную передышку — короткую ли, долгую, но совершенно необходимую для создания Красной Армии, для приведения в порядок разрушенного хозяйства: невозможно воевать с немцами, когда стоят заводы и фабрики, когда нарушено железнодорожное сообщение. Наступит время, его недолго ждать, говорил Ленин, и немецкие оккупанты будут изгнаны, но сейчас ради спасения Советской Республики надо принять их условия.

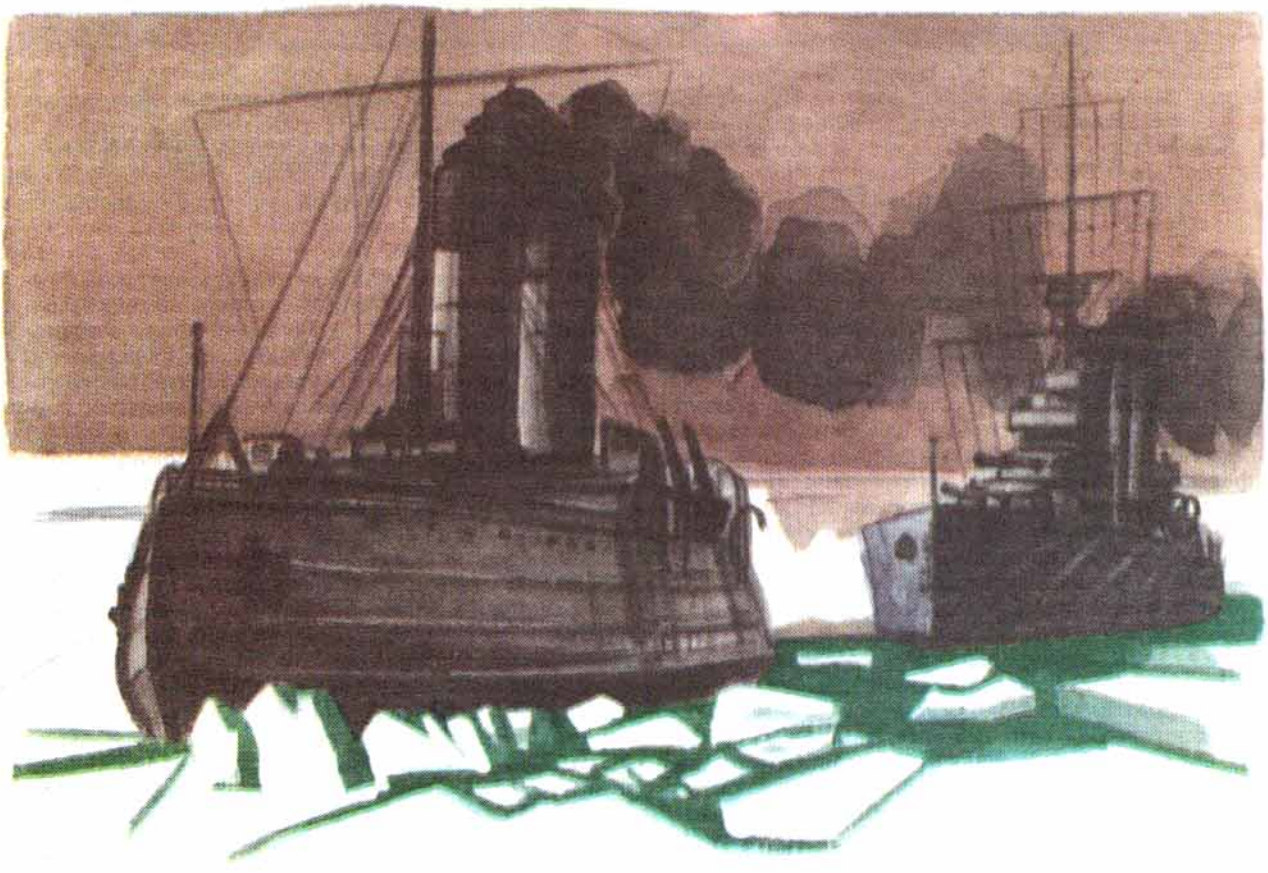
Однако Троцкий, возглавлявший советскую делегацию, вопреки указанию Ленина отказался подписать договор с немцами. Немцы были очень довольны этим. Обвинив Советскую Россию в срыве переговоров, они начали наступление по всему фронту — от Балтийского до Черного моря. Тогда же немцы заключили договор с украинскими националистами — кайзеровские войска обязались помочь националистам уничтожить на Украине Советскую власть, националисты за это обязались вывезти в Германию миллион тонн пшеницы, 50 тысяч тонн мяса, 400 миллионов яиц, лен, пеньку, марганцевую руду и другое промышленное сырье.

Мы еще ни слова не сказали о флоте. Каким образом его судьба связана с переговорами?

Огромная территория оказалась занятой врагом. И что страшно для флота — занято почти все побережье Черного моря, там свободен от оккупации только один порт — Новороссийск (кавказские порты оккупированы союзниками немцев — тур-

Жемчужин Б. А.

Советские корабли на переходе во льдах.



ками). На Балтике обстановка несколько лучше. Но скоро и там она неимоверно осложнится. Нет необходимости говорить, как важны для флота базы. Ты это знаешь, вся Крымская война свелась, по сути, к борьбе за Севастополь, а русско-японская — к борьбе за Порт-Артур.

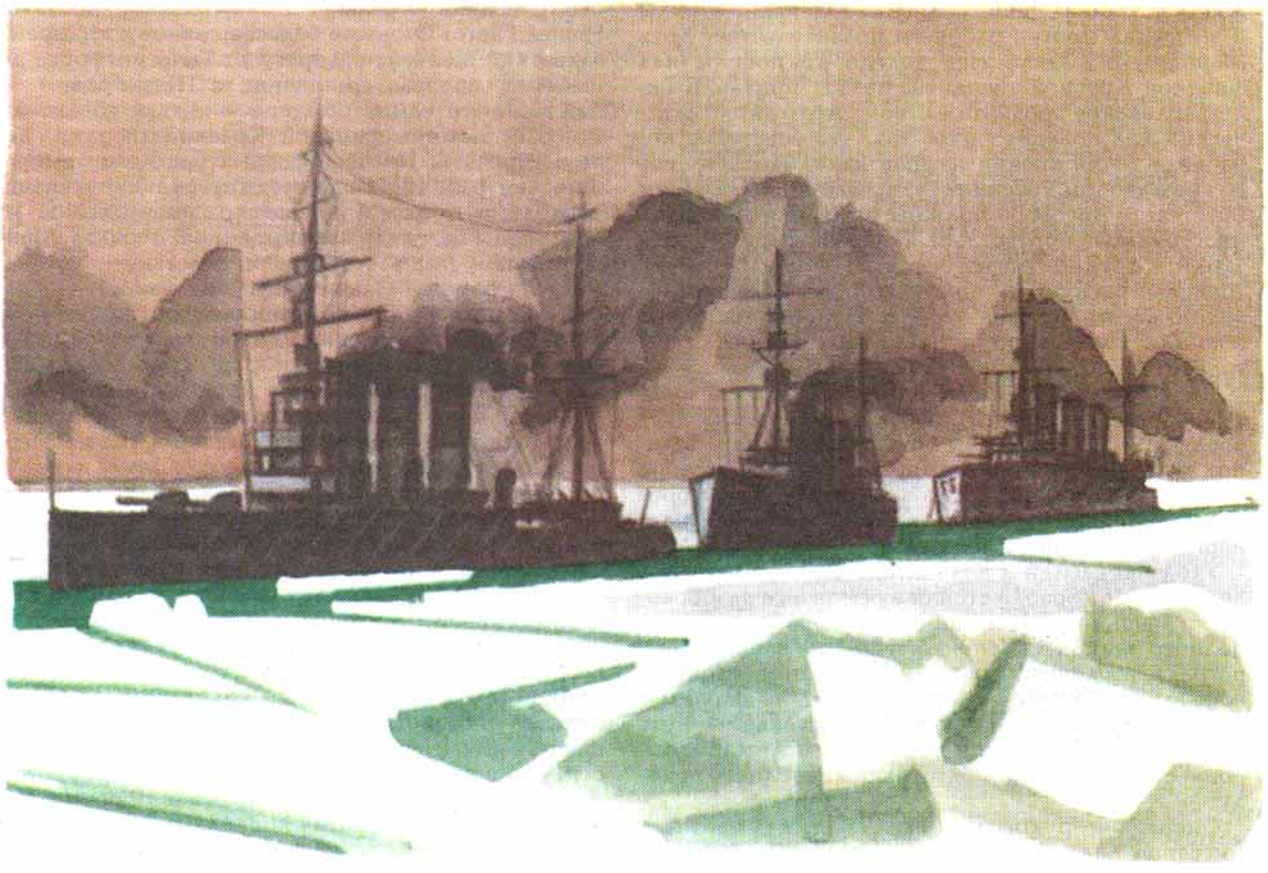
Советское правительство направило на переговоры с немцами в город Брест-Литовск (теперь Брест) новую делегацию. А немцы выставили условия еще более наглые. К тому, о чем мы уже говорили, они прибавили присоединение к Германии Эстонии и Латвии, не говоря уже о Польше. Они потребовали признать их договор с украинскими националистами и вывести с Украины Красную гвардию. Армию они потребовали полностью демобилизовать, военно-морской флот разоружить. Советская Россия должна была выплатить Германии полтора миллиарда рублей золотом и миллиард товарами. После согласия на такие страшные условия немцы продолжали захватывать нашу территорию. Они вели наступление 30 дивизиями, из них 15 двинулись на Петроград, чтобы захватить его молниеносным ударом. 23 февраля под Нарвой и Псковом произошли ожесточенные бои немцев с полками только что созданной Красной Армии. Немцы были остановлены. После этого Германия согласилась снова сесть за стол переговоров, и договор был подписан. (Именно 23 февраля стало нашим военным праздником — Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота.)

Мы говорили, что немецкие рабочие помогли русским рабочим. 9 ноября 1918 года произошла революция в Германии. В Австро-Венгрии тоже произошла. Монархическая власть в обеих странах была свергнута. Уже 13 ноября Советское правительство аннулировало Брестский договор. Началось изгнание оккупантов из Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, из Крыма, из Закавказья.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Теперь мы вернемся в самое начало 1918 года. После срыва переговоров в Бресте немецкие войска, как мы знаем, начали наступление по всему фронту. Особенно энергично они действовали на северном участке, в районе Финского залива. Здесь находились три очень важных пункта: Петроград, Ревель и Гельсингфорс. Значение Петрограда ясно — это столица Советской России. А Ревель и Гельсингфорс? Они были основными базами нашего флота, здесь стояли тогда почти все балтийские корабли. Поскольку Финский залив замерз, лед был толщиной до 75 сантиметров, корабли могли быть захвачены немцами.

Немецкие войска быстро продвигались по Эстонии, выходя к побережью. Кораблям, находившимся в Ревеле, был отдан приказ уходить в Гель-



сингфорс. Надо было бы идти сразу в Кронштадт, но туда путь в три раза длиннее, и лед в восточной части залива толще. Вот опять помянешь добрым словом адмирала Макарова: «Ермак» 19 февраля вывел из порта первую группу кораблей — 2 подводные лодки, 2 транспорта — и начал пробивать им дорогу через залив.

В Ревеле оставались 5 крейсеров, 12 подводных лодок, 2 минных заградителя, 10 тральщиков и другие суда. Немцы вовсю старались помешать их уходу. Они вели беспрерывные бои на подступах к городу, подняли в воздух авиацию, чтобы забросать бомбами ледоколы и приостановить работы, связанные с выводом кораблей на рейд. Но наши моряки успели все сделать. Правда, последние корабли оставили порт, когда немцы уже вошли в город. Было это 25 февраля. Через несколько дней все ревельские корабли и суда — числом 63 — были в Гельсингфорсе. Только подводную лодку «Единорог» постигло несчастье — льдом повредило корпус, и она затонула на переходе.

Посмотри схему Ледового похода Балтийского флота. Не было бы ошибкой назвать этот поход Ледовым сражением.

Теперь в Гельсингфорсе собрался почти весь Балтийский флот. Финляндия в это время была дружественной нам страной. Она получила из рук Советского правительства самостоятельность, у власти там стояло рабочее правительство. И советский флот вроде бы находился в безопасности. Но в Финляндии началась гражданская война. Бывший царский генерал финский барон Маннергейм получил от немцев помощь войсками и оружием, возглавил финские белогвардейские отряды и выступил против рабочего правительства. Хотя Маннергейму было еще далеко до победы над финской Красной гвардией, немцы признали белогвардейское правительство. Этот дипломатический ход повернул дело так, что советские корабли с точки зрения немцев находились теперь во враждебном России государстве и по условиям Брестского договора должны были или покинуть иностранные порты, или разоружиться — снять замки с орудий, свезти на берег снаряды, мины, торпеды, распустить команды, оставив на кораблях по десять человек охраны. Если бы мы не выполнили требований немцев, они разорвали бы только что подписанный Брестский мир.

Немецкие адмиралы уже потирали от удовольствия руки: наконец-то они овладеют русскими кораблями — не в морском бою, а поймав их в ледяной западне. Немецкие адмиралы считали, что наш флот уйти в Кронштадт до захвата Гельсингфорса белогвардейцами не сумеет, станет добычей Маннергейма, а равно и немцев.

Уходу кораблей в Кронштадт мешал не только лед. Многие корабли стояли в ремонте, с разобранными машинами. И ни на одном корабле не было полного экипажа — моряки ушли на защиту Петрограда, на другие фронты. На эсминце «Войсковой» вместо 75 человек было лишь 12, на знакомом нам эскадренном миноносце «Изяславе» — чуть больше 20... Началась в полном смысле слова героическая работа по подготовке кораблей к походу.

Операцией руководил Совкобалт — Совет комиссаров Балтийского флота, созданный вместо Центробалта. Корабли были разделены на три отряда. Ледоколы «Ермак», «Волынец», «Тармо» и портовые ледоколы должны были провести отряды в Кронштадт. 12 марта в сопровождении «Ермака» и «Волынца» вышел первый отряд: линкоры «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут», крейсеры «Богатырь», «Рюрик» и «Адмирал Макаров». Сто восемьдесят миль сплошного льда — вот что встретили моряки на пути. В сутки не проходили 50 миль, шли со скоростью полтора-три узла. 17 марта отряд все же добрался до родного Кронштадта.

На очереди была проводка второго отряда. Его выход задержался и сильно осложнился. А это были линкоры «Республика», «Андрей Первозванный», крейсеры «Баян», «Олег» и две подводные лодки. Что же произошло?

Белогвардейцы с помощью предателей захватили ледоколы «Тармо» и «Волынец». На острове Лавенсари они установили орудия, «Тармо» вооружили, ледокол встал около острова Гогланд — на самом фарватере, на пути наших кораблей. А раньше к Ганге (теперь Ханко, ты знаешь этот пункт, вспомни первую победу петровского флота) подошла германская эскадра Маурера. 3 апреля на полуостров высадился неприятельский десант. Здесь тоже были наши корабли — четыре подводные лодки и плавбаза. Спасти их от захвата не было никакой возможности, моряки взорвали корабли и плавбазу и по суше прорвались в Гельсингфорс. За ними к Гельсингфорсу устремились немецкие десантники.

Теперь при чтении необходимо обращаться к схеме. Синие стрелы — это вражеские десанты. Нашел Ганге? Финские белогвардейцы в это время захватили железную дорогу от Гельсингфорса до Выборга, прервав сообщение с Петроградом. И вот ведь что самое обидное — нельзя советским морякам помочь финской Красной гвардии, нельзя стрелять. Иначе — разрыв Брестского мира. Финские рабочие из последних сил чинят наши корабли в порту, финские красногвардейцы из последних сил сдерживают напор отрядов Маннергейма — лишь бы успели советские корабли уйти на родину. Спасибо им великое!

А «Ермак» все не возвращался из Кронштадта. Маломощные портовые ледоколы «Город Ревель» и «Силач» повели второй отряд. Иного выхода нет. Иначе пропадут и линкоры и крейсеры. Как вошли во льды, выяснилось, что с проводкой во льдах лучше справляется линкор «Андрей Первозванный». Он встал в голову колонны и начал пробивать дорогу. За ним «Республика», дальше — крейсеры, у них у каждого на буксире подводная лодка. За три дня одолели всего 60 миль, средняя скорость меньше одного узла.

А где же «Ермак»? Он торопился, но попал под огонь батарей с Лавенсари. Моряки обошли остров стороной. И тут по «Ермаку» ударила пушка вражеского теперь «Тармо». А его не обойдешь стороной, он сам во льдах ходит хорошо. Да и нельзя рисковать ледоколом: «Ермак» теперь единственный сильный ледокол у Советской власти. Пришлось «Ермаку» вернуться в Кронштадт и повести оттуда защиту — крейсер «Рюрик». Нельзя стрелять советскому кораблю, ну а если «Рюрик» все же громыхнет из своих орудий по бата-

реям белофиннов? Те не посмели открыть огонь. «Ермак» и «Рюрик» 8 апреля около острова Родшер, где стоит маяк, встретили второй отряд, высвободили его из ледяных тисков. 10 апреля отряд с большим трудом добрался до Кронштадта.

А в Гельсингфорсе оставались еще 162 корабля. На помощь их командам из Петрограда по железной дороге отправились 500 опытных моряков торгового флота. Им пришлось с боем прорываться через белогвардейские заслоны. И все же они прорвались в Гельсингфорс. Помогли уже вконец измученным командам дочинить, что было можно, провести погрузку боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Топливо погрузили только на часть пути, больше не было. И встали к машинам, к штурвалам — там, где не хватало военных моряков.

Третий отряд был разделен на пять эшелонов. Первый вышел 7 апреля. В тот же день немцы из Ревеля перебросили трехтысячный десант на ледоколах в Ловизу. Теперь Гельсингфорс на суше со всех сторон окружен врагами. С запада и востока идут к нему немцы, с севера — белофинны. Вот-вот город будет взят. Захваченные ледоколы пошли из Ловизы к Гангуту — пробивать во льду дорогу эскадре Маурера, она тоже стремится к Гельсингфорсу.

Отправку последних кораблей возглавлял молодой комиссар Борис Жемчужин. Он матрос, редактор флотской газеты «Прибой». В Гельсингфорсе все его знают. К нему пришли люди с известием, что белофинны готовятся напасть на корабли с юга, выйти к ним со стороны моря по льду. На кораблях тревога, принимаются меры на случай такого нападения.

Путь третьего отряда пролегал по опушке финских шхер. Эта дорога длиннее на 70 миль, но так лучше. В отряде небольшие корабли и суда, корпуса у них хрупкие, а в заливе на главном фарватере началась подвижка льдов, ведь весна уже. У берегов же лед пока стоит.

Последние корабли уходили из Гельсингфорса 12 апреля. В городе слышалась стрельба. На юго-западе в заливе показались многочисленные дымы — приближалась немецкая эскадра. Одним из самых последних отошел от стенки гавани «Изяслав». У него только одна машина, вторую турбину починить не успели. Но и на одной пойдут моряки. С берега по кораблю ударили из винтовок. Пули звенят по металлу. Артиллеристы бросаются к кормовому орудию. Их сдерживает старпом Иван Исаков. Нельзя стрелять. Десятки кораблей еще остались в Гельсингфорсе — без топлива, с разобранными машинами, с неисправностями, на кораблях моряки. Белофинны не пощадят их, если выстрелить в ответ. Да хоть и не стреляли, а многих убили, и первым был убит Борис Жемчужин...

Десять суток шел третий отряд до порта Бьерке. Топливо кончилось. В Бьерке его тоже не оказалось. Но вот прибыло топливо. «Ермак» пришел. С ним стало спокойнее, веселее, торосистые льды уже не казались страшными. 19 апреля корабли прибыли в Кронштадт. Через несколько дней пришел и четвертый отряд — корабли, стоявшие в порту Котка.

Самыми славными героями Ледового похода были моряки «Ермака». Семь суток они без отдыха и сна обеспечивали проводку кораблей. И в том, что Балтийский флот не пропал, сохранился почти целиком для Советской России,— их немалая заслуга.

...Тягостное зрелище для глаз моряка открывалось в Кронштадте и на Неве. Борт о борт стояли безмолвные корабли, ни дымка — погашены топки, ни свистка боцманской дудки — команды ушли на сухопутный фронт. Плавать негде. По Брестскому миру линия, до которой разрешалось ходить советским кораблям, перечеркнула залив чуть западнее острова Котлин... Ничего! Она еще вернется — слава «Гангута», «Севастополя», «Авроры». Не только вернется, но приумножится!

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Почти в те же дни, когда балтийские корабли пришли из Гельсингфорса в Кронштадт, 12 черноморских эсминцев и 8 тральщиков уходили из Севастополя в Новороссийск. Уходили, как и на Балтике, чтобы не захватили их немцы. Оккупанты все приближались к Севастополю; линкорам «Воля», «Свободная Россия» и пяти миноносцам пришлось выходить из порта под огнем немецких орудий.

Командующий оккупационными войсками генерал Эйхгорн рассвирепел, узнав, что в Севастополе нет кораблей. Он потребовал вернуть флот в Севастополь. В противном случае немцы намеревались двинуться по побережью на восток и занять Новороссийск.

Войск для защиты Новороссийска у нас не было. И не было другого порта, куда флот мог бы перебазироваться. Владимир Ильич Ленин попросил Морской генеральный штаб тщательно изучить обстановку на Черном море — не откроются ли какие возможности для спасения кораблей? Увы! Таких возможностей не открылось. И тогда Ленин на докладной записке начальника штаба написал резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

Как ты знаешь, в те времена даже приказ о выходе в море обсуждался или судовым комитетом, или всей командой. А тут надо было собственными руками пустить боевые корабли на дно. 11 июня на линкоре «Воля» собралось совещание делегатов всех кораблей. Большинство высказалось за потопление флота. Несколько же кораблей, в том числе «Воля», отказались выполнять директиву Совета Народных Комиссаров. Офицеры вместе с украинскими националистами и эсерами уговорили команды вернуться в Севастополь, как того требовали немцы. Матросам казалось, что как-нибудь да удастся уберечь родной корабль и от затопления и от врага. Это были наивные мечты: немцы увозили в Германию все, что попадалось,— хлеб, скот, металлы, уголь, машины... И конечно же, прибирали к рукам военное имущество. Корабли, не выполнившие революционный приказ, были пленены немцами. (Потом по-

пали к белогвардейцам, на них остатки разбитой армии барона Врангеля в 1920 году бежали из Крыма.)

17 июня линкор «Воля», миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Поспешный», «Жаркий», «Живой» и «Громкий» пошли в немецкий плен. Эсминец «Керчь» поднял сигнал: «Судам, идущим в Севастополь. Позор изменникам России». Так проводили предателей моряки, оставшиеся в Новороссийске.

18 июня — запомни этот день, дорогой читатель,— на внешнем рейде Новороссийска, в Цемесской бухте, с утра встали корабли, готовые к затоплению. Орудия, которые годились для войны на суше, были сняты и погружены на железнодорожные платформы — моряки готовились идти на сухопутный фронт. Над кораблями развевались красные флаги и сигналы: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Около трех часов дня началось это мужественное самоуничтожение. Стоя в молчании на причалах, сняв бескозырки, моряки прощались с родными кораблями. Прогремел взрыв на «Пронзительном», эсминец начал погружаться в море. После взрыва, как по сигналу, остальные эскадренные миноносцы открыли кингстоны и всем отрядом ушли под воду. В отдалении «Керчь» потопила торпедой миноносец «Фидоноси» и пятью торпедами линкор. К вечеру тишина наступила над бухтой. Только верхушки мачт, видневшиеся кое-где из воды, напоминали о трагедии черноморских кораблей.

Эскадренный миноносец «Керчь» выбрал себе другое место гибели. Он пошел к Туапсе и там открыл кингстоны. А перед тем как потонуть, передал в эфир радио: «Всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии».

Долгое время ничего не было известно о миноносце «Громкий». Историки флота знали только, что из Новороссийска он ушел, а в Севастополь не пришел. Оказывается, «Громкий» стал самым первым кораблем, затопившим себя. Он отстал от колонны, шедшей 17 июня в Севастополь, потом нагнал ее, снова отстал. Эсминец «Поспешный» хотел взять его на буксир, «Громкий» отказался. Какие-то споры шли на миноносце, какая-то борьба была среди его малочисленной команды. Ясно одно — в той неизвестной борьбе победили сторонники революции: их руки открыли кингстоны. Водолазы нашли «Громкого» уже после Великой Отечественной войны. Миноносец лежал на 50-метровой глубине, нос его был смят — видимо, от удара о дно. В сумраке, окружающем погибшего, медленно проплывали рыбы, словно охраняя трагическую тайну. Верно, мы никогда не узнаем подробностей гибели «Громкого». Почти семь десятков лет прошло с той поры да еще две войны, а на миноносце не было и половины полагавшегося экипажа, поэтому трудно предположить, что кто-то из тех людей еще жив.

...Так вот, второй раз за историю нашей Родины не стало Черноморского флота. В Крымскую войну тоже ведь, не имея возможности сражаться с врагом, корабли ушли в морскую пучину — от позора плена и позора предательства.

ПОМНИ ПЕРВЫХ

Ты, дорогой друг, может быть, заметил, что в нашей книге мы отдаем предпочтение рассказу о первых — о моряках, сделавших что-то первыми, о кораблях, сконструированных и построенных первыми...

Не каждый раз первое есть совершенное. Второе, десятое, сотое оказывается куда лучше, даже грандиознее. Но начало — это начало, без него не было бы ни сотого, ни тысячного, не было бы продолжения. Поэтому слово «первый» стало как почетное звание, которым отличают заслуги перед обществом.

Кто первым в советском флоте потопил неприятельский корабль?

В начале 1919 года в Балтийском море — на смену немцам — вошел флот англичан. Задача у него была прежняя — помочь русским белогвардейцам свергнуть Советскую власть. Прежним было и направление главного удара — Петроград. Мины, поставленные в заливе перед островом Котлин, дальнобойные батареи Кронштадта, фортов Красная Горка и Серая Лошадь, орудия линкоров надежно прикрыли Петроград с моря. Но защита города и близлежащего побережья этим не ограничивалась, советские корабли выходили за минные заграждения и там вели бой с английскими кораблями. Из 107 кораблей противник к концу интервенции потерял потопленными 18, 16 были повреждены.

4 июня эсминцы «Азард» и «Гавриил» вышли на разведку в Копорский залив. Там они обнаружили неприятельский миноносец и подводную лодку. Миноносец тут же начал уходить, а лодка погрузилась под воду. Было ясно, что англичане хотят подальше заманить наши эсминцы и напасть на них большими силами. «Азард» и «Гавриил» не пошли за приманкой, а повернули к себе — под защиту дальнобойных орудий линейного корабля «Петропавловск», который стоял за минным заграждением. В это время подводная лодка атаковала оба эсминца — к каждому протянулась пенистая дорожка — след торпеды. Мгновенно изменив курс, эсминцы едва избежали опасности, от «Азарда» торпеда прошла всего в пяти метрах. Англичане же были настолько уверены в точности своих выстрелов, что лодка тут же всплыла, чтобы полюбоваться гибелью кораблей. И оказалась она в результате быстрого маневра эсминцев прямо по носу «Азарда». Комендоры эсминца ударили по лодке из орудий, первый же снаряд угодил в ее рубку. Видимо, в этот момент англичане начали быстрое погружение. Сильнейший взрыв раздался, когда лодка была уже под водой, из воды на поверхность моря вырвался столб огня и черного дыма, вылетели обломки. Сомнений не было — лодка пошла на дно.

Подводная лодка Л-55 была одной из лучших в английском флоте. Ее потом подняли наши водолазы, после ремонта лодку включили в состав Балтийского флота. Так что «Азард» не просто первым в советском флоте потопил враже-

ский корабль, но как бы подарил его своему флоту.

Нельзя удержаться, чтобы не напомнить, что французский фрегат «Азард» был захвачен нашими моряками в абордажном бою в 1806 году в Средиземном море. Фрегату оставили его французское название — была такая традиция. Поскольку фрегат «Азард», будучи уже русским, сражался доблестно, его название спустя 110 лет получил эсминец. В памятном бою эсминцем командовал Н. Н. Несвицкий, а комиссаром на нем был Д. М. Винник.

31 августа тоже памятный день. Тогда первую победу одержали советские подводники на лодке «Пантера». Это была одна из тех лодок, которую моряки сберегли во время Ледового похода. «Пантера» на рассвете вышла из Кронштадта в район Копорского залива. В конце дня, двигаясь под водой на перископной глубине, она обнаружила два эскадренных миноносца англичан. Это были крупные для своего класса корабли новейшей постройки. Эсминцы направились к острову Сескар и встали около него на якорь. Командир лодки А. Н. Бахтин и комиссар В. Г. Иванов приняли решение атаковать неприятеля.

Около двух часов «Пантера» подкрадывалась к врагу со стороны опускавшегося в море солнца, старалась держаться так, чтобы ее перископ все время был в сверкающей солнечной дорожке. Последующие действия лодки описаны в рапорте командира:

«21 час 05 мин. Открыл крышки носовых аппаратов. К этому времени, насколько было возможно, выяснил тип британских истребителей.

21 час 16 мин. Лег на истребитель. Носовые аппараты — товьсь! Сблизился до 4—5 каб.

21 час 19 мин. Правый аппарат — пли!

21 час 19,5 мин. Левый аппарат — пли! Видел в перископ две большие шапки от выстрелов».

Сильный взрыв известил подводников, что атака была успешной. Эсминец «Виттория» окутался дымом, брызгами воды, накренился и пошел на дно.

Трудно было потопить вражеский корабль. Трудно было уйти и от преследования врага. Второй эсминец обстрелял «Пантеру» ныряющими снарядами. Тут же прилетели самолеты, подошли еще миноносцы и катера. Девять кораблей, освещая море прожекторами, рыскали по сторонам, стараясь нащупать советскую лодку, «Пантера» долго не могла всплыть на поверхность. Дышать уже нечем было в лодке, экипаж держался из последних сил. Но лодка пробилась в Кронштадт. Товарищи поздравили «Пантеру» с потоплением эсминца и с рекордом подводного плавания — 28 часов, ни одна лодка так долго не находилась до этого под водой.

Интересно, бой 4 июня и бой 31 августа — как перевернутые, зеркальные изображения друг друга. Там были два эсминца и подводная лодка и тут — подводная лодка и два эсминца. Чего не удалось сделать английской подлодке, то сделала наша. И чего не удалось сделать английским эсминцам, то сделали эсминцы советские.

Железняков А. Г.

О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Революция и гражданская война дали народу истинных героев. Чтобы жила о них память, чтобы новые бойцы за счастье рабочих и крестьян брали с них пример, их имена присваивались боевым кораблям. Эсминец «Азард» стал называться «Артем» — у большевика-подпольщика Ф. А. Сергеева была такая партийная кличка; «Забияка» был переименован в «Урицкий» — в память о революционере, зверски убитом эсерами. Когда водолазы подняли со дна Цемесской бухты эсминец «Калиакрия», затопившийся, чтобы не попасть немцам, его назвали «Дзержинский».

Давали кораблям названия, в которых запечатлевались наши идеалы и великие события новой истории. Линкор «Гангут» получил название «Октябрьская Революция». Конечно, и старое название было очень почетное. Но у линкора были все основания, чтобы сменить даже такое почетное название. Еще в 1915 году, на втором году своей жизни, корабль восстал против царя. В октябре 1917 года гангутцы одними из первых на флоте сменили андреевский флаг на красный — перешли на сторону революции. После Ледового похода моряки линкора ушли на сухопутные фронты — опять же защищать революцию.

«Маратом» был назван линкор «Петропавловск». Название поменялось решением моряков и вот по какой причине. Во французском флоте в то время был корабль «Шарлотта Корде», он прославился тем, что несколько раз подавлял восстание во

французских колониях. А кто такая Шарлотта Корде? Чем знаменита эта особа, что ее имя носил военный корабль? Она злодейски убила кинжалом Жана Поля Марата — пламенного революционера Франции, Друга народа, как называли его парижане. Случилось это в дни Великой французской революции, в 1793 году. Террористка Корде, чтобы проникнуть в дом Марата, прикинулась бедной женщиной, послала ему письмо: «Достаточно того, что я несчастна, чтобы иметь право на вашу благожелательность» — то есть на то, чтобы Марат принял ее у себя с какой-то жалобой. «Если капиталисты увековечили имя убийцы,— рассуждали моряки,— то наш долг увековечить имя революционера Марата, причем в корабле более сильном и грозном, чем французский».

На «Марате» в двадцатых годах служил моряк-белорус по фамилии Казей. Из-за нездоровья он оставил флот, вернулся в свою деревню, а когда у него родился сын, назвал его Маратом — уже в честь своего родного корабля. Пионер Марат Казей во время войны с фашистами был разведчиком в партизанском отряде. Однажды его окружили фашисты, мужественный мальчик, уже раненный, взорвал и себя и врагов гранатой. Марату Казею посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом его имя дали морскому теплоходу.

Конечно, если бы в первые годы Советской власти строились новые корабли, многие старые корабли остались бы с прежними названиями. Корабли своей постройки у нашей страны появились лишь в начале тридцатых годов. Первыми были спущены на воду подводные лодки «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец». В этих названиях были отмечены этапы борьбы за свободу в России.

Началось строительство лидеров, кораблей средних между эсминцами и крейсерами. Они получили название столиц союзных республик, олицетворяя дружбу советских народов и их равноправие: «Москва», «Минск», «Ташкент», «Баку», «Тбилиси», «Харьков» (в то время Харьков был столицей Украины). А первый построенный лидер был назван «Ленинград» — город не столица, но знаменит началом революции.

Продолжалось присвоение кораблям имен людей, отдавших жизнь за Советскую Родину. Так, серия речных мониторов получила имена героев гражданской войны. Был монитор «Железняков». Ты, конечно, слышал старую песню:

В степи под Херсоном высокие травы,
В степи под Херсоном курган,
Лежит под курганом, заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан.

Это песня об Анатолии Григорьевиче Железнякове. К слову сказать, он не был партизаном и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Но это уточнение нисколько не нарушает легендарного облика героя.

С 1915 года Железняков служил матросом на балтийском минном заградителе «Нарова». За революционную деятельность был приговорен к 14 годам каторжной тюрьмы. Из тюрьмы матрос бежал в Гельсингфорс. Оттуда в октябре 1917 года с полуторатысячным отрядом моряков приехал в Петроград. Это под его командованием моряки захватили почтамт и телеграф и штурмовали Зимний дворец. Во главе пяти тысяч матросов Железняков из Петрограда был направлен в Москву — на помощь восставшим московским рабочим. В гражданскую войну на Украине отважный командир командовал речной флотилией, полком, бронепоездом. Белогвардейцы и интервенты за голову Железняка давали 400 тысяч рублей... Летом 1919 года Анатолий Григорьевич получил в бою смертельную рану. Родился он в Подмосковье, товарищи отвезли тело героя на родину. Прожил отважный человек всего 24 года...

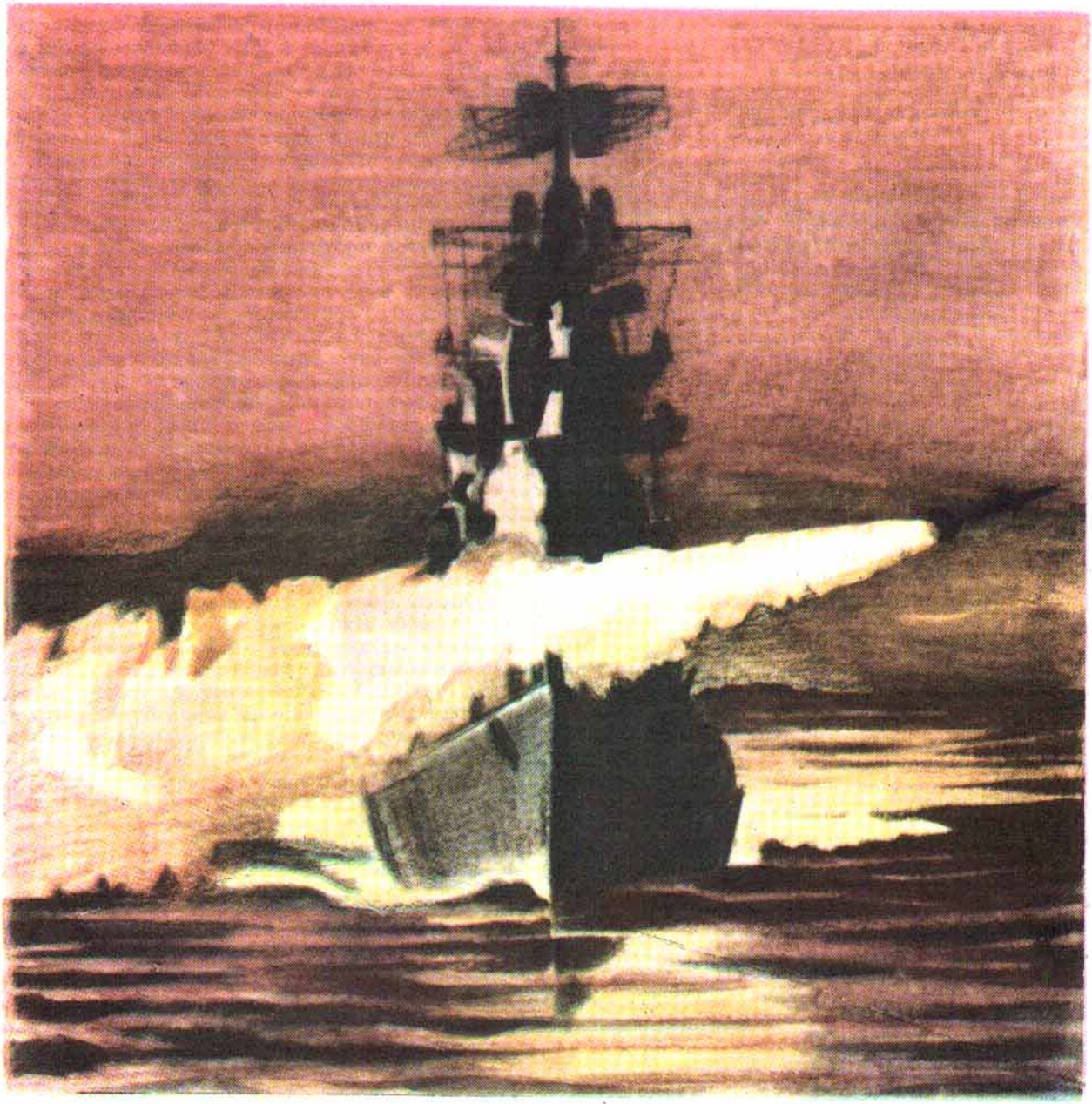
Монитор «Железняков» прославил себя в Великую Отечественную войну дерзкими боями с фашистами. В 1967 году этот корабль был поставлен на берегу Днепра как памятник морякам и судостроителям, погибшим в войну.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

АДМИРАЛЬСКАЯ

...раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо.

В. И. Ленин



ОТ «ВАЙСА» ДО «БАРБАРОССЫ»

Гитлеровские генералы и сам Гитлер любили придумывать названия военным планам и операциям. «Маритой» называлось у них вторжение в Грецию, нападение на Югославию было зашифровано числом 25, «Учением на Везере» («Везерюбунг») нарекли они захват Дании и Норвегии; Везер немецкая река, и план с таким названием должен был скрыть истинные цели предстоящего нападения. План нападения на Польшу, с исполнения которого началась вторая мировая война, назывался «Вайс» — «Белый», на Францию — «Гельб» — «Желтый». Значительная группа названий имела символическое значение. Такие названия должны были устрашить противника и вдохновить немецких солдат на подвиги. Неосуществленная операция вторжения в Англию через Ла-Манш именовалась «Зеелеве» — «Морской лев»: тут и молниеносный десантный прыжок, который надлежит совершить с материка на острова, и противоборство невиданного морского льва с британским гербовым львом.

Самое невероятно страшное, непомерно ужасное для противника и самое вдохновляющее для своей армии название было придумано плану войны против СССР — «Барбаросса».

Фридрих I Барбаросса, германский император, прославился тем, что в XII веке водил в походы крестоносцев. Правда, его войско било не столько иноверцев, сколько христиан в Италии. Захватив, к примеру, Милан, Барбаросса изгнал жителей и приказал разрушить город до основания, а затем провести плугом борозду через город — в знак того, что Милана больше не существует. Самая заурядная жестокость да еще рыжая борода (отсюда и Барбаросса — Рыжебородый) дали основание немецким шовинистам окружить имя императора легендой. Веками в народе держалось поверье, что Барбаросса, вернувшись после походов на родину, погрузился в гору Кифхойзер. В глубине горы он спит, сидя на каменной лавке, опустив голову на каменный стол, а рыжая борода все растет и растет, стелется по каменному полу. Император ждет часа, когда немецкий народ будет готов к новым походам во славу нации. Тогда-то он воспрянет от сна, раздвинет гору, выйдет из нее и встанет впереди победоносных полков.

Гитлер и его единомышленники считали: такой час наступил. Первого сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. К середине 1941 года 12 государств Европы были лишены независимости. Немецко-фашистские агрессоры захватили Польшу, Данию, Бельгию, Норвегию, Голландию, Люксембург. Потерпела поражение Франция, разгромлена и расчленена Югославия, оккупирована Греция. Война перекинулась в Африку. В истории войн политическая карта Европы не перекраивалась так быстро, как в те неполных два года.

Половина Европы была уже под германской

властью. Оставалось сокрушить Советский Союз (а после этого разделаться с Англией и США).

Разработку операции «Вайс» немецкие генералы вели 5 месяцев, захватили Польшу за 35 дней; «Везерюбунг» разрабатывали 4 месяца, оккупировали Данию за сутки, Норвегию — за два месяца; на планирование операции «Гельб» ушло 8 месяцев, захвачена была Франция за 44 дня (вместе с Голландией и Бельгией)... Скоротечность проведенных операций создавала иллюзию непобедимости фашистской армии.

Больше года напряженного, кропотливого и вдохновенного труда ушло у фашистов на планирование «Барбароссы». В соответствии с расчетами вся европейская часть СССР должна была стать немецкой за полтора-два месяца.

Тебя, читатель, возможно, несколько задело слово «вдохновенного»? Фашисты недостойны такого лестного эпитета. Что делать? В тот год они работали действительно вдохновенно. Наша святая ненависть к фашистам не дает нам права не видеть сильных сторон врага — организованности, дисциплинированности, боевой выучки его армии, опытности его генералов и адмиралов. Врага надо ненавидеть, но относиться к нему свысока нельзя, это грозит неудачами в борьбе с ним.

Великие полководцы Александр Васильевич Суворов и Георгий Константинович Жуков, которые были к врагу беспощадны, оставили нам завет: не относитесь к неприятелю с пренебрежением. Суворов так и говорил: «Никогда не пренебрегайте вашим противником, но изучайте его войска, его способы действия, изучайте его сильные и слабые стороны». «Я противник того,— говорил Жуков,— чтобы отзываться о враге, унижая его. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге не только недооценка врага, но и недооценка самих себя».

Ничто так не требует объективности, неприкрашенного отношения к фактам, как война. Необозримые жертвы принесла она, было бы святотатством, надругательством над могилами павших умалить силу врага, умолчать о наших неудачах, помня лишь победы. Эти слова, мой друг-читатель, я пишу в общем-то для себя, чтобы мне в рассказе о Великой Отечественной войне избежать одной «тенденции». О ней маршал Жуков в беседе с писателем Константином Симоновым говорил так:

«Вообще у нас есть неверная тенденция. Читал я тут недавно один роман. Гитлер изображен там в начале войны таким, каким он стал в конце. Как известно, в конце войны, когда все стало расползаться по швам, он действительно стал совсем другим, действительно выглядел ничтожеством. Но это был враг коварный, хитрый, сильный... И если брать немцев, то, конечно же, они к нему не всегда одинаково и не всегда отрицательно относились. Наоборот. На первых порах восхищались им. Успех следовал за успехом. Авторитет у него был большой, и отношение к нему внутри Германии, в частности со стороны германского военного командования, было разное на разных этапах. А когда мы его изображаем с самого начала чуть ли не идиотиком — это уменьшает наши собственные заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака! А между тем нам пришлось иметь дело с тяжелым, опасным, страшным врагом. Так это и надо изображать...»

Вернемся снова к Гитлеру — пока еще уверенному в себе, опьяненному победами фюреру, вождю орды, которая двинулась по земле в танках, бронетранспортерах, в безукоризненно строгих шеренгах, с оранжево-красными знаменами, перечеркнутыми свастикой.

Гитлер сначала намеревался назвать план войны против СССР не «Барбароссой», а «Фридом». Имелся в виду еще один германский завоеватель, Фридрих II. Этот король, получивший к имени добавление «Великий», на самом деле провел несколько крупных победных сражений с армиями европейских соседей. Но Гитлер, отыскивая для себя опоры в истории, конечно же, читал письмо «Великого Фрица», написанное в 1759 году в последние часы битвы при Кунерсдорфе: «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми... У меня больше нет никаких средств, и, сказать по правде, я считаю все потерянным». Поскольку армию Фридриха II обратили в паническое бегство русские пушкари, стрелявшие из единорогов, и русская пехота, ударившая в штыки, Гитлер не решился дать операции название «Фрид». В трудные моменты борьбы оно навело бы немецких солдат на мысль о грустном итоге затеянного похода.

Но ведь и Барбаросса был с подмоченной репутацией — даже в буквальном смысле этого слова. Он потерпел сокрушительное поражение в битве с ополченцами итальянских городов и едва спасся от плена. Тогда же ему пришлось, чтобы наладить отношения с папой римским, стоять перед ним на коленях и целовать ему ноги — занятие, по понятиям всех времен, в высшей степени унизительное. Кончина Барбароссы тоже не есть пример доблести: во время крестового похода при переправе он утонул в Черном море. Однако лучшего выбора у фашистов не оказалось, план получил название «Барбаросса».

«Рыжебородый» в итоге привел фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции, Гитлера — к самоубийству, его соратников — на виселицу.

Но итог этот был после многих лет напряженнейшей, кровопролитнейшей борьбы. Вторая мировая война унесла из человеческой семьи 50 миллионов жизней, обрекла сотни миллионов людей жить долгие годы впроголодь, в тяжелом труде, в печали по погибшим. Было разрушено огромное число городов, сожжено огромное число деревень, погибло великое множество ценностей, созданных людьми.

В той войне фашисты ничего не делали без ведома фюрера. Однако первовиновником, главным виновником ужасных человеческих бед был не он, не его генералы и даже не нацистская партия. Гитлер — всего лишь ядовитый зуб смрадной и жирной змеи, название ко-

торой — германский империализм, а точнее — мировой империализм.

В 1925 году Гитлер опубликовал книгу «Майн кампф» — «Моя борьба». Германцы объявлялись в ней самым полноценным народом, потомками древних ариев — арийцами. Поскольку «полноценный народ» живет в стесненных условиях, он имеет право взять у «неполноценных» землю и оставить в живых столько «неполноценных», сколько нужно для обслуживания «арийцев».

В конце концов, утверждал Гитлер, все народы подчинятся германцам, весь мир будет германским. Первыми, кого должны уничтожить «арийцы»,— это коммунисты, славяне и евреи. Почему коммунисты? Потому что идеология коммунистов в корне отличается от идеологии фашистов, коммунисты — самая крепкая сила, которая стоит на их пути. Почему славяне? Много ли возьмет земли германец, если двинется на запад? Зато на востоке лежат неоглядные просторы. К тому же одним ударом будут решены две задачи — страна с самым большим славянским населением и есть страна коммунистическая. А почему евреи? Гитлер считал, что евреи — экономическими и другими средствами — тоже хотят захватить господство над миром. А раз так, то они враги.

«Майн кампф» в то время мало кто принял всерьез — настолько невероятными, чудовищно дикими казались намерения, изложенные в ней. Но борьба с коммунизмом, уничтожение Советского Союза никогда не снимались империалистами с повестки дня. Поэтому фашисты, объявившие себя врагами СССР, получили от германских капиталистов сначала деньги, потом власть. Когда же фашизм окреп и создал сильную армию, уже капиталисты Англии и Франции (при согласии капиталистов США) позволили Гитлеру захватить Австрию, Чехословакию, а чуть позже — Польшу. Гитлер продвигался на восток, к границам СССР — зачем же мешать ему?! Правда, в какие-то моменты правителей Англии и Франции пробирал озноб при мысли, что Гитлер выкинет непредвиденный фокус — например, потребует вернуть Германии отнятые в первую мировую войну колонии. Но страх проходил — военный союз фашистских государств — Германии, Италии и Японии — назывался «Антикоминтерновский пакт», совершенно ясно, против кого он направлен.

Капиталисты рассуждали: завоевав Советский Союз, фашисты насытятся и не тронут капиталистические страны.

Еще при захвате фашистами Австрии Советское правительство настойчиво призывало миролюбивые страны объединиться для отпора агрессорам. «Завтра может быть уже поздно,— говорилось в нашем заявлении,— но сегодня время для этого не прошло...»

Правительства Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, к кому в первую очередь направлялся призыв, оставили его, как и другие наши предложения, без ответа — им очень хотелось столкнуть в истребительной войне фашистскую Германию с социалистическим Советским Союзом.

А фашистская Германия не думала щадить капиталистов-конкурентов. Ей нужен был весь мир. И еще Гитлер знал, что для войны против СССР одна Германия не сможет произвести оружие в достаточном количестве, у нее не хватит собственных ресурсов. Для войны против СССР фашистам была нужна промышленность всей Западной Европы. В апреле 1940 года фашисты вопреки ожиданиям капиталистов заняли Данию и Норвегию, в мае — Бельгию и Голландию, затем вторглись во Францию и оккупировали ее.

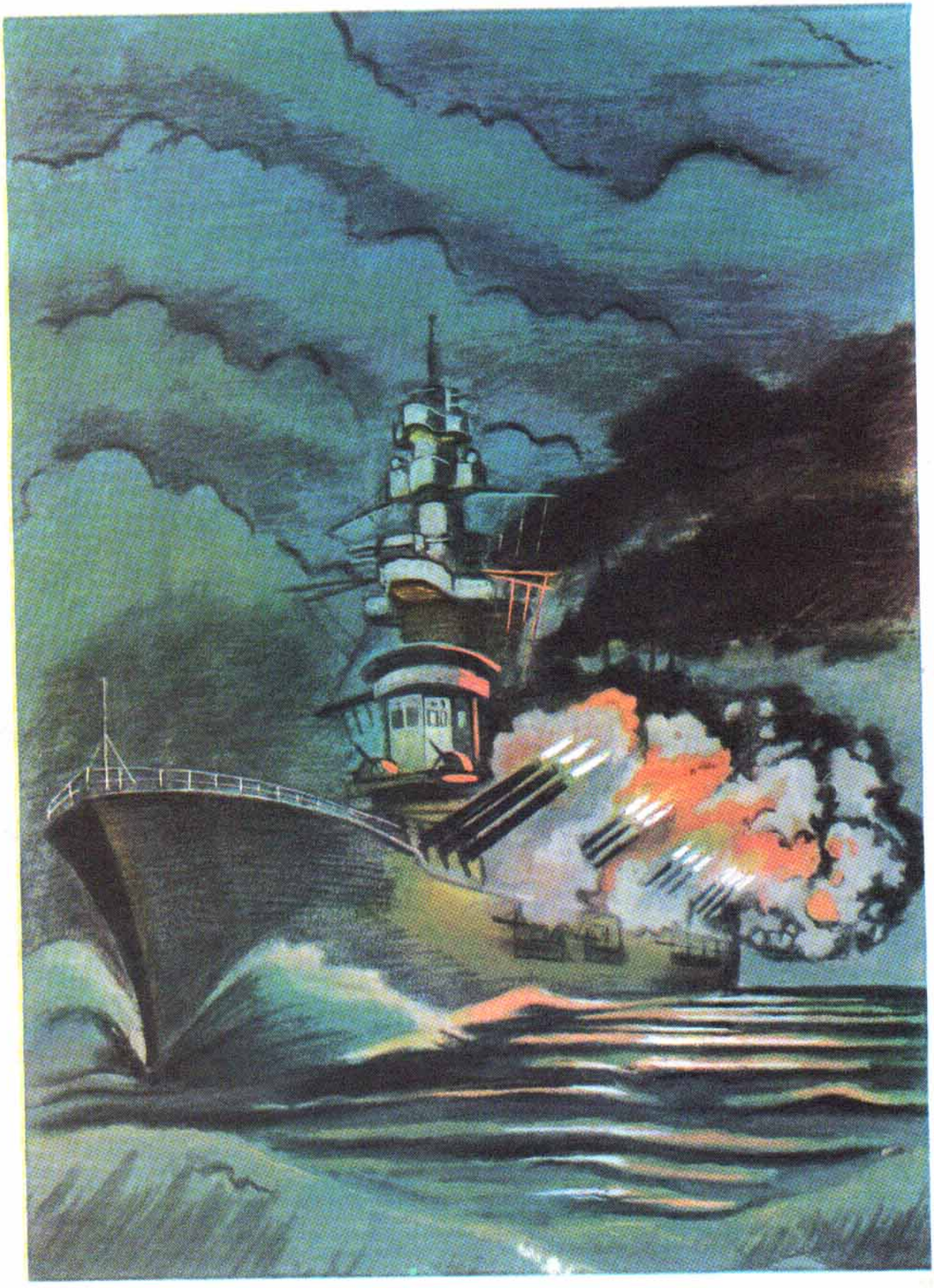
Планы «Вайс», «Везерюбунг», «Гельб» и прочие легко удались фашистам. Солдаты прошли в победных маршах по площадям Парижа, Гааги, Брюсселя и других столиц. Военные заводы Франции, Бельгии, Австрии, Чехословакии начали делать танки и самолеты для немецко-фашистской армии. Нефтяные промыслы Румынии и Венгрии качали для нее горючее. Из рудников Норвегии пошли в Германию железная руда и никель. Со всех концов Западной Европы свозилось в Германию продовольствие. Миллионы рабочих из оккупированных стран были вывезены на заводы и на поля самой Германии — за счет этого Гитлер мобилизовал в армию миллионы немцев. Правители Финляндии, Венгрии, Румынии отдали в распоряжение фашистов свои вооруженные силы. Турция заключила с немцами договор о дружбе. Япония держала у дальневосточных границ СССР огромную армию. Такой была обстановка, когда Гитлер отдал приказ осуществить план «Барбаросса».

Рыжебородый предок арийцев не мог не отметить, что фашисты подготовились к войне против СССР мощно. Как полководец (хотя и с подмоченной репутацией), он, конечно же, записал в актив германской армии ее двухлетний опыт боевых действий и страсть ее солдат к беспощадному уничтожению людей.

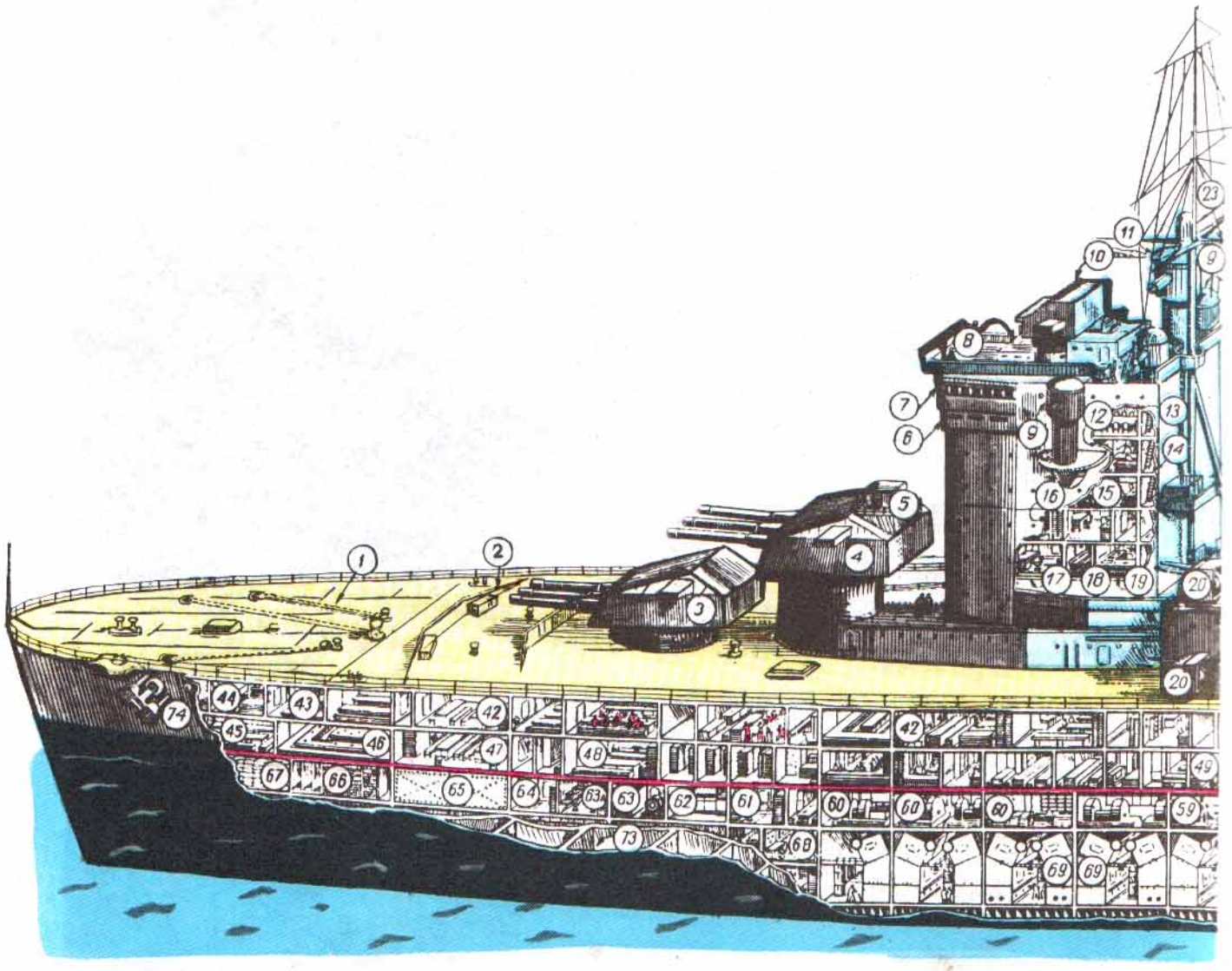
Вторая мировая война, подготовленная силами международного империализма, вопреки ожиданиям ее зачинщиков началась как вооруженное столкновение внутри лагеря империализма между двумя группами империалистических государств: германо-итало-японской — с одной, и англо-французской — с другой. Ведущим капиталистическим державам не удалось объединить свои усилия в борьбе против СССР. Война началась как империалистическая, захватническая, несправедливая со стороны главных ее участников. Но благодаря неуклонно возраставшей активности широких масс трудящихся постепенно стала приобретать антифашистский характер. С вступлением Советского Союза в войну 22 июня 1941 года, с началом Великой Отечественной войны советского народа против фашизма этот процесс завершился. Вторая мировая война приобрела новое политическое содержание.

Советский Союз, принявший на себя основ-

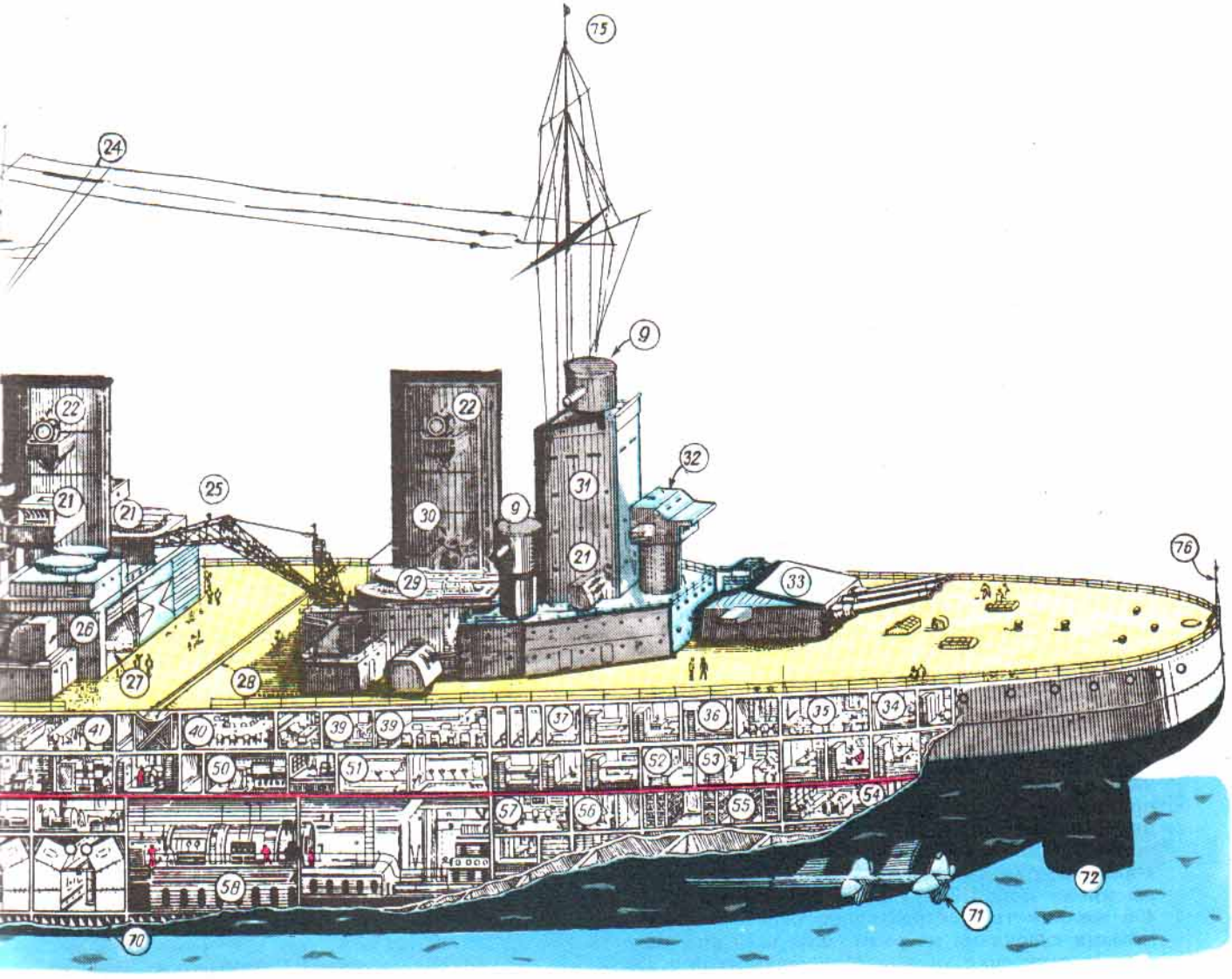
Линейный корабль ведет огонь.



Линейный корабль времен второй мировой войны /продольный разрез/.



1— якорная цепь; 2— волнорез; 3— передняя трехорудийная башня артиллерии главного калибра; 4— верхняя носовая трехорудийная башня артиллерии главного калибра; 5— батарея зенитных пушек-автоматов; 6— помещение рулевого управления; 7— помещение компасов; 8— боевая рубка; 9— стабилизованные посты наводки; 10— носовой пост управления артиллерийским огнем; 12— чертежная; 13— оперативная каюта; 14— лестницы /трапы/; 15— помещение работников механического лага, измеряющего скорость корабля; 16— походная каюта начштаба; 17— адмиральская каюта; 18— душ; 19— помещение метеорологов; 20—120-миллиметровые зенитные пушки; 21— батареи зенитных пушек-автоматов; 22— прожекторы; 23— место наблюдателя; 24 — антенна; 25 — кран для подъема самолетов на борт корабля; 26 — орудие противоминной артиллерии калибра 135 миллиметров; 27— ангар; 28— катапульта для запуска самолетов; 29— моторные боты; 30— вентиляторы котельного отделения; 31— кормовые посты управления; 32 — пост управления артогнем; 33— кормовая трехорудийная



башня артиллерии главного калибра /355 миллиметров/; 34— адмиральские каюты; 35 и 36— офицерские каюты 37— ванные и души; 38— лазарет; 39— приемная врача; 40— кают-компания; 41— офицерская столовая; 42— помещения команды; 43— машинное шпилевое отделение; 44— малярная мастерская; 45, 46, 47, 48— столовые помещения; 49— ремонтные механические мастерские; 50— вентиляционная установка; 51— умывальные; 52, 53— канцелярия; 54— хлебопекарня; 55— продовольственные склады; 56— гирокомпас; 57— главная радиорубка; 58— машинное отделение; 59 и 60— вспомогательные машины; 61— карто-хронометрическая каюта; 62— машина для фильтрации воздуха; 63— мотор-генератор; 63-а— запасная радиорубка; 64— нижнее рулевое управление; 65— цистерна для пресной воды; 66— главный склад; 67— мучной склад; 68— радиопередатчик; 69— паровые котлы; 70— цистерны для горючего; 71— гребные винты; 72— руль; 73— противоторпедные переборки; 74— якорь; 75— клотик; 76— флагшток (вертикальный шест) кормового флага.

ную тяжесть вооруженной борьбы с агрессором, отстаивал социализм, помогал народам, попавшим в фашистское рабство, защищал мировую цивилизацию — и вторая мировая война (для стран антифашистской коалиции) превратилась в войну справедливую, освободительную.

В Советской стране, в ее народе, руководимом Коммунистической партией, народы земли видели силу, которая может остановить и уничтожить гитлеровские армии.

О том, как шла Великая Отечественная война, о боевых действиях на побережьях и на морях, разговор впереди. А сейчас, читатель, мы займемся обычным для начала главы делом — посмотрим, как менялся флот после первой мировой войны, как он готовился ко второй мировой войне и совершенствовался во время ее.

КОРАБЛИ, ОРУЖИЕ И СРЕДСТВА ФЛОТА

ЛИНКОРЫ

Как и раньше, главная роль в войне на море отводилась линейным кораблям. В них видели силу, способную обеспечить господство на морских театрах.

И вот появились корабли-гиганты — длиной в четверть километра, шириной почти 40 метров, водоизмещением до 65 тысяч тонн, с экипажами до трех тысяч человек. Эти махины носились по любым волнам со скоростью до 33 узлов. Мощность турбин на таких кораблях доходила до 250 тысяч лошадиных сил — поставь эту установку на берегу, и она даст электричество целому городу с его заводами и фабриками.

Что же входило в обязанности линкоров? Им надлежало наносить мощные артиллерийские удары по кораблям и береговым объектам неприятеля. В морском бою они, как говорят военные моряки, должны были придавать боевую устойчивость соединениям других надводных кораблей. Для выполнения своей задачи линкоры имели мощные орудия калибром от 305 до 406 миллиметров, стрелявших тысячекилограммовыми снарядами на расстоянии в 40 километров. За один залп линкор обрушивал на противника 10 тонн стали, за четверть часа непрерывного огня — 200 тонн.

Совершенствовались линкоры, совершенствовались и средства борьбы с ними — авиация, подводные лодки, минное оружие... В море линейные корабли выходили, как императоры, окруженные многочисленной свитой — их сопровождали сторожевики, тральщики, миноносцы и эсминцы, крейсеры и даже авианосцы.

Но ни многочисленный эскорт, ни собственное грозное оружие не гарантировали линейный корабль от атак неприятеля. В таком случае на пути вражеских снарядов и бомб вставала броня. Теперь ее вес составлял чуть ли не половину веса всего корабля. До 20 тысяч тонн против 10 тысяч на старых линкорах. Броней покрывались верхняя, средняя палубы и часто нижняя. Бомба, ударившись о верхнюю палубу, взрывалась, но на пути осколков и взрывной волны оказывалась более прочная броня средней палубы. Бортовую броню теперь ставили не вертикально, а с наклоном к воде, угол встречи снаряда с броней уменьшался, снаряд бил по броне вскользь.

От бомб и снарядов линкор защитился. А торпеды и мины? Ведь подводная часть корабля не закрыта броней... Кораблестроители поставили на пути взрыва торпеды несколько переборок, которые, разрушаясь, все ослабляли и ослабляли силу взрыва. Толщина такой защиты (с промежутками между переборками) достигла 8 метров. За ней укрывались котлы, машины, артиллерийские погреба, все жизненные центры корабля.

Корабль разделен на множество отсеков водонепроницаемыми поперечными переборками. Прямо пчелиные соты! Так что потопить линкор очень и очень трудно.

И все же, несмотря на свою огромную силу и живучесть, морские Гулливеры не оправдали надежд. Урон неприятелю они приносили не такой большой, как должны были по расчетам, а сами гибли.

Одним из первых пошел на дно морское новейший немецкий линкор «Бисмарк». «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» в сопровождении трех эсминцев 18 мая 1941 года вышли из Гдыни на Балтийском море и отправились топить английские торговые суда в Бискайском заливе. Ранним утром 24 мая английские корабли перехватили этот отряд. А днем 27-го числа немцы вынуждены были открыть на линкоре кингстоны и затопить его, так как ко-

Крейсер «Киров».

рабль получил повреждения, исключавшие дальнейшее сопротивление. В корабль попало 8 торпед, сброшенных самолетами и выпущенных эсминцами, и много артиллерийских снарядов. «Принц Ойген» оторвался от преследования и укрылся в Бресте.

Англичане выпустили по немецким кораблям несколько тысяч снарядов и 83 торпеды. У них в том бою было более 100 самолетов и более 50 различных кораблей, в том числе два линкора, линейный крейсер и другие крейсеры да два авианосца. При таком огромнейшем превосходстве в силах англичане за победу над «Бисмарком» заплатили потопленным линейным крейсером «Худ» и большими повреждениями новейшего линкора «Принс ов Уэлс». Любопытная подробность: английские самолеты-торпедоносцы, поднявшиеся с авианосца «Арк-Роял», спутали с немецким кораблем свой крейсер «Шеффилд» и выпустили по нему торпеды. Видимо, летчики не обладали нужным мастерством, так как крейсер, не готовый к такому сюрпризу, сумел уклониться от всех торпед.

КРЕЙСЕРЫ

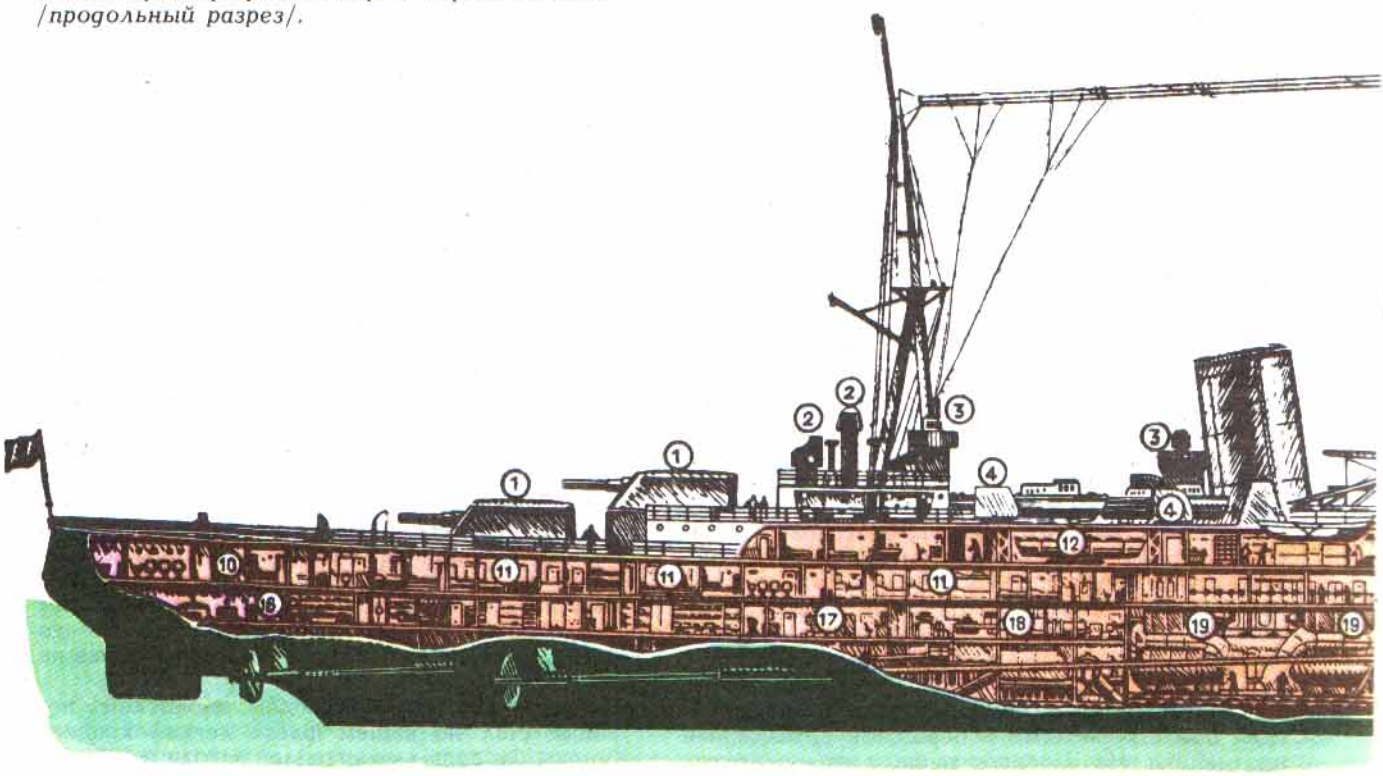
Крейсеры, как и линкоры, вели артиллерийский бой с кораблями и береговой артиллерией противника. Но вдобавок решали еще и другие задачи — поддерживали артиллерийским огнем свои сухопутные войска, прикрывали десанты на переходе морем, ставили минные заграждения, вели дальнюю разведку, охраняли конвои транспортных судов, нападали на конвои противника, нарушали его морские коммуникации за тысячи миль от своих баз.

Крейсеры были почти такой же длины, как и линкоры, но уже линкора чуть ли не в два раза. За счет корпуса такой формы корабли, имея менее мощные машины, развивали скорость до 40 узлов. Скорость позволяла им быстро сближаться с противником и так же быстро выходить из боя, часто еще до того, как противник успевал нанести ответный удар. На тяжелых крейсерах было по 6—9 орудий калибром 203—305 миллиметров, на легких — 9—12 орудий калибром 127—180 миллиметров. От авиации крейсер защищался зенитными пушками и пулеметами. К тому же орудия противоминной защиты (защиты от миноносцев) стали стрелять и по самолетам. В ближнем бою крейсеры поражали вражеские корабли торпедами — из аппаратов, установленных на палубе по обоим бортам.

Но вот броневая защита у крейсеров была гораздо слабее, чем у линкоров. Бронировалась только середина корабля. Можно сказать, что в середине крейсера была коробка из брони, за стенками которой размещались машины и другие особо важные центры и посты. Толщина брони не шла в сравнение с линкоровской, там она доходила до 406 миллиметров, здесь — до 140 миллиметров на бортах и 127 миллиметров на палубах.

Первым крупным кораблем советской постройки стал на нашем флоте легкий крейсер «Киров». Он сошел со стапелей завода в 1936 году. Это был очень хороший корабль. Потом, во время войны, в блокаду Ленинграда, немецкая авиация устроит за ним яростную охоту, но крейсер с честью выйдет из всех испытаний. Корабль был длиной в 191 метр, шириной 18 метров, водоизмещением около 9 тысяч тонн. В трех башнях крейсера стояло по три 180-мил-

Легкий крейсер времен второй мировой войны /продольный разрез/.



А — полубак; Б — верхняя палуба; В — палуба; Г — нижняя палуба.
1— носовые трехорудийные башни главного калибра; 2— командно-дальномерные посты и посты управления огнем — носовые и кормовые; 3— сигнальные прожекторы; 4— два левобортовых зенитных орудия калибра 102 миллиметра, такие же орудия — на правом борту; 5— многоствольные зенитные пушки-автоматы; 6—

лиметровых орудия, еще было 8 орудий калибром 100 миллиметров, 10 орудий калибром 37 миллиметров и 6 зенитных пулеметов. Крейсер мог стрелять торпедами — из двух трехтрубных аппаратов. Он брал 170 мин. Были у крейсера два своих самолета.

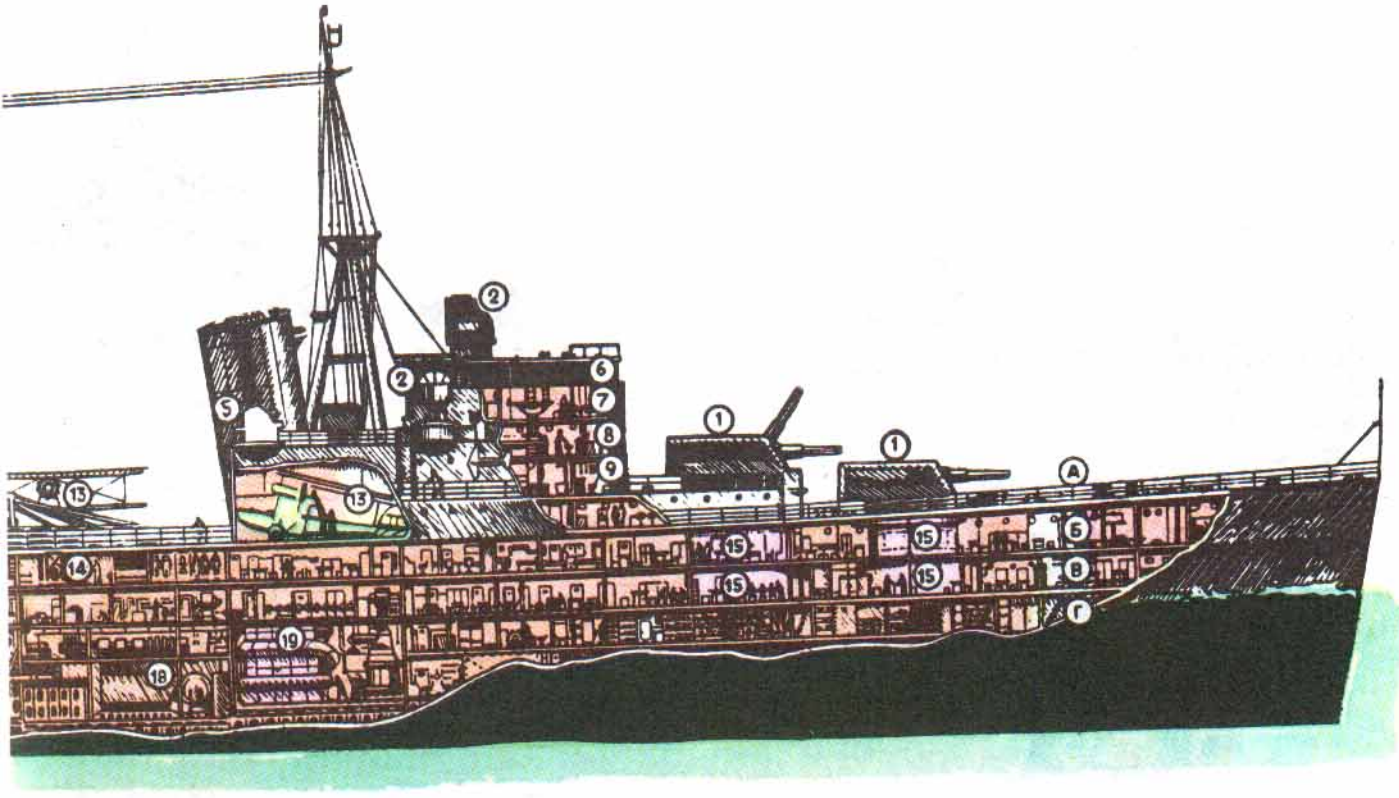
ЭСМИНЦЫ

Об эсминцах мы с тобой, читатель, говорили, пожалуй, больше, чем о кораблях других классов. Они и достойны такого внимания — великие труженики морской войны, которым любое дело по плечу. В торпедные атаки эсминцы ходили, дозорную службу несли, разведку вели, охраняли эскадры и конвои от самолетов и подводных лодок, от торпедных катеров неприятеля, минные заграждения ставили, поддерживали артиллерийским огнем, искали и уничтожали подводные лодки.

Поскольку эсминцы были универсальными кораблями, военные моряки и инженеры настойчиво искали пути совершенствования их, чтобы ходили они еще быстрее и вооружены были еще сильнее. В результате таких поисков на всех флотах появились лидеры эсминцев, которые, по расчетам, должны были водить в атаки обычные эсминцы. Первым лидером на нашем флоте стал «Ленинград». Он имел водоизмещение 2690 тонн, ходил со скоростью более 40 узлов и был вооружен пятью 130-миллиметровыми, тремя 76-миллиметровыми, пятью 37-миллиметровыми орудиями и четырьмя зенитными пулеметами. Кроме того, на палубе стояли два четырехтрубных торпедных аппарата, лидер имел глубинные бомбы и мог взять на борт до 80 мин. Длина «Ленинграда» составляла 139 метров, ширина 14 метров. Узкий и длинный, как нож, стремительный корабль.

Наши лидеры в маневренности и скорости превосходили иностранные корабли этого класса. У «Ленинграда» было три винта и три турбины мощностью по 22 тысячи лошадиных сил. Получается, что каждую тонну водоизмещения лидера мчали по морю почти 25 лошадиных сил (у крейсеров на тонну водоизмещения приходится лишь 15 лошадиных сил, у линкоров — всего 3—4 лошадиные силы).

Однако лидер хоть и был эсминцем, но очень уж большим, похожим на крейсер. Советским конструкторам в 1934—1936 годах удалось создать эсминец, который имел водоизмещение 1860 тонн — на 830 тонн меньше, чем у лидера, но вооружен был почти так же, как лидер: четыре 130-миллиметровых орудия, два 76-миллиметровых, четыре 37-миллиметровых, шесть зенитных пулеметов и два трехтрубных торпед-



верхний мостик; 7— боевая рубка; 8— штурманская рубка; 9— рулевая рубка; 10— каюта командира; 11— каюты офицеров; 12— торпедные аппараты; 13— самолет на катапульте и ангар с самолетом, такой же ангар — на правом борту; 14— катапульта, установленная поперек корабля; 15— помещения для матросов; 16— помещения для механизмов управления рулями; 17— главная радиостанция корабля; 18— турбины; 19— котельные.

ных аппарата, были у него и мины, и глубинные бомбы. Такие корабли стали называться эсминцами типа «Гневный» — по названию первого корабля серии. Но, что интересно, раньше «Гневного» на воду был спущен «Бодрый»: по готовым чертежам к постройке приступили одновременно судостроители на Балтике и на Черном море, в соревновании победили черноморцы.

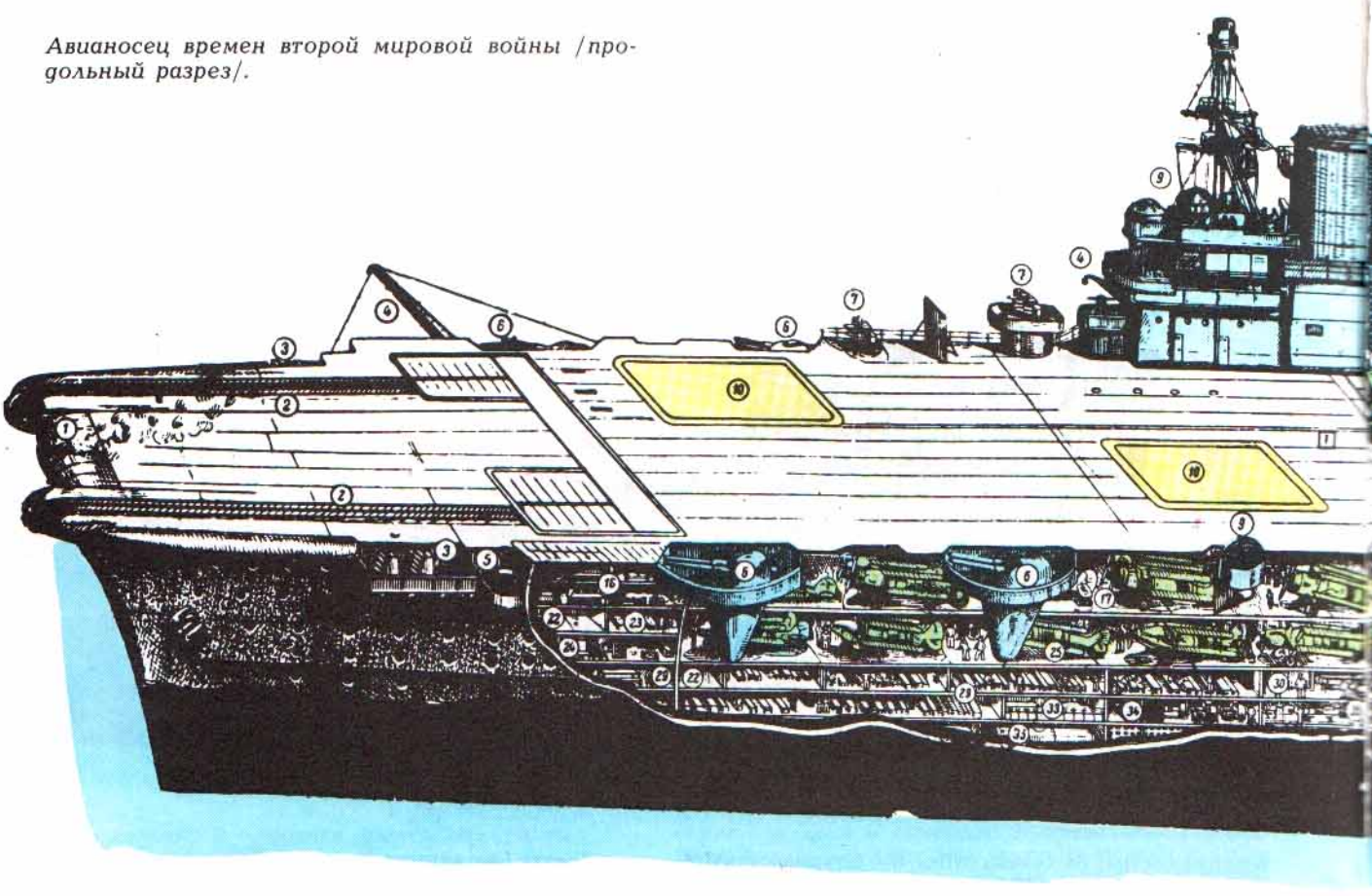
Семья эсминцев-близнецов имела сходство и в названиях: «Бодрый», «Бойкий», «Безупречный», «Гневный», «Грозный», «Громкий», «Гремящий».

В 1939 году вступил в строй головной эсминец новой серии — «Сторожевой». Он дал начало еще одной семье советских эскадренных миноносцев, в которой были «Сообразительный», «Смышленый», «Смелый», «Стерегущий» (последний назван был в честь «Стерегущего», геройски погибшего у Порт-Артура). Внешне эти эсминцы отличались от «Гневного» тем, что имели две трубы, а не одну. Вооружение их было почти такое же, как у старших братьев, но ходили они побыстрее, были прочнее, турбины у новых кораблей располагались так, что их нельзя было вывести из строя попаданием одного снаряда: они стояли одна за другой, а не рядом, как на первых эсминцах.

Советские эскадренные миноносцы были лучше немецких и английских и не хуже американских. У немцев эти корабли расходовали мало топлива на предельной скорости, но много на среднем и тихом ходу, что оказалось существенным изъяном. В 1940 году во время операции по захвату норвежского порта Нарвик восемь новейших немецких эсминцев остались без топлива после большого перехода и, неподвижные, были потоплены английской авиацией. Случались с эсминцами истории еще курьезней — из-за просчета штурманов однажды семь американских эсминцев, шедших в кильватерной колонне, в тумане выскочили один за другим на камни, снять их было некому, и все они погибли, разломанные штормом.

Очень сильными для водоизмещения в 1360 тонн были японские эсминцы типа «Кавасаки». На них стояло по пять 127-миллиметровых орудий и по два четырехтрубных торпедных аппарата. (Сравни с «Гневным», водоизмещение которого на 530 тонн больше.) Как же японцам удалось разместить столь сильное оружие на таком маленьком корабле? Оказалось, они не делали помещений для экипажа, моряки отдыхали и спали прямо на палубе, постелив циновки, еду варили в полевых кухнях. Не было на корабле отопления. Все было сжато, стиснуто сверх предела. Даже в теплом климате служить на таком корабле было очень тяжело.

Авианосец времен второй мировой войны /продольный разрез/.



I— полетная палуба; II— палуба верхнего ангара; III— палуба нижнего ангара; IV— верхняя палуба; V— главная палуба.
1— струя пара, указывающая направление ветра; 2— катапульты, или ускорители движения самолетов при взлете; 3— многоствольные пулеметы; 4— мачты антенны радиотелеграфа, «заваливаемые» во время полетов; 5— прожекторы; 6— спаренные башенные орудия в гнездах, вынесенных к бортам корабля; 7— многоствольные зенитные пушки-автоматы; 8— щит; 9— боевые рубки и командные посты; 10— подъемники для самолетов; 11— пост управления огнем; 12— стартовая площадка; 13— гнезда для зенитных пушек-автоматов; 14— место расположения тормозного устройства для садящихся са-

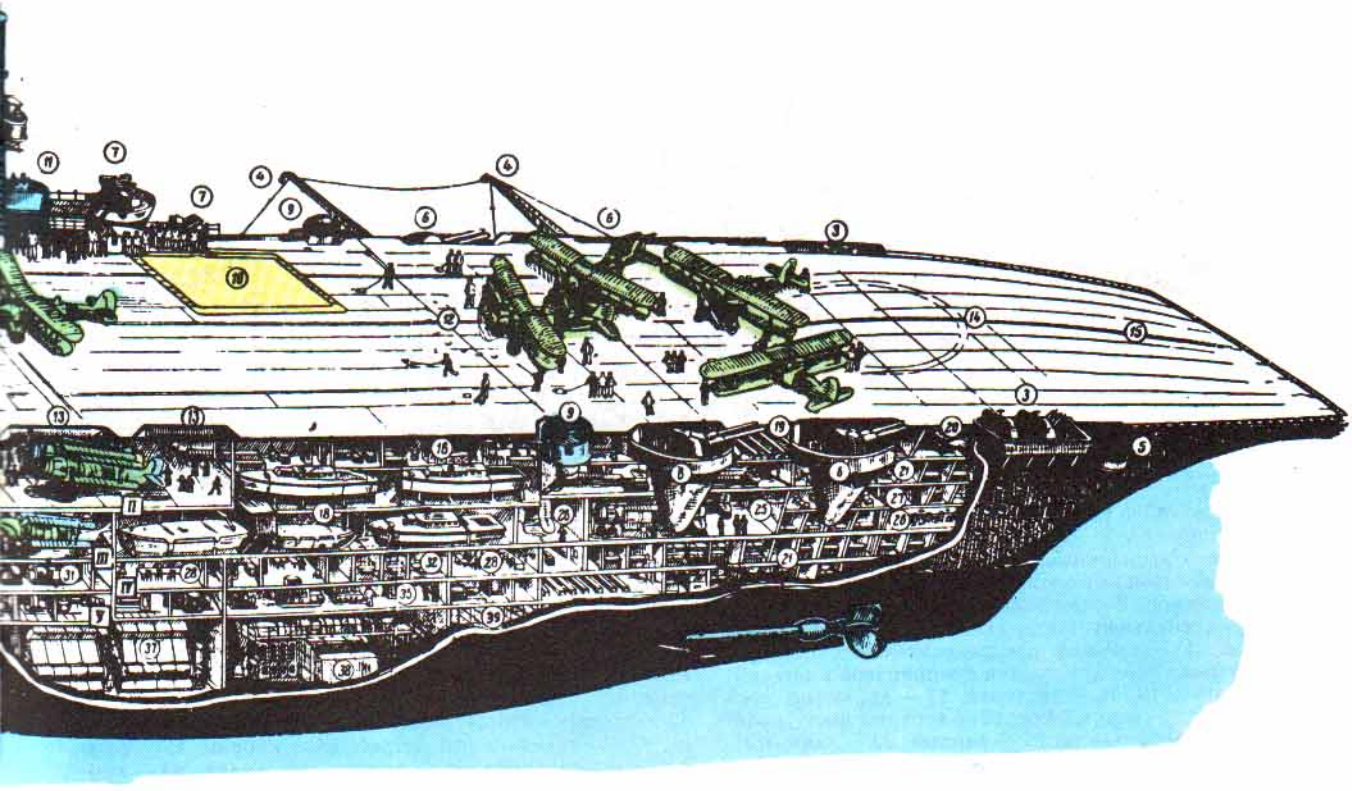
ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

Многое в возможностях подводной лодки — потопить огромный транспорт или сильнейший корабль, провести дальнюю разведку, поставить мины на морской дороге, доставить в отдаленный пункт диверсантов или разведчиков, перевезти особо ценный груз, обстрелять побережье противника или конвойные корабли. Причем выйдет в атаку лодка скрытно и внезапно.

Выдающиеся способности подводных лодок после первой мировой войны ни у кого не вызывали сомнений. Моряки и кораблестроители всех морских держав настойчиво трудились, совершенствуя подводные корабли. Подумать было над чем — тут и скорость, и глубина погружения, и оружие, и приборы навигации, акустики, и средства защиты от надводных кораблей.

Как в каждом поиске, были чрезмерные увлечения, не оправдавшие себя замыслы. Французы, например, в 1929 году построили огромнейшую лодку «Сюркуф», водоизмещением 3257—4368 тонн — опустили под воду чуть ли не крейсер. (Первая цифра обозначает надводное водоизмещение, вторая подводное, запомни это условие.) Японцы и немцы возлагали особые надежды на совсем крохотные лодки, на торпеды, которыми управляет человек. Японская человеко-торпеда управлялась смертником — камикадзе, он не покидал торпеду даже у борта вражеского корабля. Немецкое изобретение состояло из двух торпед, укрепленных одна над другой. В верхней, незаряженной, сидел человек. Направив нижнюю торпеду в цель, он освобождал ее от крепления с верхней и на верхней возвращался восвояси — на корабль-матку. Была у немцев подводная лодка водоизмещением около 7 тонн, по бокам у нее крепились две торпеды. Лодка могла пройти 5 миль.

Однако лодки-гиганты и лодки-карлики не очень прижились. Прообразом новых подводных лодок стали лодки, уже хорошо зарекомендовавшие себя. У нас это были подводные лодки типа «Барс». Поскольку новые советские лодки



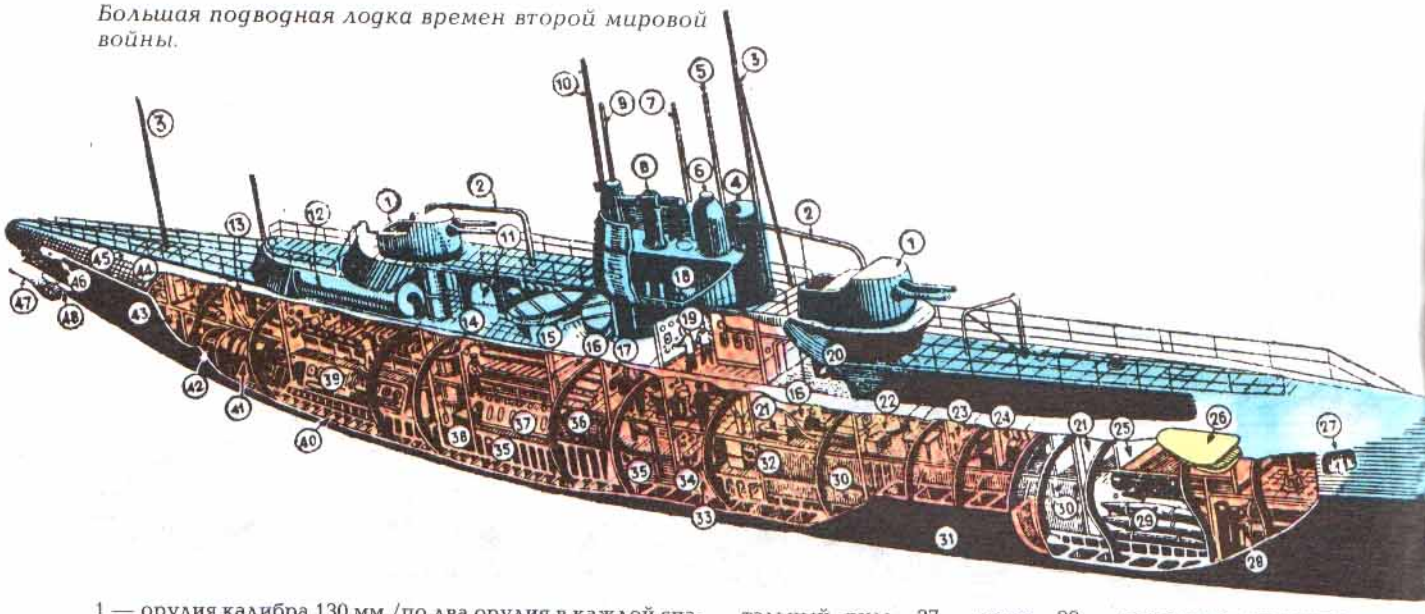
молетов; 15— посадочная площадка; 16— мастерские; 17— верхний ангар; 18— катера; 19— помещение для собраний; 20— тренировочная кабина для слепых полетов; 21— офицерские каюты; 22— запасные помещения; 23— столовая младших командиров; 24— помещение для хранения авиамоторов; 25— нижний ангар; 26— огнеупорная переборка; 27— лазарет; 28— кают-компания; 29— столовая для команды; 30— хлебопекарня; 31— динамо-машины; 32— ванные; 33— умывальники; 34— дезинфекционная камера; 35— вспомогательные механизмы; 36— нефтецистерны; 37— котельные отделения; 38— машинные отделения; 39— кладовые. На палубе — стартующий самолет и самолеты, подготавливаемые к старту.

не уступали в качестве лучшим иностранным, а по некоторым показателям превосходили их, мы будем говорить о наших подводных кораблях.

Ты помнишь, конечно, каким ослабленным был наш флот после гражданской войны и интервенции. Корабли сохранились только на Балтике — старые, изношенные. По сути, флот пришлось строить заново. И судостроительные заводы пришлось восстанавливать — при нехватке станков, металла, квалифицированных инженеров и рабочих. Ко второй мировой войне мы не построили ни одного линкора, лишь модернизировали линейные корабли, доставшиеся от царской России. Легких крейсеров типа «Киров» было построено четыре — два для Балтийского моря и два для Черного. Не могли мы тогда строить больших кораблей, у молодой Советской страны на это не было ни сил, ни средств. Внимание наших конструкторов поэтому было сосредоточено на разработке проектов легких кораблей: подводных лодок, эсминцев, торпедных катеров. Этот план не противоречил стратегии будущей войны: было ясно, что война против СССР будет сухопутной, основные действия развернутся на суше, а флоту придется действовать на флангах сухопутного фронта, упирающихся в Балтийское и Черное моря,— в прибрежных, мелководных районах легким кораблям действовать сподручнее.

Первыми лодками советской постройки, как ты помнишь, были «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец». Вслед за лодками типа «Д» пошли в море лодки типа «Л» — «Ленинец». От предшественниц они отличались тем, что место кормовых торпедных аппаратов на них заняли устройства для постановки 20 мин заграждения — это были первые советские подводные минные заградители водоизмещением 1100—1312 тонн. Со временем удалось в кормовой части лодок «Л» над трубами для сбрасывания мин установить снятые прежде торпедные аппараты. Подводный корабль обрел прежнюю наступательную силу. Теперь он имел 6 носовых и 2 кормовых торпедных аппарата, одно 100-миллиметровое орудие и одно 45-милли-

Большая подводная лодка времен второй мировой войны.



1 — орудия калибра 130 мм /по два орудия в каждой спаренной установке/, 2 — переговорные трубы, 3 — телескопические /выдвижные/ радиомачты, 4 — ходовая рубка, 5 — носовой перископ, 6 — боевая рубка, 7 — зенитный перископ, 8 — дальномер, 9 — кормовой перископ, 10 — сигнальная мачта, 11, 12 — глушители шума двигателей, 13 — главная распределительная станция, 14 — подачная труба для подачи боеприпасов к орудийной установке, 15, 16 — столовая, 17 — кормовой пост управления, 18 — надстройки, 19 — верхний пост управления, 20 — холодильник, 21 — ванные, 22 — кают-компания, 23 — каюта командира, 24 — вентиляторы, 25 — дифферентная цистерна, 26 — правый носовой горизонтальный руль, 27 — якорь, 28 — торпедные аппараты, 29 — помещения для запасных торпед, 30 — аккумуляторы, 31 — наружная обшивка, 32 — холодильник, 33 — баллоны со сжатым воздухом, 34 — радиорубка, 35 — цистерны с горючим, 36 — динамо-машины, 37— вспомогательные дизели, 38 — зарядный погреб, 39 — главные дизели для надводного хода, 40 — балластные и топливные цистерны между внутренним и внешним корпусами, 41 — главные электромоторы для подводного хода, 42 — электромоторы экономичного /замедленного/ хода, 43 — провизионный погреб, 44 — кубрик, 45 — румпельное отделение, 46 — ограждение рулей, 47 — кормовой правый горизонтальный руль, 48 — правый винт.

метровое. Длина таких лодок 81 метр, ширина 6,6 метра.

Чуть позже появились подводные лодки типа «Щ» — первая лодка называлась «Щука». Водоизмещение этих лодок 650—750 тонн, длина 58 метров, ширина 6 метров, скорость хода 13—9,5 узла. Вооружались «щуки» четырьмя носовыми и двумя кормовыми торпедными аппаратами, двумя 45-миллиметровыми орудиями и двумя зенитными пулеметами.

«Щуки» относились к классу средних подводных лодок. Такие лодки действуют в прибрежных районах и внутренних морях. Дальность их плавания — до 5 тысяч миль, автономность плавания — до 25 суток. Что такое автономность? Время, в которое корабль обходится взятыми на борт запасами топлива, продовольствия и воды, то есть действует без захода в базу. Экипажи средних лодок состояли из 40—50 человек.

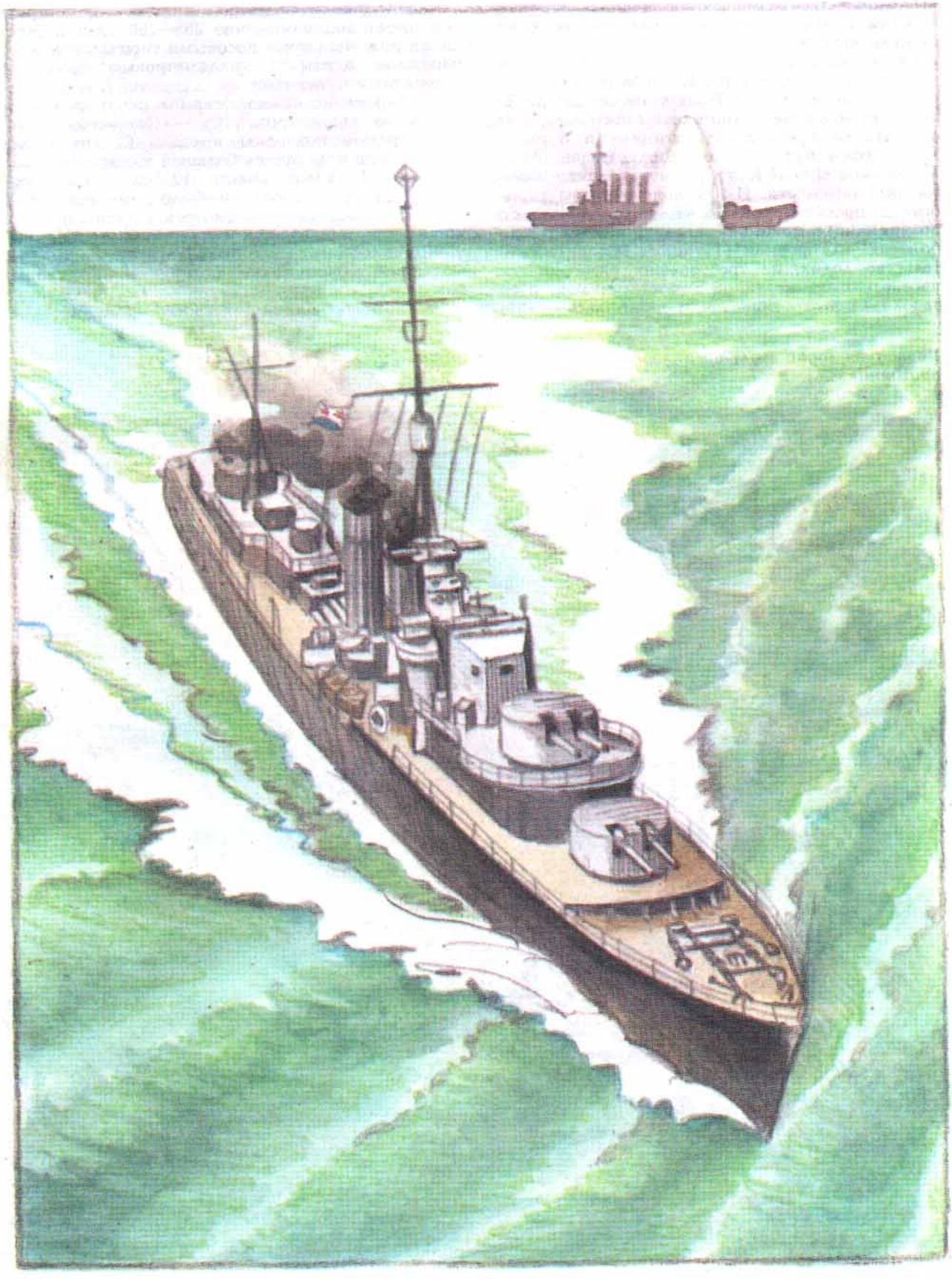
Чтобы было яснее, как совершенствовались подводные лодки, вкратце познакомимся с устройством подводного корабля. Наивыгоднейшей формой для корпуса подводной лодки является форма сигары или веретена. При такой форме вода оказывает при движении наименьшее сопротивление, и, что еще важнее, сигарообразный корпус лучшим образом выдерживает страшное давление воды при погружении. На глубине в сто метров на лодку давят десятки тысяч тонн воды. Но ведь лодки, как ты заметил, не похожи на идеальную сигару. Почему так? В надводном положении «сигара» не выдерживает ветра и волн, при малейшей непогоде начинает крениться. Поэтому стали на «сигару» — прочный корпус — надевать легкий мореходный корпус, он-то и придает лодке привычные нашему глазу очертания.

Пространство между корпусами не остается бездельным: оно разгорожено на цистерны — в одних хранится топливо, другие — балластные цистерны — при погружении заполняются водой. Чтобы лодка всплыла, воду сжатым воздухом из этих цистерн выдавливают за борт.

В надводном положении лодку движут дизели, в подводном — электромоторы, получающие ток от аккумуляторных батарей, батареи очень большие, их вес составляет десятую часть всего веса лодки.

Двигатели расположены ближе к корме. В середине лодки, под боевой рубкой, находится центральный пост управления. Он заполнен множеством приборов, штурвалов, рукояток. Сюда же опускаются трубы перископов. Из центрального поста командир и его помощники управляют всем, что делает лодка. Сюда собираются сведения о том, как ведет себя подводный корабль, что происходит в море. Торпед-

Эскадренный миноносец.



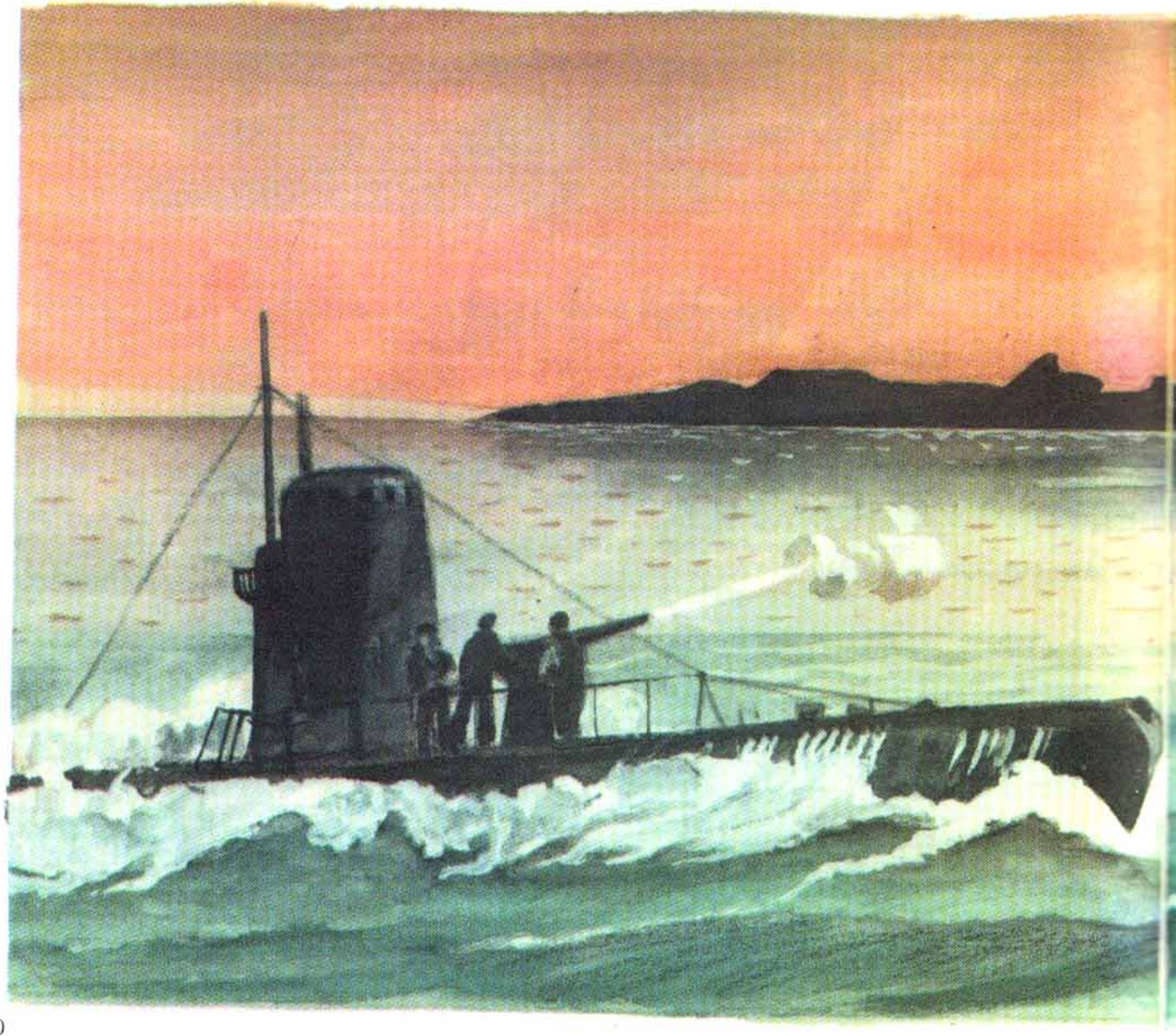
ные аппараты размещаются в носовой части корпуса и кормовой — один над другим в несколько ярусов.

Судостроительные заводы у нас были на Балтике и на Черном море. Но нужно ведь было снабдить кораблями и Тихоокеанский флот. Перегонять лодку на Тихий океан своим ходом, заставлять ее преодолевать штормы и бури на длиннейшем пути — дело неподходящее. А если военное время? К штормам прибавятся более грозные опасности. И вот конструкторы разработали проект такой лодки, которую в разобранном виде можно перевозить на железнодорожных платформах. Началось также строительство лодок, не требовавших разборки при перевозках по железной дороге,— малых. (Первая лодка этого типа так и называлась — «Малютка».) Длиной 45 метров, шириной 3,6 метра, они имели водоизмещение 205—260 тонн и были вооружены двумя носовыми торпедными аппаратами, одним 45-миллиметровым орудием и зенитным пулеметом.

Одновременно с «малютками» началось строительство лодок типа «С» — «Сталинец». Это были средние подводные корабли. От лодок типа «Щ» они отличались большей надводной скоростью — 20 узлов вместо 13, одно из двух 45-миллиметровых орудий было заменено орудием калибром 100 миллиметров, глубина погружения увеличилась до 100 метров против 90 у «Щуки». Главное же было то, что лодки «С» могли действовать на большом удалении от своих баз.

Самой совершенной для своего времени стала

Подводная лодка ведет артиллерийский огонь по противнику.

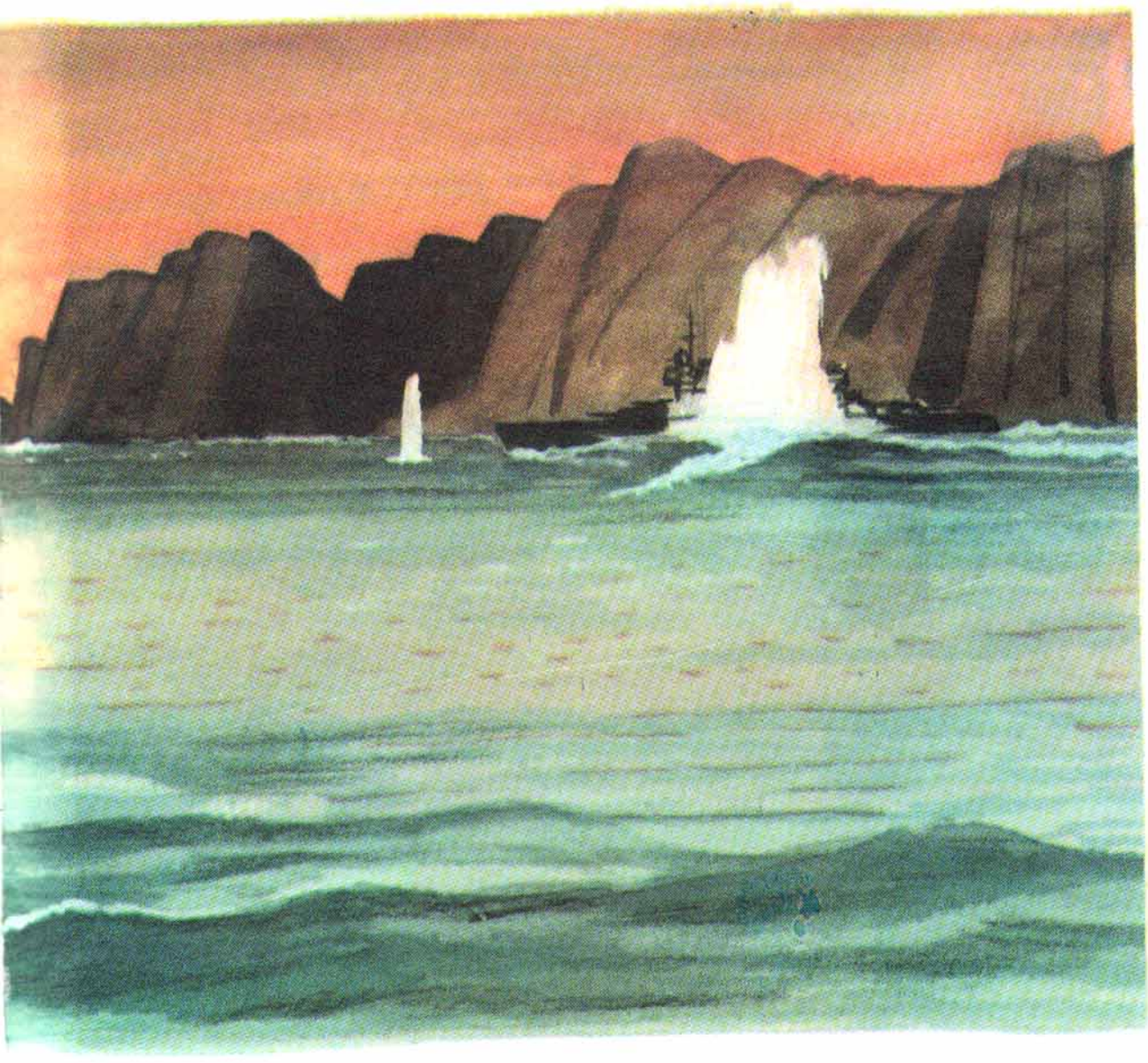


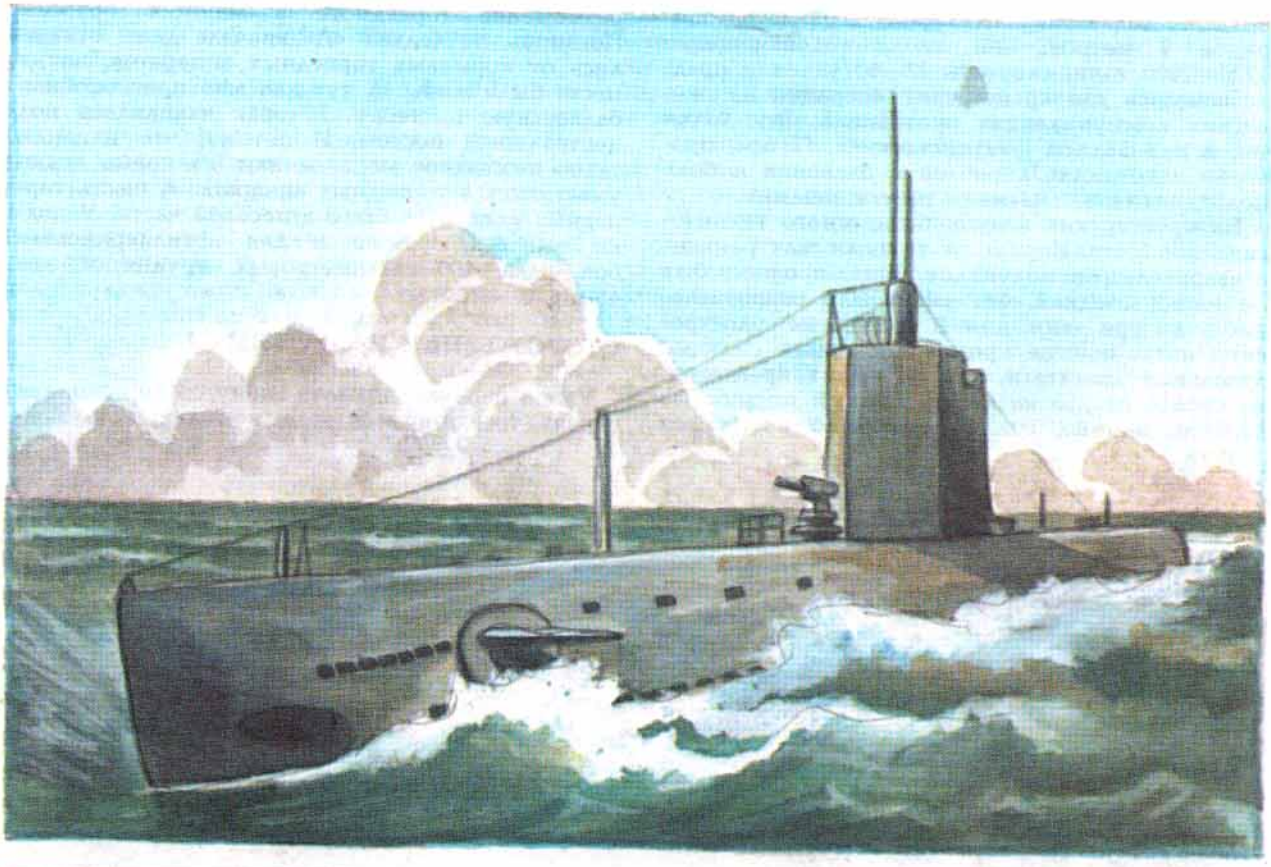
большая лодка типа «К». Длиной 94 метра, шириной 7 метров, она имела водоизмещение 1720—2600 тонн, скорость 22—10 узлов и предназначалась для крейсерских операций на океанских коммуникациях противника. Эти лодки так и назывались — «крейсерские». Потом, проверив надежность кораблей в плавании и бою, подводники стали называть их «катюшами».

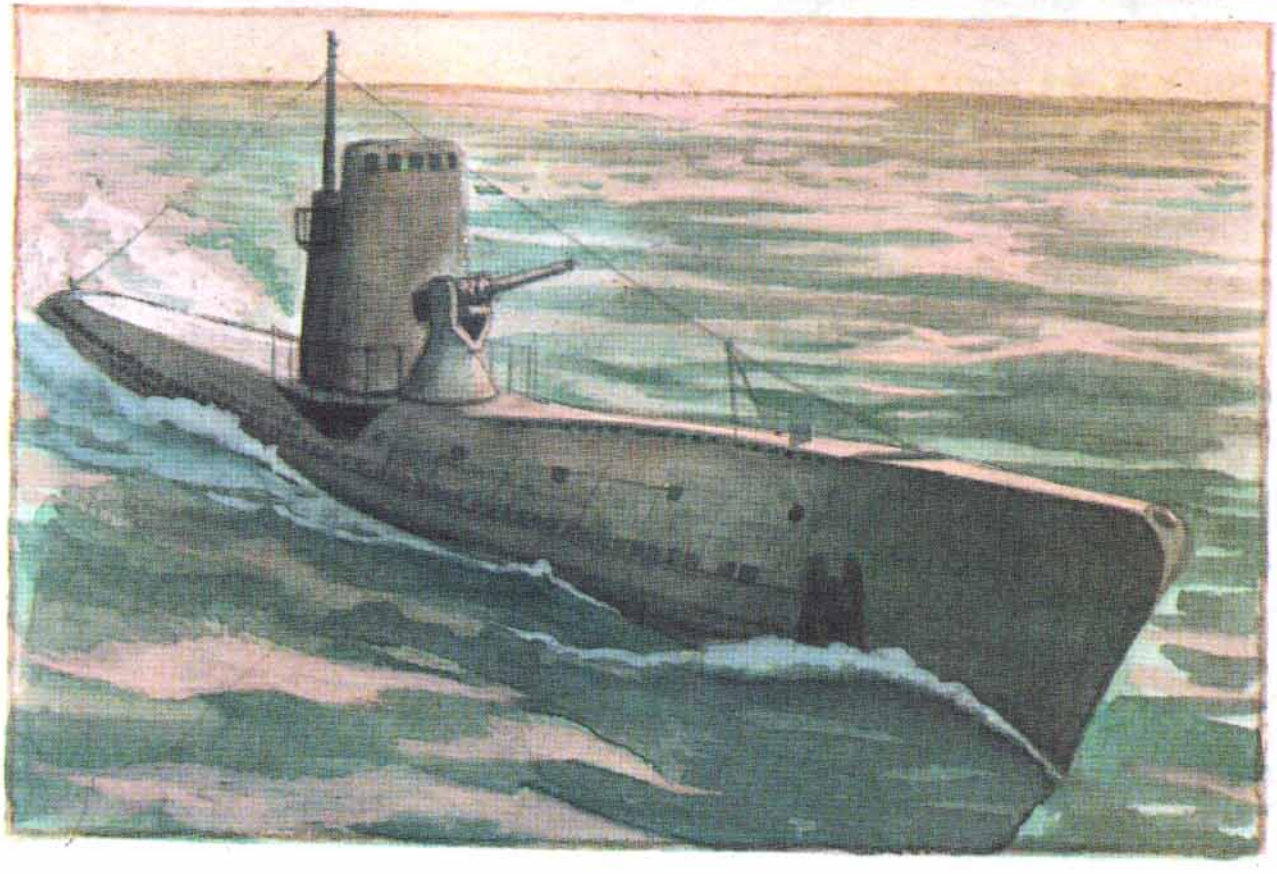
На крейсерских лодках было много технических новшеств. Корпус не клепали, как раньше, а сваривали, он получился легче, прочнее, был он теперь гладкий, что уменьшало сопротивление воды при движении. В подводном судостроении нигде еще не применялись такие сильные дизельные двигатели, как на наших крейсерах; их стояло по два на лодке, каждый мощностью 4200 лошадиных сил. Всегда было проблемой размещение торпедного и минного оружия. Помнишь, на лодках «Л» вначале даже отказались от кормовых торпедных аппаратов, на их месте были мины. А тут для мин приспособили балластную цистерну, которая находилась под центральным постом. И потому, что нашлось такое необычное место минам, на корме лодки уместились 4 торпедных аппарата. А шесть торпедных аппаратов было в носовой части. У лодки имелось оружие и для артиллерийского боя — два 100-миллиметровых орудия и два 45-миллиметровых.

СТОРОЖЕВИКИ И ОХОТНИКИ

Уже в первую мировую войну стало ясно, как беречь транспортные суда и большие надвод-







ные корабли от подводных лодок — конвои и эскадры ходили под защитой эсминцев и миноносцев. Выяснилось также, что охрана из таких кораблей излишне роскошна и дорога. Англичане, больше всех страдавшие от подводного разбоя немцев, начали строить патрульные корабли «Пиботс» водоизмещением в два-три раза меньше эсминцев. Ходили они со скоростью до 22 узлов (это чтобы легко догонять подводные лодки), были вооружены 100-миллиметровым орудием, двумя орудиями меньшего калибра, двумя однотрубными торпедными аппаратами, а еще у них был стальной бивень, которым при удаче можно было лодку протаранить. За англичанами подобными кораблями обзавелись американцы. Так было положено начало сторожевым кораблям и кораблям — охотникам за подводными лодками.

Когда стали входить в силу самолеты морской авиации, сторожевикам вменили в обязанность охранять конвои и от авиации — вооружили их зенитными автоматическими орудиями, пулеметами.

Сторожевики строили разных размеров — и очень большие, и очень маленькие. Самый крупный сторожевой корабль называют эскортным миноносцем; его водоизмещение около тысячи тонн, скорость до 28 узлов, на борту большой запас глубинных бомб. Самый маленький кораблик — сторожевой катер водоизмещением от 12 до 90 тонн, у него одно-два зенитных орудия, пулемет и глубинные бомбы. Катера и малые сторожевые корабли действуют в прибрежных районах, а те, что побольше, ходят в открытое море.

На сторожевых кораблях, как видим, есть всякое оружие. А какое же главное? Это глубинные бомбы. В первую мировую войну глубинными бомбами была отправлена на дно почти четверть из всех погибших немецких подводных лодок.

Глубинные бомбы имеют вид цилиндра, вес их до 300 килограммов. Взрываются они на той глубине, на которую будет установлен взрыватель,— глубину он различает по силе давления воды. Поскольку нельзя предугадать, в каких слоях будет идти лодка, взрыватели бомб устанавливают на разную глубину, и бомбы сбрасывают серией, чтобы взрывы перекрыли всю толщу воды.

Сторожевик находится над тем местом, где обнаружена подводная лодка. Из лотков-сбрасывателей, установленных на корме, падают в воду глубинные бомбы. А еще летят бомбы с обоих бортов — в стороны, метров на двести — из бомбометов. Страшные взрывы бушуют на море. В небо вздымаются фонтаны воды. И необязательно, чтобы бомба попала в лодку. Смертельно опасен для подводной лодки близкий взрыв.

Россия начала строить свои сторожевики в 1917 году на финских верфях. События того времени помешали войти в строй 12 почти готовым кораблям. У советского флота сторожевые корабли своей постройки появились в 1930 году. Это были корабли типа «Ураган» водоизмещением 530 тонн, со скоростью хода 24 узла, с двумя 100-миллиметровыми орудиями, четырьмя 37-миллиметровыми зенитными автоматическими пушками, двумя зенитными пулеметами, трехтрубным торпедным аппаратом и глубинными бомбами. На флоте сторожевые корабли первой серии звали «дивизионом плохой погоды». Для шутки были основания: назывались они «Ураган», «Шторм», «Шквал», «Гроза», «Тайфун»...

Подводная лодка типа «Д» (в в е р х у).

Подводная лодка типа «С» (в н и з у).

ТРАЛЬЩИКИ

Мы говорили о якорных минах, таких, которые с помощью груза-якоря и троса-минрепа устанавливаются на нужной глубине. Перед второй мировой войной наш противник — немецкие фашисты придумали мины более опасные: магнитные и акустические. Они лежали на дне и взрывались, когда над ними проходил корабль, воздействуя на взрывное устройство своим магнитным полем или шумом машин и винтов. С минами всех видов и пришлось бороться тральщикам.

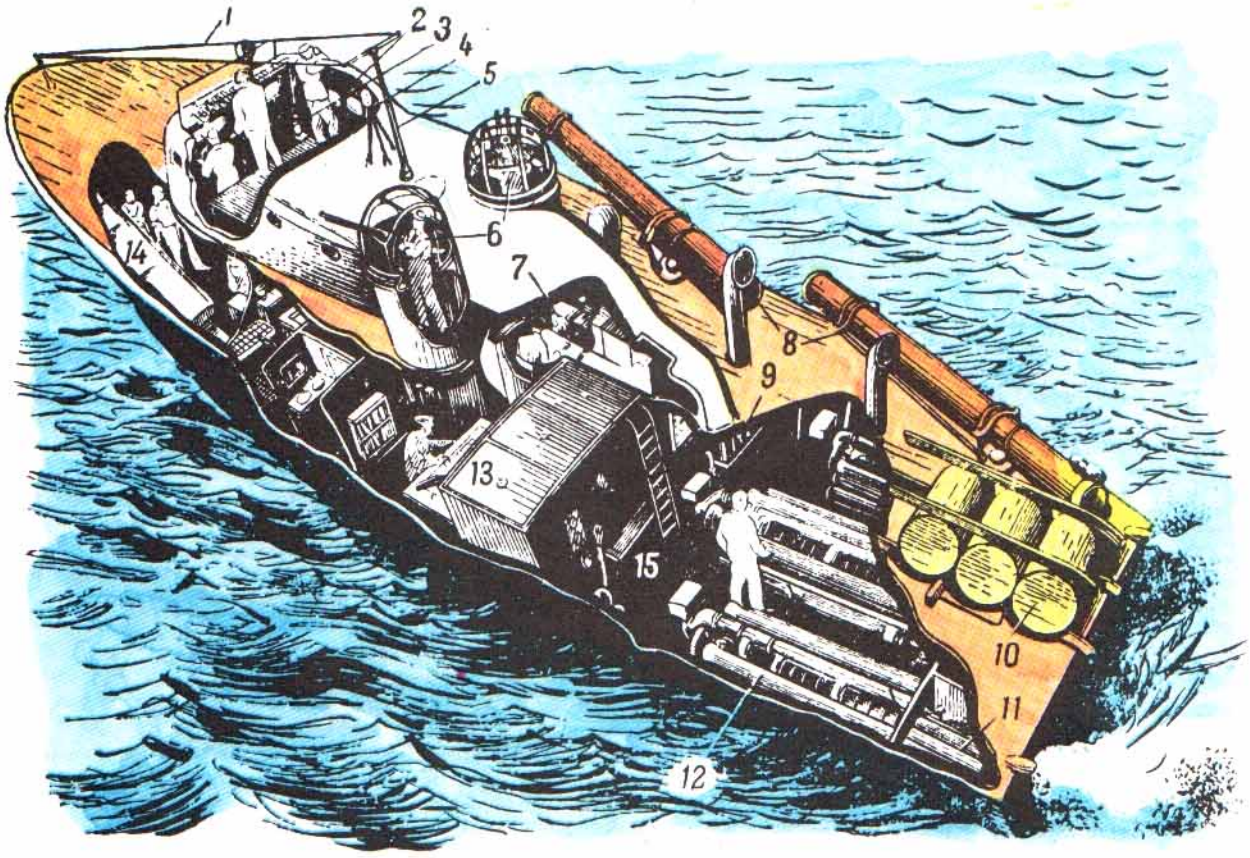
По величине тральщики очень разные. Самые большие — эскадренные — ходят далеко в море с эскадрами, тралят в районах, удаленных от баз; средние — базовые или рейдовые — трудятся у своих баз и портов; самые маленькие — катерные — обезвреживают мины тоже у баз и в прибрежных водах.

Во время своей опасной работы тральщики подвергаются нападению кораблей и самолетов противника. Поэтому для самозащиты вооружаются орудиями, зенитными пушками и пулеметами. На первом советском тральщике, который назывался «Трал», стояло одно 100-миллиметровое орудие, одно 45-миллиметровое и одно 37-миллиметровое. Были у него глубинные бомбы, мог он брать мины (40 штук) и ставить их. Водоизмещение корабля 450 тонн, скорость 21 узел, длина 62 метра, ширина 7 метров.

Но главное оружие тральщика — это трал, приспособление, с помощью которого обезвреживаются мины. Тралы были придуманы разные. Один из них, контактный буксирующий, представляет собой толстый стальной трос длиной 200 метров. Он прикреплен к лебедкам двух тральщиков. Тихим ходом идут два корабля и тащат трал, но не по дну, а на такой глубине, чтобы можно было зацепить минрепы якорных мин. Почему тяжелый стальной трос не опускается на самое дно? Ведь если он опустится, то будет цеплять все, что есть на дне: камни, неровности, остатки затонувших судов... К тросу по всей его длине прикреплены тросиками — оттяжками глубины буйки-поплавки. Прикреплены к тросу и оттяжки с тяжелым грузом, чтобы трал не поднимался выше, чем нужно.

Когда мина затралена, буйки в том месте, где тащится мина, ныряют под воду. Моряки видят это, буксируют мину на мелкое место. Она

Торпедный катер времен второй мировой войны /продольный разрез/.



1— антенна; 2— верхний мостик; 3— нижний пост управления; 4— сигнальный фонарь; 5— выдвижная мачта; 6— пулеметы, предназначенные главным образом для стрельбы по воздушному противнику; 7— радиорубка; 8— торпедные аппараты, размещенные вдоль бортов катера, для выстрела они отклоняются /растворяются/ в сторону на небольшой угол; 9— противопожарные средства; 10— глубинные бомбы; 11— аппаратура для выпуска дымовой завесы; 12— мощные моторы, похожие на авиационные, они сообщают катеру скорость до 60 узлов; 13— баки с горючим; 14— кубрик /помещение команды/; 15— машинное отделение.

всплывает, и ее расстреливают из орудия или взрывают подрывным патроном.

Есть тралы подсекающие, по всей длине их укреплены стальные ножи-резаки. Резак подсекает минреп, и мина, освобожденная от своего якоря, выныривает на поверхность воды. Бывает, что вместо резаков в особом порядке к тралу прикрепляются подрывные патроны. Минреп пойманной, затраленной мины скользит с краев трала к его вогнутой середине, натыкается на патрон и несильным взрывом перебивается.

К разновидности трала относится параван, он был придуман еще в первую мировую войну и, усовершенствованный, применялся на многих классах надводных кораблей во второй мировой войне. Стальные тросы — «усы» — крепятся на форштевне корабля. На конце каждого «уса» по буйку, похожему на самолетик. Задача буйков — на ходу развести «усы» в стороны и поддерживать их на заданной глубине. Вспомни, как летает бумажный змей. В этом примере ты — корабль, нитка — «ус» и сам змей — буек. Поскольку «усы» паравана отходят в стороны не перпендикулярно форштевню, а под углом, чуть назад, то минреп, подцепленный «усом» мины, скользит к буйку и около него перебивается или резаком, или патроном.

Параваны применяются тогда, когда большие корабли идут за тральщиком (для верности) и особенно когда тральщиков нет.

Способы борьбы с донными минами пришлось искать уже во время войны. Смельчаки водолазы вытаскивали новинки из воды. С огромным риском морские инженеры изучали их устройство. Немцы позаботились, чтобы секреты новых мин оставались нераскрытыми, снабжали мины различными «ловушками». Например, мина взрывалась, если на нее падал дневной свет или менялось давление воды — когда мину из воды вытаскивали.

Как же боролись с магнитными и акустическими минами? Их ведь не зацепишь тралом — они лежат на дне.

Ученые нашли способ «размагничивать» корабли. Стальной корпус корабля, металл его ма-

шин и орудий представлял собой магнит со своим силовым полем. Чтобы нейтрализовать это поле, по корпусу корабля укладывали обмотку из проводов, по которой пускали электроток. Возникало новое магнитное поле, но противоположно направленное. Два поля взаимно уничтожали друг друга или ослабляли, и магнитный прибор мины не ощущал никакого влияния, когда над миной проходил «размагниченный» корабль. Вскоре был придуман противомагнитный трал. Упрощенно говоря, тральщик буксировал два электрических кабеля, ток в которые поступал от электрогенератора, установленного на тральщике. Электрическая цепь замыкалась через воду, вокруг цепи образовывалось сильное магнитное поле, которое и воздействовало на взрывное устройство мины.

Оказалось, что можно было приспособить к тралению магнитных мин самолет. Первыми его сделали сами же немцы. У самолета под фюзеляжем укреплялось кольцо, в которое вделывалась обмотка из проводов. Электрический ток поступал в нее от генератора, установленного на самолете. Утюжа море на бреющем полете таким электромагнитом, самолет справлялся с уничтожением магнитных мин во много раз быстрее, чем тральщики.

Акустические мины были менее хлопотными. Их понуждал взрываться стук пневматического молотка, вмонтированного в плавучий баллон. Тральщик буксировал баллон на длинном тросе.

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА

Вся история возникновения и развития торпедных катеров подтверждала их важность и ценность. В ноябре 1928 года первый дивизион катеров советской постройки уже ходил по Балтийскому морю. Это были глиссеры весом около 9 тонн. Вооруженный двумя торпедами кораблик развивал скорость в 52 узла, без торпед — 55 узлов.

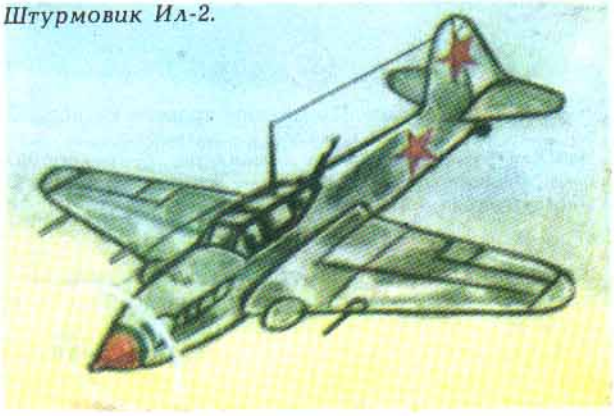
Перед войной наши заводы строили много различных катеров, а основным был катер типа Г-5. Длиной 20 и шириной 3,5 метра, он имел водоизмещение 17 тонн, ходил со скоростью от 48 до 56 узлов и был вооружен двумя торпедами, двумя зенитными пулеметами и глубинными бомбами. Катер имел приспособления для постановки дымовой завесы, мог он ставить мины.

Мы с тобой, читатель, говоря о скорости различных кораблей, подсчитывали, сколько лошадиных сил от общей мощности двигателей приходится на тонну водоизмещения корабля. У быстроходного лидера это число 25, а у торпедного катера почти 120 — так сильны его двигатели. Вот и летит катер по морю — его в пенном буруне почти не видно. Носом он нацелен на корабль или транспорт врага — следовательно, нацелены и торпеды, лежащие в двух аппаратах по бортам. Часто катер выпускает торпеды еще до того, как артиллеристы и пулеметчики неприятеля сообразят о внезап-

Истребитель Як-3.

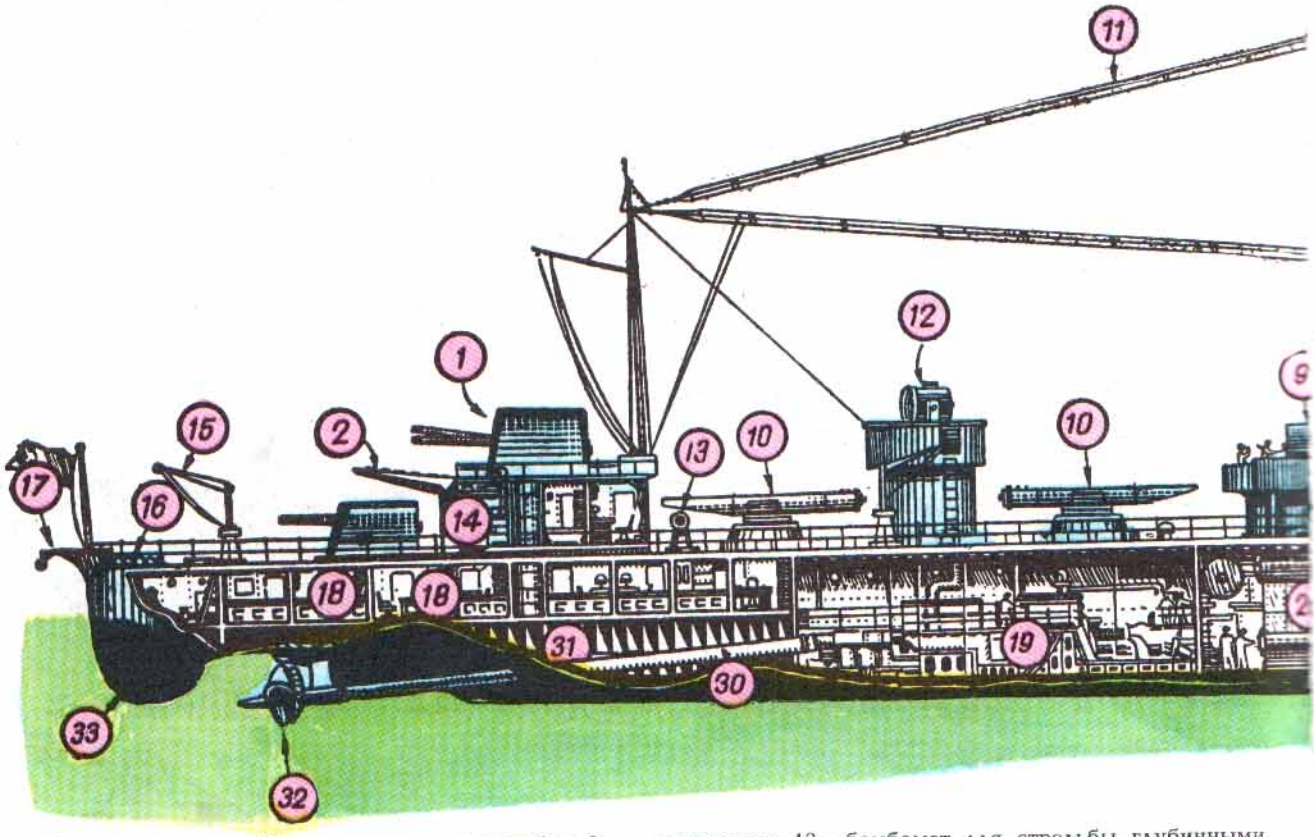
Истребитель Ла-5.

Штурмовик Ил-2.



Пикирующий бомбардировщик Пе-2.

Эскадренный миноносец времен второй мировой войны /продольный разрез/.



1— башенные орудия 120-миллиметрового калибра; 2— щит; 3— командный мостик; 4— дальномер; 5— штурманская рубка; 6— каюта командира; 7— радиорубка; 8— помещение сигнальщиков; 9— зенитные орудия; 10— многотрубные торпедные аппараты; 11— антенна; 12— прожектор; 13— бомбомет для стрельбы глубинными бомбами; 14— камбуз; 15— подъемный кран; 16— глубинные бомбы; 17— кормовой бомбосбрасыватель; 18— офицерские каюты; 19— машинное отделение /турбины/; 20— котельные; 21— спасательная шлюпка; 22—

но возникшей опасности. Торпеды пошли в цель, а катер, развернувшись, прикрывшись густым дымом, уже вышел из боя.

В дни войны на наших катерах начали ставить «катюши». Реактивные установки применялись как для обстрела береговых объектов, так и морских. Современные грозные ракетоносные корабли должны считать наши катера своими предками.

АВИАНОСЦЫ И САМОЛЕТЫ

В первую мировую войну главные капиталистические страны производили самолеты уже десятками тысяч. Естественно, что год от года самолеты становились все лучше: увеличились скорость, дальность и высота полета, грузоподъемность, усилилось вооружение. Воздушные машины перед второй мировой войной стали настолько надежны и грозны, что морская авиация превратилась в один из основных родов военно-морских сил. Она могла выполнять множество самых разных задач. Вот их неполный список:

бороться за господство в воздухе в районе боевых действий и операций флотов, а также на всем военном театре;

защищать свои базы и корабли от ударов вражеской авиации и вражеских кораблей;

наносить удары по неприятельским кораблям, базам и береговым объектам;

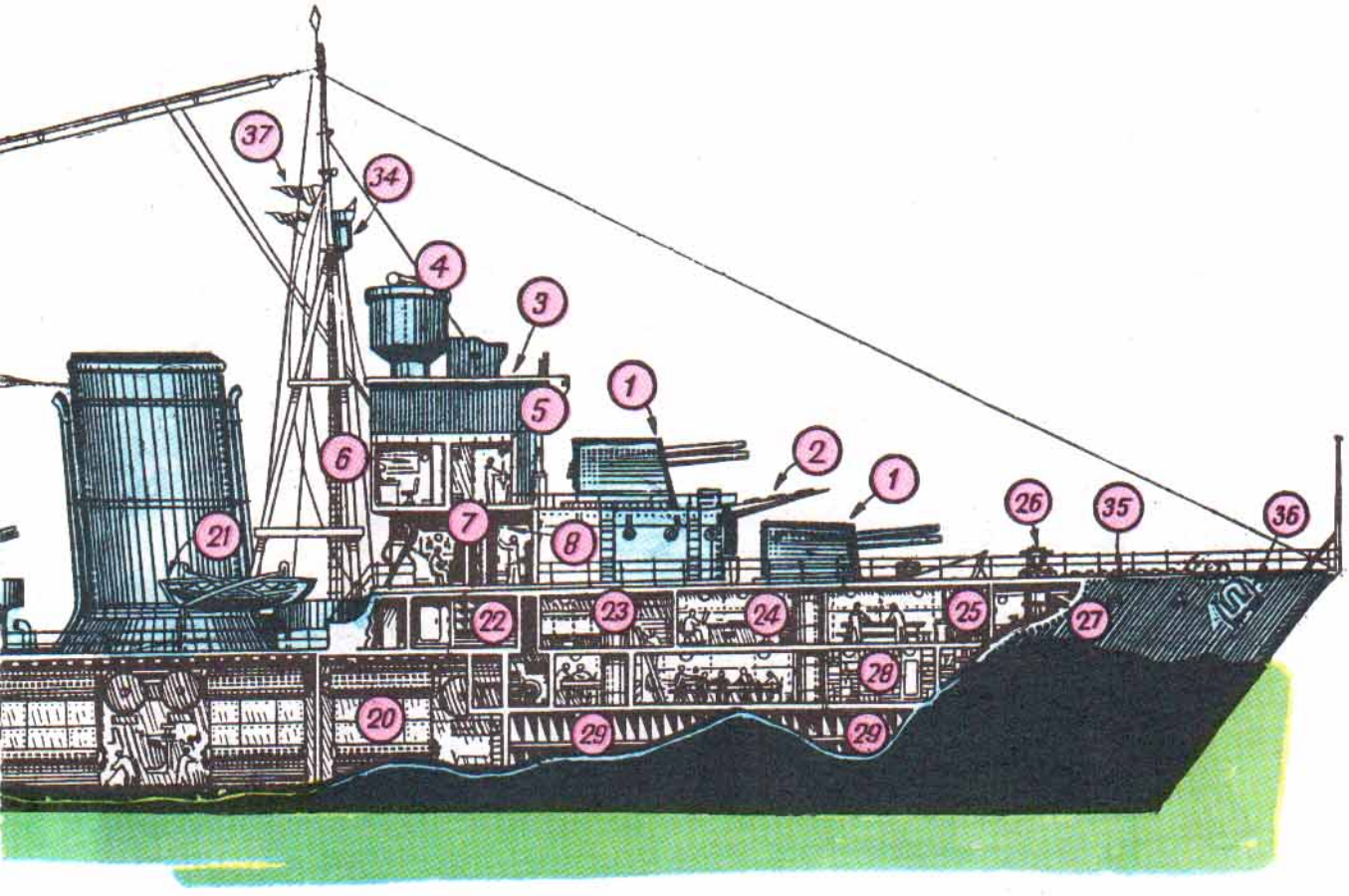
охранять свои морские коммуникации и нарушать вражеские;

участвовать в бою эскадр надводных кораблей и в действиях подводных лодок;

вести разведку;

прикрывать высадку морских десантов и обеспечивать их действия на суше...

Многие из этих задач выполнялись обычными самолетами — истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками, которые взлетали с береговых аэродромов и садились на них. В то время дальность полета истребителя приближалась к 700, среднего бомбардировщика к 1000, а дальнего бомбардировщика к 4000 ки-



погреб боезапаса; 23— ствол орудийной башни с подъемниками снарядов; 24— помещение команды; 25— столовая команды; 26 — шпиль /машина с вертикальным воротом для подъема якоря/; 27— машинное отделение шпиля; 28— хранилища провизии; 29— носовые цистерны для жидкого топлива; 30,31 — кормовые цистерны для жидкого топлива; 32 — гребной винт; 33 — руль; 34 — наблюдательный марс /«гнездо» для наблюдателя на вершине мачты/; 35 — якорная цепь; 36 — якорь; 37 — сигнальные флажки.

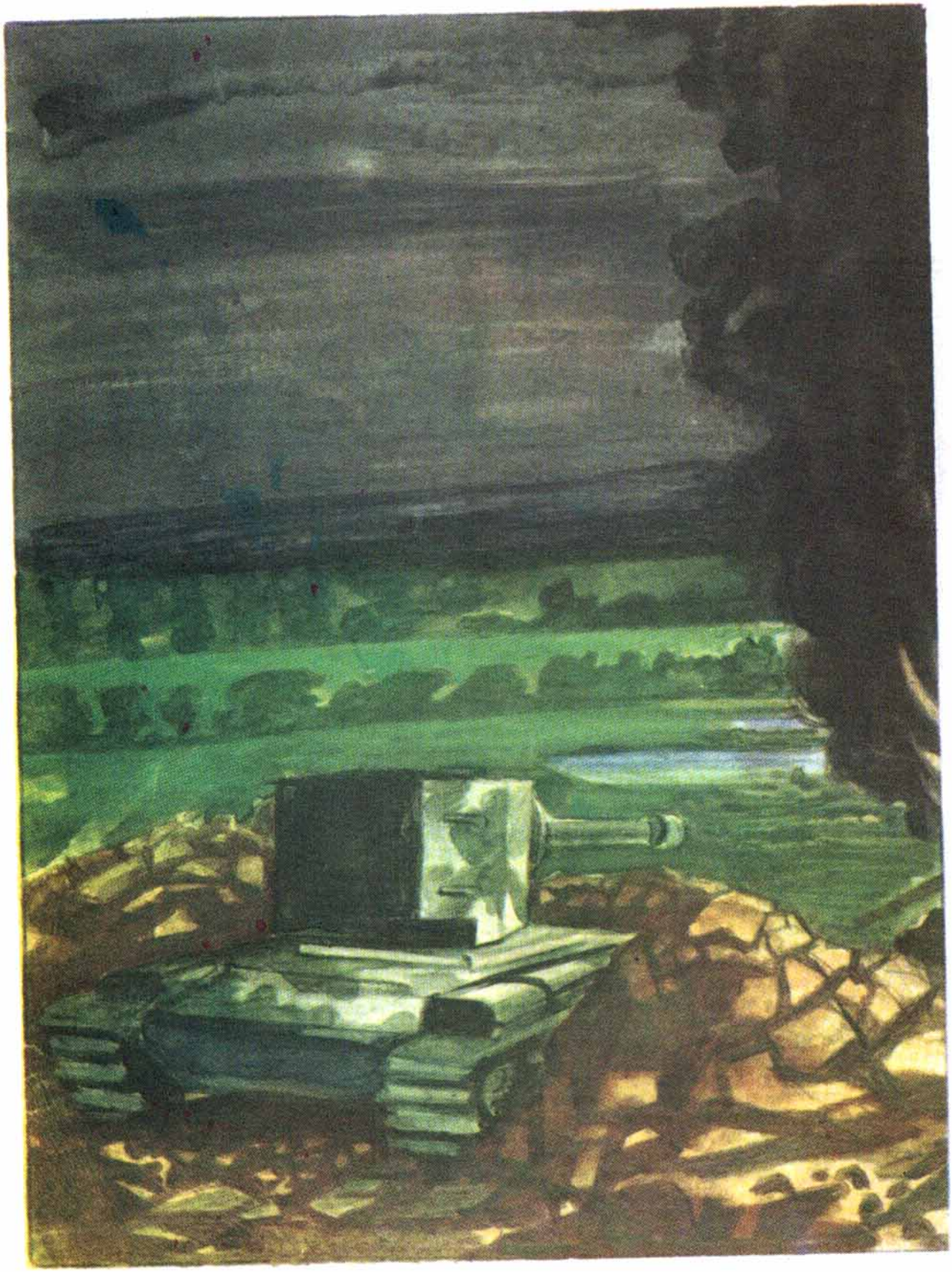
лометрам. Вооруженные пушками и пулеметами бомбардировщики брали от полутора до трех тысяч килограммов бомб, истребители — несколько сот килограммов. Но были в военно-морских силах самолеты особого, минно-торпедного класса. Снижаясь к самой воде, они ставили мины или атаковали неприятельские корабли и транспорты торпедами. Отправляясь на охоту за вражескими кораблями, самолет-торпедоносец мог приводниться в заданном районе и ждать там сведений от самолета-разведчика, а потом уж взлететь и напасть на противника.

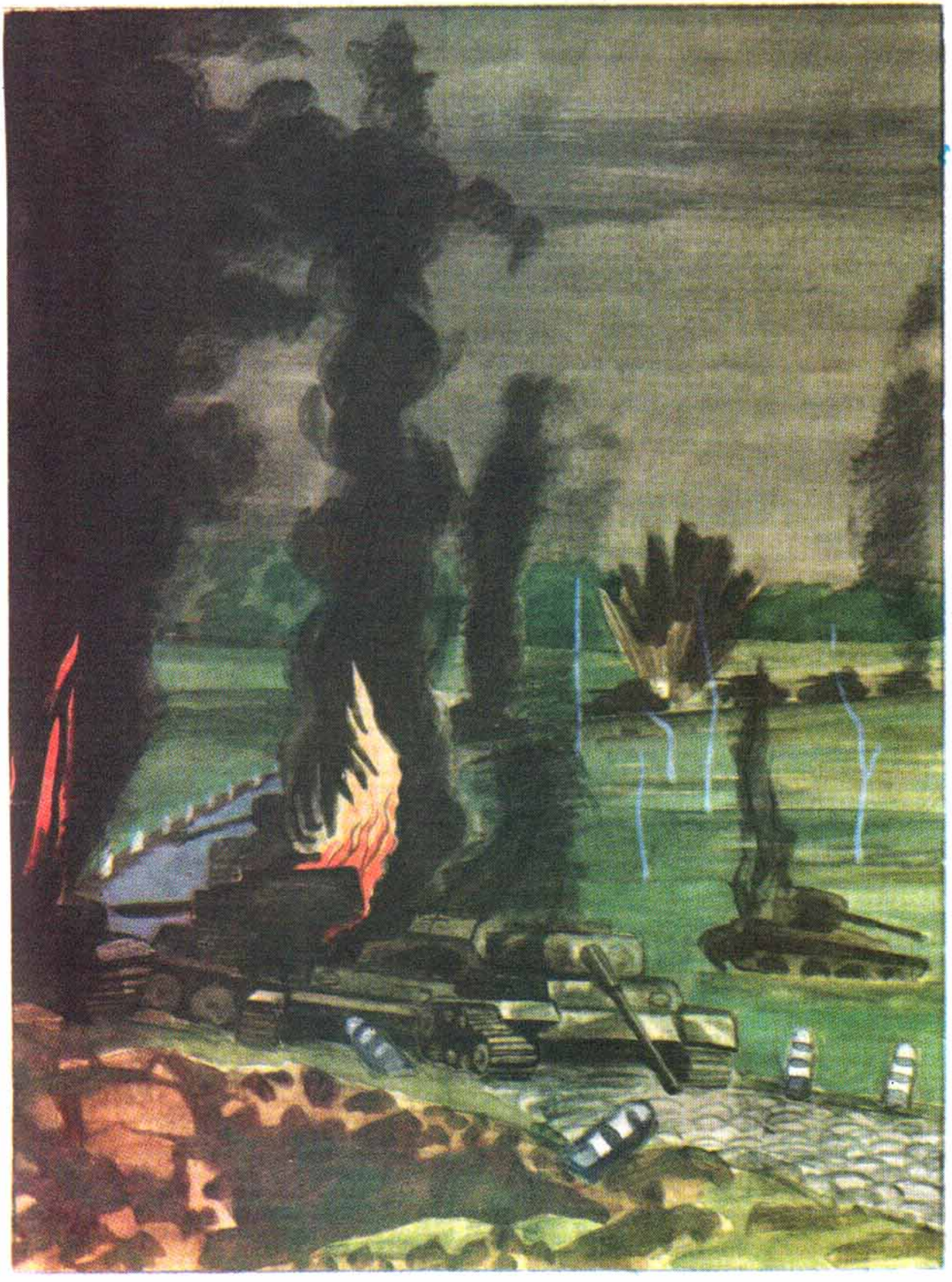
Однако все эти самолеты полностью не обеспечивали потребности флота, особенно если флот действовал на большом удалении от своих баз и береговых аэродромов — в открытом море или в океане. Поэтому быстро развивался класс авианосной авиации и ее корабли — авианосцы.

Ты, конечно, помнишь, что прародителями авианосцев стали русские транспорты, доставлявшие в начале первой мировой войны к берегам Турции гидросамолеты. Тогда многие страны стали приспосабливать под авиаматки большие торговые суда и даже старые линкоры. После войны Англия, США, Франция и Япония принялись за постройку специальных кораблей. И летчики, и моряки, и судостроители долгое время считали, что самолет не может взлететь с корабельной палубы и, главное, сесть на нее. Это казалось делом невероятным. Первые авианосцы поэтому были еще не плавучими аэродромами, а лишь плавучими ангарами: с помощью катапульт самолеты выстреливались в воздух, выполнив задание, садились на воду около авиаматки, кранами их поднимали с воды на корабль.

Со временем выяснилось, что и плавучий аэродром можно сделать. Только уж очень дорого он обходится, дороже любого другого корабля. Авианосец «Мидуэй», построенный ame-

Бой тяжелого танка КВ с немецкими танками *(на стр. 198—199).*





риканцами в 1945 году, стоил около 100 миллионов долларов.

Как и корабли других классов, авианосцы неодинаковые. Есть большие, эскадренные. Скорость их 33 узла, обычная скорость эскадры. Есть конвойные, со скоростью хода 15—20 узлов. Конвойным авианосцам и такой скорости хватает, так как они сопровождают тихоходные транспорты, прикрывают конвой от вражеских самолетов, надводных кораблей и подводных лодок.

Авианосец внешне выделяется тем, что у него огромная, ничем не загроможденная полетная палуба — от 170 до 300 метров длиной и до 34 метров шириной. Только у правого борта возвышается надстройка, где размещены рубка, мачты, трубы и посты управления; надстройка названа очень метко — «остров». Как просторна полетная палуба, так тесно внутри корабля. Он разделен не только на отсеки поперечными переборками, но и на «слои» четырьмя палубами. На второй и третьей палубах стоят самолеты — там ангары и ремонтные мастерские; самолеты размещены компактно, крылья у них, как у жуков, сложены. Ниже расположены склады бомб, торпед, бензина, прочие службы. В самом низу — котлы и машины, обеспечивающие авианосец эгергией для движения и массы всевозможных работ.

Авианосцы самые высокие корабли, полетная палуба поднята над водой на 20 метров. Если надежно забронировать такой борт, корабль потонет от собственной тяжести. Как же корабль, настолько уязвимый, бережется от врага? Во-первых, в походе и бою его охраняет чуть ли не целая эскадра: сторожевики, тральщики, эсминцы, крейсеры и даже линкоры. Во-вторых, его берегут собственные самолеты. В-третьих, он сам вооружен довольно сильной артиллерией, причем орудия главного калибра универсальные — могут стрелять и по кораблям, и по самолетам. Мы с тобой упоминали английский авианосец «Арк-Роял», самолеты которого по ошибке сбросили торпеды на свой крейсер? На «Арк-Рояле» было 16 орудий калибром 144 миллиметра, 32 зенитные автоматические установки калибром 40 миллиметров и 32 зенитных пулемета. 80 стволов способны поставить перед атакующими самолетами плотную завесу огня.

Орудия и пулеметы размещены на авианосце в «гнездах» по бортам. Эти вместилища на самом деле похожи на гнезда ласточек, пристроенные к карнизу.

А каким образом разрешился вопрос, считавшийся неразрешимым,— взлет и посадка на палубу? Лифт поднял самолет на полетную палубу. В это время авианосец полным ходом идет против ветра. Самолет помчался по палубе от кормы к носу корабля, там его колеса попали на ускорительную дорожку — подобие горизонтального эскалатора: скорость самолета, скорость дорожки, скорость авианосца и встречный ветер — этого оказалось достаточно, чтобы взлететь без риска.

Труднее было садиться на палубу. Но и тут все уладилось. При посадке корабль, как и при взлете, тоже полным ходом идет против ветра: скорость самолета, коснувшегося палубы колесами, уменьшается от сопротивления ветра и от того, что аэродром «убегает» от самолета. Главное же — аэрофинишер на корме. Это стальные тросы, натянутые поперек палубы. Их концы уходят под палубу к тормозным устройствам. Самолеты авианосца имеют крюки в хвостовой части фюзеляжа — гаки. При посадке они цепляются гаками за трос. В действии стальной трос подобен резиновому — когда самолет зацепился за его середину, он удлиняется, как бы растягивается и задерживает бег самолета. Без авиафинишера самолет пробегает по палубе 100—120 метров, с ним — всего 30—40 метров.

Сто и тридцать — велика ли разница! Велика. Счет времени в бою идет на минуты и секунды. Чем скорее взлетят с авианосца самолеты, чем скорее, израсходовав боезапас и горючее, сядут, чем скорее снова взмоют в небо, тем вероятнее победа.

Самолеты на авианосце не одного типа — на нем истребители, бомбардировщики, торпедоносцы; и даже бомбардировщики не одинаковые — пикирующие и тяжелые. Что делают истребители, к примеру, в бою с линкором? Сражаются с неприятельскими истребителями, чтобы обеспечить атаку своих тяжелых самолетов. За истребителями взлетают пикировщики, они подавляют зенитную артиллерию вражеского корабля, отвлекают ее огонь на себя. Тут уж идут на цель тяжелые самолеты — сбрасывают большие бомбы и торпеды.

Много бед способен причинить вражескому флоту авианосец со своими самолетами. Ну а сам он отчего может погибнуть? Во вторую мировую войну американский авианосец «Йорктаун» перевернулся и затонул после того, как на протяжении двух суток в него попали три бомбы японских бомбардировщиков, две торпеды с самолетов-торпедоносцев и две торпеды, выпущенные подводной лодкой. Подводная лодка добивала авианосец, основные повреждения ему нанесли самолеты, взлетавшие с японских авианосцев.

РАДИОЛОКАЦИЯ

Перед первой мировой войной флоты получили от ученых радиосвязь. А перед второй мировой войной ученые дали флотам радиолокацию — способ определять с помощью радиоволн местоположение различных объектов на суше, на море и в воздухе.

Отражение радиоволн обнаружил еще Александр Степанович Попов. Во время опытов по радиосвязи случайно между кораблями «Европа» и «Африка» прошел крейсер «Лейтенант Ильин». Приборы на «Европе» и «Африке» отметили нарушение радиосигналов. Попов обдумывал случившееся. В отчете об опытах он высказал мысль, что электромагнитные излучения можно будет использовать для обнаружения маяков в тумане и в бурную погоду.

В 1935 году в Англии, в США и в нашей стране уже ставились опыты по обнаружению радио-

лучом движущихся целей. Англичанину Р. Уотсону-Уатту удалось в 1938 году сделать первую радиолокационную аппаратуру. Секретные радиолокационные станции были установлены по побережью Британских островов — для обнаружения самолетов. Почти одновременно англичане применили радиолокаторы для поиска кораблей в море. Мы с тобой говорили о потоплении линкора «Бисмарк». Английская разведка обнаружила отряд немецких кораблей в дневное время. А наступившей ночью за движением отряда следили два крейсера, находившиеся от противника в полуста километрах,— следили с помощью радиолокаторов.

Ни ночная темнота, ни туманы, ни тучи, ни дымовая завеса не могут укрыть цель от глаза радиолокатора. Радиоволны, посылаемые передатчиком с помощью вращающейся антенны, отразятся от корабля или самолета, будут приняты приемником, и приборы точно укажут не только направление на цель, но и ее размеры, дальность и скорость.

Начавшаяся война заставила ученых и изобретателей во всех странах заняться радиолокацией самым серьезным образом. Новые находки не заставили себя ждать. Радиолокаторы внедрялись во все войска, с их помощью безошибочно отличали свой самолет, свой корабль от чужих, они наводили точно в цель орудия. Летчик, к примеру, мог сколько угодно нажимать на гашетку — пушка самолета не стреляла до тех пор, пока не была наведена как надо в неприятельскую машину. В конце концов крохотный радиолокационный приемопередатчик ухитрились размещать во взрывателях бомб и снарядов. В отличие от ударных и дистанционных взрывателей радиолокационный взрыватель вызывал взрыв снаряда, даже летевшего не в цель, а рядом, в самый оптимальный, благоприятный момент.

ПРЕЖДЕ СРАЖАЮТСЯ ЗАВОДЫ

Формула победы многозначна. Одним из ее элементов является храбрость. Но храбрость без умения воевать мало что значит. Суворов говорил: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство». Теперь же для победы и этого оказалось мало. В формулу прибавилось третье слагаемое — оружие. Суворов обошелся двумя слагаемыми потому, что в его время дело решалось оружием простым — штыком, саблей, которые во всех армиях были одинаковые. Другое дело — пулеметы, орудия, танки, самолеты; у разных армий они разные, и количество их неодинаковое.

Быть храбрым, быть умелым в собственных возможностях воина. Но вот качество оружия никак от воина не зависит, тут он целиком во власти других людей: рабочих, инженеров, конструкторов, ученых, организаторов производства. Количество же оружия находится в большой зависимости от количества рудников, шахт, заводов, фабрик, электростанций. Если брать большое сражение, войну в целом, то, прежде чем они начнутся и кончатся, раньше, еще в мирное время, их начнут и кончат промышленности противоборствующих стран.

Для подтверждения этой истины возьмем один невероятный факт. Факт — и невероятный? Как такое может быть? И разве позволительно исключительный случай брать для иллюстрации широкого явления? Но послушай...

Дело было в самом начале войны, 19 августа 1941 года, недалеко от Гатчины. Дорога на Гатчину, следовательно, на Ленинград, оказалась неприкрытой. А немцы вели наступление на этом участке мощными соединениями танков. Наше командование, пока подходили резервы, могло послать навстречу фашистам лишь пять танков КВ. Два танка ушли из Гатчины на лужскую дорогу, два — на приморскую и один — № 864 — на кингисеппскую. (Ты представляешь этот район, мы уже были там вместе с матросами Дыбенко.)

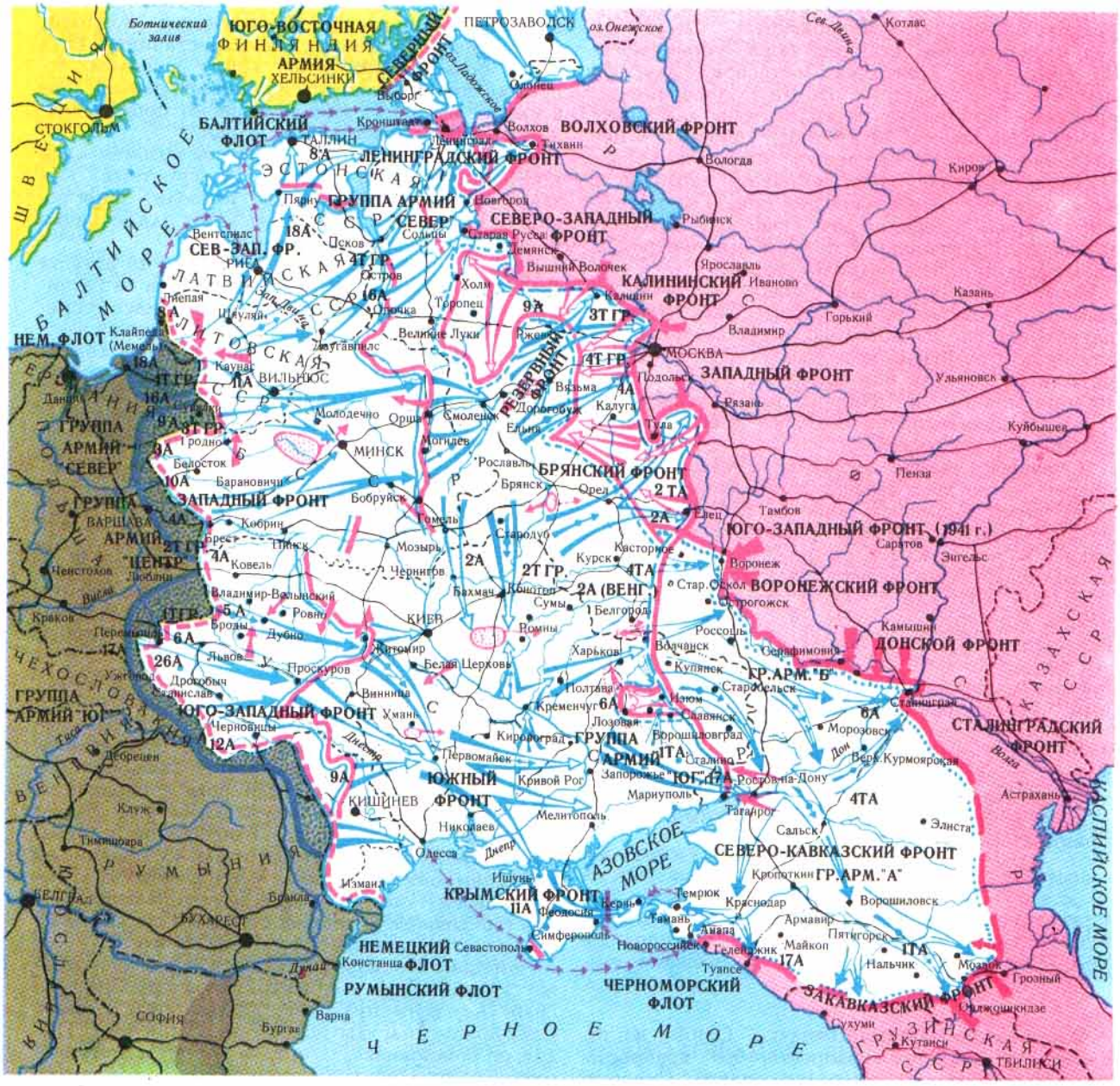
Командир танка Колобанов, командир орудия Усов, механик-водитель Никифоров, пулеметчик Родников и заряжающий Кисельников для засады выбрали холм, поросший ольхой. Перед холмом была развилка дорог, причем шоссе проходило в узком дефиле: по обе стороны дороги были торфяные болота. Танк зарыли в землю почти по башню и стали ждать врага.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете пролетел самолет-разведчик, который поддерживал связь с наступавшим противником. Вскоре на дороге показались мотоциклисты, они часто останавливались, обстреливали из пулеметов придорожные кусты. Танкисты пропустили боевое охранение, хотя было искушение несколькими выстрелами уничтожить этих фашистов. В облаке пыли появились наконец и танки. Их насчитали 43. Решение на бой наши танкисты приняли еще в те часы, когда рыли своему танку укрытие. В точном соответствии с решением и прошел бой, хотя танкисты не предполагали, что врага будет так много.

Немецкие машины втянулись в дефиле. Первым же снарядом Усов подбил головной танк. Еще два снаряда — вспыхнул танк, двигавшийся вторым. Следующие снаряды подожгли задний танк. Пылая, он остановился, загородил дорогу к отступлению. Колонна немецких машин стала похожа на ошалевшее стадо. Танки, стараясь уйти от губительных выстрелов, натыкались друг на друга, сцеплялись гусеницами, сползали с дороги в болото и застревали. То в голове колонны, то в хвосте в горевших танках взрывались боеприпасы. Паника у немцев усиливалась. Решив, что огонь ведут противотанковые пушки, замаскированные в стогах на лугу, фашисты били по этим стогам, подожгли их, и вся местность затянулась густым дымом. Наконец немецкие танкисты поняли, откуда идет стрельба, и сосредоточили весь огонь на нашем танке. Командир орудия, главный герой этого беспримерного боя, Андрей Михайлович Усов потом рассказывал:

«Вражеские снаряды хоть и не пробивали броню, но производили такой жуткий грохот, что ка-

Общий ход военных действий в первый период войны. Июнь 1941 года — ноябрь 1942 года.



Группировка немецко-фашистских войск к 22.06.1941 г. и положение советских войск.

Наступление немецко-фашистских войск 22.06.—9.07.1941 г.

Действия танковых войск.

Окруженные группировки советских войск.

Контрудары советских войск.

Линия фронта к 10.07. 1941 г.

Направление ударов войск противника в июле—декабре 1941 г.

Эвакуация военно-морских баз и перебазирование флота.

Контрнаступление советских войск под Ростовом в ноябре — декабре 1941 г.

Керченско-Феодосийская десантная операция. Декабрь 1941 г.— январь 1942 г.

Линия фронта к декабрю 1941 г.

Направление ударов советских войск в декабре 1941 г.— апреле 1942 г.

Линия фронта к концу апреля 1942 г.

Наступление советских войск под Харьковом в мае 1942 г.

Направление ударов немецко-фашистских войск в мае—ноябре 1942 г.

Линия фронта на 18.11.1942 г.

залось, будто по голове бьют кувалдой. Окалина брони, образовавшаяся от ударов снарядов, впивалась в лицо, в руки. Очередным снарядом заклинило башню. Командир приказал покинуть укрытие, чтобы маневрировать корпусом. Никифоров взялся за рычаги, и танк выполз наверх. Стало видно, как фашисты на перекрестке устанавливают две противотанковые пушки. Я выстрелил, снаряд попал прямо под колеса первой. Вторая успела выстрелить и сбила командирский перископ. Уничтожил и ее...»

За полчаса наши танкисты подбили 22 немецких танка! Снаряды кончились. КВ получил по радио приказ выйти из боя. В это время четыре КВ, посланные на другие дороги, уже подходили к месту побоища. Вместе они уничтожили еще 20 танков. Только одной немецкой машине из 43 удалось бежать.

Танки КВ нанесли немцам такие потери, что враг вынужден был надолго отложить здесь наступление.

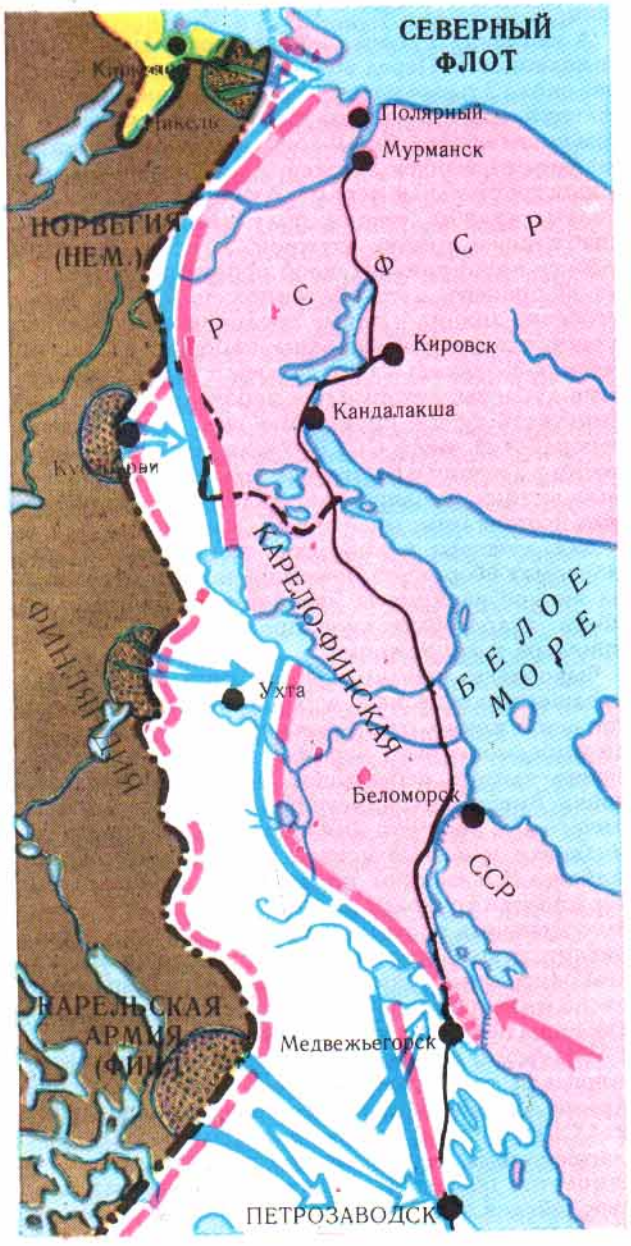
Попробуем в формулу победы — храбрость, военное искусство, оружие — подставить значения, которые дал нам этот фантастический бой. Смелость и мужество танкистов очевидны. Умелый выбор прекрасного места для засады — тоже. А качество оружия? После боя на броне своей машины танкисты насчитали 135 попаданий! Но броня выдержала удары вражеских снарядов. В то же время броня немецких танков оказалась слабой для мощной пушки советского тяжелого танка КВ. Как же тут не сказать великое спасибо тем, кто придумал и сделал такую машину!

Коммунистическая партия, Советское правительство, начиная с первых пятилеток, с великой настойчивостью проводили индустриализацию страны, видя в развитой промышленности корень наших успехов вообще и корень нашей победы над врагами в частности. Сейчас, когда окружают нас со всех сторон всевозможнейшие машины, очень нелегко представить, как мало у нас было машин в начале 30-х годов. За трактором бегали толпы — посмотреть на диво. У тебя, верно, подобное любопытство возникло бы, если бы представилась возможность поглядеть на «летающую тарелку». Еще в 1928 году основным оружием нашей пехоты была винтовка. Я говорю «еще», потому что этот теперь далекий год отделяло от войны всего лишь 12 лет. Какую же невероятную работу выполнили наши люди, если к 1938 году советские войска были вооружены первоклассной боевой техникой! Прекрасные самолеты позволили в те годы стать Красной Армии родоначальницей воздушных десантов, а танки — родоначальницей танковых и механизированных соединений.

Но вот какая закавыка — запасенное оружие быстро теряет свою силу, так как все время создаются новые, более мощные образцы. Коммунистическая партия, Советское правительство предвидели неизбежность войны с фашистами. Они готовили страну к этой схватке, и в 1939 году началось второе техническое перевооружение нашей армии.

Качество нового, уже придуманного и испытанного на полигонах советского оружия было прекрасное. О силе и возможностях тяжелых танков КВ мы говорили. Средний танк Т-34 будет признан

Карельский фронт.



всеми — и нашими союзниками, и нашими врагами — лучшим танком второй мировой войны. Ни у одной армии, кроме нашей, не будет целиком бронированных самолетов-штурмовиков, грозных «катюш».

О нашей 76-миллиметровой пушке ЗИС-3 консультант Гитлера по артиллерии профессор Вольф скажет: «Самая гениальная конструкция в истории ствольной артиллерии». Что было в возможностях таких орудий, видно из действия пушки № 4785: за два года она уничтожила 33 танка, 21 самоходное орудие, 74 автомашины, 14 орудий, 17 минометов, 77 пулеметов, более 7 сотен неприятеля, прошла свыше 6 тысяч километров и выпустила около 4 тысяч снарядов.

Дело заключалось в том, чтобы до схватки с фашистами дать армии тысячи и тысячи таких машин.

А кто даст? Тут мы снова возвращаемся к промышленности. Перед войной у нас вошло в действие около 3 тысяч новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников и других предприятий, в том числе оборонных. В дополнение к оборонным заводам на выпуск оружия были переведены машиностроительные заводы. Лучшее сырье и материалы, лучшие станки получали предприятия, снабжавшие армию оружием. И если ежегодно выпуск всей промышленной продукции возрастал на 13 процентов, то оборонной на 39! Что было особенно важно — новые предприятия строились в восточных районах страны: на Урале, в Средней Азии, в Забайкалье. Создавались там же предприятия-дублеры, которые при необходимости могли выпускать ту же продукцию, что «двойники» в европейской части СССР. Увеличивалась добыча нефти в Татарии и Башкирии; волжские нефтепромыслы тоже дублировали, подстраховывали старые нефтепромыслы Азербайджана.

Для лучшего руководства выпуском оружия Наркомат оборонной промышленности разделили на четыре наркомата: авиационной промышленности, судостроительной промышленности, боеприпасов и вооружения.

Было тогда начало третьей пятилетки. В две предшествующие наш народ работал так много, так напряженно, отказывая себе в хорошей одежде, в предметах быта, что казалось, нужно было бы теперь сделать передышку. Но вот-вот начнется война. Вместо шестидневной рабочей недели и семичасового рабочего дня правительство ввело семидневку и восьмичасовой рабочий день. Строжайшим наказаниям подвергались бракоделы и нарушители трудовой дисциплины. Тогда же, чтобы обеспечить промышленность хорошими работниками, открылось множество ремесленных и железнодорожных училищ. В год они выпускали около миллиона рабочих разных специальностей... Так наша промышленность готовилась к войне.

Гитлер, его окружение, его генералы прекрасно понимали, что момент перевооружения Красной Армии — самое подходящее время для нападения на СССР. И они, конечно же, воспользовались им, считая, что высокое качество немецких танков и самолетов обеспечит молниеносный захват всей европейской части страны. Они считали, что наша новая боевая техника просто не поспеет к битве.

Однако молниеносной войны у фашистов не получилось, мы поставили врага перед необходимостью вести войну длительную. И мы смогли в ужасно тяжелых условиях делать столько оружия, что через год-полтора после начала войны наша армия не уступала по качеству и количеству танков, орудий, самолетов немецкой армии.

Сталинградская битва, круто повернувшая ход войны, была выиграна нами именно в те месяцы, в которые, по расчетам мирного времени, мы должны были достичь необходимой промышленной силы. В выпуске оружия в конце 1942 года мы достигли нужной силы, даже потеряв множество предприятий на оккупированной территории. В Сталинградском контрнаступлении против 675 немецких танков и штурмовых орудий было 894 советских танка и самоходных орудия новой постройки. После этой битвы до самой Победы советская промышленность все увеличивала выпуск вооружения, обогнав и оставив далеко позади промышленность Германии.

Что греха таить, мы — и я, и ты, и кто вокруг нас — не даем себе труда представить с полной ясностью, как работали люди во время войны в тылу. Знаем в деталях, что и как делали разведчики, танкисты, летчики, моряки. Но не знаем с такой же подробностью, что и как делали токарь, шахтер, машинист паровоза, колхозница в поле... А сделали они невероятно, невообразимо много. Ты попробуй представить только один из моментов той героической работы — с июля по ноябрь 1941 года с запада страны на восток было эвакуировано более 1,5 тысячи крупных, в основном оборонных, предприятий. Проходило несколько месяцев, и заводы, переселенные на новое место, уже давали фронту танки, самолеты, снаряды, патроны...

В январе 1943 года Геббельс скажет: «Кажется каким-то чудом, что из обширных степей России появлялись все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве».

Не было никакого «волшебника» у нас. Было ядро опытных рабочих — знатоков своей профессии, и были еще женщины и подростки, заменившие у станков мужей и отцов, ушедших на фронт. Они-то и сотворили чудо.

За годы войны, несмотря на оккупацию огромной территории, несмотря на гибель множества людей, несмотря на то, что сердца живых были переполнены горем, тыл дал фронту:

12 миллионов винтовок и карабинов;

более 6 миллионов автоматов;

почти 1,5 миллиона ручных и станковых пулеметов;

более 482 тысяч орудий всех видов и калибров;

свыше 102 тысяч танков и самоходных орудий;

свыше 112 тысяч боевых самолетов.

Флот во время войны получил 2 легких крейсера, 19 эсминцев, 38 тральщиков, 54 подводные лодки, около 900 боевых катеров.

За войну советские бойцы израсходовали 427 миллионов снарядов и мин, 17 миллиардов патронов.

Войска получили 40 миллионов тонн продовольствия, 38 миллионов шинелей, по 70 миллионов гимнастерок и брюк, 64 миллиона пар кожаной обуви.

Не было никакого «волшебника» у нас, тем более «великого». Чудо сотворили советские рабочие и колхозники. Но почему они смогли его сотворить? Почему и бойцы на фронте тоже сотворили чудо — разгромили гитлеровскую армию, которой в Европе никто не мог даже сколько-нибудь серьезно противодействовать? Вооруженные тылом, накормленные, обутые, одетые им, советские воины за годы войны уничтожили у врага на фронте:

77 тысяч самолетов;

167 тысяч орудий;

48 тысяч танков;

1300 боевых кораблей и судов.

Чтобы ответить на вопрос о чуде, чтобы назвать

источник силы и мужества советского народа, мы должны обратиться к Коммунистической партии, к единству партии и народа.

Мы часто говорим: «Народ и партия едины». Что это значило в годы войны? Возьмем Польшу, возьмем Францию. Немцы захватили эти большие страны в «один присест». А разве поляки или французы были трусами? Разве хотелось им попасть под иго фашистов? Разве польский рабочий, французский рабочий не согласились бы не отходить от станков, чтобы дать своим солдатам оружие? И поляки и французы были храбрые люди, они ненавидили фашистов. Но не были эти народы едины со своими правительствами и правящими партиями. Простые французы, увидев на экране кинотеатра нацистов, закипали гневом, а правительство в это время искало союза с Гитлером. И как результат — национальная трагедия... У нас же и народ и партия одинаково любят Родину, одинаково берегут ее от врагов. Враг нашей партии — он и враг нашего народа. Партия и народ одинаково не жалели себя, чтобы остановить захватчиков, изгнать их с нашей земли, уничтожить. У партии и народа были единые желания, единые цели. Это и есть единство партии и народа.

Кажется, партия и народ совсем одинаковы. Нет. Партия смотрит зорче, чем народ. Она — капитан, который ведет корабль в открытом море. Она — ученый, который сквозь завесу времени провидит будущее. Она — впереди идущий; если народу грозит беда, партия встречает ее первой — так, только в начале войны ушло на фронт больше миллиона коммунистов... У нашей партии есть еще свойство — сплачивать вокруг себя народ: как собираются люди вокруг сильного и доброго человека, так народ собирается вокруг Коммунистической партии. Партия не просто собирает вокруг себя народ. Кусочки железа, сгрудившиеся у магнита, сами притягивают к себе новые частицы. Так народ, сплоченный вокруг партии коммунистов, перенимает ее качества — становится зорче, мудрее, мужественнее, жизнеспособнее. И это тоже есть единство партии и народа. Единство, которое все побеждает.

ПЕРВЫЕ ДНИ СОРОК ПЕРВОГО

На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия внезапно, вероломно нарушив договор о ненападении, обрушила на Советский Союз удар огромной силы, начав наступление от Балтики до Черного моря. Наши Вооруженные Силы, не успев закончить всех оборонительных мероприятий, оказались в крайне невыгодном положении. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, противник уже в первый день повсюду продвинулся вперед. На некоторых направлениях немецко-фашистские войска углубились на нашу территорию до полусотни километров. Большой урон причинила нам вражеская авиация. Она бомбила железнодорожные узлы, артиллерийские и танковые парки, штабы, а также крупные города и военно-морские базы: Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Севастополь... Бомбами были разрушены 66 аэродромов, в воздушных боях и на земле мы потеряли больше тысячи самолетов. Так тяжело для нас началась война.

Наши воины сражались с мужеством изумительным. Взять хотя бы воздушные тараны летчиков. За всю войну, за 1418 дней, было совершено более 600 таранов — в среднем по одному в 2—3 дня. А в первый день войны их было 14! В 4 часа 25 минут утра летчик старший лейтенант Иван Иванович Иванов таранил фашистский бомбардировщик в районе Грановка-Велицк, а в те же минуты сбил тараном самолет врага в районе Замбрув младший лейтенант Дмитрий Васильевич Кокорев. Первый и сам погиб, второй благополучно посадил свою машину. 22 июня наши летчики сбили две сотни вражеских самолетов.

Не страшась смерти, сражались до последней возможности взводы, погранзаставы, батальоны, полки, дивизии. 23 июня фашисты были выбиты из города Перемышля, и город несколько суток оставался нашим. Пять дней 41-я стрелковая дивизия отражала натиск пяти немецких дивизий у Равы-Русской. В тех боях 1-я артиллерийская противотанковая бригада уничтожила 42 немецких танка. А Брестская крепость? Ее гарнизон, оставшись за сотни километров в тылу у немцев, сражался до последнего патрона и бойца; приковал к себе на несколько недель 20 тысяч немецких солдат с тяжелыми орудиями и бомбардировщиками... Так проявился на деле еще один фактор, не учтенный фашистами при подготовке войны против СССР, фактор, который в отличие от фактора внезапного нападения действовал не временно, а постоянно на протяжении всей войны,— массовый героизм советских солдат и командиров.

Участники первых боев с фашистами к ноябрю 1941 года вывели из строя 750 тысяч захватчиков. Но суть их тяжелейшего ратного труда не только в этой впечатляющей цифре — они дали возможность подготовить к новым сражениям резервы и оборону на новых рубежах.

Люди гибли на войне до последнего ее дня. И все же те, кто воевал в 41-м, вынесли гораздо большую тяжесть, чем воевавшие позже. Прерви на минуту чтение, дорогой товарищ. Подумай о сильных, красивых людях, погибших в первые дни войны. Вечная им слава! Вечная память!..

Все дальше на восток продвигались вражеские армии. Фашистские генералы ликовали — сбываются их планы. Но они не могли не отметить уже в первые дни, что война на востоке отличается от войн на западе, что молниеносной победы не получится.

Огромная наша страна поднялась на борьбу с врагом. У империалистов за всю историю не было армии сильнее той, что бросил против нас Гитлер. Но никогда за все века не было и у трудящихся такой гигантской силы, как советский народ. С безграничной верой в своего вождя — Коммунистическую партию — советские люди на фронте и в тылу энергично и воодушевленно исполняли свои новые, военные обязанности. В те труднейшие дни не было ни малейшего сомнения в нашей Победе. И каждый советский человек знал, что если не мы, то никто не остановит фашистов — мы должны

совершить подвиг и ради себя, и во имя всего человечества.

С обращением к советскому народу выступил по радио Генеральный секретарь ЦК ВКП (б), Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин.

«Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей,— говорил И. В. Сталин,— является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки...»

Гитлер и его дипломаты надеялись, что Советский Союз, подвергшийся нападению, останется в изоляции от других стран мира. Это было еще одним просчетом фашистов. На деле получилось другое. Героическое сопротивление советского народа звало другие народы к борьбе с фашистами. Правительства двух главнейших капиталистических государств — Англии и США,— тревожась за судьбу своих стран, высказались за помощь Советскому Союзу, за объединение всех антифашистских сил в одной коалиции. В обращении к английскому народу премьер-министр Великобритании У. Черчилль 22 июня заявил: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я, в течение последних 25 лет. Я не возьму назад ни единого из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России,— это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом,— это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара».

Президент США Ф. Рузвельт сказал от имени своего правительства: «...мы собираемся предоставить России всю ту помощь, какую мы сможем».

Правда, в те же дни американский сенатор Г. Трумэн, ставший в конце войны президентом США, не стыдился говорить и такое: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...»

Но простые люди на всех континентах искренне желали победы советскому оружию. ...Затаив дыхание мир следил за схваткой СССР и Германии. А сообщения с фронта шли тревожные...

Наступление немецко-фашистских войск развивалось в соответствии с планом «Барбаросса» по трем стратегическим направлениям. Группа армий «Север» наступала из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Псков, Ленинград. Группа армий «Центр» — из района восточнее Варшавы на Минск, Смоленск, Москву. Группа армий «Юг» — из района Люблина на Житомир, Киев. Главный удар был нацелен на Москву. С падением столицы, считали фашисты, советский народ будет деморализован, потеряет способность к сопротивлению, и останется только подавить отдельные очаги сопротивления.

Почему, придавая такое значение захвату Москвы, противник не двинулся на нее всеми силами?

Сталин И. В.

Зачем ему нужно одновременно наступать на Ленинград и Киев? План «Барбаросса» предусматривал удар трезубцем, а не штыком потому, что на северо-западе и на юго-западе нашей страны стояли сильные группировки советских войск; клин немецких армий, нацеленных на Москву, подвергся бы нашим ударам во фланги и тыл. Были и другие причины для удара трезубцем; одна из них — сразу включить в боевые действия войска Румынии и Финляндии.

...Именно с аэродромов Румынии и Финляндии поднялись на рассвете 22 июня эскадрильи немецких самолетов, взявших курс на наши военно-морские базы — Севастополь, Таллин, Кронштадт, Мурманск. Одни самолеты бомбили корабли, причалы, портовые сооружения, жилые кварталы городов, другие сбрасывали мины у выходов из баз и на фарватерах.

Весь азарт, всю силу вложили фашисты в первый удар по советскому флоту. Однако результаты этого удара были ничтожные. Наш флот на всех морях заблаговременно был приведен в боевую готовность. Огонь зенитчиков с берега и кораблей, противодействие истребителей разрушали атаки вражеской авиации. В первый день войны на Черном море мы потеряли только портовый буксир, подорвавшийся на мине. Краснознаменный Балтийский и Северный флоты вообще потерь не имели.

Летние дни длинные, летние ночи короткие. Это было выгодно фашистам. Их самолеты, танки, орудия действовали почти без перерыва круглые сутки. Вражеские армии продолжали движение в глубь нашей страны. Наши войска, не имея ни часа для передышки, отходили. Положение на сухопут-

ном фронте становилось все сложнее. Это не замедлило сказаться на положении флотов. Военно-морские базы — Таллин на Балтике, Одесса на Черном море, Полярный на Севере — оказались под угрозой захвата с суши. Захват Таллина сулил немцам и скорый захват Ленинграда, последнего опорного пункта Краснознаменного Балтийского флота. Гитлеровцы рассчитывали войти в Ленинград в конце июля.

План «Барбаросса» (в его морской части) гласил: «следует... избегать крупных морских сражений». Немецко-фашистское командование берегло свои корабли для действий против Англии. Оно считало, что с нашими флотами справятся сухопутные войска, захватив в скором времени все базы и порты. Фашистские адмиралы предполагали, что советские корабли, лишившись последних баз на Балтике, будут прорываться в Англию или нейтральную Швецию. Для их перехвата были выделены сильные эскадры. Конечно же, немцы имели в виду, что наш флот будет оказывать помощь сухопутным войскам в обороне морских баз, прибрежных городов и побережья. В этих случаях против советских кораблей должна была действовать авиация. Враги возлагали большие надежды на новые неконтактные мины, надеялись закупорить минами все выходы из баз, портов.

Начиная с первого часа Великой Отечественной войны в борьбу с фашистами вступили и советские моряки. На кораблях в море, в самолетах морской авиации в воздухе, в морской пехоте на суше — всюду они воевали мужественно, храбро, неисчислимыми подвигами возвеличивали военно-морской флаг.

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА

Очерк о военных действиях на Балтийском море и его берегах назван «Оборона Ленинграда». Точное ли это название? Ведь здесь было много других впечатляющих событий: бои за Либаву, за Таллин, за Моонзундские острова, героическая стойкость защитников полуострова Ханко... И все же — «Оборона Ленинграда», так как в каждой точке армия и флот в конечном итоге защищали этот город.

Почему было важно не отдать врагу именно Ленинград? Первое, что ясно сразу,— соображения политические: фашисты в городе Владимира Ильича Ленина, в городе революции. На веки вечные остался бы такой горестный факт в истории человечества, он был бы постоянным укором многим поколениям советских людей. Гитлеровцы тоже думали об этом, во всех документах они уже именовали Ленинград Петербургом, хотя другим городам, переименованным в годы Советской власти, старых названий не возвращали. Предполагалось, что взятие Ленинграда укрепит гитлеровскую коалицию, заставит правительства некоторых стран, которые все еще колебались, вступить в войну против СССР.

Ленинград нельзя было отдавать врагу и по ряду стратегических соображений. С потерей Ленинграда мы потеряли бы мощный Балтийский флот. Конечно, он не достался бы немецким адмиралам, моряки взорвали бы или затопили корабли, уничтожили бы другие объекты флота. Но Балтийское море стало бы в безраздельной собственности немцев. Они без всяких препятствий снабжали бы по морю всем необходимым свои войска в Прибалтике и войска Финляндии, они спокойно возили бы железную руду из Швеции для своих заводов, делавших танки и самолеты, снаряды и бомбы.

Однако потеря мощного флота — это еще не все. Как писал в своей книге Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, потеря Ленинграда и соединение в этом районе германских и финских войск грозили разрывом стратегического фронта. Нам пришлось бы для защиты Москвы с севера создавать новый фронт. На это ушли бы все резервы, которые готовились для обороны Москвы.

Прервалось бы железнодорожное сообщение страны с Мурманском. Северный флот после этого оказался бы в тяжелейшим положении.

И еще — то, ради чего в конечном итоге Гитлер бросал все новые и новые дивизии на Ленинград: у немцев освободилась бы группа армий «Север». Освободилась бы и была брошена на Москву. План «Барбаросса» предусматривал удар по нашей стране трезубцем — группами армий «Север», «Центр» и «Юг». Потеряй мы Ленинград, вместе со средним острием трезубца — «Центром» на Москву устремилось бы и верхнее — «Север».

Трудно было нашим войскам осенью 1941 года остановить фашистов у столицы, неимоверное напряжение потребовалось, чтобы зимой отбросить врага от Москвы. Но по Москве тогда било лишь среднее острие трезубца «Барбароссы». Верхнее у самой своей груди намертво схватил Ленинград — не давая врагу ни вырвать его, ни вонзить глубже... Вот какая роль оказалась у Ленинграда в войне!

Великую Отечественную войну историки делят на три периода. Первый — с июня 1941 года по ноябрь 1942 года. Второй — с ноября 1942 года по декабрь 1943 года. Третий — с декабря 1943 года по май 1945 года. Мы же рассмотрим события на морях и побережьях в других временных рамках— так будет проще разобраться во множестве боев и сражений. Для чтения главы «Адмиральская» вооружись картами всех периодов Великой Отечественной войны.

НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА

Краснознаменный Балтийский флот был самым сильным из всех советских флотов. К началу Великой Отечественной войны он имел в своем составе 2 линкора — «Октябрьская революция» и «Марат», 2 крейсера — «Киров» и «Максим Горький», 2 лидера — «Ленинград» и «Минск», 19 эсминцев, 65 подводных лодок, 6 надводных минных заградителей, 7 сторожевых кораблей, 33 тральщика, 1 канонерскую лодку, 33 сторожевых катера и малых охотника за подводными лодками, 48 торпедных катеров, учебные и вспомогательные суда и 656 самолетов. Командовал флотом вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц.

Флот Германии к началу войны с нами был таким: 5 линкоров, в том числе новые «Тирпиц», «Шарнгорст» и «Гнейзенау», 4 тяжелых крейсера, 4 легких крейсера, 43 эсминца и миноносца, 10 надводных минных заградителей, 26 сторожевых кораблей, 85 тральщиков, 28 торпедных катеров, 161 подводная лодка. Из этого состава германское командование для действий против нашего флота на Балтике выделяло около 100 кораблей, в их числе 5 подводных лодок, 10 минзагов, торпедные катера, сторожевые корабли и тральщики.

В свое распоряжение немцы получили на Балтике флот Финляндии: 2 броненосца береговой обороны, 12 минных заградителей, 25 тральщиков, 4 канонерские лодки, 5 подводных лодок и много катеров.

У противника больше кораблей, чем у нас. Но если учесть, что германский флот, особенно подводные лодки, воевал и на других морских театрах, то наш КБФ был грозной силой. Один из гитлеровских морских стратегов, Ассман, напишет впоследствии о немецком плане войны на Балтийском море: «В этом очень осторожном плане чувствовалось уважение к русскому флоту». Чувствовались не простое «уважение», но и боязнь. Так, для защиты своих коммуникаций и побережья от советских кораблей немцы поставили тысячи мин между Мемелем (Клайпедой) и шведским островом Эланд. Минами они прикрыли подходы к портам Пиллау (Балтийск) и Кольберг (теперь польский Колобжег).

ГЕОГРАФИЯ И ВОЙНА

Нельзя в полной мере оценить деятельность моряков Краснознаменного Балтийского флота, не представив, на каком сложном морском театре им пришлось воевать.

Финляндия еще до начала войны отдала немцам свои прибрежные аэродромы, радиостанции, порты, морские базы, в том числе Хельсинки с крепостью Свеаборг. Ширина Финского залива всего 40—60 миль. Значит, морская дорога от Ленинграда до главной военно-морской базы КБФ Таллина, до Риги, до передовой военно-морской базы Либавы с самого начала войны оказалась под угрозой ударов авиации, атак торпедных катеров и обстрела береговой артиллерией. По сути, с самого первого часа войны враг уже был в тылу нашего флота.

Еще одно очень важное преимущество — тоже из рук географии — получили немецкие адмиралы. Германия омывается Северным и Балтийским морями. В Северном море ее флот мог действовать против англичан, в Балтийском — против нас. При этом флот имел возможность целиком сосредоточиться в одном из этих морей и вести там военные действия, не опасаясь удара с тыла. Так, немцы могли бросить все свои мощные корабли против нашего КБФ, обороняя от англичан узкие проливы между морями и Кильский канал береговыми батареями, минами, подводными лодками и авиацией. Такую стратегическую схему еще перед первой мировой войной разработал гросс-адмирал Тирпиц: загородиться от англичан в проливах, сосредоточить весь флот против русского флота, уничтожить его, затем выйти в Северное море и броситься на англичан. Очень интересная схема, не правда ли? А основой для нее послужили географические выгоды.

С первых дней войны и почти до ее конца наше морское командование ждало прихода большого немецкого флота к советским берегам и готово было оказать ему достойную встречу. Однако гросс-адмирал Редер, возглавлявший высшее морское командование Германии, не воспользовался схемой своего предшественника гросс-адмирала Тирпица. Если бы в Финский залив вошли мощные корабли немцев — линкоры и крейсеры, нашим большим кораблям, береговым батареям пришлось бы переключиться на борьбу с ними. А так корабельная и береговая артиллерия большой мощности использовалась против немецких сухопутных войск, наступавших в Прибалтике. Неприятель действовал вблизи наших берегов только малыми кораблями. Тут можно подумать, что наши адмиралы допустили ошибку — мол, готовились, ждали, а большой флот фашистов так и не пришел. Он не пришел именно потому, что его ждали! Если бы не ждали, непременно пришел бы. Враг приходит туда, где его не ждут.

«СУП С КЛЕЦКАМИ»

Финский залив моряки называли «супом с клецками» — очень много мин стояло в нем. Десятки тысяч! Почему «повезло» так этому заливу? Первое — он мелкий: 10—15 метров, самое глубокое место — 75. Значит, в нем можно ставить по всей площади самые разные мины: якорные, донные, антенные... Второе — постановками мин в устье залива немцы загораживали свои коммуникации от нападения наших кораблей, а мы — от нападения кораблей немецких — защищали минами свои коммуникации. Получилось, что обе воюющие стороны ставили мины почти в одном и том же месте. Опасные «клецки» добавлялись в залив чуть ли не всю войну.

Во время минных постановок произошел единственный за всю войну артиллерийский бой больших советских и немецких кораблей.

Из Моонзунда в Ирбенский пролив вышел отряд, которым командовал капитан первого ранга Б. В. Хорошихин. С минами были эсминец «Энгельс», сторожевые корабли «Снег» и «Туча», а прикрывали их эсминцы «Сердитый» и «Сильный» (на последнем тоже были мины).

После полудня отряд обнаружил фашистские корабли — транспортеры в охранении вспомогательного крейсера и двух миноносцев. Неприятельский конвой направлялся к Рижскому заливу.

«Сердитый» и «Сильный» 28-узловым ходом помчались к противнику. Немцы увидели их, с дистанции 120 кабельтовых открыли огонь. Советские моряки ответили с дистанции 108 кабельтовых. Артиллеристы «Сердитого», которыми командовал капитан-лейтенант Бурчаков, уже пристрелочными снарядами накрыли вражеский миноносец и вскоре потопили его. «Сильный» тоже открыл огонь из носовых орудий. Его снаряды по-

пали в крейсер, на вражеском корабле начался пожар. Но и снаряд крейсера угодил в корму эсминца, а там лежали мины. Мина, пробитая осколком, загорелась. Она могла вот-вот взорваться. «Сильный» получил приказ выйти из боя. Раненый комендор Уложенко, старший матрос Александров, старшина второй статьи Карпов и лейтенант Горовой на руках отнесли горящую мину к борту, сбросили в воду. Пришлось сбросить и остальные мины: в бою они грозили кораблю гибелью. «Сильный» снова пришел на помощь «Сердитому». Снаряды наших кораблей еще несколько раз попали в крейсер. Тот закрылся дымовой завесой и ушел в море. В это время появились советские бомбардировщики. Самолеты сбросили бомбы на остатки конвоя и повредили второй миноносец.

Закончив минные постановки, отряд Хорошихина вернулся в базу.

Это первые дни минной войны в Балтийском море.

ШЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ ЛИБАВЫ

А что же происходило в эти дни на побережье? На побережье шли тяжелейшие бои с противником, превосходящим нас и численностью и опытом. Фашистов мы превосходили тогда только мужеством и стойкостью. Пример тому — оборона военно-морской базы Либава (теперь город Лиепая).

Немцы планировали овладеть городом вечером второго дня войны. На рассвете 22 июня их тяжелая артиллерия открыла огонь по пограничным населенным пунктам. Вслед за этим пограничники были атакованы немецкой пехотой. Несмотря на мужественное сопротивление пограничников, немцы заняли Кретингу и Палангу и форсированным маршем двинулись по шоссе от Паланги к Либаве. Остановились враги лишь у реки Барта, что в 17 километрах южнее Либавы. Здесь были части нашей стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. А. Дедаев. Развернулись ожесточенные, кровопролитные бои.

В самой базе боевые действия начались с того, что около 4 часов утра разведчик-наблюдатель зенитной батареи матрос Колотенков обнаружил приближавшиеся с моря самолеты. Это были 12 фашистских бомбардировщиков. Бомбардировщики базу не тронули, а пролетели дальше и сбросили бомбы на аэродром, где стояли истребители. Из-за тумана истребители не могли подняться в воздух, огонь зениток по этой же причине был неточным; вражеские самолеты без потерь ушли, уничтожив 8 наших машин. Во второй половине дня уцелевшие истребители, поскольку аэродром оказался под угрозой захвата, были переведены на восток, в Ригу. База осталась без авиационного прикрытия.

Генерал-майор Н. А. Дедаев и командир базы капитан первого ранга М. С. Клевенский, люди энергичные и деятельные, начали готовить Либаву к круговой обороне. Войска и жители города приняли рыть траншеи и окопы. Береговая артиллерия изготавливалась к стрельбе по сухопутным целям. Из экипажей ремонтирующихся кораблей, личного состава базы, курсантов училища были сформированы морские отряды. В отряды объединились латышские коммунисты и комсомольцы. Днем 22 июня, быстро закончив ремонт машины, тральщик «Фугас» под охраной торпедных катеров вышел в море и, отражая налеты бомбардировщиков, прикрыл подступы к базе минами.

Кузнецов Н. Г.

Приближался вечер 23 июня — срок взятия Либавы. Однако немцы нигде не могли пробить нашу оборону, хотя подошли к городу совсем близко. Тогда они попытались прорваться в город на лодках по Лиепайскому озеру. У берега фашисты попали под сильный огонь отряда моряков. По фашистам ударила береговая батарея. И десант бежал с озера с большими потерями.

Как и подобает мужественным людям, гарнизон базы не только оборонялся, но и сам переходил в контратаки. Так, моряки с эсминца «Ленин», курсанты и стрелки целый день вели наступательный бой у пересечения Гробиньского и Виндавского шоссе. (Виндава теперь называется Вентспилс.)

Противник подтянул к Либаве крупнокалиберную артиллерию. В ночь на 24 июня наши стрелки и морские пехотинцы выдержали ожесточенный обстрел. Тяжелые орудия били по городу, по кораблям, стоявшим в порту, по складам. Ночь была тревожная, вся в зареве пожаров. А тут еще прогремели взрывы в порту: моряки взорвали эскадренный миноносец и шесть подводных лодок. Это мужественное решение принял командир эсминца капитан-лейтенант Ю. Афанасьев, как старший по званию среди командиров ремонтировавшихся кораблей; немцы уже подходили к судоремонтному заводу, а корабли не имели хода.

Невозможно выделить из числа защитников Либавы наиболее отличившихся. Одинаково доблестно сражались в окружении и стрелки, и моряки, и пограничники. Примером воинского братства стала совместная стрельба береговой батареи 130-миллиметровых орудий с батареей 122-миллиметровых гаубиц дивизии. Моряки выделили к гаубицам опытных наводчиков, и две батареи — в каждой по 4 орудия — действовали как одна. Их огневые налеты уничтожали и разгоняли мотопехоту немцев, разрушали артиллерийские и минометные позиции. Точной стрельбой они уничтожили вражеский бронепоезд.

Северо-восточнее города есть местечко Дурбе. Там на озере базировалась эскадрилья гидропланов — морских ближних разведчиков. Ее летчики вели не только разведку вокруг осажденной Либавы, но и бомбили врага. Вскоре, однако, и эти самолеты улетали под Ригу — немцы подошли к самому озеру. Теперь в небе над Либавой и ее окрестностями кружили только самолеты с крестами на крыльях. Они сыпали бомбы на наши позиции, обстреливали их из пулеметов. А зенитчикам в это время приходилось опускать стволы орудий и отражать атаки врага на земле.

25 июня был убит генерал Дедаев. Число погибших и раненых росло. Боеприпасы подходили к концу. А фронт уже откатился от Либавы; советские войска готовились к обороне на реке Даугава.

Вечером 26 июня гарнизону Либавы был дан приказ отступить к Риге.

Сдерживая врага, войска стали готовиться к выходу из окружения. Утром 27 июня раненые были погружены на автомашины и на судно «Вениба». Береговые батареи, перед тем как быть взорванными, выпустили по неприятелю последние снаряды. Прорывались герои одновременно на двух направлениях — по приморской дороге на север и в направлении на Айзпуте, на восток. На северном направлении сразу наметилась удача. Но, когда машины с ранеными вытянулись в колонну, налетели немецкие штурмовики. Отходившим нечем было защищаться от самолетов, и те методично сбрасывали бомбы и вели стрельбу из пулеметов. Трагично сложилась и судьба прорывавшихся в восточном направлении — между железной дорогой и шоссе (в этом месте населенный пункт Гробиня). Поначалу немцы не оказывали большого сопротивления. Оказалось, заманивали в огневой мешок. С близкого расстояния фашисты открыли губительный огонь из пулеметов, из минометов. Прямой наводкой били орудия...

Из окружения удалось выйти лишь нескольким отрядам моряков, которыми командовал полковой комиссар П. Поручиков, и отряду курсантов и пограничников, которых возглавил капитан В. Орлов.

Пароход «Вениба» шел в море под флагом Красного Креста — в сопровождении катеров. Катера защитили бы его от кораблей противника, но напали на пароход не корабли, а самолеты. Бомбили, стреляли в беззащитное госпитальное судно. И потопили. Добраться до берега удалось лишь 15 морякам. Немцы с бреющего полета расстреливали людей в воде.

В самом городе, в разных его концах, после того, как вошли в Либаву фашисты, еще несколько дней шла стрельба. Моряки, солдаты, латышские коммунисты и комсомольцы, укрывшиеся на чердаках, в подвалах, продолжали героическое сопротивление.

Преображенский Е. Н.

Всего шесть дней держалась Либава. Как мало это... И вместе с тем как много! Вспомни, дорогой друг, о Ленинграде. О значении этого города в войне. Немцам нужно было взять его в конце июля, через 33 дня после начала военных действий. Либава, задержав левый фланг немецких войск на шесть дней, отняла их у «Барбароссы». И не просто шесть дней отняла, а одну шестую времени, отведенного на захват Ленинграда.

БОМБАРДИРОВКИ БЕРЛИНА

В начале войны самолетам КБФ больше пришлось действовать не в морских боях, а в боях на суше. Летчики флота бомбили танки, мотопехоту, аэродромы, воевали с немецкими самолетами, прикрывали с воздуха своих наземных товарищей.

А с каким мужеством прикрывали! Израсходовав боеприпасы, 16 июля таранил фашиста старший лейтенант Н. Митин, 18 июля — лейтенант В. Михалев, 19 июля — старший лейтенант М. Багрянцев, 22 июля — старший лейтенант Д. Зосимов, 24 июля — старший лейтенант И. Мартыщенко... Задумайся над рядом этих чисел, читатель. Представь лейтенантов, у которых оставалось единственное оружие — винт самолета. Представь их лица за прозрачным колпаком истребителя. Представь их глаза, их гневные очи.

Первым в истории авиации таранил бомбардировщиком истребитель младший лейтенант П. Игашев. Сбив фашиста, экипаж ДБ-3 проутюжил своим горящим самолетом колонну вражеских войск на дороге...

Истинную храбрость, великолепное умение летать показали пилоты двух эскадрилий 1-го минно-торпедного полка, которым командовал полковник Е. Н. Преображенский. Они бомбили Берлин. Первые бомбы сбросили в ночь на 8 августа.

Какими чувствами жила Германия в канун той ночи? «Доблестная» армия фюрера взяла Псков, взяла Смоленск: между Киевом и Кременчугом танки изготовились форсировать Днепр; в осаде Одесса. Как же не радоваться! Один за другим перед германцем встают на колени народы. «Хайль Гитлер!» Так ликовали одни. К сожалению, их было большинство — захваченных, словно пыль ветром, диким восторгом убийства и разрушения. Другие рассуждали: «Творится страшное дело. Но нет силы, которая приостановила бы его. А раз так, то и мы вместе со всеми». Третьим было горько чувствовать себя немцами. Коммунисты, антифашисты, они не теряли надежды вернуть своему народу доброе имя, но надежда эта по мере продвижения гитлеровских войск на восток все уменьшалась.

Нужно было вселить в третьих веру в торжество их правоты. Нужно было предостеречь вторых от опасности соучастия в преступлении. И нужно было показать первым, что война дело не шуточное и когда придет она туда, где ее замыслили, ликующим ныне небо покажется с овчинку.

Чем все это можно было достичь? Чем-то таким, чего не могли бы скрыть от читателей немецкие газеты, таким, весть о чем разнеслась бы по всей Германии и по всему свету. Надо было бомбить Берлин.

Налеты на Берлин готовились в строжайшей тайне. Ставка Верховного Главнокомандования возложила личную ответственность за эту операцию на ее инициатора — наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова.

Был единственный аэродром, откуда самолеты ДБ-3 с полутонным грузом бомб могли достать Берлин — на острове Эзель. Причем, чтобы хватило бензина для возвращения, надо было все 1800 километров туда и обратно лететь по прямой, бомбы сбрасывать на город немедля, иначе — посадка на территории, занятой врагом.

Когда стали подбирать экипажи, выяснилось, что сами летчики тоже думали о таких полетах. Немцы в те дни отдельными бомбардировщиками прорывались к Москве, и наши летчики считали своим долгом сбросить бомбы на фашистскую столицу.

2 августа бомбардировщики прилетели на островной аэродром. Эсминец «Стерегущий» и тральщик «Фугас» доставили на Эзель бомбы из Таллина. Преодолев минные заграждения, пришел конвой с бензином. Самолеты, боеприпасы, горючее укрыли в лесах.

Ночью 6 августа несколько бомбардировщиков слетали на разведку — до самого Берлина. Фашисты опоясали город кольцом зенитных орудий, мощные прожекторы светили на высоту шести километров, густо висели в небе аэростаты с сетями, еще были ночные истребители с прожекторами.

Разведку удалось проделать исключительно тонко. Немцы не догадались, какие гости побывали в их владениях. Поэтому ночью 8 августа 15 наших дальних бомбардировщиков беспрепятственно прошли зенитную оборону и появились над освещенным Берлином. Город немцы не затемняли. «Зачем же? Англичане налетают крайне редко, а у русских вся авиация уничтожена». Немецкие наблюдатели посчитали наши смолеты за свои, заблудившиеся, и предлагали сесть на аэродром поблизости. Только после того, как в городе взорвались тяжелые бомбы, открыли огонь зенитные орудия, вспыхнули, зашарили по небу прожекторы. Но наши бомбардировщики — все 15 — на высоте семи километров уже летели домой.

Утром немецкие газеты вышли с сообщением: «Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолетов». Англичане не замедлили напечатать: «Германское сообщение о бомбардировке Берлина интересно и загадочно, так как 7—8 августа английская авиация над Берлином не летала».

Ты можешь представить, дорогой друг, как потрясло и разъярило Гитлера это написанное в изящном стиле опровержение! И фюрер, и его генералы уже считали, что война выиграна. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер писал в своем дневнике еще 3 июля: «В целом теперь можно сказать, что задача разгрома главных сил русской армии перед реками Западная Двина и Днепр выполнена... Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней». Тогда же Гитлер говорил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он уже войну проиграл». И вот на́ тебе! — на Берлин падают советские бомбы.

Верховное главнокомандование фашистов 12 августа отдало распоряжение: «Совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются налеты на Берлин».

Не дожидаясь крупной операции, за уничтожение наших бомбардировщиков принялись вражеская авиация и диверсанты. Самолеты-разведчики обнаружили аэродром — его ведь не спрячешь, но бомбардировщики были укрыты глубоко в лесу, и немцы только испортили аэродром взрывами бомб, что было не так уж важно. Бойцы истребительного отряда уничтожили в окрестностях аэродрома несколько групп диверсантов, поймали немецкого радиста, сброшенного с парашютом, затем задержали и выходившего к нему на связь шпиона.

А налеты на Берлин следовали один за другим. Теперь уже в условиях ожесточенного противодействия врага. Как только бомбардировщики пересекали береговую черту, зенитки засыпали небо снарядами. Настоящий огненный ад начинался на подходах к городу. Спасительной для летчиков — они летали с кислородными масками — была большая высота. Прожекторы немцев не доставали до наших самолетов на целый километр. Ни один ДБ-3 не был сбит над Берлином.

Последние бомбы были сброшены на город в ночь на 5 сентября. После этого полеты пришлось прекратить. Немцы часто бомбили островной

аэродром, до предела осложнилась доставка бомб и горючего — неделей раньше наши войска оставили Таллин.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ И ВОДОЙ

Помнишь, читатель, мы говорили о танке КВ № 864, который 19 августа 1941 года остановил и разгромил армаду вражеских танков? То был эпизод отражения яростного натиска фашистов на Ленинград. Сроки взятия Ленинграда, определенные «Барбароссой», прошли. Это, в свою очередь, могло отодвинуть сроки наступления на Москву, и враг предпринимал все меры, чтобы ворваться в город Ленина.

Для нас было важно в то время сковать вражеские войска на других участках фронта, чтобы немцы не могли перебросить оттуда подкрепления к Ленинграду. И тут мы должны вспомнить храбрость защитников Таллина. Шесть пехотных дивизий, целую армию, приковал к себе в самое опасное для Ленинграда время — в августе 41-го — Таллин. Город был окружен и сражался в окружении 20 дней. Не так, конечно, много. Но если учесть, что всю войну немцы намеревались закончить за 45—60 дней, то эти два десятка — срок внушительный.

К концу месяца силы защитников Таллина истощились. Осложнилась обстановка и под Ленинградом. Для непосредственной обороны Ленинграду нужны были все силы флота. В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ об эвакуации защитников Таллина и переходе флота в Кронштадт — на помощь Ленинграду.

Таллин был не только столицей Эстонии, но и главной базой КБФ. Почти все корабли Балтийского флота находились здесь. Теперь им предстояло, взять на борт защитников города, прорываться в Кронштадт.

ТРУДНЕЙШИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Переход флота из Таллина в Кронштадт был делом очень и очень трудным. С северного берега залива, из финских шхер, неприятель грозил нашим кораблям атаками торпедных катеров и подводных лодок. С южного, который захватили гитлеровцы,— артиллерийским обстрелом. Середину же залива немцы загородили минами, они поставили их больше 3 тысяч. С воздуха ожидались удары фашистской авиации. А наши истребители могли прикрыть корабли лишь восточнее острова Гогланд; береговые аэродромы враг захватил; с аэродромов, расположенных близ Ленинграда, летать очень далеко — не хватало бензина на обратную дорогу. Вот какие сложнейшие обстоятельства нужно было преодолеть Краснознаменному Балтийскому флоту. Фашисты считали, что наш флот в ловушке, что они теперь уничтожат его.

В ряду разнородных задач флота особо сложным

Трибуц В. Ф.

считается высадка десантов, но не менее трудной является эвакуация войск с побережья. Войска приходится принимать на корабли и суда, когда враг наседает превосходящими силами. Однако эту трудную задачу решить удалось. Во второй половине дня 27 августа защитники Таллина одновременно по всему периметру обороны контратаковали противника. Солдаты и матросы понимали, что от этой последней контратаки зависит многое. Они бились храбро, яростно, так что отбросили неприятеля на несколько километров. Береговые батареи, корабли — крейсер «Киров», лидеры «Ленинград» и «Минск», восемь эсминцев — повели непрерывную стрельбу по отогнанным фашистам. Под грохот мощных орудий, под покровом наступившей ночи войска выходили к причалам в разных бухтах и грузились на транспорты. Более 20 тысяч человек перешли с берега на суда. Когда отходили последние части, до конца державшие оборону, морская артиллерия поставила между ними и немцами огневую завесу. Немцы не отважились войти в порт вслед за отступавшими. Правда, неприятель обстреливал порт и корабли из орудий и минометов, но, к счастью, от этого обстрела потерь почти не было.

После завершения посадки специальные команды занялись уничтожением военного имущества, которое невозможно было взять с собой. Взорвали орудия, башни и погреба береговых батарей, склады, автомашины. Чтобы фашисты подольше не воспользовались гаванями, в них затопили старые суда, паровозы и вагоны. Закрыл собой вход в каботажную гавань поврежденный бомбой минный заградитель «Амур», тот, что вместе с «Авророй» был на Неве при штурме Зимнего дворца.

Жалко топить паровоз. Еще горше топить корабль, чья история известна всему флоту. Адмирал

Ю. А. Пантелеев, который в те дни был начальником штаба КБФ, вспоминает: «В сумерках у морских ворот гавани, дергаясь на швартовых, громадой высится старый русский боевой корабль, минный заградитель «Амур». Ни огонька на нем. На палубе не видно команды, на мачтах не развеваются флаги, а из двух высоких труб не вьется дымок. Ветеран Балтийского флота, на чьих минах в первую мировую войну погиб не один вражеский корабль, уже больше не покинет гавань. Он должен выполнить последний свой долг перед Родиной: после нашего ухода затонуть в воротах гавани с тем, чтобы надолго запереть их для врага».

С тяжелым сердцем покидали моряки Таллинский рейд. Но мужество не покидало людей. Самих моряков, их сильные корабли ждал Ленинград, вокруг которого уже почти сомкнулось кольцо фашистов.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

Эвакуация шла по плану. Почти 200 кораблей и судов были готовы к переходу, который должен был начаться в ночь на 28 августа. Но случилось непредвиденное: накануне вечером ветер стал свежеть и разыгрался шторм. Семибалльный ветер, большие волны были опасны для многих тральщиков, судов и катеров. Ветер начал стихать лишь через 15 часов. Мало того что флоту эти томительные часы пришлось стоять у острова Найсар под обстрелом немецких орудий, это в конце концов было не так опасно, наши корабли не давали особенно разгуляться вражеской артиллерии, эсминцы «Артем» и «Володарский» довольно быстро подавили немецкую батарею; опаснее и страшнее во сто крат было то, что флоту теперь приходилось форсировать минные поля ночью, а не в светлое время. Однако не было иного выхода, как двинуться в путь. Стоять у острова Найсар, отложив выход в море на сутки, было нельзя. С часу на час должна была налететь вражеская авиация.

После полудня 28 августа корабли и конвои взяли курс на восток. Первыми шли главные силы: крейсер «Киров», лидер «Ленинград», 4 эсминца, 4 подводные лодки, 5 быстроходных тральщиков, 11 торпедных катеров и катеров-охотников.

За главными силами двигался первый конвой: шесть транспортов, ледокол, плавмастерская, учебный корабль, три подводные лодки, а также корабли непосредственного охранения — 2 эсминца, 3 сторожевика, 5 тральщиков, 7 различных катеров и буксир.

Далее следовал отряд прикрытия: лидер «Минск», 2 эсминца, 4 подводные лодки, 5 быстроходных тральщиков, 8 малых охотников и торпедных катеров, 1 сторожевой корабль.

За отрядом прикрытия шли третий и четвертый конвои: 8 транспортов, танкер, 3 мотобота, 3 шхуны и баржа. В непосредственном охранении конвоев следовали: 4 тральщика, 2 канонерские лодки, 3 сторожевых корабля, 13 катерных тральщиков, 2 магнитных тральщика и 2 малых охотника.

Параллельно этим конвоям, чуть севернее шел второй конвой: 6 транспортов, 2 сетевых заградителя, гидрографическое судно и шхуна. В их охранении были: канонерская лодка, сторожевой корабль, 4 тральщика, 9 катерных тральщиков и 2 катера — малых охотника.

Замыкал колонну кораблей и транспортов арьергард: 3 эсминца, 3 сторожевых корабля, 2 торпедных катера и 2 малых охотника.

Командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц находился на крейсере «Киров», его первый заместитель начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев — на лидере «Минск» в отряде прикрытия, второй заместитель командующего контр-адмирал Ю. П. Ралль — в арьергарде на эсминце «Калинин».

Отряды кораблей и транспортов вытянулись на целых 15 миль. Поход, равного которому по мужеству в истории флотов нет, начался. О том, как он проходил, послушаем рассказ военного историка капитана первого ранга Василия Ивановича Ачкасова.

«С момента выхода из Таллинского залива до наступления темноты боевые корабли и транспорты подвергались непрерывным атакам с воздуха. Вскоре были обнаружены плавающие мины (якорные мины, которые всплывали, подсекаемые тралами и параванами наших идущих впереди кораблей).

Первые потери начались после 18 часов, когда на мине подорвался и затонул транспорт «Элла». Через 25 минут от попадания нескольких авиационных бомб затонул ледокол «Вальдемарс». В это же время самолеты атаковали транспорт «Вирония». Он потерял управление и был взят на буксир спасательным судном «Сатурн». Командир первого конвоя оставил около «Виронии» транспорт «Алев», а для прикрытия выделил эсминец «Суровый» и катер. Позднее, около 22 часов, «Вирония», «Сатурн» и «Алев» подорвались на минах и затонули. Затем на минных заграждениях погибло еще два транспорта.

Быстро надвигались сумерки. Силуэты кораблей арьергарда четко вырисовывались на фоне зарева пожаров, полыхавших в оставленном нами Таллине. Огромные столбы пламени и черного дыма, поднимавшиеся к небу то тут, то там, возвещали о гибели транспортов и кораблей. На поверхности моря среди массы обломков плавало много людей. Катера подбирали их и доставляли на борт ближайших кораблей и судов.

С наступлением темноты налеты вражеской авиации прекратились, однако во много крат усилилась опасность подрыва на минах. Всплывшие на поверхность якорные мины трудно было различить среди обломков. Ночь на 29 августа оказалась для флота самой тяжелой, так как ему пришлось в темноте форсировать минное поле большой глубины и плотности.

Отряды и конвои шли в кильватер друг другу за тралами малочисленных базовых тральщиков, не имевших возможности очистить от мин фарватер необходимой ширины. Выход за пределы узкой протраленной полосы был чреват гибелью. Но и в этой полосе плавание было небезопасным: корабли не успевали расстреливать мины, подсекаемые тралами тральщиков и параванами боевых

кораблей. Катеров, которые могли этим заниматься, не хватало, поэтому на фарватере плавало большое число всплывших мин. Иногда корабли проходили вплотную между двумя минами, и их отталкивали от борта связками коек и другими предметами...

К главной, минной, опасности прибавились и другие: обстрел с мыса Юминда-нина и атаки торпедных катеров из шхер, которым подверглись крейсер «Киров» и другие корабли. Например, личный состав лидера «Минск» в течение часа отразил артиллерийским огнем две атаки торпедных катеров.

После 20 часов в отряде главных сил подводная лодка С-5, шедшая в кильватер крейсеру «Киров», подорвалась на мине и исчезла под водой. Некоторое время спустя крейсер затралил правым параваном мину, но неожиданно ее стало быстро заносить к борту, и только энергичные меры предотвратили подрыв корабля. Еще не успели на «Кирове» обрубить параван, как подорвался эскадренный миноносец «Гордый», а вслед за ним — эсминец «Яков Свердлов», мгновенно затонувший. На флагманский командный пункт одно за другим поступали донесения об обнаружении мин и о потере тральщиками тралов, перебитых взрывами мин. Вскоре крейсер вновь затралил мину параваном, а через несколько минут огнем главного и зенитного калибров отразил атаку торпедных катеров. Одновременно отряд был обстрелян береговой артиллерией. Крейсер «Киров», открыв ответный огонь, заставил вражескую батарею замолчать. Эсминец «Сметливый» прикрыл корабли дымовой завесой.

Отряд прикрытия находился в таком же положении. В 21 час 40 минут у лидера «Минск» в параване взорвалась мина, и корабль принял 650 тонн воды. Эсминец «Скорый» подошел к стоявшему без движения лидеру, завел буксиры и дал ход вперед, но тут же подорвался на мине и затонул. Шедшие в голове отряда 5 базовых тральщиков, не заметив в темноте гибели сзади идущих кораблей, продолжали движение на восток. Ночью они подошли к главным силам. Вернулся к «Минску» лишь один тральщик, который и произвел контрольное обследование ближайшего к лидеру района. Поскольку было обнаружено много плавающих мин, контр-адмирал Ю. А. Пантелеев приказал отряду прикрытия встать на якорь. Одновременно встали на якорь все транспорты конвоев.

Учитывая, что количество плавающих мин увеличилось и были перебиты все тралы, командующий флотом решил приостановить до рассвета дальнейшее форсирование минных заграждений и приказал всем стать на якорь, о чем флот был оповещен по радио.

Ночная стоянка на якоре прошла в тревоге. То с одного корабля, то с другого наблюдатели обнаруживали мины, качавшиеся на волнах. Тогда моряки спускались в воду и, плавая, отводили руками мины от бортов. Ощущение постоянной опасности и незавершенности похода держало людей собранными, не давало начаться панике. Сейчас вот, думая о них, представляя их в море, которое в такое короткое время и так страшно поглотило множество кораблей и множество замечательных моряков, удивляешься, как можно было пережить те часы. И не просто пережить — всем, кто закончил поход, пришлось сразу же вступить в новые бои у Ленинграда, где требовалось мужество не меньшее.

Утро 29 августа началось налетами бомбардировщиков. Шли они небольшими группами, но шли беспрерывно. И сыпали, сыпали бомбы. Поначалу фашисты открыли охоту за большими кораблями: за крейсером, за лидерами, эсминцами. Но, поскольку минное поле уже было пройдено, корабли пошли быстрее и уклонялись от падающих бомб. К тому же корабельные зенитчики встречали фашистских летчиков огнем. Не сумев потопить ни одного корабля, немцы набросились на тихоходные транспорты и вспомогательные суда. Они бомбили их до самой темноты.

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Еще 20 августа, предвидя отход из Таллина, командующий флотом приказал капитану второго ранга И. Г. Святову подготовить специальный отряд прикрытия и разместить его на острове Гогланд. Это было очень важное решение.

Остров Гогланд находится на половине пути из Таллина в Кронштадт. На нем в то время был небольшой гарнизон наших войск. С их помощью моряки приготовились к спасательным работам. В распоряжение отряда Кронштадт дал 12 тральщиков, 4 сторожевых корабля, 6 торпедных и 8 сторожевых катеров, несколько мотоботов, буксир и спасательное судно.

Наблюдательный пункт моряки устроили на верхушке горы в северной части острова. Оттуда просматривался на далекое расстояние западный Гогландский плес. Представим себе, что мы с тобой, читатель, были в тот день на верхушке горы вместе с наблюдателями. Что увидели бы мы оттуда? Вот появились у горизонта сначала черточками, потом силуэтами наши корабли. Слышен гул далекой канонады. Это корабельные зенитки бьют по вражеским самолетам. То в одном месте, то в другом вырываются к небу клубы черного дыма — горят транспорты, подожженные бомбами. Борются команды транспортов с огнем, заделывают пробоины, откачивают воду, исправляют повреждения в машинах. А немецкие самолеты проносятся на бреющем полете над местом катастрофы и бьют пулеметами тонущих. Все корабли с Гогланда сейчас там. Они буксируют потерявшие ход транспорты, помогают тушить пожары, снимают людей с тех судов, которые вот-вот погрузятся в залив, и вылавливают из воды обессилевших бойцов. Первые группы спасенных прибывают на Гогланд на катерах. Это люди, подобранные из воды еще ночью, они с кораблей и транспортов, подорвавшихся на минах. Катера переполнены. Вместо 30 человек на каждом больше сотни — плывут, рискуя перевернуться.

Контр-адмирал И. Г. Святов вспоминает: «Мы организовали прием спасенных людей и направили их в разбитый в лесу лагерь. Теперь скопилось уже несколько тысяч человек, а люди все прибывали и прибывали. Им надо было срочно оказать медицинскую помощь, накормить и обеспечить обмун-

дированием. Местный лазарет был переполнен. Пришлось приспособить для приема раненых все казармы гарнизона и разбить палатки.

В 15 часов с наблюдательного пункта доложили, что пять горящих транспортов подходят к острову с юга. Я помчался на катере туда. Горящие транспорт «Люцерна», плавмастерская «Серп и молот» и еще три транспорта приткнулись к берегу. Около 5 тысяч человек сошли на берег, лесистый и необитаемый. До бухты надо было идти около 10 километров. Организовали переброску раненых на катерах, остальных отправили пешком».

Помнишь, читатель, остров Пситталию в Саламинском проливе? Как стал похож на него Гогланд...

А война все бушует на плесе. С особой страстью фашисты атакуют транспорт «Казахстан». Бомбой разрушен мостик, повреждена машина и рулевое управление. На транспорте пожар. Неуправляемое судно ветер несет к острову Вайндло (он в 20 милях юго-западнее Гогланда). Героически борются моряки с пожаром. Вокруг горящего транспорта снуют катера, ходят тральщики, стреляют по атакующим бомбардировщикам и подбирают из воды тонущих людей. С утра до самой темноты немцы охотились за «Казахстаном». Он очень большой, на нем одном эвакуируется почти четверть всех защитников Таллина — 5 тысяч человек

Вечером транспорт приткнулся к острову. Бойцы высадились на берег. Во главе со своими командирами они немедля начали готовить остров к обороне... Мужество плывших на «Казахстане» было вознаграждено тем, что немцам так и не удалось потопить огромный транспорт, через несколько дней он пришел в Кронштадт.

В состав первого конвоя входил учебный корабль «Ленинградсовет». Ты знаешь его под другим названием. В дни революции он назывался «Верный» и был вместе с «Авророй» на Неве. Этот старый тихоходный корабль не дался фашистским летчикам. Пока не кончились снаряды, отбивался от бомбардировщиков двумя слабенькими пушками, а потом защищался единственным оставшимся оружием — маневром. Корабль то резко уходил вправо, то влево, замирал на ходу или рывком устремлялся вперед — в зависимости от того, как падали бомбы. Командир старший лейтенант Николай Амелько бессменно стоял на ходовом мостике, хладнокровно следил за бомбардировщиками и, как только вываливались из них бомбы, мгновенно производил расчет и отдавал команду на уклонение. А фашисты налетали на корабль не раз, не десять, а более ста раз — висели над кораблем с утра до ночи. И вот в такой обстановке «Ленинградсовет» не только сам выжил, но еще спас из воды сотни людей!

В Кронштадте «Ленинградсовет» не ждали, считая погибшим. И вдруг он появился на рейде. Тогда все корабли во главе с крейсером «Киров» просигналили приветствие доблестному бойцу, его экипажу и командиру. За этот поход старший лейтенант был награжден орденом Красного Знамени. Приятно знать, что Николай Николаевич Амелько, ныне адмирал, занимает ответственную должность в Генштабе Вооруженных Сил СССР.

Корабли главных сил флота пришли в Кронштадт днем 29 августа, затем стали подходить другие отряды и конвои.

Спасательный отряд еще несколько дней помогал на западном Гогландском плесе судам и людям, терпящим бедствие. На острове оказалось сошедших с горящих транспортов, снятых с тонущих судов и подобранных из воды 12 160 человек. Все они в начале сентября были доставлены в Ленинград.

В таллинском походе погибло 3 новых корабля и 13 старых кораблей и катеров. Из 67 транспортов потоплено 34. И остались в море тысячи людей. Очень тяжелые потери. Нельзя не печалиться о них.

Печалясь, мы должны и объективно независимо от наших чувств посмотреть на итоги похода. Он таков: фашистам не удалось уничтожить боевое ядро Краснознаменного Балтийского флота. Корабли и большая часть сухопутных войск, эвакуированных из Таллина, прибыли на защиту Ленинграда.

Балтийские моряки перенесут поражения и утраты, они станут сильнее, чем были, станут победителями. Знаешь, чем заплатил фашистский флот только на Балтийском море за гибель наших кораблей? КБФ за войну потопил 624 фашистских транспорта и 581 боевой и вспомогательный корабль врага.

ЛЕДЯНОЙ КОМБАТ

Говорят, человек с твердым характером во всех делах и при всех обстоятельствах ровный. Это верно. Но верно также, что чем труднее дело, чем сложнее обстоятельства, тем тверже такой человек. Пример тому — капитан Александр Стебель, командир береговой батареи № 315.

В 1940 году, когда Прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза, на Моонзундских островах началось строительство оборонительных сооружений. Тысячи ленинградских рабочих и тысячи жителей островов были заняты этим делом. Среди военных строителей был инженер с непривычной фамилией Стебель. Он сооружал батарею на самом кончике полуострова Сырве (Сворбе), почти на том самом месте, где стояли русские орудия в первую мировую войну.

Сырве отходит от острова Сарема (Эзель) тонким восемнадцатикилометровым языком в сторону материка. Между ним и материковым берегом — Ирбенский пролив, через который лежит путь в Рижский залив, во всю южную Прибалтику. Во время войн Ирбенский пролив запирался минами, а сохранность минного заграждения обеспечивала артиллерия, установленная на оконечности Сырве.

Капитан Стебель строил 180-миллиметровую батарею так, чтобы при любых невзгодах она могла держаться долго. Среди болотистого леса чуть возвышались над поверхностью земли только две башни — по два орудия в каждой. Орудия были скорострельные, дальнобойные, их стволы, длинные и толстые, напоминали стволы сосен, росших поодаль. Стрелять так далеко, как батарея № 315, не могли не только эсминцы немцев, но и их крей-

Амелько Н. Н.

серы. От бомб, даже двухтонных, батарея была защищена броней и бетоном. При прямом попадании тяжелой бомбы внутри батареи гудело, как под колоколом, а беды никакой не было: толстый слой земли и бетона укрывал механизмы пушек, приборы управления огнем, а также склады снарядов, продовольствия и личный состав.

Командование флота ценило важность этой позиции. Поэтому окружили ее противотанковым рвом, колючей проволокой, минами; на ее защите были зенитные и противотанковые орудия. Инженер Стебель после окончания строительства получил назначение командовать батареей. Он умел не только строить, но и прекрасно стрелял, его считали в ряду лучших артиллеристов Краснознаменного Балтийского флота.

На минуту отвлечемся от батареи № 315, чтобы поговорить о том, что сделали для Ленинграда Моонзундские острова. Если Либава держалась 6 дней, Таллин — 20, то архипелаг оборонялся 49 дней — до 22 октября 1941 года. Суть этих 49 дней состояла в том, что моонзундцы отвлекли на себя от Ленинграда 50 тысяч фашистов, из которых половина была уничтожена. И еще в том, что враг не мог снабжать войска, наступавшие на Ленинград, выгодным путем — через Рижский залив и город Ригу. Ему пришлось возить танки, подкрепления, боеприпасы, продовольствие по разрушенным железным дорогам, где уже начинались диверсии партизан. Западный историк Ю. Майстер, участник боев на Моонзунде, пишет о тех днях: «Противодействие авиации, береговой артиллерии, легких сил [легких кораблей] было столь сильным, что пришлось отказаться на ближайшее время от проведения конвоев».

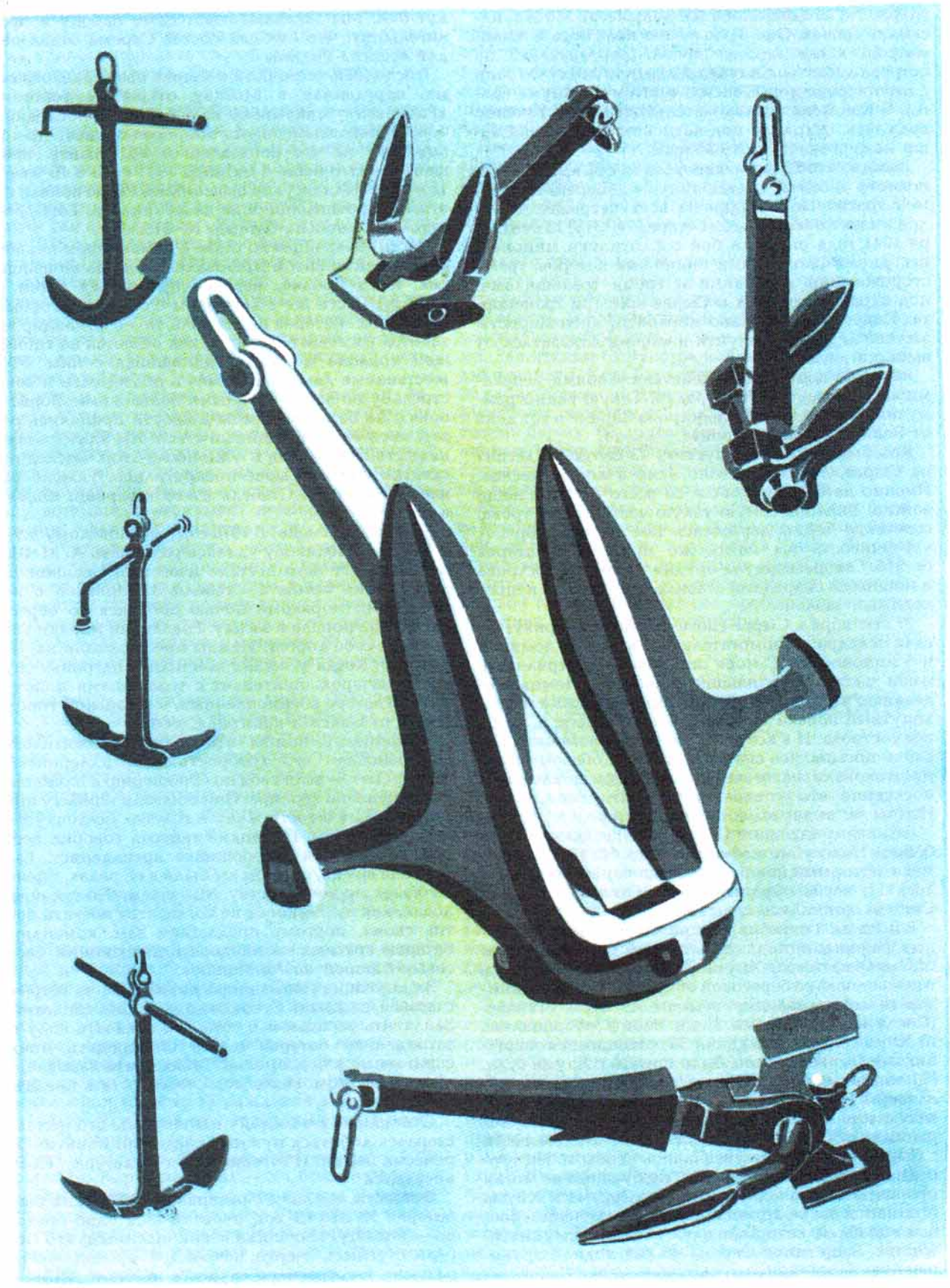
Слова Майстера имеют непосредственное отношение к батарее Стебеля. Немцы хорошо знали ее. Да и как было не знать? В начале июля они проделали проход в минах Ирбенского пролива и стали пускать одиночные транспорты со слабым прикрытием — проверяли, как будет вести себя батарея № 315. В предыдущие дни самолеты засыпали ее бомбами. Была у немцев надежда, что посекли они не только лес вокруг, не только изрыли землю, но и повредили орудия. Капитан Стебель не торопился рассеять иллюзию врага. Транспорты шли в Ригу, можно сказать, под самым носом, а орудия молчали. И Стебель дождался своего. Однажды ранним утром в пролив начали входить два транспорта в охранении миноносца. Артиллеристам не терпелось ударить по ним. Но командир был непреклонен — пусть идут, все это еще разведка. В небе показались точки. К полуострову летели «юнкерсы». Капитан насчитал их сорок штук, бросил считать и поспешил на батарею. Так много бомбардировщиков еще не налетало. Несомненно, что-то исключительное должно было произойти и на море.

Оно произошло: показался очень большой конвой в составе 42 транспортов и кораблей охранения. Впереди вспомогательный крейсер, в конце конвоя два миноносца, по сторонам торпедные катера... Попробуй нарисовать себе картину начавшегося — на батарее рвутся снаряды всех корабельных орудий фашистов, волна за волной налетают на нее бомбардировщики, а батарея тоже бьет. Непрерывный грохот, вой, дым и огонь на батарее. И на море тоже грохот и огонь. После пристрелочных выстрелов по крейсеру ударили сразу обе башни — крейсер загорелся. Новым залпом ударили по катерам — три катера разлетелись в куски. Бьют обе башни — без остановки. Получил повреждение миноносец. Взорвался один транспорт, пошел на дно второй — с танками, горит третий... Батарея перенесла огонь на концевой миноносец. И он поврежден. Разбегаются транспорты кто куда. Настоящая паника у немцев. Даже забыли дымом прикрыться... А тут пошли в атаку наши торпедные катера. И вовремя — орудия 315-й раскалились так, что краска начала гореть. Под землю, под бетон сообщают по телефону наблюдатели: торпедные катера потопили три транспорта. Еще сообщают: над конвоем наши бомбардировщики... Так била фашистов, взаимодействуя с катерами и летчиками, батарея Стебеля.

Зная, что есть она, увереннее действовали в проливе наши корабли. В особо неудачный для немцев день, 18 июля, эсминец «Стерегущий» уничтожил артиллерийским огнем пять транспортов, еще два подожженных им судна выбросились на берег. «Стерегущему» пришлось отбиваться от четырех торпедных катеров, два из них он тоже пустил на дно. Тогда же один транспорт подорвался на мине, шесть транспортов потопили наши бомбардировщики.

День за днем бежало время, и линия сухопутно-

Судовые и корабельные якоря.



го фронта отодвигалась все дальше от Моонзундских островов. Она была уже в полутысяче километров, когда немцы начали переправлять на острова десанты. Сначала захватили Муху (Моон), с него перешли на Сарему, а затем на Хиума (Дагo). В такой же последовательности, ожесточенно сражаясь, отходили под натиском неприятеля наши немногочисленные войска.

Немцы, чтобы замаскировать место высадки основного десанта, предприняли одновременно демонстративные высадки на всех островах. В эти дни опять показала себя батарея № 315. 13 сентября 1941 года она вела бой с флотилией миноносцев, двумя флотилиями торпедных катеров, тремя сторожевыми кораблями и тремя тральщиками, под охраной которых к Сырве шли три транспорта. Повредив несколько кораблей, артиллеристы заставили фашистов уйти в море и отказаться от высадки десанта.

«Высоко ценим ваши действия. Своими успехами вы помогаете Ленинграду». Такую радиограмму получили защитники острова Сарема в тот день от Военного совета фронта.

Как было важно не пустить 13 сентября десант на Сырве, стало особенно ясно в конце месяца. Именно на Сырве отошли со всего острова наши войска. Укрепив самую узкую часть полуострова, советские бойцы держались там до 3 октября. А устойчивость им опять же придавала батарея № 315. Она развернула орудия вдоль полуострова и мощными снарядами ставила неприятелю непроходимый заслон.

27 сентября к Сырве снова подошла неприятельская эскадра: вспомогательный крейсер, эсминец и 5 миноносцев. С моря они начали обстреливать наши части, оборонявшие перешеек. Немцы надеялись, что при такой мощной поддержке их сухопутные войска наконец-то прорвуться в глубь полуострова. И в который уж раз на немецкие корабли посыпались снаряды 315-й. Вдобавок эскадру атаковали наши четыре торпедных катера — последние, что оставались у защитников Сарема. Немцы не выдержали и ушли в море.

...Силы защитников Сырве уже иссякли. Много бойцов было убито, много ранено. Из 137 пулеметов, с которыми начинали бои на перешейке, осталось 11, из 32 орудий — 3. На батарее капитана Стебеля кончились снаряды.

В ночь на 3 октября четыре катера, переполненных ранеными, пользуясь плохой погодой, ушли от Сырве на остров Хиума. Туда же переправилось и командование береговой обороны, чтобы организовать сопротивление немцам на этом острове. (После взятия Сарема наши бойцы оборонялись на Хиума еще десять дней.) За оставшимися защитниками Сырве должны были прийти с Хиума суда. Но они не пришли. Генерал А. Б. Елисеев, возглавляющий оборону островов, передал Военному совету флота в Ленинград донесение: «Все наши старания на скудных плавсредствах что-либо вывезти с Сырве на Хиума не увенчались успехом. Ни торпедные катера, ни катера КМ, ни буксиры не могли прорваться. В западной части от Сарема и Хиума противник сосредоточил большое количество боевых кораблей, которыми плюс авиация все уничтожается. Защитники Сарема 45 раз ходили врукопашную. Последние группочки у маяка Сырве ведут бой. Мы заявляем советскому народу и правительству, что личный состав Сарема отдал все для защиты Родины».

Последней весточкой с Сырве была радиограмма, переданная в Москву открытым текстом: «Радиовахту закрываю, иду в бой, в последний бой». Московский радист попросил обрисовать положение, на что последовало: «Прощайте, прощайте...» Это было 4 октября 1941 года в 16 часов 10 минут. Однако, как выяснилось после войны, на этом сопротивление еще не кончилось. Еще двое суток шел бой на батарее № 315.

Часть батарейцев во главе с командиром первой башни лейтенантом Шаповаловым ушла на шлюпках через пролив, надеясь пробраться затем к фронту. Часть же с комбатом Стебелем осталась на батарее. Батарея не корабль, но ее командир не захотел расставаться с ней, как остается на гибнущем корабле моряк, сроднившийся с ним. Мужественные люди заперлись в подземелье и вели стрельбу по врагу учебными болванками. Ворвавшиеся на батарею немцы в ярости принялись резать автогеном орудийный ствол. Им удалось проникнуть под землю, и уже после этой последней схватки бои на Сырве прекратились. Тяжело раненный капитан Стебель и его товарищи попали в плен.

Что было дальше? В 1970 году московскому журналисту Б. Полякову удалось разыскать А. М. Шаповалова. От него и стало известно, как окончилась жизнь комбата Стебеля. Шаповалов с несколькими моряками ночью добрался до берега. Но группа попала в засаду. Гранатами моряки расчистили себе дорогу. Немцы преследовали их, окружили. Когда у наших кончились патроны, спустили овчарок. Лейтенант с товарищами попал в плен. В лагере военнопленных, в эстонском городе Валга, оказался и капитан Стебель.

К капитану немцы относились уважительно. Превозносили его храбрость и артиллерийское мастерство — вели себя по отношению к пленному как рыцари на турнире. Они обещали комбату привезти к нему в гости жену и годовалую дочку Нелю из Винницы. Немецкий генерал говорил лестные слова: «Вы выдающийся артиллерист. Германская армия, если бы вы были в ее рядах, оценила бы вас по достоинству. Мы знаем, что такой человек, как вы, никогда не согласится воевать против своих, поэтому предлагаем вам, командиру батареи красных, командовать дивизионом береговых батарей на Ла-Манше».

За должность командира дивизиона, за встречу с семьей, за жизнь Стебель должен был заплатить. Заплатить рассказом о том, как откачать воду из затопленной батареи и как обезвредить мины, спрятанные в подземелье. Такая плата называется предательством. Разве мог Стебель стать предателем?

Отношение к капитану изменилось. Его пытали, стараясь добиться нужных сведений. Капитан переносил пытки. И готовил побег из лагеря... Побег не удался...

Фашисты медлили с расправой. Им нужна была батарея № 315. В ход пустили еще одно средство — клевету; сообщили военнопленным, что Стебель, страшась смерти, наконец-то проявил благоразумие и согласился служить немцам. Комбат,

заточенный в карцер, страдал от этого сильнее, чем от пыток. И как же стало светло на его душе, когда удалось передать своим записку: «Товарищи, верьте, что я всегда был честным и остаюсь им. Я до конца с вами».

Всем известно, как погиб попавший в плен генерал Дмитрий Михайлович Карбышев. Эсэсовцы вывели его из барака на мороз и обливали водой из шланга, пока не стал генерал ледяным. А до этого Карбышева, известного всему миру инженера-фортификатора, уговаривал перейти на службу немцам сам фельдмаршал Кейтель, тот самый, что в мае 1945 года подпишет акт о безоговорочной капитуляции Германии. По-всякому убивали фашисты советских военнопленных: кого голодом и непосильной работой, кого удушьем в газовой камере, кого петлей на виселице — в зависимости от стойкости человека, от урона, который он нанес врагу. А людям, не принявшим немецкую милость, придумали убийство льдом.

Так убили и капитана Александра Стебеля. Зимой его вывели на лагерный плац и, поливая из шланга, намораживали на живом человеке ледяную скорлупу. Когда шло это долгое, изощренное убийство, комбат твердо стоял на земле, не покачнулся, не упал. Он обледенел стоя. И много дней на плацу возвышался монумент непокоренному советскому человеку — патриоту и коммунисту. Немцы считали, что мученической смертью они устрашат других военнопленных, сделают их безвольными, покорными фашистам, а пленные видели в ледяном капитане пример той же твердости и продолжение того же характера, с которыми Александр Стебель командовал батареей № 315, отражая яростные атаки и пуская на дно вражеские корабли.

Мы не знаем, какую музыку любил больше всего Александр Стебель, а генерал Карбышев больше всего любил слушать Первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского. Когда услышишь эту светлую музыку, мой дорогой друг, помяни генерала и капитана, помяни других героев; их было много — всех званий, начиная от рядового.

ОТВЕТ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛУ

«Ультиматус» в переводе с латыни значит «доведенный до конца». Фашистский генерал-адмирал Карлс, командующий флотом «Север», решил довести до конца захват островов западной части Финского залива с помощью ультиматума.

В руках советских войск оставался очень важный в военном отношении остров Осмуссар. На острове стояли мощные батареи, которые охраняли с юга наши минные заграждения в устье Финского залива (с севера их охраняли батареи полуострова Ханко).

Гарнизон острова был малочисленным — 1008 человек. Но Карлс понимал — по боям на Моонзундском архипелаге,— что эта тысяча и восемь будут сражаться до последнего и побьют много фашистов. Поэтому он и прибег к ультиматуму, с помощью которого, как ему казалось, Осмуссар достанется немцам без единого выстрела.

4 ноября в гавань острова с материка на шлюпке пришли три парламентера. Они вручили грозный совет генерал-адмирала: через 48 часов поднять на колокольне местной церквушки белый флаг, приготовить к сдаче батареи, а личному составу построиться на площадке у церкви. Все это в обмен на жизнь.

Немцы наблюдали за островом. Ровно через двое суток они увидели над Осмуссаром красный флаг. И в те же минуты по береговым объектам фашистов ударили 180-миллиметровая батарея, 130-миллиметровая батарея и батарея зенитных орудий.

Такого ответа противник никак не ожидал. Полагается, если ультиматум не принят, тут же наказать неблагоразумных. А враг не стрелял, не бомбил остров. Только на пятый день пошло к острову множество мотоботов, шхун и катеров с фашистами. Защитники Осмуссара наблюдали, как подходят фашисты. Когда враги подошли на расстояние 30 кабельтовых, по ним открыли огонь из орудий. Мотоботы рассыпались в стороны и понеслись к своему берегу. На другой день немцы собрали различных судов еще больше и опять попробовали прорваться к острову. И снова с большими потерями им пришлось убраться от Осмуссара.

Еще месяц после ультиматума Осмуссар оставался нашим. 3 декабря его гарнизон, взорвав батареи, эвакуировался на полуостров Ханко. В то же время заканчивалась эвакуация ханковцев в Ленинград. И Ханко и Осмуссар полностью выполнили свои задачи. Дальнейшее пребывание на этих позициях было нецелесообразным.

ТРУДНЫЙ, ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ СЕНТЯБРЬ

В начале июля 1941 года развернулось Смоленское сражение. Оно было ожесточенным, кровопролитным и длилось два месяца. Советские войска, прикрывая дальние подступы к Москве, нанесли тогда группе армий «Центр» такой урон, что фашисты, впервые за всю вторую мировую войну, прекратили наступление и перешли к обороне. Это обстоятельство заставило Гитлера и его генералов искать успеха в скорейшем взятии Ленинграда. Взяв Ленинград, неприятель перебросил бы освободившиеся войска на подкрепление забуксовавшего «Центра».

8 августа 1941 года после мощной артиллерийской подготовки немецко-фашистские войска перешли в наступление на главную полосу Лужского рубежа. Гитлеровское командование ввело в сражение огромные силы — 400 тысяч солдат с тысячью танков, тысячью самолетов и тремя тысячами орудий. С севера, на Карельском перешейке и в пространстве между Ладожским и Онежским озерами, наступали финны. В те опасные дни на помощь нашим сухопутным войскам Балтийский флот послал свою морскую пехоту. Восемь дивизий дали фронту сами ленинградцы — в ополчение записалось 300 тысяч человек. И все же на дальних рубежах не удалось остановить врага. Враг приближался к городу. Что было самое неприят-

ное — 8 сентября фашистам удалось через Мгу прорваться к Шлиссельбургу (теперь Петрокрепость) и занять берег Ладожского озера на протяжении двадцати километров. Ленинград оказался в блокаде. Связь города со страной по суше прервалась.

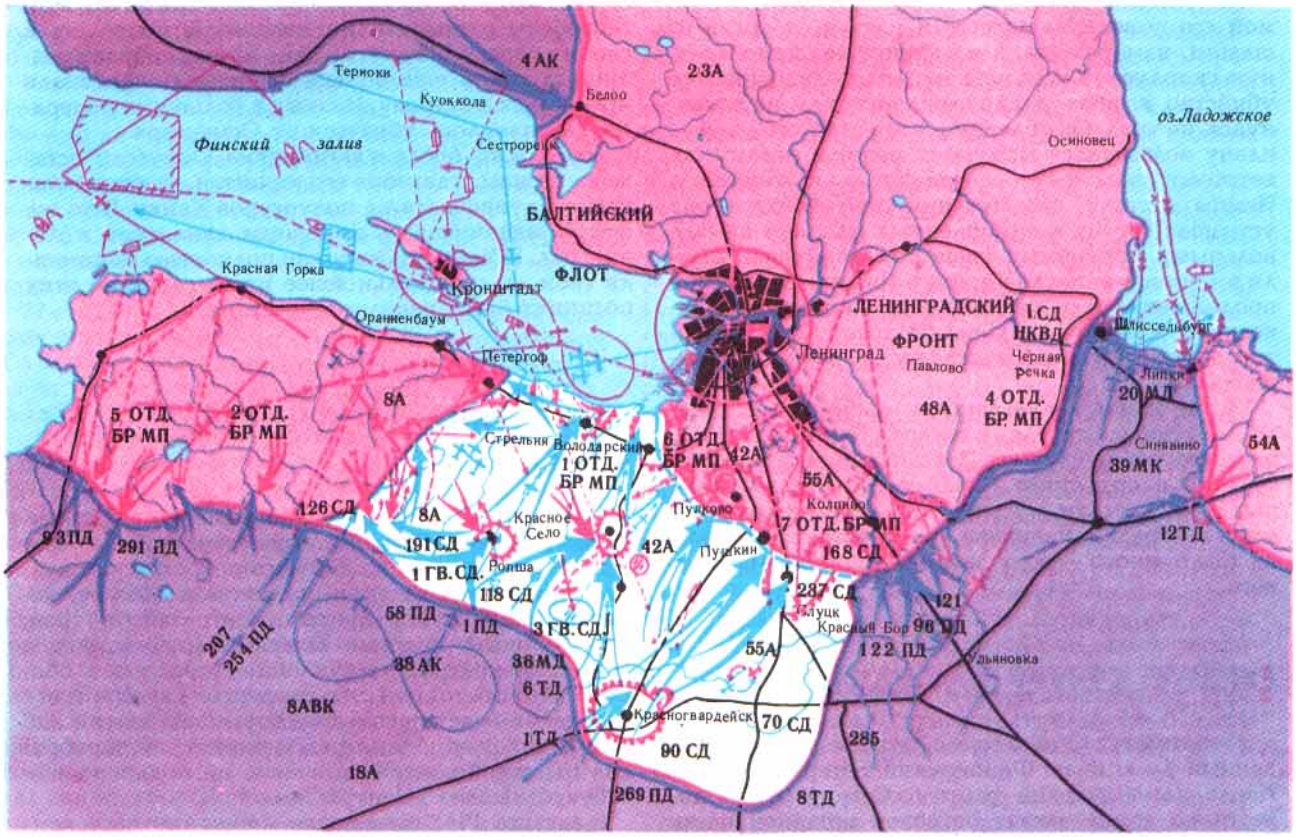
Рассмотрим карту обороны Ленинграда в 1941—1942 годах. Прочти названия населенных пунктов, рек, озер, проследи направления железных дорог. К слову сказать, одно из основных качеств военачальника — это способность и без карты, перед мысленным взором, представлять местность, на которой идут бои. Запомни условные обозначения. Проследи, куда и когда отходили наши войска, где они остановили фашистов. С помощью циркуля измерь расстояние между линией фронта и Ленинградом.

Для нашего разговора важен и район на запад от Ленинграда.

Между Петергофом (Петродворец) и Урицком немцы вышли к Финскому заливу. Орудия, установленные здесь, обстреливали и Ленинград и Кронштадт.

А вот район Ораниенбаума (Ломоносов) остался нашим, несмотря на ожесточенные попытки фашистов отнять его. Видишь толстые синие стрелы, упершиеся в него? «Ораниенбаумский пятачок» — так называли эту территорию в дни войны. Название подчеркивает крохотность территории. Но этот плацдарм нависал над флангом фашистов, постоянно грозил ударом во фланг и тыл войскам, окружившим Ленинград. (Впоследствии такой удар и произойдет.) Нам с тобой важно отметить, что на этом пятачке расположены форты Серая

Героическая оборона Ленинграда в сентябре 1941 г.



Линия фронта к 9 сентября.

Укрепленные районы и опорные пункты советских войск.

Наступление войск противника 9—26 сентября.

Контрудары советских войск 14—17.09. и 20.09. 1941 г.

Действия морской пехоты в обороне Ленинграда /Балтийский флот в сентябре направил 44 477 человек для обороны Ленинграда с суши/.

Артиллерийский обстрел войск противника:

кораблями;

береговой артиллерией;

железнодорожной артиллерией.

Немецкие группировки тяжелой дальнобойной артиллерии, обстреливавшие Ленинград с 4 сентября.

Массированные удары авиации противника по Ленинграду и Кронштадту.

Линия фронта к 27 сентября.

Лошадь и Красная Горка. Непрерывный огонь их мощных орудий, а также огонь кронштадтских фортов помогли остановить здесь врага.

Еще один момент, на который надо обратить внимание,— это крохотный клочок воды, самый угол Финского залива, который остался в распоряжении советских кораблей. Тесно было на нем флоту, как тесно боксеру под ударами соперника в углу ринга.

ОГНЕВОЙ ЩИТ ЛЕНИНГРАДА

24 сентября 1941 года немецкая эскадра заняла позицию у Аландских островов. Там были линейный крейсер «Адмирал Шеер», крейсеры «Нюрнберг», «Кельн», шесть эсминцев и другие корабли. Одновременно два легких крейсера, два эсминца, сторожевые корабли, катера, подводные лодки пришли в Либаву. Адмирал Редер приготовился пленить наш флот. По расчетам гитлеровского командования наступили дни, когда советские корабли начнут прорыв из Ленинграда в порты нейтральной Швеции.

Сентябрь 1941 года на самом деле был самым опасным месяцем для Ленинграда. Фашисты рвались в город, не считаясь с потерями.

В бою многое зависит от стойкости и умения бойцов. Еще больше зависит от людей, которые командуют ими. И когда мы говорим о беспримерном мужестве рядовых защитников Ленинграда, мы должны сказать о мудрости военачальников, которые руководили ими. Мужество солдат, сложившись с мудростью военачальников, принесло нам победу.

В сентябрьские дни Ставка Верховного Главнокомандования назначила командующим войсками Ленинградского фронта генерала армии Георгия Константиновича Жукова. Оборону города с моря и с Озерного направления поручили адмиралу Ивану Степановичу Исакову.

Все мы знаем, что Жуков стал великим полководцем советского народа, с его именем связаны самые блестящие победы нашего оружия. А Исаков? «Моим заместителем по военно-морским силам Балтийского флота,— пишет Жуков,— был адмирал Иван Степанович Исаков. Глубоко убежден, что И. С. Исаков был одним из самых сильных и талантливых военачальников Военно-Морского Флота Советского Союза».

Исаков блестяще знал военно-морское дело, служил ему всем существом своим, никогда не шел на сделку или компромисс с собственной совестью. В числе немногих начиная с тридцатых годов он, не боясь прослыть паникером, настаивал на строительстве сухопутных укреплений вокруг военно-морских баз. Его знания в этой области пригодились при обороне Ленинграда.

Генерал Жуков и адмирал Исаков главную роль в обороне Ленинграда отвели артиллерии.

Кажется, чего проще, если есть орудия, бить из них врага: заряжай, наводи, стреляй! Нет. Добиться, чтобы артиллерия стреляла так, что на пути врага в нужное время возникал непроходимый огневой щит, было очень трудно. Прежнее командование с такой задачей не справилось, хотя имело те же артиллерийские установки и тех же артиллеристов.

Жуков Г. К.

Стрелять надо точно. А на полет снаряда влияет не только ветер, но и влажность воздуха — значит, нужна была артиллерийская метеослужба. Надо было создать систему наблюдательно-корректировочных постов, наладить корректировку стрельбы с самолетов, чтобы артиллеристы сразу после выстрела знали, куда упал снаряд и как изменить прицел для накрытия цели.

Надо было сделать так, чтобы все разнородные орудия — полевые, береговые, корабельные, железнодорожные — управлялись из одного центра, чтобы этот центр во главе с опытным начальником, получив заявки с фронта, определял, каким батареям по какой цели стрелять. К примеру, по далекому скоплению танков надо ударить из орудий линейного корабля, а близкое скопление пехоты уничтожить огнем небольших полевых пушек. Вот на батареи, ведущие огонь по неприятелю, налетели бомбардировщики, под бомбежкой стрелять трудно, значит, надо цели, порученные им, передать другим батареям. Или вдруг потребовалось сосредоточить огонь всей массы артиллерии на каком-то одном угрожающем участке фронта, где враг вот-вот прорвется...

Управлять артиллерией из одного центра можно лишь при хорошей связи центра с фронтом и батареями. Значит, надо наладить и связь... Надо было все организовать в условиях, когда враг атакует самым страшным образом, когда очень трудно не впасть в суету, спешку, растерянность...

Сложнейшее дело — размещение орудий на местности, выбор огневых позиций. Изучили возможности береговых батарей, которые стоят на

месте, возможности железнодорожных батарей и бронепоездов, которые передвигаются по рельсам, возможности кораблей, которые могли стрелять из Кронштадта, Ленинграда или с Невы. Обнаружили зоны, не прикрытые огнем этих орудий. Против таких зон поставили полевые батареи, орудия, снятые с кораблей. Так, в районе Дудергофа стояла батарея «А» — 9 орудий с «Авроры», в районе Невской Дубровки — 8 орудий с линкоров «Марат» и «Октябрьская революция».

Сложнейшей артиллерийской машиной управляло множество артиллеристов разных званий. А среди них выделялся «старый морской пушкарь» контр-адмирал Иван Иванович Грен — на флоте принято давать любимым командирам дружеские звания...

И вот фашисты, с какого бы направления ни кидались на город, всюду попадали под губительные удары артиллерии. Тяжелые снаряды корабельных и береговых орудий производили в их боевых порядках страшные опустошения.

Конечно, не одна артиллерия остановила фашистов у Ленинграда. Враг был остановлен общими усилиями пехотинцев, моряков, танкистов, летчиков, ополченцев. И все же мы выделяем артиллерию — она была огневым щитом города.

...С нечеловеческим напряжением сражались защитники Ленинграда в сентябре. Отбив атаку, думали, что не найдут в себе силы, чтобы отбить новую. Но находили. И отбивали один натиск за другим. И как же дорого было им известие, что немцы, окружившие город, начали в первых числах октября рыть землянки и утеплять блиндажи, то есть начали готовиться к зимовке в обороне, смирившись с тем, что овладеть городом с ходу не удалось. Тогда же ушли от Аландских островов в свои базы немецкие линкоры и крейсеры. Это тоже было знаком нашей победы. Город сдержал самый яростный натиск врага.

САМОЛЕТЫ ПРОТИВ КОРАБЛЕЙ

Осенью 1941 года в Кронштадте и Ленинграде находились: 2 линкора, 2 крейсера, 13 эсминцев, 12 сторожевых кораблей, 42 подводные лодки, 6 надводных заградителей, 9 канонерских лодок, 6 сетевых заградителей, 62 тральщика, больше полутора сотен разных катеров и катерных тральщиков, вспомогательные суда — великое богатство и огромная сила! Фашисты бросили на уничтожение наших кораблей сотни самолетов. Почему? В основном потому, что уж очень большие потери наносила им корабельная артиллерия. Крейсер «Киров», к примеру, лишь за четыре сентябрьских дня уничтожил 4 батареи, 18 тягачей, 2 склада и около тысячи фашистских солдат.

Особенно яростно немцы бомбили корабли, стоявшие в Кронштадте. 21 сентября на Кронштадт налетело 180 бомбардировщиков, на следующий день — около 50, а 23-го числа — 130. В первый день от взрыва бомбы получил тяжелые повреждения эсминец «Стерегущий», он затонул. Тяжелая бомба попала в носовую часть линкора «Октябрьская революция» и повредила носовую башню. Во второй день были повреждены эсминцы «Сильный» и «Грозящий».

Одновременно с бомбежкой фашисты обрушили на корабли лавину артиллерийских снарядов.

Самым тяжелым оказался третий день налетов. Наши малочисленные истребители отважно сражались в воздухе, умело действовали зенитчики, вместе они сбили 14 самолетов. Но уж очень велико было численное превосходство немецкой авиации. Бомбежка продолжалась весь день. В небольших гаванях, на узких фарватерах корабли не могли уклоняться от бомб маневрированием. Особенно трудно было большим кораблям. В этот раз затонули лидер «Минск», подводная лодка М-74, буксир и транспорт. Получил тяжелые повреждения линейный корабль «Марат». Тяжелая бомба, сброшенная пикировщиком, попала в погреб, где лежали боевые головки торпед. Произошел взрыв страшной силы.

После того трагического дня «Марат» уже не плавал. Но три его башни стреляли до января 1944 года, когда фашисты были далеко отброшены от Ленинграда. А лидер «Минск» и другие корабли вскоре были подняты, отремонтированы, они снова служили флоту.

В последующие дни и месяцы на корабли налетали лишь маленькие группы бомбардировщиков. Немцы перебросили авиацию из группы армий «Север» в группу армий «Центр». На сухопутном фронте шла уже Московская битва.

К зиме все большие корабли перевели из Кронштадта в Ленинград. В городе было больше зенитных орудий, поэтому кораблям там было безопаснее.

* * *

Подведем некоторый итог. Либава, Таллин, Моонзундские острова, полуостров Ханко помогли выстоять Ленинграду. Ленинград, выстояв и, приковав к себе большие силы фашистов, помогал теперь выстоять Москве.

Он, славный город, не только этим помогал столице. В Ленинграде не переставали работать военные заводы. В ноябре войскам, защищавшим Москву, ленинградцы самолетами отправили больше тысячи орудий и минометов с боеприпасами к ним. Всего же с начала войны и до конца 1941 года ленинградские рабочие сделали 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, 125 судов, 3050 полковых и противотанковых пушек, 2600 огнеметов, 10 тысяч минометов, 40 тысяч снарядов для «катюш», 42 тысячи авиационных бомб, 3 миллиона снарядов и мин.

«АЙСШТОСС» — «ЛЕДЯНОЙ УДАР»

Новое наступление на Ленинград гитлеровское командование наметило на лето 1942 года. Помня, как в осеннем наступлении 1941 года Ленинград загородился от них огневым щитом артиллерии, фашисты решили заблаговременно самым реши-

тельным образом разделаться с нашими артиллерийскими кораблями. Вторую операцию по уничтожению кораблей с воздуха они назвали «Айсштосс» — «Ледяной удар».

Лед в этой операции имел очень важное значение. На корабли замышлялось напасть, пока они стояли, вмерзнув в лед Невы.

Фашисты готовились тщательно. Их самолеты-разведчики сфотографировали неподвижные корабли. К уничтожению были намечены линкор «Октябрьская революция», крейсеры «Киров» и «Максим Горький», эскадренные миноносцы «Сильный», «Страшный», «Грозящий», «Свирепый», «Строгий», «Стройный», «Стойкий» и «Славный», лидер «Ленинград», надводные заградители «Марти», «Урал», «Ристна», сетевые заградители «Онега» и «Вятка».

На льду большого озера немцы вычертили в натуральную величину контуры кораблей в том порядке и на том расстоянии друг от друга, как они размещались на Неве. После этого летчики провели учебные бомбардировки контуров.

Исполнить «Айсштосс» поручалось 1-му воздушному флоту фашистов. Две эскадры пикирующих бомбардировщиков «раскрепили» за кораблями. Третья эскадра должна была бомбить зенитные батареи. Прикрывать бомбардировщики от наших истребителей надлежало целой истребительной эскадре. Бомбы в основном предполагалось брать весом в тонну, полторы и две тонны.

Немцы собирались разбомбить наши корабли до 1 марта. Но в это время в районе Демянска (недалеко от Старой Руссы) попала в окружение их пехотная армия. И авиация была занята помощью этой армии — бомбила наши войска, а своим возила боеприпасы и продовольствие, эвакуировала раненых. «Айсштосс» начался только 4 апреля.

191 самолет участвовал в первом налете. Истребители — все, какие были у города,— поднялись на защиту кораблей. Вместе с зенитчиками они сбили тогда 18 машин. К кораблям прорвались лишь небольшие группы пикировщиков.

Налеты и артиллерийский обстрел продолжались до конца апреля. Но закончился «Айсштосс» для фашистов полной неудачей. Они не потопили ни одного боевого корабля, сами потеряли 60 самолетов.

...Три грозы прошумели над Краснознаменным Балтийским флотом: первая в августе, вторая в сентябре 1941 года, третья в апреле 1942-го. Флот выдержал их. Еще почти два года его могучие дальнобойные орудия сами постоянной грозой нависали над врагом.

КАК ДОБЫВАЮТ КОРАБЛИ ГВАРДЕЙСКОЕ ЗВАНИЕ

Ленинград был в блокаде 900 дней. Все это время наиважнейшим для города и его защитников было снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием. Но ведь и немцам, окружавшим город, все 900 дней тоже нужны были боеприпасы, оружие и продовольствие. От этого зависела боеспособность врага, сила давления на город. Значит, осложняя снабжение фашистских войск, мы ослабляли их натиск на блокированный Ленинград. Поскольку снабжение группы армий «Север» и финских войск в значительной мере осуществлялось по морю, флот получил приказ начать действия на морских коммуникациях неприятеля — топить его транспорты.

Грозный враг транспортов — самолеты. Но у нас все еще не хватало бомбардировщиков и истребителей, к тому же наши аэродромы были далеко от коммуникаций противника. Опасны для конвоев артиллерийские корабли. Но посылать их в новый поход по заливу, начиненному минами, значило загубить своими руками. Войну на морских коммуникациях поручили подводным лодкам.

Фашисты, чтобы обезопасить перевозки, поставили еще одно заграждение в Финском заливе — перегородили его минами от финского полуострова Порккала-Удд до эстонского острова Найссар. Потом, когда захватили Гогланд, создали и в этом районе минную перегородку. На островах они разместили шумопеленгаторные станции, выделили для борьбы с лодками много самолетов и кораблей; противолодочные корабли они взяли из эскадр, действовавших против англичан в Северном и Норвежском морях.

Если учесть все эти преграды и опасности, а еще то, что наши подводные лодки на стоянке в Ленинграде и на переходе из Ленинграда в Кронштадт обстреливались полевой артиллерией немцев, то станет ясно, какие неимоверные трудности приходилось преодолевать советским подводникам, чтобы выйти на позиции.

Ясно, да не очень ясно. Чтобы было яснее, поговорим о боевых действиях подводной лодки Щ-303. Были и другие знаменитые лодки. Но возьмем эту. Она одна из самых старых подводных лодок нашего флота. Интересна лодка и тем, что ею командовал Иван Васильевич Травкин. Под его командованием она заслужила звание гвардейской. Вторая лодка — К-52 под его командованием стала Краснознаменной. Сам капитан первого ранга Травкин удостоился звания Героя Советского Союза, был награжден многими орденами. Многими орденами и медалями были награждены все моряки, служившие на этих лодках.

Гитлеровцы очень боялись Травкина. Когда его лодка выходила в море, радиостанции врага посылали в эфир предупреждение: «Внимание! В море Травкин». Несколько раз казалось немцам, что Щ-303 уничтожена. За такие «уничтожения» фашисты получали Железные кресты, но лодка оказывалась живой и продолжала наносить урон врагу. Убедившись, что Железные кресты — слабое средство, чтобы потопить Травкина, немецкое командование пообещало за его голову 50 тысяч марок. Любопытно, историки в Федеративной Республике Германии считают и сейчас, что капитан третьего ранга Травкин вместе с лодкой погиб в 1943 году. Об этом написано в книге «Действия советских подводных лодок на Балтике в

1939—1945 годах». Пусть считают. Они небылицы сочиняют о нашем флоте, принижают наши победы, превозносят себя, битых. И тут лучшее опровержение — книга самого И. В. Травкина «Всем смертям назло». Постарайся найти ее и прочесть. Она очень интересная и поучительная. А пока на фактах этой книги мы с тобой посмотрим, как воевали Травкин и его товарищи, как потопили 14 транспортов, два сторожевика и повредили миноносец.

Но прежде вот что. Транспорт транспорту рознь. Он может быть огромный, может быть маленький. Поэтому счет уничтоженных транспортов ведется не только в единицах, но и в тоннаже водоизмещения. Щ-303 и К-52 занесли в свой список побед 97 тысяч тонн. Много это или мало? Много, конечно. В справочнике армии США написано: «Если подводная лодка потопит два судна, по 6 тысяч тонн каждое, и один танкер в 3 тысячи тонн, то можно считать, что при этом погибло 42 танка, 8 152-миллиметровых гаубиц, 88 87-миллиметровых орудий, 40 40-миллиметровых орудий, 24 автобронемашины, 50 пулеметов крупного калибра, 5210 тонн боеприпасов, 600 винтовок, 428 тонн запасных частей для танков, 2 тысячи тонн разных продуктов и предметов снабжения, 1000 канистр бензина». На досуге посчитай, сколько и чего недополучили наступавшие на Ленинград фашисты после торпедных ударов Травкина. Одних танков, я посчитал, недополучили 280 штук... Но этим еще не оканчиваются издержки врага. Транспорты идут под охраной миноносцев, сторожевиков, катеров, самолетов. Это ведь расход горючего, износ машин, затраты боеприпасов и занятость большого числа людей... На лодки, которыми командовал Травкин, немцы сбросили около 4 тысяч глубинных бомб, то есть тысячу тонн взрывчатки... Охота за Травкиным влетела, как говорится, фашистам в копеечку.

ПОД ОБСТРЕЛОМ С БЕРЕГА

Итак, 21 июня 1942 года подводная лодка Щ-303 вышла из Ленинграда в Кронштадт. Вышла ночью, но в эту пору северные ночи светлые, белые, и лодку заметили немецкие наблюдатели из Петергофа. Батареи врага открыли ураганный огонь, снаряды падали около лодки. Катера, сопровождавшие лодку, поставили дымовую завесу, а наши береговые батареи и корабли ударили по артиллерийским позициям противника. Гитлеровцы сразу стихли. Лодка благополучно пришла в Кронштадт.

НА МИННОМ ПОЛЕ

Через несколько дней Щ-303 ушла из Кронштадта к острову Лавенсари (теперь остров Мощный). Отсюда начинался путь во владения врага. Лодка погрузилась под воду и тихо двинулась навстречу опасностям и победам. Вскоре Щ-303 вошла в минные поля.

Травкин И. В.

«Много лет прошло с тех пор,— пишет Травкин,— но и сейчас отчетливо сохранился в памяти зловещий скрежет минрепов по бортам корабля. Первую мину «почувствовал» командир отделения торпедистов Алексей Иванов. В центральном посту в переговорной трубке прозвучал его взволнованный голос:

— По левому борту трение о корпус!

Вслед за этим и мы в центральном услышали этот звук. Казалось, чья-то огромная рука ощупывала наружную обшивку, скреблась в лазы цистерн главного балласта. Звук то пропадал, то возникал снова, медленно перемещаясь к корме. Смертельная опасность нависла над нами...

Застопорили левый электродвигатель, чтобы стальной трос мины не затянуло в винт. Минута-другая показались нам вечностью. Но вот прошли третья, четвертая минуты — взрыва не было. Лодка медленно продвигалась вперед.

Наконец скрежет прекратился. Лица людей повеселели... Это был чрезвычайно важный психологический момент. Когда первая мина ушла за корму, вместе с ней как-то сразу ушел и страх перед невидимой опасностью. Много раз потом мы слышали скрежет по бортам, стопорили то правый, то левый электродвигатель, но такого леденящего душу ощущения, как в первый раз, пожалуй, уже никто из нас больше не испытывал. Мы преодолели минобоязнь».

АТАКА САМОЛЕТОВ

Гогландское минное заграждение Щ-303 прошла благополучно. От долгого движения под водой разрядилась аккумуляторная батарея. Ночью лод-

ка всплыла и продолжала путь на запад в надводном положении, заряжая аккумуляторы. На зарядку батареи требуется не менее 6 часов, а в белых ночах темного времени всего час-три. Лодку обнаружили самолеты. Она еще не успела погрузиться в воду, как по корпусу полоснули очереди крупнокалиберных пулеметов. Бомбы, сброшенные с самолетов, к счастью, упали в стороне... Той ночью, 11 июля, немцы первый раз сочли Щ-303 потопленной, о чем написали в газетах и передали по радио.

ЕСТЬ ОДИН!

Через несколько дней Травкин опроверг эти сообщения. Ночью, когда лодка шла в надводном положении, подзаряжая батарею, сигнальщик обнаружил большой транспорт в охранении тральщиков и катеров. Преодолев волнение перед первой атакой, командир произвел расчеты и отдал команду: «Аппараты, пли!» Первая торпеда прошла мимо, вторая попала. После сильнейшего взрыва транспорт пошел на дно.

ОТ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ — НА МИНЫ

Корабли противника ринулись на лодку. Щ-303 ушла под воду. Некоторое время, уклоняясь от глубинных бомб, она двигалась под водой, меняя курсы. Однако делать это с разряженной батареей было опасно, можно было израсходовать все запасы электроэнергии. Пришлось лечь на грунт и затаиться. Но тральщик нащупал лодку. Опять посыпались глубинные бомбы. В этой обстановке командир принял отважное решение — пока не разрядилась батарея, пройти сквозь Поркка-ла-Уддское минное заграждение. Снова минрепы скрежетали по бортам лодки. Но противолодочные корабли остались позади. Фашисты побоялись подорваться на своих минах.

СИГНАЛЬНАЯ СЕТЬ

Второе заграждение, как и первое, миновали благополучно. Правда, лодка зацепила сигнальную сеть и тащила ее за собой. При этом буек сети, как полагалось ему, загорелся и густо дымил. Чтобы освободиться от сети и от предательского буйка, дым которого могли заметить фашисты, лодка всплыла. Комсомолец матрос Крутковский получил приказ снять сеть. Он снял ее, зная, что, если вдруг появится немецкий самолет или катер, лодка тут же уйдет под воду, и он останется в море. Сколько раз в подобных случаях подводники жертвовали собой ради спасения корабля и товарищей...

БРОШЕННОЕ СУДНО

Форсировав третью полосу минных заграждений в устье залива, Щ-303 пришла в район, где ей надлежало топить вражеские суда. 17 июля на рассвете вахтенный офицер в перископ увидел силуэт большого транспорта. Экипаж приготовился к атаке. Однако, когда подошли на перископной глубине ближе, оказалось, что судно сидит на мели и брошено. Тратить торпеду на такую цель было жалко.

НЕ УСПЕЛИ

Через два дня группа транспортов прошла вблизи лодки, но подводники не успели выйти на боевой курс. Конвой ушел невредимым.

НА ГРАНИ НОВОЙ НЕУДАЧИ

20 июля увидели в перископ, что вражеский конвой из 3 транспортов и 6 сторожевиков идет прямо на лодку; немцы везли из Германии в Финляндию оружие. «Для атаки,— пишет Травкин,— я выбрал самое крупное судно водоизмещением в десять-двенадцать тысяч тонн. Помощник командира и штурман быстро произвели необходимые расчеты.

Атака складывалась очень хорошо. Мы подошли к цели на близкую дистанцию, чтобы выпустить торпеды наверняка. Я опасался лишь одного: выдержит ли корпус «старушки» силу взрыва своих торпед. Но стрелять нужно было без промаха: на палубе транспорта виднелись танки, орудия и много другой техники.

И вдруг, когда до залпа осталась какая-то минута, в окуляре перископа появился один из сторожевых кораблей. Он шел между нами и транспортом, загораживая его своим корпусом. Если он закроет цель, то атака сорвется, лодка не успеет развернуться для повторного выхода на необходимый курсовой угол. Что делать? Решение пришло мгновенно — самим повернуть на транспорт, чтобы он раньше пришел на залповый пеленг и чтобы торпеды успели проскочить перед носом сторожевика.

Наступили решающие секунды.

— Залп!

След торпед шел точно к цели. Через несколько секунд — очень близкий оглушительный взрыв, затем второй. Я приказал срочно погружаться и в перископ успел увидеть, как тонет неприятельское судно».

УДАР О СКАЛУ

В том месте, где состоялась атака, карта показывала глубину 75 метров. Но едва лодка опустилась на 20, как ударилась носом о скалу. От близких взрывов глубинных бомб погасло освещение, отка-

зало электрическое управление. Вертикальный руль ручного управления чем-то зажало. На помощь рулевому прибежали трое моряков и помогали ему вращать штурвал. Лодка уходила от сторожевиков, экипаж на ходу устранял повреждения. Преследователи потеряли лодку только к ночи. Ночью лодка всплыла. Люди получили возможность вдохнуть свежий воздух. Была заряжена батарея.

УХОД В НОВЫЙ РАЙОН

Зная, что с утра многие корабли и самолеты будут искать лодку, командир принял решение перейти на запасную позицию — к маяку Ристна (это на западной оконечности острова Хиума). Там, идя на перископной глубине, обнаружили одинокий транспорт. Но атака не получилась: при ударе о подводную скалу были повреждены передние крышки торпедных аппаратов, крышки не открывались. Надо было возвращаться в базу.

СНОВА ЧЕРЕЗ ТРИ ЗАГРАЖДЕНИЯ

27 июля Щ-303 пошла домой. Ты можешь, читатель, сам представить этот путь: мины в заливе остались, их никто не убрал за минувшие двадцать дней.

В Нарвском заливе лодку должны были встретить наши тральщики и провести через последнее минное поле и минные банки в Кронштадт. Но вместо своих кораблей Щ-303 в условленном месте трижды встречала чужих. Немцы узнали о месте, откуда тральщики и катера проводят лодки через Гогландский минный рубеж, и устроили там засаду.

Особо опасной была третья встреча с кораблями противника. Они обстреляли всплывшую лодку из орудий, а потом, когда она ушла под воду, долго бомбили глубинными бомбами. Подводники за 40 минут насчитали 96 только близких взрывов, через каждые 25 секунд следовал взрыв.

Командир принял решение идти по минному полю самостоятельно.

9 августа лодка пришла в Кронштадт.

ТОРЖЕСТВО НА ПИРСЕ

Ты помнишь, первая лодка типа Щ — Щ-301 называлась «Щука». Лодка Щ-302 называлась «Окунь». А Щ-303 была наречена «Ершом». «Ерша» в Кронштадте встречали торжественно. На пирсе выстроились моряки. Играл оркестр. Командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц выслушал рапорт командира лодки И. В. Травкина, потом обнял, поцеловал. Матросы соседней лодки преподнесли товарищам цветы. И еще вручили экипажу поросенка, обвязанного розовой лентой, была такая традиция на флоте — дарить победителям поросенка для праздничного обеда. Чуть позже на рубке «Ерша» нарисовали красную звезду, в ее середине вывели цифру 2. Цифра после каждого похода менялась — в зависимости от числа вражеских судов, пущенных на дно.

Были и награды правительства. Пятеро получили ордена Ленина, пятеро — ордена Красного Знамени, остальные шестнадцать членов экипажа — ордена Красной Звезды.

СКОРЫЙ РЕМОНТ

После короткого праздника экипаж вместе с рабочими начал чинить лодку. Легкий корпус был в дырах от пуль и осколков, было много вмятин. Форштевень погнут, на винтах намотались обрывки сигнальных сетей, крышки торпедных аппаратов не открываются. На ремонт требовалось не менее 40 суток. Командир соединения дал 25. Работали без отдыха и даже во время артиллерийских обстрелов, отремонтировали «Ерша» раньше командирского срока. В начале октября ушли в новый поход.

ОСЕННИЙ ШТОРМ

Снова были мины противолодочных рубежей. Разница состояла лишь в том, что мин прибавилось. Они стояли теперь несколькими ярусами, перекрывая всю толщу воды от дна до поверхности, от северного берега залива до берега южного. Однако и теперь «Ерш» прокрался мимо смерти. Лодка вышла на позицию в районе острова Готска-Санден. Здесь проходили пути, по которым немцы доставляли финнам военные грузы. Начался поиск врага.

«...дул ветер, низкие тучи неслись над морем. Крутые волны, с силой ударяясь о борта подводной лодки, разбивались на тысячи холодных брызг и обдавали людей, стоявших на мостике.

Если кто-либо из нас до сих пор еще не был настоящим моряком, то в эту ночь он сделался им. За несколько часов море превратилось в бешено кипящую массу. Со всех сторон на лодку надвигались, громоздясь все выше и выше, водяные горы. Наш корабль то отвесно скользил во впадины между волнами, то взбирался на седые гребни огромных валов.

К утру шторм не утих, а, наоборот, усилился. Мы были вынуждены погрузиться.

Балтийское море в осеннюю пору становится грозным. Даже под водой ощущается качка. На перископной глубине удерживать лодку невозможно — ее выбрасывает волной на поверхность. Целый день Щ-303 лежала на грунте».

ТРЕТИЙ!

Шторм наконец утих. Лодка искала врага. Но море было пустынное. А дни проходили... Однажды приготовились к атаке — судно оказалось ры-

бацким. В другой раз не удалась атака на немецкий транспорт: как только лодка легла на боевой курс, стала быстро уменьшаться глубина, «Ерш» мог сесть на мель... Но вскоре повезло: потопили транспорт водоизмещением 10—12 тысяч тонн. И, как каждый раз, долго уходили из-под глубинных бомб. Шесть сторожевиков взяли лодку в кольцо, потребовалось много мужества и мастерства, чтобы уйти от них.

ПОДВОДНЫЙ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Акустик обнаружил шумы, похожие на шум винтов подводной лодки. Они то пропадали, то возникали. Командир приказал на всякий случай идти переменными галсами. В это же время был обнаружен транспорт в охранении двух кораблей. Щ-303 потопила его. Когда лодка стала погружаться, из многих отсеков сообщили в центральный пост о шуме мотора самолета. На самом деле прошумели вдоль обоих бортов «Ерша» торпеды, выпущенные немецкой подводной лодкой. Несколько часов она кралась за «Ершом» и попыталась торпедировать его в момент атаки на транспорт.

ОГОРЧЕНИЯ

В шторм выпустили торпеды по большому транспорту. А взрыва не было. Сильная волна сбила торпеды с курса. Весь экипаж сокрушался: за боеприпасом-то надо идти в Кронштадт...

ПОДАРОК ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября. Подводникам хотелось отметить ее удачной атакой. А транспорты все не попадались. Заметили буксир с двумя баржами. Хорошо, что не поторопились торпедировать — баржи были пустые, их рули торчали над водой.

Повезло ночью 4 ноября. Во время зарядки аккумуляторной батареи вахтенный офицер Калинин высмотрел в тумане отличную цель: два транспорта и шесть сторожевиков в охранении. Головной транспорт был огромный, не менее 15 тысяч тонн. Атаковали трехторпедным залпом. «Результаты превзошли ожидания,— пишет Травкин.— Одна торпеда взорвалась у борта сторожевого корабля. А через несколько секунд вторая попала в транспорт. Ночь раскололась! Все стоявшие на мостике — вахтенный офицер, сигнальщики и я — услышали страшной силы взрыв, увидели огромное белое пламя, вырвавшееся из транспорта. Стало ясно: в трюме этого судна были боеприпасы.

А невдалеке от транспорта раздваивался стальной корпус сторожевика. Его быстро поглотило море».

Дальше все шло как по писаному — рывок сторожевиков к лодке, срочное погружение, долгая бомбежка и мастерский уход «Ерша» от противолодочных кораблей.

Новую победу и наступающий праздник отметили вкусным ужином, чтением стихов и шахматным турниром.

Щ-303 двинулась домой. Все торпеды были израсходованы.

ПОМОГЛИ БОМБАРДИРОВЩИКИ

Почти все опасности остались позади. Лодка прошла уже почти весь залив, как ее обнаружили вражеские корабли. Из-за мелководья лодка не могла маневрировать, чтобы уклоняться от бомб. Она легла на грунт. Экипаж с тревогой ждал, что же будет. Вдруг к привычным взрывам глубинных бомб примешались более сильные взрывы. Подводники поняли, что советские самолеты бомбят немецкие корабли. Как это было кстати! Сторожевики поспешили к острову Большой Тютерс под защиту своих зенитных батарей. «Ерш», теперь уже без помех, дошел до Лавенсари, а потом и до Кронштадта.

ГВАРДЕЙСКИЙ ФЛАГ

После этого похода цифру 2 на рубке «Ерша» заменили цифрой 5. Были опять награды правительства — ордена и медали. И было награждение самой лодки — под Государственный гимн на флагштоке подводного корабля был поднят гвардейский военно-морской флаг.

ПРОЧУВСТВУЙ СЕРДЦЕМ, БУДУЩИЙ АДМИРАЛ!

Легче понять рассудком тяготы и невзгоды, которые преодолел экипаж «Ерша». Но надо тебе, будущему адмиралу, прочувствовать и сердцем то нечеловеческое напряжение, которое выдержали моряки Травкина. Они ведь были самыми обыкновенными людьми — не из железа, не из камня... Семья Ивана Васильевича жила в Ленинграде. Он навестил ее однажды. «Мать жены, не выдержав нервных потрясений блокады, потеряла рассудок — говорила что-то несвязное и то плакала, то смеялась. Жена, исхудавшая, с потемневшим лицом, глубоко запавшими глазами, едва передвигалась по комнате. А девочки (трое: старшей четыре, младшей полтора года), с припухшими веками — первый признак дистрофии, закутанные в платки, одеяла, сидели рядышком на кровати и ели суп из столярного клея. В комнате стужа, окна с разбитыми стеклами забиты фанерой, занавешены половиками. Стены почернели от копоти железной печурки и керосиновой лампы. А на улице то и дело грохотали взрывы снарядов».

Из-за того, что Щ-303 всегда благополучно проходила противолодочные рубежи, где-то в подсознании может возникнуть чувство, что это было опасно, но не так уж опасно. В таком случае несколько фактов. На минах погиб «Окунь» — Щ-302, от глубинных бомб погибла «Кумжа» — Щ-311, от столкновения под водой с финской подлодкой утонул «Линь» — Щ-305, погибли «Семга» и «Пикша» — Щ-308 и Щ-306... Гибли не потому, что воевали неумело, а потому, что воевать было беспредельно сложно.

«Теоретические расчеты показывают,— пишет В. Дмитриев в книге «Атакуют подводники»,— что во время прорыва подводных лодок в Балтийское море на вражеские коммуникации вероятность их гибели нередко доходила до 100 процентов». То, что наши лодки воевали и в таких условиях, свидетельствует о великом патриотизме подводников и, конечно же, об их высочайшем мастерстве.

У тебя, верно, возник вопрос: «А что со «Щукой»?» Щ-301 утонула еще 27 августа 1941 года, подорвавшись на мине во время перехода из Таллина в Кронштадт. Взрывом мины разрушило корму. Экипаж боролся за спасение корабля. Но повреждения были очень большие. Моряки покинули лодку. Вскоре она, вертикально, кормой вниз, погрузилась под воду. За неделю до гибели «Щука» торпедировала два транспорта немцев, один очень большой — водоизмещением 8 тысяч тонн.

ВРАГ ВЫНУЖДЕН ОБОРОНЯТЬСЯ НА БАЛТИКЕ

В 1941—1942 годах подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота уничтожили — торпедами и артиллерийским огнем — 44 транспорта; 17 транспортов погибли на минах, поставленных нашими лодками. Кроме этих судов, подводники потопили две подводные лодки врага, сетепрорыватель, тральщик и другие корабли.

Водоизмещение потопленных транспортов — 158 523 тонны. Пользуясь цифрами из американского справочника, посчитай, сколько оружия и боеприпасов отняли подводники у немцев. За этим подсчетом не забудь, что они отняли и сами транспорты. В конце 1942 года гросс-адмирал Редер доложил Гитлеру: «Каждая подводная лодка, прорвавшая блокаду, представляет угрозу судоходству на всем Балтийском море и подвергает опасности наш транспортный флот, которого уже едва хватает». Западный историк Юрг Майстер после войны напишет: «В стратегическом отношении Германия уже в 1942 году в морской войне на Балтийском море была вынуждена перейти к обороне».

Так оно и должно было быть — сначала наступали, потом перешли к обороне; оставалось немцам последнее в военной троице — отступление. Будет и оно.

«ЕРШ» ИДЕТ В РАЗВЕДКУ

Весной 1943 года немцы перегородили Финский залив двумя рядами противолодочных сетей. Они поставили их между Порккала-Удд и Найссаром, где ширина залива чуть больше 20 миль. Сети были сделаны из стального троса диаметром 2 сантиметра. Ячейки представляли собой квадраты со стороной 4 метра. Вся сеть была собрана из секций по 250 метров длиной. Заграждение перекрывало толщу воды от поверхности почти до дна. Сверху сеть держалась на поплавках, снизу на якорях. У самого дна залива оставалась небольшая щель, чтобы сеть имела «свободный ход» — иначе ее разрушили бы штормы. Поскольку щелью, а также впадинами, могли воспользоваться подводные лодки, перед сетью и позади нее немцы поставили множество донных мин.

Вдоль сети постоянно патрулировали противолодочные корабли. Дозоры находились друг от друга на расстоянии 20 кабельтовых, они простым глазом просматривали весь залив от берега до берега.

Постановка мощного сетевого заграждения красноречиво говорила о том, как боялись фашисты наших подводных лодок.

Можно ли преодолеть новое заграждение? — с таким заданием командование КБФ отправило в очередной поход гвардейскую лодку Щ-303.

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

С острова Лавенсари лодка вышла 11 мая 1943 года. С того дня началась героическая эпопея «Ерша» и его экипажа.

Уже при форсировании Гогландского рубежа смерть много раз вплотную подходила к старой лодке, медленно кравшейся по дну залива.

«Чем дальше мы продвигались, тем сложнее и сложнее становилась обстановка. Южная часть минного поля была заминирована плотнее. Наша лодка входила как бы в густой лес минрепов и мин.

В отсеках стояла такая тишина, что малейший удар чем-либо металлическим о палубу звучал как взрыв глубинной бомбы. Слышались только жужжание моторов да редкие негромкие команды. По нашим расчетам, минные линии отстояли одна от другой на расстоянии четырехсот или пятисот метров, а мины в каждой линии — на расстоянии 40-50 метров.

Настало время изменить курс корабля. Делать это на минном поле очень опасно, так как при повороте можно намотать минреп на винт.

Едва мы легли на новый курс, как из первого отсека доложили, что с правого борта слышны глухие удары о корпус. Я приказал медленно переложить руль вправо. Однако стуки продолжали продвигаться к корме. Казалось, будто о борт корабля кто-то бьет молотком.

Невольно подумалось, что это уже конец, что вот-вот мы подорвемся, так как на этот раз подводная лодка касалась уже не минрепа, а непосредственно мины.

Стараясь оставаться спокойным, я до боли сжал кулаки, так что ногти впились в ладони.

Наконец удары о корпус прекратились. Эти страшные мгновения показались вечностью.

С минрепами нам приходилось встречаться и раньше, но чтобы касаться непосредственно мины — такого еще не было».

В СЕТЯХ

Гогландский рубеж был преодолен. После этого двое суток, если не считать атаки самолетов и катеров, лодка спокойно шла к сетевому заграждению. Было решено поднырнуть под сеть в самом глубоком месте.

Шли самым малым ходом. Вдруг лодка перестала слушаться горизонтальных рулей, корма ее поднялась. В первом отсеке услышали скрежет — «Ерш» оказался в сети. Задним ходом из сети выбрались.

Попробовали поднырнуть в другом месте. На этот раз заскрежетало дальше от носа, лодка пролезла в ячею сети глубже. Из ячеи выбрались уже с трудом.

«...еще раз изменили курс, рассчитывая пройти под заграждением через глубокую яму. И снова попали в сети.

Дифферент на корму продолжал расти.

Подал команду:

— Полный назад!

Но из пятого отсека доложили, что полного хода обеспечить не могут — плотность аккумуляторной батареи снизилась.

Принимая воду в кормовую дифферентную цистерну и откачивая ее, давая рывками ход назад, мы пытались оторваться от стальных сетей. Но все было безрезультатно. Положение становилось трагическим, однако ни малейшего замешательства в центральном посту не было.

Тогда я приказал довести дифферент на корму до 15° и дать самый сильный, какой только можно, рывок электродвигателями назад.

Лодка дрогнула, двинулась, как будто сползла с горы, и стала погружаться. А через несколько секунд легла на грунт».

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Теперь важнейшим делом было зарядить батарею и провентилировать лодку. Дождались ночи, всплыли под перископ, осмотрели в перископ из-под воды море — все вокруг казалось пустынным, никаких звуков не обнаружил и акустик. Но как только всплыли, из близкой мглы к лодке помчалось множество катеров. Щ-303 мгновенно погрузилась и, пройдя немного, легла на дно. Уклоняться ходом не было возможности, электроэнергия была на исходе.

«Ерш» много раз подвергался глубинному бомбометанию. Но такого еще не было. Бомбы рвались совсем рядом. Один взрыв был так близко, что лодку метра на три подбросило вверх. Многие бомбы взрывались прямо над лодкой, осколки градом сыпались на ее корпус. Погас свет. Входные люки стали пропускать воду. При свете аварийных фонарей инженер-капитан третьего ранга П. М. Ильин вместе с матросами исправлял повреждения. Вскоре зажегся свет, прекратилась течь.

«...и вдруг второй страшный взрыв потряс лодку. Казалось, что стальной корпус корабля не выдержит, развалится... И снова треск и грохот. Нас бросает из стороны в сторону».

В лодке уже нечем было дышать. И было в ней самой тихо, как в могиле. Механизмы остановлены, чтобы не услышали акустики врага. Ни лишнего слова, ни лишнего движения. Моряки разулись, обмотали ноги тряпками, чтобы шаг был без шороха.

Но вот бомбометание кончилось. Акустик услышал шум удаляющихся винтов. А все ли катера ушли? Конечно, не все.

«Я смотрю на своих товарищей. Белые, вытянувшиеся лица. Кое-кто спит, но какой это сон? Тяжелый, мучительный. Люди задыхаются. Вот трюмный старшина Макаров шепчет в забытьи:

— Испортилась... помпа испортилась...

Уснул свободный от вахты электрик Савельев. У него учащенное дыхание, на губах выступает пена.

Тяжело подводникам. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, кислородный голод иголочками покалывает тело. Дышать невмоготу».

Не напрасно «Ерш» таился в глубине. К вечеру акустик лодки услышал удаляющийся шум двух винтов.

Ночью всплыли. Хотя вдали виднелись катера, приступили к зарядке батареи. И уж сами надышались вдоволь. Дали радиограмму командующему флотом, получили приказ возвращаться. А как возвращаться, если через час катера снова загнали «Ерша» на дно? Хорошо, что противник не нашел этой точки, бомбы — тоже в большом количестве — взрывались далеко в стороне.

Было ясно, что немцы не дадут зарядить батарею. Командир принял решение идти в середину минного поля и там провести зарядку. Иного выхода не было. Оставаться на месте значило погибнуть.

Десять суток пробыла Щ-303 на минном поле, всплывая каждую ночь на короткое время для зарядки аккумуляторов и вентиляции отсеков. Однажды попробовали побыть на воде подольше, но тут же были атакованы самолетами. И все же энергию на путь до Кронштадта запасли.

Было еще на минном поле событие. Перед самым уходом домой в этом опасно-безопасном месте к обеду — первому за десять дней, горячего из-за нехватки электричества не готовили — был подан торт. На торте кок вывел надпись «35-летие». Командир Травкин забыл о своем дне рождения, а команда помнила!

Щ-303 пришла в Кронштадт. Она пробыла в походе месяц. В среднем в каждые сутки лодка была только час в надводном положении, 23 часа — под водой. Враги сбросили на нее за этот месяц более 2 тысяч глубинных бомб, в среднем в сутки по 70 штук. Что добавить к этому? Ничего не добавишь.

А вывод из разведки «Ерша» был неутешительный. Немцы прочно заперли наш флот в Финском заливе. Однако фашисты запоздали со своими сетями — с середины 1943 года у нас стало больше самолетов, чем у немцев. Советская авиация стала господствовать в воздухе. В последнем периоде войны наши пикировщики, торпедоносцы и штурмовики потопят сотни вражеских транспортов и кораблей.

...Иван Васильевич Травкин вскоре был назначен командиром другой подводной лодки — мощной, современной К-52. Ее боевые дела тоже очень интересные. К-52 действовала уже в других условиях, когда ход войны в корне изменился, когда под натиском наших войск фашисты покатились в Германию.

А сейчас мы вернемся в начальный период войны — с Балтийского моря переберемся на Ладожское озеро, на «Дорогу жизни».

«ДОРОГА ЖИЗНИ»

Когда фашистские войска, выйдя к южному берегу Ладожского озера, замкнули кольцо вокруг Ленинграда, Гитлер сказал о Ленинграде: «Он падет рано или поздно. Никто не освободит его, никто не сумеет прорваться через созданные линии». На самом деле через «созданные линии» наши войска долго не могли прорваться. Но была у нас «Дорога жизни».

Найди на карте Новую Ладогу и Кобону, Морье и Осиновец — они в южной части Ладожского озера. Между ними и пролегала спасительная дорога.

Зимой на грузовиках по льду, а весной, летом и осенью на судах везли через озеро в осажденный город продовольствие, оружие, боеприпасы, горючее, подкрепления. Обратными рейсами увозили детей, женщин, стариков, раненых бойцов. По дну с восточного берега на западный проложили телефонно-телеграфный кабель, и Ленинград получил связь с Москвой. Еще проложили электрический кабель, и город получил электричество Волховской ГЭС. Наконец, по дну проложили трубопровод — для перекачки горючего.

Ладожское озеро, треть которого оставалась в наших руках, мало пригодно для судоходства. На нем часты штормы, берега болотистые, причалы были только в северной части. Поэтому, чтобы связать Ленинград тонкой жилочкой со всей страной, пришлось советским людям и на озере работать с напряжением и героизмом таким же, какой мы видели у подводников «Ерша», у артиллеристов батареи № 315, у моряков «Марата» и «Кирова». Люди строили причалы, подъездные железнодорожные пути, углубляли фарватер, водили баржи (или грузовые машины по льду) под постоянными бомбежками и артиллерийскими обстрелами — «Дорога жизни» проходила всего лишь в 15—20 километрах от берега, занятого фашистами.

Медаль «За оборону Ленинграда».

Нетрудно представить, как не нравилась «Дорога жизни» немцам — она рассекла созданное ими кольцо смерти.

Подобно тому как пытались немцы уничтожить наши корабли на Балтике, так дважды с помощью авиации пытались они уничтожить наши силы на Ладоге. Налеты авиации не дали врагу желаемых результатов. Дорога действовала. Тогда, чтобы нарушить эту коммуникацию, фашисты прибегли к иному средству. На северо-западе от Новой Ладоги в озеро вдается узкий мыс. Около этого мыса насыпан островок для маяка — длиной 90 метров и шириной 60. На крохотном клочке суши стояла наша трехорудийная 100-миллиметровая батарея. Она охраняла подходы к порту и большой отрезок «Дороги жизни» от набегов вражеской флотилии. Гарнизон островка — а он называется Сухо — состоял из 90 человек во главе со старшим лейтенантом И. Гусевым.

Неприятель решил высадить на Сухо десант, закрепиться, а затем в зависимости от обстановки нарушать движение наших транспортов, угрожать Новой Ладоге, прервать сообщение с западными портами.

Вражеский отряд — около 30 самоходных десантных барж и катеров — в ночь на 22 октября вышел из своей базы Лахденпохья (на северо-западном берегу озера). Всю ночь он был в пути, а утром оказался около Сухо. Не доходя шести километров до островка, неприятель, построившись в линию фронта, открыл артиллерийский огонь.

К острову пошли катера и шлюпки с десантниками.

Сигнальщики батареи обнаружили неприятеля еще до этого момента. Получилось так, что одновременно с противником открыла огонь и батарея. И тут же по неприятельским судам начали стрелять наши дозорные тральщик и катер, которые находились поблизости.

Немцы и финны, еще не добравшись до островка, потеряли десантную баржу и 2 катера, 3 баржи, подбитые орудиями Гусева, сели на мель и загорелись от новых попаданий. Но силы были далеко не равные — против трех орудий Гусева стреляло двадцать 88-миллиметровых и около ста стволов 20-миллиметровых автоматических пушек. Через час неприятелю удалось высадить на остров 70 человек. Раненый старший лейтенант Гусев руководил боем на тесном клочке земли.

Рассеялся туман. Плохая с утра погода улучшилась. К Сухо прилетели немецкие бомбардировщики.

Но и к нашим спешила помощь. Из Новой Ладоги пришли 3 сторожевых катера, 3 тральщика и канонерская лодка «Нора», а чуть позже из Осиновца пришел еще отряд: 2 канонерские лодки, 2 сторожевых катера, 2 торпедных и 2 бронекатера.

Воодушевленные такой поддержкой, бойцы Гусева сбросили десантников в воду. Неприятельские суда бросились наутек. Бегущего врага преследовали самолеты. Совместными силами к исходу дня было уничтожено 13 десантных барж, 5 десантных катеров, вооруженный пароход. Было сбито 14 самолетов противника. Удалось захватить большую десантную баржу и катер, после ремонта они вошли в состав нашей флотилии. А вражеская флотилия на Ладоге перестала существовать. С того дня полными хозяевами озера стали советские корабли.

Зимой, 18 января 1943 года, войска Ленинградского и Волховского фронтов ударами навстречу друг другу прорвали кольцо фашистской блокады на южном берегу бухты Петрокрепость.

Отвоеванная земля была шириной всего 11 километров. Но это была земля, а не вода озера. Тут же, без промедления, ленинградцы принялись прокладывать на ней железную дорогу. Скоро 38-километровый путь был уложен. По нему пошли поезда из Волхова в Ленинград.

* * *

Известие о прорыве блокады облетело весь мир. Вместе с советскими людьми этой победе радовались во всех странах. А через две недели мир охватило ликование — 2 февраля 1943 года закончилась грандиозная Сталинградская битва, в которой погибла 300-тысячная армия фашистов.

Посмотри карту первого периода войны. Не просто посмотри — изучи ее. Очень далеко оттеснила синяя линия красную. Но первое главное дело было нами сделано — мы остановили продвижение врага. Синие стрелы, выпущенные врагом, пролетев до красной линии, упали. Теперь свой лук натянули мы. Уже полетели наши красные стрелы. Их во множестве отковал советский тыл для армии. Они будут сыпаться на фашистов месяц от месяца гуще, пока не вонзятся в Берлин.

...Сталинградскую битву называют поворотным событием Великой Отечественной войны. Она предопределила нашу победу над фашизмом. После Сталинграда у мерзавцев поубавилось спеси. Но нам снова придется встретиться с гитлеровцами первых дней и первых месяцев войны. Мы отправляемся на Черное море.

НА ЧЕРНОМОРСКИХ БЕРЕГАХ

Ты, читатель, знаешь, что фашисты начали наступление против нас тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг». Нижнее острие трезубца — «Юг» — нацелено на Киев. Оно по плану «Барбаросса» должно продвинуться еще глубже — через Донецкий бассейн, через Ростов на Кавказ. Имея основной целью захват Москвы, фашисты придают очень важное значение военным действиям в южных районах нашей страны. Такое важное, что, когда остановилось их продвижение на юге, они направили туда две армии, в том числе танковую, сняв их с Центрального направления.

В южной части Советского Союза расположены богатейшие промышленные и продовольственные районы. Там множество заводов, шахт, рудников. Там нефтяные промыслы. Все это нужно немцам, чтобы вести войну. Особенно им нужна нефть. Без горючего не пойдут танки и автомобили, не полетят бомбардировщики, не поплывут корабли. Сейчас они движутся в основном на румынском горючем, но его не хватает. Разумеется, овладей враги нашими нефтепромыслами на Северном Кавказе и в Азербайджане, нехватку горючего стала испытывать бы наша армия.

Продвижение до Кавказа и захват его давали врагам и другие выгоды. Дружественная Германии Турция сосредоточила на советской границе 26 дивизий, в случае успеха гитлеровских войск турки вторглись бы в Армению, в Грузию, в Азербайджан. Захвати фашисты все советское побережье Черного моря, погиб бы наш Черноморский флот, он остался бы без баз.

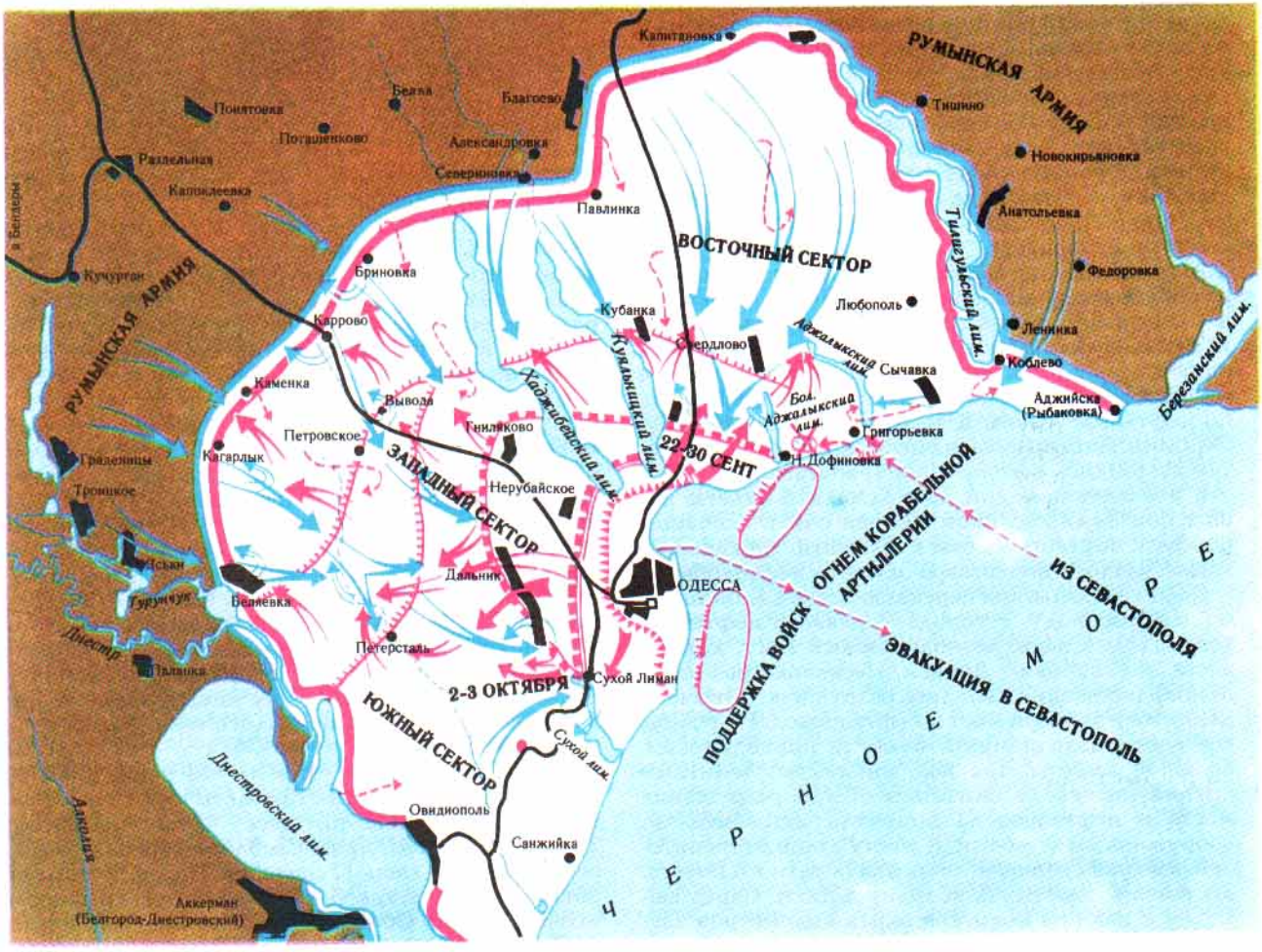
Помимо трех главных ударов, помимо трезубца, план «Барбаросса» предусматривал вспомогательные удары. Один из них наносится с территории Румынии. Упрощенно говоря, он направлен по берегу Черного моря. Его цель: захват наших военно-морских баз и портов сухопутными войсками, в первую очередь Одессы и Севастополя. Если нашу нефть гитлеровцам нужно еще завоевать, то румынские нефтепромыслы нужно защищать, а они в пределах досягаемости для советских самолетов и кораблей, находящихся в Севастополе и Одессе. Враги бросят большие силы на Одессу, на главную военно-морскую базу Севастополь еще и потому, что им нужно море. Оно нужно для снабжения войск, ведущих боевые действия на юге... Теперь, зная все это, мы сможем яснее представить себе смысл и цену подвигов, совершенных черноморскими моряками.

НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА

Флот наш на Черном море был довольно сильный: линкор «Парижская коммуна» (он был переименован в «Севастополь»), крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Ворошилов», «Молотов» и «Коминтерн», лидеры «Москва», «Харьков» и «Ташкент», 13 эсминцев, 4 канонерские лодки, 2 сторожевых корабля, 2 минных заградителя, 47 подводных лодок, 15 тральщиков, 84 торпедных катера, 10 катеров-охотников и другие суда.

В начале войны нашему флоту противостояли лишь незначительные военно-морские силы Румынии: 4 эсминца, 3 миноносца, подводная лодка, 3 канонерские лодки, 2 вспомогательных крейсера, 3 торпедных катера и другие малые суда. Гитлеровские адмиралы прекрасно представляли возможности нашего Черноморского флота. Поэтому, когда начнется война, фашисты по железным дорогам из Германии, по Дунаю и через Босфор из Италии доставят на море массу малых кораблей и судов. Неприятельский флот получит десяток подводных лодок, 30 торпедных катеров, 84 сторожевых катера, 23 тральщика, 26 охотников за

Героическая оборона Одессы с 10 августа по 16 октября 1941 г.



Линия фронта на 10.08. 1941 г.

Удары войск 4-й румынской армии.

Активные оборонительные бои советских войск.

Передовой оборонительный рубеж.

Рубеж главной обороны.

Вторая линия рубежа главной обороны.

Рубеж прикрытия города.

Советский морской десант 22 сентября и уничтожение вражеской дальнобойной артиллерии.

Контрудары советских войск 22—30 сентября и 2—3 октября 1941 г.

Отход советских войск.

подводными лодками, 50 самоходных десантных барж, сухогрузные и нефтеналивные суда, буксиры и даже ледоколы и землечерпалки. Основные же задачи в борьбе с нашим флотом немцы возлагали на авиацию и на захват баз и портов сухопутными войсками. К началу войны немцы для действий на море имели 420 бомбардировщиков.

УДАРЫ ПО НЕФТЕПРОМЫСЛАМ

Румыния выступила против нас на стороне Германии. Поэтому было предпринято разрушение нефтепромыслов и уничтожение запасов нефти на ее территории. Бомбардировщики Черноморского флота первый налет совершили на главную базу румынского флота и основной порт вывоза нефти Констанцу уже в ночь на 23 июня. Днем они еще трижды бомбили там нефтехранилища и портовые сооружения. Дважды был подвергнут ударам порт Сулина. В налетах участвовало более ста бомбардировщиков. (Найди на карте Констанцу и Сулину. Найди Плоешти — центр нефтедобычи, он на север от Бухареста.)

26 июня набег на Констанцу произвели наши корабли: крейсер «Ворошилов», лидеры «Харьков» и «Москва», эсминцы «Сообразительный» и «Смышленый». Дерзко и внезапно появившись на рассвете у Констанцы, они подошли к кромке минных заграждений и открыли орудийный огонь по нефтяным бакам и железнодорожному узлу. Огромный пожар охватил нефтехранилища, на путях взорвались вагоны с боеприпасами.

В последующие дни продолжались налеты наших бомбардировщиков. Теперь они в основном бомбили нефтепромыслы в Плоешти. На какое-то время удалось почти парализовать нефтедобычу.

Нефть с промыслов перекачивалась в Констанцу по нефтепроводу. У города Чернавода нефтепровод выходил на железнодорожный мост, как бы висел над широким Дунаем. Несколько раз наши бомбардировщики пытались разрушить этот очень длинный и важный мост и нефтепровод. Но бомбы все время падали мимо, бомбить приходилось с большой высоты, так как множество зенитных орудий не давали снизиться. Тогда разрушение моста и нефтепровода поручили истребителям, вооруженным бомбами. К месту атаки истребителей, имевших горючее лишь для обратного полета, доставили тяжелые бомбардировщики. Перед выходом к цели на высоте четырех километров истребители отсоединились от ТБ-3 и с пикирования — с пикирования бомбы падают точнее — разбомбили мост и нефтепровод. Пять бомб удалось всадить в узкую ленту моста.

Румынской нефтью снабжались также итало-немецкие войска, воевавшие с англичанами на севере Африки. Танкеры ходили туда из Констанцы через Босфор. На охоту за нефтеналивными судами вышли наши подводные лодки. Первой их добычей стал транспорт, а второй и третьей — итальянские танкеры «Суперга» и «Торчелло» водоизмещением 6200 и 3400 тонн; только с гибелью этих танкеров неприятель потерял 5 железнодорожных составов нефти.

Немцы знали, что самолеты, бомбившие нефтепромыслы, поднимались с крымских аэродромов, а на одесских аэродромах делали посадку для дозаправки. Из этих же баз выходили на перехват танкеров подводные лодки. И вот из штабов всех рангов, от самого Гитлера посыпались войскам приказы с требованием скорее взять Одессу и Севастополь — во избежание бензинового голода в фашистской армии.

НЕПРЕВЗОЙДЕННОЕ ИСКУССТВО ОДЕССЫ

ГОРОД ГОТОВИТСЯ К ОСАДЕ

Одесса оказалась окруженной с суши почти в те же дни, что и Таллин. Лавина немецких войск прошла севернее Одессы, оставив военно-морскую базу и город незанятыми у себя в тылу. Немцы торопились в Крым, к Севастополю. Занять Одессу поручалось румынским войскам. Посмотри на карте первого периода войны, как двигался противник. Стрела, идущая на восток от Первомайска, раздвоилась, и ее южное острие воткнулось в Перекоп — вход на Крымский полуостров, это 11-я армия немцев, которой командует опытный генерал (а потом фельдмаршал) Манштейн; фельдмаршалу еще достанется по первое число — сначала от генерал-лейтенанта Родиона Яковлевича Малиновского между Доном и Волгой, потом от генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Ротмистрова на Курской дуге, а в третий раз от генерала армии Ивана Даниловича Черняховского в Белоруссии, но сейчас гитлеровский военачальник, как говорят, на коне. Стрела, достигшая Одессы,— это румынские войска, их сначала было 8 дивизий, затем 18 — половина всех войск, выставленных Румынией в войне против нас. Гитлер обещал тогдашнему правителю страны Антонеску многие наши земли, в том числе Одессу. Получалось так — Одесса ваша, вы ее и берите.

Интересная деталь: если на все наши военно-морские базы вражеские самолеты налетели в первые же часы войны, то Одессу начали бомбить с 25 июня. А первые мины самолеты сбросили в море около порта лишь 12 сентября. Этот факт нельзя объяснить иначе, как уверенностью врага в скором захвате города. Обезвреживать свои мины ничуть не проще, чем чужие; вот гитлеровцы и откладывали минирование подступов к Одессе, ожидая со дня на день ее падения.

Как и все наши военно-морские базы, Одесса не имела укреплений на суше. Однако командование Черноморского флота, которое возглавлял вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский, по быстрому продвижению немцев на Киевском направлении определило, что может случиться с Одессой в недалеком будущем. Уже на шестой день войны оно приказало командиру базы контр-адмиралу Гавриилу Васильевичу Жукову начать строитель-

Октябрьский Ф. С.

ство оборонительных рубежей со стороны суши. Ставка Верховного Главнокомандования одобрила такое решение. Одесса принялась энергично готовиться к борьбе в осаде.

Посмотри карту обороны Одессы. Передовой рубеж возведен в 20—25 километрах от города, его фланги упираются в лиманы. Рубеж главной обороны проходит в 10—14 километрах, и на его флангах тоже лиманы. Эти естественные препятствия были умело использованы, они ускорили и облегчили оборонительные работы. В шести-десяти километрах от города был рубеж прикрытия. А в самом городе, на его улицах, возвели шесть поясов баррикад — первые на окраинах, последние у самого порта. Руководил оборонительными работами — прокладкой траншей, рытьем окопов, укрытий, рвов, оборудованием артиллерийских и пулеметных позиций, строительством блиндажей и дзотов — опытный фортификатор генерал-майор инженерных войск Аркадий Федорович Хренов. Помощниками у него были моряки, войска и тысячи одесситов.

Получилось так, что, когда основные силы нашей Отдельной Приморской армии отошли к Одессе, для войск уже были готовы крепкие позиции. Приморцы очень этому обрадовались. Они семь недель вели упорные бои на Пруте, на Днестре, многое испытали в тех боях, много потерь понесли, но отступали, не «откатываясь к городу с противником на плечах», а достойно, сохранив дисциплину и организованность. Это были 95-я Молдавская дивизия и 25-я Чапаевская дивизия, та, которая завоевала себе славу при Василии Ивановиче Чапаеве в гражданскую войну. Вскоре к городу прорвалась еще кавалерийская дивизия.

Если войска благодарили моряков за подготовленные рубежи, то моряки, в свою очередь, радовались приходу таких сил. Моряков было очень мало, всего в двух полках 2 тысячи. Не приди на защиту Одессы приморцы, каждому моряку пришлось бы сражаться с шестьюдесятью врагами! А ведь и к такому сражению они готовились...

Но и приморцев вместе с моряками было мало для успешных боев. Против одного нашего было десять захватчиков. Областной комитет Коммунистической партии позвал на защиту города коммунистов и комсомольцев. В войска и в народное ополчение пришло больше ста тысяч человек.

Одесса сражалась с 5 августа по 15 октября. Не оборонялась, а именно сражалась: отбив атаку врага, сама атаковала...

Гитлер в раздражении понукал своего союзника Антонеску, выговаривал ему за срыв сроков взятия города. Антонеску просил у Гитлера помощь войсками, танками, самолетами. Немецкая помощь неоднократно приходила, но перемалывалась на одесских рубежах. Генерал-полковник Гальдер, начальник штаба сухопутных войск Германии, занесет в свой дневник такую запись: «Оборона Одессы носила характер сопротивления, без мысли отступления; оборона отличалась наступательными действиями».

МУЖЕСТВО ОДЕССИТОВ

А как жила сама Одесса в эти месяцы? Она жила, трудилась для фронта, воевала. Город часто бомбили, а с середины осады начались и артиллерийские обстрелы: неприятель занял участок между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами и установил там дальнобойные орудия. От бомбежек жители успевали прятаться в катакомбах — пещерах, в которых когда-то брали строительный камень. Артиллерийские налеты производились внезапно, укрыться от них было невозможно. Сотни домов были разрушены, и людей погибло много. Продовольствия в городе было достаточно. А вот на воду ввели карточки. Неприятель захватил район, где начинался городской водопровод. Пришлось срочно пробурить в разных частях города артезианские скважины. Этой воды хватало по полведра в сутки для каждого жителя. Вроде бы полведра вполне достаточно, но надо помнить, как жарко в Одессе летом.

Конечно же, город работал. На предприятиях, которые остались после эвакуации, наладили выпуск минометов, мин, гранат, бутылок с горючей жидкостью.

Несмотря на постоянную опасность и тревогу за будущее, одесситы не потеряли бодрости. Все, даже дети, старались помочь войскам и морякам.

Около Одессы был аэродром морского истребительного полка. Неприятель потеснил наших, и его орудия стали обстреливать самолеты на стоянке. Один снаряд попал даже в самолет, разбегавшийся для взлета. Летчики долго размышляли, как уберечь машины от артогня. Казалось, что уберечь невозможно. Но тут пришла счастливая мысль по-

строить аэродром прямо в городе, в той части, куда не долетали снаряды. Новый аэродром, вернее взлетно-посадочная полоса, был готов ровно за неделю. А строили его горожане. Маленькие самолеты для маскировки закатывали между домами. Летчики берегли новый аэродром от вражеских наблюдателей — чуть подняв машину над улицей, уходили в сторону моря над крышами домов и только над морем набирали высоту и собирались в группы. Садились так же, с бреющего полета.

ЛЕТЧИКИ-ИСТРЕБИТЕЛИ

Защитников Одессы иногда поддерживала флотская авиация с крымских аэродромов. Но основная тяжесть воздушных боев и штурмовых ударов по наземному противнику легла на истребительный полк, аэродром которого был в городе. Полком командовал двадцатипятилетний майор Лев Львович Шестаков. Этот умный и мужественный человек сам воевал блестяще и учил мастерству своих товарищей. В авиации в отличие от других родов войск командиры полков, бригад и даже дивизий очень часто лично участвовали в воздушных боях, поручая место на командном пункте своему заместителю. Бывали, естественно, такие случаи и в пехоте — в критические моменты, когда присутствие командира восстанавливает в бойцах утраченное мужество. Так генерал Иван Ефимович Петров, командир Чапаевской дивизии, однажды, стоя на подножке пикапа, промчался вдоль позиций своих батальонов, готовых вот-вот откатиться под натиском многочисленного врага. С пикапа стреляли два пулемета, но не столько их огонь вернул силы бойцам, как бесстрашие генерала. Правда ведь, вспоминается Чапаев, который пролетал на коне — в черной бурке, с поднятой саблей — перед залегшими цепями?.. Ну а Шестаков очень часто был в воздухе на истребителе. При защите города он сбил 11 вражеских самолетов из 94, сбитых всем полком.

В среднем летчики Шестакова ежедневно проводили семь-восемь воздушных боев. Почти ежедневно пять-шесть раз вылетали на штурмовку. И это в основном на самолетах старой конструкции, с изношенными моторами, с залатанными крыльями и фюзеляжами. А с начала обороны в полку самолетов было чуть больше сорока.

Зато и любили пехотинцы летчиков. Риск летчика виден наземным войскам, видна им и помощь его — он своей жизнью прикрывает множество жизней солдат на земле. Когда лейтенант Алексей Алелюхин посадил подбитый самолет между нашими и румынскими позициями, пехотинцы с воодушевлением бросились в атаку, чтобы не дать врагу машину. И отбили. И увезли в безопасное место. Самолет починили. Алелюхин на нем снова спасал пехоту от бомбежек.

За бои в небе Одессы звания Героя Советского Союза были удостоены двенадцать летчиков полка во главе со своим командиром.

ФЛОТ НА ЗАЩИТЕ ОДЕССЫ

Ну а что же делали в дни обороны Одессы корабли? Они доставляли в осажденный город боеприпасы, оружие, продовольствие, подкрепления. Эвакуировали раненых и жителей. Они охраняли морские подступы к Одессе от неприятельских кораблей. И еще — очень важное — помогали войскам своей мощной артиллерией. В трудные для наземных войск часы крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Коминтерн», лидер «Ташкент», эсминцы «Бойкий», «Беспощадный», «Смышленый», «Фрунзе» и другие корабли, или стоя на якоре, или маневрируя вдоль берега, закрываясь дымом от вражеских наблюдателей, отбивая налеты пикировщиков, били по наступающим танкам и пехоте врага, по его артиллерийским батареям.

Высаживали корабли и десант в помощь Одессе. Он был первым морским десантом Великой Отечественной войны.

...Один за другим прошли шесть сроков взятия Одессы, намеченных противником. Прошло 23 августа — день, в который прибывший в войска Антонеску собирался принять на главной площади города парад победителей. Прошло 3 сентября — день особо ожесточенных атак, когда было приказано взять город любой ценой. Антонеску бранился в приказе: «Разве не постыдно, что наше войско, в четыре-пять раз превосходящее числом и снаряжением противника, столько времени топчется на месте?» Этот приказ, расстрелы за трусость и немецкие пулеметчики, занимавшие позиции позади румын, чтобы тем некуда было отступать,— все свидетельствовало о неспособности противника нанести завершающий удар... Перебросив к Одессе свежие войска, на исходе первой половины сентября румыны предприняли новое яростное наступление.

К тому времени десятки тысяч неприятельских солдат уже нашли свою смерть на одесских рубежах. Но редели и ряды защитников города. Мы говорили о двенадцати летчиках, которые стали Героями Советского Союза, но трое из них получили это звание посмертно... Подкрепления прибывали в Одессу скудные, сам город уже не давал бойцов — все, кто мог держать оружие, были в боях или окончили их, с честью сложив головы.

В такой обстановке командование ООР — Одесского оборонительного района — решилось просить у Ставки стрелковую дивизию в подкрепление. Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов в то время в звании полковника был начальником штаба Отдельной Приморской армии, он вспоминал: «Руководители Одесской обороны отдавали себе отчет, что общая обстановка на юге не улучшилась с тех пор, когда нам отказывали в выделении дивизии. Прислать ее в Одессу было, вероятно, еще труднее, чем раньше. И все же Военный совет не мог не повторить свою просьбу еще раз. Слишком велика была опасность, что без свежих боевых сил не устоять: наш фронт, напряженный, как натянутая до предела струна, и проходящий местами всего в 10—15 километрах от города, мог не выдержать очередного натиска врага.

Ответ из Москвы пришел меньше чем через сутки. Он был совершенно необычным:

«Передайте просьбу Ставки Верховного Командования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6—7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения... И. Сталин».

Мы не раз получали от старших начальников телеграфные приказы, в которых вновь и вновь повторялось требование: «Ни шагу назад». Но такой телеграммы я еще не видел... Ставка ничего не приказывала. Ставка просила защитников Одессы продержаться еще неделю, обещая за это время помощь... Такая просьба значила больше, чем любой приказ. И хотя положение на нашем фронте стало за последние сутки еще более трудным, чувствовалось: люди как-то приободрились, воодушевились».

Помощь — 157-я стрелковая дивизия и другие части, больше 20 тысяч бойцов — начала прибывать морем на три дня раньше обещанного срока.

Военачальники, руководившие обороной города, могли бы по мере высадки частей на берег направлять их на участки, где неприятель угрожал вот-вот прорваться через последний рубеж. Плохие командиры так и поступили бы — полк в одну брешь, полк в другую, батальон туда, батальон сюда, и наступление было бы остановлено. Но надолго ли?.. Командование ООР поступило иначе. Оно решило, получив сильную дивизию, в корне улучшить положение на своем фронте. Несколько дней, тревожась за судьбу старых частей, несших большие потери в боях, оно ждало, когда вся дивизия соберется в Одессе, и не трогало ее, не отщипывало от нее ни артиллерии, ни пулеметов, ни связи.

Что нужно было сделать, чтобы не просто остановить наступление врага, а улучшить общее положение наших войск? Нужно было отбросить левый фланг неприятеля, оттеснить его из восточного сектора километров на десять. Тогда город и, главное, порт избавились бы от губительных артиллерийских обстрелов. Транспорты и корабли, приходившие в последнее время в Одессу, разгружались под градом снарядов. Если бы противнику удалось прервать подвоз боеприпасов, то он мог бы считать себя победителем — одними штыками приморцы долго не навоевали бы.

157-я дивизия вместе со старыми войсками и должна была нанести контрудар по румынам — в восточном секторе, от берега моря до Куяльницкого лимана. В западном и южном секторах наши войска — пусть без продвижения вперед — одновременно должны были контратаковать противника: это для того, чтобы румыны не смогли перебросить отсюда части на помощь к восточному сектору. Но это не все. Было решено подкрепить контрудар высадкой морского десанта в районе Григорьевки, у Аджалыкского лимана. Десантникам — около 2 тысяч морских пехотинцев — надлежало пройти на северо-запад по тылам противника и соединиться с наступающими частями в районе Старой Дофиновки и Новой Дофиновки. И еще — предполагалось выбросить в тыл неприятеля группу моряков-парашютистов. В их задачу входило посеять панику налетами на штабы, на артиллерийские батареи, порчей связи и другими диверсиями.

Контрудар назначили на 22 сентября 1941 года.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Подготовка войск и флота к контрудару велась втайне. Морские пехотинцы, к примеру, узнали о том, куда и зачем они направляются, лишь в море, когда отряд кораблей уже вышел из Севастополя.

Десантный отряд, направлявшийся в Одессу, состоял из крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцев «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Фрунзе». Общее руководство было возложено на командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского. Командиром высадки был назначен командир бригады крейсеров контр-адмирал С. Г. Горшков. Большие корабли не могли подойти к самому берегу для высадки моряков. Поэтому в 0 часов 00 минут 22 сентября они должны были встретиться в море, в условленной точке (по-морскому она называется «точка рандеву»), с отрядом высадочных средств — с катерами и баркасами. Этот отряд находился в Одессе, его командиры ничего не знали о предстоящем деле. Подробный план и порядок действий высадочного отряда должен был доставить эскадренный миноносец «Фрунзе», который вышел из Севастополя несколько раньше с контр-адмиралом Л. А. Владимирским на борту.

Случилось так, что именно в этот день в районе Одессы появились в большом количестве «Юнкерсы-87» — пикирующие бомбардировщики. Как выяснилось, немцы перебросили на Черное море целый авиакорпус со Средиземного моря. Фашистские летчики два года воевали там с английскими кораблями и имели большой опыт в потоплении кораблей с воздуха. И вот первой жертвой пикировщиков стала у Тендровской косы канонерская лодка «Красная Армения». «Фрунзе», когда лодка начала погружаться в воду, оказался в том районе, он принялся спасать моряков. В этот момент снова появились пикировщики, они атаковали эсминец. Разбитый эсминец выбросился на мель. К «Фрунзе» подошел буксир, он принял на борт моряков эсминца и канонерской лодки. Однако буксир потопили все те же пикировщики. Теперь людей спасали катера и шлюпки. Среди спасенных был раненый контр-адмирал Владимирский. Добрался он в Одессу на торпедном катере и только во время высадки был доставлен на крейсер «Красный Кавказ».

Отряд десантно-высадочных средств не прибыл в назначенное время в точку рандеву, что могло повлечь срыв высадки десанта.

Контр-адмирал С. Г. Горшков, на которого после гибели «Фрунзе» Военный совет флота возложил руководство операцией, решил высаживать десант с помощью корабельных плавсредств.

Во втором часу ночи крейсеры и эсминцы, не доходя 15 кабельтовых до берега, встали на якорь. 16 минут корабельные орудия обрабатывали место

высадки, а затем к берегу пошли шлюпки с десантниками. Чуть раньше в тылу румынских частей приземлились 23 моряка-парашютиста. Контрудар начался. Все дальнейшие действия развивались по плану.

ПОБЕДА СТРЕЛКОВ И МОРЯКОВ

Об отваге и дерзости моряков-парашютистов ты прочтешь в рассказе Леонида Соболева «Батальон четверых». Рассказ входит в его книгу «Морская душа», без этой книги тому, кто хочет знать военные события на Черном море, не обойтись, так что ищи ее. А я скажу только — панику моряки у румын устроили изрядную. Неприятелю показалось, будто у него в тылу не горстка храбрых людей, а большой отряд...

В три часа ночи контратаковали противника войска южного сектора. Получасом позже бомбардировщики, прилетев с крымского аэродрома, сбросили бомбы на резервы и тылы противника. Следом самолеты майора Шестакова провели штурмовку двух немецких аэродромов, на одном стояли «мессершмитты», на другом — «юнкерсы». Многие летчики, спавшие в палатках, погибли от пулеметных очередей «ястребков», были взорваны склады горючего и боеприпасов, и было уничтожено больше двух десятков вражеских машин (из сорока).

Высадка десанта с кораблей затянулась до 6 часов утра. Тем не менее морские пехотинцы действовали успешно. Без особых усилий они сбили неприятельский заслон на берегу. Враги бежали, не успев уничтожить указатели заминированных участков. Так же поспешно бежали артиллеристы дальнобойной батареи, принесшей столько вреда городу и порту. Моряки быстро продвигались в тылу противника. Вместе с передовыми подразделениями шли корректировщики с эсминцев. И когда один батальон был контратакован у штаба румынской части, корабли тут же помогли ему артиллерийским огнем.

Сообщения, одно тревожнее другого, валились лавиной на неприятельское командование. Первое время оно не могло понять, что и где происходит, откуда грозит самая большая опасность. Совер-

Десант морской пехоты.

шенно очевидной опасностью были десантники. Но логика военных действий подсказывала, что будет и еще что-то — худшее. А где? Здесь, в восточном секторе? Или в южном? Там ведь началась атака...

157-я дивизия и ее соседи готовились начать свои главные действия в 8 утра. А за полчаса до этого, в 7.30, началась наша артподготовка. По врагу били полевые, береговые и корабельные орудия. Огонь был сильный. Румынская артиллерия была подавлена. В назначенное время пехота поднялась в атаку. Особенно хорошо пошли полки новой дивизии. В середине дня их пришлось даже придержать на час-другой, чтобы с ними выровнялись части старых приморцев, продвигавшиеся медленнее. К исходу дня в районе Дофиновки стрелки встретились с морской пехотой. Такие встречи всегда бывают волнующими. Соединение войск, идущих с разных направлений, как бы подводит итог боев, свидетельствует об их успешном завершении.

Наступил вечер 22 сентября. Враг в восточном секторе был отброшен на десять километров. А у войск еще хватало энергии гнать врага дальше. Однако командующий Приморской армией генерал-лейтенант Георгий Павлович Сафронов остановил наступление, даже отдали врагу без боя несколько населенных пунктов, захваченных морской пехотой. И это было хорошее решение. Вот почему. Оборона у Одессы имела вид дуги. Протяженность дуги с увеличением радиуса — расстояния от города до неприятеля — увеличивалась. А ведь каждый прибавившийся километр надо оборонять, держать на нем определенное число бойцов, пулеметов, орудий. Длинную дугу оборонять нам было нечем, мало было войск. Поэтому командующий выбрал самый выгодный радиус; при выбранном радиусе плотность советских войск на дуге была достаточной для прочной обороны, а противник уже не мог обстреливать порт, не мог препятствовать приходу и разгрузке транспортов со всем необходимым для жизни и борьбы Одессы.

ДОБЛЕСТЬ ЭСМИНЦЕВ

Пожалуй, труднее всего пришлось в этой операции эсминцам. Крейсеры, высадив морскую пехоту, ушли в Севастополь, чтобы не попасть под

удары пикировщиков. Эсминцы же остались поддерживать наступление артогнем. Утром Ю-87 не появлялись. А потом девятка пикировщиков атаковала «Безупречный», который обстреливал неприятеля, находившегося в районе Старой Дофиновки. От 37 бомб уклонился «Безупречный». Но одна взорвалась так близко от корабля, что в борту образовалась огромная пробоина, сквозь которую вода затопила машину и часть котлов. Корабль потерял ход. «Беспощадный» взял его на буксир и отвел в одесский порт под защиту зениток. Позже на «Беспощадный» и «Бойкий», находившиеся на огневых позициях, налетело больше двадцати пикировщиков. Несколько шестаковских истребителей прилетели на помощь кораблям. Они сбили два «юнкерса», мешали прицельно сбрасывать бомбы, но силы в воздухе были уж очень неравные. На этот раз тяжелые повреждения получил «Беспощадный». На нем возник пожар, в пробоины хлынула вода. Весь в дыму, полузатопленный, эсминец малым ходом пошел в порт. На огневой позиции остался один «Бойкий», которым командовал капитан-лейтенант Георгий Федорович Годлевский. До самой темноты корабль отбивался зенитками и пулеметами от «юнкерсов», уклонялся от их бомб и вел артиллерийский огонь, поддерживая наступление не одного, как ему полагалось, а трех батальонов морской пехоты. Он взял себе и цели поврежденных эсминцев. Если забыть, что экипаж находился все время в смертельной опасности, а иметь в виду только его военную работу, то и так она покажется невероятной. Удивительно, как экипаж выдержал страшное напряжение дня! А ведь и накануне моряки не отдыхали, ночь перед наступлением тоже была напряженной...

22 сентября 1941 года. Ты, читатель, в общих чертах знаешь, что было в ту пору на советско-германском фронте. Враг наступал и наступал. Поэтому скромная победа у Одессы была радостной, как лучик солнца, вдруг засветивший сквозь тяжелые тучи невзгод.

Приморцы тогда уничтожили до 2 тысяч неприятельских солдат и офицеров, несколько сот захватили в плен, отбили 38 орудий, 30 минометов, больше 100 пулеметов, 6 танков, много автоматов, винтовок, снарядов и патронов...

Время, когда потери неприятеля будут исчисляться десятками и сотнями тысяч, а трофейные орудия и танки сотнями и тысячами, еще не наступило. Оно было впереди.

Будет день, когда по улицам Москвы пройдут бесконечные вереницы плененных фашистов. А пока по улицам Одессы провезли напоказ гражданам неприятельские дальнобойные орудия с надписями на стволах: «Больше стрелять по Одессе не будут».

И еще очень важное. Наступающая сторона, как правило, несет потери большие, чем обороняющаяся. Но в этом наступлении счет потерь был совершенно иным. 157-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Дмитрий Иванович Томилов, потеряла убитыми 19 человек... Значит, врага при хорошей организации дела можно бить и с малыми потерями.

Медаль «За оборону Одессы».

ОДЕССУ ПРИКАЗАНО ОСТАВИТЬ

Защитники Одессы — от солдата и матроса до генерала и адмирала — были воодушевлены одержанной победой. Пока враг пребывал в расстроенных чувствах, его можно было поколотить и еще.

Командование ООР решило теперь нанести контрудар в южном секторе, отбросить и там противника тоже километров на десять. 157-я дивизия как главная сила переходила на левый край дуги, к чапаевцам. Хотя неприятель по-прежнему превосходил нас численностью в несколько раз, сомнений в успехе нового наступления не было. К тому же в это время в Одессу прибыли 15 танков, артиллерийский полк и дивизион гвардейских минометов — «катюш», которых здесь, на юге, еще не видели ни противник, ни даже наши артиллерийские командиры. Контрудар был назначен на 2 октября.

Обезопасив город со всех направлений от артиллерийского обстрела, советские войска намеревались на занятых рубежах поглубже зарыться в землю, то есть получше укрепиться, и провести зиму в обороне. К такому же способу действий, как скоро выяснится, готовились и румыны — зимовать на подступах к городу, поскольку взять Одессу они уже не надеялись.

Если для объяснения этого положения прибегнуть к шахматным терминам, то в партии наших войск и войск врага вроде бы ничья, равновесие. Но ничьей нет. 18 неприятельских дивизий, как 18 пешек, стоят на месте: они не могут продвинуться вперед, не могут уйти и назад, чтобы подкрепить войска немцев на других направлениях, в частности на Крымском. А с какой фигурой сравнить защитников Одессы? Скорее всего с ко-

нем. Конь может бить в разные стороны — так и Одесса держит под боем коммуникации на Черном море, воспрещает врагу перевозить на судах боеприпасы, горючее, подкрепления; в Одессе прервалась для врага единственная прибрежная железная дорога; Одесса же грозит и ударом в тыл немецким армиям, дошедшим уже до Азовского моря. Конь ходит всего на четыре клеточки. А если бы Одесса получила в подкрепление много войск? Она стала бы ферзем — могла бы сделать ход не на четыре клеточки, а до самого края шахматной доски, то есть, разгромив румынские дивизии, ударить с тыла по немецким войскам, углубившимся на восток...

Вот таким, достаточно прочным и грозящим врагу, было осенью 1941 года положение Одесского оборонительного района. Нужно было только для упрочения этого положения провести еще один контрудар.

К контрудару все было готово, как вдруг в ночь на 1 октября на быстроходном катере из Севастополя в Одессу прибыл заместитель наркома Военно-Морского Флота вице-адмирал Гордей Иванович Левченко. Он привез приказ Ставки Верховного Главнокомандования об оставлении Одессы. Причем незамедлительном.

РАДИ ПОМОЩИ СЕВАСТОПОЛЮ

Что же случилось? Почему надо было оставлять Одессу?

Крымский полуостров своей географией очень хорош в военном отношении. Он глубоко вдается в середину Черного моря — в этом его наступательные достоинства. Он соединяется с материком узким, всего 12-километровым перешейком — в этом его достоинства оборонительные. Ни у кого не было сомнений, что перешеек, Перекоп, станет непреодолимой преградой для вражеских войск на их пути к Севастополю. Но случилось такое, что точнее всего можно назвать военным несчастьем — 11-я армия немцев за несколько дней ожесточенных боев прорвала оборону 51-й армии, недавно сформированной, следовательно, не имевшей боевого опыта, малочисленной и слабо вооруженной артиллерией.

Южнее Перекопа находится городок Ишунь. В этом районе местность тоже удобная для обороны. В момент прибытия адмирала Левченко в Одессу бои шли уже на ишуньских позициях. Но складывались они не в нашу пользу. Нужно было ждать скорой потери и этих рубежей — дорога на Севастополь открывалась врагу. В Севастополе готовы были к действиям лишь несколько тысяч морских пехотинцев. Других войск там не было. И не были окончены работы на оборонительных рубежах вокруг города.

У Ставки, у нашей страны, у нашего народа в те дни не было других войск, кроме Приморской армии, которые можно было быстро переправить на помощь Крыму и Севастополю. Но, может быть, стоило пожертвовать Севастополем ради сохранения Одесского плацдарма? Ведь он укреплен и его рубежи стали непреодолимыми для врага? Нет. Если бы пал Севастополь, то вскоре неизбежно пала бы и Одесса. Она могла жить и бороться, только получая боеприпасы и подкрепления. А их пришлось бы возить из кавказских портов — из одного конца моря в другой. И под непрерывными бомбежками, без авиационного прикрытия. С падением Крыма мы лишались и находившихся там аэродромов. Вражеские пикировщики потопили бы все наши транспорты и корабли лишь на рейсах в Одессу.

Тебе, дорогой друг, верно, не по себе от того, что случилось на Перекопе и что последовало за этим. Да, так было. Ты представь, как жалко было чапаевцам уходить с позиций, где каждый бугорок, каждый куст колючей травы знаком и окроплен кровью собственной и кровью товарищей. Однако приказ есть приказ. Его исполнение началось незамедлительно. И мы с тобой увидим, как это помогло общему делу борьбы с фашистами. К слову сказать, распоряжение Ставки о немедленном оставлении Одессы основывалось на предложении командования Черноморского флота.

ТАЙНА И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

...Вот и решено — Одессу оставить. Решено перебросить транспортами, кораблями солдат, морскую пехоту, мирных жителей — добрых сто тысяч человек — в Севастополь и Новороссийск. Вспомни эвакуацию войск из Таллина. Там при отходе морем было много жертв и много было потеряно кораблей. Неужели такое повторится на Черном море?..

Черноморцы провели эвакуацию войск из Одессы блестяще. На переходе в Севастополь немецкой авиации удалось потопить лишь один, концевой, транспорт; при этом погибло два матроса, транспорт шел порожняком, он запоздал с прибытием в Одессу, и на него уже некого было сажать. А на суше неприятель догадался о том, что город оставлен войсками, только спустя шесть часов после ухода судов с последними частями.

Давай разберемся, как удалось это и почему стало возможным писать в учебниках военно-морского искусства вот такие фразы: «Опыт второй мировой войны и локальных войн США после 1945 года богат многочисленными примерами использования флотов для эвакуации изолированных на суше и прижатых к морю сухопутных группировок войск. Но ни одна из таких операций по своим результатам и искусству не может идти в сравнение с эвакуацией войск из Одессы».

Сначала мы с тобой перечислим обстоятельства, которые отличали обстановку в Одессе от обстановки в Таллине перед оставлением баз.

Первое: на пути из Одессы в Севастополь не было такого огромного количества мин, как на пути из Таллина в Кронштадт. Второе: караван боевых кораблей и транспортов на всем переходе прикрывался истребителями: аэродромы, с которых они взлетали, еще находились в наших руках. Третье: эвакуация из Одессы не была скоропалительной; хотя началась она через десяток часов после получения приказа, но продолжалась две

недели, и командование имело время на подготовку эвакуационных мероприятий.

Как видишь, у Одессы были большие преимущества перед Таллином. Однако, если бы не военная мудрость руководителей ООР, эти преимущества легко было расплескать, как воду из полного ведра.

Самым трудным, самым опасным делом являлся отрыв наших войск от противника. Неприятеля с трудом сдерживали даже на оборудованных рубежах, а как сдержать его, когда войска выйдут из окопов и траншей, чтобы грузиться на суда?

Великое дело на войне — сохранение планов и намерений в тайне. Вот и приказ об эвакуации Приморской армии не передали шифром по радио — его лично привез вице-адмирал, заместитель наркома. Но тайна — это только одно крыло. Чтобы взлетела птица военной удачи, ей нужно второе крыло; второе крыло называется дезинформацией. Поверив дезинформации, враг готовится совсем не к тому, что будет на самом деле.

Ты помнишь, после успешного контрудара в восточном секторе было решено нанести 2 октября контрудар в секторе южном. Теперь он вроде был и ни к чему: зачем улучшать позиции, если их предстоит вообще оставить? И все же утром 2 октября Чапаевская дивизия после артиллерийской подготовки атаковала неприятеля. Одна. Без 157-й дивизии, части которой, погрузившись ночью на два транспорта, уже направлялись в Крым. Второй контрудар должен был уверить противника в том, что приморцы будут оборонять Одессу долгое и долгое время, по крайней мере всю зиму.

В начавшейся игре с противником нельзя было фальшивить. И все делалось по-настоящему: после контрудара румыны недосчитались четырех батальонов пехоты и 44 орудий, взятых нами исправными, а мы понесли настоящие потери, один наш полк потерял в атаке убитыми и ранеными почти треть своего состава. Война есть война. От оправданных жертв никуда на войне не деться.

...Один за другим бежали начальные дни октября. Транспорты увозили в Крым войска, орудия, военное имущество, а в Новороссийск — раненых, мирных граждан и заводское оборудование. Загрузившись ночью или под прикрытием дымовой завесы, транспорты шли из Одессы с пустыми палубами. Немецкие самолеты-разведчики видели эти чистые палубы. Видели они также, что на палубах транспортов, шедших в Одессу, громоздились ящики, мешки, железные печки — все, что нужно войскам на зиму. Неприятельские наблюдатели и на суше обнаруживали признаки подготовки к долгой обороне: грузовики, везущие дезинформационные печки к только что построенным землянкам, солдат, убиравших овощи на пригородных полях... А ушедшие ночью в Одессу и возвращавшиеся в светлое время на передовую подразделения воспринимались ими как свежие подкрепления. О «подкреплениях» свидетельствовали и новые позывные в нашем эфире. Создавая впечатление боевой активности, советские бойцы на разных участках обороны часто завязывали схватки с противником.

Игра шла успешно. Может быть, даже излишне успешно. Неприятель в результате получил свежие дивизии и 9 октября атаковал наши позиции по всему фронту. Ты можешь, дорогой друг, представить, как это было опасно! Из Одессы к этому времени убыли тысячи солдат и множество орудий. Однако приморцы отбили новые атаки. Отбили ослабленными силами, с большим уроном для противника. Нельзя было показать врагу, что наших стало меньше. На многих участках приморцы сами атаковали. Чапаевцам удалось окружить неприятельский полк. Он только убитыми потерял больше тысячи человек. И еще потерял свое знамя. Пожалуй, это было первое вражеское знамя, захваченное советскими солдатами в Великой Отечественной войне. Запомни знаменательную для нас дату — 9 октября 1941 года. И еще запомни 6 декабря 1941 года; в тот день в контрнаступлении под Москвой было захвачено первое знамя немецкого полка. Потом-то таких знамен захватим множество, столько, что хватит завалить ими брусчатку у Мавзолея на Красной площади. Но первые есть первые...

Между тем приближался день, когда должно было совершиться главное — отрыв четырех наших дивизий от противника. Так как же удалось до конца одурачить противника и незаметно для него посадить на транспорты в последний день обороны 35 тысяч человек?

ОТСТУПЛЕНИЕ НЕПОБЕЖДЕННЫХ

Первоначальный план предлагал отвести дивизии с их позиций на рубеж прикрытия, то есть на самый близкий к городу. Две дивизии из четырех через сутки, ночью, посадить на транспорты. Две оставшиеся будут в это время держать оборону — дуга рубежа прикрытия короткая, и войск для надежной обороны хватило бы. Через двое суток должны были уйти на суда и последние две дивизии. Думаю, тебе, читатель, виден изъян такого плана. Судьба двух последних дивизий не может не тревожить. Конечно, по неприятелю в момент отхода ударят корабли и береговые батареи, поставят огневой заслон на пути преследователей, но две отходящие дивизии и восемнадцать преследующих — такого соотношения никаким огнем не исправишь.

Командование ООР в течение нескольких дней искало лучшее решение. И нашло! Прочтем об этом в книге «Не померкнет никогда!» Николая Ивановича Крылова. Но прежде вот что: командующий Отдельной Приморской армией Георгий Павлович Сафронов в первых числах октября тяжело заболел, на этот пост был назначен Иван Ефимович Петров — ты знаешь, что он командовал Чапаевской дивизией.

Итак, слушаем человека, занимавшего пост начальника штаба Отдельной Приморской армии:

«...уже к 6—7 октября в оперативном отделе штаба армии созрела, как плод коллективной мысли и поисков, идея отвести дивизии с занимаемых позиций не на промежуточные рубежи, а прямо к пунктам посадки на суда — одним броском. И не двумя эшелонами, а все четыре дивизии в одну ночь.

Мы исходили из того, что вывод войск из боя, растянутый на четверо суток с занятием промежуточных рубежей, почти неизбежно раскроет противнику наше намерение оставить Одессу. И если еще удастся прикрыть отход и посадку на суда двух первых дивизий, то две вторые могут быть запросто смяты и разгромлены, не дойдя до причалов. Такой финал эвакуации представлялся довольно вероятным, если учесть, сколько дивизий мог бросить враг на преследование двух отходящих наших.

Конечно, и одновременный отход всех войск был сопряжен с риском. Но этот риск мог быть не столь уж большим, если обеспечить скрытность отхода основных сил с переднего края, хорошо организовать прикрытие арьергардами и вообще тщательно продумать все детали.

Поздно вечером 7 октября новый план обсуждался на совещании. Общее мнение свелось к тому, что план может быть осуществлен, если удастся перед оставлением Одессы продемонстрировать высокую активность на фронте, предварив и сам отход войск достаточно сильным ударом по противнику, имитирующим подготовку большого наступления».

Отход четырех дивизий в порт, посадку их на транспорты решили провести в ночь на 16 октября. Утром 15-го числа в Одессу пришли двенадцать больших судов и отряд кораблей эскадры: крейсеры «Красный Кавказ», «Червона Украина» и четыре эсминца. До начала операции оставалось менее полусуток, но, как прежде, соблюдались приемы дезинформации: у причалов, где были транспорты, поставили дымовые завесы, будто шла разгрузка, пустые грузовики, затянутые брезентом, уезжали в сторону передовой.

Конечно, фашистские летчики заметили скопление судов и кораблей. Бомбардировщики несколько раз за день налетали на порт. Но там было много зенитных орудий, и налеты не причинили вреда.

Прибытие большого числа различных судов неприятель истолковал как намерение советских войск перейти в наступление. Наши артиллеристы поддерживали эту уверенность: в 10 утра корабельные, береговые и полевые орудия открыли ураганный огонь по всему переднему краю неприятеля, затем ударили по его тылам и снова по передовым позициям. Днем 20 наших бомбардировщиков обработали передний край бомбами. Другая группа бомбардировщиков нанесла удар по аэродромам врага. Делалось все, что делается перед мощным наступлением.

А в это время — все еще с соблюдением тайны — красили белилами фанерные щиты и припасали мешки толченого мела: щиты, как только наступит темная осенняя ночь, поставят вдоль маршрутов отходящих войск, мелом посыплют полосы на дорогах, ведущих в порт. И еще — в военной типографии печатали листовки, их расклеят на улицах тоже ночью. Для горожан. «Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу Одессу. Мы скоро вернемся, товарищи!..»

В 9 часов вечера тридцать с лишним тысяч бойцов снялись с позиций и двинулись к городу, к порту. В окопах остались арьергардные батальоны. Потом и они — перед рассветом — ушли. Их место заняли партизаны — ружейным, пулеметным огнем, пуском ракет они создавали видимость того, что вся армия в окопах и блиндажах. Били береговые орудия — те, что скоро будут взорваны. Били бронепоезда, они тоже скоро будут взорваны. Орудия крейсеров, направленные на края дуги, на фланги оставленных рубежей, молчали, но были готовы мгновенно открыть огонь, если бы враг вдруг понял, что происходит, и попытался бы прорваться с кратчайших направлений к порту.

Но враг ни о чем не догадывался.

Один за другим, закончив прием бойцов, транспорты в сопровождении тральщиков, сторожевиков и катеров выходили в море. Арьергардные подразделения погрузились на боевые корабли. В 5 часов утра из Одессы ушли последние суда.

На целых 30 миль вытянулась колонна транспортов и кораблей. Немецкая авиация обнаружила огромный конвой лишь во второй половине дня (тогда же обескураженное командование румынской армии призналось в своем ротозействе). Начались налеты пикировщиков. Как уже говорилось, потопили они только пустой транспорт. Неудача неприятеля объясняется в основном тем, что конвой прикрывали с воздуха наши истребители, взлетавшие с крымских аэродромов. Они провели над транспортами 23 воздушных боя, сбили при этом 17 машин врага. Три «юнкерса» сбили зенитчики кораблей. У нас тоже были потери в самолетах, погибли 6 истребителей.

Так закончился отход Приморской армии из Одессы. В ночь на 17 октября последние подразделения сошли с судов на причалы Севастополя.

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА НАШЕЙ СЛАВЫ

Во вселенной есть двойные звезды. Сияние одной сливается с сиянием другой, и никто не может не дивиться этому. С двойной звездой можно сравнить военную славу Севастополя. Дважды, с промежутком менее ста лет, вокруг этого города шли бои; в них армия и флот совершили столько подвигов, что другим народам с избытком хватило бы на всю их военную историю.

Как и в Крымскую войну, в дни и месяцы обороны советского Севастополя газеты мира пестрели названиями: река Альма, Сапун-гора, Малахов курган, Камышовая бухта... Эти святые названия обязывали советских командиров и бойцов не посрамить доблести старых черноморских адмиралов и матросов. Они не посрамили. Многократно превзошли ее. Потом, когда враг будет выбит из Севастополя, тысячи матросов получат в награду медали Нахимова, первым кавалером ордена Нахимова станет один из героев Севастополя, генерал-лейтенант береговой службы Петр Алексеевич Моргунов.

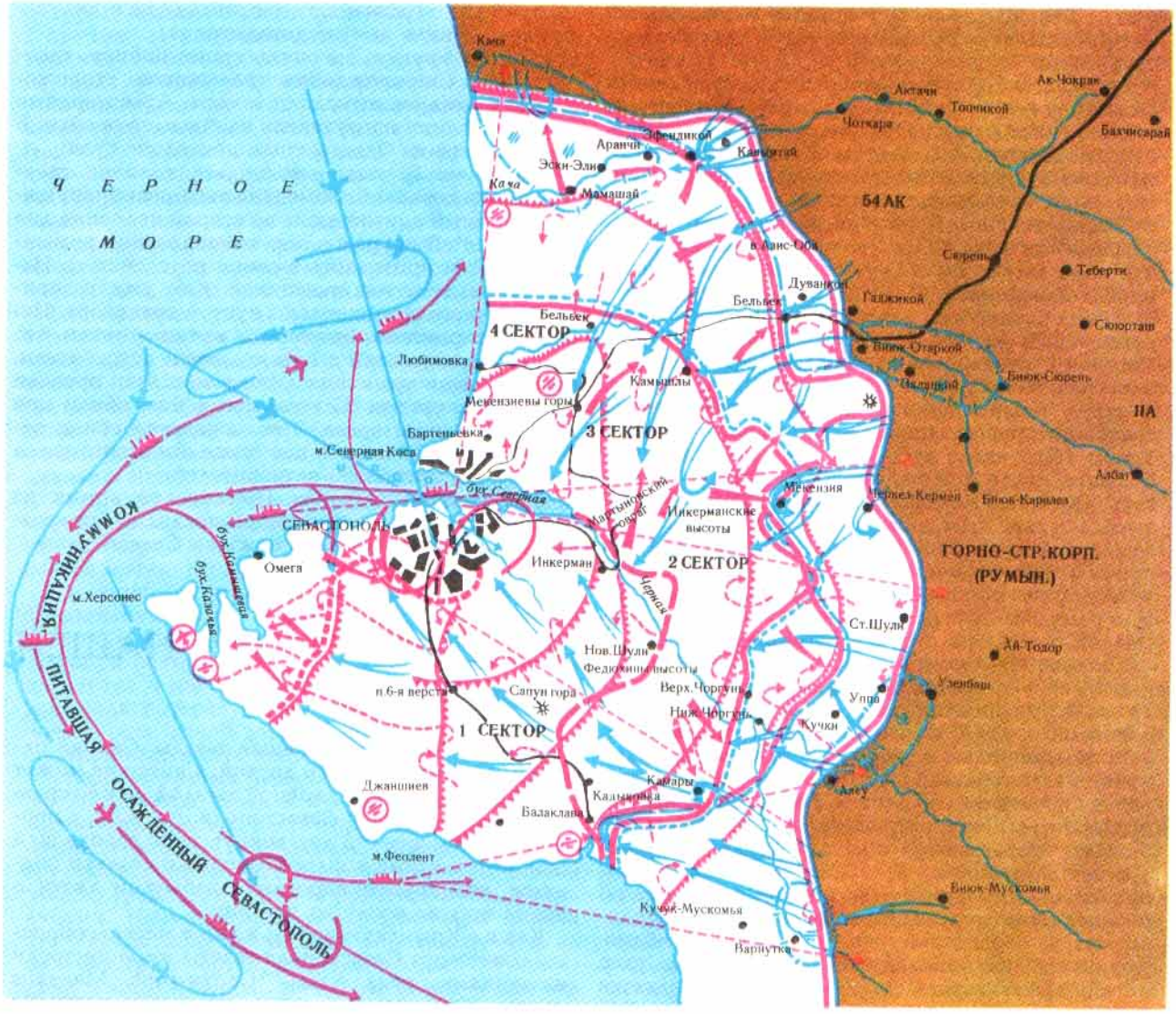
А погибшие герои удостаивались чести быть погребенными на Малаховом кургане у памятника адмиралу Корнилову.

Шестнадцать километров отделяли фашистов от города. На преодоление этого расстояния они потратили 250 дней — при огромном превосходстве в

самолетах и танках, при двойном превосходстве в людях, сосредоточив на каждом километре фронта столько орудий, сколько не сосредоточивали ни в одной другой операции за всю войну.

Как немцы подошли к Севастополю? Мы с тобой знаем, что Отдельная Приморская армия в полном составе прибыла в Севастополь. Ее дивизии и полки сразу же поспешили на север Кры-

Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.



Линия фронта к началу первого наступления немецких войск (10—21.11. 1941 г.).

Линия фронта к началу второго наступления немецких войск (17.12.1941 г.— 1.01. 1942 г.).

Линия фронта к началу третьего наступления немецких войск (2.06.—3.07. 1942 г.).

Линия фронта советских войск на 28.06.1942 г.

Линия фронта советских войск на 1.07.1942 г.

Направления ударов немецких войск.

Отход и контратаки советских войск.

Основные позиции советской артиллерии.

Группировки немецкой артиллерии накануне третьего штурма.

Действия Черноморского флота.

Огневая поддержка Приморской армии кораблями Черноморского флота.

Действия немецкой авиации.

Базирование и действия советской авиации.

Минные заграждения противника у входа в Северную бухту.

Рубежи обороны советских войск.

ма — в район Ишуни и Воронцовки. Там наша 51-я армия едва сдерживала натиск 11-й армии фашистов. Хотя приморцы быстро прибыли в угрожаемый район, они не смогли исправить положение. Оказавшись на неподготовленных позициях среди голой степи, войска понесли большие потери от авиации и танков противника. Обе наши армии стали отходить.

Посмотри карту Крыма. Изучи ее. Иначе трудно будет представить, как развивались события. Обрати внимание на рельеф полуострова. Северная и средняя части Крыма равнинные. На юге горы. Между горами и морем тянется ровная прибрежная полоса. Местами она до десяти километров шириной, местами горы подходят к морю вплотную. Проследи, как идут в Крыму дороги. Обрати внимание на основную магистраль Джанкой — Симферополь — Севастополь, на дороги Евпатория — Севастополь и Ялта — Севастополь.

Рассмотри Керченский полуостров. От Перекопа через Джанкой до Керчи проложены железная дорога и шоссе. Вдоль этой магистрали и отходила на Керчь 51-я армия.

А куда отходить приморцам? И вообще, что делать им? Фашисты вдруг ослабили атаки с фронта, будто не желали сражаться с Приморской армией. Это могло означать, что немцы основные силы бросили на преследование 51-й армии, чтобы, как говорят, на плечах отступающих войти в Керчь, затем переправиться на Таманский полуостров, а там уж совсем близко Новороссийск и кавказские порты. Странное поведение немцев могло означать и другое: Манштейн, атакуя небольшими силами, хочет удержать на месте Приморскую армию, а сам тем временем основными силами обходит армию с фланга. Зачем? Затем, чтобы, оставив приморцев у себя в тылу, на равнине Крыма, стремительно броситься через горы на Севастополь. Там сейчас нет наших сухопутных войск, там только малочисленные отряды моряков — главную базу Черноморского флота можно взять за несколько дней.

Догадка об истинных намерениях фашистского генерала скоро подтвердилась — немецкие танки ушли далеко на юг и перерезали основную дорогу на Севастополь. Танки фашистов встали между Симферополем и Бахчисараем, у моста через реку Альму — пропускать на юг своих и не пропускать приморцев. Немцы заняли и все проходы в горах.

Иван Ефимович Петров (он вступил в командование Отдельной Приморской армией) мог повести свои войска тоже на Керчь. Для армии этот путь был безопаснее. Путь же на Севастополь грозил новыми потерями: в горах войска подвергнутся бомбежкам и очень сложно будет двигаться по бездорожью с тяжелыми орудиями. Но если не пойти к Севастополю, кто же защитит его? Он приказал армии идти к Севастополю. Ставка одобрила такое решение.

Не надо думать, что 51-я армия не имела резона идти на Керчь. Этот район тоже был очень важным. Как мы уже говорили, от Керчи открывался путь на Новороссийск, а затем на Туапсе, Поти, Батуми — к последним портам нашего флота на Черном море. Кому-то и этот район надо было прикрывать. К сожалению, 51-я армия не смогла удержаться на Керченском полуострове. По приказу Верховного Главнокомандования она оставила Керченский полуостров. В ночь на 16 ноября Азовская флотилия, которой командовал контр-адмирал С. Г. Горшков, в штормовую погоду, под непрерывными бомбежками и обстрелом с берега переправила войска на Таманский полуостров.

ГЕРОИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ОБОРОНЫ

Все начало ноября приморцы с непрестанными боями пробивались через горы к Алуште и Ялте, чтобы прибрежной полосой выйти к Севастополю.

Опередив наши сухопутные войска, к Севастополю спешили и немцы. Они двигались к городу по трем шоссе: от Евпатории, от Ялты и от Симферополя. Приморцы выйдут на рубежи обороны лишь 7—9 ноября. Остановить противника предстояло одним морякам.

Севернее Севастополя, около деревни Николаевки, стояла береговая батарея № 54. Ею командовал старший лейтенант Иван Заика. Вечером 30 октября разведчики обнаружили на шоссе колонну танков и мотопехоты фашистов. С той вечерней минуты начался отсчет месяцев героической обороны. Четыре 102-миллиметровых орудия ударили по танкам и грузовикам с пехотой. Внезапный губительный огонь заставил немцев остановиться и рассредоточиться. Тогда батарея накрыла своими снарядами колонну мотопехоты, которая двигалась восточнее, направляясь к Альме.

На подавление батареи немцы послали авиацию. После бомбежки в атаку пошли танки и пехотный полк. Гарнизон Ивана Заики — несколько сот бойцов — выдержал бомбежку, отбил атаку. Наступившая ночь прервала бой.

Ранним утром 31 октября в район Николаевки пришел эсминец «Бодрый». Огнем своих орудий он помогал артиллеристам-береговикам. «Юнкерсы» на время оставили батарею и принялись бомбить корабль. Уклоняясь от бомб, эсминец ушел в базу. Батарейцы продолжали отбивать атаки противника. Скоро батарея была окружена. Вышли из строя три орудия. Артиллеристы отгоняли врагов от батареи винтовочным и пулеметным огнем. Потом пошли в ход гранаты, начались рукопашные схватки. «Противник находится на позиции батареи. Связь кончаю...» — таким было 2 ноября последнее донесение комбата.

К Николаевке были посланы тральщик и два катера. Они приняли на борт 28 артиллеристов. Остальные полегли у своих орудий.

Трое суток преграждала путь на Севастополь батарея. От ее огня и огня эсминца немцы потеряли на Евпаторийском шоссе 16 танков и восемь сотен солдат.

Основные силы немцев наступали по Симферопольскому шоссе. Противник занял Бахчисарай и устремился к Дуванкою (теперь Верхне-Садовое, найди его на карте). От Дуванкоя по долине реки Бельбек немцы намеревались прорваться к Северной бухте, то есть выйти на окраину Севастополя. Но и здесь так же самоотверженно, как моряки-артиллеристы, стояли на пути врага морские пе-

хотинцы. Уже 31 октября около Дуванкоя начались яростные бои. Моряки связками гранат, бутылками с горючей жидкостью подрывали и поджигали танки, пулеметным огнем истребляли пехоту. Опустошения в рядах атакующего противника производили залпы береговых батарей. А фашисты лезли и лезли, не считаясь с потерями. Гитлер приказал взять Севастополь 1 ноября.

Был день у Дуванкоя, когда на позиции морской пехоты шло около сотни танков. Только истинные храбрецы могли сдерживать такой натиск. И не просто храбрецы.

Совершенно удивительный по силе мужества бой провели против 23 танков четверо моряков во главе со своим политруком.

Батальон военно-морского училища сдерживал противника на Симферопольском шоссе. Батальон был только по названию. Бойцов в нем оставалось меньше роты, а командиров — старший политрук Е. О. Мельник и политрук Н. Д. Фильченков. Немцы захватили в стороне от шоссе важную высоту, с нее контролировалось движение в сторону Севастополя. В сумерках 5 ноября Фильченков повел группу бойцов в атаку и выбил немцев с высоты. Днем 6 ноября немцы попытались вернуться. Они пошли на высоту под прикрытием отары овец — гнали их впереди себя. Курсанты открыли огонь, испуганные овцы разбежались, бежали и немцы.

Моряки понимали, что теперь противник будет атаковать наверняка, вызовет или бомбардировщики, или танки.

От бомбежки можно укрыться в окопах. С танками сложнее: орудий нет, есть только гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью. Мельник и Фильченков предположили, что к высоте танки пойдут по дороге, которая отходила от шоссе. У развилки был полуразрушенный блиндаж. Решили встретить танки в этом месте.

С коммунистом Николаем Фильченковым вызвались пойти комсомольцы Василий Цибулько, Юрий Паршин, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Взяли пулемет, гранаты, бутылки.

Ночью тревожным сном по очереди спали в блиндаже.

Они, конечно, не представляли, как сложится бой и чем он закончится. Знали, что будет очень трудно, смертельно опасно, придется умереть, но у каждого, несомненно, теплилась надежда остаться живым. Ничего предосудительного в этой надежде не было. В конце концов, война-то шла за то, чтобы люди жили...

Они умерли не в море, а на земле. Но за морскую святыню — Севастополь. Храбрейший матрос Кошка поклонился бы им за такую доблестную смерть, и все три черноморских адмирала — Истомин, Корнилов, Нахимов — поклонились бы.

Танки, семь штук, а под их прикрытием автоматчики появились из-за поворота дороги на рассвете 7 ноября. Немцы решили пораньше взять высоту, чтобы днем двигаться дальше. Моряки, находившиеся на высоте со старшим политруком Мельником, открыли огонь по автоматчикам, задержали их. Танки одни подошли к месту, где залегли пятеро истребителей.

Василий Цибулько ударил из пулемета по смотровой щели первого танка. Машина была очень близко, стрелял он метко. Видимо, был сразу же убит водитель — танк остановился. Его тут же забросали гранатами и бутылками. Второй танк подбил гранатами Иван Красносельский. Загорелся третий танк. И четвертый загорелся. Остальные три не выдержали риска, ушли за поворот дороги. Следом бежали автоматчики.

Вот как счастливо начался этот неравный бой! Высота осталась нашей. У моряков ни царапины. И догорают четыре фашистских танка.

Ничто не сближает людей так быстро, так крепко, как удача, достигнутая в труднейшем бою. Останься пятеро живы после поединка с танками и после всей войны, они были бы друг другу роднее, чем братья, дети одного были бы родными для детей других и внуки тоже...

Когда прошло возбуждение боя, когда они осознали, какую победу одержали, почувствовали себя на вершине счастья. Шутка сказать — впятером поработали за целую противотанковую батарею.

Стояла тишина. Курсанты и командир пообедали, как обедают, закончив тяжелую, но добрую работу.

Только для них работа на четырех сгоревших танках не кончилась. Из-за поворота показались 15 танков.

Моряки, как и утром, подпустили вражеские машины совсем близко. Цибулько опять ударил из пулемета по смотровой щели водителя. И опять убил (или ранил) фашиста — танк остановился. А дальше все пошло по-иному. В руку нашему пулеметчику попала пуля. Кончились патроны. Тогда он со связкой гранат пополз навстречу второму танку. В тот миг, когда гранаты разорвали гусеницу, вторая пуля попала в храбреца — не убила, тяжело ранила. Третий танк подбил Иван Красносельский и тут же был убит наповал.

У моряков кончились бутылки с горючей жидкостью. Осталось по связке гранат. Они могли подорвать еще три танка. Но в том случае, если каждый бросит свою связку точно под гусеницу. И вот, чтобы исключить промах, Николай Фильченков привязал свои гранаты к ремню, ринулся к танку и лег под гусеницу живой миной.

Политрук, когда привязывал гранаты к ремню, ничего не сказал Паршину и Одинцову. Ничего не крикнул им, когда бежал из укрытия к танку. Нет такого приказа в армии и на флоте: «Соверши подвиг!» А позвать на подвиг командир может — личным примером. Помнишь, дорогой читатель, слова Драгомирова: «На смерть идут у того, кто сам смерти не сторонится». Паршин и Одинцов привязали свои гранаты к своим ремням. И еще два танка подорвались на пути к высоте. А высота, как помнишь, контролировала шоссе, ведущее в Севастополь.

Фашисты, сидевшие в танках, верно, думали, что в обвалившемся блиндаже скрываются десятки морских пехотинцев и что будут они выбегать оттуда, обвязанные гранатами, до тех пор, пока не взорвут последнюю машину. Танки повернули и ушли. Как ушли недобитые танки накануне. И так же за танками побежали автоматчики, не выдержав огня моряков, занимавших высоту.

Когда к месту боя спустились с высоты товарищи, Василий Цибулько был еще жив. Он умер у них на руках.

ПЕРВЫЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

В этот же день начали выходить из гор и занимать оборону вокруг Севастополя части Приморской армии. Приморцев осталось 8 тысяч. Но это были опытные бойцы, к тому же армия сохранила почти всю свою артиллерию, и, хотя напряжение боев не ослабевало, у защитников города появилась уверенность, что враг будет остановлен. Из Новороссийска в Крым спешили корабли и транспорты с войсками, оружием, боеприпасами. 10 ноября город уже защищали 52 тысячи бойцов.

Фашисты тоже получили подкрепления. У них прибавился целый армейский корпус. 11 ноября Манштейн двинул свои войска на штурм Севастополя. Многочисленную и хорошо вооруженную армию Манштейна немецкое командование рассчитывало в скором времени бросить на Ростов, на Кавказ, и честолюбивый генерал старался поскорее взять Севастополь. К тому же Гитлер подарил ему дворец в Алупке — отблагодарить щедрого фюрера можно было только быстрой победой в Крыму.

Мы с тобой знаем, что главной силой в обороне Ленинграда и Одессы была артиллерия — корабельная, береговая, полевая. Главным оружием севастопольцев тоже были пушки: самолетов у них было мало, танков — считанные единицы. Это знал противник. И в самом начале штурма немцы направили эскадрильи бомбардировщиков на подавление артиллерийских кораблей, береговых и полевых батарей.

Особо яростной бомбежке подвергся стоявший в бухте у стенки крейсер «Червона Украина». Снаряды его тяжелых орудий доставали противника по всему оборонительному обводу и причинили немцам большие потери. Корабль получил прямые попадания, 12 ноября он затонул. Хотя крейсер был старой постройки (в Севастополе остались только старые корабли, новые ушли в порты Кавказа), потеря была очень ощутимой. Но на ней, по сути, и кончились успехи врага. Береговые батареи им не удалось разрушить, не удалось побить орудия сухопутных войск. А незначительное продвижение к городу фашисты оплатили гибелью тысяч солдат.

Главный удар противник наносил от Ялты на Балаклаву. Вспомогательный — на Черкез-Кермен и Мекензию. Почему выбраны эти направления? И почему Балаклавское главное, а не наоборот? Ведь от Мекензии до Севастополя ближе всего. Местность у Севастополя холмистая, гористая, изрезанная глубокими оврагами, поросшая лесами. Танки и орудия для передвижения нуждаются в хороших дорогах или, по крайней мере, в ровной местности. Удобнее, чем Ялтинское шоссе, пути нет. Вдоль него и наносится главный удар. У селений Черкез-Кермен (теперь Крепкое) и Мекензии только грунтовые дороги, но наступать все же можно — на юго-западе расположена долина Кара-Кобя, по ней танки могут дойти до реки Черной, а речная долина выводит к Северной бухте, к окраинам Севастополя. Найди селения на схеме обороны города. Найди долины. Отыщи Дуванкой, где сражался курсантский батальон. К схеме мы с тобой будем обращаться не однажды.

Когда ты найдешь Дуванкой, у тебя, видимо, возникнет вопрос: «Почему немцы не наносят удар вдоль Симферопольского шоссе?» По нему ведь тоже удобно катиться танкам и мотопехоте... Дело в том, что Манштейн боится там наступать. Он уже пытался прорваться по этому шоссе в Севастополь, но не смог. Гитлеровский генерал предполагал, что теперь там наше сопротивление будет еще тверже, что там прибавились наши войска. Конечно, войска наши прибавились. Но их не так много, как думал Манштейн. А ввела его в заблуждение 8-я отдельная бригада морской пехоты, занимавшая оборону в районе горы Азис-Оба.

Несколько рот моряков еще 7 ноября провели разведку боем и выбили фашистов с важных высот, при этом противник потерял 250 человек убитыми, были захвачены пленные, десяток минометов, два десятка пулеметов и три орудия. Эту разведку немецкое командование приняло за наше контрнаступление. Чтобы отразить его, оно перебросило к горе Азис-Оба целую дивизию. Манштейн после войны в книге «Утраченные победы» писал по этому случаю: «Противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса». Найди на схеме 54 АК и 30 АК — армейские, то есть пехотные, корпуса немцев. Понял, что получилось? Главный удар наносит 30-й корпус, а из двух его дивизий одну перед самым наступлением фашисты перебросили к горе Азис-Оба. Они сами ослабили свои силы на направлении главного удара.

Первый штурм города длился с 11 до 21 ноября. В том, что он не удался противнику, главной причиной была, конечно, не ошибка Манштейна, а железная стойкость советских войск у Балаклавы и у Мекензии. Одиннадцать дней штурма дали Севастополю новых героев во всех родах войск.

В те дни летчик-истребитель Яков Иванов сбил пять самолетов, два из них тараном. Таранили противника летчики Е. Рыжов, Н. Савва, А. Карасев.

Вдохновенно сражались артиллеристы. Башни и орудия береговых батарей были пестрыми от осколочных ударов, местность вокруг была изрыта и сожжена бомбами. Полевым батареям часто приходилось бить прямой наводкой по атакующему врагу; наводчики, заряжающие и комбаты, защищая свои орудия, сходились врукопашную с немецкими автоматчиками. Но и в таких условиях артиллерия исполняла главное дело — уничтожала скопления танков и пехоты противника, не давала врагам наступать. Так 17 ноября у селения Камары (на Ялтинском шоссе, на направлении главного удара) огнем тяжелой артиллерии приморцев и огнем береговых батарей была в самом начале пресечена танковая атака. Около 40 немецких танков устремились на прорыв наших позиций, чтобы затем ринуться к Севастополю. Было краткое, но страшное столкновение металла брони с металлом и огнем снарядов. Из побоища ушли назад лишь несколько машин.

В ноябре фашисты от огня артиллерии потеряли свыше 70 танков и бронемашин. К этим семи десяткам прибавляли танки пехотинцы. Один уничтожила боец Чапаевской дивизии Нина Онилова. Перед войной Нина работала на Одесской трикотажной фабрике. Когда город был окружен, она вместе с подругами-комсомолками пошла на фронт санинструктором. Ее определили к чапаевцам в Разинский полк. Санинструктор из нее получился хороший. Бесстрашно выносила раненых с поля боя, терпеливо ухаживала за ними. Но оказалось, что она еще и лучшая пулеметчица. В одном бою пулеметчик никак не мог исправить пулемет. На счастье, недалеко была Нина. Пулемет она исправила, сама же отогнала меткими очередями немцев. Так она стала командиром пулеметного расчета, в ее подчинении были два пожилых солдата, которые звали своего командира дочкой.

Под Одессой был у нее бой, напоминавший эпизод из фильма «Чапаев». В фильме Анка-пулеметчица подпускает атакующих белогвардейцев совсем близко и в буквальном смысле слова косит цепи врага. Нина Онилова так же хладнокровно подпустила фашистов к линии окопов; когда казалось, что фашисты через минуту ворвутся на наши позиции, когда незнакомый командир хотел уже оттолкнуть пулеметчицу и сам лечь за пулемет, Нина точными очередями расстреляла врагов. После того боя у Нины Ониловой появилось второе имя — Анка-пулеметчица. На ее счету были сотни истребленных фашистов. Таким числом, делающим честь любому пулеметчику-мужчине, она оправдывала свое второе имя.

Под Одессой Нину Онилову ранило. В тыловом госпитале рана зажила. Великая настойчивость да еще орден Красного Знамени помогли девушке снова попасть на фронт, в родной Разинский полк.

А полк, как и вся дивизия, был в это время на обороне Севастополя, занимал позиции у Мекензии и Черкез-Кермена — на направлении вспомогательного удара фашистов.

21 ноября немцы предприняли здесь очередную, как оказалось, последнюю попытку прорвать нашу оборону. Утром они атаковали Разинский полк пехотой и танками. И Нина стала участницей отражения первого штурма.

Верная своей манере боя, которая происходила из слияния бесстрашия, точного глазомера и полного владения оружием, она подпустила фашистских автоматчиков на свою выверенную короткую дистанцию. Когда те, уже не ведая опасности, занятые только мыслью поскорее спрыгнуть в наши окопы, неслись по каменистой земле, пулеметчица скосила их около сорока. А потом вблизи ехал танк. Нина попала в него бутылкой с зажигательной смесью. И танк сгорел. Удивительная девушка! Те, кто знал ее, говорят, что она была небольшого роста, круглолицая, ладони у нее были маленькие... В то утро Нину контузило — очень близко разорвалась вражеская граната.

...Погибла Нина Андреевна Онилова в феврале 1942 года. После второго штурма Севастополя. В самое тихое для города время. Тогда были лишь местные бои. Ее пулеметный расчет прикрывал разинцев, выходивших из немецкого тыла. Осколок попал Нине в грудь. Ранение оказалось тяжелое. Умирала пулеметчица в госпитале. К ней пришел проститься командующий Отдельной Приморской армией, бывший командир Чапаевской дивизии, генерал Петров. Иван Ефимович прощался с Ниной за всех приморцев, за весь Севастополь — не было в окруженном Севастополе человека, который не знал бы, не любил бы, не ставил себе примером маленькую комсомолку из Одессы.

«Спасибо тебе, дочка, от всей армии, от всего нашего народа...»

Вот и командарм звал Нину дочкой. А молодые мужчины звали ее сестренкой.

Такая уж тяжелая была война, что отцы не могли обойтись без помощи дочерей, а братья — без помощи сестер.

ВТОРОЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Конец ноября и начало декабря 1941 года были для Севастополя сравнительно тихие. Можно было приготовиться к зиме. Крымская зима мягкая, но все же зима. Бойцы получали шапки, ватники, теплое белье. Доделывали, достраивали землянки и блиндажи, прилаживали в них печки, чтобы можно было укрываться в подземельях не только от пуль и осколков, но и от холодов.

Конечно, тишина была обманчивая. Это знали все. А лучше других — разведчики. К немцам подошла новая пехотная дивизия, отборная, в ней не было солдат, только ефрейторы. Прибавились танки. Мощные тягачи подтащили два дивизиона 360-миллиметровых орудий. Потом были замечены орудия калибром 615 миллиметров: немецкая авиация не смогла разрушить наши береговые батареи, теперь противник решил уничтожить их снарядами сверхтяжелой артиллерии.

Приморцы тоже получали подкрепления. Из кавказских портов шли корабли и транспорты. Они приходили в бухты Севастополя ночью, ночью же с них сходили войска, сгружались боеприпасы, горючее, продовольствие, грузились раненые, дети, женщины, старики, и еще до рассвета Севастополь прощался с отважными моряками. Темное время помогало конвоям избегать встреч с торпедными катерами и подводными лодками противника, с бомбардировщиками и самолетами-торпедоносцами.

С затонувшего крейсера «Червона Украина» и двух поврежденных эсминцев сняли орудия — 130-миллиметрового и 100-миллиметрового калибра. Установили их на суше. Так прибавилось у нас еще 8 береговых батарей.

16 декабря все еще стояла тишина.

Спокойная стояла ночь, наступившая за тем вечером. А утро началось в грохоте взрывов. Противник обрушил на передний край Разинского полка град снарядов. Разведчики доложили: немцы взрывают свои минные заграждения — не снимают мины, а взрывают, чтобы в кратчайший срок была готова дорога к броску на наши траншеи. В коротких паузах между взрывами слышались моторы танков.

Мы с тобой говорили о 8-й бригаде морской пе-

хоты. Ее позиции у горы Азис-Оба тоже подверглись жесточайшему артобстрелу, бомбежке и непрерывным атакам пехоты и танков. Посмотри схему. Найди гору Азис-Оба, найди селение Камышлы. В этом районе немцы наносят, как теперь уже ясно, главный удар. Его направление — вдоль долины реки Бельбек с выходом к Северной бухте. Ширина фронта, на котором этот удар наносится, 10 километров.

Яростному натиску подверглись позиции 7-й бригады морской пехоты. Они в районе селения Нижний Чоргунь. Здесь наносится вспомогательный удар — по долине реки Черная на Инкерман, и тоже с выходом к Северной бухте.

Если Манштейну удастся его замысел, то немцы выйдут к Севастополю и одновременно возьмут в кольцо, отрежут от города центральную, самую сильную группировку наших войск. Взять город немцы намереваются в четыре дня.

...Началась новая череда подвигов на земле Севастополя. Военные подвиги не бывают без крови, без смерти. Тысячи отважных бойцов и командиров погибли, отражая тот штурм. Еще больше погибло фашистов. В частях противника к концу штурма полностью сменился личный состав, то есть те, кто начинал штурм, были убиты или ранены. Целью подвигов советских воинов и было задержать врага, истребить его.

За четыре дня, отведенные немецким командованием для завершения операции в Крыму, враг оттеснил наши войска на севере к станции Мекензиевы Горы, на юго-востоке — к Верхнему Чоргуню. Севастополь не был взят. Но посмотри, как близко враг подошел к городу. Как опасно это! Еще немного, и враг прорвется к Северной бухте.

В этот критический момент из Новороссийска и с Кавказа пошла на кораблях в Севастополь помощь — две морские бригады и стрелковая дивизия. В море корабли были атакованы бомбардировщиками. Тяжелая артиллерия противника обстреляла отряд при входе в Северную бухту. Несмотря на это, крейсеры «Красный Кавказ», «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник» без потерь прорвались в гавань, начали высаживать 79-ю особую морскую стрелковую бригаду.

Были часы, когда казалось, что бригада не успеет высадиться на берег, что немцы вот-вот пробьются к причалам. Снова выручила артиллерия. По наступающему со стороны Мекензиевых Гор противнику открыли огонь орудия кораблей: морская пехота сходила на причалы, а комендоры в это время вели огонь. И очень помог артиллерийский полк Богданова. Случилось так, что именно на него вышли атакующие подразделения немцев. Наша пехота откатилась к самым орудиям, и полк лишился пехотного прикрытия. В богдановском полку были 107-миллиметровые пушки, такие махины быстро не перевезешь на другое место, да и не думали артиллеристы об отступлении, отступать, по сути, было некуда. С дистанции 300 метров богдановцы открыли огонь прямой наводкой. Группы артиллеристов с автоматами и гранатами, увлекая за собой пехотинцев, контратаковали немцев. И немцы покатились назад. Морская бригада высадилась без помех, тут же двинулась на позиции.

22 декабря морские пехотинцы отбросили противника к реке Бельбек. А когда высадились и вступили в бой новые войска, немцы отступили за речную долину.

После недолгого затишья в районе Мекензиевых Гор снова начались ожесточенные бои. Манштейн поставил своим войскам очередной, последний срок взятия Севастополя — к Новому году.

Несомненно, к самым памятным событиям последних дней уходившего 41-го года принадлежат события, связанные с севастопольской артиллерией. Они очень разные — от прихода в Южную бухту линкора «Парижская коммуна» (впоследствии переименован в «Севастополь»), сокрушающие залпы которого истребили много танков и пехоты противника и заставили затаиться немецкие батареи, до отчаянной вылазки комбатов, мстивших фашистам за своего разведчика.

Немцы захватили дзот между наблюдательным и командным пунктами артдивизиона, приданного Разинскому полку. Связь нарушилась, не было возможности сообщать на батареи координаты вражеских пушек, причинявших потери пехоте. Разведчик Иван Кучерявый взялся доставить батарейцам записку с НП. Немцы, засевшие в дзоте, засыпали храбреца пулями. А он полз и бежал невредимый, и, когда оставалось только перевалиться через бруствер окопа, Кучерявый был убит. Записку, зажатую в кулаке, прочли. По немецкой батарее открыли огонь, подавили ее. Смерть артиллерийского разведчика Вани Кучерявого была отмщена. Но очень уж любили его артиллеристы. И командиры трех батарей вместе с разведчиками решили уничтожить непосредственных убийц. Ночью они подползли к дзоту. Дзот был крепкий. Вход немцы предусмотрительно завалили камнями. Сквозь амбразуры они били по смельчакам из пулемета и автоматов. Удалось в амбразуру забросить бутылку с зажигательной смесью. В ночной темноте амбразуры засветились, как окошки. В дело пошли противотанковые гранаты. Фашистов в дзоте было восемь, все восемь остались лежать под развалинами. Комбаты не имели права так рисковать собой. В каком положении оказались бы три батареи, если бы в ночной вылазке их командиры погибли? Но никто не осудил комбатов — они сделали святое дело.

Доблесть артиллеристов принято ценить по тому, как они стреляют, сколько и чего побили. Береговая батарея № 30, стоявшая у Любимовки (найди ее на схеме), и отдельная зенитная батарея № 365, стоявшая на высоте 60 у Мекензиевых Гор, стреляли прекрасно. Но они прославились еще и мужеством, бесстрашием при защите своих орудий от пехоты и танков врага.

Сначала о 30-й. Это была очень мощная и хорошо укрепленная батарея — чуть ли не форт. Бронированные башни, бетонированные подземелья для личного состава, для запасов снарядов, продовольствия, воды. Четыре 305-миллиметровых орудия, не уступающие орудиям линейного корабля. Чтобы представить силу снарядов этой батареи, послушаем полковника Д. И. Пискунова, участника обороны Севастополя, видевшего, как бьет 30-я. «Танки — мы насчитали их двенадцать штук — повернули в нашу сторону и, выстроившись в линию, метров с трехсот открыли огонь по

командному пункту. Положение создавалось довольно затруднительное. Но тут земля под нами вздрогнула и раздался близкий взрыв огромной силы. Выглянув из траншеи, я увидел, что там, где только что стоял и стрелял немецкий танк, уже ничего не было и лишь падали сверху комья земли и какие-то обломки. Оказалось, что по танкам ударила прямой наводкой береговая батарея Александера».

Артиллеристы капитана Г. Александера вступили в бой в те же дни, что и береговая батарея И. Заики. Та батарея, как помнишь, 2 ноября была захвачена немцами, вернее, не батарея, а побитые орудия и взорванные помещения. И вот два месяца спустя подобная угроза нависла над 30-й. Наши войска в последних числах декабря снова отошли от реки Бельбек. Мекензиевы Горы опять оказались у немцев, и теперь врагу до Любимовки, где стоит 30-я, как говорится, рукой подать. А руки на 30-ю чешутся, уж очень она грозна и неистребима: ни бомбы ее не взяли, ни снаряды сверхтяжелых пушек.

Еще в начале штурма Александеру пришлось отдать роту своих бойцов в помощь пехотинцам, к тому же были убитые и раненые на самой батарее. Командир поэтому не исключал того, что немцы смогут батарею захватить. Своими силами от них не отбиться — силы малы, а подмоги ждать не приходится — на всех участках обороны нехватка бойцов, и с каждым часом их остается меньше. На батарее состоялось открытое партийное собрание. Коммунисты и беспартийные единогласно приняли решение: защищать батарею до последней возможности, оставшимся в живых уйти в подземелье и взорваться вместе с батареей.

Именно так 30-я и погибла, но в третий штурм. В этот же раз она выстояла. Обстоятельства опять сводят нас с тобой, читатель, с морскими пехотинцами 8-й бригады. Эта бригада в девятидневных боях понесла очень большие потери. Моряков осталось около двух батальонов, и они были выведены из боя на отдых — в казармы береговой обороны у Северной бухты. Люди не успели ни поспать как следует, ни обсушиться — морозы в Крыму сменились дождями,— как получили приказ защищать 30-ю. Два батальона моряков заняли позиции недалеко от батареи и начали окапываться.

Бой начался утром 29 декабря. Первую атаку пехоты и танков удалось отбить. Вскоре противник получил подкрепление и атаковал во второй раз. Моряки сражались отчаянно, но не устояли, отошли. Противник ворвался в казарменный городок — был почти у батареи. Орудия самой 30-й в бою не участвовали, они не могли стрелять по таким близким целям. В этой критической обстановке была предпринята самая крайняя мера, опасная не только для противника, но и для батареи. 30-я вызвала огонь на себя.

Можно представить, с каким волнением и тщательностью артиллеристы других береговых батарей наводили свои орудия на 30-ю. Положить снаряды с ювелирной точностью, не попасть в орудия, а попасть во врага, который у этих орудий,— вот какая была у них задача!

Артиллеристы Александера заперлись в подземных казематах. Морская пехота ушла в недалекий овраг. И четверть часа вокруг батареи рвались наши снаряды. А потом прилетели наши бомбардировщики и добили бомбами остававшихся фашистов. Вечером морские пехотинцы и пришедший им на помощь стрелковый батальон очистили от врага окружающую местность. 30-я была спасена. Она продолжала свою страшную для врагов работу.

Зенитные орудия 365-й батареи по размеру не шли в сравнение с орудиями 30-й — карлики рядом с великанами. Но мал золотник, да дорог. Дорогую цену, а вернее бесценность, этой батареи определяли два момента: мужество, мастерство ее артиллеристов и местоположение самой батареи: она стояла на холме у железнодорожной станции Мекензиевы Горы, на самом удобном пути к Северной бухте. Несколько раз противник занимал станцию. И каждый раз натыкался на губительный огонь 365-й. Конец декабря был сумрачный, с низкими тяжелыми облаками, авиация не могла действовать в полную силу, и зенитчики занимались наземными целями. В один из боев они, окруженные с трех сторон, когда немцы приблизились к орудиям на несколько сот метров, подбили 7 танков и уничтожили до 200 солдат противника.

Однако суть 365-й была не только в таких внушительных цифрах. Стойкость батареи придавала устойчивость подразделениям приморцев, располагавшимся по обе стороны от нее. Так образовался непроходимый для врага заслон.

Командующий фашистскими войсками генерал Манштейн в те дни считал, что дело уже сделано, что до взятия города остаются считанные часы и новогодний парад его войск на улицах Севастополя безусловно состоится. Чтобы ускорить победу, надо сковырнуть с высоты 60 вредную и упрямую зенитную батарею. Нечасто командующие армиями, у которых в подчинении десятки и сотни тысяч людей, занимают себя вопросом, как уничтожить всего лишь батарею. Манштейну пришлось заниматься. Вечером 28 декабря наши радисты перехватили приказ фашистского генерала: «Ударом с воздуха и земли уничтожить батарею противника на отметке 60».

Приказ передан вечером. Значит, немцы атакуют батарею утром 29 декабря. Помнишь, в это же время, в этот же день они пытались взять и 30-ю?

Основной военный закон гласит: береги пуще глаза то, что очень хочет уничтожить противник. Начальник артиллерии Приморской армии полковник Н. К. Рыжи сам предупредил командира 365-й старшего лейтенанта Николая Воробьева о готовящемся нападении. А начальник артиллерии в четвертом секторе полковник Д. И. Пискунов получил разрешение использовать для защиты 365-й несколько артиллерийских полков, в том числе знаменитый полк Богданова. Разрешалось также, если возникнет необходимость, вызвать огонь всех севастопольских пушек, которые могут достать своими снарядами подступы к высоте 60.

Вплоть до Нового года враги пытались уничтожить великолепную 365-ю батарею. И никак не могли. Хотя даже в психическую атаку ходили. Один раз несколько десятков автоматчиков, уцелевших под артогнем, прорвались через проволочное заграждение батареи и заняли дальномерный и пулеметный котлованы — совсем недалеко от

пушек. Выбить их атакой было невозможно, они постреляли бы всех атакующих. Комбат Воробьев был не только храбр, но и находчив. Накануне он застрелил немецкого корректировщика, пытавшегося проползти к батарее, и забрал у него ракетницу и ракеты. Стреляя ракетами в сторону котлована, он вызвал огонь немецких пушек. Два снаряда попали точно в котлован, и все фашисты были перебиты. Из другого котлована автоматчики, опасаясь своих снарядов, бежали и были убиты нашими стрелками.

Не надо думать, что действия врага в последних числах декабря сосредоточились лишь на атаках против двух батарей. Нет. Атаки на батареи были частицами наступления по всему фронту обороны. Наступление было мощное, злобно-ожесточенное. Враг чувствовал, что силы его иссякают. Он чувствовал, что и наши силы на исходе.

31 декабря Манштейн подготовил завершающий удар. У нашего командования в Севастополе настроение было тревожное. Обсуждался даже вариант отвода войск от Мекензиевых Гор — пока войска не уничтожены — на южный берег Северной бухты. Но оставалась надежда на артиллерию. И артиллерия помогла выстоять под страшным ударом. Образно говоря, в последний день 41-го года удар фашистов пришелся в стены огня и металла. Сквозь стены огня и металла пришлось идти их танкам и пехотинцам. И они гибли. Орудийный рев стоял над окрестностями Севастополя. Били залпами полевые орудия, зенитные, береговые батареи, корабли. Били в соответствии со строгим, мудрым графиком. Руководители севастопольской артиллерии, командование Севастопольского оборонительного района предугадали, в какие минуты и куда надо обрушить залпы: вначале по рубежам, с которых готовится атака, потом по выдвинутым вперед вражеским батареям, по пехоте — малыми калибрами, чтобы отсечь ее от танков, по танкам из крупных орудий, по тылам, где у немцев стоят резервы...

Первую атаку наши войска сдержали. Немцы приготовились ко второй — самой решительной. Чтобы затруднить работу артиллерии и достичь внезапности, они поставили дымовую завесу, вышли в атаку из дыма. Артиллерийские командиры, разведчики, связисты действовали так четко, что дым врагу не помог. Ровно через час фашисты выдохлись, остановились. Наши бойцы и морские пехотинцы нашли в себе силы, чтобы воспользоваться этим моментом. Враг еще не успел окопаться и укрепиться на новых участках, как был контратакован. Немцы бежали со станции Мекензиевы Горы, из Камышлы, из Бельбека и других селений.

Второй штурм Севастополя кончился. Защитники города встретили Новый год, воодушевленные победой.

Иное настроение было у противника. В дни его ожесточенных атак произошло событие, которое потрясло Манштейна и самого Гитлера. Советские войска высадили десанты в Керчи и Феодосии. 42-й армейский корпус, входивший в 11-ю армию немцев и оборонявший Керченский полуостров, отступил. Манштейн боялся, что наши войска на этом полуострове разгромят немцев и ударят в тыл его дивизиям, окружившим Севастополь. Генерал, досадуя и негодуя, отправил подкрепления на Керченский полуостров, чтобы остановить там наших десантников. Это удалось немцам. Но войск для нового штурма Севастополя у них уже не было. На Севастопольских рубежах установилось затишье.

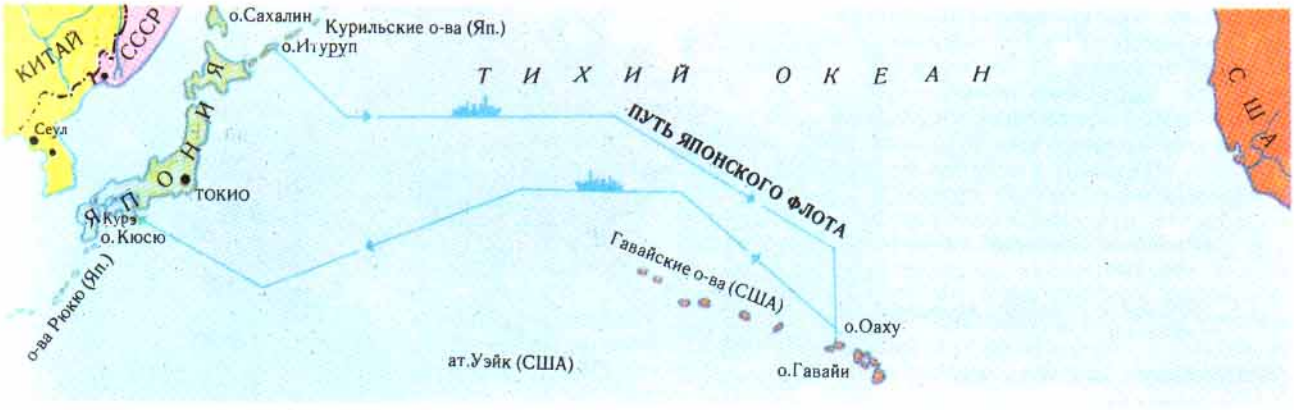
42-м корпусом командовал граф Шпонек. За отступление Гитлер отдал его под суд. Суд приговорил графа к расстрелу.

РАЗГРОМ АМЕРИКАНСКОГО ФЛОТА

Бои у Севастополя на время затихли. Мы с тобой, дорогой друг, воспользуемся затишьем, посмотрим, что делается в мире. Не всё посмотрим, только самое важное. И не все самое важное, а частицу его.

Но прежде вспомним, что происходило в декабрьские дни 1941 года на советско-германском фронте. У Черного и Балтийского морей продвижение фашистов остановлено. Остановлен враг в

Движение японского флота к острову Оаху и возвращение в Японию.



середине стратегического фронта — у Москвы. 5 декабря советские войска перешли в контрнаступление и погнали фашистов от столицы.

Известие о нашей победе в Московской битве, о том, что гитлеровцы побежали — впервые за два года войны в Европе,— облетело весь мир. В сердцах миллионов людей затеплилась надежда на избавление от страшной беды, в которую попало человечество.

Два дня спустя мир был взбудоражен новым сообщением: Япония напала на Соединенные Штаты Америки. Чувства, вызванные этим сообщением, были разнообразны. Тревога, удовлетворение, недоумение — все смешалось. Тревога потому, что новые массы людей и новые страны испытают на себе ужасы войны. Удовлетворение потому, что гигант капиталистического мира — США, огражденный от европейских и азиатских бурь океанами, теперь не сможет лишь созерцать человеческую трагедию, богатеть на ней, а сам вынужден вступить в войну — на стороне тех, кто уже борется с фашизмом. А недоумение? Оно потому, что в это время японские дипломаты вели переговоры с дипломатами США. Казалось, они как-то урегулируют отношения и уж если вспыхнет война между Японией и США, то позже, а не в тот день, когда представители обеих держав сидят за «круглым столом».

Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт работал долгими ночами, вставал поздно. Во внеурочное время его мог будить только секретарь, если происходило нечто чрезвычайное. 7 декабря секретарь разбудил президента в неположенный час и подал ему депешу. «Что, Япония напала на Россию?» — спросил Рузвельт. «Нет,— ответил секретарь.— Япония напала на нас». В депеше сообщалось о разгроме американского флота в базе Перл-Харбор на Гавайских островах.

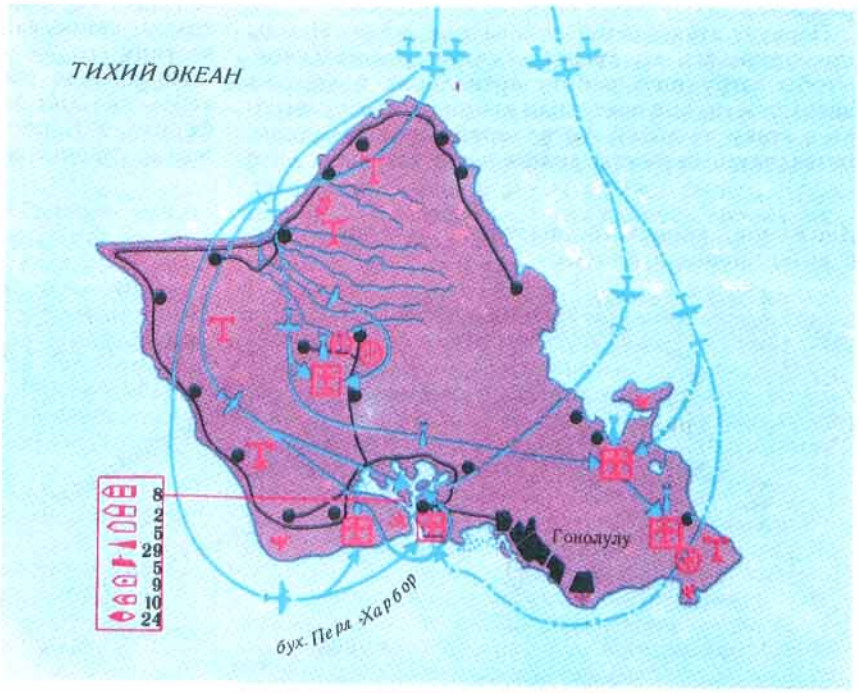
Что же произошло на Гавайях?

Гавайские (или Сандвичевы) острова находятся в центральной части Тихого океана — на полпути из Америки в Азию. Архипелаг этот протянулся с северо-запада на юго-восток на две с половиной тысячи километров. Острова представляют собой вершины подводного горного хребта, поднимающегося с огромных глубин. Вокруг много коралловых рифов, есть и целые коралловые острова. На юго-восточной окраине архипелага находится остров Оаху. На острове расположен главный город островного района Гонолулу и военно-морская база Перл-Харбор. Военное значение Перл-Харбора очень велико. База держит под контролем весь тихоокеанский бассейн. Поскольку Япония намеревалась подчинить себе страны Южных морей и колонии англичан и американцев на западных берегах Тихого океана, то первый внезапный удар — до объявления войны — и был нацелен на Перл-Харбор, на флот и авиацию, сосредоточенные в нем. Расчет был на то, что, лишившись многих кораблей, американцам нечем будет противодействовать дальнейшим действиям японского флота и он займется высадкой и поддержкой своих сухопутных войск в странах Тихого океана.

Подготовку к нападению на Перл-Харбор главнокомандующий японского флота адмирал Исороку Ямамото начал задолго до этого дня. На своем острове Сиоху, который похож на Оаху не только названием, но и очертаниями, японцы построили копии перл-харборских сооружений, расставили мишени кораблей, самолетов и начали с великой тщательностью отрабатывать будущий удар.

Американцы считали, что из-за малой глубины гавани противник не сможет сбрасывать с самоле-

Схема налета японской авиации на Перл-Харбор 7.12.1941 г



Японские самолеты первого эшелона.

Японские самолеты второго эшелона.

Американские военно-морские силы.

тов торпеды — они ударятся о грунт. Японцы понимали это, но от торпед не отказались, придумав стабилизаторы, не позволявшие торпедам уходить глубоко в воду. Американцы считали, что в гавань — опять же из-за мелководья — не смогут войти подводные лодки неприятеля. Японцы решили использовать там «карликовые» лодки, экипаж которых — два человека и вооружение — две торпеды. Авиационные бомбы, как выяснили японцы на учениях, не пробивают палубную броню американских линкоров, тогда они оснастили стабилизаторами бронебойные снаряды большого калибра, приспособили их для сбрасывания с самолетов. Само собой разумеется, вся эта работа велась в строжайшей тайне. Только внезапный удар мог обеспечить победу.

Японский флот ранним утром 26 ноября двинулся от острова Итуруп (Курильская гряда). Он шел почти прямо на восток, чтобы потом, выйдя на меридиан острова Оаху, спуститься на юг. Такой маршрут — 6300 километров — должен был избавить японцев от встречи с чужими судами. Посмотрим, как это выглядит на схеме.

Впереди, на расстоянии 200 миль от главных сил, шли три подводные лодки-разведчицы. Затем по три в двух параллельных колоннах двигались авианосцы. Справа и слева от авианосцев шло по линкору и тяжелому крейсеру, в охранении еще были крейсер и девять эсминцев. Замыкали эскадру танкеры с горючим. Несколькими днями раньше к Гавайским островам ушли двадцать семь океанских подводных лодок с пятью «карликовыми» лодками на борту.

Без радиопереговоров, опасаясь уронить в море даже обертку от сигарет и тем выдать себя, японские моряки во главе с вице-адмиралом Чуичи Нагумо приближались к заветной цели.

7 декабря 1941 года было воскресенье. И этот факт учли японцы. Они не ошиблись. Предстоящее увольнение на берег усугубило беспечное поведение американцев. Около 8 часов утра на кораблях выстроились шеренги матросов и офицеров, заиграли оркестры, американский флот готовился к подъему флага. Почти за час до этого радиолокаторы, стоявшие на севере острова, обнаружили в воздухе множество самолетов. Американцы в этот день ждали группу своих бомбардировщиков из США и не придали значения предупреждению радиолокационных постов.

Нагумо вывел корабли своего соединения на расстояние в 250 миль от Перл-Харбора. Летчики сели за праздничный завтрак — теперь успех или неуспех нападения зависел от них. Техники поднимали самолеты на палубы авианосцев. Все делалось без срывов, без сбоев, как на многочисленных репетициях этой работы. За подчеркнутым спокойствием чувствовалось огромное напряжение: японцам и верилось и не верилось, что американцы еще не обнаружили скопления огромных кораблей; казалось, что вот-вот покажутся в воздухе американские самолеты, а у горизонта — линкоры и крейсеры. Но все было тихо и в небе, и на воде.

Через четверть часа первый эшелон японской авиации был в воздухе; построившись в боевой порядок, на Оаху пошло 40 торпедоносцев, 51 пикирующий бомбардировщик, 49 высотных бомбардировщиков. Их прикрывали 43 истребителя.

Передовые самолеты нанесли удар по аэродромам и базе гидросамолетов на острове Форд — он посредине гавани. Затем начались атаки на корабли. У японских летчиков глаза разбежались от обилия целей: под ними 8 линкоров, 2 тяжелых и 6 легких крейсеров, 29 эсминцев, 5 подводных лодок, минные заградители, тральщики, другие корабли и суда. Всего 94... И никакого противодействия со стороны американцев. Те были в оцепенении, словно отказывались верить в происходящее. Пулеметные очереди ударили по строю моряков на линкоре «Невада», а корабельный оркестр продолжал играть гимн...

Первым погиб линкор «Аризона». На нем был открыт люк артиллерийского погреба, куда и угодила японская бомба. Грохот страшного взрыва разнесся над гаванью, и гигантский корабль, разломанный и изуродованный, тут же скрылся под водой. В линкор «Вест Виргиния» попало несколько торпед. Он загорелся и тоже затонул. Загремели взрывы на линейных кораблях «Оклахома», «Калифорния» и на трех других. Почти час первый эшелон японских самолетов избивал американский флот. Только девять самолетов потеряли при этом японцы.

Неописуемое смятение охватило американцев. Оно увеличилось с обнаружением атаки подводных лодок. Хотя две «карликовые» лодки были потоплены при попытке войти в гавань, третья прокралась в самую гущу американских кораблей. На помощь гибнущим морякам пошло ремонтное судно «Энтарес», в кильватер ему и зашла подводная лодка, «Энтарес» как бы провел ее за собой. Кого торпедировала эта лодка, неизвестно — множество торпед сбросили самолеты, а лодку на обратном пути потопил эсминец.

За налетом первого эшелона последовал налет второго. Это были 78 пикирующих бомбардировщиков, 54 высотных бомбардировщика и 35 истребителей. Американцы стали вести зенитный огонь организованней, прикрыли корабли и объекты на берегу дымовыми завесами. Но поправить ничего уже было нельзя. По словам главнокомандующего военно-морских сил США адмирала Кинга, «то, что творилось в гавани, было ужасно».

Японские самолеты были над Перл-Харбором в общей сложности 1 час 40 минут. Они понесли очень малые потери. На авианосцы не вернулось лишь 29 самолетов. Кроме «карликовых» лодок, у японцев погибла и одна большая лодка.

В полдень японские корабли двинулись в обратный путь.

У Нагумо были все основания для гордости и радости. На дне гавани лежали 4 линкора, крейсер, эсминец, учебный корабль. 4 линкора и 5 крейсеров получили серьезные повреждения. На аэродромах было разбито и сожжено три сотни самолетов. Две с половиной тысячи американцев погибли, больше тысячи получили ранения.

Американцам, можно сказать, еще повезло. В этот день не было в Перл-Харборе их авианосцев, они находились в море. Не догадался Нагумо разбомбить склады топлива, одного мазута в базе было запасено 400 тысяч тонн. От Перл-Харбора до Сан-Франциско 3873 километра, доставка топлива на такое расстояние, да еще под угрозой нападения подводных лодок, была бы делом очень трудным.

Но все равно потери американского тихоокеанского флота были очень тяжелые.

Воодушевленные таким началом, японцы незамедлительно приступили к захвату Филиппинских островов, Таиланда, островов Борнео, Целебес, Ява, Новая Гвинея, Соломоновых островов. На следующий день после разгрома Перл-Харбора — 8 декабря — другое соединение японских кораблей высадило десант на Малаккском полуострове с целью захвата английской военно-морской базы Сингапур. Английский адмирал Филиппс решил уничтожить японских десантников. Он вышел в район высадки с эскадрой, в которой были линкор «Принс ов Уэлс», крейсер «Рипалс» и 4 эсминца. Но англичане не имели истребителей для прикрытия эскадры. Новейший линкор и крупнейший крейсер попали под удар японских бомбардировщиков и самолетов-торпедоносцев. Оба корабля утонули. Через два месяца Сингапур пал, больше 70 тысяч его защитников попали в плен к японцам.

Вот так началась у США и Англии война с Японией.

ОБ ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА

Серьезной была война на морях, но во сто крат серьезнее была война на европейском сухопутном театре. Судьбы человечества решались на советско-германском фронте. Правительства Англии и Соединенных Штатов Америки, народы этих стран прекрасно знали — одолей Гитлер нас, тут же наступит очередь англичан, а затем и американцев. Поэтому США и Англия согласились с нашим предложением открыть второй фронт в Европе.

Мы с тобой условились в перерыве севастопольских боев поговорить о важнейших событиях, которые происходят в мире. Первое такое событие — начало войны Японии и США, второе, последовавшее за первым,— решение об открытии второго фронта в 1942 году. Основная масса немецких войск — 80 процентов — связана боями на территории Советского Союза. И только 20 процентов находится на Западе. Эти войска, по сути, рассеяны по многим оккупированным странам. Самый подходящий момент высадить английские и американские войска где-нибудь во Франции и начать сжимать фашистов с двух сторон.

Американцы высказывались за открытие второго фронта определеннее и решительнее, чем англичане. Убеждая Черчилля в необходимости быстрых действий, Рузвельт писал ему: «Ваш и мой народы требуют создания фронта, чтобы ослабить давление на русских, и наши народы достаточно осведомлены, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше вражеского снаряжения, чем мы с Вами, вместе взятые». Казалось, Англия должна быть больше заинтересована во втором фронте, чем американцы, ведь с его помощью будет окончательно ликвидирована угроза вторжения немцев на Британские острова. А Черчилля приходится уговаривать... Почему Черчилль не спешит с открытием второго фронта?

Черчилль не спешит, потому что он хочет видеть итогом войны разгром фашизма, но одновременно разорение и ослабление Советского Союза, разорение и ослабление до такой степени, что Англии будет легко диктовать нам и всей Европе свою волю.

А Рузвельт? Разве он по-другому относится к Советской стране? Жалеет советский народ? Бескорыстно хочет помочь ему? Нет. Американцы, наблюдая отступление советских войск, зная о тяжести боев, боятся, что немцы вот-вот добьются победы над нами; если это случится, момент для высадки их войск, для открытия второго фронта будет упущен. Генерал Кларк впоследствии так и напишет: «Точка зрения американцев в пользу открытия второго фронта осенью 1942 года основывалась главным образом на том, что русские могут в любой момент потерпеть крах под возобновившимся яростным наступлением немцев, и тогда мы навсегда утратим благоприятный момент для вторжения».

Американцы, как видишь, сомневались в нашей способности устоять перед фашистским натиском. Черчилль же правильнее оценивал силу и возможности Советского Союза. И он сделал все для того, чтобы страшная, тяжелейшая война затянулась на четыре года — пусть гибнут люди в окопах, пусть гибнут в концлагерях, пусть голодают, страдают, но капиталисты Англии вместе с капиталистами Америки дождутся, когда СССР и Германия истощат себя до предела и тем будет обеспечено господство англосаксов в мире. Второй фронт был открыт лишь летом 1944 года. В то время Советская Армия загнала гитлеровские армии на край пропасти. Нужно было еще одно усилие, чтобы сбросить их в пропасть. Нельзя говорить, что поздний второй фронт нам не помог. Помог. Но мы добили бы фашистов и без второго фронта.

«Война есть продолжение политики» — эта истина подтверждалась всем ходом второй мировой войны. Будучи нашими союзниками, Англия и США, как это ни дико, вовсе не желали нам добра — они проводили ту же политику, что и перед войной. В тяжелейшие не только для советского, но и для множества народов времена они уже начали готовить против нас «большую дубинку».

НАИВНОСТЬ ВЕЛИКОГО ФИЗИКА

Следующий после Рузвельта президент США, Гарри Трумэн, называл «большой дубинкой» атомную бомбу.

Начало работ по созданию атомной бомбы — это еще одно важнейшее событие, которое нам с тобой необходимо отметить в период затишья боев у Севастополя.

Я написал, что атомную бомбу США делали против нас. Так ли это? Ведь одновременно с американцами созданием сверхоружия занялись немецкие ученые, торопясь преподнести его Гитле-

ру. Если бы немцы сделали атомную бомбу, а американцы не сделали, то чем ответили бы немецким фашистам другие народы? Выходит, американская атомная бомба была нужна человечеству как защита от фашизма.

Именно для защиты человечества от фашизма группа выдающихся физиков и взялась за создание А-бомбы, как они сами называли ее. Им пришлось доказывать Рузвельту, что оружие немыслимой разрушительной силы можно сделать, что надо торопиться, так как немецкие ученые уже принялись за дело. Исследовательские работы, производство урана-235 требовали огромных затрат. Рузвельт колебался. Тогда ему напомнили ошибку Наполеона, который, нуждаясь в судах для вторжения в Англию, отверг предложение Фултона строить пароходы.

Рассказ о том, как начались и шли сверхсекретные работы, задержал бы нас с возвращением к Севастополю. Поэтому мы коснемся только политической сути А-бомбы.

Ученых, чем успешнее продвигалась работа, все больше охватывала тревога: не станет ли то, что они делают во имя мира и человечества, злом мира и человечества? Обладатель атомной бомбы может превратиться в диктатора всех народов. Он в дни мира будет решать международные проблемы не переговорами, а угрозами. Другие же страны постараются обзавестись собственными бомбами. Начнется гонка атомного оружия, человечеству придется жить в постоянной опасности атомной войны. Что же делать? Прекратить работы? Нельзя. Еще идет война с фашистами, и никто не знает, как продвинулись немецкие атомщики... Надо, пока бомбы еще нет, установить общенациональный контроль над ее производством. Вот так рассуждали ученые, видевшие лучше других, какую катастрофу может вызвать их детище.

Но ведь нельзя установить международный контроль, если А-бомба делается в строжайшем секрете. Вот даже вице-президент США Трумэн ничего еще не знает о ней. Одно случайное слово, вылетев за стены секретной лаборатории, может многое подсказать ученым фашистов. Однако и тут есть выход — о сверхразрушительном оружии нужно проинформировать СССР, союзника США и Англии, который, по сути, один на один сражается с общим врагом и дает возможность американцам делать эту самую бомбу. Именно СССР. Чтобы послевоенный мир между Востоком и Западом был крепким и искренним. К тому же СССР — страна, которая имеет и ученых и ресурсы для создания собственной А-бомбы.

Ученые, делавшие в США атомную бомбу, в большинстве не были американцами. Это были европейцы, бежавшие за океан или от преследования фашистов, или из-за нежелания служить им. Одни уехали заблаговременно, другим пришлось претерпеть немало опасностей в длинном пути. Великий физик, знаток ядерных превращений Нильс Бор, которого в его родной оккупированной Дании вот-вот могли схватить фашисты, на рыбачьей лодке был переправлен в нейтральную Швецию. А из Швеции в Англию — на высотном бомбардировщике «москито». В маленьком самолете помещались только два пилота и бомба. Бору пришлось занять место бомбы. У него был парашют — на случай, если немецкие зенитки или истребители собьют самолет. Был кислородный прибор, так как самолет летел на высоте десяти километров. Беда чуть не случилась по пустяковой причине: шлем с наушниками налез лишь на макушку большой головы ученого, и Бор не услышал команду включить кислородный прибор. Перед посадкой на английском аэродроме Бор пришел в сознание, и у летчиков гора с плеч свалилась — они не знали, конечно, что датчанина с нетерпением ждут в секретной лаборатории на другом берегу океана, знали лишь, что человек, доверенный их летному мастерству и мужеству, бесценен.

Нильс Бор, самый авторитетный из всех ученых-физиков, взял на себя тяжелейший труд убедить Рузвельта и Черчилля в необходимости открыть атомный секрет Сталину.

Рузвельт согласился с доводами и прогнозами Бора, но сказал, что без одобрения Черчилля сделать это не имеет права. Дважды Бор летал через океан к Черчиллю; первый раз английский премьер говорил с ним полчаса, во второй — просто не принял ученого. Бор знал, что Черчилль должен встретиться с Рузвельтом в США. Накануне встречи он послал Рузвельту письмо, в котором предлагал разные варианты информирования советских ученых об атомных работах, брался сам отправиться в Советский Союз для переговоров с нашим физиком Петром Капицей.

Рузвельт и Черчилль встретились. Обсудили предложение Бора. Итоги обсуждения видны из двух документов. В памятной записке говорилось:

«Предложение проинформировать мир относительно проекта Тьюб Эллойз с целью заключить соглашение об интернациональном контроле... не принято. Весь вопрос следует и впредь рассматривать как предельно секретный... Следует провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, гарантирующие уверенность, что он не несет ответственности за утечку информации — в особенности к русским».

Записка Черчилля своему помощнику еще определеннее:

«Президент и я весьма озабочены поведением профессора Бора. Как случилось, что он привлечен к делу? Он ярый сторонник гласности... Мне кажется, Бора следовало бы заключить в тюрьму или, в любом случае, предупредить, что он находится на грани преступления, караемого смертной казнью».

Интересное совпадение. Рузвельт за открытие второго фронта. Рузвельт за посвящение Советского Союза в атомный секрет. Но все решает Черчилль. Мнение Англии, младшего партнера, довлеет над мнением США. Почему так? По очень простой причине: Соединенные Штаты Америки, Рузвельт думают одинаково с Англией, Черчиллем и лишь говорят дипломатичнее.

Первый раз мы назвали Англию младшим партнером Америки. Да, второстепенное положение Англии стало очевидным в начале войны, особенно явственным при изготовлении «большой дубинки». Хотя и английские ученые работали над А-бомбой, она была американской собственностью. Главенство в капиталистическом мире перешло к США. Черчилль тоже держал своими руками «большую дубинку», но за самый кончик.

Теперь вот, когда вторая мировая война ушла в историю, мы можем оценить мудрость Нильса Бора. В наше время уже несколько стран имеют ядерное оружие и многие могут его производить. Ядерных боеприпасов накоплено столько, что можно несколько раз уничтожить все живое на Земле, а непрестанная, неустанная борьба нашей Коммунистической партии и нашего правительства за запрещение этого оружия пока еще не кончилась победой. Отмечая мудрость Бора, мы должны отметить его политическую наивность: насколько он был проницателен в познании физических законов, настолько был беспомощен в оценке законов капиталистического общества.

Вернись, дорогой читатель, во времена сражений английского флота с флотом голландцев, во времена адмиралов Рупперта и Рейтера. Проследи многовековое стремление Англии к мировому господству. Владычицей морей она была. Теперь, обладая атомной бомбой, Англия (пусть вместе с США, ничего не поделаешь!) могла стать владычицей суши. Политики Англии и США (и ученые тоже) считали, что Советский Союз свою атомную бомбу сделает не раньше 1965 года. Двадцать лет было у капиталистов США и Англии, как казалось им, для наведения своего порядка на земном шаре. Не удалось уничтожить Советское государство при его рождении, не удается уничтожить с помощью Гитлера — не беда, будет атомная бомба! А Нильс Бор хотел помешать этому. Конечно же, в глазах Черчилля желания Бора были преступлением, «караемым смертной казнью».

Советский Союз не дал капиталистам двадцати лет. В 1949 году атомная бомба была сделана и у нас.

ТРЕТИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Была весна 1942 года. Фашисты готовились к новому мощному наступлению на советско-германском фронте. Враг надеялся — пусть с опозданием на год — выиграть войну.

Защитники Севастополя с зимы совершенствовали свою оборону. Они построили новые доты и дзоты, углубили траншеи, так что можно было ходить в них в полный рост, зарыли в землю линии связи, чтобы не повреждало во время обстрела, в местах вероятных атак поставили мины и фугасы. Каждый старался оборудовать свою позицию понадежнее, придумывались всякие хитрости и приспособления во вред врагу. Так появились камнеметы — в яму клали взрывчатку, на нее бревна, на бревна камни, яма маскировалась; в нужный момент по проводам посылался ток, камнемет с грохотом разбрасывал бревна и камни, ошеломляя атакующих немцев.

Отдельная Приморская армия теперь насчитывала 107 тысяч бойцов. Правда, по-прежнему было мало танков — 38 и самолетов — 53, но артиллерии стояло достаточно, и севастопольцы были уверены, что не отдадут врагу город.

Была даже надежда на недалекое освобождение Севастополя от блокады и на изгнание фашистов из Крыма — за Перекоп. Наши войска, как ты помнишь, еще в декабре 1941 года высадились на Керченском полуострове. Теперь они, многочисленные и хорошо вооруженные — три армии,— вели наступление.

Мы с тобой можем нарисовать себе картину, как отходящие с Керченского полуострова немцы попадают под удар севастопольцев с тыла и если не оказываются в кольце, то поспешно оставляют Крым. Однако ничего похожего не получилось. Там, на Керченском, произошли, пожалуй, самые горькие за всю войну события. Немного коснемся их. Они имели непосредственную связь с дальнейшей судьбой Севастополя.

Наступление на Керченском полуострове явно не удавалось. В этом ничего катастрофического не было. Три армии Крымского фронта могли бы, исчерпав наступательные возможности, зарыться в землю, создать несколько рубежей обороны (вспомни одесские рубежи), оборудовать узлы противотанковой обороны на вероятных направлениях танковых атак, расставить, как полагается в обороне, артиллерию и стоять до лучших времен, постоянно угрожая Манштейну ударом, если бы немцы перебросили основные силы для нового штурма к Севастополю. Но этого не было сделано. Наши дивизии стояли поперек полуострова в одну линию.

В таком размещении войск был бы какой-то резон, если бы они вот-вот переходили в наступление. Но наступления, как мы знаем, не получалось. Немцы, сдержав три попытки прорвать их оборону, сами готовились к контрудару. Чуть ли не за три недели наша разведка узнала его точную дату. Однако командование Крымского фронта и после донесения разведки, и после прямого указания Генштаба и Ставки не провело оборонительных мероприятий. Почему? Потому что вопреки логике вещей все еще намеревалось наступать.

Конечно же, Манштейн, опытный генерал, увидел вопиющую оплошность нашего командования. Утром 8 мая немецкие танки и авиация нанесли удар вдоль побережья Феодосийского залива, прорвали там фронт. В брешь ринулись войска противника, угрожая выйти в тыл нашему правому флангу. В тылу, как уже говорилось, у нас не было ни резервов, ни укрепленных пунктов.

Почти две недели шли на полуострове ожесточенные бои. Но исход их был уже предопределен раньше — Керченский полуостров нам пришлось оставить. Это событие не могло не повлиять на положение осажденного Севастополя.

В начале второй половины мая командующий Приморской армией генерал Иван Ефимович Петров собрал командиров дивизий и других ближайших помощников на совещание. «Авиаразведка,— сказал он,— уже зафиксировала колонны немецких танков и пехоты в пути с Керченского полуострова к Севастополю. Надо полагать, что на подтягивание сил немцам понадобится еще дней десять...»

Тогда же в подразделениях красноармейцы и краснофлотцы выбирали делегатов на конференцию. Всех бойцов с передовой снять нельзя, и севастопольские военачальники рассказывали об обстановке их делегатам. Генерал Петров, как и по-

добает уверенному в себе и в войске командующему, ни от кого не скрывал тяжести положения. «Севастополь не Одесса,— говорил он делегатам.— Нет таких средств, которыми можно вывезти отсюда всю армию, если бы и был такой приказ. Значит, выход один — стоять насмерть!»

Победа у Керчи настроила немецкое командование весьма оптимистически. Севастополь оно вознамерилось взять за пять дней. Оптимизм, однако, не помешал гитлеровцам готовиться к третьему штурму Севастополя со всей тщательностью. К городу было стянуто больше 200 тысяч войска, 670 орудий калибром от 75 миллиметров до 420 миллиметров, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и 600 самолетов. Численностью войск немцы превосходили нас в 2 раза, численностью танков — почти в 12 раз, самолетов — в 11.

Для воодушевления своих солдат и для устрашения наших доставили немцы к Севастополю вдобавок к двум 615-миллиметровым мортирам сверхпушку «Дора» калибром 813 миллиметров. Все было в этой системе гигантским: ствол длиной 30 метров, бронебойные снаряды весом около 7 тонн каждый, фугасные — весом по 4 тонны. Они проникали в землю на 12 метров. «Дору» делали для разрушения железобетонных укреплений на французской линии Мажино, теперь пушка стояла около Дуванкоя.

Как и предполагало наше командование, противник в конце мая закончил сосредоточение сил. До начала страшного сражения оставались считанные дни. Матросы, служившие в стрелковых частях, доставали из вещевых мешков тельняшки и бескозырки, чтобы биться в морском обличье, в нем же встретить и смертный час.

Артиллерийский обстрел, бомбардировки наших позиций и города начались еще 20 мая. Они достигли невероятной силы и ожесточенности в пятидневке между 2 и 6 июня. Ежедневно враги выстреливали до 20 тысяч снарядов и сбрасывали с самолетов от 2500 до 6 тысяч бомб. Подсчитано: на направлении главного удара враг на каждый квадратный метр площади обрушил по полторы тонны металла. Казалось, все должно было разрушиться, исковеркаться, погибнуть под шквалами огня и стали. Но не зря приморцы много сил отдали совершенствованию обороны. Потери были у нас небольшие, можно сказать, удивительно маленькие: так, 5 и 6 июня вся Чапаевская дивизия потеряла убитыми восемь человек.

Захваченные разведчиками «языки» показывали, что штурм назначен на 4 часа утра 7 июня, а непосредственная подготовка штурма артиллерией — на 3 часа. Доблестные артиллеристы Севастополя в 2 часа 55 минут, упредив противника, открыли свой огонь по позициям, на которых вражеские пехотинцы и танки сосредоточились перед атакой. Еще не начав наступления, немцы понесли потери. Их артиллерийская подготовка была слабее, чем могла быть. Тем не менее в назначенное время под прикрытием авиации гитлеровские танки, а за ними пехота атаковали нашу оборону. Пехота всюду шла в полный рост — такова была уверенность, что наши войска уже подавлены и не смогут оказать сопротивления.

И ожили засыпанные окопы, выщербленные доты. Пулеметный огонь косил врагов, прижал к земле. Били минометы, орудия, в танки летели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Наше яростное сопротивление ошеломило противника. Продвинувшись за день на несколько сот метров, немцы понесли огромные потери. Таким же был и второй день штурма. В немецком донесении тех дней говорилось: «Наше наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Артиллерия противника непрерывно ведет по всем немецким позициям губительный огонь, который мешает наблюдать, затрудняет действия огневых средств и поминутно разрушает телефонную сеть. Первые дни боев показывают, что под таким адским артиллерийским огнем противника вести дальше наступление невозможно».

Немцы знали, что писали. В июне им пришлось дважды комплектовать 50-ю и 132-ю дивизии, то есть пополнять их новыми солдатами, так как прежние полегли на севастопольских рубежах. Пополнялись и другие соединения и части. Резервы немцам пришлось брать даже из армии, стоявшей в Донбассе.

Главный удар противник, как и в декабре, наносил через станцию Мекензиевы Горы на восточную оконечность Северной бухты, а вспомогательный — из района Камары через Сапун-гору на юго-восточную окраину Севастополя. Проведи мысленно эти линии по схеме. Видишь, они разрезают нашу оборону на три куска. Пока обороняемые позиции в виде целой дуги, они устойчивы. Пусть где-то получит дуга изгиб, пусть уменьшится — это не так опасно. Опасно, когда противник проникает внутрь дуги, отрезает одни войска от других, нарушает их взаимодействие, оказывается на флангах и в тылу обороняющихся. Пока что огненная дуга вокруг Севастополя цела.

Вот уже несколько раз мы с тобой говорим: «Мекензиевы Горы, Мекензия». Не показались ли тебе эти названия необычными в ряду названий других населенных пунктов Крыма? Мы с тобой касались истории Севастополя со времен Нахимова. А она началась раньше. На минуту-другую перенесемся в XVIII век. Северная бухта в те времена называлась Ахтиарской. Ее военное значение и военное значение близлежащей местности оценил Александр Васильевич Суворов. По его рекомендации в районе будущего города в 1778 году стали строить первые укрепления. Затем строительством на берегах бухты занялся русский адмирал Мекензи. Его имя и получил хутор, а потом и железнодорожная станция. Город, вставший по берегам бухты, называли Ахтиаром. В 1784 году, после официального включения Крыма в состав России, переименовали в Севастополь — Город славы в переводе с греческого. При чем тут греки? В двух километрах от нынешнего Севастополя в древности был город Херсонес, основанный греками и известный всему античному миру. Этот факт, а еще давние дружеские связи русских с греками, особенно культурные и религиозные, послужили основанием наречь город Севастополем...

У Севастополя, у Города славы, день и ночь, не стихая, идет ожесточенное сражение. Враг займет город. Но никто не сможет сказать, что его защит-

Воробьев Н. В.

ники уронили славу города, запятнали ее хоть чуть-чуть...

Ты помнишь, конечно, зенитную батарею № 365 — ту, что стояла на высоте 60, у Мекензиевых Гор? Она и теперь оказалась на направлении главного удара. 7 июня ее бомбили 25 «юнкерсов». Зенитчики сбили два самолета, выдержали бомбежку, отбили атаку танков и пехоты. Бой продолжался 16 часов! Командир батареи Николай Воробьев (уже капитан) был тяжело ранен. В командование вступил старший лейтенант Иван Пьянзин. Сутки спустя, как стало известно, что Воробьеву присвоено звание Героя Советского Союза, судьба уготовила и Пьянзину высшую меру испытания мужества и стойкости. Ночью немцы окружили батарею. Зенитчики, теряя товарищей в неравном бою, отбивались от врага. Выстрелами танковых пушек были разбиты дзоты, прикрывавшие позицию батареи, погибли их расчеты. «Танки противника расстреливают нас в упор, пехота забрасывает гранатами. Прощайте, товарищи!» — передал Пьянзин по радио командиру дивизиона. И еще была радиограмма — уже от тяжело раненного комбата, через три часа после первой: «Отбиваться нечем. Весь личный состав вышел из строя. Открывайте массированный огонь по нашей позиции и командному пункту». Иван Пьянзин не узнал, что и его подвиг будет так же оценен, как и подвиг первого комбата 365-й,— званием Героя.

Из окружения, из-под огня вышел к своим зенитчик матрос Петр Липовенко. Чуть ли не единственный из уцелевших героев, он работал в расчете другой батареи. И там потерял новых товарищей. И один подносил снаряды, заряжал пушку, наводил, стрелял. Выпустив последний снаряд, пошел с морскими пехотинцами, подоспевшими на выручку батареи, в атаку — застрелил 15 фашистов, забросал гранатами немецкий дзот.

Конечно же, дело не в фамилии. Но нельзя не назвать богатырской работу пулеметчика ефрейтора Ивана Богатыря. Дот, в котором он и еще три солдата прикрывали подступы к командному пункту роты, немцы не могли подавить в течение нескольких дней. Пятнадцать раз его бомбили самолеты, по нему била пушка. После каждого налета и обстрела на маленькую крепость шли в атаку пехотинцы; первый раз и второй они шли в полный рост, потом ползли, прячась за кусты и камни. И каждый раз пулеметчик истреблял и отгонял немцев. Товарищи Богатыря были ранены, он один успевал стрелять из снайперской винтовки — когда враги были еще далеко, из пулемета — когда враги подходили близко.

В июньских боях приморцы успешно применяли противотанковые ружья. Пуля ружья невелика, но, имея наконечник из прочнейшей легированной стали, она пробивала танковую броню и доставляла в танк горящий термит; в танке всегда есть пары бензина, чтобы взорваться им, достаточно искры — немало вражеских танков сожгли бронебойщики.

НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ В ГОРОД

11 июня наши войска нанесли контрудар по неприятельскому клину, пробившему дугу обороны у Мекензиевых Гор. Николай Кирьякович Рыжи (в послевоенные годы генерал-полковник артиллерии) писал о том дне:

«Полностью восстановить положение на этом участке не удалось. Но противник потерял более сорока танков, а три его пехотных полка были потрепаны настолько, что немецкому командованию пришлось заняться перегруппировкой своих сил. Продвижение врага на главном направлении штурма было приостановленно. И это опять-таки при господстве неприятельской авиации в воздухе.

— Будь у нас снарядов и мин по потребности,— сказал мне в тот день Иван Ефимович Петров,— мы заставили бы немцев подумать, стоит ли дальше штурмовать Севастополь...

Мне самому представлялся еще вполне возможным такой ход дальнейших событий, когда противник, неся изо дня в день тяжелые потери от нашего огня, будет вынужден временно отказаться от продолжения штурма и вновь перейти к осаде. Немцам давно уже пришлось признать, что Севастополь сильно укреплен, а первые дни июньского сражения подтвердили, что мы по-прежнему в состоянии его удерживать. Но если и было тогда можно вынудить врага прекратить штурм, то, конечно, не ослабляя огня артиллерии. А мы получали все меньше боеприпасов, и в этом заключалась наша трагедия...»

Слова начальника артиллерии Приморской армии для нас с тобой, читатель, очень важны. В свете этих слов, как в свете прожектора, мы посмотрим действия наших моряков на кораблях. Они

снабжали армию всем необходимым для боя. В конечном итоге от них зависела судьба Севастополя. Сделали ли они все, что могли, все, что было в человеческих силах? Равно ли их мужество мужеству сражавшихся на берегу?

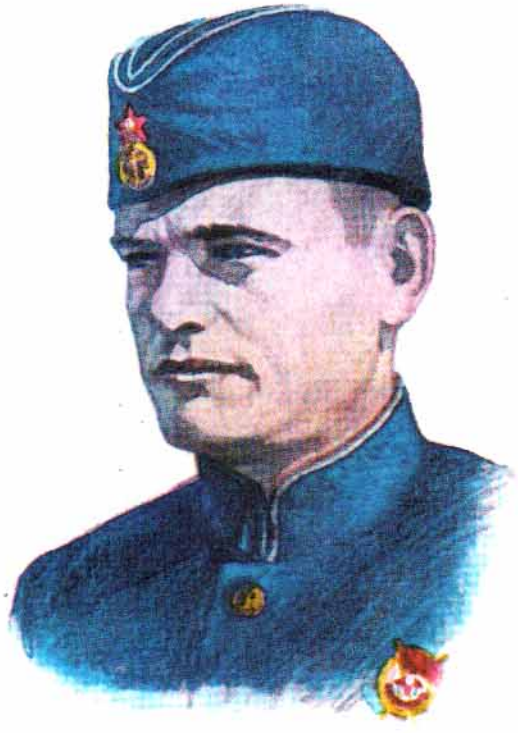
Манштейну не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, как важно пресечь снабжение города, наглухо блокировать Севастополь со стороны моря. Осада морской крепости с суши, как учит опыт истории, бывает успешной при одновременной блокаде с моря. И враги, естественно, направили основные силы своего флота на пресечение наших коммуникаций. Для этого они выделили 19 торпедных катеров, 30 сторожевых катеров, 8 катеров — охотников за подводными лодками, 7 подводных лодок. Самой же опасной для наших кораблей была авиационная группа — 150 бомбардировщиков и торпедоносцев. Если учесть, что против Севастополя всего действовало 600 самолетов, а истребителей у нас было несколько десятков, то станет ясным — моряки при отражении бомбардировщиков могли рассчитывать в основном на свои зенитные орудия и пулеметы.

Корабли, идущие в Севастополь, подвергались воздушным атакам еще в открытом море. А на подходах к основному фарватеру их сторожили торпедные катера и сидевшие на воде гидросамолеты-торпедоносцы; имея шумопеленгаторы, они обнаруживали приближение наших кораблей по шуму винтов и взлетали для атаки. Проход по фарватерам был сам по себе труден: кораблям нужно было маневрировать, обходя свои минные заграждения, периодически в этих местах ставил мины и противник. Ко всем этим трудностям надо добавить обстрел фарватера и бухт дальнобойной артиллерией. Став у причала в Севастополе, транспорт или корабль оказывался в не менее грозной обстановке, чем на переходе морем. И вот в таких обстоятельствах флот продолжал снабжать город боеприпасами, горючим, медикаментами.

С весны 1942 года пришлось отказаться от транспортов, они становились легкой добычей гитлеровских летчиков. Транспорту страшен даже одиночный самолет. Перевозки пришлось поручить боевым кораблям: по довоенным подсчетам, для потопления эсминца нужно одновременно не менее 9 бомбардировщиков, а крейсера — от 18 до 27. Грузы перевозили и подводные лодки. Корабли приходили в гавани только ночью, подводные лодки ходили и днем, погружаясь под воду при появлении авиации и при прохождении фарватером, который просматривался с дальнобойных батарей противника.

Лодки совершили в Севастополь 78 рейсов. Подвиги подводников измерялись здесь не числом тонн водоизмещения торпедированных судов, а числом тонн доставленных боеприпасов, горючего, продовольствия, числом эвакуированных из города раненых. Только этим и отличалась боевая работа экипажей от той, для которой лодки предназначались по уставу. Лодки попадали под бомбежки с самолетов, их забрасывали глубинными бомбами сторожевики — только в последний месяц немцы сбросили около семи тысяч таких бомб.

Каждый поход каждой нашей лодки был героическим. Случались обстоятельства и неповторимые. 22 июня в Стрелецкую бухту пришла лодка-малютка М-32. Она доставила 8 тонн патронов и мин и 6 тонн авиационного бензина. Бензин перевозили в балластной цистерне. После перекачки его на берег цистерну, как полагается, промыли. Оставаться в надводном положении было нельзя, наступил рассвет, в небе появились вражеские бомбардировщики. Лодка пошла на погружение. Вода, заполнив балластную цистерну, вытеснила оставшиеся пары бензина в отсеки. На шестиметровой глубине произошел в центральном посту взрыв, начался пожар.



Пустовойтенко Н. К.

Подводники действовали решительно, без паники — погасили огонь, всплыли на поверхность бухты. Но тут же лодке, чтобы не погибнуть под бомбами, прошлось снова лечь на грунт. Это произошло в 5 часов 58 минут.

Июньские дни длинные. Всплыть можно было лишь в 21 час. Дышать в лодке становилось все труднее. Пары бензина дурманили людей. Люди впадали в бессознательное, обморочное состояние: большинство лежало, некоторые пели или смеялись, были и такие, что пытались отдраивать люки в бессознательных поисках свежего воздуха. Дольше всех держались командир лодки капитан-лейтенант Н. А. Колтыпин и старшина мотористов главный старшина Н. К. Пустовойтенко. Около 17 часов командир почувствовал, что никакие усилия воли не спасут его от обморочного сна, у него хватило сил лишь приказать старшине, чтобы тот продержался до 21 часа и тогда разбудил его.

Мы с тобой условились, что ты, дорогой друг, прочтешь рассказы Леонида Соболева о войне на Черном море. Есть у него рассказ «Держись, старшина!». Он как раз об этом случае, о человеке, который сохранил для флота лодку и спас от верной смерти товарищей.

Ерошенко В. Н.

Пустовойтенко продержался до 21 часа. Он потерял много сил, борясь в шестом отсеке с моряком, который пытался отдраить люк, не понимая, что лодка под водой. Этого моряка пришлось связать, так как не было уверенности, что он не повторит своей попытки. В назначенное время старшина стал будить командира, но не смог разбудить. И никого другого не смог разбудить себе в помощники. Тогда один продул балласт. Лодка полувсплыла. Пустовойтенко открыл люк в рубке. Но, глотнув свежего воздуха, почувствовал, что теряет сознание. Каким-то невероятным усилием воли все же заставил себя задраить люк — иначе лодку залило бы водой.

Два часа продолжался обморок у старшины. Лодку ветром несло к мысу Херсонес, на камни. Люк в шестом отсеке оказался закрытым неплотно, вода проникала все время в лодку, залила трюм, электродвигатель.

В полночь Пустовойтенко очнулся. Как это произошло? Какие силы заставили старшину прервать тяжелый сон? Конечно, не только физические, хотя он был крепкий, этот моряк. Где-то в клеточке мозга, где-то в сердце бодрствовало чувство великой ответственности и морского братства. Оно разбудило...

Пустовойтенко снова открыл рубочный люк. Вынес на воздух командира. Включил вентиляцию. Плотно закрыл люк в шестом отсеке. Откачал воду из лодки. Вот сколько он сделал, пока его товарищи приходили в сознание.

В море штормило. Ветер и волны били лодку о камни. Кругом стояла темнота — ничего не видно. Но были уже на ногах командир, электрик Д. С. Кижаев, моторист В. К. Щелкунов. Запустили дизель. Рывком сняли лодку с камней. И пришли 25-го числа в Новороссийск.

Много раз ходил в Севастополь лидер «Ташкент». Ходили туда и крейсер «Красный Крым», эскадренные миноносцы «Бдительный» и «Безупречный», тральщики, катера. Всем им было нелегко. Невероятно трудно пришлось «Ташкенту», он был последним крупным кораблем, прорвавшимся в Севастополь.

«Ташкент» вышел в первое плавание по Черному морю в конце 1940 года. Что это был за корабль, никто не скажет лучше, чем его бывший командир — в те дни капитан третьего ранга, позже контр-адмирал — Василий Николаевич Ерошенко.

«...этот корабль привлекал особое внимание. Им нельзя было не любоваться. Слегка откинутые назад мачты и трубы, первая из которых как бы срослась с крыльями мостика и обтекаемой рубкой, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака — все это словно подчеркивало стремительность корабля, говорило о большой скорости его хода. А возвышавшиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление о его ударной мощи.

Словом, это было выразительное сочетание быстроты и силы. И с общим обликом корабля удивительно гармонировала не совсем обычная окраска его бортов и палубных надстроек — не просто серо-стальная, шаровая, как у других, а с голубоватым оттенком. Она придавала кораблю нарядный, несколько щеголеватый вид, который всегда радует глаз моряка.

«Голубой красавец» — так прозвали новый корабль, будто сговорившись, военные моряки в Севастополе, Одессе, Батуми... А гражданские люди, не особенно сведущие в тонкостях корабельной классификации, стали называть его «голубым крейсером».

26 июня, когда положение в Севастополе осложнилось до крайности, «Ташкент» после полудня вышел из Новороссийска, имея на борту стрелковую бригаду — 1264 человека, последнее пополнение приморцам, и боеприпасы. Двумя часами раньше вышел эсминец «Безупречный», он ходил потише лидера, а был расчет на то, чтобы к опасной зоне подходить вместе — вместе легче отбиваться от самолетов.

Лидер уже нагонял «Безупречного», как из эсминца вырвался столб черного дыма. Эсминец бомбили 20 «юнкерсов». В корабль попали две большие бомбы, он взорвался, переломился надвое и быстро пошел ко дну. На месте гибели, когда пришел туда «Ташкент», плавали моряки. Командира корабля, мужественного и храбрейшего офицера Черноморского флота Петра Максимовича Буряка не было среди них — отдав команду всем покинуть корабль, сам он остался на мостике и погиб с кораблем.

Лидер сбавил ход, чтобы помочь терпящим бедствие. Но тут показались бомбардировщики. И люди в воде отказались от помощи.

— Уходите! — кричали они.— Вас ждет Севастополь!..

Так безупречно держались перед гибелью моряки «Безупречного», корабля, который до этого пять раз благополучно прорывался в Севастополь.

«Ташкент» сбросил на воду свои спасательные круги, пояса, все, на чем можно было плыть, и тут же вступил в противоборство с бомбардировщиками: на его палубе и в трюмах была стрелковая бригада, ее ждал город.

До самой темноты «юнкерсы» налетали на лидер. Корабль уклонился от бомб, зенитчики сбили два самолета. В темноте его атаковали торпедные катера. Комендоры вовремя открыли по ним огонь, расстроили атаку, и торпеды прошли в стороне.

Около полуночи «Ташкент» встал в Камышовой бухте. Под артобстрелом он разгрузился, взял на борт 2300 женщин, детей и раненых. На корабль было погружено полотно панорамы «Оборона Севастополя». И Ерошенко повел корабль в Новороссийск.

Хотя на разгрузку и погрузку ушло всего два часа, командир знал — темного времени не хватит, чтобы уйти из опасной зоны. Предстояли трудные испытания. Ерошенко — а в таких случаях это всегда было принято на флоте — переоделся в парадный китель с орденами. И моряки, кроме тех, что работали внизу, надели форму первого срока...

С самого рассвета начались атаки немецких самолетов. Их было 86. Четыре часа немецкие самолеты висели над «Ташкентом», поливая его из пушек и пулеметов. Они сбросили больше 300 бомб.

Появились раненые: моряки, женщины, дети. Появились пробоины в корпусе корабля. Вот бомба взорвалась вблизи правого борта. Сквозь пробоину вода хлынула к котлам первого котельного отделения. Котлы должны были взорваться. Моряки до сих пор дивятся, как удалось машинистам в считанные секунды погасить котлы и выпустить пар. Трое из них — Василий Удовенко Федор Крайнюков, Михаил Ананьев — погибли. Четвертого — Александра Милова — вода вынесла к люку, товарищи спасли его.

Вода прибывает в другие отсеки и помещения. Нет возможности заделать пробоины — так много их. Выбило напором воды переборку во втором котельном отделении, и там пришлось погасить котлы. Ход корабля уменьшился. Груженный сверх всякой меры корабль отяжелел. Теперь к его грузу прибавилась тысяча тонн воды. Как он держится на поверхности моря? Как он движется? Он не просто держится, не просто движется — он сражается. Василий Николаевич Ерошенко на мостике в парадном мундире с орденами. Голос хриплый, а команды на уклонение ясные, четкие. Он видит, откуда заходят самолеты, как падают бомбы... Зенитчики бьют и бьют. Зенитки раскалились, нужна вода, чтобы поливать стволы. И как это бывает на пожаре, от зенитных автоматов до борта встали женщины с ведрами...

Из Новороссийска спешила помощь. Истребители отогнали бомбардировщиков. Подошли эсминцы «Сообразительный» и «Бдительный», буксир «Черномор», спасатель «Юпитер», катера. Раньше всех прибыл к «Ташкенту» на торпедном катере командующий эскадрой контр-адмирал Лев Анатольевич Владимирский. «Сообразительный» взял на борт всех пассажиров «Ташкента». «Бдительный» и «Юпитер» повели израненный корабль на буксире. Поздним вечером лидер был в Новороссийске.

Вспомним опытные подсчеты: по этим подсчетам, для потопления эсминца нужно 9 бомбардировщиков, для потопления крейсера — от 18 до 27. «Ташкент» больше эсминца, меньше крейсера, для потопления такого корабля, следовательно, нужно 16 самолетов. А их было 86! В пять раз больше смертельной нормы. Пять раз должен был потонуть «Ташкент», но он выдержал схватку, победил врага, который в пять раз был сильнее его.

В заключение вот что. На «Безупречном» вместе с отцом, Петром Максимовичем Буряком погиб его сын-подросток Володя, служивший юнгой. На «Ташкенте» был ранен юнга Боря Кулешин. Он и раненый подносил патроны пулеметчикам, за что был награжден орденом Красной Звезды.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

...Фашисты напали на СССР 22 июня 1941 года. В ознаменование этой даты Манштейн назначил новым сроком взятия Севастополя 22 июня 1942 года. Срок, как и другие, не был выдержан. Однако в 20-х числах положение и состояние защитников города резко ухудшились. Понесла очень большие потери 95-я Молдавская дивизия, оборонявшая позиции севернее Севастополя. Ее полки насчитывали теперь по сотне бойцов и меньше. Немцы прижали стрелков к берегу Северной бухты. У наших есть там орудия, но нет к ним ни одного снаряда. Правее обороняется 25-я Чапаевская. У нее дела несколько лучше, но и она потеряла множество людей, и у нее снаряды на исходе, а взять еще неоткуда. Сил хватает только на то, чтобы медленно отходить, задерживаясь какое-то время на высотах или в другой удобной местности.

В эти дни стало ясно, что враг войдет в город, и смысл борьбы приморцев заключался теперь только в том, чтобы как можно больше истребить врага. Понять и представить характер таких боев нам помогут воспоминания командира Чапаевской дивизии Трофима Калиновича Коломийца, позже генерал-лейтенанта. Но прежде найди на схеме Мартыновский овраг, Инкерман. Понимаешь, что в этом районе происходит? Немцы готовятся форсировать Северную бухту, готовятся к высадке на ее южном берегу, на Корабельной стороне города. Бухта неширокая, но враг понесет потери при ее преодолении. Поэтому, чтобы облегчить высадку десанта, немцы стремятся выйти к южному берегу и посуху — со стороны оврага.

Итак... «3-й морской полк (по числу штыков он теперь немногим больше батальона) с утра 26-го занимает оборону в верховье Мартыновского оврага. Здесь накапливается пехота противника. Мы с командиром полка С. Р. Гусаровым следим за ходом событий с его наблюдательного пункта.

Вот немцы поднялись в атаку. Им надо перебежать зеленую низинку, но десятки гитлеровцев сразу же валятся на землю. В бинокль отчетливо видно: те, что упали, остаются неподвижными. Другие мечутся по низине. Спастись удается немногим. В общем грохоте боя совсем не слышны пулеметные очереди из замаскированного на склоне дота. А это оттуда наши пулеметчики скосили за несколько минут столько фашистов.

Появляется группа немецких самолетов. Они бомбят низину и склон оврага чуть не полчаса. Там, где только что зеленели трава и кусты, ды-

мится черная земля. У одной из воронок виднеется часть железобетонного колпака дота...

И снова немцы пытаются пересечь овраг. Дота больше нет, но их встречает автоматный огонь нескольких уцелевших после бомбежки краснофлотцев. Фашисты падают, поднимаются, делают перебежки... Прямо навстречу им бросаются четверо моряков. Мы с Гусаровым не знаем их имен. Но это герои, понявшие, что настал их час. Вспыхивают дымные облачка от разрывов ручных гранат, и еще сколько-то гитлеровцев остается на перепаханной бомбами поляне. Там же лежат и наши бойцы — последние из тех, кто был на этом рубеже.

Новая группа немцев приближается к склону, где находятся командные пункты подразделений.

— Надо остановить их! — Гусаров поворачивается к стоящему рядом лейтенанту.— Берите свой взвод...

Речь идет о взводе противохимической защиты, в котором осталось с десяток бойцов. Вместе со своим командиром они скрываются в кустарнике, спеша наперерез врагу.

Четверть часа спустя новая атака. Немцы устремляются к высотке, обозначенной у нас на карте отметкой 113,7.

— Больше резерва нет,— говорит Гусаров.— Здесь со мной только пятнадцать человек из комендантского взвода.

Я связываюсь с командиром 287-го полка, люди которого обороняются южнее, и требую остановить немцев, не дать им выйти в тыл пугачевцам и разинцам, занявшим сейчас оборону на Инкерманских высотах.

Не овладев высотой 26 июня, фашисты возобновляют атаки на нее с рассветом следующего дня. Но за ночь мы выдвинули туда роту автоматчиков, собранную из разных подразделений, и десять расчетов бронебойщиков. К утру они успели хорошо окопаться.

Высоту теперь штурмует целый немецкий батальон. Но и он не может ее взять. К полудню в бой на этом участке введено уже до полка вражеской пехоты и двенадцать танков. Бой длится до 4 часов дня. Сожжены восемь танков, перебиты сотни гитлеровцев. И высотка по-прежнему в наших руках.

Потом вдали, над горизонтом, показалась группа бомбардировщиков. Их больше сорока. Идут сюда, и ясно, что их цель — высота 113,7. А от бомб там укрыться негде. Нельзя допускать, чтобы люди гибли бесполезно, и я приказываю Гусарову дать сигнал на отход с высоты. Успеют ли? В основном успели. Бойцы почти без потерь отошли на линию обороны 287-го полка».

Вот так, погибая сами и уничтожая врага, отходят приморцы к городу. А города уже нет. Есть груды развалин, разбитые и сожженные кварталы.

У Севастополя было много трудных дней. Труднейший из них — 29 июня. Еще ночью немцы начали осыпать Корабельную сторону снарядами, с рассветом посыпались бомбы с самолетов. Южный берег, где заняли оборону наши бойцы, окутался облаком гари и пыли. Вдобавок немцы поставили в бухте дымовую завесу, под ее прикрытием пошли лодки и катера. Наши разглядели противника, уничтожили семнадцать лодок и катер. На большее сил не хватило. С выбегавшими на берег немцами дрались врукопашную. Без патронов, отбиваясь штыками, стали отходить к Малахову кургану.

29-го же, тоже затемно, немцы начали штурм Сапун-горы — это на направлении вспомогательного удара. Наш последний аэродром на мысе Херсонес разрушен бомбежками и тяжелой артиллерией, наших истребителей теперь вовсе нет, и немецкие самолеты бомбят нашу каждую ожившую огневую точку, бьют из пулеметов в каждого замеченного бойца. И нет у нас снарядов, на исходе патроны. Защитники Сапун-горы умирают героями. К концу дня немцы взяли гору. Уцелевшие бойцы морской пехоты теперь пытаются хоть сколько-то задержать врага на горе, не дать ему спуститься с северного склона к городу. Командир 7-й бригады морской пехоты генерал Е. И. Жидилов вспоминает:

«Отбиваем атаку за атакой. Все сознают — это последний рубеж. Но нас лишь горстка, а к концу дня в строю буквально единицы. И фашисты лезут на гору.

К бригадному наблюдательному пункту у обрыва приближается цепь немецких автоматчиков. Мы с комиссаром Ищенко на НП уже только вдвоем... Отстреливаясь, отходим — ничего другого не остается. Место открытое, и на нас с ревом пикируют «юнкерсы», строча из пулеметов. Как ни странно, но это нас и спасает: автоматчики не решаются к нам приблизиться, боятся своих самолетов, и мы, перебегая от воронки к воронке, в конце концов отрываемся от врага.

Выходим к нашей артиллерийской позиции в Хомутовой балке. Тут стояли четыре 76-миллиметровых орудия, уцелело лишь одно. У единственной пушки возится матрос. Бескозырка на затылке, ворот фланелевки разорван, под нею видна выцветшая от пота тельняшка. Не обращая на нас внимания, артиллерист, сжав челюсти, продолжает свое дело. Он и заряжает пушку, и наводит, и стреляет. Орудие ведет огонь по Сапун-горе.

— Где остальные?

— Все здесь, никто не ушел! — отвечает матрос, не скрывая обиды, и обводит рукой вокруг: — Вот они!..

Мне становится стыдно за вопрос, заданный слишком поспешно. Артиллеристы тут — мертвые...

Не сказав друг другу ни слова, мы с Ищенко становимся рядом с краснофлотцем к орудию. Собрали последние семнадцать снарядов и бьем по Сапун-горе.

Зарядив пушку последним, краснофлотец зачерпнул бескозыркой песку и высыпал в дуло. Раздался выстрел, пушка невредима. Артиллерист хватает противотанковую гранату.

— Посторонись! — кричит он нам.

Когда развеялись дым и пыль, мы увидели пушку искалеченной. И мы ушли — делать тут больше было нечего».

30 июня Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение — оставить город, войска эвакуировать.

Посмотри на схеме еще раз мыс Херсонес. Он далеко вдается в море. К этому мысу отходили со всех участков разрушенной обороны остатки При-

морской армии. Они — отдельные бойцы, расчеты с уцелевшими орудиями, группы бойцов, собранные железными командирами,— конечно же, не теряли надежды на приход кораблей к этому заветному каменистому треугольнику.

На мысе стояла дальнобойная башенная батарея № 35. Она жила дольше всех береговых батарей Севастополя. Последней ее задачей было прикрыть подступы к мысу и Казачьей бухте со стороны суши, обеспечить посадку людей на корабли. В бетонированных коридорах батареи собралось множество раненых, сюда же перенес свой командный пункт Военный совет Черноморского флота.

Тем, кто отходил к Херсонесу, было ясно, что надо из последних сил держать оборону на подступах к мысу. Пустить немцев на мыс — это значило потерять любую надежду на эвакуацию. По врагу, рвавшемуся к Херсонесу, била тяжелыми снарядами 35-я. И жестоко дрались с ним отходившие стрелки и моряки. На дороге из Балаклавы в Севастополь вспыхнул скоротечный бой отряда наших бойцов, собранных старшим батальонным комиссаром Семеном Ивановичем Костяхиным. За час из четырех сотен наши потеряли три сотни. Но и враг потерял столько же и около двадцати танков сожженными и подбитыми. Это было 2 июля. А 4-го вспыхнул новый бой. К тому времени к отряду присоединились новые отходившие группы, он снова стал боеспособным и уничтожил еще четырнадцать танков. Комиссара Костяхина контузило, он попал в плен и тогда же, после истязаний, был расстрелян.

Непосредственно на Херсонесском мысе оборону возглавил генерал-майор Петр Георгиевич Новиков, командир 109-й стрелковой дивизии. Он был тяжело ранен, взят в плен и расстрелян в концлагере Флоссенбург за отказ служить немцам.

А что же происходит там, где кончается мыс и начинается море?

Не могут большие корабли выручить приморцев. Есть линкор, есть крейсеры, эсминцы. Но если они придут сюда, назад им не уйти — небо наполнено вражескими самолетами, по водному пространству вокруг Херсонеса бьет даже полевая артиллерия. Пришли 1 июля и ушли, забрав людей, подводные лодки Щ-209 и Щ-203, 3 июля отошли подводные лодки М-112 и А-2, в этот же день удалось эвакуировать 377 человек на базовых тральщиках «Защитник» и «Взрыв», несколько раз приходили катера. Последние три катера пришли в ночь на 5 июля. А больше кораблей уже не было— не стало ни малейшей возможности брать людей на борт.

И 35-й батареи — защитницы мыса — больше не было. 1 июля она подверглась сильнейшей бомбежке, обстрелу, ее атаковали автоматчики. Создалась реальная угроза захвата батареи немцами. Поздней ночью командир 35-й капитан А. Я. Лещенко отдал приказ — батарею взорвать.

Наши на мысе Херсонес держались до 12 июля— без еды, без воды, почти без оружия. Была у них в избытке лишь ненависть к врагу, была совсем крохотная надежда на приход катеров. Многие ночами пускались вплавь, рассчитывая, что в море подберут свои катера, но утром появлялись катера

Медаль «За оборону Севастополя».

немецкие и рубили винтами пловцов. Другие же — большинство — продолжали держать оборону по обрыву мыса. Немцы били их бомбами, снарядами — они тогда спускались с обрыва к морю и укрывались в скалах и среди камней, немцы пускали на них танки — тогда вызывались герои, им отдавали последние гранаты, и танки горели на морском ветру.

Сразу же после приказа оставить Севастополь некоторые группы и отряды отошли не к мысу, а в горы к партизанам. Пробираться к партизанам, умереть от жажды, попасть в плен — вот из чего надо было сделать выбор на мысе Херсонес. Они выбрали первое. Их ночные удары были страшными. Несколько раз они отбрасывали немцев от своего обрыва на километры. Захватывали оружие врага. Два танка захватили и пустили в бой. Манштейн писал о тех ночах: «Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые тоже с оружием в руках воодушевляли солдат».

Через заслоны фашистов пройти было трудно. Для большинства невозможно.

О значении Севастополя и его обороны мы с тобой говорили в начале очерка. К тому, что было сказано, добавим конкретное: Севастополь на восемь месяцев как бы отнял у германского командования очень сильную 11-ю армию. Посмотри карту первого периода войны. Обрати внимание на синие стрелы с точками — это действия гитлеровских войск в мае — ноябре 1942 года. На всех фронтах в это время относительное затишье, а у Сталинграда и на Северном Кавказе идут ожесточенные сражения. Взять Сталинград и Кавказ —

основная цель немцев в 1942 году. Сталинград они не взяли, на Кавказ не прошли. В таком серьезном деле, как война, нельзя гадать, но мы с тобой, зная, что у Сталинграда и на Кавказе были такие критические дни, что наша оборона могла вот-вот рухнуть, можем представить себе картину: Севастополь взят немцами еще в 1941 году, и армия Манштейна усиливает войска немцев, наступающие теперь на юге. Был бы тогда взят Сталинград, был бы взят Кавказ — гадать об этом нельзя, но совершенно очевидно, что советским войскам было бы там гораздо и гораздо труднее. Наши выдающиеся военачальники, военные историки считают: оборона Севастополя — это «не просто упорная оборона одного города, а целая эпопея, оказавшая огромное влияние на весь ход войны и сыгравшая исключительную роль в отражении наступления южной группы немецких армий».

...Теперь мы с тобой, дорогой товарищ, с Черного моря переберемся на север страны, к морякам-североморцам. Нам с тобой нужно будет опять вернуться в июнь 1941 года.

ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

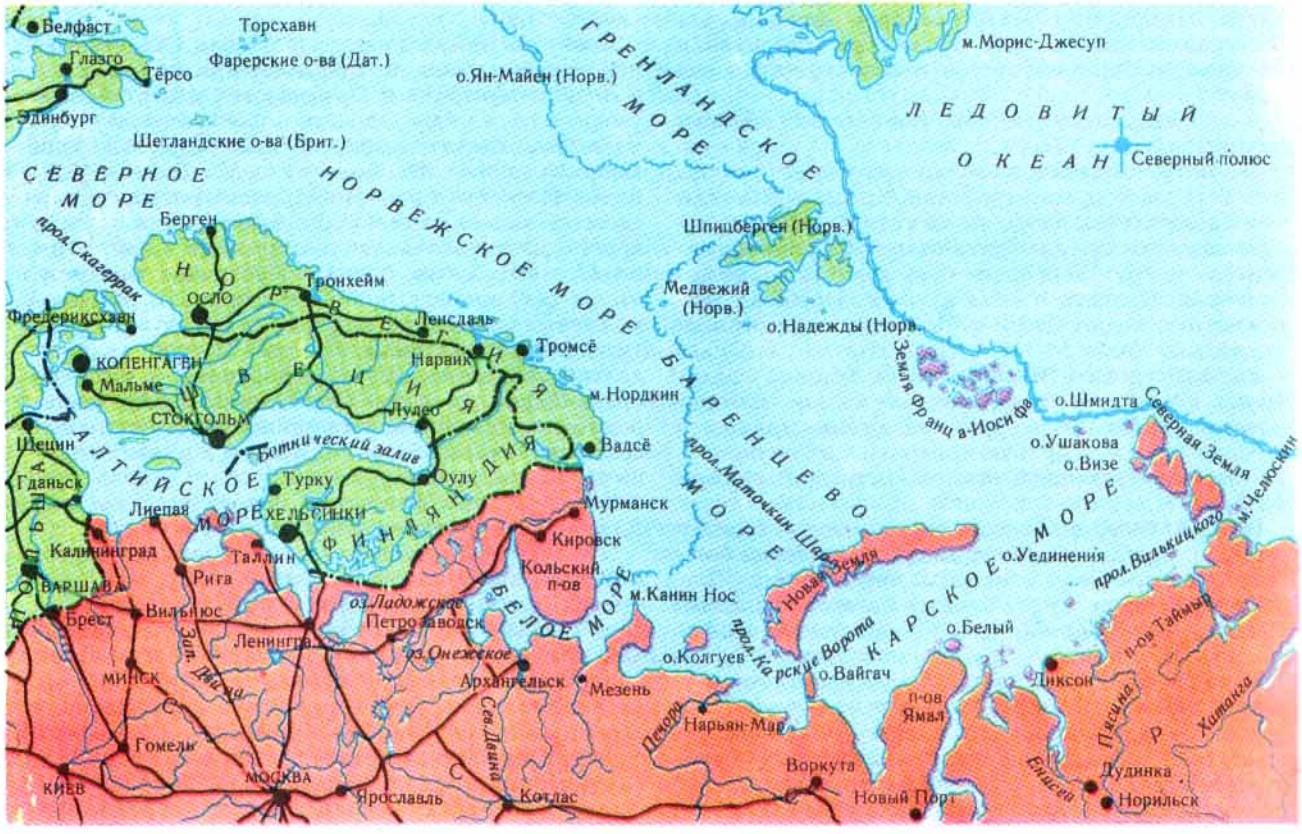
Посмотрим карту района, где действовали моряки-североморцы, и карту прилегающих к нему районов. География накладывает строгий отпечаток на военные планы и военные действия, а часто в значительной мере определяет их. Поэтому, разобравшись в карте, имея перед мысленным взором ее характерные точки, нам будет легче представить ход и смысл сражений нашего Северного флота.

Вообразим себя в космическом корабле, который вопреки законам своего полета на какое-то время замер над островом Медвежий. Остров, хотя название у него русское, принадлежит Норвегии и находится примерно на середине линии, идущей от мыса Южный на острове Западный Шпицберген до скандинавского мыса Нордкап. К слову говоря, эта линия считается западной границей Баренцева моря. Оглядим сверху участок земли, над которым мы остановились.

Вдали на западе, там, где скалистая Исландия и Фарерские острова, сливаются воды двух океанов — Атлантического и Северного Ледовитого, и это значит, что мы видим пути кораблей, идущих из стран Атлантики к арктическим берегам Европы. В нашем конкретном случае — пути, по которым США и Англия доставляют в Советский Союз грузы, необходимые для общей войны с фашизмом. Из исландского Рейкьявика до Мурманска по маршруту мирного времени 2800 километров, из портов Англии — 3200. Конвои проходят эти — теперь удлинившиеся — маршруты за 10—14 суток.

Прямо на север от нас архипелаг Шпицберген, восточнее его — архипелаг Земля Франца-Иоси-

Фрагмент карты Арктики.



фа. Большого практического значения во время той войны они не имели, хотя конвои и ходили вдоль кромки льдов Шпицбергена.

А вот остров на востоке — Новая Земля — имел большое практическое значение, особенно важны были проливы Маточкин Шар, Югорский Шар и Карские Ворота, они все три — ворота в Карское море, к берегам Сибири, а по Северному морскому пути — через пролив Вилькицкого — на советский Дальний Восток.

Пожалуйста, отыскивай все эти точки на карте. Даже такие удаленные от основного военного театра, как устье Оби, устье Енисея. И в эту даль простирали свои планы немецкие фашисты. К примеру, в Обской губе их подводная лодка ставила мины, туда забирался крейсер врага «Адмирал Шеер». Зачем так далеко они забирались? С Дальнего Востока, из Сибири — по Енисею и Оби — наши суда доставляли в Архангельск важные грузы. Достаточно сказать, что недалеко от енисейского порта Дудинка уже в те годы был город Норильск со своим знаменитым металлургическим комбинатом; добавки норильских редких металлов в сталь танковой брони делали броню необычайно прочной. В 1942 году из Петропавловска-Камчатского пришли в Мурманск Северным морским путем лидер «Баку», эсминцы «Разъяренный» и «Разумный»... Так что основания действовать в Карском море у врага были.

К югу от острова Медвежий, от той точки, которую мы выбрали для нашей рекогносцировки, находится самое важное. Здесь своими причудливыми краями сходятся три страны: Норвегия, Финляндия, СССР. Норвегия оккупирована гитлеровцами, Финляндия — их союзница. От линии, на которой стоят сейчас войска врага, до Мурманска, до Полярного — главной базы Северного флота — около сотни километров. Кроме этих портов, зимой все наши другие замерзают. Мурманск связан железной дорогой с центром страны. Дорога спешно строилась еще в первую мировую войну — среди скал и болот — именно для связи России с союзными Англией и Францией. Дорога и теперь очень нужна; когда фашисты перережут ее около Онежского озера, мы в кратчайший срок проложим ветку от Беломорска до Архангельска, вдоль южного берега Белого моря, и дорога снова будет действовать.

Ну вот, для первого раза, пожалуй, мы все с тобой рассмотрели.

В самом начале главы «Адмиральская» упоминалась операция немцев под названием «Везерюбунг» — «Учение на Везере». Как, верно, помнишь, никаких учений на немецкой реке не произошло, а были высажены десанты в Дании и Норвегии. Обе страны попали в оккупацию к фашистам. Было это в 1940 году. Гитлер таким началом достиг три выгоды: первая — немецкий флот, базируясь в портах Норвегии, получил свободный выход в Атлантику, на коммуникации Англии и США. Если бы у немцев не было норвежских баз, англичане (при определенной удаче) могли запереть фашистские корабли в их базах на Северном и Балтийском морях; вторая выгода — немецкая промышленность получила возможность пользоваться великолепной скандинавской рудой: железной, никелевой и молибденовой. Никель Киркенеса на 70 процентов удовлетворял промышленность Германии в этом важном для войны металле. Пользуясь электроэнергией норвежских гидростанций, враги готовили там тяжелую воду, нужную для создания атомной бомбы; и третья выгода — немецкие сухопутные войска и флот перед войной с Советским Союзом чуть ли не вплотную приблизились к нашей границе, к Мурманску, к Кировской железной дороге.

Третьей выгодой, извлеченной из «Везерюбунга», Гитлер воспользовался 29 июня 1941 года. Активные военные действия на Севере начались на неделю позже, чем на остальных участках фронта. Операцию по захвату Мурманска и Полярного (с последующим захватом Архангельска) немцы назвали «Зильберфукс» — «Серебристая лисица».

Наш Северный флот был самый молодой и самый малочисленный по сравнению с другими нашими флотами. Он имел к началу войны 8 эсминцев, 15 подводных лодок, 7 сторожевых кораблей, минный заградитель, 2 тральщика и 15 охотников за подводными лодками. Военно-морские силы противника здесь тоже не были внушительными: вспомогательный крейсер, 5 эсминцев, 3 миноносца, 6 подводных лодок, 10 сторожевых кораблей, 2 минных заградителя и 15 тральщиков.

Фашистов ни наш флот, ни собственный особенно не интересовали. Так же, как на Балтике и на Черном море, они надеялись взять наши базы на Баренцевом море с суши. Причем взять молниеносно.

Посмотри схему военных действий на Карельском фронте. В условиях бездорожья, болотистой и скалистой местности противник наносит три рассредоточенных удара: на Мурманск и Полярный наступают две горнострелковые дивизии, на Кандалакшу — пехотная дивизия и бригада СС, на Ухту — две пехотные дивизии. Войска немцев и финнов объединены в группу под названием «Норвегия».

Почти при равенстве в кораблях враги имеют превосходство в людях. У них больше, чем у нас, авиации. Пользуясь преимуществом в авиации, они намереваются разбомбить Мурманск, разрушить шлюзы на Беломорско-Балтийском канале, пробить бомбами путь своей пехоте через наши позиции, в итоге взять наши порты и перерезать железную дорогу. По сражениям на Балтике, у Севастополя ты знаешь, какой грозной силой была авиация. В этих условиях наша 14-я армия и Северный флот должны сдержать врага.

Как и всюду на советско-германском фронте, бои на Севере сразу же приобрели ожесточенный характер. Горные егеря немцев, прославившиеся в захвате острова Крит и норвежских городов, с азартом и амбицией атаковали наши позиции. Советские бойцы и морские пехотинцы ответили яростным сопротивлением, железной стойкостью. Обыватели в Германии в те дни привыкли к победным сообщениям с Восточного фронта. Но с его заполярного участка таких сообщений не поступало. Эту ситуацию одна немецкая газета объясняла так: «Почему германские войска еще не в Мурманске? Бои оказались чрезвычайно тяжелыми, их трудности не поддаются описанию. Сам черт выдумал тундру в помощь большевикам». Немецкое командование всегда тщательно учитывало

характер местности и климат тех районов, где готовились военные действия: войну против нас фашисты начали в конце июня, а не раньше, потому что ждали, когда просохнут от весенних разливов поймы наших западных рек и будет хорошая дорога для танков и мотопехоты. Прекрасно знали враги и условия тундры. А вот мужества и стойкости наших бойцов немецкие генералы не учли в своих планах. Как и в битве под Москвой, врага остановили и разгромили не морозы, не снега, так и у Мурманска не тундра, не сопки остановили фашистов, а героизм советских людей.

Первым Героем Советского Союза среди североморцев стал старший сержант морской пехоты В. Кисляков. Со своим отделением он выбил неприятеля с важной сопки, оборонял ее, а когда было приказано отходить, остался один у пулемета и прикрывал отход товарищей. Кончились патроны. Егеря окружили моряка. Кисляков отбивался гранатами, стрелял из оружия, взятого у убитых врагов, он дождался помощи, и высота осталась нашей.

Мужественно сражались летчики. Среди них было много храбрых мастеров воздушного боя. А самым искусным был командир эскадрильи старший лейтенант Борис Феоктистович Сафонов. Не случайно именно он первым на Севере сбил вражеский самолет.

Имея много бомбардировщиков, гитлеровцы перед атакой ожесточенно бомбили наши позиции. В эти тяжелые моменты на помощь пехоте прилетали истребители. Самыми страшными для врага были сафоновские. Фашистским летчикам особо запомнился день 15 сентября. Утром семерка истребителей Сафонова заставила большую группу бомбардировщиков повернуть назад и сбросить бомбы на свои позиции. После полудня на бомбежку нашей пехоты вылетело тридцать бомбардировщиков под прикрытием двадцати двух «мессершмиттов». Их опять встретила семерка морских летчиков, и семь уничтожили тринадцать вражеских машин.

Истребительный полк в те дни был награжден орденом Красного Знамени. Сафонову, сбившему 16 самолетов, присвоили звание Героя Советского Союза.

А что делают в первые дни войны североморские корабли? У них дел, как говорят, по горло. Они охраняют подходы к Кольскому заливу и к Белому морю. Береговые батареи в этих районах слабые. А по логике вещей нужно ждать немецкие десанты и в Кольском заливе, и в Кандалакшской губе Белого моря. Удары таких десантов навстречу наступающим дивизиям фашистов были бы для нас тяжелы. Представь себе последствия сильного десанта врага, высадившегося у Кандалакши,— железная дорога перерезана, Кольский полуостров с Мурманском и Полярным отрезан... И вот корабли находятся в готовности пресечь путь вражеских десантов к советским берегам.

Флот участвует также в отражении наступления фашистов на суше. Тысячи моряков-добровольцев ушли в морскую пехоту. Они высажены в тылу противника: в Мотовском заливе, у полуостровов Средний и Рыбачий. Корабли поддерживают их и бойцов 14-й армии артиллерийским

Сафонов Б. Ф.

огнем. Эсминцы «Урицкий» и «Куйбышев» бьют по побережью, занятому врагом, из орудий.

Корабли со своей зенитной артиллерией нужны для защиты Мурманска от авиации. Кварталы города спускаются с возвышенностей к самой реке Туломе, к самому порту. Немцы бомбят город и порт. На помощь мурманским зенитчикам в глубь Кольского залива вошел эскадренный миноносец «Гремящий». Корабль стоит у борта большого судна — плавучей мастерской. Бомбардировщики идут двумя группами: одна на городские кварталы, другая к стоянкам судов, к причалам, складам порта. Плавучая мастерская и эсминец — заманчивая добыча для немецких летчиков. Зенитчики «Гремящего» открывают огонь. Вражеские самолеты вынуждены рассыпать строй, но один прямо движется на цель. Наконец снаряд с «Гремящего» поджигает самолет. А фашист не думает выходить из боя, направляет горящую машину в эсминец. Какое надо иметь самообладание, чтобы в эти секунды точно целить и быстро стрелять! Сейчас единственная возможность спасти корабль и себя — это влепить снаряд в лоб бомбардировщика. Комендоры орудия левого борта точно влепили снаряд и сшибли самолет с курса. Падая в залив, он пронесся над эсминцем и успел-таки сбросить бомбу. Бомба взорвалась в тридцати метрах от корабля. Волна ила и грязи, поднятая взрывом пятисотки, сшибла с ног артиллеристов, разметала по палубе. Проходит минута, и снова бьют орудия «Гремящего».

Этот бомбардировщик — второй на счету зенитчиков эсминца. За войну они собьют 14 самолетов, 23 повредят. Будет у них редкостный случай, который вряд ли когда забудут очевидцы. В один из налетов моряки подожгли «юнкерс». Горящий, он ринулся было в пике на городское здание, но тут

же взорвался. А осколки его попали в соседний самолет, второй бомбардировщик тоже загорелся и врезался в землю.

В то время была нелегкой дозорная служба кораблей. Им приходилось отбивать атаки самолетов, подводных лодок и миноносцев врага.

В начале августа у входа в Кольский залив дежурил сторожевой корабль «Туман». Несколько суток он ходил челноком от мыса Цып-Наволок на Рыбачьем до острова Кильдин; вступал в бой с самолетами, обнаружил подводную лодку, глубинными бомбами атаковал ее. На рассвете 10 августа моряки заметили на горизонте три эсминца противника. Командир «Тумана» старший лейтенант Лев Шестаков решил принять бой. Силы были неравные — два 45-миллиметровых орудия сторожевика против пятнадцати 130-миллиметровых орудий эсминцев. Но эти пятнадцать могли засыпать снарядами наших на берегу. Дозорный корабль как часовой на посту — пусть малы его силы, он обязан задержать врага до прихода помощи.

«Туман», вычерчивая зигзаг, пошел самым полным навстречу опасности.

Трудно представить тот беспримерный бой. Под градом вражеских снарядов наши комендоры бесстрашно вели ответный огонь. Снаряд взорвался на корме сторожевика, повредил там орудие, поджег дымовые шашки. Еще один попал в мостик и снес его. Были убитые, многие ранены. Но носовое орудие стреляло и стреляло, пока подносчик снарядов Яков Колывайко не упал, обессилев от потери крови.

«Туман» погибал, в пробоины хлестала вода. Возможности к сопротивлению были исчерпаны.

Эсминцы прекратили стрельбу. И тут моряки увидели, что на их корабле нет флага. Осколок перебил фал, обгоревшее полотнище со звездой, серпом и молотом лежало на палубе. Раненый рулевой Константин Семенов схватил флаг, забрался на покосившуюся мачту и прикрепил его на прежнее место. Снова вокруг «Тумана» поднялись водяные столбы. Для людей, не служивших на флоте, не любивших свой корабль одержимой любовью, покажется странным, что моряки отнеслись к новым взрывам как к должному и нужному — ведь их корабль продолжал бой! А оружием у них был теперь флаг — пока он вьется над телами убитых товарищей, над изодранной взрывами палубой, в дыму пожара, между вздымающимися к небу огромными фонтанами воды, продолжается сопротивление врагу.

Осколки летели так густо, что фал снова перебило. Семенов уже не мог связать перебитые концы. Вцепившись в мачту, он прижимал конец фала к груди, и флаг был над кораблем.

Когда еще раз флаг должен был упасть — Семенов терял сознание,— флаг подхватил и закрепил другой Константин, радист Блинов.

Вот какие люди служили на «Тумане»!

Одиннадцать прямых попаданий получил корабль. Накренившись на правый борт, он погружался в воду. Моряки спустили шлюпку. На их глазах «Туман» под своим флагом пошел в последний поход, в глубину Баренцева моря.

Сторожевик сделал свое дело. С острова Кильдин по эсминцам ударила береговая артиллерия. Зражеские корабли закрылись дымом и начали уходить на северо-запад. У норвежского порта Вардё их догнали наши бомбардировщики. При бомбежке один эсминец был поврежден.

Дозорный корабль как часовой. Поначалу он один оказывается перед врагом и использует все средства, чтобы уничтожить его или задержать. Боевой собрат «Тумана» сторожевой корабль «Бриз» нес дозорную службу у горла Белого моря на линии мыс Святой Нос — мыс Канин Нос. Обнаружив подводную лодку врага и не имея возможности действовать по-другому, таранил ее...

Прошло несколько месяцев боев в Заполярье. Немцы достигли очень малого. В районе Мурманска они оттеснили наши войска от границы на три десятка километров. Им удалось отрезать полуостров Средний и Рыбачий, но занять их они не смогли. Ни на Ухтинском, ни на Кандалакшском направлениях противник не вышел к железной дороге. Осенью 1941 года линия фронта за Полярным кругом стабилизировалась, и не менялась она до нашего наступления в 1944 году.

Посмотри на карте линию, на которой остановился враг. Интересная деталь: южнее Рыбачьего был участок, где государственную границу враг не смог перейти, граница оказалась на ничейной полосе, и там стоял наш пограничный знак. Иногда немцам удавалось сбить его артиллерийским огнем. Но каждый раз советские солдаты водружали знак на место.

Линия фронта стабилизировалась. Однако это вовсе не значило, что уменьшилось в том районе боевое напряжение. На море оно, наоборот, многократно возросло. Оба флота — и наш и вражеский — все время наращивали силы, и у нас и у немцев все прибавлялось кораблей и самолетов. Так, в начале 1942 года фашисты перевели в норвежскую базу Альтен-фиорд свой лучший линкор «Тирпиц». В других базах и портах разместились тяжелые крейсеры «Адмирал Шеер», «Адмирал Хиппер», «Лютцов», легкий крейсер «Кельн», 13 эсминцев и миноносцев, 32 минных заградителя и тральщика, 31 подводная лодка, 12 торпедных катеров, много других катеров и сторожевых кораблей. Возросло число самолетов.

Увеличивался и наш флот. До того как враг разбомбил шлюзы на Беломорско-Балтийском канале, из Балтийского моря прошли на север 8 подводных лодок, 6 торпедных и 4 сторожевых катера. 8 лодок-малюток дала флоту промышленность (их доставили к морю по железной дороге). Больше сотни гражданских судов были переоборудованы в сторожевики, тральщики, минные заградители. В Англии мы приобрели несколько тральщиков. С Тихого океана, ты уже знаешь об этом, пришли лидер «Баку», эсминцы «Разъяренный» и «Разумный». Кружным путем — через Тихий и Атлантический океаны — в 1943 году прибудут в Полярный пять подводных лодок Тихоокеанского флота. В то же время прибудут из США 7 тральщиков и 9 больших охотников за подводными лодками. В 1944 году две лодки типа С даст североморцам промышленность. Увеличится количество торпедных катеров — часть была построена нами, часть переведена с Балтики, часть мы получили от американцев. В 1944 году в счет предстоящего раздела между союзниками флота капитулировавшей Италии придут в Мурманск из Англии три

подводные лодки, 8 миноносцев, крейсер и линкор.

Флот силен не одними кораблями. Нужны для полной силы самолеты. Число советских самолетов на Севере постоянно увеличивалось, а немецких уменьшалось. В конце 1944 года Северный флот почти в три раза превосходил противника по числу самолетов. Но это в 1944 году, а мы с тобой пока еще в 1941-м. И нашим морякам очень и очень трудно. К трудностям военным прибавляются трудности погоды.

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

Часть Северного Ледовитого океана, лежащая между материковым берегом Северной Европы, Новой Землей, Землей Франца-Иосифа и Шпицбергеном, на западе граничит с Норвежским, на востоке с Карским морями. Глубины большей частью от 100 до 350 метров. Южная часть моря у норвежских берегов и Кольского полуострова не замерзает. Зимой граница плавучих льдов лежит в 400—500 километрах от Кольского полуострова. Одно из самых неспокойных и изменчивых по погоде морей. Основной порт — Мурманск. Названо по имени Виллема Баренца, голландского мореплавателя XVI века. Новгородские ушкуйники начали освоение этого моря в XII—XIII веках.

ПОДВОДНЫЕ УДАРЫ СЕВЕРОМОРЦЕВ

Итак, армия «Норвегия» прочно остановлена среди болот и скал Севера. Дорог там нет. Снабжать войска и, следовательно, поддерживать их боеспособность фашисты могут только морем. От порта Тромсе начали ходить вражеские транспорты в порты Варангер-фиорда, в Киркенес, Петсамо, Варде. Найди эти пункты на карте. Петсамо теперь называется Печенга, после войны район Печенги, старинной русской территории, отошел от Финляндии к СССР.

На восток по трехсоткилометровому пути немцы везут продовольствие. В обратный путь — на запад — транспорты идут с рудой и целлюлозой. Прервать перевозки врага, осложнить их и в то же время защитить свои коммуникации — такая задача с первых дней войны встала перед Северным флотом. Подводные лодки на Севере — наша главная ударная сила. Пока флот не пополнился кораблями, действиями подлодок руководит сам командующий флотом контр-адмирал Арсений Григорьевич Головко.

«Самым молодым флотом командует самый молодой командующий. Ему всего тридцать шесть лет. Сегодня (лето 1943 года) Арсению Григорьевичу присвоено звание адмирала. Мы от души радуемся этому,— писал подводник Г. И. Щедрин.— Наш командующий пользуется огромным уважением среди моряков. Нас удивляет его работоспособность. Он находит время, чтобы проводить в поход и встретить из похода почти каждый корабль. Успевает бывать на аэродромах, батареях. Адмирал знает сильные и слабые стороны каждого из нас, командиров кораблей. С уважением относится к каждому собеседнику, даже если не согласен с ним. Он любит острое слово, шутку. Память на фамилии и лица у адмирала феноменальная. Во время первого посещения нашей лодки командиры отсеков, представляясь командующему, называли свои фамилии. Сейчас, когда мы возвратились из похода, адмирал, обходя выстроившихся на палубе моряков, здоровается с каждым за руку и безошибочно называет по фамилии всех, кто ему в свое время представлялся. Слово адмирала, его мнение для нас непререкаемы не только потому, что он командующий. Нам кажется, именно таким должен быть командир для своих подчиненных, как для нас Головко».

Головко А. Г.

У Арсения Григорьевича были прекрасные помощники. Один из них, командир дивизиона крейсерских лодок капитан второго ранга Магомет Имадутинович Гаджиев, говорил о себе: «Я одного только боюсь, уходя в море,— возвращенья домой без победы. Остальное не страшно». Так имели право сказать о себе многие офицеры-подводники. И это не было рисовкой: торпедные атаки, артиллерийские дуэли Гаджиева и его товарищей были дерзкими и победными. Смерть Гаджиев принял в тяжелом бою с немецкими кораблями; честь этого командира была так чиста, что его имя навечно внесено в списки Северного флота.

Мы с тобой, читатель, говорили, в каких обстоятельствах сражались моряки на Балтике и на Черном море. Чем-то на Севере было легче — к при-

меру, мы не теряли там военно-морских баз, но чем-то было и сложнее — незаходящее солнце в полярный день, мрак полярной ночи, частые жестокие штормы... Не пытаясь сравнивать доблесть флотов, мы все же не можем не отметить, что на Северном флоте много произошло такого, что относится к категории первого.

Североморский летчик Сафонов первым из участников Великой Отечественной войны был дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

Первым Героем среди советских подводников в дни войны стал капитан второго ранга И. А. Колышкин, командир дивизиона подводных лодок Северного флота.

Первые командиры подводных лодок, получившие на войне звание Героя, были тоже североморцы: капитан второго ранга Н. А. Лунин и капитан-лейтенанты В. Г. Стариков и И. И. Фисанович.

Североморская лодка С-102 первой на нашем флоте одним торпедным залпом уничтожила два транспорта противника. На Севере же одним залпом К-21 уничтожила минный заградитель и сторожевой корабль, Л-20 — транспорт и сторожевой корабль, С-55 — транспорт и пароход, Л-15 — два тральщика. А С-104 впервые потопила одним залпом три цели: транспорт, противолодочный корабль и тральщик.

Первыми гвардейскими кораблями стали североморские лодки Д-3, К-22, М-171, М-174. Лодка Д-3 «Красногвардеец» стала и первым Краснознаменным гвардейским кораблем.

Первым соединением подлодок ВМФ, награжденным орденом Красного Знамени, стала бригада Северного флота. Она же первой получила орден Ушакова I степени.

И еще — первыми победу над врагом стали отмечать орудийным выстрелом североморцы. Традиция эта распространилась по всем флотам, а возникла она вот как. 12 сентября 1941 года лодка К-2 обнаружила у норвежских берегов транспорт. Обстоятельства сложились так, что бить торпедой было нельзя. Командир капитан третьего ранга Василий Прокофьевич Уткин приказал всплыть и обстрелять транспорт из двух 100-миллиметровых пушек. Комендоры лодки всадили в транспорт 27 снарядов. Лодке пришлось тут же уйти под воду — появился самолет и начал сбрасывать бомбы. Под водой экипаж слышал, как взорвались котлы вражеского судна. К-2 вернулась в Полярный через неделю. Входя в Екатерининскую гавань, она выстрелила из орудия. Рассказывают, что Арсений Григорьевич Головко, встречавший лодку, пригрозил офицерам снять замки с орудий и запаять кортики в ножнах, чтобы не пользовались оружием дома. Но это была шутка. Командующему выдумка понравилась — вся база, весь город сразу узнали, как закончился поход корабля. И часто над гаванью звучал не один выстрел, а два, три и больше.

Подводники Северного флота за войну потопили много транспортов и кораблей. Ты уже знаешь, как подлодка ищет врага, как выходит в атаку, как стреляет торпедами. Знаешь, что происходит потом: долгое преследование лодки сторожевиками, катерами, самолетами, взрывы глубинных бомб, такое долгое пребывание под водой, что люди впадают в обморок от удушья. Всю эту цену платили североморцы за пущенные на дно вражеские суда. Случалось, цена была выше, и лодки и люди в них гибли. Что делать? Война была не на жизнь, а на смерть. Кто кого.

Гаджиев М. И.

КРУГЛЫЙ СЧЕТ «КРАСНОГВАРДЕЙЦА»

Рассказывая о подводных лодках, топивших немецкие суда у норвежских берегов, нельзя не говорить о «Красногвардейце». Ты, верно, помнишь: лодки серии «Д» — «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец» — были первыми лодками отечественной постройки. Советские судостроители передали их морякам осенью 1931 года. А в 1933 году все три перешли с Балтики по Беломорско-Балтийскому каналу на Северный флот.

«Красногвардейцу» выпала судьба особая — быть кораблем, чья жизнь на море явилась примером всему нашему флоту и стала гордостью всего флота. Еще в 1938 году лодка совершила сложнейший поход в Гренландское море. У берегов Гренландии дрейфовала льдина с папанинцами — научная станция «Северный полюс-1». Д-3 должна была снять зимовщиков, если бы льдину вынесло на теплое течение.

Далекое плавание, частые штормы многому научили подводников. Войну они встретили людьми мужественными и умелыми. Правда, первые три похода «Красногвардейца» к Нордкапу и Нордкину были неудачными, лодка никак не могла обнаружить врага. А с четвертого, который начался 22 сентября 1941 года, дело пошло.

Уже 26-го у Конгс-фиорда потопили одиночный

транспорт. На следующий день потопили танкер. Обнаружили конвой 30 сентября, стали выходить в атаку и сели на мель. Чтобы сняться с банки, пришлось всплывать на виду у кораблей охранения. Всплыли, на глубину ушли так быстро, что противник не успел сделать ни одного выстрела. Конвой не бросили, еще раз вышли в атаку, и третий транспорт пошел на дно. Через десять дней была одержана четвертая победа — потопили крупное судно. На пути домой попали в сеть, долго тащили ее за собой, рискуя быть обнаруженными. Но все обошлось благополучно. Полярный услышал тогда четыре выстрела носовой пушки «Красногвардейца».

Через две недели лодка снова занялась охотой — в районе Порсангер-фиорда. Пятый транспорт потопили довольно легко. Шестой, что был в подарок к Дню Конституции, дался трудно. Погода была ненастная, холодная. Лодка обледеневала. Над морем проносились снежные заряды, при которых и вблизи-то ничего не видно. Все же вахтенный офицер углядел в разрыве снежных вихрей два транспорта в сопровождении миноносца. Все было готово к торпедному залпу, как миноносец повернул и пошел на лодку. Пришлось быстро погрузиться, выжидая момент для атаки, идти параллельно конвою. Стреляли тремя торпедами, две попали во вражеское судно и взорвали его. Это было 5 декабря. А 6-го в Лаксе-фиорде, уклонившись от атакующего тральщика, торпедировали транспорт «Авраам Линкольн» водоизмещением в 10 тысяч тонн. Торпеда развернула носовую часть транспорта, он принял сквозь бреши в борту много воды и, задрав корму, погрузился на дно.

В новом походе весной 1942 года Д-3 потопила еще один транспорт и два повредила. Счет побед округлился, их было ровно десять.

Из того похода «Красногвардеец» не вернулся. Гибель подводной лодки окружена тайной. Что случилось, никто не знает. Даже нет сведений, на основе которых можно было бы сделать достоверное предположение. Известно одно: экипаж лодки принял смерть в бою, как подобает краснознаменцам и гвардейцам.

АТАКИ В ФИОРДАХ

Норвежские берега скалистые. У берегов море глубокое. Поэтому немецкие транспорты ходили, прижимаясь к берегу, берег был защитой им от атак лодок со стороны суши. Со стороны моря их прикрывали противолодочные корабли. Не так-то просто при таком методе движения подводной лодке торпедировать противника. К тому же с воздуха море осматривают самолеты-разведчики «арадо»; скорость у них чуть больше, чем у наших По-2, на такой скорости летчик имеет возможность внимательно осматривать море. И это еще не все меры предосторожности. От Тромсе до Варангер-фиорда на мысах, на возвышенностях стоят наблюдательные посты; они связаны с аэродромами, с береговой артиллерией, с противолодочными кораблями. Стоит им обнаружить перископ нашей лодки, как тут же лодка подвергается нападению или авиации, или артиллерии, или кораблей, а то и всех сил разом.

Конвои разгружаются и загружаются в фиордах — узких, извилистых заливах, глубоко врезанных в берега. У входов в фиорды тоже наблюдательные посты, там дежурят дозорные катера и сторожевики, в готовности находятся береговые батареи. Мало этого — входы закрываются противолодочными сетями. Да еще прикрыты минными полями. Выходит, порт в фиорде — настоящая западня. Но и в такие западни дерзко пробирались наши подводные лодки, в основном «малютки».

В фиорде, несмотря на особую сложность выполнения атак, и открыли североморцы счет потопленным судам. 14 июля 1941 года Щ-402 под командованием старшего лейтенанта Н. Столбова пробралась на рейд порта Хоннинсвог и торпедировала там стоявший на якоре транспорт.

В августе в фиорд Петсамовуоно (теперь Печенгский залив) прокралась лодка М-172 под командованием капитан-лейтенанта И. Фисановича. Гавань Линахамари расположена в самой глубине фиорда. Лодка долго шла к ней в подводном положении. Дважды встречалась с немецкими сторожевиками, прослушивая их с помощью гидроакустической станции. Штурман Бутов настолько четко прокладывал курс, что «малютка», когда подняла перископ, оказалась в 7—8 кабельтовых от причалов. У причала стоял огромный транспорт. Было около двух часов дня, прогремел взрыв торпеды, и лодка, нырнув в глубину, стала уходить из фиорда. Последнее, что увидели подводники в перископ,— это строй катеров, они шли фронтом поперек фиорда, сбрасывали глубинные бомбы.

М-172 благополучно вернулась в Полярный. В те дни в базе были английские моряки. Рассказывают: «...командир английской лодки попросил Фисановича показать карту вражеской гавани с нанесенными на ней боевыми курсами «малютки».

Англичанин внимательно разглядывал ее, прикидывал циркулем длину и ширину залива. Затем восторженно пожал руку советскому командиру и сказал:

— Эту карту я вставил бы в рамку и повесил на стене своей комнаты».

В гавань Линахамари дважды ходила М-171 под командованием старшего лейтенанта В. Старикова. Первый поход был неудачный, не оказалось цели, достойной торпеды. Стариков увел лодку в море, намереваясь после такой разведки еще раз побывать в гавани.

2 октября 1941 года М-171 была удачливой. Одну за другой она выпустила две торпеды: первую в грузовое судно, стоявшее у причала, вторую в пассажирское. Тут же лодка ушла под воду и стала выбираться из фиорда. Подводники ждали взрывов глубинных бомб. Но, к удивлению, все было тихо, будто в гавани не слышали грохота торпед и не видели гибнувших судов. Удивление рассеялось, когда лодка в узкости фиорда вдруг остановилась и тут же произвольно стала всплывать с большим дифферентом на корму. «Малютка» попала в противолодочную сеть. Немецкие пушки принялись обстреливать лодку ныряющими снарядами.

Ты помнишь, как в Финском заливе выбирался из сети «Ерш»? И тут подводники давали задний

ход, заполняли водой среднюю цистерну, продували ее — раскачивали лодку, чтобы выбраться из стальных пут. Что значит заполнить цистерну? Вода, заполняя цистерну, выгоняет из нее на поверхность огромный воздушный пузырь, величиной с дом. Бросай бомбу в пузырь — попадешь в лодку. Вот уже слышно, как идет над лодкой корабль. Рвутся две глубинные бомбы. А больше немцы не бросают. Рассудили: «Зачем губить лодку? Скоро она израсходует запасы электроэнергии, воздуха высокого давления. И сдастся».

Наконец удалось вырваться из сети. Стариков решает пройти под сетью. Опустились на предельную глубину, двинулись вперед. И снова уперлись в заграждение. Немцы, почувствовав строптивость «малютки», стали бросать глубинные бомбы — не часто, но методично, как бы понукая к благоразумию, к сдаче в плен.

Да, из ловушки не уйти. И командир решает: всплыть, стрелять по врагу из пушки — на «малютке» она одна, калибром всего 45 миллиметров... Офицеры и комендоры получают гранаты — выскочив на палубу, будут драться гранатами. Инженер-лейтенанту Смычкову поручается самое ответственное — при угрозе захвата лодки бросить гранату в артиллерийский погреб, взорвать лодку...

К счастью, начался прилив. И забрезжила надежда на удачу. Самым малым ходом на минимальной глубине М-171 двинулась вперед. И вдруг все услышали легкое трение под килем. Лодка ползла над верхним тросом сети. А в фиорде было тихо. Немцы не замечали, что верная добыча уходит от них.

Дышать в лодке уже было нечем. Давление в отсеках очень высокое. Пустили компрессор, чтобы уменьшить давление. Словно в ответ послышались взрывы глубинных бомб. Остановили компрессор. Нырнули на глубину. Метнулись в сторону. Надо сбить врага со следа.

По времени над морем уже должны спускаться сумерки. Скорее бы ночь! Тогда отстанут преследователи, кончатся взрывы глубинных бомб. И можно будет всплыть, чтобы впустить в отсеки свежий воздух. В подводном положении лодка находится почти сутки.

В темноте всплыли. Дошли до берега, где стояли наши батареи. Под их защитой зарядили аккумуляторы. Утром другого дня Полярный увидел героическую лодку и услышал два выстрела. Командиры лодок, стоявших у причала, приняли швартовые концы у М-171. Был на Севере и такой обычай — в любое время суток командиры выходили встречать лодку или провожать ее в поход.

ТОВАРИЩЕСТВО ПОДВОДНИКОВ

Почему командиры в любое время суток выходили на причал встречать из похода или провожать в море лодку? Что вызвало такую традицию? Ответ простой: очень уж суровая служба у подводников. Они пребывают в напряжении не часы, даже не дни, а недели и целые месяцы. Дружба с ее верностью, бескорыстием, с мужской нежностью, только она одна могла снимать это постоянное напряжение, поддерживать бодрость духа, готовность перенести невзгоды, которыми не в меру щедро море в дни войны. А еще дружба обещает помощь — в любой, самой трагической обстановке, помощь даже ценой жизни.

Говоря о морской дружбе, о товариществе подводников, надо в составе друзей числить и корабль. Помнишь, адмирал Макаров говорил: «Корабль есть живое существо...» На самом деле, он бьет неприятеля, надежно бережет экипаж от непогоды, «с честью исполняет свой долг». Разве это не друг моряка? Через отношение к кораблю приходит и отношение к товарищам. Какое-либо упущение по службе приносит вред одновременно и кораблю, и его людям. Наоборот, самая маленькая забота о корабле уже есть забота о друзьях.

Однажды К-23 ставила мины у мыса Нордкин. Испортилось сбрасывающее устройство. Для починки нужно залезать в минно-балластную цистерну. Вызвался боцман старшина сверхсрочной службы Валентин Николаевич Носов. Лодка стояла близко от берега. В том месте часто проходили немецкие корабли. Чтобы не выдать себя и заминированный участок, если бы появился противник, лодка должна была срочно погрузиться. Моряки медленно закрывали за старшиной горловину цистерны. Тогда Носов сказал:

— Закрывайте. Если потребуется срочно погружаться, делайте это, не задумываясь.

Боцман утонул бы. Был бы залит водой в цистерне при погружении лодки. Однако он жертвовал собой — ради морского товарищества.

Щ-403 должна была ночью высадить в районе мыса Нордкап разведчиков. Ее обнаружили сторожевики, открыли огонь из пушек и пулеметов. Стоявший на мостике капитан-лейтенант С. И. Коваленко был тяжело ранен. Промедление с погружением погубило бы лодку.

— Погружайтесь без меня! — крикнул командир.

Задраили люк. Пошли на срочное погружение. В этот миг сторожевик ударил лодку форштевнем. Вблизи разорвалась глубинная бомба. Через пробоину в третий отсек хлынула вода. Моряки справились с аварией. Ушли от преследователей. В базе лодку долго ремонтировали: таран, снаряды и бомбы причинили ей большие повреждения. В походе после ремонта Щ-403 потопила транспорт, потом тральщик. И еще много судов потопила, заслужив орден Красного Знамени. Нет, не зря ее первый командир отдал мужественный приказ: «Погружайтесь без меня!»

Подводная лодка Щ-421 весной 1942 года потопила у Порсангер-фиорда восьмой транспорт. Тоннаж торпедированных ею судов достиг 49 тысяч тонн. В море радист принял радиограмму — лодку наградили орденом Красного Знамени. Радостные события были в самом начале апреля, а вечером 8-го числа у кормы «щуки» взорвалась мина. «Оглушительный взрыв потряс лодку. Вахтенных сбило с ног, а отдыхавших выбросило с коек на палубу. Гремели сорванные с фундаментов механизмы. Звенело битое стекло. Погас свет, в кормовые отсеки стала поступать вода. Дифферент «клюнул» на нос, затем выровнялся и сейчас же стре-

мительно начал нарастать на корму. Корабль, не слушаясь рулей, проваливался в глубину». Моряки седьмого отсека задраили переборочную дверь, принялись заделывать трещины, началась откачка воды. Чтобы уменьшить поступление воды, пришлось всплыть. И тут обнаружилось, что повреждены винты,— лодка при работающих дизелях не двигалась. Был близко вражеский берег. Ветром и течением лодку сносило к фиорду. Рано или поздно лодку обнаружат враги. Тогда верная гибель. Без хода, без возможности погружаться она, по сути, беспомощна. Дали радиограмму командующему.

Ближе всех к «щуке» была лодка К-22. Ей приказали идти на помощь. Несмотря на шторм, моряки «крейсерской» выжимали из машин максимальную скорость. А на «щуке» в это время из брезентовых чехлов шили парус. Его закрепили на перископе. Лодка двухузловым ходом начала удаляться от берега. Так она шла полсуток. Когда появлялись самолеты, парус опускали, чтобы не показать своего бедственного положения.

10 апреля К-22 подошла к Щ-421. В это время показался вражеский катер, увидев лодки, он развернулся и поспешил в фиорд. Появился самолет, сделал круг над лодками и полетел к берегу, сигналя ракетами.

«Крейсерская» попробовала буксировать «щуку». Но при большой волне стальные тросы лопались. Завели вместо троса якорную цепь. Она тоже лопнула. Командир К-22 Виктор Николаевич Котельников в мегафон передал приказ Военного совета флота:

— Личному составу Щ-421 покинуть корабль и перейти ко мне на борт! Взять секретные документы! Торопитесь, товарищи, самолеты противника в воздухе.

Когда передали эти слова морякам, задраившимся в седьмом отсеке, те ответили:

— С боевого поста уйдем только с личным приказом нашего командира.

Капитан-лейтенант Федор Александрович Видяев спустился с мостика в лодку и подтвердил приказ. Экипаж «щуки» перешел на «крейсерскую». На мостике остались Видяев и Колышкин.

Иван Александрович Колышкин был командиром дивизиона подводных лодок. Опытный и мужественный, он плавал на лодках, которые получали особо сложное задание или командиры которых только начинали самостоятельное плавание. Так, он был на Д-3 в том походе, когда она потопила четыре транспорта, был на М-172 при атаке в гавани Линахамари. Теперь пошел с Видяевым; Федор Александрович плавал раньше на Щ-421 старпомом, а в этот раз вел ее уже командиром.

Видяев и Колышкин остались на мостике «щуки». Решили погибнуть вместе с лодкой. Невыносимо трудно было покинуть обреченного друга — подводный корабль, так долго и так честно исполнявший свой долг перед людьми.

Котельников хорошо знал Видяева, они вместе плавали на Д-3 к берегам Гренландии. Знал хорошо и Колышкина. Страдая от мысли, что сейчас вот придется выпустить в «щуку» торпеду, убить свой же советский корабль, он думал, как заставить двух командиров перейти на борт «крейсерской».

Котельников повторил приказ Военного совета флота. Добавил от себя: К-22 не тронется с места без командира дивизиона и командира подводной лодки.

Колышкин и Видяев тоже знали характер Котельникова. Разумное напоминание вывело их из оцепенения. Дальнейшее промедление могло погубить оба экипажа.

Спуская кормовой флаг, Видяев плакал. С обнаженными головами стоял экипаж «щуки» на палубе К-22. Сначала Колышкин, а затем Видяев перешли на борт двадцать второй. Палуба дрогнула — в «щуку» пошла торпеда. В пламени, в дыму, в водяном смерче исчезла Щ-421.

В Екатерининской гавани Полярного К-22 двумя выстрелами известила базу о потопленных ею в походе транспортах врага. Потом, подняв позывные Щ-421, выстрелила еще раз — доложила о последней победе «щуки», о которой сама «щука» доложить не могла.

«СЧИТАЙТЕ КОММУНИСТОМ!»

...В часы, когда Щ-421 шла под парусом, когда каждый самолет в небе мог оказаться гибельным для экипажа, партийное бюро разбирало заявления о приеме в Коммунистическую партию. Тот, кто еще не был коммунистом, хотел стать им.

Почему на войне люди очень часто просили принять их в партию именно в труднейшее время, в такое, когда все вокруг грозит гибелью?

Ответить на этот вопрос можно так: человеку не все равно, как умирать. Это чувство заложено в нем самой природой, воспитано на протяжении всего существования рода людского. Так же как чувство уважения к старости и чувство заботы о детях. Еще в древние времена достойная смерть охотника в борьбе с хищным зверем вызывала не уныние у оставшихся жить, а, несмотря на печаль и горе, желание быть сильными и побеждать...

Каждый день войны прерывал тысячи жизней. Умирать никто не хотел, но вероятность смерти — так или иначе, рано или поздно — допускал каждый. И чувство достойной смерти было обострено у воинов. Обострено, с одной стороны, близостью и возможностью смерти, с другой стороны, сознанием правоты и величия своего дела и дела всего великого советского народа, борющегося со страшным зверем — фашизмом...

Борьбу с фашистами возглавляла Коммунистическая партия, она была главной силой человечества в жестокой борьбе, поэтому-то тот, кто был заодно с партией, считал необходимым в грозный час принадлежать к великому коммунистическому братству.

Еще: в грозный, смертельный час в настоящем человеке вся его воля, все его силы выступают на преодоление смертельной опасности. И вот в приливе невероятной энергии, в надежде преодолеть опасность, отбросить смерть и в конечном итоге победить врага человек чувствует себя вправе назваться коммунистом — человеком, который должен и может сделать теперь больше, чем другие.

За примером мы обратимся к подводной лодке С-56. Ее жизнь на море в чем-то исключительна. Прежде чем начать боевую работу в составе Северного флота, она совершила переход из Владивостока в Мурманск — прошла 17 тысяч миль в Тихом и Атлантическом океанах, в девяти морях: Японском, Охотском, Беринговом, Карибском, Саргассовом, Северном, Гренландском, Норвежском и Баренцевом. Но для наших рассуждений мы возьмем случай из ее деятельности, характерный и для многих других лодок. Иначе нельзя, из исключительного не позволяется делать общего вывода.

Григорий Иванович Щедрин, командир С-56, ныне Герой Советского Союза, вице-адмирал, рассказывает о том памятном походе:

«Февраль здесь самый штормовой месяц в году. Он и на этот раз ревниво оберегает свою репутацию. Восемь суток подряд ревет буря. Море как кипящий котел. Даже на тридцатиметровой глубине лодку кренит на восемь-десять градусов на борт.

В один из дней ветер достиг ураганной силы. Пришлось отойти от берега. Громадные волны перекатывались через мостик. Верхние вахтенные привязались бросательными концами к тумбе перископа. Ударами волн вдребезги разбиты стекла в ограждении рубки. Смыло за борт ночной прицел. В довершение всего понизилась температура воздуха. Лодка начала обледеневать.

Но вот погода улучшилась. Вчерашние сутки провели у берега в поисках противника. Море стало спокойнее. Однако конвои не идут.

А ранним утром встретились не с теми, кого искали. Нас обнаружили противолодочные корабли. Первая серия бомб взорвалась над нами около шести часов утра. И вот уже двенадцать часов команда стоит по готовности номер один».

Всевозможные способы и маневры употребил командир, чтобы уйти от преследователей. Но вражеские корабли не теряют контакта с лодкой, сыплют глубинные бомбы. Все механизмы, какие можно было остановить, остановлены на С-56. Не помогает. Есть еще один источник шума — это машинки регенерации. Они очищают воздух от углекислоты. Если их выключить, то содержание углекислоты увеличивается на процент каждый час. «При четырех процентах удушье становится мучительным. Если концентрация углекислоты достигает шести процентов, человек теряет способность управлять своими действиями».

Выключили машинки регенерации. И бомбы стали падать не так близко. Однако стоило пустить их снова, как взрывы стали опасными. Немцы не жалеют бомб. К тому же у них, на поверхности моря, произошла смена: три сторожевых корабля ушли на отдых, теперь за лодкой охотятся два сторожевика и два миноносца. Иного выхода, как остановить машинки регенерации на длительное время, нет. А концентрация углекислоты в лодке уже превысила четыре процента... Есть моряки, потерявшие сознание у своих постов. «Некоторые пытаются дышать через патроны регенерации. Однако не хватает сил втянуть через них воздух».

И вот командир отдает суровый приказ: «Остановить регенерацию». А отдав его, подходит к переговорным трубам и вызывает отсеки. «Противник начинает нас терять,— говорит командир экипажу.— Я знаю, что вы устали и выбились из сил. И все-таки нужно держаться. Разрешаю беспартийным отдохнуть. Коммунистов прошу стоять за себя и товарищей. Повторяю: коммунистов прошу держаться!»

«Первым ответил седьмой отсек:

— Беспартийных нет. Вахту стоим!

— В шестом стоят по готовности номер один. Вахту несем все. Назаров подает заявление в партию. Беспартийные просят не сменять их!..

— Личный состав пятого отсека просит считать нас всех коммунистами! На вахте будем стоять сколько понадобится!

И так все отсеки. С боевого поста не ушел ни один человек».

В те тяжелые часы на лодке состоялось партийное собрание. Обсуждали заявления о приеме в коммунисты. Проходило оно так: все были на своих постах — готовность номер один! — а парторг и его заместитель обходили отсеки, зачитывали заявления и рекомендации, выслушивали мнения моряков. Партийная организация С-56 после того случая по числу коммунистов сравнялась с численностью экипажа.

Два миноносца и пять сторожевиков охотились за лодкой. Сбросили на нее больше трехсот бомб. Бомбили 26 часов 30 минут. Тебе, дорогой друг, ясны эти цифры. Ты уже много знаешь о подводниках, представляешь, что стоит за такими цифрами,— в них мужество, стойкость, жажда жизни и победы над врагом.

С-56 вырвалась из смертельного кольца. Она умело продолжала воевать. За 14 потопленных транспортов и кораблей получила от правительства Краснознаменный гвардейский военно-морской флаг.

...В наших Вооруженных Силах в 1941 году был 1 миллион 300 тысяч коммунистов. Несмотря на то, что много членов партии погибло в боях, к концу Великой Отечественной войны в партийных организациях армии и флота на каждые 100 воинов приходилось 25 коммунистов вместо 13 вначале.

КАК ХОДИЛИ КОНВОИ

Союзники по войне с фашистами — Соединенные Штаты Америки и Англия — обязались помогать нам танками, самолетами, грузовиками и другим снаряжением для армии. Все это снаряжение можно было доставить на советско-германский фронт тремя путями:

морем от западного побережья США до Владивостока и далее железной дорогой;

морем из восточных портов США, огибая Африку у мыса Доброй Надежды, в Персидский залив и далее железной дорогой через Иран в Закавказье;

морем из английских и американских портов до Мурманска и Архангельска.

Посмотрим карту мира. На глаз ясно, что последний маршрут предпочтительнее, на доставку грузов по нему времени уходит в пять-семь раз меньше. Но этот маршрут опаснее. Конвои долж-

ны идти вдоль берегов Норвегии, а там и авиация и флот фашистской Германии. Особенно сложно бывает в полярный день, когда совсем нет темноты. Еще трудность: от английского Скапа-Флоу и исландского Рейкьявика, где формировались конвои, до наших северных портов нет ни одного пункта, в котором можно было бы исправить повреждения на судах, переждать шторм, отдохнуть экипажам. Две недели длился переход конвоев, и две недели на всем пути враг грозил атаками подводных лодок, ударами с воздуха, обстрелом с надводных кораблей. Немецкая авиация бомбила и порты разгрузки.

Война есть война. Куда денешься на войне от опасности? Главное же, союзники имели на море достаточные силы, чтобы противодействовать флоту фашистов. Северная морская дорога стала основной коммуникацией, связывавшей СССР с Англией и США.

Обеспечение конвоев являлось одной из основных задач Северного флота. Советские корабли и самолеты вступали в охранение конвоев в своей зоне — восточнее острова Медвежий. Именно здесь фашисты чаще нападали на транспортные суда, так как судам приходилось идти вблизи норвежского берега.

В нашей зоне потери в транспортах были незначительными по сравнению с потерями в зоне действия англичан. Мы не можем отказать английским и американским морякам в храбрости и мужестве, они честно выполняли союзнический долг, и многие погибли в холодных волнах Баренцева моря. Но, может быть, наши моряки и летчики действовали удачнее потому, что яснее сознавали, как нужны сухопутному фронту грузы, доставляемые конвоями. Борьбу за каждый транспорт они вели не на жизнь, а на смерть.

Знаменитый летчик Сафонов погиб именно при защите конвоя от гитлеровских бомбардировщиков. В том последнем бою — весной 1942 года — он сбил три вражеские машины. Его истребитель был подбит, не дотянул до берега и упал в море. На счету гвардии подполковника Б. Ф. Сафонова было 30 самолетов, сбитых лично, и 3 сбитых в групповых боях.

В конце марта 1942 года к Мурманску подходил союзный конвой, который понес потери в английской зоне. Транспорты разбрелись по морю. Над морем висели черные тучи, проносились снежные заряды. Для авиации и кораблей погода была неблагоприятной. Трудно обнаружить свой транспорт — радиосвязь запрещена, еще труднее увидеть перископ вражеской лодки или след торпеды.

Встречать конвой вышли из Мурманска эсминцы «Гремящий», «Сокрушительный», английский эсминец «Ориби» и четыре тральщика. Через несколько часов «Гремящий» атаковал глубинными бомбами подводную лодку. А потом на фоне черной тучи увидели дымное облако. Шел какой-то корабль. Эсминцы изготовились к бою. Корабль оказался английским крейсером «Тринидад». Поблизости был и конвой — семь транспортов в охранении миноносца и двух тральщиков.

Тучи сгустились. В пелене летящего снега пропали суда. В этот момент три немецких эсминца приблизились к конвою. До транспортов они не дошли, так как два наткнулись на «Тринидад», а третий на эскортный миноносец «Фьюри». Выпустили торпеды по крейсеру. Одна попала в середину корпуса, разворотила борт, вода затопила котельное отделение. Англичане открыли артиллерийский огонь по противнику. Тут же пошел ко дну немецкий корабль, другой, поврежденный, скрылся в снежном заряде, а третий все гнался за «Фьюри», осыпая его снарядами. Миноносец зашел за корму наших эсминцев. «Сокрушительный» и «Гремящий», прикрывая его, обрушили на немецкий корабль свои залпы. Вражеский эсминец получил прямое попадание в машинное отделение и поспешно скрылся в снеговой мгле.

Поврежденный «Тринидад» в сопровождении «Ориби» и «Фьюри» пошел в Кольский залив. С транспортами остались наши эсминцы и тральщики. По радио было получено сообщение — у Кольского залива находятся пять подводных лодок врага.

«Сокрушительный» и «Гремящий» повели транспорты во льды, где немецкие подлодки боялись плавать. Отыскивая разводья среди ледовых полей, суда и корабли конвоя продолжали движение. Когда стало темнеть, опять вышли на чистую воду. Уже виден был полуостров Рыбачий и остров Кильдин. Передние транспорты начали входить в Кольский залив. «Гремящий» переменными галсами ходил за кормой концевого транспорта — охранял дорогой тихоход (десять железнодорожных эшелонов военного имущества).

А какие неожиданности могли быть в самом горле залива? Вблизи рассыпалась волна, в водяной яме мелькнула рубка немецкой лодки, лодка выходила в торпедную атаку. Команда «Самый полный вперед» была отдана без промедления. «Гремящий» пошел на таран. Когда эсминец оказался над лодкой, волна приподняла корабль, и его киль только проскрежетал по обшивке подлодки. Но счастье врага было недолгим. Эсминец ходил над местом погружения и сбрасывал глубинные бомбы. После двадцать первого взрыва на поверхность моря всплыло пятно соляра, деревянные обломки, бумаги, какие-то вещи. Транспорт был спасен. Немецкая подводная лодка отвоевалась.

За войну в Советский Союз пришел 751 транспорт. Потеряно было 81 судно. Из сравнения этих цифр можно сделать вывод — фашистской Германии не удалось прервать коммуникацию, связывавшую СССР с союзными странами.

Не все конвои приходили благополучно. Враг потопил 24 транспорта из состава PQ-17, чуть ли не треть из общего числа потерянных за войну транспортов. То, как это случилось, поучительно для нас в военном и политическом отношении.

Конвой PQ-17 вышел из Исландии 27 июня 1942 года. Обрати внимание на дату. Вспомни, какие события происходят в это время на фронте. В то лето нам было невероятно тяжело. И помощь союзников нам требовалась как никогда. Немецко-фашистское командование, естественно, приложило старание, чтобы такая помощь не поступила. И не только немецкое.

Конвой включал 34 транспорта и 3 спасательных судна. Их охраняли 6 эсминцев, 4 корвета, 2 подводные лодки, 2 корабля противовоздушной обороны, 4 противолодочных корабля и 7 тральщи-

ков. В обязанность этих кораблей входило защищать транспорты. Транспорты и сами имели около 70 орудий, 200 пулеметов, над судами было поднято 13 аэростатов заграждения.

Но на конвой могли напасть немецкие надводные корабли. Тогда в бой с ними должны были вступить корабли ближнего прикрытия: 2 американских крейсера, 2 английских крейсера и 3 эсминца. Кораблями непосредственного охранения и ближнего прикрытия командовал английский адмирал Гамильтон.

Представлялось вероятным, что враг пошлет на перехват огромного конвоя целую эскадру. Для борьбы с ней был еще отряд — дальнего прикрытия. Им командовал адмирал Тови. Отряд состоял из английского линкора «Дьюк ов Йорк», американского линкора «Вашингтон», авианосца «Викториес», 6 крейсеров и 11 эсминцев.

Не правда ли, целая армада на защите транспортов! Но это еще не все. На возможных путях немецкой эскадры затаились 9 английских подводных лодок и 5 наших.

Я все же напомню тебе, читатель, что происходит в эти дни на сухопутном фронте. Ожесточенные бои идут на подступах к Сталинграду. Весь Крымский полуостров оккупирован врагом. Немецко-фашистские войска рвутся на Кавказ. Тысячи и тысячи героев отдают свои жизни, чтобы остановить врага, сдержать его яростный натиск. Горят деревни. Города превращаются в груды щебня. Льется кровь. Льются слезы. Фашисты бросили все силы, чтобы теперь или никогда выиграть войну. Каждые 8 вражеских дивизий из 10 воюют на нашей земле — это больше 6 миллионов солдат. Лишь 2 дивизии из каждых десяти, имеющихся у Гитлера, находятся на Западе... И вот союзники везут оружие...

А конвой уже достиг норвежских берегов, он давно обнаружен немецкой разведкой. Для врага наступило время действовать. На уничтожение транспортов он готов бросить 350 самолетов и эскадру надводных кораблей. Два десятка немецких подлодок заняли позиции на пути транспортов. Но вот помеха — никак не установит немецкая разведка точный состав союзной эскадры. Крейсер «Лондон» из-за второй, фальшивой, трубы принят за линкор. По мнению немецкого командования, у союзников три линкора. А это уже опасно для немецкой эскадры. Может быть, и не выходить в море? В эскадре-то лишь один линкор «Тирпиц»... К тому же вдруг линкор и авианосец куда-то исчезли. Может быть, они и не связаны с охраной конвоя, может быть, у них другая задача? Обстановку на море докладывают Гитлеру в Берлин.

Пока нет распоряжений Гитлера, эскадра сосредоточивается в Альтен-фиорде. Немецкие моряки нервничают — очень уж хочется уничтожить конвой и очень уж рискованно. При маневрировании в фиорде тяжелый крейсер «Лютцов» наскочил на камни. Три эсминца тоже наскочили на камни. Еще не выйдя в море, немецкая эскадра повредила четыре корабля.

Эскадра стоит в фиорде. Но вступили в дело подлодки и самолеты. Первую атаку конвоя они провели 2 июля. Корабли непосредственного охранения и сами транспорты все атаки отбили без потерь. 4 июля самолеты-торпедоносцы повредили три транспорта, в их числе советский танкер «Азербайджан». В соответствии с английскими правилами команды поврежденных транспортов были сняты на эскортные корабли, а сами транспорты затоплены. Экипаж нашего танкера во главе с капитаном Изотовым отказался покинуть свой корабль. Конвой ушел, моряки без чьей-либо помощи погасили пожар, исправили машину и пошли самостоятельно. Забегая вперед, скажу, что танкер благополучно добрался до Архангельска, так же как и второй наш транспорт «Донбасс», получивший повреждения при бомбежке и отразивший шесть воздушных атак.

После долгих колебаний Гитлер и его адмиралы решились: эскадра во главе с «Тирпицем» вышла в море. В ней, кроме линкора, были 2 тяжелых крейсера, 7 эсминцев и 2 миноносца. Не поленись, посчитай и сравни количество союзных и немецких кораблей. У англичан и американцев подавляющее превосходство в силах. Еще надо учесть, что наша авиация неделей раньше начала наносить бомбовые удары по немецким аэродромам в Норвегии. И еще — в советской зоне действия, восточнее острова Медвежий, конвой встретят советские корабли.

Что же в такой ситуации предпринимает английское командование? Что-то странное. После того как английская разведка сообщила в свой штаб о сосредоточении немецкой эскадры в Альтен-фиорде, морской лорд адмирал Паунд отдал приказ — кораблям прикрытия на полной скорости отходить на запад. Адмирал Гамильтон, в свою очередь, видимо, решив, что над линкорами и крейсерами нависла какая-то небывалая опасность, приказал эскортным кораблям покинуть транспорты и идти на охрану эскадры — опять же на запад. Так были отданы на растерзание врагу три десятка огромных судов, груженных военным снаряжением. Они получили приказ самостоятельно добираться до Архангельска. Английское командование не известило наше командование о своих действиях.

Транспорты, беззащитные, тихоходные, разбрелись по морю. Стоял полярный день. Солнце не заходило за горизонт. Единственным спасением было уйти во льды к Шпицбергену, к Новой Земле. А скоро ли достигнешь льдов, если движешься 9—10-узловым ходом?

Немецкие подводные лодки, самолеты начали безнаказанную охоту.

А что же делает немецкая эскадра? Мы говорили с тобой, что на возможном пути эскадры были пять наших подводных лодок. О выходе «Тирпица» они получили сообщение по радио, приказ командующего Северным флотом был — атаковать.

В числе других поиск врага начала К-21 под командованием Николая Александровича Лунина. Во второй половине дня акустик лодки обнаружил нарастающие шумы. Один за другим показались у горизонта два эсминца. Лунин решил атаковать их, но тут показались мачты больших кораблей. Вскоре стал виден тяжелый крейсер, «карманный линкор», как называли его сами немцы, «Адмирал Шеер», а затем появился в перископе «Тирпиц», окруженный миноносцами. «Тир-

пиц» построили фашисты перед самой войной — крепость длиной в четверть километра. Лучшей цели наши подводники еще не встречали.

Немецкая эскадра шла, постоянно меняя курсы. Лунин пятнадцать раз сменил курс, прежде чем вышел на позицию для атаки. Перед зрачком перископа был борт «Тирпица» — лодка смело вошла в середину строя фашистских кораблей, с расстояния в 17—18 кабельтовых выпустила четыре торпеды.

К-21 нырнула на глубину. Акустик зарегистрировал два взрыва. Враг не преследовал лодку. Шумы эскадры удалялись. Это могло значить одно — дерзкая атака ошеломила немцев. К тому же над эскадрой пролетел английский разведчик. Опасаясь нападения английских линкоров и авианосца, немецкие корабли поспешили на юг, к берегу, в базы под защиту авиации и артиллерии.

Это так говорится — поспешили. Эскадра, как обнаружил наш самолет 6 июля, шла малым ходом. «Тирпиц», имевший 30-узловую скорость, теперь шел медленно — лунинская атака сделала свое дело. В ремонте немецкий линкор простоит три месяца... Так одна наша лодка прогнала вражескую эскадру. И нам с тобой, дорогой друг, еще раз приходится дивиться странному приказу английского морского министра. Конечно, начнись сражение с немецкой эскадрой, англичане понесли бы потери в кораблях. Но, несомненно, куда большие потери понесли бы немцы.

Судьба конвоя PQ-17 до сих пор обсуждается в исторических и военных книгах. Очень уж тяжелые тогда были потери. Из 34 транспортов 23 были потоплены. С ними погибло грузов на сумму в полмиллиарда долларов: 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и другое военное имущество. К слову сказать, 11 судов из 23 были только повреждены, добивали их сами англичане — из орудий и торпедами.

Нам с тобой тоже очень хочется знать причину, по которой конвой был брошен на произвол судьбы. Не вдаваясь в подробности поведения английских адмиралов, обратимся к поведению главы правительства Англии. Черчилль еще в начале 1942 года писал своему министру иностранных дел об отношениях стран-союзниц после победы над Германией: «...представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи». В этой фразе вся жестокая программа империалистов. Цель — стать диктаторами мира. Путь к этой цели — до предела истощить в войне Советский Союз. Вот и истощали. Везли нам оружие. Но очень часто не довозили.

Мы с тобой, читатель, уже говорили о состоянии дел с открытием второго фронта, с работами над атомной бомбой. Прибавь в этот ряд и гибель конвоя PQ-17.

После его гибели доставка вооружения и стратегических материалов в Советский Союз была надолго прервана — будто бы из-за невозможности обезопасить движение конвоев.

За годы войны мы получили от союзников 4 процента товаров и материалов, израсходованных в сражениях с фашистами. А 96 процентов нужного на войне мы сделали сами.

МЕСТЬ ЗА ПЕРЛ-ХАРБОР

Приняв на себя основную тяжесть борьбы с фашизмом, Советский Союз дал возможность Англии и США наращивать силы для ведения войны и с Германией и с Японией, в частности на океанских театрах. К 1943 году американская промышленность набрала высокие темпы, построила большое количество кораблей, начиная от катеров и кончая авианосцами. Ожесточенную битву на просторах Атлантики вели союзники против немецких подводных лодок. На Тихом же океане главной заботой американцев было вытеснение японцев из захваченных ими районов. Американцы действовали медленно. «Шаг за шагом» — так называлась их стратегия. Она заключалась в постепенном захвате острова за островом с целью продвижения к самой Японии. Затем стратегия изменилась. Ее назвали «лягушачьи прыжки». Суть была в захвате уже не просто островов, а ключевых позиций на островах.

Писать о войне в Атлантике и на Тихом океане нет возможности. Но мы с тобой посмотрим, как американцы на Соломоновых островах, на архипелаге, который расположен к востоку от Новой Гвинеи, отомстили японскому адмиралу Ямамото за нападение на Перл-Харбор.

Японцы захватили Соломоновы острова весной 1942 года. Но уже в конце лета американцам удалось высадить десант на остров Гуадалканал. Японцы много раз пытались сбросить американцев в море; противники с августа по ноябрь провели в том районе 15 боев. Закончились они тем, что Гуадалканал оставили японцы, а пролив на севере от острова стали называть Железным дном. В проливе было потоплено множество кораблей. Японцы тогда потеряли 2 линкора, 1 авианосец, 3 крейсера, 7 эсминцев и 190 самолетов, американцы — 2 авианосца, 6 крейсеров, 9 эсминцев и 150 самолетов.

Остров Гуадалканал понадобился американцам как трамплин для «лягушачьего прыжка» на остров Новая Британия. На его северной оконечности, в Рабауле, размещалась важная военно-морская и авиационная база японцев. В 1943 году американцы не смогли взять ее. Но нам с тобой важно не это. Нам важно знать, что на Гуадалканале находятся американцы, там стоят их корабли и расположен большой аэродром, а в Рабауле появился адмирал Исороку Ямамото, главнокомандующий объединенного флота Японии. Первый раз за войну он отправился с целью инспекции в район боевых действий. У японцев есть три военно-морские базы на южной оконечности острова Бугенвиль. Ямамото намерен посетить их. Таким образом, адмирал окажется в зоне действия американских самолетов.

Японское командование было извещено о поездке адмирала шифровкой. Американцы знали шифр

противника. Они перехватили радиограмму, и план японцев перестал быть тайной. Прочитав радиограмму, командующий тихоокеанским флотом США адмирал Честер В. Нимиц отдал приказ истребителям на Гуадалканале — сбить самолет японского адмирала. К приказу было неофициальное дополнение: «Счастливой охоты». На календаре в тот день стояло: 14 апреля 1943 года.

Участников охоты охватили волнение и азарт. Задание сложное, но и промахнуться почти невозможно. Вот что было в расшифрованной радиограмме:

«Инспекционная поездка командующего объединенным флотом по военно-морским базам Баллале, Шортленд и Буин 18 апреля будет происходить следующим порядком:

06.00 — отправление из Рабаула на среднем штурмовике в сопровождении шести истребителей;

08.00 — прибытие в Баллале. Немедленная отправка в Шортленд на катере-охотнике;

08.40 — прибытие в Шортленд;

09.45 — отправление из Шортленда на катере противолодочной обороны;

10.30 — прибытие в Баллале, в Баллале — сторожевой катер;

11.00 — отправка из Баллале на среднем штурмовике в Буин;

11.10 — прибытие в Буин. Завтрак в штабе сил обслуживания 1-го флота;

14.00 — отправка из Буина на среднем штурмовике в сопровождении шести истребителей;

15.40 — прибытие в Рабаул.

В случае ненастной погоды поездка откладывается на один день».

Если бы летел какой другой флотоводец, американцы не стали бы рисковать своими истребителями. Ведь надо было пролететь до встречи с японским самолетом четыреста миль, да еще четыреста, чтобы вернуться. Но Ямамото был адмиралом особым. Гибель Ямамото должна была ошеломить флот и армию, деморализовать противника и тем облегчить действия американцев. В стойкости японских солдат, в их боевой выучке американцы убедились, отвоевывая острова. Многодневные бомбежки, последующий обстрел с кораблей не могли сломить гарнизонов. Морская пехота американцев при высадке на берег каждый раз несла большие потери — японцы сопротивлялись отчаянно. Было еще обстоятельство не в пользу Ямамото. Это под его руководством составлялись планы войны на Тихом океане, и план нападения на Перл-Харбор был его детищем. Флот Японии своею мощью тоже был обязан Ямамото. Еще в 1915 году он говорил: «Самым важным военным кораблем в будущих морских сражениях будет корабль, несущий на борту самолеты». И Япония строила авианосцы... Короче говоря, адмирал был очень нужен для войны. Это и решило его участь.

К середине 1942 года японские войска занимали обширнейшие районы Китая и Корею. Они оккупировали страны Индокитайского полуострова, острова Малаккского архипелага, Филиппины, большую часть Новой Гвинеи и вплотную приблизились к Австралии и Индии.

Богатейшие районы захватили японские империалисты, отняли их у империалистов английских, голландских, американских. Ко всему этому приложил свою твердую руку Ямамото.

Летчики на Гуадалканале долгое время провели у карты островов за расчетом точки, в которой могли перехватить японского адмирала. Выходило, точка эта у западного берега острова Бугенвиль. Летчики очень верно учли психологию японского пилота — находясь большую часть пути над открытым морем и тревожась за судьбу важной персоны, пилот бомбардировщика, конечно же, захочет, подойдя к острову, лететь поближе к берегу.

Утром 18 апреля американские двухфюзеляжные истребители типа «лайтнинг» собрались в небе над аэродромом и пошли на запад. Летело шестнадцать самолетов. Вместо восемнадцати. Один потерпел аварию при взлете, второй уже в воздухе не смог питать моторы горючим из дополнительных баков.

В ту же минуту из Рабаула вылетели два японских средних штурмовика (точнее, бомбардировщика) в сопровождении шести истребителей. Единственное изменение, которое японцы внесли в план поездки главнокомандующего,— это второй бомбардировщик. Всем спутникам Ямамото в одном самолете было бы тесно.

«Трудно пришлось летчикам без радиосвязи,— пишет о том полете американский писатель Барке Дэвис.— Неуютно и одиноко чувствовали они себя в кабинах. Летчики устали. И когда Митчелл (командир эскадрильи) последний раз изменил курс и стал набирать высоту, все облегченно вздохнули. Быть может, через каких-нибудь пять-десять минут придется вступить в бой. «Лайтнинги» сомкнулись и пошли тесным строем».

В рассчитанное время американцы увидели на фоне гор самолеты. Летели два бомбардировщика и шесть истребителей.

По плану, разработанному на земле, сбивать бомбардировщик должна была первая четверка. Другая четверка непосредственно прикрывала ударную группу, связывала боем шестерку японских истребителей. А восемь истребителей должны были находиться выше всех и отразить нападение вражеских самолетов, которые прилетят на помощь адмиралу с аэродрома на Бугенвиле.

План в реальных условиях оказался малогодным. Во-первых, было два бомбардировщика, а не один. В котором летит Ямамото? Этого не узнать. Значит, надо сбивать оба. Во-вторых, возникло техническое осложнение: один истребитель ударной группы никак не мог сбросить дополнительные баки, а они уменьшают скорость, которая так нужна в бою. Летчик резко бросает самолет в стороны, пытаясь освободиться от баков. В это время его прикрывает другой истребитель. Таким образом, ударная группа уменьшилась наполовину — в ней лишь «лайтнинги» Ланфьера и Барбера. Командир эскадрильи не знает об этом, он уверен, что на бомбардировщики бросятся четыре самолета. Вот ведь как бывает в бою...

Японцы увидели американцев чуть позже. Их маленькие и юркие истребители «зеро» ринулись сверху на атакующих Ланфьера и Барбера. Бомбардировщики тут же начали пикировать на джунгли, к верхушкам деревьев. Один повернул налево, к Буину, другой направо — к морю. Как потом

выяснится, в левом был адмирал Ямамото, в правом вице-адмирал Угаки.

Ланфьеру и Барберу пришлось пронестись сквозь рой «зеро» (один японец при этом был сбит) и лишь потом повторить атаку бомбардировщиков. В повторную первым вышел Барбер. Внизу под ним оказался лишь один бомбардировщик. Американец подошел к нему и принялся бить из пулеметов по двигателям. Когда загорелся правый мотор, перенес огонь на фюзеляж, пули отбили у самолета кусок хвоста. Бомбардировщик содрогался при каждом попадании, он потерял скорость и опускался все ниже. В это время на Барбера набросились три «зеро». Американец на бреющем полете стал уходить от них. На помощь ему поспешили два «лайтнинга».

Ланфьер освободился от японских истребителей позже товарища и не знал о его атаке. Он увидел летящий над джунглями бомбардировщик, бросился на него в пике. Минутой позже вниз ринулись два «зеро», стремясь отсечь «лайтнинг» от бомбардировщика. Все четыре машины едва не столкнулись в одном клубке. Американец сохранил трезвый расчет. «Я не снайпер,— вспоминал он после боя,— но я был уверен, что достаточно было выстрелить, чтобы он (бомбардировщик) развалился... Прежде чем я сообразил о дистанции, правый мотор бомбардировщика, а вслед за тем и правое крыло вспыхнули и загорелись... Правое крыло японского самолета отвалилось, и машина рухнула на деревья и взорвалась».

Итак, дело сделано. Но американцы не знают об этом. Второй бомбардировщик все еще в воздухе. В нем летит адмирал Угаки. Этот японец вспоминал потом:

«Я перепугался страшно, увидев низколетящий над джунглями самолет, охваченный ярким оранжевым пламенем, быстро распространявшимся по фюзеляжу и крыльям... Я терпеливо ждал, когда наша машина вернется в горизонтальный полет, чтобы посмотреть еще раз на самолет Ямамото. Когда наш собственный самолет вышел из виража, я обежал взглядом джунгли. Там, вдалеке, из непроходимых зарослей в небо поднимался клубами черный дым. Увы! Надеяться больше было не на что!»

Бомбардировщик Угаки шел над морем. Его преследовал неутомимый Барбер. А самого Барбера преследовали три «зеро». В это время на японских истребителей бросились два «лайтнинга». Они сбили все три «зеро», а пролетая над бомбардировщиком, успели всадить и в него пулеметную очередь.

Пары бензина из пробитых баков наполнили крылья бомбардировщика. И когда Барбер, несмотря на огонь пулеметов и пушки вражеского самолета, подошел к нему еще раз почти вплотную и еще раз ударил очередью, бомбардировщик взорвался.

Чуть ли не одновременно со взрывом бомбардировщик врезался в море. В его фюзеляже на месте оторвавшегося крыла образовалась большая дыра. В дыру воздушной волной выбросило Угаки. Это страшное падение произошло вблизи японской военно-морской базы. К месту падения поспешил катер. Он подобрал из воды Угаки, еще одного японца — контр-адмирала и пилота.

«Лайтнинги» на большой скорости уходили к Гуадалканалу. Японские истребители преследовали их. Но «зеро» поднялись в воздух слишком поздно. Им удалось сбить только один самолет. Все остальные благополучно вернулись с «охоты за адмиралом».

Так закончилась жизнь Ямамото, человека, который много сделал, чтобы началась и шла вторая мировая война. Случай избавил его от позора будущего поражения императорской Японии.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Настало прекрасное время, небо полнилось нашими самолетами, земля — нашими танками и орудиями, море — нашими кораблями. Вместо горьких слов: «Оставлен город такой-то...» — радио говорило: «Освобождены...» — и следовали названия, звучные, певучие, славные, родные до бесконечности. Курск. Вязьма. Орел. Белгород. Харьков. Новороссийск. Брянск. Полтава. Смоленск. Кременчуг. Киев...

Был 1943 год. Фашисты отходили. Им очень не хотелось отходить. С каждым шагом в сторону «великого рейха» укорачивалась их надежда выиграть войну. Многих охватил страх перед возмездием. А многих злоба и ненависть бессилия. Тяжко было «сверхчеловекам» согласиться с мыслью, что воля, смелость и стойкость обычных людей взяли верх.

Как чувствовали себя в 1943 году Адольф Гитлер и его генералы? Они, как и вся фашистская Германия, не могут оправиться от потрясения под Сталинградом. Но бодрятся. На лето 1943 года планируют решающее, гигантское сражение в районе Курска. Подчеркивают, что, выиграв это сражение, возьмут реванш за Сталинград.

Противник сбросил листовки в расположение нашей 65-й армии. «Сталинградские бандиты Рокоссовского! Зачем вы прибыли под Курск? Не думайте, что здесь вам удастся сделать как под Сталинградом. Здесь мы вам сделаем Сталинград». Занятная листовка! Странная смесь высокомерия, тупости, злобы и даже обиды — солдаты Рокоссовского не имели права побить арийцев, но побили...

Самые лучшие дивизии фашистов стянуты к Курску, в их числе эсэсовские «Райх», «Великая Германия», «Мертвая голова», «Викинг», «Адольф Гитлер». Новейшие танки «тигры» и «пантеры», самоходные орудия «фердинанды» приготовлены к битве. Под Курском у немцев 70 процентов всех танков и 70 процентов всех самолетов. Общее командование возложено на Манштейна, он теперь генерал-фельдмаршал.

В районе Курска линия фронта имеет вид дуги. Ее выпуклость обращена на запад. Пространство в дуге заполнено нашими войсками. Немцы намереваются нанести мощнейшие удары с юга и севера по основанию выступа. Если это удастся, то огромная масса советских войск попадет в окружение.

Курскую битву с блеском осуществили наши полководцы Г. К. Жуков, А. М. Василевский,

К. К. Рокоссовский, Н. Ф. Ватутин, И. С. Конев, П. А. Ротмистров, И. Х. Баграмян, М. М. Попов и другие генералы. Враг потерял в ней полмиллиона солдат, около 1500 танков, 3 тысячи орудий, более 3700 самолетов.

О значении нашей победы Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин скажет:

«Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой».

Выиграв оборонительное сражение под Курском, советские войска провели победные сражения за Орел и Харьков.

«Три огромных сражения за Курск, Орел, Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте» — так оценил наши успехи Черчилль.

В конце лета 1943 года весь мир окончательно уверовал в поражение фашистской Германии.

Я сейчас вот о чем думаю, мой дорогой друг: «Стоило ли так много страниц отдавать рассказу о наших неудачах, об отступлении, о жертвах, принесенных нами?» Не лучше ли было отдать Адмиральскую главу нашему наступлению, когда враг бежал, был в смятении, когда от смерти или плена спасали фашистов только ноги и колеса?

Признаюсь, рассказывать о первой половине войны было тяжело. Но не я первый, кто сознательно захотел еще раз прожить те трагические дни и месяцы. Большинство авторов военных книг возвращается в прошлое, хотя это прошлое — самое суровое из всех суровых времен человечества.

А зачем это нужно?

Лев Николаевич Толстой в одном из предисловий к «Войне и миру» писал:

«Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, не описав наших неудач... Ежели причина нашего торжества была не случайная, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений».

ЖИЗНЬ АДМИРАЛА

Мы прервали рассказ о черноморских моряках на том времени, когда неприятель занял почти весь город Новороссийск (сентябрь 1942 г.) и пытался через горы прорваться к Туапсе. Моряки помогают бойцам сухопутных войск оборонять Кавказ. В горах, ущельях, на перевалах идут ожесточенные схватки. На суше решается и судьба флота.

Если бы фашисты заняли Туапсе, у нашего флота остались бы только две стоянки — Поти и Батуми. И неизвестно, как долго могли бы мы их удерживать. Над кораблями нависала угроза остаться в море, все берега которого контролируются врагом. В директиве, подписанной Гитлером, говорилось: «Важнейшей задачей является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота».

Ожесточенные бои происходили в те дни в горах у Гойтхского перевала. За перевалом начиналась прямая дорога к Туапсе. Все резервы, какие можно было собрать, направлялись в горы — там сражались стрелки, морские пехотинцы, отряды альпинистов, милиция, ополченцы. В решающем месте были и военачальники, руководившие обороной Кавказа. В их числе заместитель командующего фронтом адмирал И. С. Исаков. Ставка поручила ему организовать взаимодействие черноморцев с войсками Закавказского фронта.

Исаков И. С.

Жизнь опытного и умного военачальника имеет чрезвычайно высокую цену. Иногда просто бесценна для страны. Конечно, жизнь воина любого ранга дорога. Но солдату, офицеру в случае гибели найдется замена, маршалу, адмиралу найти замену трудно бывает, невозможно. Когда войсками управляет талантливый военачальник, войска одерживают победы, потери несут меньшие. Это известно армии и флоту, поэтому так нередки случаи самопожертвования солдат и матросов ради спасения командиров.

Военачальник не имеет права рисковать собой. Но бывают моменты, когда риск считается оправданным, необходимым для победы. Такой момент возник при обороне Гойтхского перевала. Немцы захватили перевал и ринулись к Туапсе. В тот час командование не имело ни горстки бойцов, чтобы подкрепить наших. Тогда в решающую точку боя поспешили командующий фронтом генерал армии И. В. Тюленев и его заместитель адмирал И. С. Исаков. Сам факт появления военачальников в опаснейшем месте придал отходившим бойцам силы. Гитлеровцы были остановлены, а затем отброшены за перевал.

Все было бы хорошо. Но в ущелье адмирал

попал под бомбежку. Шесть «юнкерсов» забросали ущелье бомбами. Осколок размозжил Ивану Степановичу бедро. Ты знаешь, какие средства американцы отрядили на уничтожение японского адмирала Ямамото. Послушай, как наши боролись за жизнь своего адмирала.

На грузовике раненого вывезли из-под бомбежки, доставили в медсанбат. Там врачи сменили повязку, сделанную на скорую руку санитаром,— другой помощи оказать не могли, ранение было очень сложное, тяжелейшее.

Адмирала нужно было отвезти в полевой госпиталь в Туапсе. Малейшее сотрясение вызывало страшную боль, поэтому решили воспользоваться дрезиной на железной дороге, собрались нести раненого к дрезине, как ее разбило бомбой. Нашли еще дрезину. Добрались до города. Там операцию тоже некому было делать. Морем отправили адмирала в Сочи. Шли вторые сутки после ранения. У адмирала началась гангрена — омертвение тканей, кончающееся чаще всего смертью. Из Батуми в Сочи самолетом вылетел главный хирург Черноморского флота Борис Александрович Петров.

Незамедлительное ампутирование всей левой ноги могло еще сохранить жизнь адмиралу. Когда Петров сказал, что ногу спасти нельзя, адмирал ответил:

— Спасите мне голову...

Из Москвы вылетел к раненому главный хирург флота, член-корреспондент Академии медицинских наук, генерал-лейтенант медицинской службы профессор И. И. Джанелидзе, лечивший раненых еще в первую мировую войну. С ним находились профессора Андреев и Мясников. Они везли чудодейственное лекарство — редкий в то время пенициллин. Помощь приближалась медленно. Летчик вел самолет, огибая Сталинград, вдоль восточного берега Каспийского моря на Баку, затем на Тбилиси — в воздухе рыскали «мессершмитты».

После операции состояние адмирала оставалось тяжелым. Он часто терял сознание. По отрывочным фразам, сказанным в бреду, люди, дежурившие у постели, понимали: адмирал, угасая, продолжает думать о флоте, о войне, о судьбе Родины, горюет, что в самое трудное время вышел из строя.

Однажды, придя в сознание, он высказал просьбу, чтобы после смерти назвали его именем эсминец. В этой просьбе не было тщеславия, не было суетной заботы о памятнике себе, а было желание оставаться с флотом и после смерти.

Желание желанием. Но и объективно имя Ивана Степановича Исакова было бы украшением корабля, напоминая — как и другие имена славных моряков — о верности человека морю, о неустанном служении Родине, об отданной без остатка любимому флоту жизни.

Мы с тобой, читатель, говорили, как пришел на флот мичман Исаков. С того времени, с Моонзундского сражения до госпитальной кровати, прошло 25 лет. За четверть века советский флот пережил много трудных и радостных событий. В самых ярких из них неизменно принимал участие моряк Иван Степанович Исаков. Ледовый поход на Балтике. Бои с белогвардейскими кораблями и англичанами на Каспийском море. Переход кораблей по Беломорско-Балтийскому каналу для пополнения Северного флота. Война с белофиннами. Создание военно-морских баз на Тихом океане... Во всем этом была горячая доля вдохновенного и мужественного труда Исакова. Он был одним из немногих, кто перед войной настаивал на строительстве оборонительных сооружений для прикрытия наших морских баз со стороны суши. Не случайно, что между боями у Ленинграда и на Кавказе именно Иван Степанович был командирован на Дальний Восток, на Тихоокеанский флот. Цель поездки лучше всего видна из слов напутствия, сказанных Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным:

— Поезжайте и посмотрите, чтобы нам не устроили Перл-Харбор...

Большой моряк никогда не начинается сразу с адмиральского звания. Он начинается со звания малого. Так росли Нахимов и Макаров. Так росли знаменитые советские адмиралы, в их числе Иван Степанович Исаков.

У него все началось с плавания на учебном крейсере «Орел» в Охотском море, продолжалось на балтийском эсминце «Изяслав», куда мичман Исаков попал как сдавший выпускные экзамены на высший балл *, потом транспорт «Рига», сторожевой корабль «Кобчик», эсминец «Деятельный» на Каспийском море, на Балтике тральщик «Якорь», эсминец «Победитель», возвращение на «Изяслав» командиром корабля...

Начиная службу с азов, Исаков стал искусным мастером вождения кораблей. Об умении командира управлять кораблем моряки судят по тому, как он швартуется.

«Один швартуется долго и нудно, пугается любого случайно выкатившегося катерка, другой мучает механиков переменой ходов, наваливается на стенку кормой, а зрители опытные, они все видят и долго помнят каждую ошибку.

Исаков вел с моря «Изяслав» к точно известной стоянке, зная, что двое соседних эсминцев на местах и лишнего простора между ними нет. Оставлена узкая, но для умельца достаточная щель между двумя такими же кораблями, соединенными с кормы сходней с берегом. Он должен без суеты, не задев чужого борта, не оскорбив ошибкой самолюбия своей команды, занять свое место, бросить на берег сходню и начать обычную жизнь у причала. Он выполнял это как артист. К месту швартовки подходил изящно, без лишних эволюций. Войдя в гавань, он на прямой против отведенного ему места машинами разворачивал корабль, нацелясь кормой на стенку, отдав в точке, уже выверенной по ему известным береговым ориентирам, якорь, и шел, потравливая якорь-цепь, задним ходом, причем ходом средним, а не малым; он влетал в щель между соседями и в мгновение, доступное только ему, его интуиции и глазомеру, давал после «среднего назад» — «полный вперед», останавливал корабль как вкопанный на расстоянии, достаточном, чтобы не уронить сходню в воду, а положить на берег устойчиво...

* Русский язык — 12, морское дело — 12, морская гигиена — 12, кораблестроение — 12, теория корабля — 12, пароходная механика — 12, электромеханика — 12, морская опись — 12, лоция — 12, навигация — 12, мины Уайтхеда — 12, мины заграждения — 12...

У зрителей дух захватывало от его цирковых эволюций.

Конечно, такая виртуозность основана на знании теории корабля, математическом расчете, долгой тренировке, анализе наблюдений за маневрами товарищей и тысяче иных элементов того, что именуется опытом. Но был тут и артистизм моряка «до последней косточки» (В. Рудный).

С Балтийского моря Исакова (из-за нездоровья) перевели на Черное с такой аттестацией: «Из командиров — самый молодой, но вполне на месте. Очень энергичен и способен. Для выполнения ударных задач, как военного характера, так и работ, незаменим». На Черном море Иван Степанович достраивает эсминец «Петровский» и командует им, но больше работает в штабах флота и береговой обороны. А потом несколько лет учения в военно-морской академии и преподавание в ней. Как бы ни был талантлив человек от рождения, какими бы замечательными способностями ни обладал, нужно учиться. Нож оттачивается на бруске, талант и способности — в учении.

Иван Степанович учился постоянно, ежедневно, ежечасно. Высший балл, полученный на экзаменах на чин мичмана, не был случайностью. Исаков к воинскому званию — очень высокому — прибавит профессорское звание, станет членом-корреспондентом Академии наук СССР, он много сделает для морской науки и флота как ученый. Но это будет в конце жизни. А незадолго до войны Ивана Степановича отозвали из академии, назначили начальником штаба, затем командующим Балтийским флотом. Войну Исаков начал в должности заместителя наркома Военно-Морского Флота СССР, начальника Главного штаба Военно-Морского Флота...

Так разве не было оснований умирающему адмиралу подумать о корабле со своим именем?

...Ни знаменитые врачи, ни редкостные лекарства не помогали. Жизнь адмирала оканчивалась. Наступил момент, когда пульс совсем перестал прощупываться. Прошло два часа, как исчезли видимые признаки жизни. Хирург Петров понимал: больше надеяться не на что. Он сидел у кровати умирающего, словно ожидая какого-то чуда.

Чудо свершилось. Пришла из Ставки Верховного Главнокомандования телеграмма:

— Иван Степанович,— сказал хирург,— вам телеграмма из Ставки...

И адмирал открыл глаза. Еле заметно дрогнула жилочка пульса на запястье.

Он был еще нужен Ставке! Пусть без ноги, пусть изнуренный постоянными скачками температуры — от 42 до 35, измученный нестерпимой болью. Ставка не стала бы тревожить, если бы не было у нее дела к нему. В трудное время, в критическое для Родины время Ставка что-то приказывала своему адмиралу...

Врач прочел телеграмму:

«Сочи. Адмиралу Исакову. Не теряйте мужества, крепитесь. По мнению врачей, Вы можете выздороветь. Ваша жена вылетела к Вам. В случае трагического исхода лучший эсминец Черноморского флота будет назван «Адмирал Исаков». Желаем здоровья. Сталин. Кузнецов».

Известны случаи, когда умирающий находил в себе силы отодвинуть смерть до приезда близкого человека и умирал, попрощавшись с ним. Но адмирал Исаков нашел в себе силы не отодвинуть смерть на несколько часов, а победить ее и жить еще долгие годы.

Что же все-таки не дало погаснуть искорке жизни в организме адмирала? Что заставило последнюю искорку стать такой горячей, что снова пришло в движение сердце? Обещание назвать эсминец именем «Исаков»? Если бы так, то зачем жить дальше? Желание ведь осуществилось... Может быть, дружеское участие Верховного Главнокомандующего и наркома, людей, так занятых заботами войны и все же отыскавших время подбодрить адмирала? Да. Это. Но не в главной степени.

Давай вспомним другого Степановича, Павла Степановича Нахимова. Он был очень больной в дни обороны Севастополя. Помнишь, он признавался врачу, что держится лишь страшным напряжением обстановки, что, прекратись натиск англичан и французов, он тут же умрет. Думаю, причина, побудившая воскреснуть адмирала Исакова, родственна причине, наполнявшей Нахимова сверхчеловеческой энергией на протяжении многих месяцев. Причина эта — желание служить Родине в самую трудную пору, сознание, что порученную тебе должность другой лучше тебя не исполнит, и, конечно же, сверхважность дела, которое происходит сейчас и которое нельзя оставить незавершенным и нельзя отложить.

Война убила адмирала, война же воскресила его, так как она не была еще завершена нашей победой.

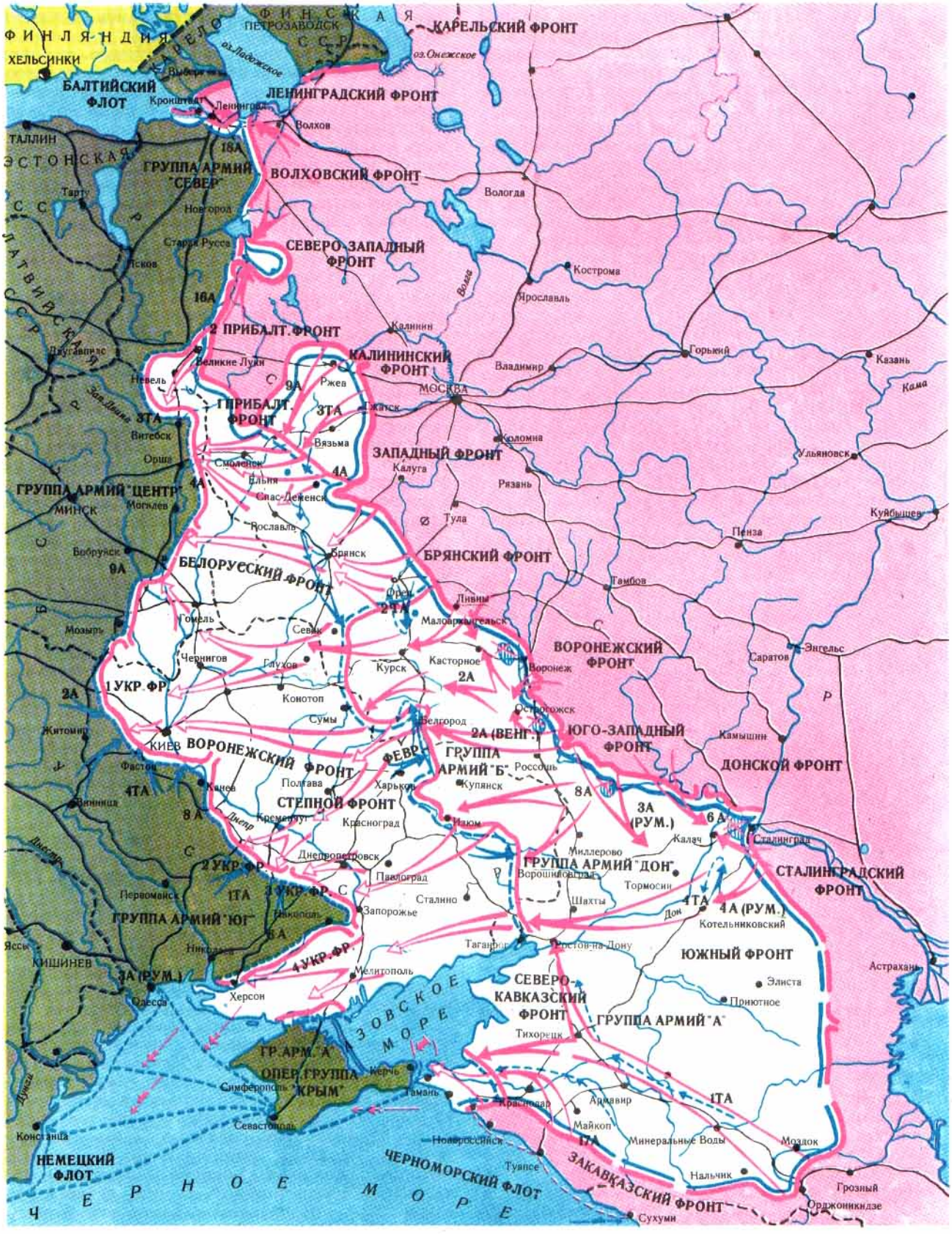
...В госпитале оберегали новую жизнь адмирала, как оберегают на ветру крохотный огонек, пока не станет он пламенем. Для выздоровления была нужна абсолютная неподвижность. Но над госпиталем стал появляться немецкий самолет-разведчик. Какие-то сведения о том, что здесь лежит раненый адмирал, попали к врагу. Могли прилететь бомбардировщики. Оставаться в Сочи было нельзя. На тральщике, который охраняли два катера, Ивана Степановича перевезли в Сухуми, оттуда поездом — в Тбилиси. Впереди вагона, в котором лежал раненый, и позади были платформы с зенитками...

Много месяцев поправлялся Иван Степанович. Рана в конце концов зажила. Но боли в ней не утихали. Не утихали все 25 лет, которые он прожил после ранения.

После ранения характер его работы изменился. Но не изменился стиль ее — все делалось тщательно, энергично, умно. Начиная с подготовки условий капитуляции Германии, которой он занимался как член правительственной комиссии, кончая рассказами о морской службе и море.

Ты, мой дорогой товарищ, если серьезно увлечешься флотом, непременно прочтешь книги-исследования по морскому делу, написанные Исаковым. Ты увидишь Морской атлас — многотомное издание, которое известно морякам и ученым всего мира. В нем упоминаются свыше ста тысяч пунктов земного шара, содержатся сведения о всех течениях, приливах, путях циклонов и тайфунов, границах льдов и их движении, глубинах морей, характере берегов, погоде — словом, обо всем, что важно знать мореплавателю. Карты атласа пока-

Общий ход военных действий во втором периоде войны. Ноябрь 1942 г.— декабрь 1943 г.



зывают маршруты исследовательских экспедиций, открытия моряков и географов. Атлас был задуман Иваном Степановичем, он возглавлял работу над ним и был его редактором. Адмирал был удостоен за атлас Государственной премии. Но первым твоим чтением должны стать книги его рассказов о море. В ряду высоких званий Ивана Степановича Исакова — Герой Советского Союза, член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии — было еще звание члена Союза писателей СССР. Ни одно звание не дается даром. Ты убедишься в том, что и последнее дано не даром, если раскроешь книги «Морские истории», «Рассказы о флоте», «Неистребимый майор», «Каспий, 1920 год». Рассказы читаются с захватывающим интересом и вместе с тем даты, фамилии матросов и адмиралов, названия кораблей в них абсолютно точны, как энциклопедические статьи. Здесь вся история и деятельность нашего Военно-Морского Флота.

Когда я писал «Адмиральскую» главу, меня не оставляло желание рассеять по ней отрывки из рассказов Ивана Степановича. К примеру, «Кронштадтскую побудку» добавить к очерку о боях с англичанами на Балтике, «Пари «Летучего голландца» — к очерку о «Дороге жизни» на Ладоге, «Трофей тетушки Пэло» — к описанию событий на Черном море. Но я не стал делать этого, надеясь, что ты сам прочтешь их одновременно с чтением «Книги будущих адмиралов». Если ты это сделаешь, ты выполнишь один из советов мудрого моряка. Совет таков: «...я хочу предостеречь от некритического отношения к различным историческим исследованиям и напомнить, что без слов живых людей — участников событий в виде ли статей или мемуаров — нельзя получить достаточно полного и объективного представления даже об относительно недавнем прошлом нашего флота, армии и всего государства в целом». В книге «Каспий, 1920 год» ты прочтешь пространное «Обращение к читателям». Не стану пересказывать обращение, оно начинается на 61-й странице, для своей пользы и пользы дела, которому будешь служить, не забудь заглянуть на эту страницу.

Иван Степанович умер в 1967 году. Его нет среди нас. Но плавает по морям и океанам, продолжая служение Родине, большой противолодочный корабль «Адмирал Исаков».

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОРОССИЙСК

В 1838 году на черноморском берегу, при впадении в бухту реки Цемес, было возведено военное укрепление. Под его защитой вскоре началось строительство города и порта. Земли по берегам Черного и Азовского морей заселялись выходцами из России еще в XVI веке, вся область называлась Новороссией, в честь этого и город назвали Новороссийском.

Значение города определилось соседством с Цемесской бухтой. Обширная, окруженная горами, она не замерзает зимой, большие глубины позволяют входить в нее океанским судам. Второй достопримечательностью Новороссийска — после порта — стали цементные заводы. Их несколько — на окраине города и в соседних поселках.

Именно у этих заводов, пользуясь стенами цехов как укреплениями, наши войска остановили продвижение немцев. Удержавшись на окраине города, мы оставили за собой и восточный берег бухты. Очень важное дело! Ни один немецкий корабль за все время, пока противник занимал город, не рискнул войти в бухту. Враги не смогли использовать удобный порт для снабжения войск, наступавших на Кавказ.

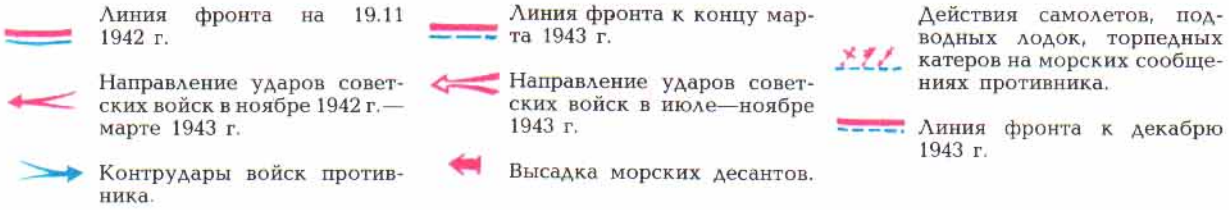
Наше командование намеревалось освободить Новороссийск в начале 1943 года. В то время фашисты потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом. Наметилась возможность отрезать всю массу фашистских войск, находившихся на Северном Кавказе.

Посмотри карту военных действий второго периода войны, с ноября 1942 года по декабрь 1943 года. Проведи мысленно линию от Сталинграда через Ростов к Азовскому морю. Успешное развитие наступления на Донбасском и Ростовском направлениях и могло привести к окружению фашистских войск. Вернее, почти к окружению. У них был еще выход на Таманский полуостров и далее в Крым. Следовательно, нужен второй удар — с побережья Черного моря до побережья Азовского. Наши войска начали оба удара.

На карте ты видишь длинную стрелу с основанием у Котельниковского, а острием у Таганрога. Стрела показывает, что идет наступление советских войск и путь фашистам с Кавказа на север закрывается.

После катастрофы под Сталинградом немецко-фашистское командование очень боялось окружений. Немцы, конечно, увидели перспективу нового «котла». Началось их бегство от Моздока и Нальчика.

Хотя враг бежал с Кавказа поспешно, он, понимая, что его спасение в Таманском полуострове, возвел на полуострове мощные рубежи, протянувшиеся от моря до моря и названные «Голубой линией». Особенно сильно противник укрепился в Новороссийске. Советское командование планировало силами сухопутных войск и морских десантов при поддержке авиации и флота окружить и уничтожить противника в районе Новороссийска. Для высадки десанта намечались два пункта:



основной — в районе Южная Озерейка и вспомогательный — на западном берегу Цемесской бухты, в районе Станички. Высадка десантов предполагалась после того, как соединения сухопутных войск прорвут вражескую оборону восточнее Новороссийска.

К сожалению, планы окружения фашистов на Северном Кавказе по ряду причин не были исполнены. На севере, в районе Ростова, немцам удалось некоторое время держать открытой «горловину», сквозь которую ушла их танковая армия. А на Таманском полуострове сухопутные войска не смогли прорвать «Голубую линию». Дорога в Крым осталась для гитлеровцев открытой.

Огорчителен такой исход? Да. Но не так уж. Ведь враг бежал с Северного Кавказа. Понес значительные потери. Освободилась от фашистов обширная территория советской земли. Не состоялся захват бакинской нефти и восточных портов на Черном море. И важное сделано у Новороссийска — наши десантники захватили плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, а плацдарм пригодится нам в новом наступлении.

Чтобы ты, мой друг, не очень огорчался, скажу вот что: в то же время, в начале 1943 года, мы еще дважды окружали неприятеля после сталинградского «котла». Южнее Воронежа были уничтожены 15 дивизий и 6 понесли тяжелые потери, только в плен мы взяли там 86 тысяч. А севернее Воронежа были окружены и разгромлены 11 вражеских дивизий. Найди на карте места таких славных побед.

От общей картины мы снова переходим к ее конкретной детали, к Новороссийску.

Итак, по замыслу командования десанты в Южной Озерейке и Станичке должны были высадиться после того, как 47-я армия прорвет оборону противника восточнее города. Но сухопутные войска никак не могли взломать вражескую оборону. Тогда, чтобы оказать помощь наступающим частям, в ночь на 4 февраля 1943 года началась высадка обоих десантов, основного и вспомогательного. В ней участвовало свыше 70 кораблей и судов, в том числе крейсер «Ворошилов», эсминцы «Бойкий», «Сообразительный» и «Беспощадный».

На море был шторм. Противник вел по берегу сильный артиллерийский огонь. В районе Южной Озерейки удалось высадить полторы тысячи бойцов, выгрузить на берег 16 танков. В районе Глебовки и Васильевки, в тылу врага, опустились 57 парашютистов. На берегу Цемесской бухты, около Станички, высадился батальон морской пехоты. Бойцы основного десанта сражались мужественно. Они захватили Южную Озерейку. Но фашисты отрезали десант от берега. Осветили прибрежную полосу прожекторами. Высаживать новые части здесь стало уже невозможно. Десантный отряд двинулся к Васильевке, где были наши парашютисты. Там он двое суток вел ожесточенный бой в окружении. На исходе были боеприпасы, было много убитых и раненых. Тогда морские пехотинцы отчаянным усилием прорвали кольцо и двинулись к Станичке, где соединились со вспомогательным десантом.

Сейчас Станичка называется Куниковкой — в честь командира батальона морской пехоты майора Цезаря Львовича Куникова. Майор стал Героем Советского Союза.

Первый отряд вспомогательного десанта — 272 человека — высадился с катеров 4 февраля. Катера подошли к берегу незамеченными. Стрельба началась уже после того, как выгрузили боеприпасы и продовольствие. По вражеским позициям ударила наша артиллерия с восточного берега Цемесской бухты. Штурмовые группы моряков стремительно выбили противника из укрытий. Не понимая, что происходит в темноте зимней ночи, фашисты бежали, Куников, чувствуя, что у немцев паника, открытым текстом по радио передал командованию сообщение: «Полк высадился без потерь, продвигаемся вперед». Правдой в радиограмме были слова «продвигаемся без потерь» — отряд потерял убитыми одного моряка и троих ранеными, но полка-то не было, и наше командование знало об этом: расчет был на дезинформацию врага. Противник поверил, ночь для него прошла в тревоге.

Тем временем высадились еще несколько сот человек. Не теряя дорогого времени, морские пехотинцы изгоняли фашистов с плацдарма, продвигались к Станичке и совхозу «Мысхако». К утру была занята часть улиц Станички. Удалось захватить несколько вражеских орудий. Моряки ввели их в дело — стреляли из них по прежним хозяевам.

У Куникова было теперь около 900 бойцов. Трое суток они отбивали беспрерывные атаки немцев. Не просто отбивали, а все расширяли и расширяли захваченную территорию, а еще готовили берег к приему подкреплений, к разгрузке судов. Должность майора стала называться по-иному — старший морской начальник на плацдарме.

Десантные суда от Южной Озерейки возвратились в Геленджик и Туапсе, не высадив основных сил,— мы уже знаем, что враг окружил первый отряд и занял берег. Но теперь был плацдарм у Станички. С 5 по 9 февраля, ночами, с канонерских лодок, тральщиков и катеров там высадилось 15 тысяч человек.

К концу февраля мы еще больше расширили плацдарм — на севере до самого города, на юго-западе — за совхоз и гору Мысхако. Площадь плацдарма составила 45 квадратных километров. В марте на нем было уже 40 тысяч человек.

Десант блестяще выполнил задачу. Но нашим армиям так и не удалось прорвать «Голубую линию». Наступление было прекращено.

Что ж, выходит, напрасно высаживали десант? Нет и нет. Наступление не отменено навсегда. Оно продолжится, когда будет создана лучшая обстановка. Ее помогут создать армии, действующие на соседних участках советско-германского фронта. Тогда выявится в полной мере цена десанта. То, что она очень высока, ясно и теперь — и нам и врагу.

Давай взглянем еще раз на Таманский полуостров. Враг прочно засел на нем. Что это сидение дает ему? Во-первых, немецко-фашистские захватчики угрожают отсюда тылам наших войск на Нижнем Дону и на Кавказе. Во-вторых, враг не дает нам использовать Азовское море для поддержки войск, ведущих бои на его берегах. В-третьих, сидя на Таманском полуострове, враг

закрывает дорогу в Крым. И вот наш десант, занявший участок берега, постоянно грозит фашистам лишить их этих преимуществ.

Высокая цена плацдарма у Станички подтверждалась непрерывными боями, шедшими в этом районе семь месяцев. Немцы во что бы то ни стало пытались сбросить наших в море. Мы, несмотря ни на что, держались.

Небольшую территорию на западном берегу Цемесской бухты моряки назвали Малой землей. Ее первооткрывателя майора Куникова уже не было в живых. Он подорвался на мине, встречая пополнение, и умер. Но геройски сражались его товарищи. В прочных укрытиях пережидали бомбежки и артиллерийские обстрелы, потом огнем встречали атакующих фашистов, каждый раз отбрасывая их на исходные рубежи. Ночами встречали суда, принимали пополнение, боеприпасы, продовольствие, лекарства, воду. Носили на катера и мотоботы раненых.

Сейчас на Малой земле — вернее, там, где она была, — есть памятник, который удивляет непосвященных людей. Памятников много, но этот выделяется необычностью — в одно сварены электросваркой бомбы, снаряды, мины, оставшиеся с войны. Не все, конечно. Их взяли столько, чтобы весил корявый комок 1250 килограммов. По тонне с четвертью металла обрушили немцы за семь месяцев на каждого бойца Малой земли! Каждый квадратный метр ее площади был поражен или бомбой, или миной, или снарядом...

И вот под таким огнем воевали наши. Не просто оборонялись в каменных норах. А истребляя врага.

Наши летчики и зенитчики добавили немецкого металла на плацдарме —117 самолетов врага пустили в землю. По этому числу можно судить, как густо было набито небо над Малой землей вражескими бомбардировщиками.

Тяжелейшие бои на Малой земле произошли в апреле 1943 года. 17 апреля с утра начались бомбежки. Одновременно налетало по 30—40 бомбардировщиков. Плацдарм заволокло тучами пыли и дыма. Повсюду взрывались бомбы, снаряды, мины. После полуторачасовой огневой подготовки противник пошел в атаку. Началась операция «Нептун». По плану немецко-фашистского командования, она должна была закончиться через 2 дня, в день рождения Гитлера. Малую землю фашисты намеревались подарить фюреру.

Особенно сильному натиску подверглись позиции 51-й стрелковой бригады и 8-й гвардейской стрелковой бригады. Их части отбивали ежедневно по десятку атак. В один из дней захватчики бросались в атаку девятнадцать раз! Им удалось потеснить наши части. Там, где действовала 125-я немецкая пехотная дивизия, образовалась в нашей обороне глубокая вмятина. На этот участок была направлена помощь — два стрелковых полка и бригада морской пехоты. К 30 апреля мы вернули утерянные позиции.

Операция «Нептун» закончилась. Гитлер не получил подарка.

В феврале, марте и апреле враг потерял у Малой земли около 20 тысяч солдат и офицеров.

...Никто не знал, когда будет освобожден Новороссийск. Но Малая земля готовилась к этому дню. Малоземельцы совершенствовали позиции,

Кочиев К. Г.

отбивая у врага важные высоты. Отбили вершину горы Колдун, с которой противник просматривал весь плацдарм.

...В горы еду для солдат возили на ослах. Был умный осел Яшка. Он ходил по тропе без погонщика, понимал, что, доставив термосы на позицию, и сам хорошо пообедает. Солдаты украсили хвост Яшки немецкими орденами...

ГЕРОИ МАЛЕНЬКИХ КОРАБЛЕЙ

За серым осликом Яшкой охотились снайперы. Несколько осликов погибли на горных тропах. Конечно, фашистов злило, что Железные кресты бренчат на ослиных хвостах, но им куда важнее было оставить наших бойцов, укрепившихся в скалах, без еды, без воды, без боеприпасов. Будь ты трижды храбр и стоек, но если голодный, если тебя мучает жажда, если нечем стрелять, то много не навоюешь. Жизнестойкость и боеспособность не только бойцов, засевших на вершине Колдуна, но и всей Малой земли оказались в руках тех, кто занимался снабжением.

Насколько важно обеспечить всем необходимым для боя своих, настолько же важно оставить без всего необходимого для боя противника. Наши крупные корабли не могли ходить к десантникам, не могли они также действовать на вражеских коммуникациях. Конвои противника двигались вблизи берега, под защитой артиллерийских бата-

рей и авиации, действовавшей с прибрежных аэродромов. В таких условиях большой корабль обрекался почти на верную гибель. Тогда снабжением Малой земли и борьбой на морских дорогах занялись наши катера.

Мы с тобой довольно подробно говорили о военной работе артиллерийских кораблей и подводных лодок. Теперь самый раз начать рассказ о катерах — торпедных и сторожевых. В боях за Новороссийск они действовали так дерзко, так умело, с такой пользой общему делу, что удостоены небывалой для малых кораблей почести — корабли Черноморского флота, включая линкор и крейсеры, при встрече с катерами, освобождавшими Новороссийск отдавали им честь. На горне или свистке проигрывался сигнал «Захождение», моряки, находившиеся на палубе и надстройках, принимали положение «смирно», адмиралы, офицеры, главные старшины прикладывали руку к головным уборам.

Представь себя, читатель, в экипаже катера, когда сотни моряков огромного корабля приветствуют твой кораблик. На большом-то корабле — на крейсере, на эсминце — люди тоже ведь нюхали порох, знали, что такое война, и вот они, бесстрашные, приветствуют тебя...

Катера выходили из Геленджика перед заходом солнца, ночью достигали берегов, занятых врагами, и устраивали засады или искали вражеские суда и конвои, торпедировали их, обстреливали, а утром возвращались на базу.

Весной, когда распутица испортила дороги на Таманском полуострове, противник большую часть перевозок осуществлял по морю. Ты, конечно, помнишь, что в это время немецко-фашистские захватчики проводили операцию «Нептун», пытаясь уничтожить десантников на Малой земле. Поэтому каждая удачная атака наших катеров была важной помощью малоземельцам.

В том, что Гитлер ко дню рождения не получил обещанного подарка, есть немалая заслуга катеров. Именно 20 апреля они крепко испортили настроение гитлеровцам. Торпедные катера под командованием Андрея Черцова и Николая Тарасова подошли к Анапе. Туман, стоявший над морем половину ночи, рассеялся. В лунном свете у самого берега с катера Черцова увидели две самоходные баржи. Черцов был так близко от неприятеля, что торпеда, выпущенная в баржу, взорвала бы и катер. Пришлось маневрировать и только после этого атаковать. Торпеда взорвалась в середине баржи. Тут же по катеру ударили орудия второй баржи, открыли пулеметный огонь танки, стоявшие на ее палубе. Бросились немецкие сторожевые катера. А у наших заглохли оба мотора — заглушила их взрывная волна. Под сильным обстрелом удалось завести моторы, катер, имея раненых и пробоины, на большой скорости ушел в море — к катеру Тарасова.

После короткого совещания командиры приняли такое решение: Черцов отвлечет на себя сторожевиков, а Тарасов тем временем атакует вторую баржу.

Сторожевые немецкие катера вылавливали из воды людей. Длинная пулеметная очередь заставила их бросить это занятие и помчаться за Черцовым. На берегу вспыхнули прожекторы, схватили наш катер в перекрестье, по освещенному кораблику начала бить береговая батарея.

Катер резко менял курсы. Но прожекторы держали его цепко, снаряды немцев падали совсем близко. В это время прогрохотал над морем сильный взрыв — Тарасов торпедировал вторую баржу. Как по приказу, лучи прожекторов метнулись в сторону взрыва, туда же понеслись сторожевики. Береговые пушки, потеряв цель, кончили стрельбу. Дело было сделано, оба советских катера взяли курс на Геленджик.

В ту памятную ночь на катере Тарасова был командир отряда торпедных катеров капитан-лейтенант Константин Георгиевич Кочиев. Ты помнишь североморца Колышкина? Тот командир всегда находился на подлодках дивизиона, выполнявших наиболее сложные задания. Кочиев тоже плавал на катерах, которым предстояло действовать в самых тяжелых условиях. Не только обязанность командира служила причиной этому. Капитан-лейтенант лучше, чем другие, знал катер, бой, капризы моря. Молодые моряки учились у него военному мастерству, способам добывать победу.

Боевые заслуги Кочиева отмечены званием Героя Советского Союза, великим уважением, мужской любовью товарищей: однажды катер, на котором находился Кочиев, подорвался на мине, контуженого командира взрывной волной выбросило в море. Сразу пятеро матросов не сговариваясь кинулись в воду и спасли командира.

С именем Кочиева связана, пожалуй, самая дерзкая и самая успешная атака торпедных катеров. В Ялтинской бухте у противника стояли катера, подводные лодки и другие суда. Фашисты считали, что нашим кораблям проникнуть в бухту невозможно. У входа дежурят дозоры. На берегу и на молу стоят пушки и прожекторы. Высокий каменный мол — непреодолимое препятствие. Проход между молом и набережной закрыт стальными сетями. Связка сетей одним концом закреплена в набережной, другим — на самоходной барже; баржа открывает и закрывает эти ворота. Однако Кочиев, размышляя над картой бухты и данными авиаразведки, придумал, что делать.

Атаковать Ялтинскую базу пошли катера лейтенантов Гурина и Чепика. Общее командование осуществлял Кочиев. Под утро были на месте. В тумане наткнулись на сторожевые катера фашистов. Те запросили позывные. Кочиев без промедления приказал просигналить фонарем две буквы — ДК. Немцы, удовлетворившись таким ответом, приняли катера за свои. Дозорные на берегу видели обмен сигналами и поэтому тоже не обеспокоились. Кочиев понял, что враг в заблуждении, решение на дальнейшие действия созрело мгновенно. Став к штурвалу, он нацелил катер, а следовательно, и торпеды на баржу. Когда вылетела из правого аппарата торпеда и понеслась к барже, гитлеровцы на молу почувствовали неладное. Но было уже поздно. Торпеда взорвалась у борта судна. Тут же раздался взрыв еще большей силы — оказалось, что в барже был склад боеприпасов. Осколки снарядов, обломки судна полетели во все стороны, пугая врагов.

Потонув, баржа утащила на дно кусок сети. Образовался вход в бухту. Катера бросились в атаку. Торпеды взорвались в гуще немецких катеров,

стоявших у стенки, разломили подводную лодку. В завершение атаки наши выпустили реактивные снаряды. Порт окутался дымом. Началась у врага паника.

Как стало известно позже, еще большая паника была в городе. Дело в том, что тяжелые немецкие орудия, стоявшие довольно далеко от Ялты, открыли огонь по бухте. Стреляли они неточно. Несколько снарядов взорвались на базарной площади, а там по пути на фронт остановились на ночлег войска. Взрывы в порту, на площади, огненные следы эрэсов, частая и бестолковая стрельба пушек и пулеметов вызвали самые невероятные объяснения. Фашистам казалось, что какой-то десант ударил по Ялте с моря и суши, взял город в кольцо. Ночевавшие на площади и на улицах солдаты бросились бежать из города, понеслись на Симферопольское шоссе автомашины...

А катера, разрядив все свое оружие, уходили из бухты. Вода кипела от снарядных взрывов, пули хлестали по корпусам и надстройкам. Прямое попадание снаряда получил катер Гурина. Остановились моторы. В пробоину хлынула вода. Катер лейтенанта Чепика пронесся между ним и берегом, закрыл товарища дымовой завесой, затем взял подбитый катер на буксир. Пробоину моряки закрыли пластырем, удалось починить один мотор. Кораблики вернулись в базу.

А ДК — ответ на запрос немецкого сторожевика? На катерах все думали, что Кочиев знал опознавательные врага. «Я обозвал этого остолопа дураком,— объяснил Константин Георгиевич.— Что он в самом деле? Не сумел в полумиле от себя опознать чужие катера. Полностью передавать долго, я и продиктовал первую и последнюю буквы...» На войне случалось такое — героическое и анекдотическое оказывались рядом.

ДЕСАНТ В НОВОРОССИЙСК

Случай с ДК долго забавлял черноморцев. Но они-то за смешным видели и другое. Нам с тобой, читатель, тоже надо это другое видеть: дерзость, находчивость, самообладание в критической обстановке. Кочиев мог приказать своим катерам отойти или начать бой. И то и другое было очень опасно — немецкие катера в пять раз крупнее наших, кроме торпед, у них по шесть автоматических пушек и по восемь пулеметов, а на наших торпедных катерах стоял лишь один крупнокалиберный пулемет. И уж конечно, в случае боя или отхода исключалась повторная попытка прорваться в бухту.

Великое дело на войне — находчивость, дерзость, самообладание. Учись этому у катерников.

На Кавказе железная дорога идет по самому берегу моря. Были случаи, когда немецкие подводные лодки подбирались к дороге, всплывали и обстреливали поезда из орудий. Тогда наши катера стали сопровождать поезда — вагоны катятся по суше, катер рядом идет по морю. Так и отвадили фашистских подводников. Однажды катер, выгружая боеприпасы на Малую землю, повредил о камни руль. Вокруг катера падали снаряды. Гибель казалась неизбежной. Неподалеку стоял сейнер с поврежденным винтом. Моряки подтянули катер к сейнеру, связали оба судна — получилось на двоих по исправному рулю и винту. Катер и сейнер ушли из-под обстрела... Самый же яркий пример боевых качеств моряков-катерников — Новороссийская десантная операция.

В начале осени 1943 года, развивая успех, одержанный летом в Курской битве, советские войска на широком фронте подходили к Днепру.

Готовилось наше наступление и на Таманском полуострове. Основной удар снова нацеливался на Новороссийск — ключевой пункт вражеской обороны.

Было решено брать город одновременно с трех сторон: с востока, от цементных заводов, с запада, от Станички, и со стороны порта, высадив в город сильный десант.

Сложнейшим делом в этой операции была высадка десанта. Посмотри схему боя за высадку десанта. Обрати внимание на артиллерию противника. В некотором удалении от города стоит множество тяжелых орудий. Орудия стоят и в непосредственной близости от порта. Достаточно сказать, что каждый квадратный метр акватории простреливается ими. По всему берегу бухты у противника огневые точки и минные заграждения (кружки с тремя усиками). Огневые точки устроены и на молах — западном и восточном. Расстояние между молами всего 80 метров. Неужели возможно кораблям и судам с десантниками пройти в эту щель, не погибнув от огня пушек, минометов и пулеметов? Как можно было решиться на такое?

Решились потому, что знали: именно в этом страшном для нас месте противник меньше всего ждет удара. И еще решились потому, что надеялись на ум и отвагу моряков.

Командиром высадки был назначен командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Георгий Никитич Холостяков. Отряд обеспечения высадки возглавил командир бригады торпедных катеров капитан второго ранга Виктор Трофимович Проценко.

В канун наступления вовсю работала наша разведка. Самолеты фотографировали вражеские позиции, скрытые в горах и за горами. Не смыкали глаз наблюдатели на восточном берегу Цемесской бухты — с горы Маркотх просматривались порт и весь город. С каждым днем на разведкартах прибавлялись новые грозные значки — минные поля в городе, доты на перекрестках улиц, орудия и минометы в замаскированных укрытиях. Захватчики развесили взрывчатку на столбах и на деревьях — в случае прорыва наших бойцов в город они должны были оказаться в огненном аду. В городе и порту, как потом подсчитают саперы, было установлено свыше 30 тысяч противопехотных и противотанковых мин.

Свою рекогносцировку провели моряки. На наблюдательном пункте 318-й стрелковой дивизии контр-адмирал Холостяков с командирами отрядов катеров и десантников долго изучал подходы к порту и берег бухты.

Бетонные доты на молах казались неуязвимыми — бомбой с самолета, снарядом из тяжелой пушки трудно попасть в небольшую цель. Конечно, если стрелять или бомбить долгое время, то

разбить доты можно. Но огневая подготовка атаки намечена короткой — иначе враг поймет, откуда грозит опасность. Моряки решили стрелять по молам торпедами, торпедами же ударить по береговым огневым точкам и минным заграждениям. Было, однако, ясно, что и торпеды не уничтожат всех огневых точек. Надо будет воспользоваться замешательством противника — после серии мощных взрывов высадить на молы штурмовые группы, которые добьют врагов в дотах гранатами.

Пространство между молами закрывали боны — бочки, к которым подвешены сети. Решили прорвать заграждение тоже взрывом торпеды, затем, чтобы обрывки сетей не мешали десантным судам, взорвать бочки, покидав на них сетки с взрывчаткой.

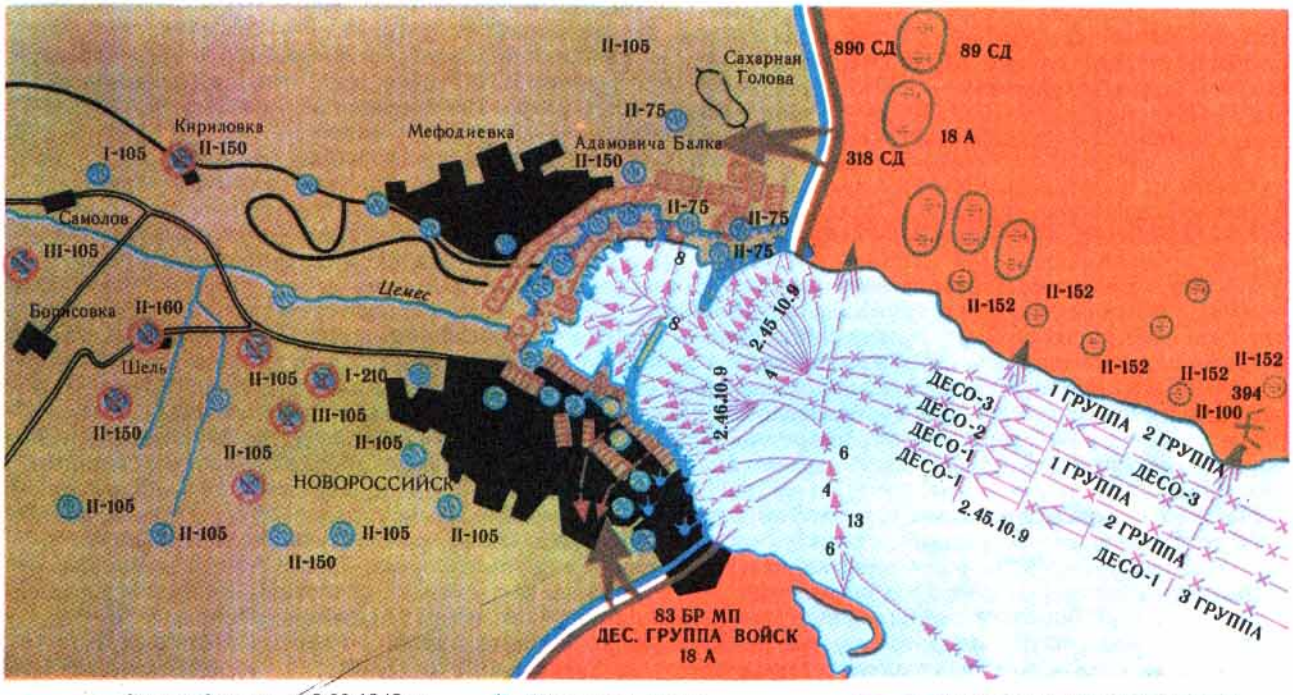
На конце западного мола увидели лебедку, трос от нее уходил в воду. Несомненно, он, как и сети, перегораживает вход в порт. Но на какой глубине? И нет ли на тросе мин? Осмотреть трос вызвался матрос-разведчик (к великому огорчению, неизвестна его фамилия). Ночью матрос переплыл бухту — это около десяти километров,— остаток ночи, день и вечер прятался под причалом, а новой ночью исследовал трос и пустился в обратный путь. Погода была ненастная. Разведчик выплыл к своему берегу не в том месте, где нужно, и подорвался на мине. С перебитой ногой его подобрали солдаты. В госпитале разведчик рассказал о толщине троса и глубине, на которой он висел. Стало ясно, что торпедные катера не смогут пройти над тросом. Решили впереди их пустить катера-лимузины с тралпатронами. Осадка их совсем небольшая, они пройдут над тросом, затралят его и перебьют взрывом. Беда только, что лимузины тихоходные. Значит, торпедные катера приведут их к заграждениям на буксире.

Не полагаясь на расчеты, проверили опытами и подрыв троса, и торпедную стрельбу по берегу; торпеда вылетала на пологий берег и прежде, чем взорваться, проползала по нему несколько десятков метров.

Свои занятия шли у десантников 18-й армии. Морские пехотинцы и стрелки проводили на местности игры; грозно назывались эти игры: «Уличный бой», «Блокировка домов и дзотов», «Штурм опорных пунктов», «Преследование противника»...

Конечно же, фашисты заметили приготовления к десанту, ведь в Геленджике собралось множество судов. Для дезинформации противника распространялись слухи, что десант высадится в Озерейке или Анапе. Но сбило с толку не только это. Враги не допускали мысли, что мы атакуем порт без поддержки эсминцев и крейсеров. Их самолеты-разведчики во все глаза следили за морем — «как появятся советские артиллерийские корабли,

Бой за высадку морского десанта в Новороссийске 10.09. 1943 г.



Линия фронта к 9.09.1943 г.

Направление главных ударов советских войск.

Уничтожение немецкой артиллерии советской авиацией.

Немецкие укрепления.

Немецкие мины.

Створные сигнальные огни.

Плановые рубежи огня арт. подгруппы № 1 для поддержки 1-го десантного отряда.

Плановые рубежи огня арт. подгруппы № 2 для поддержки 2-го десантного отряда.

Плановые рубежи огня арт. подгруппы № 3 для поддержки 3-го десантного отряда.

так надо ждать десанта». Эсминцы не появились, и высадка войск оказалась для противника неожиданной.

Новороссийская десантная операция началась в ночь на 10 сентября. Она была рассчитана по минутам. И осуществилась в точные сроки. Выдержать их было невероятно трудно — шло множество разнородных судов, действовали тысячи людей...

Из Геленджика раньше всех вышел отряд старшего лейтенанта Ивана Шенгура — два торпедных катера и четыре артиллерийских с «катюшами». Они заняли позицию у Малой земли. В задачу отряда входило уничтожение немецких кораблей, если бы те попытались напасть на десантные суда.

На схеме ты видишь густое движение десантных отрядов. Мотоботы, мотобаркасы, катера, сейнеры, шхуны вышли из бухты перед полуночью. Они идут медленно и тяжело, до предела загружены людьми, оружием, боеприпасами.

Последними вышли в море 25 торпедных катеров и 4 лимузина. Это отряд обеспечения высадки. Он первым вступит в бой, а вышел последним потому, что обгонит тихоходных собратьев. Начало движения отряда обозначено (четырьмя клинышками с хвостиками) в правом нижнем углу схемы.

Идет множество судов в полной темноте. Ни огонька спички, ни огонька папиросы. Все понимают, как важно не выдать себя противнику. Шум корабельных и судовых двигателей маскируют своим гулом самолеты, пролетающие над бухтой.

С катеров уже видны очертания западного мола. Враг молчит. Не видит, не догадывается, чем грозит ему ночное море... Катера, разделившись на четыре группы, заняли исходные позиции против мест, отведенных им для атаки...

В 2 часа 44 минуты берег Цемесской бухты озарился вспышками огня — по вражеским позициям ударили 800 орудий и минометов. Забушевали взрывы в порту и на молах. Наступило время катеров.

В 2 часа 45 минут шесть катеров во главе с командиром бригады Проценко ударили торпедами по западному молу; четыре катера во главе с капитаном третьего ранга В. М. Довгаем атаковали восточный мол. Тогда же четыре лимузина взорвали боновые заграждения, перебили трос и высадили на оба мола штурмовые группы моряков.

В те же самые минуты и секунды тринадцать торпедных катеров во главе с капитаном третьего ранга Г. Д. Дьяченко атаковали торпедами береговые огневые точки.

И чуть позже — в 2 часа 56 минут — в пространство между молами (уже свободное от заграждений) на полном ходу ринулись шесть торпедных катеров во главе с капитан-лейтенантом А. Ф. Африкановым. Они бьют торпедами по заминированным причалам и стенкам гавани, где будут высаживаться десантники, по огневым точкам в порту.

Прошло четыре минуты, как взорвались торпеды Африканова,— в порт пошли десантные суда. Впереди сторожевые катера. Они бьют из пушек и пулеметов по уцелевшим огневым точкам, подходят к причалам. Десантники с криками «ура», «полундра» соскакивают на берег — сразу же вступают в бой.

Около 4 тысяч десантников высадилось в ту ночь в Новороссийске.

На схеме обозначены рубежи артиллерийского огня. По ним, читатель, ты разберешься, где высадились первый, второй и третий десантные отряды.

Второй отряд сражается в порту, первый — рядом с малоземельцами, третий — рядом с цементными заводами. Сухопутные войска нашей 18-й армии одновременно с броском десантников на берег атаковали позиции немцев на своих участках.

Мы с тобой, дорогой друг, разобрались в схеме операции. Но мы еще не увидели картины сражения. Чтобы нарисовать ее более или менее достоверно, послушаем воспоминания Андрея Ефимовича Черцова, Героя Советского Союза, командира торпедного катера.

«Время приближалось к началу общего наступления наших войск на Новороссийск. И вот настало это мгновение. Земля, море и воздух вздрогнули от могучего удара. Порт и город превратились в гигантский костер. Огромными факелами вспыхнули нефтебаки на нефтяной пристани, левее их запылало большое здание, осветились от внутреннего пожара окна морского клуба. А над всем этим огромным пожарищем ослепительными люстрами повисли сброшенные с самолетов осветительные бомбы. Через несколько минут весь город, порт и всю Цемесскую бухту начало заволакивать дымом и пылью. В наступившем мраке, покрывая гул боя, раздался взрыв неимоверной силы. Это почти одновременно взорвалось до полусотни торпед, выпущенных катерами...

Опомнившись от внезапного удара, фашисты открыли огонь из орудий и минометов. Даже мне, участнику штурма, трудно передать, что творилось в порту. Вокруг все грохотало, свистели пули, осколки. От прямых попаданий торпед взлетали на воздух причалы, близкие к воде огневые точки врага. Наш катер, израсходовав торпеды, повернул назад. Вдруг над нами повисла осветительная бомба, выхватив из темноты стоящий невдалеке подбитый мотобаркас с десантниками. Бойцы, стараясь придать ему ход, гребли кто чем мог: прикладами автоматов, досками от банок, а то и просто руками. Но безуспешно — баркас медленно сносило назад в море. Первая мысль — подойти и отбуксировать к месту высадки. Но тут раздался пронзительный свист, и впереди нас встали четыре столба воды. Когда они опали, баркаса уже не было.

Захватив по пути катер Куракина, у которого был разбит мотор, мы пошли к Кабардинке. Спало напряжение боя, сразу же почувствовалась усталость. Казалось, что мы находились под огнем несколько часов, а всего были там несколько минут. Меня охватила радость. Шутка ли! Побывать в таком огненном аду и не получить не только ни одной пробоины, но и не потерять никого из экипажа. Это было просто невероятно! Но в то же время нарастала тревога за товарищей, все еще находившихся в бою. Как они там?»

Да, как они там, доблестные моряки Черноморского флота? Послушаем еще одного очевидца и участника тех событий, Виктора Трофимовича Проценко. Он руководил действиями катеров своей бригады непосредственно в бою.

«...Из-за волнолома доносился треск автоматов. Это высаженные с лимузина Омельченко автоматчики Платонов, Потяхин, Жигарев и Миронов во главе со старшиной второй статьи Владимиром Остапенко ведут бои с прислугой расположенных там вражеских пушек. Со стороны корня мола на помощь Остапенко с боем продвигается группа автоматчиков мичмана Никиты Рудого. Здесь старшина первой статьи Василий Китов, краснофлотцы Кишев, Нанкин, Дыгай, Калинин, Нагорный и Потаков. Их высадил торпедный катер Подымахина.

Почти одновременный удар семи торпед по молу так тряхнул его, что малокалиберные автоматические пушки и пулеметы слетели с треног, а взрывы торпед, выпущенных Николаем Поповым под основание самого мощного дота на оконечности мола, разрушили дот, и тяжелая броневая плита придавила весь расчет. Уцелевшие фашисты не успели прийти в себя, когда на них навалились наши моряки-автоматчики. Всего несколько минут потребовалось бойцам Рудого и Остапенко, чтобы выкурить гитлеровцев из блиндажей и укрытий на молу. Огнем автоматов и гранатами они уничтожили 38 вражеских солдат и офицеров.

Очистив мол, тринадцать наших моряков довооружились трофейными автоматами и гранатами и бросились к электростанции. Противник встретил их сильным огнем. Отбивая у врага этаж за этажом, наши геройские моряки, трое из которых были ранены, уничтожили еще три десятка гитлеровцев, захватили малокалиберную пушку, четыре станковых пулемета и склад боеприпасов. Моряки удерживали электростанцию до подхода частей 318-й стрелковой дивизии.

С каждой секундой оживало все больше вражеских огневых точек. Над гаванью стоял несмолкаемый грохот. Снаряды то и дело рвались вблизи нашего катера. У берега заполыхал яркий костер — загорелся какой-то катер».

Горел торпедный катер Хабарова. Два вражеских снаряда попали в катер, когда он был на боевом курсе, готовясь выпустить торпеду по западному молу. Пламя охватило весь кораблик. И все же командир успел выпустить торпеду по цели, а затем выбросил катер на отмель. Погасить огонь было невозможно. Экипаж с автоматами и гранатами выскочил на берег. Густыми очередями обратили в бегство фашистов. В пылу погони попали под пулеметную очередь, пущенную из недалекого дзота. Иван Алексеевич Хабаров разрушил дзот гранатами, перебил сидевших в нем фашистов. Вскоре к морякам присоединились несколько десантников. Маленький отряд остаток ночи и весь следующий день отбивался от противника, заняв траншею на окраине городского парка. Ночью храбрецы, израсходовав боеприпасы, вступая в рукопашные схватки, пробились к своим на Малую землю.

Все шло, казалось, отлично. Однако не было продвижения у сухопутных войск. Ни у цементных заводов, ни на Малой земле не удавалось войскам 18-й армии взломать вражеские оборонительные рубежи.

Мощнейшие рубежи, то, что на схеме обозначено синей линией,— это пять рядов траншей и семь рядов проволочных заграждений, это на каждом километре фронта 40—60 пулеметов, 10—25 орудий, 17—20 минометов да еще минные поля.

Складывалась ситуация, схожая с той, что возникла в феврале при высадке десанта в Озерейке. Десантники снова оказались в сложном положении. Немецко-фашистское командование бросило против них танки, самоходные орудия, штурмовую авиацию. Особенно тяжело пришлось первому отряду. Противник отрезал его от моря, расчленил на изолированные друг от друга группы. С большими потерями эти группы прорывались на Малую землю и в район, где действовал второй десантный отряд.

Над десантом, высаженным так удачно и успешно, нависла угроза гибели. Нужно было подкреплять его свежими силами.

Наступил рассвет. Появились в воздухе немецкие бомбардировщики. Артиллерийские наблюдатели противника просматривали бухту и порт, огонь по судам стал губительнее. Вход в порт ежеминутно пронизывали трассы автоматических пушек.

Первым катером, который пошел в Новороссийск повторным рейсом, был торпедный катер старшего лейтенанта Черцова. Он вез десантников и ящики с минами. Как не похож был новый рейс на прежний!

У входа в порт катер попал под град снарядов. Близкие взрывы бросали кораблик с борта на борт. Вот очередь полоснула по корпусу. Упал раненый боцман Панин, стоявший у пулемета. Были ранены несколько солдат. Заглох один мотор. Что-то загорелось под палубой. Входа в порт не было видно, перед катером стояла стена водяных всплесков и брызг. Черцов вел корабль наугад.

Удалось застопорить катер перед трассой снарядов, выпущенных автоматической пушкой. Быстрым рывком вперед ушли от новой очереди. И попали под третью. Удар в живот свалил командира с ног. Упал раненый механик главный старшина Ченчик. В бензиновом отсеке вспыхнул огонь. Через секунды катер должен был взорваться. Командир отделения мотористов Шаманский с кошмой и огнетушителем прыгнул в горящий отсек. Моторист Кузнецов под пулями и осколками затыкал пробоины в палубе, чтобы в отсек не поступал воздух. В это время электрик Петрунин заменил боцмана у крупнокалиберного пулемета и меткой очередью разбил вражеский пулемет, стрелявший по катеру. Враг последними пулями все же достал Петрунина — пули попали в обе ноги. А командир, превозмогая боль, продолжал вести катер к причалу.

Заработал второй мотор. Его пустил, починив перебитый маслопровод, четырнадцатилетний юнга Валя Лялин.

У самого причала немцы осыпали катер минами. Заглохли оба мотора. По инерции катер все же прибился к стенке. Десантники выскочили на берег, принялись выгружать боеприпасы.

Как только катер тронулся в обратный путь, вражеский снаряд разбил левый мотор. Уходили на одном. А вскоре снарядом разворотило скулу. Сквозь пробоину хлынула вода. Кузнецов, Шаманский, радист Полич укрепили переборку торпедного отсека, начали помпой откачивать воду.

Избитый катер вышел из-под обстрела. Уже показались причалы Кабардинки. Но в это время командир, стоявший у штурвала, упал без сознания. Катер пошел бессмысленными кругами. К штурвалу встал юнга. Раненые не могли встать, а остальные члены экипажа не могли отойти от мотора и помпы. А фашисты снова открыли по катеру стрельбу из орудий.

Странные движения катера заметили с берега. Два катера поспешили на помощь. Они поставили дымовую завесу, закрыли раненого друга. Знаками объяснили юнге, что делать,— вести катер к берегу и посадить на мель; вода уже заливала палубу, малейшее промедление грозило гибелью.

Мальчик понял моряков. Затопленный катер выскочил на прибрежные камни и замер...

Случай с катером Черцова, с другими катерами, которые пошли вторыми рейсами в Новороссийск, вынудил командование отложить переброску свежих десантных частей до ночи.

В ночь на 11 сентября катера совершили новый подвиг — высадили в город еще 2600 бойцов. В это же время командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров дал 18-й армии на усиление ее восточной группы гвардейскую стрелковую дивизию и гвардейскую танковую бригаду.

Фашисты не выдержали натиска. 14 сентября оборона врага была прорвана. В уличные бои включились стрелковые части и танки. Вечером 16 сентября весь Новороссийск был в наших руках. Развивая успех, советские войска повели наступление в направлении Верхне-Баканского, в тыл вражеской группировки, оборонявшейся на рубеже «Голубой линии». Опасаясь окружения, 17-я немецкая армия, теряя технику и людей, начала поспешно отходить к Керченскому проливу и переправляться в Крым.

* * *

Итак, 17-я армия врага нашла себе спасение от полного разгрома в Крыму. Но Крым уже отрезан войсками 4-го Украинского фронта от основной массы фашистских армий. (Посмотри карту военных действий во втором периоде войны.) Красная стрела фронта нацелена на Перекоп. Близится время освобождения Севастополя.

А Новороссийск наш. Пусть разрушенный. Но уже наш. Теперь черноморские корабли имеют хорошую базу. Значит, их удары по врагу будут раз от раза крепче.

В 1966 году город Новороссийск за мужество, стойкость и героизм его защитников был награжден орденом Отечественной войны I степени. В 1973 году, в тридцатилетие разгрома фашистов на Северном Кавказе, Новороссийск был удостоен звания «Город-герой», ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Я буду рад, читатель, если кто-то из героев Новороссийска станет любимым для тебя. Может быть, это будет юнга Валя Лялин; оставшись сиротой, он вошел в семью моряков и в четырнадцать лет показал себя настоящим мужчиной. После того героического рейса мальчик получил орден и направление в Тбилисское нахимовское училище. Он поехал туда вместе с выздоровевшим механиком Н. Ченчиком; главного старшину направили в училище воспитателем. А может быть, сам Андрей Ефимович Черцов станет образцом для подражания. Он тогда был ранен в живот навылет. Такое ранение кончается смертью. Но мужественный командир выжил. Полгода спустя вернулся на свой катер. Освобождал Севастополь. Высаживал десантников в Сулине и Констанце, воевал на Дунае...

ФАШИСТЫ ТОПЯТ СВОИ КОРАБЛИ

НАЧАЛО ГОДА

1944 год начался для фашистов «новым Сталинградом». Недалеко от города Корсунь-Шевченковского войска 1-го и 2-го Украинских фронтов окружили десять дивизий врага — свыше 80 тысяч гитлеровцев.

Кольцо было таким плотным, что у фашистов не оставалось ни малейшей надежды вырваться. Советское командование предложило врагу сдаться. Немецко-фашистское командование наше предложение отклонило, приказало войскам идти на прорыв.

Уничтожение врага у Корсунь-Шевченковского часто называют «побоищем». Оно происходило 17—18 февраля. Была ночь. В степи мела вьюга. Гитлеровцы, построившись плотными колоннами, пустив впереди колонн танки и бронемашины с генералами, двинулись, как тараны, на наши позиции. Тактика была примитивная — кто сумеет прорваться, тот прорвется... Наблюдатели заметили в снеговых вихрях движение огромных человеческих масс. На врага обрушил удар полк легкобомбардировочной авиации. Ураганный огонь открыла артиллерия. Густыми огненными стаями полетели в «котел» эрэсы. Обезумевшие фашисты продолжали движение. Нашим воинам пришлось собрать все мужество, чтобы остановить лавины врага. По фашистам в упор били пушки, пулеметы, автоматы. В гущу врага ворвались наши танки...

Уйти из кольца удалось немногим. В плен мы взяли 18 тысяч. А 55 тысяч было убито и ранено. Вся боевая техника врага осталась на поле боя.

* * *

Взгляни на карту третьего периода войны.

По линии «юг — север» увидишь еще три «котла». Они устроены врагу 1, 2 и 3-м Белорусскими фронтами и 1-м Прибалтийским фронтом.

Летом 1944 года у Бобруйска было уничтожено и пленено 74 тысячи гитлеровцев, у Минска — 105 тысяч и у Витебска — свыше 30 тысяч... Враг получал возмездие за страшные злодеяния, которые творил на нашей земле.

Вернемся на берега Черного моря. Взглянем на карту по линии «восток — запад». 26 марта войска 2-го Украинского фронта на 85-километровом

Общий ход военных действий в третьем периоде войны. Декабрь 1943 г.— май 1945 г.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ
2 ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ
1 ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ
БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
2 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
3 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
4 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
ГРУППА АРМИЙ "СЕВЕР"
ГРУППА АРМИЙ "ЦЕНТР"
ГРУППА АРМИЙ "ЮЖ.УКРАИНА"
ГРУППА АРМИЙ "ЮГ"
ГРУППА АРМИЙ "А"
ГРУППА АРМИЙ "Е"
ГРУППА АРМИЙ "Ф"
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ОСЛО
СТОКГОЛЬМ
ХЕЛЬСИНКИ
ТАЛЛИН
РИГА
КОПЕНГАГЕН
МОСКВА
ВАРШАВА
БЕРЛИН
ПРАГА
ВЕНА
БУДАПЕШТ
БЕЛГРАД
БУХАРЕСТ
СОФИЯ
КИЕВ
МИНСК
ВИЛЬНЮС
КИШИНЕВ
ОДЕССА
СЕВАСТОПОЛЬ
ЛЕНИНГРАД
СТАЛИНГРАД
ВОЛГОГРАД
РОСТОВ-НА-ДОНУ
ХАРЬКОВ
ДНЕПР
ВИСЛА
ОДЕР
ЭЛЬБА
ДУНАЙ
ПРУТ
ДНЕСТР
ЮЖ. БУГ
ЗАП. ДВИНА
НЕМАН
ВОЛГА
ОКА
ДОН
СЕВ. ДОНЕЦ
ПРИПЯТЬ
ДЕСНА
ПЕЛА
ЭСТОНСКАЯ ССР
ЛАТВИЙСКАЯ ССР
ЛИТОВСКАЯ ССР
БЕЛОРУССКАЯ ССР
УКРАИНСКАЯ ССР
ФИНЛЯНДИЯ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОЛЬША
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
ЮГОСЛАВИЯ
РУМЫНИЯ
БОЛГАРИЯ
АВСТРИЯ
ИТАЛИЯ
ФРАНЦИЯ
БЕЛО ФИНСКАЯ ССР
КАРЕЛО ФИНСКАЯ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
МЕДВЕЖЬЕГОРСК
ВЫБОРГ
ТУРКУ
ТАРТУ
ПЯРНУ
НАРВА
ЛУГА
НОВГОРОД
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ
РЖЕВ
ВЯЗЬМА
СМОЛЕНСК
КАЛИНИН
ТУЛА
РЯЗАНЬ
КАЛУГА
БРЯНСК
ТАМБОВ
ВОРОНЕЖ
КУРСК
ОРЕЛ
ЧЕРНИГОВ
ГОМЕЛЬ
МОЗЫРЬ
ПИНСК
БРЕСТ
ЛУЦК
ЛЬВОВ
ТЕРНОПОЛЬ
ЖИТОМИР
ФАСТОВ
КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ
ЧЕРКАССЫ
ПОЛТАВА
ЗАПОРОЖЬЕ
КРИВОЙ РОГ
НИКОПОЛЬ
ДНЕПРОПЕТРОВСК
КИРОВОГРАД
ПЕРВОМАЙСК
ПРИПЯТСКИЕ БОЛОТА
ПОЛОЦК
ОРША
МОГИЛЕВ
ВИТЕБСК
ГРОДНО
ВАРАНОВИЧИ
БОБРУЙСК
БЕЛОСТОК
ЛЮБЛИН
ЛОДЗЬ
ПОЗНАНЬ
ГДЫНЯ
ДАНЦИГ
ГРАУДЕНЦ
ТОРУНЬ
ЛЕГНИЦА
ВРОЦЛАВ
ОППЕЛЬН
ГЛОГАУ
ЛЕЙПЦИГ
ДРЕЗДЕН
МАГДЕБУРГ
ШТЕТТИН
КИЛЬ
РОСТОК
ЛЮБЕК
ГАМБУРГ
БРЕМЕН
ГРОНИНГЕН
ЭММЕН
ЛЕЙДЕН
АМСТЕРДАМ
РОТТЕРДАМ
ГААГА
УТРЕХТ
ЭЙНДХОВЕН
ЛЬЕЖ
ЛЮКСЕМБУРГ
ЛИЛЬ
ПАРИЖ
ЛИОН
ГРЕНОБЛЬ
ЖЕНЕВА
ЦЮРИХ
БАЗЕЛЬ
ШТУТГАРТ
МЮНХЕН
ИНСБРУК
ЛИНЦ
ЗАЛЬЦБУРГ
ГРАЦ
КЛАГЕНФУРТ
ЛЮБЛЯНА
ТРИЕСТ
ЗАГРЕБ
СУББОТИЦА
СЕГЕДИН
ДЕБРЕЦЕН
КОШИЦЕ
КОЛОМЫЯ
ЧЕРНОВЦЫ
ЯССЫ
ПЛОЕШТИ
ГАЛАЦ
ИЗМАИЛ
АККЕРМАН
СУЛИНА
КОНСТАНЦА
ВАРНА
БУРГАС
ПЛОВДИВ
СКОПЛЕ
САРАЕВО
ДУБРОВНИК
ТИРАНА
САЛОНИКИ
АФИНЫ
ПАТРАС
ТРИПОЛИ
ТУНИС
ПАЛЕРМО
НЕАПОЛЬ
РИМ
ФЛОРЕНЦИЯ
ГЕНУЯ
МИЛАН
ТУРИН
ЛИВОРНО
ПИЗА
БОЛОНЬЯ
ВЕНЕЦИЯ
ТРИЕСТ
ФИУМЕ
ПОЛА
ЗАДАР
СПЛИТ
ДУБРОВНИК
КОТОР
ПОДГОРИЦА
ШКОДЕР
ДУРРЕС
ВАЛОНА
ЯНИНА
ЛАРИСА
ВОЛОС
ЛАМИЯ
ФЕССАЛОНИКИ
ЭДИРНЕ
ЧАНАККАЛЕ
ИЗМИР
АНКАРА
ЭРЗУРУМ
ТРАПЕЗУНД
ЭРЕГЛИ
ЗОНГУЛДАК
СИНОП
САМСУН
СИМФЕРОПОЛЬ
ФЕОДОСИЯ
КЕРЧЬ
КРАСНОДАР
НОВОРОССИЙСК
ТУАПСЕ
СОЧИ
ГАГРЫ
СУХУМИ
ПОТИ
БАТУМИ
ОЗ. ОНЕЖСКОЕ
ОЗ. ЛАДОЖСКОЕ
ОЗ. БЕЛОЕ
ОЗ. ЧУДСКОЕ
ОЗ. ПСКОВСКОЕ
ОЗ. ИЛЬМЕНЬ
ОЗ. ВЕНЕРН
ОЗ. ВЕТТЕРН

Карельский фронт.

участке вышли на Государственную границу СССР и Румынии, к реке Прут.

Вся страна встретила эту весть с ликованием. Выход советских войск на государственную границу имел международное значение. Для друзей СССР он означал приближение победы над гитлеровской Германией и освобождение народов от фашизма.

Успешные действия войск 2-го Украинского фронта существенно изменили обстановку на приморском направлении, оказали большую помощь войскам 3-го Украинского фронта, которые в это время начали Одесскую операцию.

В Одесской операции участвовали и силы Черноморского флота. Флот усилил активность на коммуникациях. Его авиация и морская пехота участвовали в боях за приморские города и порты. 28 марта войска 3-го Украинского фронта освободили город Николаев. В боях за его освобождение бессмертный подвиг совершил отряд десантников из состава 384-го отдельного батальона морской пехоты.

Отряд был небольшой — 55 морских пехотинцев и 12 бойцов — саперов, снайперов, радистов, но каждый воин в нем стоил целого взвода. Командовал ими старший лейтенант Константин Федорович Ольшанский.

Ночью на рыбачьих лодках, преодолевая сильное течение, отряд прошел по Южному Бугу полтора десятка километров и высадился на окраине города. Оборону заняли у элеватора, пользуясь его бетонными стенами как укрытиями.

Фашисты обнаружили десантников поздно утром. Не зная их числа, но прекрасно понимая, чем грозит их удар, когда город будет атакован советскими войсками с фронта, противник бросил на уничтожение отряда большие силы. По ходу боя силы эти увеличивались и достигли просто фантастических размеров: три батальона пехоты, четыре танка, четыре орудия, два шестиствольных миномета.

Бой длился двое суток. Восемнадцать раз враги бросались в атаку на горстку героев. Забрасывали их ядовитыми дымовыми шашками, поливали горящей жидкостью из огнеметов. И сами несли ужасные потери. Десантники подбили два танка, взорвали все орудия, уложили у стен бастиона около семи сотен фашистов.

Когда наши войска ворвались в Николаев, в отряде Ольшанского живых было двенадцать человек. Остальные вместе с командиром погибли в невероятном бою. Самые мужественные люди дивились мужеству десантников.

10 апреля войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу.

Освободив Одессу, наши войска продолжали стремительное движение и через два дня заняли город Тирасполь. И что очень важно, с ходу форсировали широкую реку Днестр, захватили на ее правом берегу плацдарм.

Еще раз посмотри карту. Все наши фронты продолжают движение на запад. Лишь 4-й Украинский фронт повернут остриями своих армий на юг; его задача — освободить Крым. Чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Можно рассуждать так: «У нас есть Одесса, есть Николаев. Из этих баз наши флот и авиация будут наносить удары по нефтяным районам Румынии. Отсюда же корабли и самолеты смогут нападать на конвои, снабжающие фашистов, оставшихся в Крыму. Зачем преодолевать Перекоп? 17-я немецкая армия обречена. Пусть сидит на полуострове. Досидится до капитуляции».

Это рассуждение неверно. Помнишь, мы говорили о значении Крыма для нас? Теперь посмотрим, почему Крым нужен противнику.

Первое. Гитлеровцев в Крыму около двухсот тысяч. Чтобы сторожить такую силу, надо и нам у Перекопа и у Керченского пролива держать войск не меньше. Германское командование было бы радо, если бы мы поставили у Крыма «сторожа» численностью чуть ли не в четверть миллиона человек, выключили бы эти войска из нашего победоносного продвижения на запад. Если же оставить войск меньше, то 17-я армия может в какой-то важный момент выйти с полуострова на север и ударить в тыл нашим наступающим армиям.

Второе. Флот противника, находясь в Крыму, осложняет действия советского Черноморского флота, разъединяет наши Военно-Морские Силы, базирующиеся в восточной части моря, от сил, действующих в западной части.

Третье. Располагаясь в Крыму, в середине моря, фашисты оказывают политическое давление на Турцию, Румынию и Болгарию. А правители этих стран уже отчетливо видят свой конец, ломают го-

ловы, размышляя, как отмежеваться от Гитлера... Вот почему захватчики всеми силами стараются удержаться на Крымском полуострове.

Командующий 17-й армией и всеми войсками в Крыму генерал-полковник Енеке напишет в приказе: «Крым на замке. В мире нет еще такой силы, которая была бы способна прорвать укрепления на Перекопе и Сиваше. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отдыхают в окопах. Они здесь проживут до нашей победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан».

Готовясь к боям, противник восстановил оборонительные сооружения, сделанные нами в начале войны, и построил множество своих и у Перекопа, и вокруг Севастополя. Как же мы преодолеем эти неприступные рубежи?

На советско-германском фронте к началу 1944 года у противника было 4 миллиона 900 тысяч войск, 54 тысячи орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3 тысячи самолетов. Огромная сила... Но мы уже были сильнее этой силы. Советские войска насчитывают 6 миллионов 100 тысяч человек, почти 89 тысяч орудий и минометов да 2167 «катюш», около 4900 танков и самоходок, 8500 самолетов.

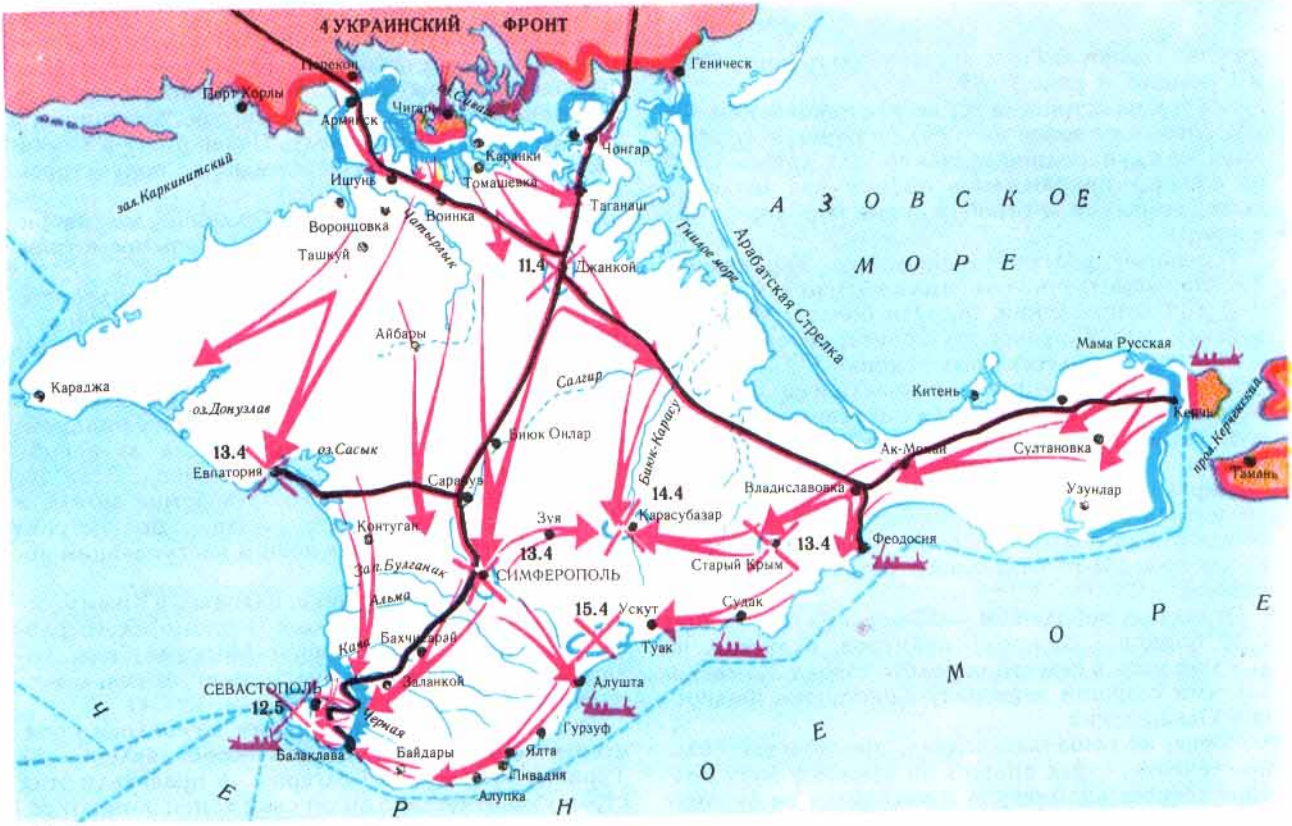
Поэтому Советское Верховное Главнокомандование имело возможность хорошо вооружить войска, которым предстояло прорываться в Крым. У них было 5982 орудия и миномета (у врага — 3600), 559 танков и самоходок (у врага — 215), 1250 самолетов (у врага — 150). Солдат и офицеров у нас было 470 тысяч (у врага — 195 тысяч). Как видишь, в сражении за Крым численное превосходство на нашей стороне. Напомню, в последнем штурме Севастополя в 1942 году немецко-фашистские силы по самолетам превосходили нас в одиннадцать раз, по танкам — в двенадцать. Наше теперешнее превосходство не такое значительное, но весьма убедительное. Это радует войска. Особенно их радует большое количество в наших Вооруженных Силах самолетов. Прошли те времена, когда «мессершмитты» гонялись за каждой полуторкой, а «юнкерсы» бомбили каждый пулемет...

Мы с тобой, читатель, уже достаточно грамотны в военном деле, чтобы представить, как флот помогает сухопутным войскам. Флот начал усиленные действия на коммуникациях противника — топит суда, идущие в Крым и из Крыма. Но теперь, поскольку у нас много самолетов, главным средством борьбы с транспортами и кораблями врага стали штурмовики, бомбардировщики и самолеты-торпедоносцы.

В начале апреля самолеты морской авиации нанесли мощные удары по скоплениям немецких транспортов и кораблей. На Феодосийский порт налетело 34 штурмовика под прикрытием 48 истребителей, на Судак — 84 штурмовика и 42 истребителя.

В Феодосии было потоплено и повреждено 9 кораблей и катеров, в Судаке потонули самоходные баржи с войсками. Там началась паника. Солдаты,

Крымская операция 1944 г.



боясь нового налета, побежали по шоссе к Алуште. Командование, опасаясь полной деморализации в частях, вынуждено было бросить тяжелую технику и отдать приказ об отступлении в Алушту.

Позже западнее мыса Херсонес большой конвой противника атаковали 10 самолетов-торпедоносцев, 19 бомбардировщиков, 18 штурмовиков, их прикрывали 36 истребителей. Вот в каком числе теперь летают наши самолеты.

Советские летчики стали применять новый способ бомбометания. Назывался он топмачтовым и был точнее обычного раз в пять. Пользоваться им было можно, если в группу входили разные самолеты. Истребители завязывали бой с вражескими истребителями. Штурмовики нападали на корабли охранения, отвлекая их зенитные средства. Тогда бомбардировщики снижались до 40—20 метров (чуть ли не до верхушки мачты) и за 250—300 метров от транспорта сбрасывали бомбы. Бомбы, ударяясь о воду, рикошетом подлетали к транспорту и взрывались на высоте 6—8 метров, поражая судно осколками и взрывной волной или прямым попаданием.

Наши летчики в Крымской операции потопили 42 транспортных судна, 12 десантных барж, 4 буксира, тральщик, 5 катеров-охотников, а 55 судов повредили (из 100 судов, уничтоженных всеми силами флота, и из 60 поврежденных). В воздушных боях истребители при этом сбили более 80 вражеских самолетов.

БЕГСТВО ОТ ПЕРЕКОПА

Идут на дно морские фашистские суда. А что делается в это время на сухопутном фронте?

8 апреля войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина начали штурм перекопских укреплений. Самолеты двух воздушных армий, тысячи орудий и минометов за два с половиной часа пробили широкие бреши в обороне противника. В них ринулись танки и пехота. На третьи сутки боя, спасаясь от гибели, вражеские войска в беспорядке устремились к Севастополю.

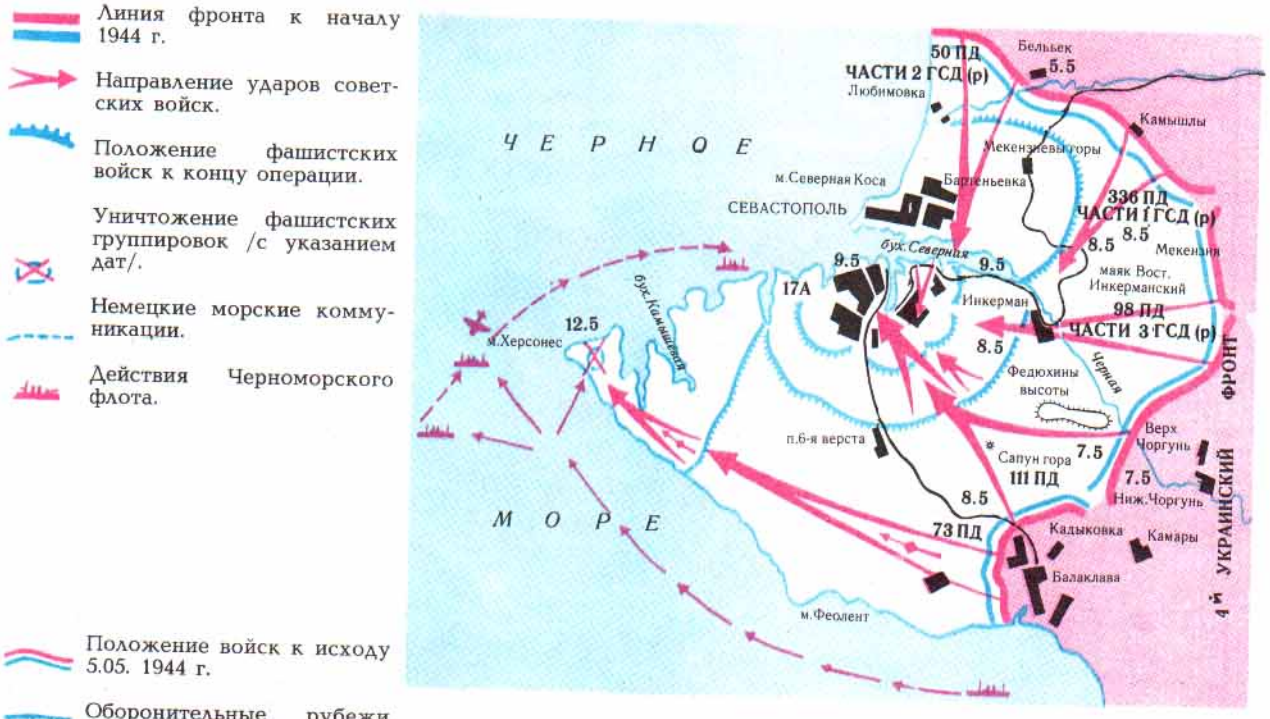
В ночь на 11 апреля перешла в наступление на Керченском полуострове Приморская армия (командующий генерал армии А. И. Еременко). Ее части и технику в сжатые сроки переправила через пролив Азовская военная флотилия, которую возглавлял контр-адмирал С. Г. Горшков.

Приморцы, овладев в первый же день Керчью, на своем направлении тоже погнали врага.

Прошла всего неделя с начала наступления, а все гитлеровские дивизии уже сгрудились у Севастополя, надеясь за его укреплениями дождаться своей очереди на эвакуацию.

Рассмотри схему Крымской операции. У населенных пунктов стоят даты их освобождения. По датам ты сможешь представить, как стремительно действуют наши войска. Перечеркнутые кружки — это места окружения, уничтожения и плене-

Освобождение Севастополя.



ния вражеских частей. Мы говорили, что фашисты бежали из Судака после налета штурмовиков. Но недалеко убежали: ударом от Симферополя мы перерезали дорогу западнее Алушты. Около Алушты отступавшие частью были уничтожены, частью взяты в плен. И удар и окружение обозначены на схеме.

ЕЩЕ О ДОБЛЕСТИ КАТЕРОВ

В первых числах марта 2-я бригада торпедных катеров, та, что штурмовала Новороссийский порт, совершив пятисотмильный переход, перебазировалась из Геленджика в Скадовск — прибрежный городок между Тендровской косой и Перекопом. Сам этот переход был делом мужества и мастерства катерников: маленькие кораблики шли в открытом море под угрозой налета самолетов противника, разгадывая засады вражеских кораблей. На месте они сразу же включились в боевую работу — уничтожение немецких транспортов.

Первые выходы к Севастополю волновали всех. Очень уж любили моряки этот город. Какой он теперь? Скоро ли освобождение?

Ночной город угадывался по свету прожекторов. Прожекторы во множестве шарили по небу, нащупывали наших бомбардировщиков. Били зенитки. Взрывались в городе и порту бомбы. Берег и прилегающая к нему полоса моря были освещены багровым светом.

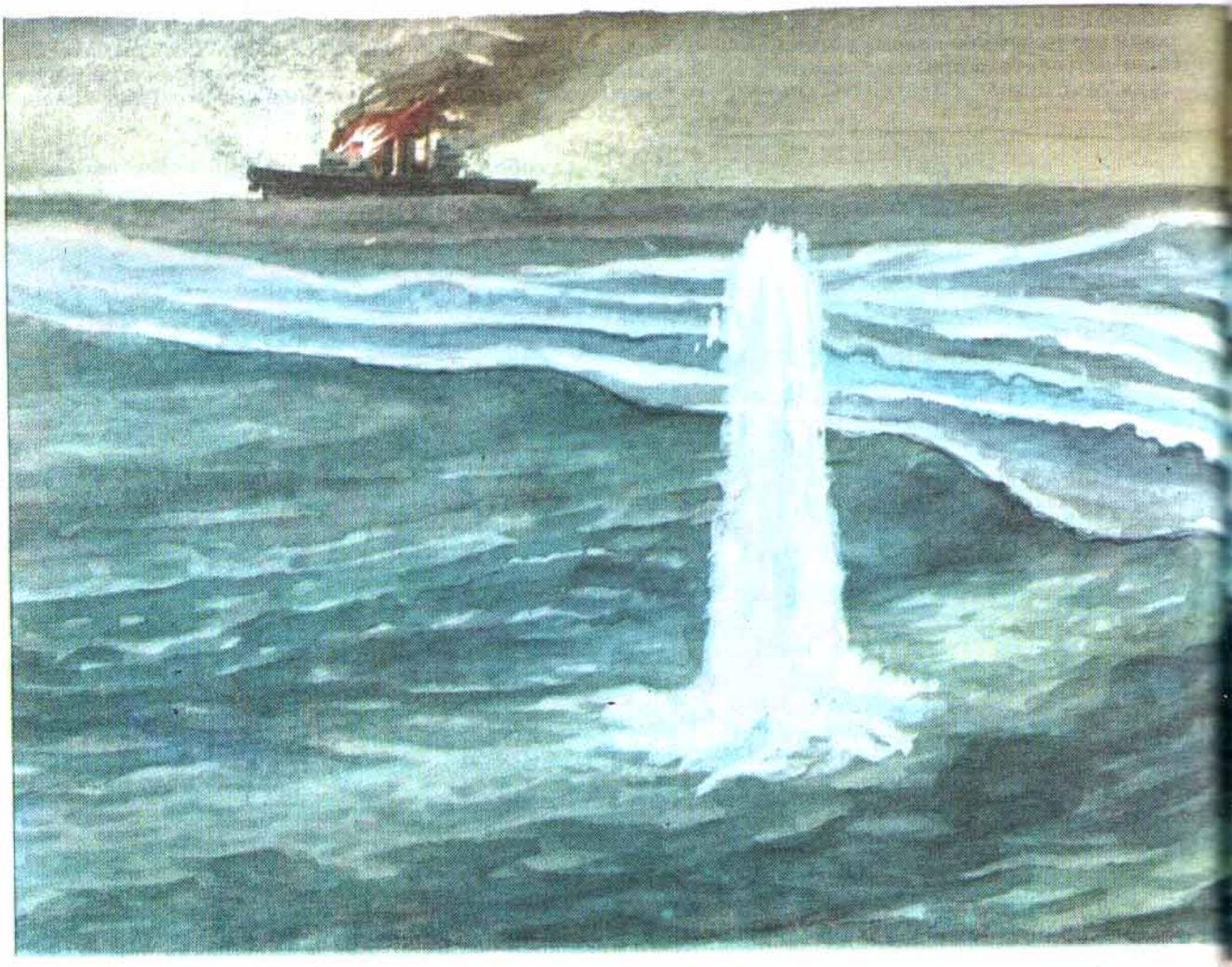
Когда уходили бомбардировщики и в городе наступало краткое затишье, слышался беспрерывный гул в горах — наши войска подходили к Севастополю все ближе и ближе.

В первый выход катера потопили десантную баржу и повредили два сторожевых катера противника. Во второй — пустили на дно транспортное судно. В третий — еще десантную баржу. В четвертый — потопили транспорт и залпом эрэсов обратили в бегство миноносец. Так с каждой ночью катерники увеличивали свой боевой счет.

Ты, конечно, не забыл катер Черцова. У Севастополя он действовал тоже смело и умело.

Ночью стояли в засаде, когда летчик-разведчик

После атаки торпедных катеров.



передал по радио, что к мысу Херсонес движется транспорт противника. А на Херсонесе шел ожесточенный бой. Последний. Фашисты, выбитые из Севастополя, сгрудились на мысу. На каменистом куске суши беспрестанно грохотали взрывы, багровые вспышки едва пробивались сквозь тучи дыма и пыли.

Движется к Херсонесу транспорт — спасение для сотен фашистов. Разве можно допустить, чтобы они спаслись?! Черцов повел катер в атаку. Еще несколько минут — и можно было бы выпустить торпеду. Но неожиданно самолет-разведчик сбросил над транспортом осветительную бомбу. Под ярким светом и катер стал виден как на ладони. Заглушили моторы, стояли, смотрели, как транспорт подходит к берегу у Камышовой бухты. «В бухту он пройти уже не мог. В ней всюду торчали из воды остовы затонувших барж и катеров, потопленных нашими кораблями и самолетами. У самого причала догорал лежащий на борту полузатонувший транспорт. Да и бой на берегу быстро приближался к бухте. Снаряды нашей сухопутной артиллерии то и дело рвались на рейде. На фоне горящего берега мы хорошо видели преследуемый нами транспорт и снующие вокруг мелкие суда» (А. Черцов).

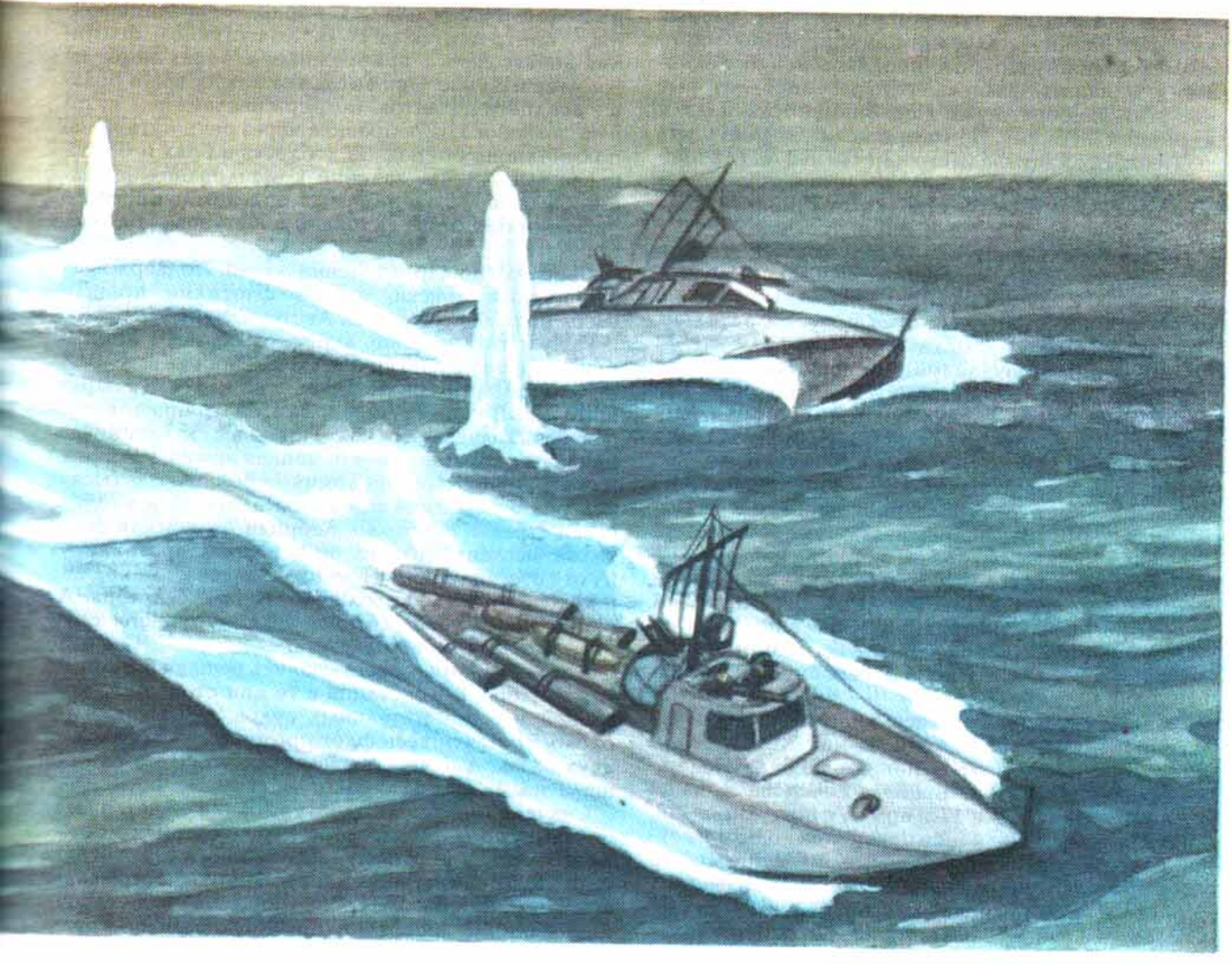
Осветительная бомба потухла. Подошли к транспорту на 5 кабельтовых. Выстрелили торпеду. Долго не было взрыва, уже охватило сомнение: попадет ли в цель? Попала. Взорвалась с грохотом. Вторым взрывом взорвался сам транспорт. Он, оказалось, был наполнен авиационным бензином.

Самолеты ждали этот бензин на херсонесском аэродроме. Не дождались. На следующий день они были захвачены нашей пехотой.

В ту последнюю ночь боев за Крым Черцов торпедировал еще одну баржу.

СНОВА В СЕВАСТОПОЛЕ

А как проходило сражение на суше? Утром 5 мая был нанесен удар по вражеской обороне с севера, от Бельбека и Камышлы в направлении Мекензиевых Гор и Северной бухты: надо было отвлечь



силы противника с других участков обороны. 7 мая одновременно началось наступление на главных направлениях: с востока через Инкерман и с юго-востока через Балаклавские высоты и Сапун-гору.

У нас на каждом километре фронта стояло по двести орудий. Они засыпали снарядами оборонительные линии врага. Бомбоштурмовые удары наносили сотни самолетов. Несмотря на такую обработку, враг оборонялся яростно и упорно. Фашисты не надеялись на пощаду. Среди тех, кто сидел в дотах, были и те, что глумились над нашими ранеными в 1942-м.

Надо ли говорить, что и наши бойцы не забыли тех событий. Сама крымская земля напоминала о них. Солдаты, наступавшие на Мекензиевы Горы, в старом дзоте нашли приклад автомата. На прикладе были выцарапаны буквы. «Пишет вам, товарищи, моряк, который в этом дзоте погиб за Севастополь. Кто найдет этот приклад, пусть не забудет меня, когда будет бить фашистов. Я их, гадов, уложил немало. А за мою личную жизнь, которая кончается в дзоте, прошу отомстить. Старшина 2-й статьи Федор Лобов».

Самые ожесточенные бои начались на Сапун-горе — ключевом месте вражеской обороны. Полтора часа обрабатывали ее артиллерия и бомбардировщики. Началась атака. Впереди — на разных участках атаки — шли знаменосцы. Было много знамен. Они неудержимо продвигались от подножия к вершине. Казалось, что храбрецов, которые несут их, не берет пуля. Нет. Знаменосцы падали и раненые и убитые. Но товарищи не давали упасть знамени. Подхватывали его и несли выше. Так принял знамя из рук раненого сержанта Евгения Смеловича солдат 844-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии Иван Яцуненко.

Произошел удивительный случай — Яцуненко продвигался с красным полотнищем к доту на вершине горы, и тут его окликнул знакомый голос. В окликнувшем Иван узнал отца, тоже солдата.

— Неси, сынок! — махнул рукой отец.

Солдат-сын донес знамя до вершины.

Гвардии ефрейтор Василий Дробязко, раненый, гранатами разогнал гитлеровцев, преградивших путь, и тоже поднял знамя на Сапун-горе.

8 мая наши войска подошли к городу. Были еще сутки кровопролитных боев — на окраинах, на бульварах, в центре города, на пристанях. Красными знаменами отмечались взятые кварталы. Первое знамя поднял над домом метеослужбы разведчик 953-го полка солдат Илья Поликахин. Моряки Владимир Стовба и Петр Рублев первыми с боем дошли до Графской пристани. Знамени у них не было. Они подняли на флагшток бескозырку.

Вечером 9 мая Севастополь был очищен от врага.

Фашисты, те, что остались живыми после штурма города, в панике бежали на мыс Херсонес и к бухте Казачьей, стремясь попасть на суда. Надежда была призрачной. Врага преследовали наши танки. 12 мая остатки 17-й армии капитулировали.

За Крымскую операцию противник только на суше потерял убитыми, ранеными и пленными сто тысяч солдат и офицеров. Точно неизвестно, сколько врагов погибло на транспортах и кораблях. Тоже, верно, число немалое. По оперативным сводкам штаба 17-й армии, только с 3 по 13 мая на переходе морем ее войска потеряли 37 тысяч немецких и около 5 тысяч румынских солдат и офицеров.

Вся Крымская операция длилась 35 дней. Штурм Севастополя — 5 дней. Тогда как фашисты штурмовали его 250 дней.

5 ноября 1944 года в Севастополь вернулась черноморская эскадра. Линкор, крейсеры, эсминцы салютовали славному городу двадцать одним залпом из ста орудий.

КОНЕЦ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

После освобождения Крыма вражеский флот значительно поубавился. И базы у него остались лишь в западной части моря — румынские Сулина и Констанца, болгарские Варна и Бургас.

Противник, опасаясь десантов, сильно минировал воды у западного побережья. По причине минной опасности наши большие корабли не участвовали в завершающих событиях. Зато с успехом и великой пользой воевали корабли Дунайской флотилии: торпедные, сторожевые, артиллерийские катера, бронекатера, мониторы. Под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова (в конце войны — контр-адмирала Г. Н. Холостякова) флотилия действовала в прибрежных районах моря, на Днестре и Дунае. Она высадила в тылу врага больше двадцати десантов, поддерживала огнем сухопутные войска, переправила через реки чуть ли не полмиллиона бойцов. За доблесть в боях и образцовое выполнение заданий командования флотилия была награждена тремя орденами: Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени.

Проследи по карте течение Дуная. Поддерживая сухопутные войска, катера флотилии прошли вверх по реке до столицы Австрии, Вены.

Раз уж ты смотришь карту, разберись в движении наших войск на юго-востоке Европы.

В конце лета советские войска нанесли сокрушительный удар группе армий противника, которая называлась «Южная Украина». У Кишинева попала в окружение 6-я немецкая армия, у Аккермана — 3-я румынская армия — больше 200 тысяч человек. Румынские войска пытались уйти в глубь своей страны. Но около Жебриян Дунайская флотилия высадила десант, он перекрыл противнику пути отступления. Немецкая армия, находясь в кольце, была уничтожена в начале сентября. А окруженные советскими войсками румыны сдались в плен в конце августа.

В это же время развертывались решающие события на море. В Констанце в те дни стояло 150 кораблей и вспомогательных судов, а в Сулине — около 50, почти весь флот противника собрался в двух базах. Авиация Черноморского флота совершила налет на обе базы.

Сначала самолеты-штурмовики — четырьмя волнами, по 7—8 самолетов,— подвергли бомбежке и обстрелу порт в Сулине. Вражеские истребители полетели туда, чтобы прогнать штурмовиков. Нам это и было нужно. Сейчас же Констанцу атаковали 60 наших пикирующих бомбардиров-

щиков, их прикрывали около 80 истребителей. Удар получился превосходный. За ним последовали новые налеты. Почти половина вражеских кораблей была уничтожена.

В последние дни августа Сулину захватил отдельный 384-й Николаевский батальон морской пехоты, которым командовал Герой Советского Союза майор Федор Евгеньевич Котанов. (Отряд Ольшанского был из этого батальона.) Над портом румыны вывесили белый флаг. На набережную грудами складывали оружие. Тут же, неподалеку от советских пехотинцев, расположились сдавшиеся в плен румынские солдаты и офицеры. Тихое поведение пленных объяснялось тем, что в Бухаресте произошло восстание. Фашистский правитель Антонеску был арестован. Румыния выходила из войны.

Прибывший с отрядом катеров член Военного совета Черноморского флота контр-адмирал И. И. Азаров послал командующему румынским флотом ультиматум — прекратить боевые действия, сдать флот советским войскам к 12 часам 29 августа.

Ровно в полдень в назначенный день два румынских катера под белыми флагами доставили в Сулину согласие на безоговорочную сдачу флота.

Германское командование еще раньше, когда моряки Дунайской флотилии захватили дельту Дуная, отправило, спасая от пленения, вверх по реке около двухсот своих кораблей и судов. Эта флотилия спешным ходом начала пробираться по извилистому Дунаю ближе к Германии. Теперь, узнав о капитуляции румынского флота, немецко-фашистское командование вывело оставшиеся на Черном море корабли из Констанцы в болгарские порты Варну и Бургас.

9 сентября в Болгарии восставший народ сверг правительство, служившее фашистам. Новая власть объявила Германии войну. Болгары как братьев встретили советских солдат и моряков.

Помнишь, в первый год войны гитлеровцы, чтобы погубить советские корабли, стремились захватить наши военно-морские базы. Теперь без стоянок оказался германский флот. Немцам не оставалось ничего иного, как затопить корабли у болгарского берега, три подводные лодки затопились у берегов Турции.

Этим и закончились боевые действия на Черном море.

Остается добавить вот что: те двести кораблей и судов, что ушли вверх по Дунаю, до места назначения не добрались. Фашисты затопили их недалеко от Железных ворот, где Дунай сужается в горном проходе. Когда флотилия добралась туда, там уже были войска 2-го Украинского фронта.

«ВОЙНА ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ...»

Тридцать с лишним лет прошло, как окончилась война, но я, когда слышу слова «второй фронт», неизменно вспоминаю опушку соснового леса у деревни Назия — на Волховском фронте. Летом 1942 года там, среди желтых песочных воронок и избитых осколками деревьев, стоял наш дивизион. С самого рассвета до самой темноты в небе кружили немецкие самолеты и свистели бомбы... Недалеко был голодающий Ленинград. Из газет мы знали, что тяжелейшие бои идут под Сталинградом. Настроение и у нас, восемнадцатилетних, и у пожилых солдат было тревожное. В перерывах между опасностями собирались под высокой сосной, сидели на сухой земле, поросшей брусничником, курили сладковатую гнилую махорку. Разговаривали. О чем бы ни заходил разговор, обязательно поминали второй фронт. Союзники обещали открыть его в 1942 году. Лето было на исходе. Осенью — мы понимали это — на море начнутся штормы, высаживаться с кораблей будет трудно. Значит, рассуждали мы, вот-вот наступит обещанный день, и нам станет полегче...

В 1942-м союзники второй фронт не открыли. Обещали в 1943-м. И тоже не открыли. Высадка англо-американских войск во Франции произошла лишь летом 1944 года.

Радовались ли мы этому событию? Радовались.

Наш дивизион «катюш» в те дни мчался по белорусским дорогам. Остался позади освобожденный Минск. Фашисты бежали. Враг пытался зацепиться за какой-нибудь берег реки, за какие-нибудь высоты, чтобы остановиться. Но мы гнались за ним, били по берегу реки, по высотам залпами эрэсов, туда кидались танки, на грузовиках пехота, проносились штурмовики... И снова спидометры отсчитывали километры. Мы, солдаты, еще не знали, что окружаем, уничтожаем огромную массу немецко-фашистских войск, что плененные здесь враги пройдут по Москве — на показ народу. Но настроение все равно было отличное. И мы радовались вступлению в Европу американцев и англичан — тому, что и они могут присоединиться к нашему делу, к нашей суровой работе. Дело-то какое! Работа-то какая! Разгром фашизма.

...Похожая радость бывает у плотников, которым прохожий помог втащить бревно на верхушку сруба. Сами бы втащили. Но человек помог — спасибо ему... А в 42-м мы радовались бы второму фронту по-иному — как радовались бы плотники помощи прохожего, если бы бревно, поднятое на исходе сил, вот-вот готово было придавить мастеров.

Почему союзники два года «открывали» второй фронт? Еще раз вспомним знаменитую истину: «Война есть продолжение политики...» Англия и США ждали, когда Советский Союз и Германия истощат друг друга в кровопролитных битвах.

А почему второй фронт все же был открыт? И почему летом 1944 года? Опять же «война есть продолжение политики...». В те месяцы правящим кругам Англии и США стало предельно ясно, что Советский Союз не только разгромит фашистскую Германию, но и поможет трудящимся Европы установить в своих странах демократические порядки. Война и фашистская оккупация открыли простым людям глаза на пагубность капиталистического строя. Люди хотели переустройства общества. Буквально во всех европейских странах, где хозяйничали оккупанты, возникли и окрепли силы Сопротивления.

Мужественная борьба советского народа с фа-

шизмом, исторические победы Советской Армии и выход ее к границам Центральной и Юго-Восточной Европы оказывали решающее влияние на дальнейший подъем освободительного движения в оккупированных Германией и зависимых от нее европейских странах.

Советских воинов за границей радостно встречали цветами. И не только цветами. По мере продвижения наших войск к какой-либо стране там вспыхивали народные восстания. Во главе их стояли коммунисты. Так было в Болгарии, Румынии, Словакии, Чехии... Формировались польские, чехословацкие, болгарские, румынские, венгерские дивизии; они шли в сражения рядом с воинами Советской страны.

Это в Центральной и Юго-Восточной Европе. А в Западной? Во Франции летом 1944 года во многих областях патриоты вели настоящие сражения против оккупантов. Только в отрядах партизан и вольных стрелков-франтиреров, возглавляемых коммунистами, было свыше 200 тысяч бойцов. Национальный штаб внутренних вооруженных сил страны возглавлял генерал А. Маллере — коммунист. Из трех членов военной комиссии национального совета Сопротивления двое были коммунистами. Восстание произойдет в Париже, парижане во главе с коммунистами освободят свой город от немецко-фашистских захватчиков до прихода туда союзных войск... В Италии борьбу трудящихся тоже возглавили коммунисты. Летом 1944 года в Ломбардии, Апуании, Марке и в других местностях действовали 80 тысяч партизан. Самыми сильными среди них были коммунистические бригады имени Гарибальди... В маленькой Бельгии воевали против захватчиков 150 тысяч вооруженных патриотов. И в этой стране наибольшим влиянием из всех партий пользовалась партия коммунистов...

Когда знаешь эти факты, не так трудно догадаться, почему высадка союзных войск произошла летом 1944 года, а не в иное время. Американские и английские капиталисты, высадив свои войска на Европейский континент, делали «ход конем» — били и по фашистам, и по освободительному движению.

Черчилль упорно добивался, чтобы армии союзников высаживались не во Франции, а на Балканском полуострове. Его позиция с самого начала была ясна — с Балкан, двигаясь на север, союзники надеялись пересечь советским войскам дорогу в Германию. И уже что совершенно точно, они подавили бы народно-демократическое движение в Балканских странах; ведь они не остановились перед прямой оккупацией Греции, где народ сам изгнал немецко-фашистских захватчиков и шел за коммунистами. На Тегеранской конференции глава советской делегации И. В. Сталин был тверд и непреклонен, он отстоял нашу позицию, не позволил Черчиллю играть судьбами целых наций. Местом открытия второго фронта была оставлена Северная Франция.

До конца Черчилль не отказался от своих желаний. При согласии Рузвельта союзники во второй половине 1943 года высадили войска в Сицилии, оттуда перебрались на материк и двинулись к северным районам Италии. Цель была такова: заняв страну, предотвратить восстание итальянских трудящихся, а затем пройти в Австрию и Венгрию. Но гитлеровцы ввели в Италию свои дивизии, взамен прекративших сопротивление итальянских, и остановили войска союзников около Болоньи.

Высадка союзников во Франции приободрила европейскую буржуазию. С надеждой взглянули на будущее даже враги. Гитлер летом 1944 года находился в Восточной Пруссии, в своем убежище Вольфшанце (Волчьем логове в переводе на русский язык). Полковник Штауффенберг пронес в это логово портфель с миной замедленного действия. Но мина убила не того, для кого предназначалась. Фюрер отделался легким ранением. По поводу покушения на Гитлера американский разведчик высокого ранга А. Даллес доносил из Швейцарии в Вашингтон: «Основная идея плана заключалась в том, что антинацистски настроенные генералы откроют американским и английским войскам дорогу для занятия Германии, но одновременно будут продолжать сопротивление русским на Восточном фронте».

Вот как обстояли дела с открытием второго фронта.

Но было бы неверно отрицать вклад союзных войск в завершающие бои с гитлеровцами. Мы относимся с чувством воинского братства к английским, американским, канадским, австралийским солдатам и морякам, которые плыли через Ла-Манш, высаживались на берег, сражались в Арденнах и на Рейне, дошли по германской земле до Эльбы. Они-то воевали честно. И не их вина, что сделали для победы над фашизмом меньше, чем могли.

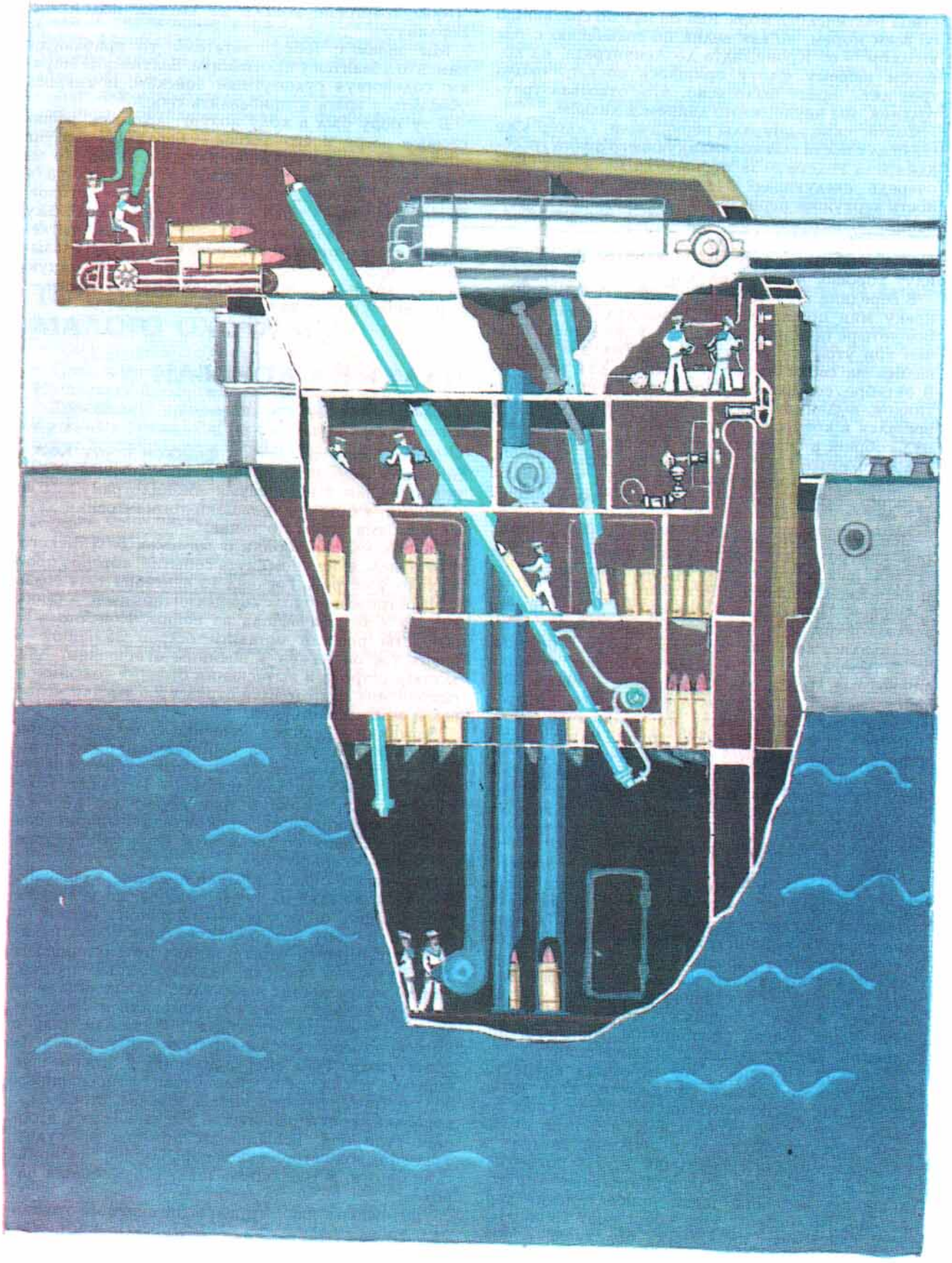
БАЛТИЙЦЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ

К осени 1944 года были очищены от врага Молдавия, Украина, Белоруссия и Карелия. У фашистов еще оставалась половина территории Эстонии, Литвы и Латвии. Противник отчаянным усилием остановил там наше наступление. Любой ценой удержаться в Советской Прибалтике, не выпустить русский флот в море — таков был приказ Гитлера.

Про человека, которого ждет что-то страшное и неотвратимое, говорят: у него земля уходит из-под ног. У гитлеровцев из-под кораблей начала убегать балтийская вода.

Еще в начале 1944 года фашистские войска были отброшены далеко от Ленинграда. Летом мы выбили финнов с Карельского перешейка и заняли город Выборг. Посмотри карту военных действий третьего периода войны. Проведи мысленно линию от Выборга к Нарве. Восточнее образовался голубой треугольник — отвоеванная ча-

Продольный разрез орудийной башни линкора времен второй мировой войны. Механизированная подача снарядов из погребов.



стица Балтийского моря. Как он мал по сравнению со всем морем, но как велик по сравнению с тем уголком — от Кронштадта до Ленинграда, на котором нашему флоту пришлось воевать около трех лет... Врагу было ясно, что, отвоевав треугольник, мы неудержимо двинемся дальше.

Фашистские адмиралы нервничали. Гитлер уже сместил с поста главнокомандующего флота гроссадмирала Редера — за поражения на морях. Чья очередь следующая? Нервозность и растерянность верхушки передавались командирам соединений. «Арийская» выдержка все чаще давала осечку. Немецкая пунктуальность сменялась неразберихой. Легко быть выдержанным, когда дела идут хорошо. А когда плохо?

В середине августа в Нарвский залив на постановку мин пошли четыре немецких миноносца. Все четыре подорвались на своих же минах, причем три утонули. Чуть позже у Таллина подорвались на своих минах и утонули два эсминца. В октябре, собираясь обстреливать наших десантников, в Данцигской бухте крейсер «Лейпциг» врезался в крейсер «Принц Ойген». Он так саданул собрата в середину, что уперся носом в противоположный борт. Полсуток буксиры и спасательные суда растаскивали крейсеры из дружеских объятий; потом оба корабля стояли в ремонте.

Чем объяснить страх гитлеровцев перед потерей контроля над Балтийским морем? Чем им грозил выход советских сухопутных войск на побережье Финского и Рижского заливов?

Первое. Прекращался подвоз из Скандинавии железной руды и никеля. Следовательно, останавливались военные заводы на севере Германии, в частности те, что в районе Данцига строили подводные лодки, а в Кенигсберге — танки. Фашистская Германия лишалась горючего, которое вырабатывали из сланцев на заводах Эстонии.

Второе. В Финляндии есть группа влиятельных капиталистов, которые хотят вывести страну из войны, они намерены сделать это до начала военных действий на финской территории и тем спасти от разрушения свои заводы. Гитлеровскому руководству ясно: еще несколько неудач в Прибалтике — и Финляндия отпадет от них.

Третье. Наши армии, освободив Литву, окажутся на границе с Восточной Пруссией. Это очень серьезное дело. Пока Восточная Пруссия цела, Гитлер не опасается нашего наступления в середине советско-германского фронта — на кратчайшем направлении Варшава — Берлин. А почему? Потому, что, когда наши армии устремятся к Берлину, фашисты из Восточной Пруссии ударят им во фланг и тыл, перережут железные дороги, лишат наши войска боеприпасов, горючего, пополнений. Ударят нашим войскам в спину...

Восточная Пруссия — это огромная крепость. Веками она заселялась офицерами, и те были обязаны так располагать на местности свои городки и хутора, так строить дома и фермы, чтобы могли они превратиться в нужный момент в долговременные огневые точки, в узлы сопротивления, в непрерывные оборонительные линии... Удерживая за собой наши прибалтийские территории, гитлеровцы уже обороняют свою крепость. Обороняют на дальних подступах к ней. Чтобы советские войска не смогли подойти к Берлину.

Мы знаем с тобой, читатель: то прибавится нам, что убавится у противника. Балтийские моряки, содействуя сухопутным войскам, принялись убавлять у врага и прибавлять себе.

В ту пору был в ходу лозунг: «Добьем фашистского зверя в его логове — Берлине!» Лозунг может показаться излишне литературным. Но он был точен по всем статьям. Ставка Гитлера в Восточной Пруссии называлась «Волчье логово». Значит, хозяин логова — волк, зверь. Поскольку Пруссия оказалась местом небезопасным, гитлеровцы ставку передислоцировали. Лозунг указывал ее новое место. Указывал он и очередную задачу. «Добьем фашистского зверя в его логове — Берлине!» Точнее не скажешь.

НАЛЕТ НА КОРАБЛИ У ГОГЛАНДА

Летом наши самолеты в финском порту Котка потопили немецкий крейсер «Ниобе». Пикировщики попали в него двумя 250-килограммовыми бомбами, а бомбардировщики-топмачтовики двумя бомбами весом по тонне.

Раз уж мы заговорили о летчиках Балтийского флота, нельзя не упомянуть событие, которое произошло у острова Гогланд 15 сентября 1944 года.

На острове находился финский гарнизон. А Финляндия в те дни вышла из войны. Конечно же, фашисты решили оставить остров за собой — очень уж он важен в военном отношении. Для захвата острова и вытеснения бывших союзников гитлеровцы подготовили отряд в 2,5 тысячи человек и множество судов.

Летчики-разведчики заметили скопление судов в эстонских бухтах. За неприятелем было установлено наблюдение. Ночной разведчик обнаружил, что все суда направились к Гогланду. Шло 45 десантных судов, 3 транспорта, два десятка катеров, мотоботов. Их прикрывали 6 миноносцев и 8 артиллерийско-десантных барж. В воздухе летели «мессершмитты».

На рассвете суда и корабли подошли к острову. Началась высадка на берег. Финны, по условиям капитуляции, были обязаны оборонять остров от немцев. В меру возможностей они сопротивлялись, с северного берега залива по гитлеровцам даже ударили финские дальнобойные пушки. Тем не менее десант высадился. Но тут пошли — волна за волной — наши штурмовики и пикировщики. Советские истребители завязали бои с «мессершмиттами». Ливни пуль обрушились на десантников. Град снарядов, бомб и эрэсов — на корабли и суда. Рев самолетов, проносившихся над мачтами, беспрестанные взрывы, стрельба с кораблей, крики раненых — все смешалось в общем гуле боя. Вспыхивали пожары на судах. Ушли под воду сторожевой корабль, 4 артиллерийские баржи, 3 тральщика, шхуна, буксирный пароход...

Уцелевшие корабли прикрытия первыми отошли от острова.

Штурмовики преследовали врага. Они еще потопили 2 самоходные баржи, 2 вспомогательных судна, 4 сторожевых катера и буксирный пароход. Многие корабли и суда были так избиты, что едва добрались до берега.

Летчики-истребители над островом и над уходившими кораблями сбили 15 фашистских самолетов.

Немецкие десантники, покинутые кораблями, сдались в плен финнам.

После этого боя нашему флоту уже принадлежал не уголочек Финского залива, не треугольник, а вся его восточная часть.

ТОЧНЫЙ УДАР МАЛОГО ОХОТНИКА

Итак, восточная часть Финского залива наша. Но плавать очень опасно. Повсюду мины.

Тральщики принялись «прогрызать» проходы в минных полях. Скоро советские войска возобновят наступление в Прибалтике. Они прижмут противника к морю. Тогда возникнет необходимость высаживать десанты на побережье, стрелять по врагу с кораблей. У наших кораблей должна быть чистая дорога.

Тральщики идут в заливе медленно, тщательно исполняют нелегкую, опасную работу. Поодаль сторожевые катера. Они расстреливают всплывшие мины, охраняют тральщики от неприятеля.

Немцы берегут минные позиции. У кромки минных заграждений то и дело появляются вражеские корабли. Вспыхивают скоротечные артиллерийские бои. Советским катерам в этих боях труднее — они не могут свободно маневрировать, не могут сблизиться с противником. Взорвешься на минах...

Но теперь у нас много самолетов. Командование выделило для прикрытия тральных работ авиацию. Истребители в короткое время очистили небо над заливом от «мессершмиттов». Штурмовики и пикирующие бомбардировщики в буквальном смысле слова загнали в бухты немецкие корабли, охранявшие минные поля. Гитлеровский адмирал Ф. Руге после войны напишет о тех событиях: «Неприятны были повседневные налеты многочисленных воздушных сил, поскольку, расстреляв боезапас своих зенитных орудий, германские корабли оказывались беззащитными. В июле 1944 года пришлось снять охрану минных заграждений».

Фашистское командование сняло надводную охрану, но направило в восточную часть Финского залива подводные лодки. Сторожевой или торпедный катер, катерный тральщик — не цель для подводной лодки, велика ли добыча кораблик водоизмещением в несколько десятков тонн? Тем не менее начались атаки на катера.

Пока не были ясны намерения противника и наши катерники не ожидали торпедных атак, гитлеровцы потопили катер — малый охотник, двум катерам оторвали торпедами носы. Успех был с гулькин нос, но заплатил за него противник цену очень и очень большую.

Немецкие инженеры создали новую торпеду — акустическую, самонаводящуюся. Особый механизм улавливал шум корабельного винта, корректировал положение рулей и выводил торпеду на источник шума — на корабль. Новыми торпедами вражеские подводные лодки уже потопили 24 эскортных корабля англичан. Нам новое оружие тоже не сулило хорошего. Именно такими торпедами теперь стреляли немцы по катерам в заливе.

Когда подводная лодка торпедировала наш малый охотник, к месту его гибели поспешил такой же катер — МО-103. Им командовал старший лейтенант А. П. Коленко. Лодку охотник не обнаружил, а только подобрал из воды семерых моряков. Но в это время заревела сирена на катере-дымзавесчике, который охранял работающие неподалеку тральщики. Наблюдатели дымзавесчика, оказывается, увидели лодку. Она шла на небольшой глубине; под водой, словно тень, проскользнула ее рубка.

МО-103 устремился в погоню. Вскоре акустик «услышал» лодку. Оказавшись над ней, начали сбрасывать глубинные бомбы. Как потом выяснится, первым же взрывом были испорчены рули, еще одна бомба разорвала прочный корпус в дизельном отсеке. Дыра получилась приличная — в шесть квадратных метров. Лодка потеряла ход. Катер тоже остановился. Из глубины к поверхности моря поднимались пузыри. В это место сбросили еще серию бомб. Как и ждали, всплыло широкое пятно солярки. И чего никак не ждали — из воды вынырнули шесть немцев. Им удалось открыть рубочный люк, сжатым воздухом подводников выбросило на поверхность.

Среди пленников был командир лодки капитан-лейтенант Вернер Шмидт. До службы на флоте он летал на бомбардировщиках, бомбил Москву и Лондон. Гитлер самолично вручил ему Железный крест первой степени. Пленники, естественно, умолчали о том, что в лодке остались секретные торпеды. Но очень уж нервозно вел себя противник на море. К месту, где на 30-метровой глубине лежала лодка, дважды пытались прорваться торпедные катера. Оба раза наши корабли отгоняли врага. Как выяснилось, противник намеревался сбросить на лодку свои глубинные бомбы и поставить вокруг мины. Место гибели лодки неприятель пристрелял из орудий и открывал огонь, как только наши катера подходили туда. Стало ясно — фашисты хотят что-то скрыть.

Через некоторое время водолазам удалось все же не только осмотреть лежавшую на грунте лодку, но поднять ее и отбуксировать в Кронштадт. Вернер Шмидт помог нашим инженерам обезопасить от взрыва торпеды. Кроме двух торпед, достались нам книги с шифрами и кодами и даже шифровальная машинка «Энигма». Среди документов, найденных в лодке, было любопытное донесение Шмидта адмиралу Деницу — о потоплении советского сторожевого корабля. Шмидт не мог не знать, что торпедировал катер. Но, желая получить новый Железный крест, без стеснения превратил маленький кораблик в большой.

Само по себе потопление подводной лодки катером-охотником было событием очень и очень приятным. А тут еще торпеды! Наше командова-

ние известило об этом союзников. Дело было настолько важное, что У. Черчилль и И. В. Сталин по этому поводу обменялись личными секретными посланиями.

«Изучение образца торпеды Т-5 было бы крайне ценным для изыскания контрмер... Я уверен,— писал Черчилль,— что Вы признаете ту большую помощь, которую Советский Военно-Морской Флот может оказать Королевскому Военно-Морскому Флоту, содействуя немедленной отправке одной торпеды в Соединенное Королевство, ...я прошу Вас обратить Ваше благосклонное внимание на это дело, которое становится еще более важным ввиду того, что немцы, возможно, передали чертежи этой торпеды японскому военно-морскому флоту...»

И. В. Сталин ответил следующее:

«Советскими моряками действительно были захвачены две немецкие акустические торпеды, которые сейчас изучаются нашими специалистами. К сожалению, мы лишены возможности уже сейчас послать в Англию одну из указанных торпед, так как обе торпеды имеют повреждения от взрыва, вследствие чего для изучения и испытания торпеды пришлось бы поврежденные части одной торпеды заменять частями другой, иначе ее изучение и испытание невозможно. Отсюда две возможности: либо получаемые по мере изучения торпеды чертежи и описания будут немедленно передаваться Британской Военной Миссии, а по окончании изучения и испытаний торпеда будет передана в распоряжение Британского Адмиралтейства, либо немедля выехать в Советский Союз британским специалистам и на месте изучить в деталях торпеду и снять с нее чертежи. Мы готовы предоставить любую их двух возможностей!»

С первым же конвоем английские морские инженеры и специалисты прибыли в Советский Союз. Никто не возьмется сказать, сколько кораблей союзников избежали гибели, когда были разработаны меры защиты от самонаводящейся торпеды. Сказать можно одно — много. А все началось от наблюдателей крохотного корабля — дымзавесчика и точного удара катера старшего лейтенанта Коленко.

В борьбу с вражескими лодками, проникшими в восточную часть Финского залива, включились наши самолеты. В конце концов самолеты и катера заставили подводного врага уйти из этого района.

НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ

После выхода Финляндии из войны советские корабли получили возможность базироваться в ее портах, а самолеты — на ее прибрежных аэродромах. Фарватер в шхерах тоже был в наших руках. И уже в конце сентября советские подводные лодки — ровно десять — вышли из Кронштадта в море. На сухопутном фронте в это время шли ожесточенные бои. В Латвии и Литве гитлеровцы были прижаты к побережью. Их боеспособность во многом зависела от прихода из Германии транспортов с боеприпасами, горючим и оружием. Было важно нарушить эти перевозки.

Советские моряки, оставшиеся на берегу, тревожились за товарищей: в экипажах подводных лодок много молодых, необстрелянных краснофлотцев, да и командиры долго не плавали. Как-то все получится?..

Прошли недели ожидания. Одна за другой — все десять — лодки возвращались в базу. Все — с победой. И начались рассказы о том, как топили врага.

Первой отличилась Щ-407. У Мемеля (теперь литовский город Клайпеда) она потопила немецкий транспорт «Нептун». В этом было нечто символическое. Если сам бог морей пошел на дно, то и другим не миновать такой участи.

Щ-318 торпедировала транспорт «Фобос», что значит «Страх». Большое было судно — 7500 тонн. Везло боевую технику и солдат.

Щ-310 потопила транспорт «Минос». Минос — сын самого Зевса, одно название чего стоит! Через сутки лодка пустила на дно сторожевой корабль. А через час после сторожевика — транспорт водоизмещением 8000 тонн. И еще ей удалось взорвать крупное судно. На подходе к базе Щ-310 доставила большую радость встречавшим — выстрелила из орудия четыре раза.

Пришлось повозиться с транспортом «Зигфрид». Как и подобает герою германского эпоса, победителю дракона, он был большой — 5000 тонн. Был вооружен пушками и пулеметами. Обнаружила «Зигфрида» в Данцигской бухте лодка С-13. Командовал ею А. И. Маринеско. Это та самая лодка и тот самый командир, рассказом о котором начинается наша книга. «Зигфрид» заметил идущие наперерез три торпеды и застопорил ход. Прошли торпеды у самого носа. С-13 атаковала во второй раз — торпеда прошла за кормой судна. Тогда Маринеско приказал всплыть и открыть по транспорту артиллерийский огонь. Немцы тоже начали стрельбу. Но подводники били точнее, сразу же попали в мостик, а потом развороти ли в нескольких местах корпус. «Зигфрид» утонул.

Лодка С-4 была удачливой на танкеры. Из трех потопленных ею судов два везли горючее. Торпедировав танкер «Терра», смотрели с мостика, как он тонет. Зрелище было страшное. Бензин, выплеснутый взрывом на поверхность моря, вспыхнул. И лодке, чтобы самой не сгореть, пришлось со всей возможной быстротой погрузиться под воду.

Рекорд потопления судов за один поход поставила лодка Щ-307. Ею командовал капитан-лейтенант М. С. Калинин. Раньше он плавал штурманом и помощником командира на Щ-303, на знаменитом «Ерше» И. В. Травкина. Теперь капитан-лейтенант сам вел в поход «Треску». Экипаж «Трески» был опытный, на его боевом счету, кроме нескольких транспортов, числилась немецкая подводная лодка.

Щ-307 пробралась на внешний рейд Виндавы (теперь латышский город Вентспилс). Подводники увидели на рейде три транспорта и танкер;, неподалеку стояли на якоре сторожевые катера. Туманная мгла, скрыв нашу лодку, была помехой подводникам. Рейд затянуло мглой. Пришлось лечь на грунт и ждать, когда прояснится. Всплы-

вали, снова опускались под воду, таились от ходивших поблизости сторожевых кораблей. И дождались своего часа! Под вечер видимость стала хорошей. «Треска» выпустила в транспорты сразу четыре торпеды. Быстро погрузилась. Ждали, что посыплются глубинные бомбы. Но слышали только отдаленные шумы винтов противолодочных кораблей. Через полчаса всплыли под перископ. Транспортов не было на поверхности. Танкер накренился на левый борт, корма глубоко ушла в воду. Ночью, уходя от Виндавы, еще раз всплыли. Рейд был освещен прожекторами — фашисты спасали, что еще можно было спасти.

В следующие сутки пытались торпедировать транспорт, но сторожевик заметил лодку и некоторое время преследовал ее, сбрасывая глубинные бомбы. То ли от взрывов, то ли по другой причине отказали горизонтальные рули. Чтобы починить их, надо было всплывать, ремонтникам залезать в балластную цистерну. О подобном ремонте мы с тобой уже говорили в рассказе о подводниках Северного флота. Сложность заключалась в том, что в случае приближения вражеского корабля или самолета подводная лодка пойдет на срочное погружение и моряки будут затоплены в цистерне. Как всегда в таких случаях, командир вызвал добровольцев. Их было много. Починили рули Павел Богданов, Николай Танин и Алексей Корев.

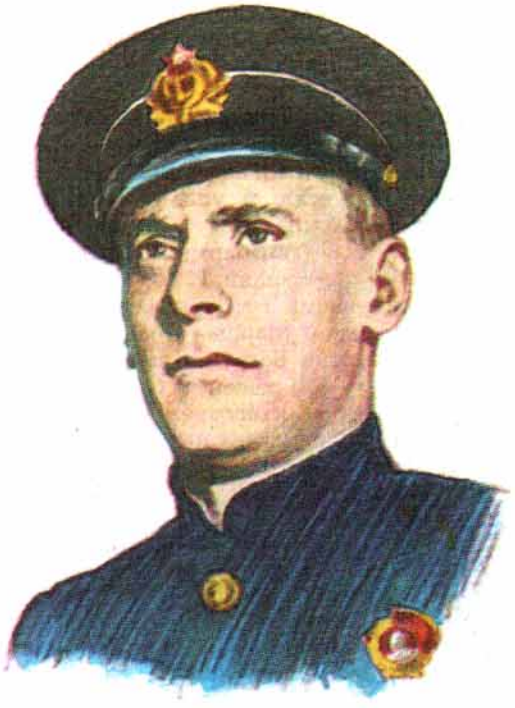
После этого без особых трудностей потопили транспорт водоизмещением в 5000 тонн.

Самым удачным был день 3 ноября. Обнаружили три транспорта в сопровождении двух сторожевиков. В первую атаку потопили транспорт. Через час нагнали конвой и атаковали еще раз — еще одно судно пошло ко дну.

Никому из подводников нашего флота не удалось превзойти успех «Трески» — 6 транспортов за один поход...

Радостные дни были у наших моряков. Но работа подводников оставалась, как и раньше, полной напряжения, опасностей, поэтому, как раньше, дома их встречали со всевозможными почестями: на пирсе играл оркестр, и повара к праздничному столу несли поросят, перевязанных лентой...

А потом начинались рассказы, что и как было. Одни рассказы заканчивались сразу. Другие имели продолжение. Иногда ждать продолжения приходилось долго. Подводная лодка «Лембит» за два похода в 1944 году потопила 2 транспорта и тральщик. Но лодка ставила мины во вражеских водах. Первые постановки произвела на подходах к порту Кольберг (теперь польский Колобжег). Причем на только что протраленном фарватере; с лодки наблюдали, как катерные тральщики противника очищают фарватер. Второй раз выставила 20 мин, банками по четыре штуки, тоже очень расчетливо — всего в двух километрах от берега, на фарватере у мыса Брюстерорт. Противник и предположить не мог, что наши подводники рискнут в таком месте ставить мины. Рискнули. И экипаж лодки «Лембит» имел удовольствие пять раз продолжать рассказ о своих победах. На минах лодки — в октябре, ноябре и декабре — подорвались и потонули: буксирный пароход, три транспорта и тральщик.



Калинин М. С.

Не заинтересовало ли тебя, читатель, необычное название лодки?

В 1940 году, когда Эстония стала Советской республикой, две ее подводные лодки «Калев» и «Лембит» — со своими названиями — вошли в состав Балтийского флота. Лембиту — национальный герой эстонцев. Он жил чуть раньше Александра Невского, известен тем, что возглавлял борьбу эстов с немецкими феодалами и был сторонником совместных выступлений эстонцев и русских против общего врага. Погиб Лембиту в 1217 году в сражении с немецкими рыцарями.

СОВЕТСКИЕ АРМИИ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Лодки топят транспорты противника. А что в это время происходит на побережье?

На побережье с 14 сентября наступают советские войска. Их движение неудержимо и стремительно. К 26 сентября от фашистов была очищена вся материковая часть Эстонии. Завязались ожесточенные бои за Ригу.

Немецкие фашисты всеми силами старались удержать город. Сначала он был нужен им как база для флота. А потом этот район приобрел для противника более важное значение — к Риге вышли его войска, отступившие из Эстонии, на небольшой территории скопилось множество гитлеровских дивизий, и все они оказались под угрозой окружения.

У фашистов для отхода в Восточную Пруссию оставался коридор, одна стена которого — море,

другая — наши войска. Противнику, чтобы не замкнулось кольцо, чтобы дверь в коридор была открытой, нужно было удерживать позиции к западу от Риги.

Гитлеровцам удавалось держать дверь открытой. Мы никак не могли замкнуть кольцо. Казалось, что вот-вот десятки немецких дивизий уйдут в Восточную Пруссию и усилят гарнизон этой крепости; там они дождутся часа, чтобы ударить во фланг и тыл советским армиям, которые будут идти от Варшавы на Берлин. И вот в такой острый момент командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал (а затем Маршал Советского Союза) Иван Христофорович Баграмян приостановил наступление на Ригу. По решению Ставки Верховного Главнокомандования он отвел свои армии в район города Шяуляя и оттуда нанес удар в направлении на Мемель. Это был дерзкий, смелый и очень трудный маневр. Надо было в считанные дни повернуть фронт армий с севера на запад. Легко повернуться на девяносто градусов и переместиться на сотню километров солдату. А тут надо было поворачивать и перемещать огромные массы войск и все, что связано с боем. Это значило на какое-то время повернуться к противнику боком, чуть ли не спиной — обнажить свой тыл... А если враг поймет маневр и нападет с тыла? Ударит в спину?

Замечательный полководец Иван Христофорович Баграмян все учел, все предусмотрел. Вышло как нельзя лучше. Начав 5 октября удар на Мемель, наши войска 10 октября вышли на широком фронте к берегу моря. Огромное кольцо замкнулось.

Фашисты заметались в западне. Бросались с танками то прямо на запад, то на юго-запад, пытаясь прорвать наши позиции. Но вырваться им не удалось. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов нанесли у Риги новые удары по противнику. 15 октября Рига была освобождена. Разгромленные дивизии врага побежали на Курляндский полуостров. Остатки когда-то грозной группы армий «Север», державшей в блокаде наш Ленинград, теперь сами оказались блокированными. Они — 33 дивизии — будут сидеть на полуострове до самого окончания войны и капитулируют в мае 1945 года.

В двадцатых числах октября советские войска вышли на границу с Восточной Пруссией и в нескольких пунктах пересекли ее.

Вот какие прекрасные события произошли на побережье Балтийского моря за пять осенних недель 1944 года.

К этим событиям надо причислить и освобождение Моонзундских островов.

ОСТРОВА СНОВА НАШИ

Известен приказ Гитлера — оборонять Моонзундские острова до последнего солдата. Кто владеет архипелагом, тот контролирует входы в Финский и Рижский заливы. А теперь, когда три десятка вражеских дивизий зажаты в Курляндии, острова немецким фашистам еще нужнее. Снабжать блокированные войска, эвакуировать их можно только морским путем.

Еще в боях за Таллин наши части захватили полуостров Виртсу (найди его на карте). С Виртсу без промедления был высажен десант на остров Муху (Моон). Для его полного освобождения понадобилось меньше суток — 21 час 30 минут. Известие об этом ошеломило командование в Берлине. Там заподозрили измену и послали на Эзель следователей военного трибунала.

Пока трибунал искал виноватых, десантники переправились с Муху на остров Хиума (Даго). К середине следующих суток и этот остров был очищен от противника — за 28 часов.

Более сложным делом стало освобождение острова Сарема (Эзель). Туда стеклись остатки гарнизонов соседних островов, да враг еще перебросил дивизию из Курляндии. И все же советские войска заняли его за 60 часов — с 5 до 8 октября. Но не весь заняли. У немцев остался глубоко вдающийся в Ирбенский пролив полуостров Сырве. Думаю, ты помнишь особенность этого полуострова — узкий перешеек в северной части, тот, на котором так долго держались наши солдаты в 1941 году, не подпуская врага к батарее капитана Стебеля. Теперь там оборонялся противник. У него на главной полосе обороны (протяженностью всего три километра) стояло больше 400 орудий и больше сотни минометов.

Гитлеровцы часто посылали к Сырве эскадру. Крейсеры и эсминцы артиллерийским огнем срывали наши атаки. Перед эскадрой десантники оказались беззащитными. Полевая артиллерия не могла отгонять корабли — морские орудия стреляют дальше полевых. Советские крейсеры и эсминцы не могли прийти на помощь из-за мин. А самолеты, так верно выручавшие десантников, не летали — в ту пору стояла ненастная погода, то сыпал густой снег, то наступала гололедица, и взлетные дорожки обледеневали, самолеты тоже обледеневали на земле и в воздухе. Пришлось, хотя было это огорчительно, отложить освобождение Сырве до начала нашей новой наступательной операции на сухопутном фронте.

Наступление на Сырве возобновилось 18 ноября. Как только загремели пушки, разрушая вражескую оборону, у Ирбенского пролива началось интенсивное движение немецких кораблей и транспортов. Но на этот раз была летная погода. Вражеские корабли попали под удары штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. А еще по ним стреляли доставленные нами на остров три береговые батареи. Вступили в бой наши канонерские лодки, бронекатера и торпедные катера.

На пятый день наступления враг только ценой больших потерь и отчаянных усилий держался на последнем рубеже. К Сырве снова подошла эскадра: крейсеры «Принц Ойген», «Лютцов», «Адмирал Шеер», эсминцы и другие корабли. А мы подняли в воздух два полка штурмовиков и полк пикировщиков, группы самолетов — торпедоносцев и топмачтовиков. Их прикрывали истребители. Гитлеровские адмиралы уже думали не как поддержать своих на Сырве, а как сберечь корабли. Эскадра спешно ушла в Германию.

Сырве был взят на следующий день. На море гитлеровцы за пять дней потеряли потопленными

Советские моряки времен Великой Отечественной войны.

2 эсминца, 2 транспорта, 2 тральщика, 6 десантных барж, 5 сторожевых катеров. Около 40 вражеских кораблей и судов получили серьезные повреждения, в том числе крейсеры «Лютцов» и «Адмирал Шеер».

Вот что говорят об освобождении Сырве западные историки В. Мельцер и Ю. Майстер. Первый в книге «Борьба за Моонзундские острова» напишет: «Все корабли немецкого военно-морского флота подвергались интенсивным атакам советской авиации, их потери составили 25 процентов общего числа». А второй подтверждает: «Высадка десантов на Балтийские острова и завершающие бои были проведены советскими войсками необычайно быстро, энергично, с подъемом». Военных историков Запада к объективному слову о нас надо на вожжах тащить. И уж если они дают хорошую оценку действиям советских войск, то эти действия были не просто хорошие, а блестящие.

* * *

Моонзундский архипелаг снова наш. И мы на небольшое время покинем Балтику. Отправимся на Северный флот. Там война подходит к концу. Надо нам посмотреть последние победные события, еще раз встретиться со знакомыми героями, узнать новых храбрецов.

Балтийских моряков и летчиков мы оставляем в те дни, когда они наносят удары по вражеским судам, идущим из Данцига в Либаву — с боеприпасами, горючим и продовольствием для блокированных в Курляндии дивизий.

О действиях подводных лодок в этом районе мы уже говорили. А летчики тоже молодцы. Пока мы находимся на Севере, они только на Либаву совершат восемь массированных налетов. Каждый раз будут налетать на врага три-четыре полка штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Лишь в порту они потопят 19 транспортов.

МУЖЕСТВО СЕВЕРОМОРЦЕВ

Война — на юге ли, на севере — везде война: опасности, лишения, чрезвычайное напряжение сил. И все же север остается севером. Если тебе, читатель, доведется рассматривать фотографии времен Великой Отечественной войны, обрати внимание на одежду моряков-черноморцев и моряков-северян. Первые — в кителях, даже в тельняшках, вторые — в бушлатах, в регланах. И летом за Полярным кругом погода холодная, ненастная, с ветрами, штормами, промозглыми туманами... Мы с тобой, дорогой друг, снова в этом суровом краю.

Мы оставили моряков адмирала Головко, когда они исполняли три главных дела: охраняли наши берега и наши морские дороги; проводили конвои союзников; топили вражеские транспорты, снабжавшие немецко-фашистские войска и доставлявшие никель из Петсамо. Три таких дела исполняют они и теперь.

Это, конечно, не значит, что все обстоит по-прежнему, как в первые годы. И у нас, и у противника увеличилось число кораблей. Изменилось соотношение в численности самолетов, теперь самолетов у нас чуть ли не в три раза больше, чем у противника. Авиация Северного флота стала главной ударной силой. Она господствует в воздухе. А тот, кто господин воздуха, тот господин земли и моря.

В первом рассказе о Северном флоте упоминалось только об ущербе, причиненном вражескому флоту подводными лодками. Об уничтожении судов противника нашими самолетами вообще не говорилось. Теперь иное дело. Обратимся к цифрам, они помогут ощутить прекрасное состояние, которое называется «господство в воздухе».

В 1943 году подводные лодки на Севере потопили 45 транспортов, подводную лодку, эсминец, 7 тральщиков, 6 сторожевых кораблей, минный заградитель, 2 траулера — охотника за подводными лодками, 4 сторожевых мотобота и судно ледокольного типа. Летчики превзошли подводников, но ненамного. Они пустили на дно 61 транспорт, 2 вспомогательных судна, 2 сторожевых корабля, тральщик, минный заградитель и сторожевой катер.

В 1944 году летчики далеко обогнали подводников. Подводники потопили 20 транспортов, 2 миноносца, 7 тральщиков, 4 сторожевых корабля и 2 траулера-охотника. А летчики — 93 транспортных судна, 80 кораблей и катеров!

Можем ли мы на основании этих цифр сказать, что подводники хуже, чем раньше, исполняли свою должность? Нет и нет. Цифры показывают только соотношение возможностей авиации и подводных лодок. А храбрыми в равной мере были те, кто воевал в воздухе, и те, кто под водой.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ЛЕТЧИКА

Цифры — великая вещь. Но у них и великий недостаток. Не показывают они, как нарастал их ряд, что делали, что чувствовали люди, изменявшие арифметику войны.

По-разному складывались на войне людские судьбы. Кто-то погибал в первом же бою. У кого-то война прошла ровно: бой, ранение, госпиталь и снова бой, ранение, госпиталь... Кого-то не задел ни один осколок, ни одна пуля... А кому-то доставались такие испытания, что с трудом верится: было ли такое?

Морской летчик, командир эскадрильи С. Г. Курзенков возвращался из полета над территорией противника. Истребитель, подбитый зенитками, горел. Стояла ночь. Самолет в темном небе казался летящим факелом. Осколки снарядов задели и летчика, он потерял много крови, но был уверен, что успеет сесть на своем аэродроме: до аэродрома оставалось недалеко. Большой опыт и мужество должны были помочь в тяжелом положении. До этого случая Курзенков уже перенес четыре ранения, больше 200 раз летал на боевые задания, сбил 12 фашистских самолетов.

Приблизившись к аэродрому, Курзенков по радио попросил включить прожекторы. И в эту же минуту взорвались бензобаки. Самолет окутало пламя. Летчик мгновенно отстегнул привязные ремни, чтобы выброситься с парашютом, но не хватило сил выбраться из кабины. Летчик вспоминал впоследствии:

«Сгораю!» — с этой мыслью поймал я ручку управления и резко отклонил ее к правому борту. Самолет, еще послушный рулям, перевернулся на спину. Оказавшись вниз головой, я толкнул ручку от себя и тут же силой инерции был выброшен из кабины. Отсчитав около сорока секунд и потеряв за это время около двух тысяч метров высоты, открыл парашют. Меня так встряхнуло, что ноги подлетели к лицу. С них сорвались унты. Слетела и левая рукавица. В мозгу успела пронестись лишь одна мысль: «Спасся!» Но тут же непередаваемый ужас заставил меня сжаться в комок. Парашют оборвался. Его силовые лямки, посеченные осколками зенитных снарядов, не выдержали рывка и лопнули. Еще около тысячи метров я падал в полном сознании, ожидая страшного удара о камень сопок!»

Невероятно. Но Курзенков остался жить. После сложнейших операций он оправился от пятого ранения, вернулся в родной полк, стал его командиром — а полк-то был тот, которым до гибели командовал легендарный летчик Сафонов, геройски погибший в суровых водах Заполярья 30 мая 1942 года.

Что же спасло летчика, падавшего на землю без парашюта? Он попал на крутой склон сопки, покрытый глубоким снегом. Потеряв от удара сознание, человек скользил с вершины к подножию, пока не остановилось это невероятное падение.

Удивительно не только само спасение. Удивляет крепость духа летчика, его мужество. Он не умер от страха, когда купол парашюта оторвался в черном небе. Он нашел в себе силы, очнувшись утром в сугробе, услышать скрип снега под валенками идущего вдали солдата, вытащить пистолет и выстрелами привлечь внимание своего спасителя.

«Надо мной склонился наш солдат Александр Рябов. Солдат, несмотря на лютый мороз, сбросил с себя полушубок и завернул им мои ноги. Затем обмотал мне своим шерстяным шарфом левую руку. И, оставшись сам в одной гимнастерке, побежал на аэродром».

ОРДЕН КОМАНДИРУ КАТЕРА

По-своему удивительна судьба командира торпедного катера лейтенанта Виталия Деомидовича Юрченко. Опять же удивляет не то, что смерть подходила к нему вплотную несколько раз — на войне такое выпадало многим,— а то, как мужественно вел он себя в этих смертельных ситуациях и как благодаря силе духа остался жить. Он исчез в воде Варангер-фиорда, а спустя несколько месяцев объявился в Ленинграде. И адмирал Головко наградил лейтенанта старым почетным орденом — орденом Красного Знамени.

...Был июль 1944 года. 13-го числа наш самолет обнаружил у берегов Норвегии небольшой конвой противника. Предположили, что он идет в Варангер-фиорд. Так было и на самом деле. По пути к конвою добавлялись новые транспорты и корабли охранения — конвой разросся. 15 июля он уже насчитывал 6 транспортов в охранении 3 миноносцев, 3 сторожевых кораблей, 6 тральщиков и 15 сторожевых катеров — «шнельботов» по-немецки.

Воздушная разведка потеряла вражеские корабли — ясная погода вдруг сменилась ненастьем, на море опустился туман и скрыл противника. Но утром 15 июля конвой обнаружила подводная лодка С-56. Западнее Тана-фиорда она атаковала противника и потопила миноносец. (Думаю, ты помнишь эту знаменитую лодку, мы говорили о ней в первом очерке о Северном флоте.) Командир лодки Григорий Иванович Щедрин, прежде чем отдать команду на срочное погружение, передал по радио координаты конвоя. Воздушный разведчик снова начал следить за движением вражеских судов.

Командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко решил нанести удар по вражеским судам отрядом торпедных катеров. Будь летная погода, прежде катеров на конвой напали бы самолеты; цель заманчивая, и, верно, добрая сотня штурмовиков, пикировщиков, торпедоносцев была бы послана на ее уничтожение. Теперь же, когда облака висели в 20—30 метрах над водой, могли действовать только катера. Лишь небольшая группа самолетов должна была прикрыть с воздуха их непосредственно в фиорде.

Торпедные катера находились в Пумманки, что в губе Большая Волоковая полуострова Средний. С этого полуострова, с высокой сопки Земляная, был виден весь Варангер-фиорд. На вершине сопки размещался командный пункт командира бригады торпедных катеров капитана первого ранга А. В. Кузьмина.

Идут в Варангер-фиорд, в Киркинес, 30 с лишним вражеских вымпелов. Тихоходов и слабо вооруженных только шесть. Остальные — быстрые, маневренные, с автоматическими пушками, с пулеметами, с крупными орудиями.

А у нас выделено против этой силы 8 маленьких корабликов. Справятся ли они с врагом? Не погибнут ли все до одного?

Боем — его подготовкой и началом — руководит сам командующий флотом. Послушаем бывшего начальника штаба Северного флота адмирала В. И. Платонова:

«Адмирал находился на флагманском командном пункте примерно в 100 милях от места боя. Он стоял у большой карты Варангер-фиорда, принимал донесения, определял расстояния, высчитывал время и отдавал распоряжения. Вот на давно вычерченном пути противника Арсений Григорьевич красным карандашом поставил жирный крест и обвел его кружком. Здесь произойдет морской бой. Головко приказал державшему телефонную трубку офицеру:

— Передайте Кузьмину, что голова конвоя проходит Варде. Пора давать сигнал катерникам...

Внешне командующий спокоен. Но бледное лицо и возбужденные глаза говорят о том, что он переживает трудные минуты.

Выслушав доклад о появлении шестерки «Фокке-Вульф-190», Арсений Григорьевич нанес данные на карту и, повернувшись уже к другому офицеру, распорядился:

— Авиации прикрыть катера от Пумманки. Первый удар нанести штурмовикам в четырнадцать двадцать две, второй — по сигналу с КП Кузьмина.

Не прошло и получаса, как мы услышали из репродуктора переговоры поднявшихся в воздух летчиков.

Потом в эфире зазвучал голос командира дивизиона катеров.

— Быкову начать постановку дымовой завесы!.. Общая атака!

Адмирал отошел от карты и сел в кожаное кресло. Главную свою задачу он выполнил: определил и сопоставил силы противника, решил, где навязывать ему бой, отдал общий приказ, навел на врага корабли и авиацию, обеспечил прикрытие. Все остальное теперь сделают исполнители.

Схватка с врагом длилась сравнительно недолго. Примерно минут через сорок, будто после грозы, наступила тишина. В репродукторе было слышно лишь, как командир дивизиона собирает рассыпавшиеся по заливу торпедные катера.

Недосчитались корабля лейтенанта Юрченко...»

Катера, посланные на перехват конвоя, возглавлял командир дивизиона капитан третьего ранга Владимир Николаевич Алексеев. В кильватерной колонне корабли спешили к полуострову Стуре-Эккерей, что у входа в Варангер-фиорд. Шли близко к берегу, то рассекали полосы сизого тумана, то неслись под светлым небом по чистой воде. В небе — для разведки и прикрытия — летели два истребителя. Самолеты обнаружили конвой, передали на катера по радио его местонахождение. В это же время наблюдательные посты противника заметили наш отряд. Береговые орудия открыли огонь. Тогда один катер, увеличив скорость, понесся между берегом и колонной, оставляя за собой плотную полосу дымовой завесы.

Только вышли из-под обстрела, как показались транспорты конвоя. Они гуськом входили в Варангер-фиорд. Противник тоже заметил катера. Как зенитки ставят стену огня на пути самолетов, так немецкие корабли поставили стену огня перед катерами; стреляло все, что могло стрелять. Внезапной атаки не получилось.

«Я принял решение,— вспоминает Алексеев,— на максимальной скорости, постепенно сходящимися курсами выйти на центр конвоя. Затем повернуть «всем вдруг» вправо, на девяносто градусов и широким фронтом, наподобие кавалерийской лавы, разом ударить по крупным кораблям. По радио распределил цели и дал команду атаковать гитлеровцев. Идя на зигзаге, катера беспрерывно ставили дымзавесы. Вокруг звенело, гудело, стонало от разрывов. Вода кипела от тысяч осколков. Они как град стучали по защитным бронеплитам».

Почти десять минут катера нагоняли конвой и выходили на дистанцию торпедной атаки. Какая же воля была у катерников, чтобы не сбиться с курса, чтобы обманывать врага бросками из стороны в сторону и в то же время рассчитать, откуда и куда послать торпеды. Их ведь всего две, промахнуться нельзя, зачем же тогда все это страшное, фантастическое движение?

Флагманский катер, ослепив дымом немецкие сторожевые катера, сблизился с транспортом. Гитлеровцы с высокого борта били из пулеметов и двух пушек. Снаряды взорвались у самой кормы. Убило радиста, ранило помощника командира. Но вот фашисты стали прыгать в воду — увидели, как в середину транспорта идут две торпеды. После сильного взрыва, окутанный паром и дымом, транспорт разломился пополам и пошел ко дну.

Два миноносца охраняли, видимо, самое ценное судно. Они встретили катера ураганным огнем. Поставив дымовую завесу, наш катер ушел за нее, тут же из нее выскочил и выпустил по миноносцу торпеды; взрыв произошел в носовой части вражеского корабля. Второй миноносец был торпедирован вторым катером. А третий наш катер, воспользовавшись замешательством охраны, потопил транспорт.

Еще один катер — поврежденный, имея раненых и убитых,— упорно шел на сторожевой корабль, торпедировал его, пустил ко дну.

У лейтенанта Юрченко первая атака не удалась. Он выпустил торпеду в танкер, шедший в хвосте колонны, и не попал. Фиорд по всей ширине был заполнен вражескими кораблями, а для борьбы с ними оставалась лишь одна торпеда. Это было досадно командиру, который умел метко стрелять — за две недели до этого боя катер Юрченко потопил большой транспорт, ударив ему точно в середину. И Юрченко принял дерзкое решение — взять танкер на абордаж.

Катер понесся к танкеру. Пулеметы били по вражеским морякам, суетившимся на палубе, абордажная группа с автоматами, гранатами и подрывными патронами приготовилась к броску. Круто развернувшись, катер остановился у железного борта вражеского судна. Моряки перескочили на палубу и быстро овладели фашистским транспортом. Боцман, возглавлявший абордажную группу, заложил в машинном отделении подрывные патроны и поджег шнур. Катер отошел от обреченного танкера.

Лейтенант не мог сдержать радости, он крикнул в эфир:

— Взорвался танкер! Ох и красиво взорвался...

И это неуставное донесение услышали и друзья-катерники, и командующий флотом на своем КП...

Устье Варангер-фиорда, где шел бой, было исполосовано дымами. Дымовые завесы, во множестве поставленные, сливались, разрывались, они разъединили корабли, и трудно было понять, где свои, где чужие. Во мгле противники внезапно чуть ли не сталкивались, так же мгновенно ныряли во мрак, обменявшись очередями. На катер Юрченко напоролся сторожевой корабль, ударил по катеру из пушек. Юрченко увернулся от столкновения и выпустил по врагу вторую торпеду. На этот раз точно. Сторожевик взорвался.

Две победы! А у катера снарядом развороченa корма. И вода хлещет в пролом. И несутся к разбитому кораблику из дымной тучи четыре сторожевых катера.

— Расстреливают в упор! Прощайте...— таким

было последнее донесение отважного лейтенанта.

С начала боя, с того момента, когда восьмерка торпедных катеров сблизилась с конвоем, прошло чуть больше двадцати минут. Израсходовав торпеды, потопив три крупных транспорта, дрифтербот и три корабля охранения, наши катера уходили из фиорда. Шли только семь.

С лейтенантом Виталием Деомидовичем Юрченко дальше было вот что. Весь экипаж катера был ранен или убит. Несколько моряков, и Юрченко среди них, держались на воде. Фашисты подобрали катерников. Началась жизнь в лагере военнопленных. Когда зажила рана, Юрченко стал готовиться к побегу. Он подружился с норвежцем, русским по происхождению, и они вдвоем бежали из лагеря, который находился недалеко от города Тромсе. Отважные беглецы долго пробирались из Норвегии в нейтральную Швецию, перевалили Скандинавские горы и тогда почувствовали себя в безопасности. В Стокгольме лейтенант разыскал советское посольство, рассказал там о своей одиссее.

После выхода Финляндии из войны наладилось судоходство между Швецией и Ленинградом. Юрченко вернулся на Родину. Адмирал Головко тогда и наградил его орденом Красного Знамени — за потопленные танкер и сторожевик и за смелый побег из плена.

В заключение рассказа о подвигах катерников мы с тобой, читатель, отметим, что командир дивизиона торпедных катеров Владимир Николаевич Алексеев стал Героем Советского Союза. Он и после войны служил на флоте — в звании адмирала, в должности первого заместителя начальника Главного штаба Военно-Морского Флота СССР.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

В середине августа наши торпедные катера опять нападут на большой конвой противника. Катеров будет 14. Они потопят 14 транспортов и кораблей. И снова один наш кораблик не вернется из боя... А события на фронте развивались так, что катерникам-североморцам предстояло выполнить задачу более трудную, в чем-то по опасности схожую с той, что выполняли катера при взятии Новороссийска.

Чтобы была ясна последовательность и логика событий, начнем с того, что вспомним, как располагались на Карельском фронте войска противника. От Финского залива до Ухты фронт занимали войска Финляндии. От Ухты до Баренцева моря — войска гитлеровской Германии. Поскольку Финляндия из войны вышла, ее войска в конце октября покинули позиции и отошли на линию советско-финской границы. Таким образом, правый фланг немецкой 20-й горной армии обнажился.

Войска Карельского фронта не замедлили воспользоваться этим, стали выходить в тыл противнику. Наметилась возможность окружить части врага. Фашисты, конечно, почувствовали это и начали (от Ухты, от Кандалакши) поспешно отступать в северные районы Финляндии и Норвегии.

Мерецков К. А.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала руководству Карельского фронта отказаться от намерения окружить противника, а только преследовать его, уничтожать огнем артиллерии и минометов, ударами авиации. В лесистой, заболоченной местности, изрезанной реками и озерами, наши войска, окружая врага, понесли бы большие потери. Более выгодным делом, как считала Ставка, было взятие района Петсамо и Киркинеса. Выиграв сражение в том районе, мы наносили удар немецко-фашистским войскам и в то же время лишали Германию никеля. И еще враг терял морские базы и аэродромы в Варангер-фиорде и к западу от него, то есть в самом опасном месте для прохода союзных конвоев.

Войска Карельского фронта и моряки Северного флота начали готовиться к операции; она войдет в историю войны под названием Петсамо-Киркинесской.

В старину район Петсамо и Киркинеса принадлежал русским. Варангер-фиорд тогда назывался Варяжским заливом, Петсамо — Печенгой, залив Петсамовуоно именовался совсем просто — Девкина Заводь. Царское правительство в 1826 году продало земли по берегам Варяжского залива норвежцам, и они переделали его название на свой лад. Печенга позже отошла к Финляндии. Девкину Заводь финны назвали Линахамари. В этих-то местах предстояли упорные бои.

Фашисты три года совершенствовали свою оборону на мурманском направлении. Главная оборонительная линия протяженностью в сто километров шла по перешейку полуострова Средний и от губы Западная Лица тянулась на юг — восточнее реки Титовки. Железобетонные и бронированные доты, гранитные надолбы, минные поля, про-

Леонов В. Н.

волочные заграждения, противотанковые рвы — все было там. Редкие в тех местах дороги были перехвачены непроходимыми препятствиями, сопки превращены в крепости. А кругом болота, скалы... Гитлеровцы называли эту оборонительную линию Лапландским валом и считали его неприступным. В канун нашего наступления командир горнострелковой дивизии генерал-лейтенант Деген закончит свой приказ такими словами: «Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши сильно укрепленные позиции, а затем уничтожим их мощным контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Мы именно здесь должны показать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим».

Солдаты и офицеры 20-й армии носили на пилотках и шапках металлическое изображение цветка эдельвейса, что растет только на горных вершинах. Они именовались не просто солдатами, а горными егерями. Это были наиболее боеспособные войска; прежние победы — взятие Крита, завоевание Франции и Норвегии — укрепляли их волю к сопротивлению. Гитлер лучшие дивизии и армии обычно перебрасывал туда, где шли самые важные сражения и создавалось критическое положение для немецко-фашистских войск; таких сражений и таких положений было уже много на советско-германском фронте, но фюрер не стронул с места горных егерей, не заменил их другими войсками. Уж очень нужен был противнику этот в общем-то небольшой кусок тундры.

У нас с тобой, читатель, нет возможности сколько-нибудь подробно говорить о том, как готовились войска и флот к наступлению. Но отметим такую на первый взгляд странную вещь: выделены войска, которые могли все свое оружие нести на себе и везти на лошадях и оленях, и в то же время командующий фронтом генерал армии (потом Маршал Советского Союза) К. А. Мерецков попросил у Ставки полк тяжелых танков КВ. Первое ясно — в условиях болотистой, усеянной валунами тундры, совершая обходы по бездорожью, нельзя пользоваться автомобилями, по поводу второго прочтем воспоминание Мерецкова:

«Не разведал ли противник, что намереваемся пустить тяжелые танки? В условиях Крайнего Севера они применялись впервые. Мысль об их использовании возникла при тщательном изучении характера вражеской обороны. Она была построена в расчете на отражение атак лишь легких и средних танков. Почему? Возможно, потому, что гитлеровцы считали местность неподходящей для тяжелых машин, а может быть, и просто оттого, что их на нашем фронте не было.

Пришлось обратиться в Ставку. Моя просьба дать фронту полк тяжелых танков вызвала там удивление. Сталин лично пытался разъяснить мне, что Т-34 обладают более высокой маневренностью и проходимостью. Однако я стоял на своем, и в конце концов мы получили то, что просили».

Прорыв через Лапландский вал начался утром 7 октября. Артиллерия два с половиной часа разрушала вражескую оборону. Затем пошла в атаку пехота. На правом фланге сразу был одержан успех, и вечером один стрелковый корпус вышел к реке Титовке. На левом фланге удалось преодолеть оборонительную линию только ночной атакой.

На другой день советские войска форсировали широкую, быструю Титовку и устремились на Луостари и Печенгу.

Как только выявился этот успех, бригада морской пехоты высадилась на побережье губы Малая Волоковая — и к востоку от Печенги — и пошла на юг. Другая бригада, наступая с полуострова Средний, прорвала укрепления на перешейке, тоже двигаясь на юг, она овладела горной крепостью немцев — мощным узлом обороны на хребте Мустай-Тунтури. В итоге моряки перерезали дорогу, идущую от поселка Западная Лица к Печенге.

Гитлеровцы еще оборонялись на рубежах вдоль реки Западная Лица. Узнав, что морская пехота вышла в их тыл, они начали поспешно отходить на запад. Но было уже поздно. В междуречье Печенги и Титовки началось истребление врага.

Остатки егерских войск побежали в Норвегию к Киркинесу и к городку Наутси.

На шоссе около Салмиярви их ждала засада. Наш легкий корпус, тот, что нес оружие и боеприпасы на себе, а разобранные пушки и минометы вез на лошадях и оленях, совершил суворовский марш — трое суток преодолевал тундру, заваленную валунами, покрытую топкими болотами, и вышел в тыл врага — к основной дороге около Салмиярви, как говорят, оседлал ее.

Пригодились ли тяжелые танки? Пригодились. И при прорыве обороны, и теперь, при преследовании врага. Правда, приходилось взрывами убирать валуны с дороги, съезжать с крутых каменистых склонов с заторможенными гусеницами, как на полозьях...

Танкисты преодолели эти невиданные раньше

трудности, сейчас действовали в привычных условиях.

В привычных условиях! Я написал эти слова и еще раз удивился «привычным условиям» на войне. Послушаем генерал-полковника К. С. Грушевого, он был членом Военного совета Карельского фронта.

«К утру 14 октября танки, миновав аэродром с догоравшими неприятельскими самолетами на нем, объятый пламенем поселок Луостари, вырвались на шоссе. Автоматчики и саперы гроздьями облепили броню. Дорогу окутали облака удушливого дыма, по сторонам пылали подожженные немцами склады, цистерны с горючим, штабеля прессованного сена.

Первой двигалась машина Ашота Асриана.

У самого перекрестка из дощатого домика, стоявшего справа от шоссе, по ней ударила пушка. Башня головного КВ тотчас развернулась в сторону неприятельского расчета. С первого же снаряда строение вспыхнуло. Впереди двигалась большая колонна пехоты, легковых автомобилей, тягачей с орудиями на прицепах.

— Огонь!

Грузовик с гитлеровцами превратился в щепки, под гусеницами хрястнул мотоцикл. Затем танк навалился на коней, навьюченных минометами. После этого одно за другим в землю были вдавлены шесть 45-миллиметровых орудий. Еще две пушки танк уничтожил огнем.

Но вот КВ содрогнулся. Пробоина в левом борту.

Не успел танк проскочить несколько десятков метров, как снаряд угодил в правый борт.

КВ продолжал движение по дороге, давя все, что попадало под траки. Его обстреливали, забрасывали гранатами.

Разбило прицел. В ту же минуту в машину попала бутылка с горючей жидкостью. За башней вспыхнул брезент.

Горящий танк помчался обратно. Рядом с перекрестком фашисты поставили орудие. КВ раздавил его раньше, чем оно успело выстрелить.

По обеим сторонам дороги тянулась топь.

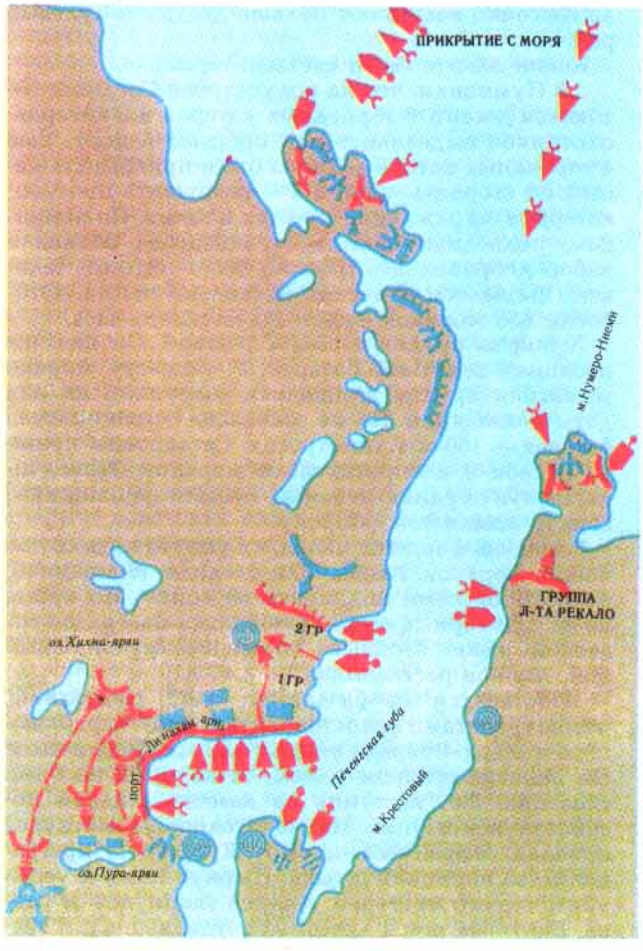
— В болото! — скомандовал Асриян.

Когда машина оказалась в болоте, танкисты стали сбивать огонь мокрым мохом. Потушили. Вытащили на воздух раненого радиста Севастьянова, перевязали и снова укрыли внутри танка...»

Уничтожая отступающего врага, танкисты повернули к Печенге. К этому городку с юго-востока подходят стрелковые части, с востока — морские

Шабалин А. О.

Высадка десанта в порт Линахамари 12—13. 10. 1944 г.



Противодесантная оборона противника.

Советский десант.

Действия десанта на берегу.

Отступление войск противника.

пехотинцы. На него наступают с севера, от Линахамари, десантники. О десантниках разговор особый.

Городок Печенга, знаменитый разработками никеля, расположен около самого впадения реки в губу. У городка Печенгская губа мелкая, несудоходная. Поэтому ближе к устью финны построили порт Линахамари. Удобный порт. Он не замерзает, укрыт от ветров и волн высокими скалистыми берегами. С начала войны хозяевами здесь стали гитлеровцы. Вокруг порта, в самом порту они поставили шесть десятков различных орудий — от малокалиберных автоматов в дотах и бронеколпаках до тяжелых береговых. Что еще? Полсотни пулеметов. Минометы. Подходы к причалам загорожены противоторпедными сетями. В ночное время вход в Печенгскую губу (по-фински Петсамовуоно), если нужно, освещают прожекторы. С тыла порт тоже защищен: шоссе, идущее к нему от Печенги, перегорожено толстой каменной стеной; в стене бетонные ворота — противотанковые. Немцы сделали выемку в береговой скале, готовились установить в ней торпедные аппараты...

Очень опасны четырехорудийные 150-миллиметровые батареи, что стоят на мысах по обе стороны от входа в залив. Сильная военно-морская база — вот что такое Линахамари.

Посмотри схему высадки десанта в порт. Катерам с десантниками надо идти «коридором смерти» — так называли немцы узкий гранитный желоб, ведущий в Линахамари. Точное название. И все же наши моряки надеялись на успех.

Опаснее других была батарея на восточном мысу, а также стоявшая выше нее на сопке батарея зенитных орудий. Перед высадкой десанта надо было нейтрализовать их. Захват батарей поручили разведывательному отряду моряков.

Разведчики высадились на берег между Печенгской губой и Малой Волоковой. Без сна, почти без отдыха моряки двое суток пробирались в тыл врага. Погода была ненастная: то лил дождь, то сыпал снег. На третьи сутки разведчики достигли цели.

«Ночью по расщелине мы начали пробираться на огневые позиции,— вспоминает бывший командир разведчиков, дважды Герой Советского Союза капитан второго ранга В. Н. Леонов.— Темнота — хоть глаз выколи. Шли на ощупь, плотно, почти касаясь друг друга. Вдруг передний шарахнулся назад, почувствовал, что наскочил на проволоку. Но было поздно. Тотчас же в небо взлетела сигнальная ракета. В ее свете метрах в 40—50 от нас я увидел орудия, а совсем рядом — часового. Мгновенно дал очередь — гитлеровец упал.

Вверх взлетали все новые ракеты. Поднялась стрельба. Нас поливали огнем из дотов и землянок, забрасывали гранатами. Освещенные ракетами, мы находились у проволочного заграждения. Я приказал преодолеть препятствие.

Володя Фаткин сорвал с себя куртку и накрыл ею спирали. За ним поднялись другие. Все, что можно было снять с себя, полетело на проволоку. Моряки дружно кинулись на позицию немцев. Метрах в восьми от Володи неожиданно застрочили сразу два пулемета, до этого молчавшие. Разведчик упал замертво.

Командир группы Александр Манин с гранатой налетел на вражеских пулеметчиков и уничтожил их. Но от взрыва погиб и сам.

Отрядный силач Иван Лысенко, положив на голову свернутый бушлат, подлез под металлическую крестовину. Поднявшись во весь рост, крикнул:

— Пролазьте, пока стою!..»

Вот так начался бой за орудия.

Я пытаюсь сейчас представить ту ожесточенную борьбу. Рисую в своем воображении черную ночь, освещенную шарами ракет, силуэты орудий, тени фашистов, трассы пуль, полосующие пространство у самой земли. И представляю Ивана Лысенко. Он стоит, приподняв проволоку, открыв дорогу товарищам. Бегут моряки мимо своего друга. Знают, что он обречен. И сам он знает, что стоять ему недолго — через мгновения убьют. А как ему хотелось жить! Вот и бушлат он свернул потуже, чтобы железо не поранило голову...

После боя, когда будут хоронить убитых, на теле Лысенко насчитают больше двадцати пулевых ран.

Какие же это были светлые герои!

...В Пумманки, что на полуострове Средний, готовился десант. 8 торпедных катеров и 6 катеров-охотников выделялись для прорыва в порт. Еще 4 торпедных катера должны были прикрывать десант со стороны моря, а 2 — разрушить противокатерное заграждение у входа в залив. По эсминцам, подводным лодкам, тральщикам объявили набор добровольцев. Нужно было пятьсот человек. Вызвалось в десант несколько тысяч. Отобрали 658 моряков. Герои ждут своего часа...

А бой за орудия в самом разгаре. Он идет на позициях зенитной батареи. К рассвету моряки захватили орудия, принялись разрушать из них доты и землянки. Но не захвачена самая опасная батарея — 150-миллиметровая. Гитлеровцы пришли в себя и контратаковали моряков. Разведчики, вынув орудийные замки, отошли на ближнюю сопку, заняли там оборону.

Весь день фашисты пытались уничтожить сотню наших моряков. Разведчики следили за лощиной, по которой сами поднялись на сопку. Но враги, на то они горные егеря, взобрались наверх по отвесной скале. У обрыва произошел рукопашный бой. Леонов рассказывает:

«Постарался пробиться к краю расщелины, чтобы гранатами приостановить солдат, карабкающихся вверх. Впереди увидел Андрея Пшеничных. Он наносил штыком удары, от которых не было спасения. Но, наступив на камень, Андрей поскользнулся и упал. Над его головой взметнулся приклад. Я рванулся на выручку. Дорогу преградили два немецких штыка. Нырнув вниз, я успел убить одного из егерей. Андрей увернулся от удара. Винтовка егеря хрустнула, ударившись о гранит. Солдат выпустил ее из рук и тут же грохнулся на землю. Его свалил Андрей Пшеничных. На помощь нам подоспела группа мичмана Никандрова. Немцев удалось сбросить вниз...»

В середине дня враги подошли к сопке на катере, пытались высадить егерей в удобном для подъема месте. Моряки отогнали катер пулеметным огнем.

Казалось, гитлеровцы могли только блокировать

разведчиков. Но со своей сопки моряки держали под пулеметным огнем 150-миллиметровую батарею. Потому-то егеря и лезли на рожон...

Вечером самолеты сбросят разведчикам боеприпасы и еду, заодно пробомбят злополучные орудия. Ночью моряки не дадут немецким артиллеристам прицельно бить по нашим катерам. Когда высадится десант, они тоже пойдут в атаку; побьют еще много гитлеровцев, а 117 возьмут в плен. Сами разведчики потеряют в тех схватках убитыми семь человек.

12 октября, около 9 часов вечера, когда осенняя ночь опустилась над тундрой и морем, десант двинулся в путь. Чтобы враги не услышали гула катерных моторов, несколько ночных бомбардировщиков летали в районе движения и бомбили батареи у входа в залив. По батареям вели огонь и наши дальнобойные орудия с полуострова Рыбачий.

Все было спокойно. До тех пор, когда отряд вошел в зону действия немецкого радиолокатора — в 4—5 километрах от устья залива. На берегу вспыхнули прожекторы. В небе повисли осветительные снаряды. Вражеская артиллерия открыла огонь по катерам.

Головным шел катер капитан-лейтенанта А. О. Шабалина. Герою Советского Союза, опытному и отважному человеку поручили нелегкое дело — проложить верный путь для всего отряда. Вторым шел катер лейтенанта Е. А. Успенского. Пятьдесят два отборных десантника были на их палубах. Как самолеты, ведущий и ведомый, понеслись кораблики в залив. Шабалин то устремлялся в сторону бьющих орудий, то, резко сменив курс, мчался к нависающей над водой скале, чтобы какие-то мгновения пробыть в мертвой зоне... Вход в залив проскочили. А в гавани было еще опаснее. Со всех сторон стреляли, в воду густо падали мины и снаряды...

Великое дело — нагнать на неприятеля страху. Гитлеровцы, оборонявшие порт, знали о быстром прорыве советских войск через Лапландский вал. Канонада советских орудий уже доносилась до Линахамари. И было ясно егерям, что их время кончается, что итогом всего будет смерть или плен, или присоединение к потоку бегущих в Норвегию. Последнее предпочтительнее всего, надо только не опоздать с отходом... И вот теперь это появление катеров — невозможное, невероятное. Страх — плохой помощник в бою. Он мешает целиться, вызывает действия поспешные. Никак не могут десятки стволов уловить советские кораблики. Бьют фашисты, а все мимо... Десантникам, по опыту высадки в Новороссийске, предписывалось высаживаться на причалы. Гитлеровцы, видимо, тоже учли тот опыт. Когда катера пошли к причалу, он взлетел в воздух. Поспешили немцы со взрывом. Что было бы, если бы не поспешность врага? Было бы страшное. Оба катера и десантники погибли бы в сильнейшем взрыве... Шабалин, за ним Успенский устремились к берегу. В мгновение моряки соскочили с катеров, вскарабкались на скалы и начали рукопашный бой.

Высадили моряков остальные катера — почти без потерь. Десантники за ночь очистили порт от противника. На рассвете нового дня, 13 октября, враги на северном берегу гавани пошли в яростную

Медаль «За оборону Советского Заполярья».

контратаку, чтобы сбросить десантников в море. На помощь нашим прилетели штурмовики с истребителями. Контратака была отбита.

14 октября к десантникам пришло подкрепление. С восточного берега залива на западный катера переправили бригаду морской пехоты. В тот же день с четырех катеров высадились десанты на мысах, где стояли береговые батареи. В коротких схватках фашисты были там уничтожены.

С захватом Линахамари гитлеровцы потеряли возможность морем эвакуировать войска из Печенги. Более того — морские пехотинцы начали атаку города с севера. (Ты помнишь, что с юга его атакуют стрелки и танки?) 15 октября Печенга была взята.

Наступление советских войск продолжалось. Преследуя и уничтожая врага, мы вступили в Норвегию. В конце октября от фашистов был освобожден город Киркинес. Норвежцы восторженно встретили советских солдат и моряков. Сами собой возникали добровольческие отряды молодых норвежцев. Вместе с нашими войсками они дошли до реки Таны. На этом рубеже мы закончили наступление.

За месяц боев егеря — с эдельвейсами на пилотках — потеряли три четверти войск и всю боевую технику.

Так кончилась война за Полярным кругом.

После войны Финляндия возвратила Советскому Союзу район Печенги; старинная русская земля соединилась с Родиной. Советским людям предстояло восстановить город и рудники, вернуть их к жизни.

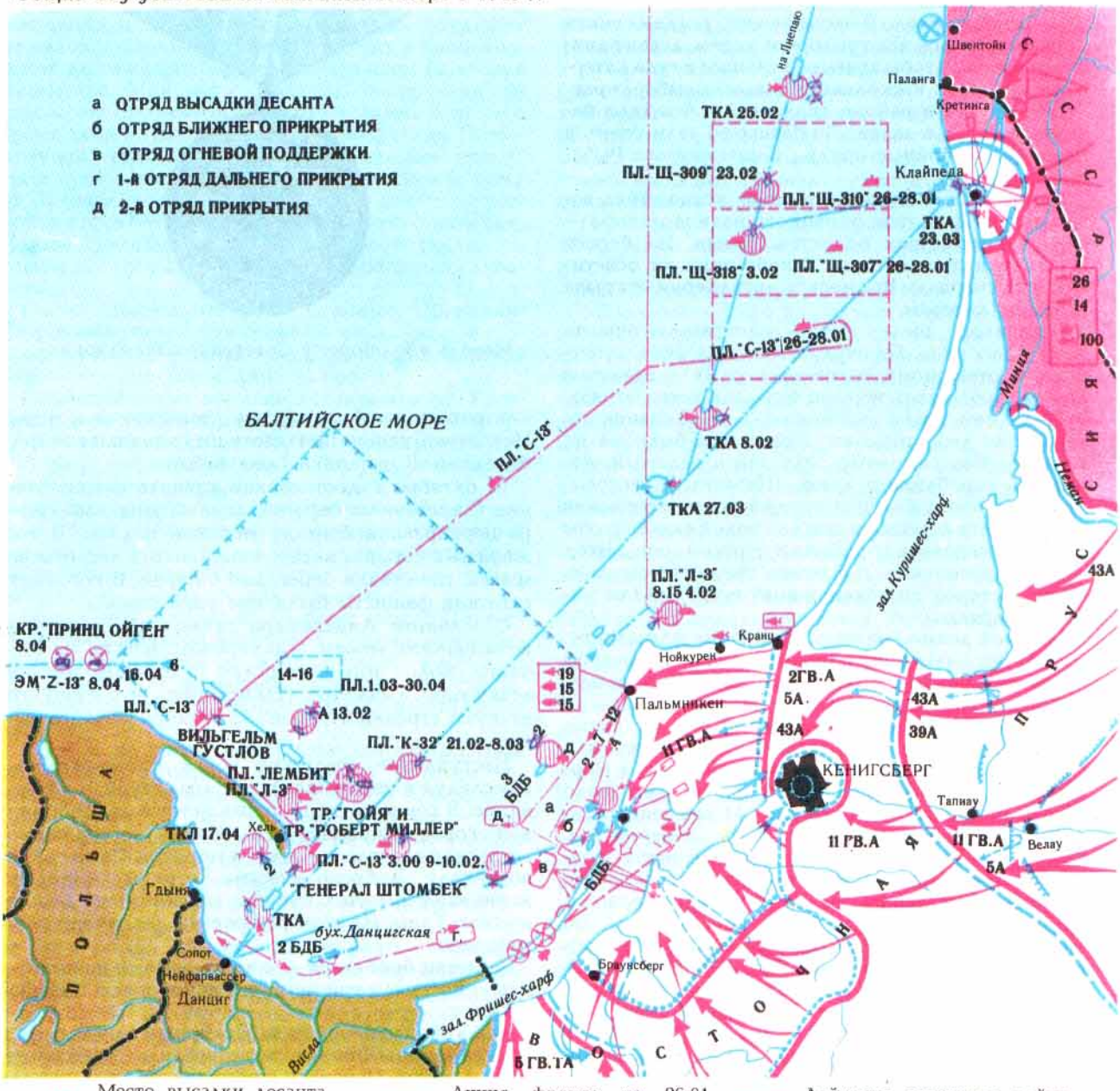
Многие соединения и части флота и армии, отличившиеся в боях, получили почетные наименования, были награждены орденами Красного Знамени и Ушакова I степени.

КОНЕЦ — ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ

В январе 1945 года советские войска перешли в новое наступление по всему фронту — от Балтийского моря до южных отрогов Карпат. Гигантское наступление началось раньше срока по просьбе союзников, ибо часть их войск на Западном фронте оказалась под угрозой окружения.

Мощные удары советских войск сорвали все планы гитлеровцев. Немецко-фашистское командование было вынуждено прекратить наступление на наших союзников в Арденнах и перебросить самые боеспособные дивизии с Запада на Вос-

Общий ход действий на Балтийском море в 1945 г.



точный фронт. Это помогло англичанам и американцам оправиться от удара. Союзное командование решило теперь ускорить продвижение в глубь Германии. Главный удар намечено наносить на Берлин, двигаясь к нему кратчайшим путем — по северу Германии.

...Прекрасное решение! Как ладно получается — когда было туго союзникам, мы отвлекли на себя силы общего врага; теперь стало сложнее советским армиям, но союзники, возмещая долг, ускоряют свой натиск на армии фашистов... Все хорошо бы, если только забыть, что «война есть продолжение политики». Командование союзников меньше всего думает о возмещении долга нашим армиям. Главная цель их наступления заключается в том, чтобы войти в Берлин раньше советских войск. Английский историк Дж. Эрман пишет: «...главнокомандующий (Д. Эйзенхауэр) стремился начать операцию на севере как можно скорее, пока наступление русских на Восточном фронте не завершилось полным поражением немцев».

Но, может быть, в таком желании нет ничего предосудительного? Идет здоровое соперничество за взятие столицы фашистского государства. Соперничали же советские полки и батальоны у Севастополя за право первыми поднять знамя над Сапун-горой. Нет. Союзники не думают о состязании в воинской доблести. Цель другая — не дать советским воинам до конца уничтожить военную мощь Германии. После войны стало известно секретное заявление Черчилля правительству Англии. В нем есть такие фразы: «Должен признаться, что мои мысли обращены главным образом к Европе, являющейся матерью современных стран и цивилизации. Было бы страшной катастрофой, если бы русское варварство задушило культуру и независимость древних государств Европы».

Если сдуть с этих слов туман нарочитости и соскрести позолоту высокопарности, то их можно прочесть так: «Должен напомнить, что наши хозяева империалисты не так беспокоятся за будущее Азии, где мы сражаемся с капиталистами Японии, как за будущее Европы, где действует враждебная всем капиталистам сила — коммунисты Советской страны. Для империализма было бы страшной катастрофой, если бы пример советского народа распространился на другие государства Европы».

Что было бы, если бы союзники помешали советским армиям нанести завершающий удар по фашистской Германии, если бы сбылись планы империалистов? Германия снова была бы грозой для европейских народов. Ведь и при теперешнем состоянии дел Федеративная Республика Германии в военном отношении сильнее всех ее капиталистических соседей, и до сих пор в этой стране открыто действуют реваншисты и неофашисты — люди, которые добиваются реванша, приращения территории за счет земель других народов. То германское государство, которое Черчилль видел в своих планах, как и гитлеровская Германия, снова было бы — при определенных обстоятельствах — натравлено империалистами на Советский Союз, на уничтожение социализма.

Через несколько строк мы опять окажемся в яростных боях, в ожесточенных сражениях. Радуясь победам, печалясь о погибших, будем помнить, что советские воины не просто уничтожают гитлеровцев, берут их в плен, а делают политику послевоенной жизни человечества. Уже больше четырех десятилетий Европа не знает войн — это важнейшая суть политики, за которую с невероятной энергией, с невероятной мощью сражались мы в 1945 году.

Схема перехода подводной лодки К-52 через льды Финского залива.

Обратимся к карте военных действий в январе — апреле последнего года войны.

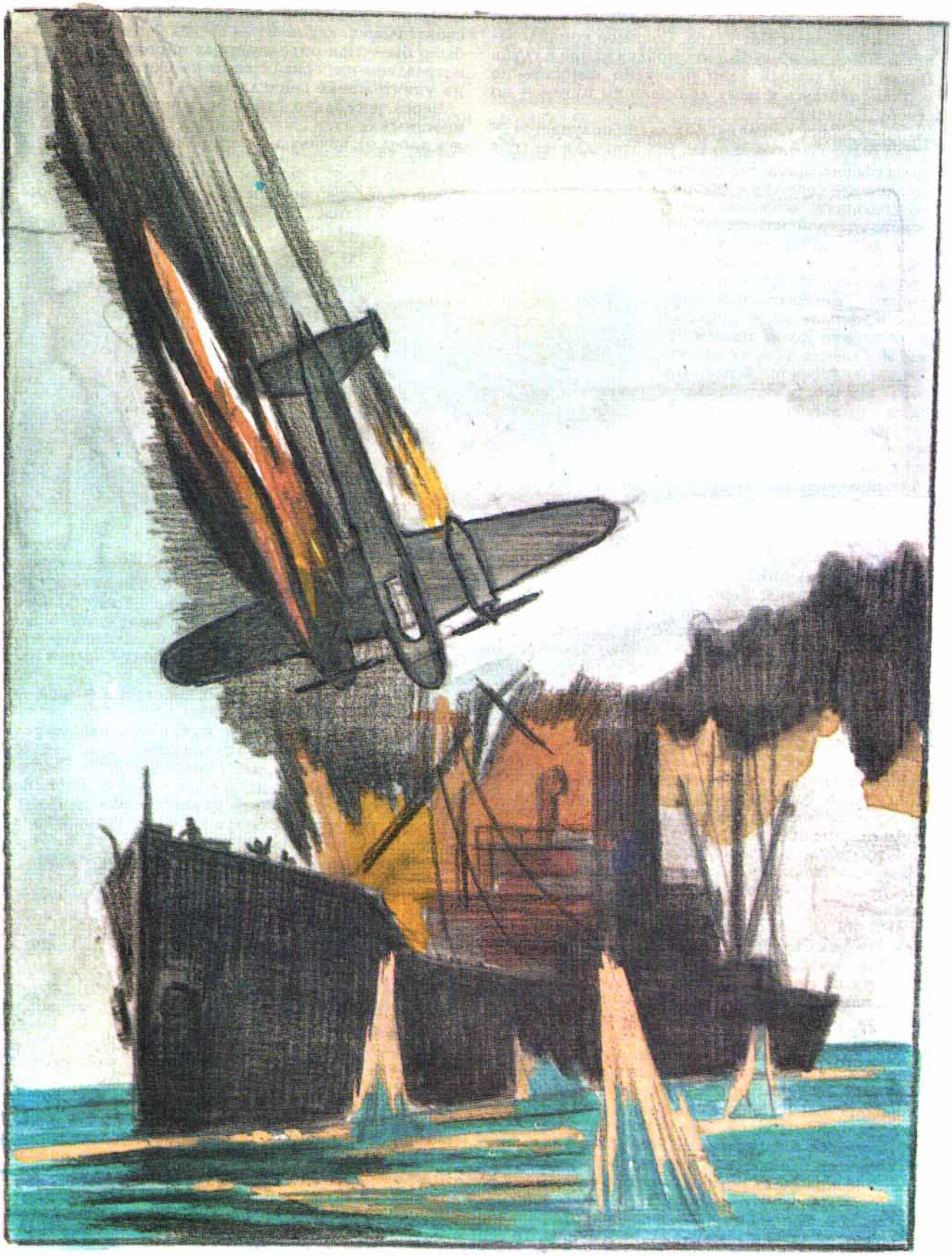
Какие сокрушительные пучки красных стрел устремлены на запад! В их серединах ромбы — это танковые армии рассекают врага на пути к Берлину. Город возьмем мы, а не кто иной. Столица фашистского государства станет нашим трофеем. И факт этот решительным образом скажется на истории человечества.

Стрелы 1-го Белорусского фронта от Варшавы протянулись почти до Берлина, от реки Вислы до реки Одер. 23 дня понадобилось нашим войскам, чтобы пройти полтысячи километров. А шли-то, вернее, летели с боями.

И не простые это были бои. В ходе Висло-Одерской операции в январе — феврале 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, возглавляемые маршалами Г. К. Жуковым и И. С. Коневым, разгромили и уничтожили 60 дивизий врага, пленили при этом более 147 тысяч гитлеровцев, захватили 1377 танков и самоходных орудий, 1300 самолетов, 8280 орудий, 5707 минометов, около 20 тысяч пулеметов.

Прекрасная, величественная победа!

Немецкий историк, бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин напишет о ней после войны: «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи...» А наш союзник Черчилль



сразу же по завершении операции пошлет послание Сталину:

«Мы очарованы вашими славными победами... Примите нашу самую горячую благодарность и поздравление по случаю исторических подвигов».

Кисло было Черчиллю подписывать такое послание. Советские-то войска были в 60—70 километрах от Берлина. А войска союзников в 500...

Мы говорили, что немецко-фашистское командование не боялось нашего наступления от Варшавы на Берлин, так как было готово ударить из Восточной Пруссии во фланг и тыл советским армиям, рискнувшим на такое действие. Почему же не был нанесен этот опаснейший для нас удар? Потому, что войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов заблаговременно окружили грозную фашистскую крепость и так плотно, что ее огромный гарнизон не мог прорваться через наши боевые порядки в тыл 1-го Белорусского фронта. 40 отборных дивизий и 200 тысяч фольксштурмовцев оказались изолированными от основных сражений войны. И не просто изолированными, как, к примеру, в Курляндии. Ежедневно наши войска теснили эту вражескую группировку к морю, рассекли ее на три части, окружили врага на Земландском полуострове, в Кенигсберге и юго-западнее этого города.

Гитлер в буквальном смысле слова бесился в своем подземном убежище в Берлине. Все трещало, все разваливалось на глазах, несмотря на ожесточенное сопротивление фашистских войск.

Германское командование решило теперь нанести фланговый удар по войскам 1-го Белорусского фронта из Померании. Найди этот район на карте, он к западу от Данцигского залива. И снова, как в случае с Восточной Пруссией, сосед 1-го Белорусского —2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. К. Рокоссовского предупредил этот удар, сделал его невозможным. Войска Рокоссовского двинулись с юга Померании на север. Уничтожая врага, они вышли к морю у Кольберга, Гдыни и Данцига. В конце марта Восточная Пруссия уже была далеко от линии основного фронта.

Мы с тобой, дорогой читатель, задержались на суше. Задержка нужная. Иначе не понять, ради чего, с какой целью действуют моряки. Конечно, общая цель ясна — разгром фашизма. Но не ясны были бы цели конкретные, и, следовательно, неизвестна была бы истинная цена ратного труда и необходимости подвига.

Еще раз посмотри на карте южное побережье Балтийского моря. На Курляндском полуострове сидят в огромном количестве гитлеровцы. Приличное число —3 дивизии прижаты к морю в Мемеле. Под ударами наших сухопутных войск оказались важнейшие и крупнейшие портовые немецкие города: Кенигсберг, Данциг, Гдыня и важнейшая военно-морская база Пиллау. Все они от Мемеля до Кольберга очень нужны противнику — для обеспечения морских сообщений с Курляндской группировкой; для переброски войск оттуда на защиту Берлина, для эвакуации войск из Восточной Пруссии — опять же на защиту Берлина. Пока войска не эвакуированы, их надо снабжать боеприпасами, горючим, продовольствием...

Для рассказа об окончании войны на Балтийском море воспользуемся схемой, взятой из книги «Краснознаменный Балтийский флот». Книга специальная, и схема тоже для специалистов. Но я думаю, читатель, что тебе она теперь, когда ты столько узнал о морских сражениях, о кораблях и моряках, не покажется невозможно трудной. Разговор у схемы будет нашим завершающим уроком истории военно-морского искусства.

Огненный таран советского бомбардировщика.

ПОДВИГ ПОДВОДНОГО МИННОГО ЗАГРАДИТЕЛЯ

...Большая часть немецкого флота действовала в те месяцы на морской дороге, связывавшей Либаву с портами Данцигской бухты и военно-морской базой Свинемюнде, что в устье Одера. На охрану конвоев, на поддержку прижатых к морю войск выходили тяжелые крейсеры противника, подводные лодки, сотни легких кораблей.

На борьбу с врагом командование Краснознаменного Балтийского флота выделило подводные лодки, катера и самолеты. Начались бои, в которых — до самого последнего часа войны — росла чреда подвигов. В венок славы балтийцев, увенчавший их в обороне, вплетались ветви, добытые в наступлении, в разгроме врага.

Первыми на важнейшую коммуникацию вышли подводные лодки. Стоял холодный январь. Финский залив почти весь замерз. Из Кронштадта и из других баз лодки шли за ледоколом. Требовалось много сил, нужна была великая предусмотрительность, чтобы не повредить лодку о льдины и без поломок дойти до чистой воды. (Посмотри схему перехода К-52 во льдах Финского залива.) Один ледокол пробивает дорогу. Второй ведет лодку на буксире — так, чтобы струя от винтов разгоняла льдины. А на нос лодки надет, как называли сами моряки, «намордник» — металлическое ограждение, защищающее форштевень, носовые рули и торпедные аппараты.

С выходом на чистую воду не кончаются трудности плавания. Над Балтикой бушуют штормы. Людей, несущих вахту на мостике, пронизывает ветер, несколько ударов волны — и одежда промокает до нитки, тут же покрывается ледяной корой. А стоять нужно, нужно смотреть во все глаза, чтобы за снежными зарядами, в пелене тумана увидеть врага, атаковать его и уйти из-под ответной атаки.

В таких труднейших условиях нанесла свой знаменитый удар С-13. Найди на схеме Данцигскую бухту и косу в ее северо-западной части. У разных концов Хельской косы и были потоплены огромные суда — «Вильгельм Густлов» и «Генерал Штойбен». О том, как они были торпедированы, говорилось на заглавных страницах «Книги будущих адмиралов».

Гитлеровцев между тем ждала еще одна катастрофа. Подобный удар нанес врагу подводный минный заградитель Л-3 под командованием капи-

тана третьего ранга Владимира Константиновича Коновалова.

К началу войны на Балтике у нас было три лодки этой серии: Л-1 — «Ленинец», Л-2 — «Сталинец» и Л-3 — «Фрунзевец». Первая лодка, с которой были сняты все механизмы, утонула при артобстреле на стоянке в Неве в ноябре 1941 года. В том же месяце того же года погибла вторая лодка; она ставила мины в Данцигской бухте, но сама трижды подорвалась на вражеских минах. В живых оставался «Фрунзевец». За гибель двух подводных заградителей он рассчитался с врагом в первый год войны: на его минах у берегов Германии взорвались и потонули траулер и три транспорта.

К середине 1943 года счет мести «Фрунзевца» достиг 12 транспортов и кораблей, потопленных торпедами и погибших на минах. В их числе была немецкая подводная лодка. К этим потерям врага причисли, читатель, урон, причиненный «Фрунзевцем» в 1944 году,— потопленные торпедами транспорт и сторожевой корабль, подорвавшиеся на минах, поставленных лодкой, и потонувшие сторожевой корабль и эскадренный миноносец. Но счет не заканчивай. Л-3 зимой 1945 года снова пришла в район Данцигской бухты.

Найди на схеме Земландский полуостров и городок Нойкурен (теперь он называется Пионерский). На севере от городка — значок Л-3.

На полуострове идут яростные бои. Наши сухопутные войска зажали здесь 8 вражеских дивизий. Обороняясь с упорством обреченных, они частью сил стараются пробиться в город-крепость Кенигсберг, частью в Пиллау — военно-морскую базу, частью эвакуироваться на судах. С моря врага поддерживают артиллерийские корабли. К берегу подходят для обстрела советских войск крейсеры «Принц Ойген», «Лютцов», «Адмирал Шеер», «Адмирал Хиппер» и эскадренные миноносцы.

Подводная лодка Л-3 находится тоже в этом районе. Ее мужественный командир и доблестный экипаж видят врага. Но сблизиться с ним на дистанцию залпа не могут — там, где крейсеры, очень мелко. «Фрунзевец» поставил мины на курсах кораблей и продолжал находиться под водой, выжидая момента...

4 февраля к берегу снова подошли корабли врага. И опять было невозможно атаковать крейсер. Коновалов принял решение торпедировать один из двух эскадренных миноносцев, тот, что шел мористее. Стреляли трехторпедным залпом, две торпеды попали в корабль, на нем взорвались котлы; корабль затонул. После атаки, задевая килем за дно, с трудом развернули лодку в сторону моря и долго уходили от глубинных бомб, которые сбрасывал уцелевший эсминец.

До возвращения в базу лодка потопила торпедами 2 транспорта. Прибавь транспорты и эсминец к боевому счету «Фрунзевца».

«Фрунзевец» приходил в Данцигскую бухту и весной, когда бои на Земландском полуострове заканчивались. 18 апреля полуостров был в наших руках. Противник потерял там более 50 тысяч убитыми, а 30 тысяч солдат и офицеров были пленены.

Подводная лодка Л-3 победу сухопутных войск взяла как бы в морскую вилку. 17 апреля — накануне победы — она залпом трех торпед потопила большой теплоход «Гойя», на котором эвакуировались из Пиллау 5 с половиной тысяч гитлеровцев. Там же, где нашли себе могилу немецкие подводники от удара С-13, были отправлены на дно еще 1300 офицеров, курсантов и матросов подводного флота врага. Это еще около 30 экипажей подлодок. А 19 апреля «Фрунзевец» торпедировал транспорт «Роберт Мюллер», на этот раз небольшой — 400 тонн. Но он вез боеприпасы. И взрыв получился страшный. Дело было ночью. Огромную вспышку белого огня над морем видели и гитлеровцы и наши. Врагов она заставила содрогнуться, а советские воины приняли ее как салют в честь взятия Земландского полуострова.

Всего за вторую мировую войну на морях фашисты потеряли 28 тысяч подводников, около 3 тысяч из этого числа на счету С-13 и Л-3...

Потоплением «Роберта Мельника» (так переводится название судна, шедшего с боеприпасами) «Фрунзевец» не окончил счет мести. На минах, которые заградитель выставил весной 1945 года, подорвались и потонули тральщик и сторожевой корабль противника. Вот и посчитай, мой дорогой товарищ, сколько урона принесла фашистам Л-3.

Все было в жизни «Фрунзевца». Лодка подрывалась на минах, ее таранил надводный корабль, ей однажды пришлось возвращаться в базу без перископов... Но она выживала в самых невероятных случаях. И продолжала побеждать... Теперь рубка гвардейской Л-3 стоит на каменном постаменте в одном из гарнизонов Балтийского флота как пример новым поколениям советских подводников.

Раз уж мы заговорили о подводных минных заградителях, нельзя не сказать о завершающих походах Л-21 и «Лембита». Очень грозные это корабли — подводные заградители! Конечно, если они в умелых руках отважных людей.

В Данцигской бухте «Лембит» потопил торпедами транспорт и танкер. А на ее минах, выставленных в двух походах последнего года войны, подорвались и потонули 2 эскадренных миноносца, сторожевой корабль, подводная лодка и буксир. Очень и очень неплохо. Просто замечательно!

Найди место, где одержала победы лодка «Лембит». Весной 1945 года она торпедировала и потопила транспорт и сторожевой корабль противника. В условное обозначение действий «Лембита» входят значки мин. Лодка на самой середине фарватера поставила мины. Западный историк морской войны Майстер пишет, что в том районе подорвались и потонули 3 сторожевых корабля и противолодочный корабль. Их тоже можно считать добычей нашего подводного заградителя.

В завершающих боях на Балтийском море подводные лодки потопили более 60 транспортов и более десятка боевых кораблей врага.

ДОБЛЕСТЬ МОРСКИХ ЛЕТЧИКОВ

В последних боях 1945 года Краснознаменный Балтийский флот имел довольно много самолетов — четыре авиационные дивизии! Конкретнее — 55 торпедоносцев, 40 бомбардировщиков,

140 штурмовиков, 276 истребителей и 60 разведчиков. Всего 571 самолет. С января по 8 мая 1945 года они потопили около 60 кораблей и катеров и более 80 транспортов врага. На каждую четверку советских морских самолетов приходилось потопленное судно противника! Такой отличный результат объясняется не только числом самолетов, не только умением летчиков и их храбростью, но и хорошей организацией боя.

Великое дело — организованность. Произнеси, читатель, вслух слово «организованность». Это не то, что сказать «пли!». Вон сколько слогов в нем, и все разные, звучат каждый по-своему... Как из многих слогов складывается длинное слово, так складывается из многих предварительных дел победный бой. Дела должны следовать друг за другом в строгой последовательности. Попробуй-ка переставить слоги в слове — «организованность». Выброси хоть один слог. Получится чепуха. Так будет и в бою, если что-либо до боя не предусмотреть, чего-то нужного не сделать. А как все сделано, так с легкой душой говори краткое «пли!» и празднуй победу.

Посмотрим организованный налет нашей авиации на конвой противника. 5 февраля в Данцигской бухте самолет-разведчик обнаружил 5 транспортов в охранении 6 сторожевых кораблей и тральщиков. Это дело зашифруем слогом «ОР». Получив сообщение разведчика, командование подняло в воздух две ударные группы самолетов: в каждой по два торпедоносца и по два топмачтовика. Это дело обозначим слогом «ГА». Тут же прибавился слог «НИ» — из другого пункта взлетели 18 истребителей. Советские Яки напали на истребителей противника, отогнали их от конвоя, и теперь в воздухе нет препятствия для наших тяжелых самолетов. Бой истребителей обозначим слогом «ЗО»... Самый разрушительный удар по транспортам могут нанести самолеты-торпедоносцы, но они и самые уязвимые для корабельных орудий и пулеметов. Поэтому первыми атаковали конвой — с противоположных сторон — топмачтовики. Пушечно-пулеметным огнем, рикошетирующими бомбами, что взрываются над головой и секут осколками все, что на бортах и на палубах, они подавили зенитные средства врага. Это слог «ВАН». И вот пошли в атаку торпедоносцы. Подобно торпедному катеру, нацелившись на транспорт, с ревом, с ураганной скоростью надвигается на врага торпедоносец. Он летит очень низко над водой, чтобы точнее пошла сброшенная в воду торпеда. Не каждый вражеский артиллерист и пулеметчик, уцелевший после атаки топмачтовиков, найдет в себе мужество стрелять в неумолимую, близкую смерть... Торпеды сброшены. Произнесен последний слог — «НОСТЬ». Рев авиационных моторов исчезает вдали. А над морем гремят взрывы торпед. Четыре транспорта из пяти тонут в Данцигской бухте. Вот что значит «организованность»!

Подобным образом уничтожили летчики конвой, уходивший из Либавы: два транспорта и плавучую базу подводных лодок «Мемель». В том же районе ударом, в котором участвовали вдобавок к торпедоносцам и топмачтовикам пикирующие бомбардировщики и штурмовики, были потоплены пять крупных транспортов — все, что были в конвое. Через несколько дней самолеты разгромили конвой, идущий в Либаву: потопили танкер, транспорт и два тральщика. Особенно тяжело враг переживал гибель танкера «Засниц», с ним погибло 5 тысяч тонн горючего, так нужного курляндским сидельцам.

Мы с тобой, читатель, говорили, как подводная лодка Л-3 потопила эскадренный миноносец из группы фашистских кораблей, стрелявших по советским войскам на Земландском полуострове. За корабли артиллерийской поддержки взялась наша авиация. Полк бомбардировщиков, два полка штурмовиков и несколько полков истребителей совершали налеты на них всю первую неделю апреля и потопили 3 эсминца, миноносец, 8 сторожевых кораблей, повредили тяжелый крейсер, 2 легких крейсера, 4 эсминца, 4 миноносца. Немцы не выдержали атак с воздуха. Артиллерийские корабли ушли из Данцигской бухты в базу Свинемюнде. На нашей схеме — северо-западнее косы Хель — обозначены красным удары авиации по синим значкам кораблей. Это советские самолеты провожают фашистов. Тяжелый крейсер «Принц Ойген» и эсминец были повреждены бомбами.

Еще более впечатляющими были массированные налеты советской авиации на порт Пиллау и порт Хель. С 9 по 25 апреля — во время завершающих боев на суше, когда гитлеровцы искали спасение на судах,— наши самолеты 24 раза бомбили и штурмовали военно-морскую базу Пиллау. В порту и на рейде было потоплено 10 транспортов, танкер, 32 буксира, 54 баржи, 2 подводные лодки, плавучий док и полтора десятка других судов, приготовленных для эвакуации фашистов.

Когда читаешь о больших потерях врага, то невольно кажется, что нашим в победных боях было легко и просто. И не легко. И не просто. Военно-морская база Пиллау имела около полусотни зенитных батарей. Эти орудия вместе с зенитными орудиями, установленными на кораблях и судах, могли выпускать в минуту до 15 тысяч снарядов калибром 20 миллиметров и выше. Представляешь! Летчикам приходилось прорываться к целям через завесы огня и металла!

...На схеме есть два значка — скорбных и гордых. Один на север от порта Хель. Другой на северо-запад от середины косы Фриш-Нерунг. Красные силуэты самолетов перечеркнуты синим крестом. 13.02 — 13 февраля ударная группа в составе двух торпедоносцев и двух топмачтовиков под прикрытием истребителей вылетела на перехват конвоя. Самолет-торпедоносец выходил в атаку и получил прямое попадание снаряда. Самолет загорелся. Спасти машину было невозможно. Командир торпедоносца лейтенант В. Носов, штурман младший лейтенант А. Игошин, стрелок-радист сержант Ф. Дорофеев решились на таран. Тяжелая машина с грузом торпед обрушилась на транспорт. В страшном взрыве погибли советские летчики, унося в могилу и врага,— на том же значке синий овал перечеркнут красным крестом.

Вторым значком обозначено место трех таранов, совершенных в апреле — с промежутками в несколько дней. Горящий штурмовик лейтенанта А. Стратилатова и младшего сержанта С. Самойлова таранил сторожевой корабль; подбитый горящий штурмовик младшего лейтенанта А. Комозо-

ва и младшего сержанта И. Кирколенко ударил в тральщик; старший лейтенант А. Романов и воздушный стрелок сержант А. Дубенчук свой горящий штурмовик обрушили на вражеский миноносец...

А ведь был апрель 1945 года. До конца войны, до мира оставался всего лишь месяц.

Что там месяц! Морской летчик-разведчик лейтенант А. Курзенков погиб за несколько часов до победы. Он обнаружил в море конвой противника, вызвал на его уничтожение бомбардировщиков, но был сбит врагами.

Не показалась ли тебе фамилия знакомой? Помнишь удивительное спасение летчика-североморца? Тот летчик Сергей Курзенков, а этот Александр. Они братья. Оба Герои Советского Союза. Родом из Подмосковья. Летали на самолетах, построенных на деньги, собранные жителями Наро-Фоминского района...

До последнего часа войны, до ее последней минуты гибли прекрасные советские люди...

На короткое время оставим море. Посмотрим, что происходит на главном участке советско-германского фронта.

Там доблестные войска маршалов Жукова и Конева наступают на Берлин — с 16 апреля.

Союзники в это время тоже были близко от Берлина, в ста километрах. Несмотря на договоренность глав союзных правительств, определившую, на каких территориях и чьи войска ведут военные действия, англичане и американцы все еще пытаются войти в Берлин раньше советских армий. 1 апреля Черчилль в послании президенту США Рузвельту писал: «Русские войска, несомненно, захватят Австрию и войдут в Вену... Если они займут и Берлин... то это приведет к серьезным и грозным последствиям в будущем. Поэтому я считаю, что с политической точки зрения необходимо продвинуться как можно дальше на восток Германии и поставить перед собой цель занять Берлин...»

И совершенно откровенное заявление английского премьер-министра, напуганного тем, что в странах, освобожденных советскими войсками, власть берет в свои руки народ: «...Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира... против ее дальнейшего продвижения немедленно должен быть создан новый фронт».

Немецкие дивизии, по сути, без сопротивления складывали оружие перед американцами и англичанами, открывали им свободную дорогу на восток Германии. И все же Эйзенхауэр и Монтгомери не успевали с исполнением тайных замыслов. Не успевали их сухопутные войска. Тогда союзники начали готовить воздушно-десантную операцию. Генерал К. Ф. Телегин пишет: «Об этой операции позднее рассказал мне в порыве откровенности командир 82-й американской воздушно-десантной дивизии генерал Джеймс Гейвин на приеме, устроенном Военным советом 1-го Белорусского фронта для союзного командования. По его словам, на конец апреля — начало мая в штабе Эйзенхауэра усиленно готовилась высадка его дивизии и 1-й английской на аэродромы в районе Берлина с задачей занять его до подхода наших войск. Но сделать это не успели.

«У нас рассчитывали,— говорил Гейвин,— что после такой глубокой и быстротечной операции от Вислы до Одера раньше середины мая вы не будете в состоянии начать наступление. А вы разгромили немцев и заняли Берлин».

Да, заняли. Несмотря на невероятные трудности тех боев, 25 апреля город был взят в кольцо. 30 апреля в подземном убежище отравился Гитлер. Его примеру последовал Геббельс. Геринг и Гиммлер бежали. 2 мая в 6 часов утра командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг сдался в плен. За ним начали сдаваться солдаты и офицеры. Столица фашистской Германии капитулировала.

А война продолжалась — еще долгую-долгую неделю.

Гитлер завещанием передал власть гросс-адмиралу Деницу, главнокомандующему флотом Германии.

Новый фюрер старался затянуть войну на южном участке советско-германского фронта, надеясь, что на других участках, где вошли в соприкосновение войска союзников с советскими войсками, произойдут конфликты, а вслед за ними и военные столкновения. Убедившись вскоре, что Англия и США не могут пойти на открытую борьбу с Советским Союзом, Дениц направил всю энергию на то, чтобы переместить как можно больше немецких войск из восточных районов Германии в районы, занятые англичанами.

Он предложил английскому фельдмаршалу Монтгомери — в обмен на беспрепятственную эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии — принять капитуляцию германского флота. Монтгомери принял ее; с 4 мая на море союзники и немецкие фашисты не трогали друг друга. Зато против нас флот противника продолжал борьбу.

Англичанам 4 мая сдались также сухопутные войска, находившиеся на северо-западе Германии, в Голландии и Дании.

В те же дни Черчилль приказал Монтгомери собирать оружие сдавшихся в плен немцев с тем, чтобы в любое время можно было вооружить немецкие дивизии и двинуть их против советских войск. Вот каким оказалось на деле дружелюбие союзников...

Встреча советских войск с союзными войсками на Эльбе могла начаться не рукопожатиями, а совсем иначе. Три момента исключили это «иначе»: сила советских армий; восхищение народов подвигами Советской страны в разгроме фашизма; нужда Соединенных Штатов Америки и Англии в наших сухопутных войсках при ведении войны с Японией.

Начинался в жизни человечества долгий период, который называется «холодной войной».

А горячая война еще идет.

Вернемся к балтийским летчикам. В Данцигской бухте уже не было вражеских кораблей. Авиация перебазировалась на аэродромы, близкие к Померанской бухте и военно-морской базе Свинемюнде. В первые дни мая, помогая сухопутным войскам овладеть базой, летчики совершили несколько массированных ударов по этому важному пункту фашистского сопротивления. Строго по расписанию, как поезда к вокзалу, шли с разных сторон на рейд и гавань группы штурмовиков, пикировщиков, бомбардировщиков. 3 мая несколько бомб попали в линкор «Шлезиен», который на

следующий день был потоплен. Потонули крейсер «Орион», миноносец, 2 тральщика, сторожевой катер, плавучая батарея, 5 крупных транспортов и 3 танкера. Повреждения получили 3 эсминца, сторожевой корабль и другие суда.

5 мая военно-морская база Свинемюнде пала.

ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА

Кенигсберг был взят советскими войсками 9 апреля — за месяц до общей капитуляции фашистской Германии. Но мне хочется рассказ о военных действиях на Балтийском море закончить именно этим фактом.

...Есть у нас высший полководческий орден «Победа». Его звезда окаймлена бриллиантами, бриллианты и в лучах, расходящихся от звезды. Не знаю, вкладывался ли смысл в число драгоценных камней. Но я бы каждому бриллианту на ордене дал название. Самые крупные, что на остриях красной звезды, назвал бы «Битва за Москву», «Битва за Сталинград», «Оборона Ленинграда», «Оборона Севастополя», «Курская битва». Один из бриллиантов назвал бы непременно «Взятие Кенигсберга».

У бриллианта много граней, каждая сверкает по-своему. Факт взятия Кенигсберга тоже многогранный. Вглядываясь в грани этого факта, можно многое увидеть, над многим поразмыслить.

Как же мы взяли Кенигсберг?

Этот город был построен на берегах реки Преголи у ее впадения в залив Фриш-Гаф. Залив очень мелкий, и от порта до моря проложен судоходный канал — через пролив Зее-Тиф, что разделяет косу Фриш-Нерунг у базы Пиллау. Хотя «Кенигсберг» в переводе с немецкого значит «Царская гора», местность в этом районе низменная, болотистая, некоторые участки лежат даже ниже уровня моря. Берега залива песчаные, песком и дюнами покрыта коса, длина ее 60 километров, а ширина до 3 километров. Вокруг города леса. Вот, пожалуй, и все, что нужно сказать о местоположении Кенигсберга.

Теперь — о его военных особенностях. На подступах к городу противник создал четыре оборонительных пояса. Они состояли из противотанковых рвов, минных полей, проволочных заграждений, рядов дотов и дзотов. Основой обороны были 24 форта с крепостными орудиями и гарнизонами в несколько сот человек. В самом городе были посадочные полосы для самолетов. Под землей находились склады боеприпасов и продовольствия. Под землей же работали военные заводы. Гитлеровцы называли Кенигсберг городом-крепостью. Они предполагали держаться в нем столько времени, сколько понадобится. Такая оценка не была преувеличенной. Мы тоже согласны с ней, ведь оборона там готовилась заблаговременно, годами. И еще — перед штурмом противник взорвал плотину на Преголи и затопил водой большие площади.

Наше командование поручило взять фашистскую крепость четырем армиям. Было в том сражении много наших самолетов и много артиллерии.

Особо стоит сказать о морской железнодорожной артиллерии. Она прибыла к Кенигсбергу накануне штурма и заняла позиции восточнее города. Солдаты сухопутных войск помогли артиллеристам сделать съезды с основной железнодорожной линии в тупики, куда загонялись для стрельбы платформы с орудиями, окружили их земляными валами, построили укрытия для снарядов и зарядов. Командование общевойсковых армий дало морским пушкарям полк зениток, которые защищали громоздкие орудия от нападения с воздуха. Были выделены самолеты-корректировщики, в их обязанность входило докладывать на батареи о результате каждого выстрела. Хлопот с железнодорожной артиллерией много. Но и пользу она принесла большую. Снаряды полевых орудий до города не долетали, а железнодорожные орудия, как корабельные, били на 25—30 километров. И они — 24 ствола — сразу же принялись за свою разрушительную работу. Артиллеристы, заслужившие звание гвардейцев еще при обороне Ленинграда, теперь разрушали мосты, причалы в порту, били по транспортам и кораблям в Кенигсбергском канале, по фортам и дотам, по танковому заводу.

В это же время полевая артиллерия вела огонь по оборонительным рубежам. Четверо суток не стихал гул выстрелов и грохот взрывов. Но ужасающий ураган огня и металла обрушился на врага 6 апреля — ударили одновременно 5 тысяч орудий. Кружили над фашистской крепостью самолеты — их было две с половиной тысячи!

Спасение от наших снарядов и бомб можно было найти только в подземельях. Кто не успел укрыться, тот неминуемо погибал. Но и в подземельях нельзя было просидеть долго — рушились высокие стены домов, покрывая город слоем камня и пыли, погребая гитлеровских солдат под развалинами.

В конце дня советские бойцы уже ворвались в город. Уцелевшие враги сопротивлялись яростно. Оживали молчавшие развалины, оттуда били пулеметы, летели гранаты. Тогда на помощь пехотинцам приходили танки, самоходные орудия и уничтожали очаги сопротивления.

Силы фашистов, их воля к борьбе быстро иссякали. Чтобы поддержать гарнизон, в город попытались прорваться гитлеровцы с Земландского полуострова. Найди на схеме обозначение этой неудавшейся попытки — синяя стрела, уткнувшаяся в красную линию. Несколько немецких частей прорвались в Кенигсберг с юга. Но исправить ничего было нельзя. 9 апреля, после нового сокрушительного налета нашей авиации, Кенигсберг вывесил белые флаги.

Комендант города-крепости генерал Лаш говорил о тех боях:

«6 апреля началось русское наступление такой мощи, какой я еще не встречал. Около 30 дивизий и два воздушных флота целыми днями беспрерывно засыпали крепость своими снарядами. Бомбардировщики и штурмовики летели волна за волной, сбрасывая свой губительный груз на пылающий город, лежавший в развалинах. Ни один немецкий истребитель не показывался в воздухе. Стиснутые на узком пространстве зенитные батареи были бессильны против таких масс самолетов

Космодемьянский А. А.

и к тому же должны были, хотя и с трудом, вести бой с танковыми силами противника. Все линии связи оказались разорванными, и только пешие связные ощупью пробирались через поля развалин на свои командные пункты или к войскам».

При штурме Кенигсберга было уничтожено почти 42 тысячи гитлеровцев, около 92 тысяч взято в плен. Это за четыре-то дня.

Город в наших руках. Но держится военно-морская база Пиллау. Под ее прикрытием гитлеровцы переправляются через залив Фриш-Гаф на косу Фриш-Нерунг. С косы они намереваются эвакуироваться морем в Германию. Нельзя упустить врага. Упустишь — труднее придется солдатам, которые берут Берлин.

Еще до взятия Кенигсберга к городу по железной дороге привезли 14 бронекатеров. Там, где дорога ближе всего подходит к реке, построили склиз и спустили катера с платформ на воду. По Преголи бронированные кораблики, вооруженные двумя 76-миллиметровыми орудиями, прошли через разрушенный город и встали в канале. Таким образом, в тылу немецкой базы оказались наши корабли. Дело для катеров нашлось очень скоро.

Части 43-й армии (найди ее стрелу на схеме) теснили врага. Уцелевшие гитлеровцы скопились на мысу северного берега залива и начали грузиться на различные суда и плоты, чтобы бежать в Пиллау. Дозорные катера (найди на схеме дозор) обнаружили движение этого «флота», по радио вызвали подмогу. Шесть наших бронекатеров вступили в бой с фашистами. По катерам стреляли четыре батареи из Пиллау, били прямой наводкой полевые пушки с берега, где шла погрузка. Прямым попаданием снаряда немцам удалось потопить бронекатер, четыре моряка из его экипажа были убиты. Оставшиеся пять катеров расправились с врагом.

Пушки на берегу были разбиты, две десантные баржи, охранявшие переправу, потоплены. Недаром бронекатера называли плавающими танками. Может быть, такое название лучше всего подтвердилось в этом истреблении врага. По крупным судам били в упор 20 танковых пушек, пулеметы хлестали по шлюпкам и рыбачьим лодкам, по плотам, по связкам досок, по автомобильным камерам, на которых плыли гитлеровцы. Катера ворвались в гущу плавсредств (так военные называют все, что годится, чтобы держаться на воде), таранили их, разбивали, разламывали, секли носами и винтами.

В неудавшемся бегстве гитлеровцы потеряли 2 десантные баржи, 3 несамоходные баржи, 117 баркасов, шлюпок, лодок и около 5 тысяч солдат и офицеров...

Остатки разгромленных войск, оборонявших Земландский полуостров, скопились в базе Пиллау. Приличные остатки — больше 20 тысяч гитлеровцев. Уничтожение их поручили 11-й гвардейской армии и морякам.

Гвардейская армия наносила удар с севера (найди ее стрелу). Было ясно, что враг не выдержит этого удара и уйдет из Пиллау через узкий пролив Зее-Тиф на косу Фриш-Нерунг. Оттуда он продолжил бы отход на соединение с группировкой, что находится между рекой Вислой и западным берегом залива Фриш-Гаф. Чтобы этого не случилось, командование решило высадить на косу два десанта. Один на восточный берег — с тех бронекатеров, что были доставлены по железной дороге, другой на берег западный — с катеров, действующих в море; их база в городке Кранц (найди его на схеме).

25 апреля военно-морская база Пиллау была взята. Гвардейцы, преследуя бежавшего врага, в ночь на 26-е переправились через Зее-Тиф на паромах и автомобилях-амфибиях. В это же время высадились на косу оба десанта. Гвардейцы и десантники сжали противника с двух сторон. Посмотри (схема на стр. 316), как шли отряды катеров. Найди позиции артиллерии, которая поддерживает высадку восточного десанта, найди отряд огневой поддержки западного десанта — по врагу стреляют бронекатера. Противник пытается помочь своим с моря — к косе подошли вражеские корабли и суда. Против них успешно действовали торпедные катера отрядов дальнего и ближнего прикрытия. Летчики тоже помогли десантникам, они нанесли по косе бомбовые и штурмовые удары. Вечером 26-го около 6 тысяч гитлеровцев сдались десантникам в плен. Убитыми враг потерял на косе 1700 солдат и офицеров.

Так закончились боевые действия в районе Кенигсберга.

Доблесть советских воинов была в них настолько высока, настолько важно было овладеть городом-крепостью, что наше правительство учредило медаль «За взятие Кенигсберга».

Если ты, читатель, не смотрел карту Калининградской области при чтении рассказа о боях в Восточной Пруссии, посмотри ее на досуге. Данцигская бухта теперь называется Гданьской бухтой: поляки, получившие две трети территории

Восточной Пруссии, вернули бухтам, мысам, городам прежние названия — польские. Мы тоже утвердили свои названия. Коса Фриш-Нерунг стала Балтийской, залив Фриш-Гаф — Вислинским, залив Кенигсбергский — Калининградским. Пиллау называется Балтийском. Есть на карте города Краснознаменск, Гвардейск, Геройское... А есть названия, в которых увековечены имена людей, отдавших жизнь за нашу победу на этой земле. Ласковое название приморского городка Ладушкин — это фамилия воина, Героя Советского Союза, погибшего на подступах к Кенигсбергу. Город Гусев, город Нестеров, город Гурьевск — в их названиях тоже фамилии погибших героев: капитана, полковника и генерал-майора. Город Черняховск назван в память Ивана Даниловича Черняховского, дважды Героя Советского Союза, генерала армии, командующего 3-м Белорусским фронтом. 18 февраля 1945 года его смертельно ранило в грудь осколком снаряда.

На Калининградском полуострове — бывшем Земландском — между поселками Русское и Славянское стоит поселок Космодемьянское. Старший лейтенант Александр Анатольевич Космодемьянский отличился в боях на подступах к Кенигсбергу, заслужил звание Героя Советского Союза. Батарея его самоходных орудий под ураганным огнем штурмовала форт «Королева Луиза», пленила в нем три с половиной сотни гитлеровцев. Брат партизанки Зои погиб в бою на Земландском полуострове.

Недалеко от берега моря есть поселок Романово, он напомнит тебе о летчике, бросившем горящий самолет на вражеский эсминец. В память о морских летчиках, таранивших немецкие корабли, мыс на северо-западной оконечности Калининградского полуострова так и назвали — Тараном.

МОРСКИЕ ТРОФЕИ

После капитуляции у Германии осталось больше 500 военных кораблей (в их числе линкор, два крейсера, три десятка эсминцев и миноносцев, столько же подводных лодок) и больше 1300 вспомогательных судов. Это немалое военное богатство принадлежало теперь странам-победительницам.

17 июля 1945 года в Потсдаме, недалеко от Берлина, на послевоенную конференцию собрались главы правительств СССР, США и Англии. Среди множества вопросов там решался и вопрос о разделе трофейного флота. Черчилль требовал основную часть кораблей себе, ссылаясь на то, что англичане понесли огромные потери на море. И. В. Сталин не согласился с Черчиллем, настаивал на разделе германского флота на три равные части. Наше предложение и было принято. В это время произошли изменения в руководстве английской делегации. В Англии состоялись выборы, главой правительства стал Эттли, он сменил Черчилля на конференции в Потсдаме. (Американскую делегацию возглавлял Трумэн, ставший президентом США после смерти Рузвельта.)

Морские специалисты союзных стран довольно долго делили немецкий флот на три части, кораб-

Черняховский И. Д.

ли-то были неравноценные — новые, старые, с повреждениями или без них. Когда были готовы три списка и все согласились, что каждая треть — это действительно треть, решили тянуть жребий. Английский вице-адмирал Д. Майлс снял свою фуражку, в нее положили свернутые в трубочки записки. От американцев тянул жребий контр-адмирал В. Пэри. Наш адмирал Г. И. Левченко вытянул советскому флоту крейсер, четыре эсминца, шесть миноносцев, десяток подводных лодок, 130 других кораблей и больше 400 вспомогательных судов.

Ты, читатель, верно, помнишь: в счет раздела трофейных кораблей Италии мы получили от союзников в 1944 году во временное пользование линкор, легкий крейсер, несколько эсминцев и подводных лодок; после войны мы вернули эти корабли прежним владельцам. И получили итальянские корабли взамен.

НА ДРУГОМ КРАЮ ЗЕМЛИ

ОХОТСКОЕ МОРЕ

Окраинное море в северо-западной части Тихого океана. Омывает западное побережье Камчатки, Курильские острова и северный берег Хоккайдо, восточный берег Сахалина и побережье материка Азии. Через проливы Невельского и Лаперуза сообщается с Японским морем, через Курильские — с Тихим океаном.

На севере и северо-западе море мелководное, на юге глубокое, во впадинах глубиной до 3374 метров. В конце октября начинается образование льда, большая часть моря покрывается льдом.

Антонов Н. В.

По Охотскому морю осуществляется связь между Владивостоком и северными районами Дальнего Востока, Камчаткой, Курилами.

Названо по имени реки Охота, которая впадает в море.

У Советского Союза и Японии был договор о нейтралитете. Ненадежный договор... Вот что записано в секретном японском документе, датированном июлем 1941 года: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе «оси» трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если советско-германская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере». Как видишь, Япония не напала на нас лишь потому, что «в направлении, благоприятном для империи», война не развивалась.

Этот документ — один из множества фактов, подтверждавших враждебное отношение Японии к Советскому Союзу. Наша страна не могла оставаться равнодушной к бедствиям народов Азии, подвергшихся японской агрессии. Мы были озабочены и собственной безопасностью на Дальнем Востоке. Учитывая это, Советское правительство сочло нужным еще 5 апреля 1945 года денонсировать советско-японский договор, то есть уведомить японцев о прекращении действия договора.

Конечно же, правительство Японии поняло, что СССР, одержав вместе с Англией и США победу над Германией, останется на стороне своих союзников, будет помогать им. Казалось, у японских политиков должно было хватить здравого смысла, чтобы кончить военные действия. К тому же 26 июля 1945 года США, Англия и Китай предложили Японии капитулировать. Нет. Ретивые генералы приготовили самурайские мечи и ножи, чтобы через несколько месяцев сделать харакири — взрезать себе животы, но от войны не отказались.

На что они надеялись? Они надеялись, что Советский Союз, пережив тяжелейшие годы, не начнет крупных операций и можно будет войну затянуть, а в затяжке уладить дело с американцами и англичанами — отдать им много из того, что захвачено в странах Тихого океана, и этой ценой сохранить могущество Японии. США и Англия пойдут на такое, рассуждали японские правители, они заинтересованы иметь сильную Японию как противовес Советскому Союзу на Дальнем Востоке и в Азии. Ведь помогали же англичане и американцы японцам победить Россию в 1905 году. А тогда Россия была капиталистической, свой брат, не то, что СССР, который будет помогать азиатским странам в борьбе за независимость и социализм.

Была у японцев и другая надежда — военная. Американцам и англичанам, чтобы подготовить высадку на Японские острова сильного десанта — в несколько миллионов человек,— понадобились бы годы. В скором же времени американцы и англичане могли собрать для высадки не более полумиллиона — против 3 миллионов японских солдат, находившихся в метрополии. Но у японцев в несколько раз меньше кораблей и авиации... Это тоже не беда! Половину своих самолетов (5 тысяч из 10) японцы могут превратить в самолеты-торпеды; летчики-смертники, камикадзе, готовы. Готовятся тысячи смертников-аквалангистов; при подходе десантных судов к берегу они опустятся под воду и ручными минами потопят их. Сами американцы считали, что для победы над Японией им надо подготовить армию в 7 миллионов человек. Военный министр США Стимсон предупреждал президента Трумэна: «Если мы осуществим высадку на одном из главных островов и начнем захватывать Японию, японцы, по всей вероятности, станут сопротивляться до последней капли крови... В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

В такой ситуации на Тихоокеанском театре огромное значение приобретал факт участия или неучастия в боевых действиях войск Советского Союза.

Мы были верны союзническому долгу, скорейшее окончание второй мировой войны и разгром милитаристской Японии были на пользу нам и всем народам Азии. Мы обещали союзникам вступить в войну с Японией через 2—3 месяца после окончания войны с Германией. И 8 августа 1945 года японский посол в Москве был извещен о том, что СССР с 9 августа находится в состоянии войны с его страной.

Всю середину лета 1945 года из Германии на Дальний Восток шли эшелоны с нашими войсками и боевой техникой. Советским воинам предстояла борьба с самой боеспособной армией Японии — Квантунской. Она насчитывала свыше миллиона солдат и офицеров и занимала Северо-Восточный

Китай (Маньчжурию) и Корею. Именно эта армия должна была в случае развития советско-германской войны «в направлении, благоприятном для империи», отторгнуть от Советского Союза Приморье и большие территории Сибири.

Уже было закончено сосредоточение наших сухопутных войск на рубежах наступления. Советские корабли приготовились к высадке десантов и перехвату коммуникаций, по которым Квантунская армия снабжалась из Японии. И в это время, 6 августа, американцы взорвали над Хиросимой атомную бомбу.

... Группа ученых — создателей бомбы — просила американское правительство взорвать бомбу над каким-либо пустынным островом Японии или на полигоне в США в присутствии японских представителей. Трумэн же принял решение нанести атомный удар по густонаселенному городу.

Три бомбардировщика Б-29 поднялись с аэродрома на Марианских островах и взяли курс на Японию. В двух летели ученые, чтобы исследовать результаты взрыва, а в третьем — урановая бомба «Малыш». Последний самолет назывался «Энола Гэй» по имени матери командира бомбардировщика полковника Поля Тиббетса.

Впоследствии экипаж «Энолы Гэй» делился впечатлениями об атомной бомбардировке.

Люис, второй пилот: «Трумэн был тогда в Потсдаме и хотел, чтобы мы сбросили бомбу 2 или 3 августа. Но мы никак не могли взлететь из-за погоды. Ждали взлета и нервничали, так что пришлось очень мало спать эти три или четыре дня».

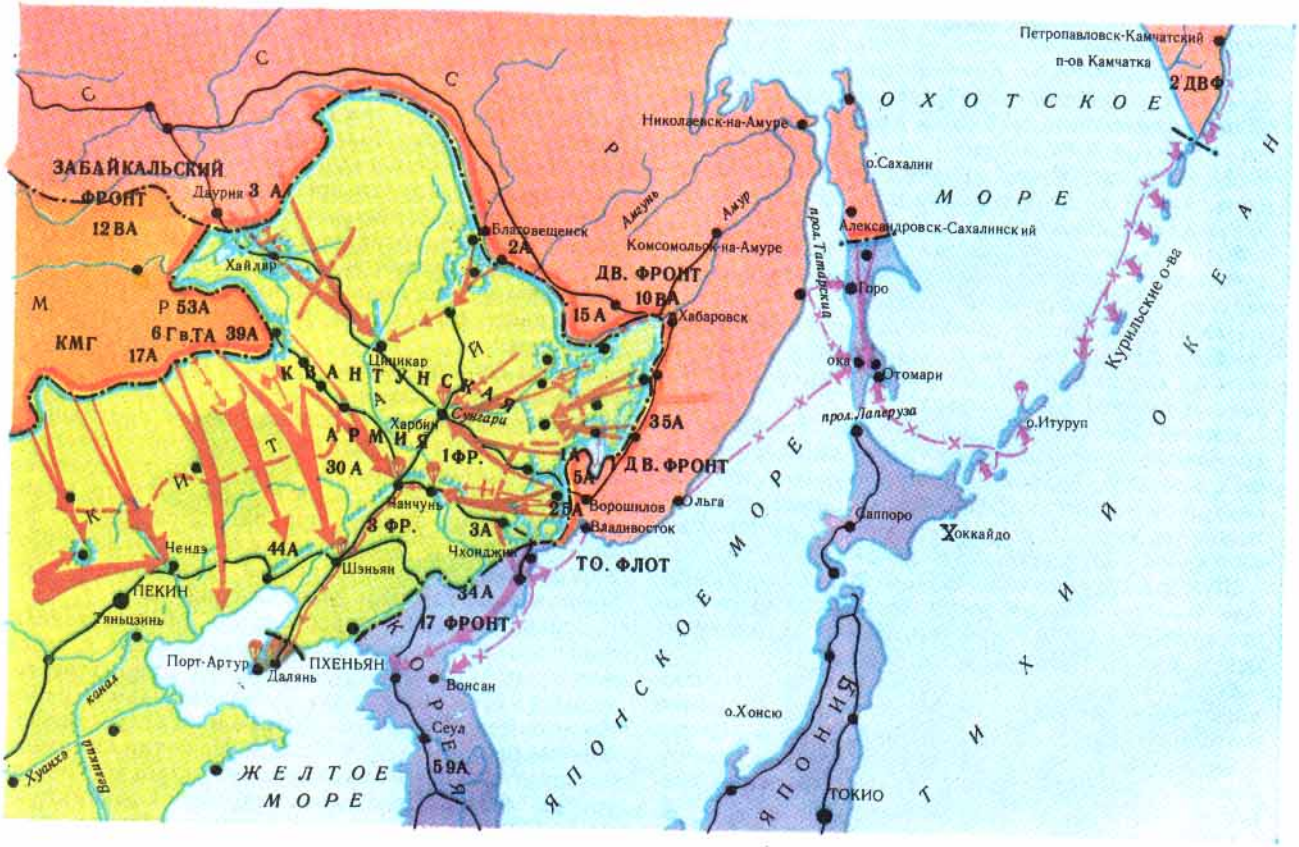
Тиббетс: «Мы старались подобрать в экипаж людей уравновешенных, без предрассудков».

Люис: «Да, мы знали, что открываем новый век. Мне рассказывали о возне с ураном еще в сентябре 1944 года».

Джэппсон, снаряжающий: «Примерно через час после взлета я спустился в бомбовый отсек. Там стояла приятная прохлада. Мне надо было поставить все на боевой взвод и снять предохранители. Потом снова можно было любоваться освещенным луной океаном...»

Люис: «Командир дремал. Иногда и я покидал

Разгром империалистической Японии. 9 августа — 2 сентября 1945 г.



Линия фронта к 9 августа.

Укрепленные районы противника.

Рубежи обороны противника.

Направления ударов советских войск.

Действия Амурской флотилии.

Положение советских войск к исходу 14 августа.

Контрудары и отход противника с боями.

Курзенков С. Г.

свое кресло: машину на курсе держал автопилот. Нашей основной целью была Хиросима, запасными — Кокура и Нагасаки».

Ван Кирк, штурман: «Погода должна была решить, какой из этих городов нам предстояло избрать для бомбежки».

Ферреби, бомбардир: «Мы очень удачно, с первого захода, вышли на цель. Я видел ее издалека, так что моя задача была простой».

Нельсон, радист: «Как только бомба отделилась, самолет развернулся на 160 градусов и резко пошел на снижение, чтобы набрать скорость. Все надели темные очки».

Кэрон, стрелок: «Я делал снимки. Это было захватывающее зрелище: гриб пепельно-серого дыма с красной сердцевиной. Видно было, что там, внутри, все горит. Крутящаяся, кипящая мгла, похожая на лаву, закрыла весь город и растекалась в стороны к подножиям холмов».

Шумард, стрелок: «Все в этом облаке было смертью. Вместе с дымом вверх летели какие-то черные обломки. Один из нас сказал: «Это души японцев возносятся на небо».

По американским подсчетам, «на небо вознеслось» 74 тысячи душ. Японцы, считая безвинно погибших людей, назвали цифру втрое большую.

Отметим, читатель, для себя в рассказе летчиков: им было приказано сбросить бомбу 2 или 3 августа. К этой дате мы вернемся.

Сейчас многие думают, что после второй бомбы, сброшенной 9 августа в Нагасаки, Япония и капитулировала. Как это ни покажется странным или невероятным, но атомные взрывы, испепелившие два города, правителей Японии не очень-то испугали. Испугали, конечно, но не настолько, чтобы они запросили мира. Японские историки и исследователи после войны написали многотомную «Историю войны на Тихом океане». Вот что сказано в ней по этому поводу: «...при появлении атомной бомбы государственная политика, определенная Высшим советом по руководству войной, не претерпела никаких изменений».

Чем был по-настоящему поражен Высший совет, так это наступлением наших армий. Читаем в «Истории войны на Тихом океане»: «...вступление Советского Союза в войну против Японии явилось ошеломляющим ударом для руководителей японского правительства... и развеяло все надежды на продолжение войны».

А вот что говорил в том роковом августе 1945 года генерал К. Ченнолт, командующий американскими ВВС в Китае: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Я привожу эти цитаты, мой дорогой товарищ, для того, чтобы ты слышал голос японцев, голос американцев и не заподозрил меня в излишне высокой оценке роли наших воинов при разгроме восточного агрессора — Японии.

Как же враги, грозившиеся отнять у нас Приморье и Сибирь, оказались «поставленными на колени»?

Рассмотри карту тех сражений и боев. Обрати внимание на горы. Большой Хинган, Малый Хинган, Восточно-Маньчжурские горы — японцы никак не ждали, что эти препятствия, воздвигнутые природой, смогут преодолеть наши танковые войска и тяжелая артиллерия. Войскам Забайкальского фронта придется еще идти по пустыне, войскам 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов — по дикой тайге, по болотам, форсируя широкие быстрые реки.

Воины Забайкальского фронта мощными, стремительными ударами рассекли на своем направлении фронт врага, отрезали войска противника от штабов и баз снабжения. 6-я гвардейская танковая армия двигалась так быстро, что горючим ее снабжали самолеты. За пять дней — с 9 по 14 августа — наши армии продвинулись здесь на 250—400 километров, овладели важными железнодорожными узлами, подошли к основным промышленным городам Маньчжурии.

Войска 1-го Дальневосточного фронта начали наступление ночью, когда хлестал ливень и тайга озарялась молниями. Им пришлось преодолевать, казалось бы, неприступные оборонительные районы японцев. Посмотри, сколько их в углу, образованном реками Амур и Уссури. На сотни километров протянулись мощные рубежи врага восточнее города Муданьцзяна, они прикрывают равнинную часть Маньчжурии. Повсюду японцы бросаются в контратаки. У Муданьцзяна брошена в бой бригада смертников — сухопутных камикадзе. Но японское командование пропустило момент, когда можно было организовать оборону на новых линиях. Наши войска устраивают войскам Квантунской армии хороший «котел». Видишь, как сходятся острия красных стрел. Это окружают противника с северо-запада войска маршала Родиона Яковле-

вича Малиновского, а с востока маршала Кирилла Афанасьевича Мерецкова!

Вдоль реки Сунгари ведет наступление 2-й Дальневосточный фронт, которым командует генерал армии М. А. Пуркаев. Здесь советским воинам пришлось форсировать Амур, преодолеть укрепленные районы, а затем двигаться в горах. Несмотря на все трудности, войска фронта к 14 августа, устремившись к Харбину, прошли самую тяжелую треть пути.

День 14 августа не простой. Японское правительство 14-го числа приняло решение о капитуляции. Оно известило об этом правительства США, СССР, Англии и Китая. Но вот своему народу и своей армии еще ничего не сказало. Страшились говорить, что из идеи Великой Восточной империи ничего не получилось, что напрасны огромные жертвы в армии и на флоте, что не должно было быть налетов американской авиации, долгое время сжигавшей жилища японцев напалмом. Вдобавок — жуткая гибель Хиросимы и Нагасаки...

Все же 15-го числа пластинка с рескриптом императора была проиграна по радио. Но капитуляцией на деле и не пахло, в рескрипте о ней ничего конкретного не говорилось. Японские войска продолжали сражаться, так как приказа о прекращении боевых действий не было.

Советские армии по-прежнему стремительно, с ожесточенными боями двигались вперед. К 18 августа Квантунская армия была отрезана от японских войск, находившихся в Китае. Видишь, красная стрела Забайкальского фронта достигла Порт-Артурского залива. Войска 1-го Дальневосточного фронта отсекли японцев от моря — стрела в направлении Пхеньяна. Ожесточенное сражение произошло у города Муданьцзяна. Японцы потеряли в нем больше 40 тысяч солдат и офицеров. В Харбине, к которому приближались советские сухопутные войска, 18 августа был высажен парашютный десант. Он пленил начальника штаба Квантунской армии генерала Хата. На следующий день воздушный десант захватил город Чанчунь и пленил главнокомандующего Квантунской армии генерала Ямаду. Вся вражеская группировка оказалась рассеченной на части. Во многих местах японцы начали складывать оружие.

Так же стремительно, напористо, неожиданно, как наши пехотные, танковые и авиационные соединения, действовали моряки Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева и Амурской флотилии под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова.

Корабли флотилии — мониторы, канонерские лодки, бронекатера, всего 200 единиц — шли по реке Сунгари. По ее долине продвигались и сухопутные войска. Моряки высаживали десанты в тыл японцев, поддерживали артиллерийским огнем свои стрелковые части. Сунгарийская флотилия противника — 30 кораблей,— не принимая серьезного боя, уходила в верховья реки. У Харбина она была настигнута, захвачена и разоружена.

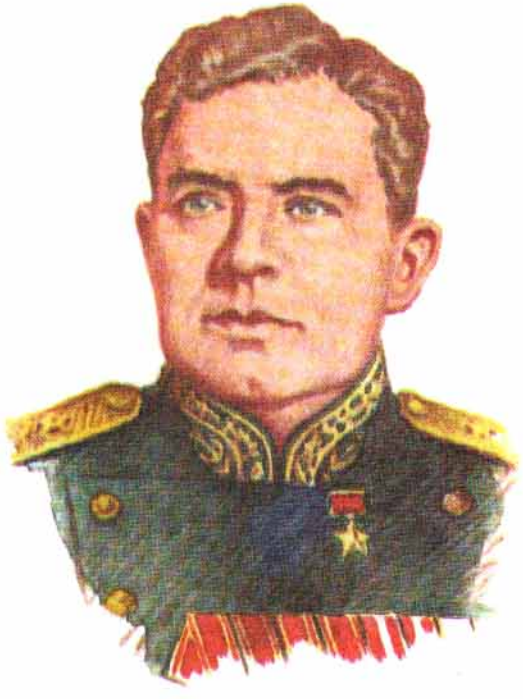
Еще 8 августа начал действия Тихоокеанский флот — ушли на позиции подводные лодки: к Северной Корее, на подходы к заливу Петра Великого и к Южному Сахалину, чтобы пресечь возможные выходы японских кораблей. На другой день, одновременно с наступлением сухопутных войск, морская авиация подвергла бомбежкам и штурмовкам северо-корейские порты и находящиеся в них транспорты и корабли японцев.

11 августа торпедные катера высадили десант в порт Юки — юго-западнее Владивостока, а 12 августа — в порт Расин (теперь Начжинь). Морская пехота за сутки очистила порт и город от врага.

Гораздо труднее проходил захват порта Сейсин (теперь Чхончжинь). К нему устремились японские части, уходившие из-под удара наших сухопутных войск. Надеявшихся переправиться в Японию с каждым днем становилось все больше и больше.

Две сотни советских бомбардировщиков и 70 истребителей подвергли Сейсин обработке с воздуха. 13 августа в порту высадились с торпедных катеров морской разведывательный отряд и пулеметная рота, а через день — батальон морской пехоты. Японцы яростно атаковали десантников. Положение становилось критическим. Тогда был создан отряд из экипажей кораблей. Он, хотя и малочисленный, вышел в тыл японцам и несколько облегчил положение десанта, помог ему продержаться до прихода основных сил — 5 тысяч бойцов на 12 десантных кораблях и 7 транспортах. Эсминец «Войков», минный заградитель «Аргунь», сторожевые корабли «Метель», «Вьюга», другие корабли и катера артиллерийским огнем обеспечили высадку. Десантники, поддержанные авиацией, 16 августа овладели важной военно-морской базой противника. Через несколько дней десант занял и порт Гензан Вонсан... Так моряки закрыли дорогу войскам противника для отхода в Японию.

Освобождение Южного Сахалина заняло десять



Юмашев И. С.

дней. Посмотри карту. Сухопутные войска движутся по острову на юг. А моряки высаживают десанты. Важные портовые города берутся одновременными ударами с суши и моря.

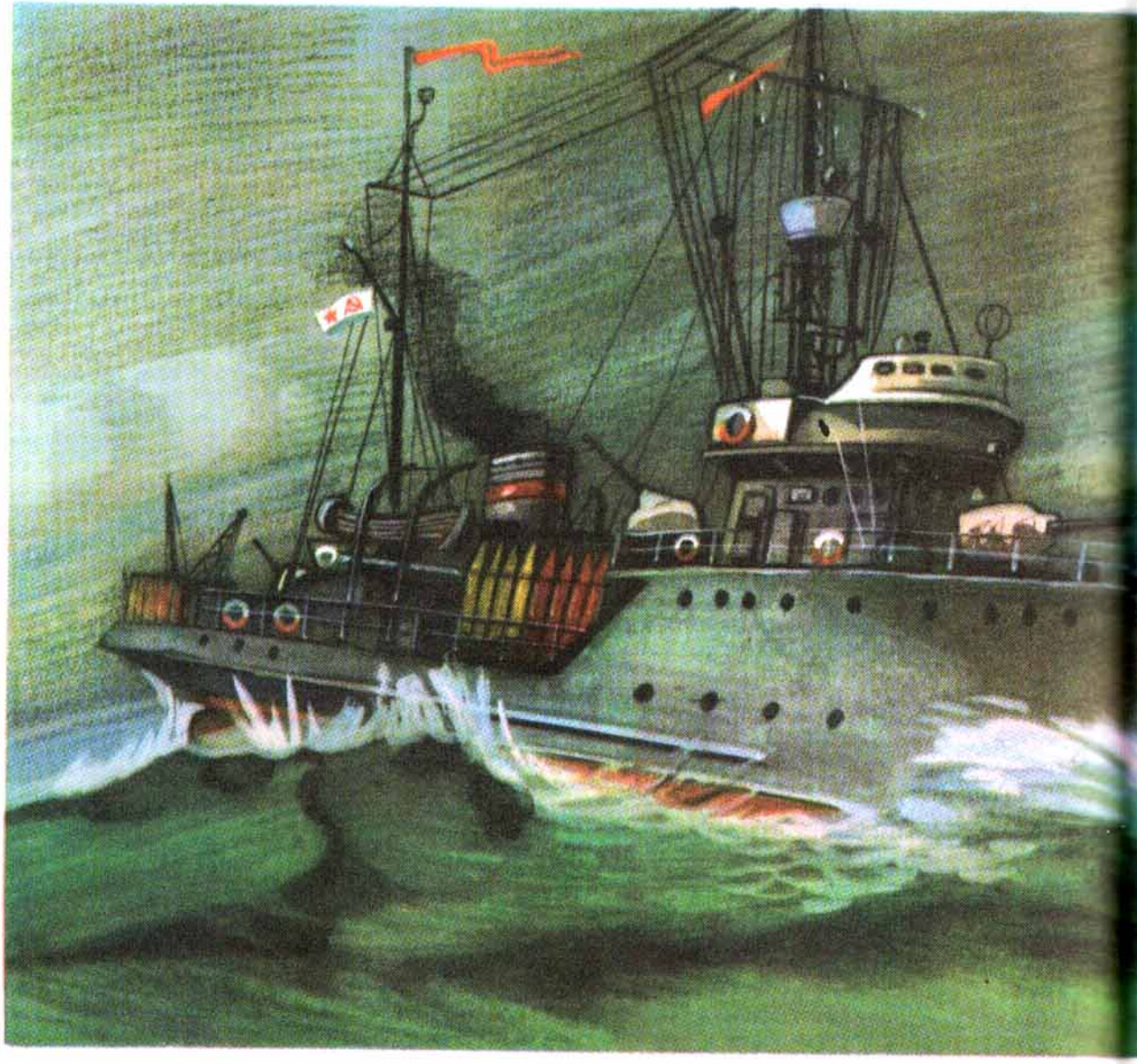
С 18 августа началось освобождение Курильских островов. Они были очищены от врага сравнительно легко, кроме Сюмусю (теперь Шумшу) и Парамушира.

В высадке на Сюмусю участвовало несколько десятков кораблей. Их поддерживала береговая артиллерия с мыса Лопатка, что на оконечности Камчатского полуострова. С первых же минут начались ожесточенные бои. Японцам удалось потопить сторожевой катер и четыре десантных корабля. Когда десантники прорвались в глубь острова, японцы бросили против них 20 танков. Моряки подбили 15 и остановили атаку. Вскоре японская пехота с шестью танками снова перешла в контратаку. Нашим пришлось отойти с высоты, за которую шел бой. Трижды в течение пяти часов эта важная позиция переходила из рук в руки. На высоте доблестно погибли старшина первой статьи Н. А. Вилков и матрос П. И. Ильичев. Взвод старшины попал под пулеметный огонь бетонного дота. Моряки залегли, а надежды на спасение не было. Тогда раненый командир подполз к доту и закрыл собой амбразуру. Моряки поднялись, но в эту минуту ударил пулемет из второй амбразуры. Спасая товарищей, ее закрыл собой Ильичев. Японцы капитулировали на Сюмусю лишь на шестой день.

Взятием последнего острова Курильской гряды 3 августа закончились боевые действия советских войск и флота на Дальнем Востоке.

Всего 23 дня понадобилось воинам, закаленным в войне с немецкими фашистами, чтобы разгро-

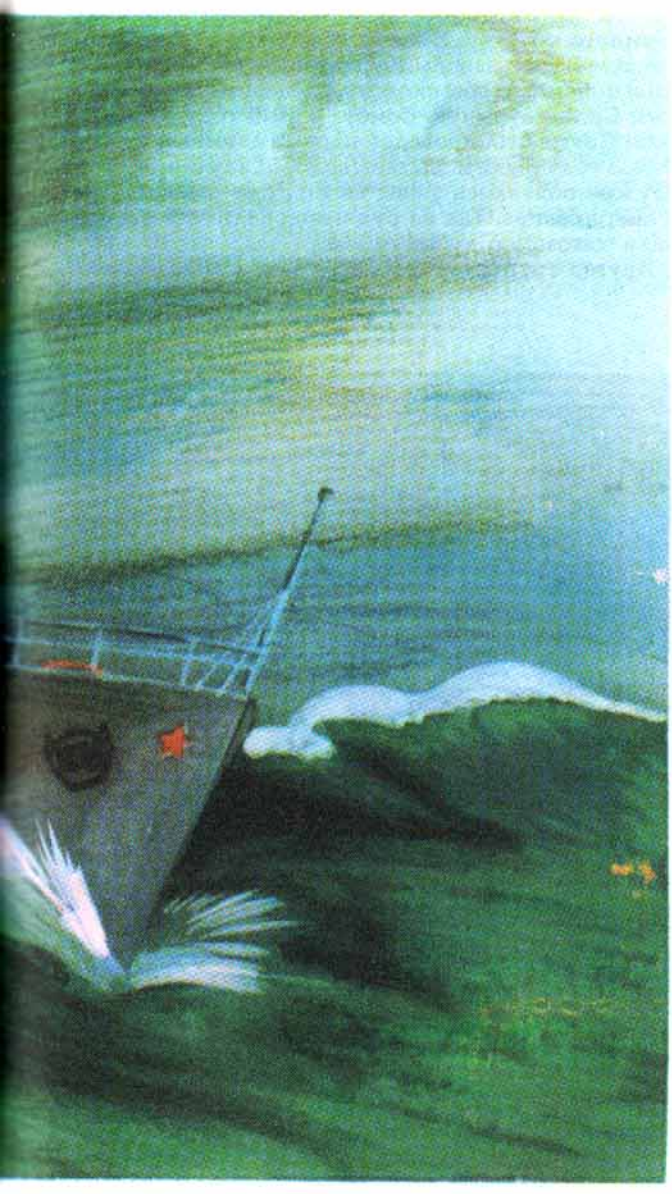
Сторожевой корабль.



мить сильнейшую армию Японии. Из огромного «котла» спастись удалось немногим. Убитыми враги потеряли 84 тысячи, около 600 тысяч солдат и офицеров сдалось в плен. В ходе боевых действий было захвачено: 4310 орудий, минометов и гранатометов, 686 танков, 860 самолетов, 13 тысяч пулеметов, около 700 складов с военным имуществом. Японцы за всю войну не терпели такого поражения.

...2 сентября американский линкор «Миссури» вошел в Токийскую бухту и бросил якорь. На его просторной бронированной палубе поставили стол, поблизости выстроились шеренги моряков. По одну сторону стола стояли адмиралы и генералы союзных стран, по другую — японцы. В такой обстановке был подписан Акт о капитуляции Японии.

Вторая мировая война закончилась.



ПАРНИ, КОТОРЫХ НЕ ИСПУГАЕШЬ

Помнишь, читатель, пилот бомбардировщика «Элона Гэй» говорил, что президент США Трумэн приказал сбросить атомную бомбу на японцев 2 или 3 августа? Никаких военных событий, ход которых надо было бы круто изменить, в то время на Тихоокеанском театре не происходило. Так что же, 2 и 3 августа — прихоть президента? Нет. Не прихоть. Эти даты были обусловлены стратегией империалистической политики. 2 августа в пригороде Берлина Потсдаме заканчивалась конференция трех великих держав-победительниц — СССР, США и Англии. На ней вырабатывались принципы послевоенного устройства мира. Трумэн и хотел закончить ее ошеломляющим фактом — сообщением о страшной силе американского оружия.

На конференцию Трумэн прибыл тоже с грохотом. За день до ее открытия на американском испытательном полигоне была взорвана первая атомная бомба. Находясь в Европе, президент не знал результатов испытания. Ожидая нужное известие, он говорил своим советникам: «Если она, как я думаю, взорвется, то у меня, конечно, будет дубина для этих парней». Бомба взорвалась. Сговорившись с Черчиллем, Трумэн сообщил о взрыве И. В. Сталину. Но ни Сталин, ни другие «парни», входившие в советскую делегацию,— нарком иностранных дел В. М. Молотов, заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба А. И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов,— не испугались. К удивлению, даже к обиде Трумэна, «парни» восприняли известие спокойно и не изменили своих прежних взглядов на послевоенное устройство мира. Как вспоминает маршал Жуков, И. В. Сталин сказал тогда делегации: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Правители Соединенных Штатов Америки и Англии в те дни, конечно, не во всей полноте предвидели послевоенные изменения. Если бы Черчиллю сказали тогда, что Великобритания лишится заморских земель, находившихся в ее собственности веками, он рассмеялся бы. И Трумэн рассмеялся бы, если бы ему сказали, что в 90 милях от США возникнет социалистическая Куба. Но многое они предвидели. И они знали, что Советский Союз примером своим и делом будет помогать народам строить социализм, освобождаться от колониального гнета, бороться за национальную независимость. Вот Трумэн и махал на конференции «атомной дубиной» — надеялся испугать нас, чтобы мы чуть ли не руки подняли перед союзниками, чтобы признали за США роль мирового диктатора.

Но мы — парни, которых не испугаешь. Советский Союз ни на шаг не отклонился от своей политической линии. Под руководством Коммунистической партии советские люди продолжали борьбу, конечная цель которой — мир и счастье на всей Земле.

Империалисты, по сути, сразу, как кончилась

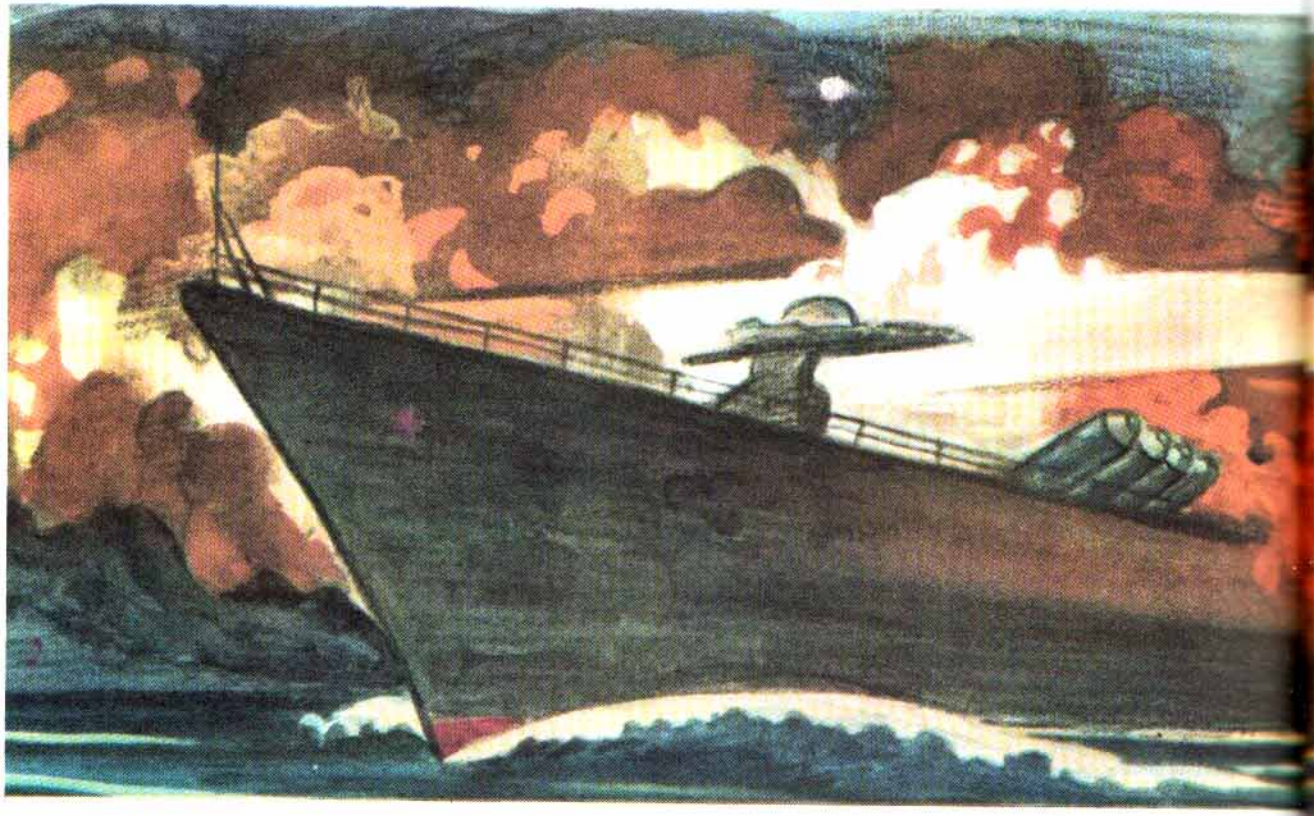
Королев С. П.

вторая мировая война, стали готовить войну против СССР и стран социалистического содружества. Они создали агрессивный блок НАТО, другие военные союзы. Натовские страны полукольцом окружили нас с запада и юго-запада. В то время средством доставки ядерного оружия у США были только самолеты. Заняв бомбардировщиками базы натовских стран, американцы грозили нам атомной бомбардировкой. Самолеты американских авианосцев тоже получили ядерное оружие. Корабли США и НАТО стали угрожать нам с моря. На морях и океанах империалисты чувствовали себя единоличными хозяевами. Большинство натовских стран лежат у моря — США, Англия, Франция, Италия, ФРГ, Канада, Турция, Греция, Норвегия, Дания, Исландия,— поэтому под их контролем оказались важнейшие коммуникации, а также выходы Балтийского и Черного морей. Политические и военные руководители США потирали руки от удовольствия: как все ловко получается! Президент Трумэн не удержался от нового высказывания: «США сегодня — самая сильная держава, нет никого сильнее ее... Обладая такой силой, мы должны взять на себя ответственность и руководство миром».

...Мы говорили, что одна храбрость не дает победы над врагом. И уж никак не заменит храбрость атомного оружия. Ученые во главе с академиком Игорем Васильевичем Курчатовым работали днями и ночами, чтобы скорее дать нашим Вооруженным Силам атомную бомбу. В 1949 году в Советском Союзе был проведен первый атомный взрыв. В 1953 году была испытана водородная бомба. Это оружие появилось у нас на полгода раньше, чем у американцев. Так из рук империалистов мы выбили «атомную дубину».

Другая группа ученых во главе с академиком

Ракетный крейсер.



Сергеем Павловичем Королевым создавала ракеты. Запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году и первый космический полет старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в 1961 году не были делами военными. Но каждому тогда стало ясно, что создаваемые учеными, инженерами и рабочими могучие ракеты могут достигать любой точки земного шара. Так потеряли прежнее значение земные расстояния, а широченные океаны перестали быть гарантией от ответного удара. Американские империалисты впервые за всю историю оказались в положении, когда война, начатая ими, тут же перекинулась бы на их территорию.

Итак, в ответ на угрозы империалистов советские люди создали ракетно-ядерное оружие, которое стало надежным щитом Родины. И не только щитом. Оно превратится в карающий меч, если агрессоры осмелятся напасть на нас и наших друзей.

Курчатов И. В.

ФЛОТЫ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ВЕКА

Никогда еще наука и техника не развивались так стремительно, как в наше время. Ядерное оружие, ракеты, атомные энергетические установки, средства радиоэлектроники и автоматики — все это создано в последние десятилетия, и все это поступило в распоряжение флотов. Бывало, даже изобретение нового орудия влекло за собой изменения в конструкции корабля и способах его действия. Неудивительно, что в ракетно-ядерный век корабли и способы их действия изменились в корне.

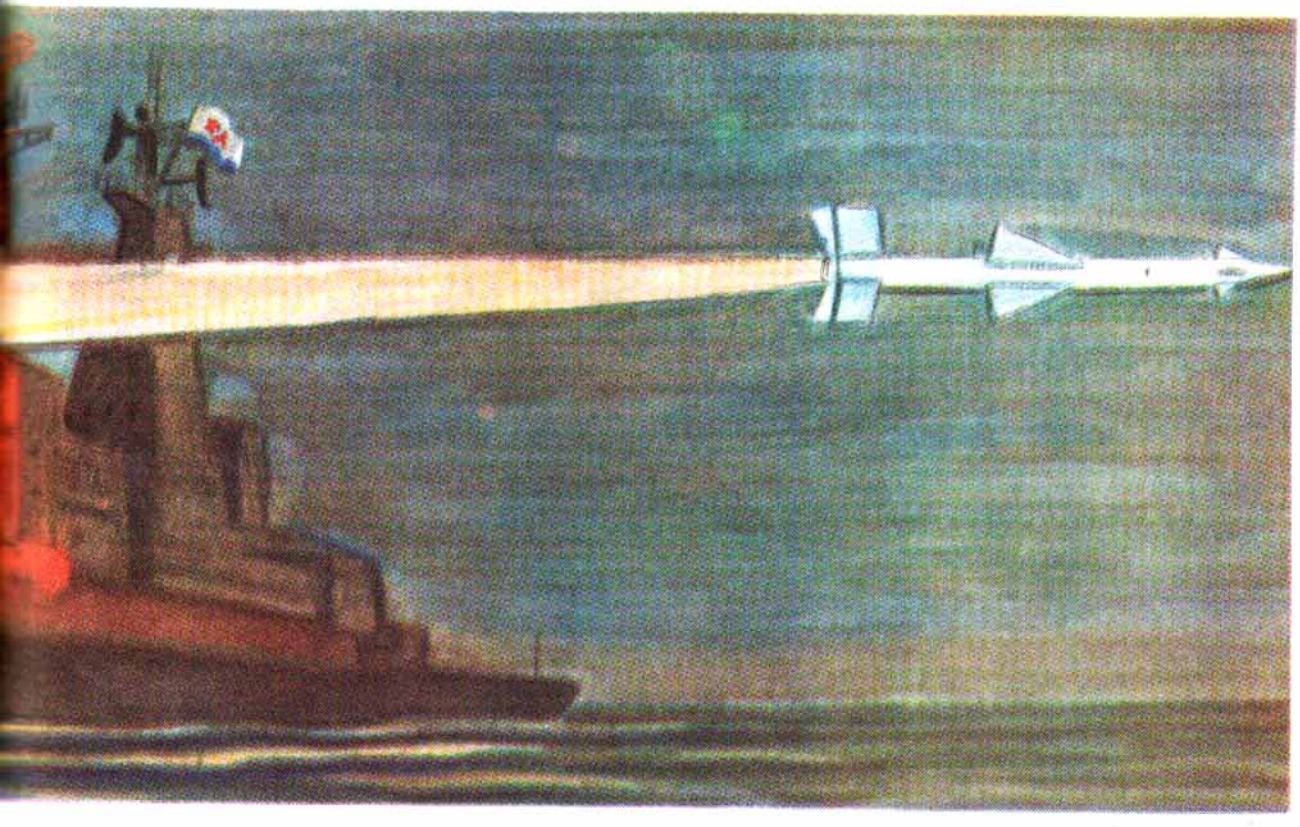
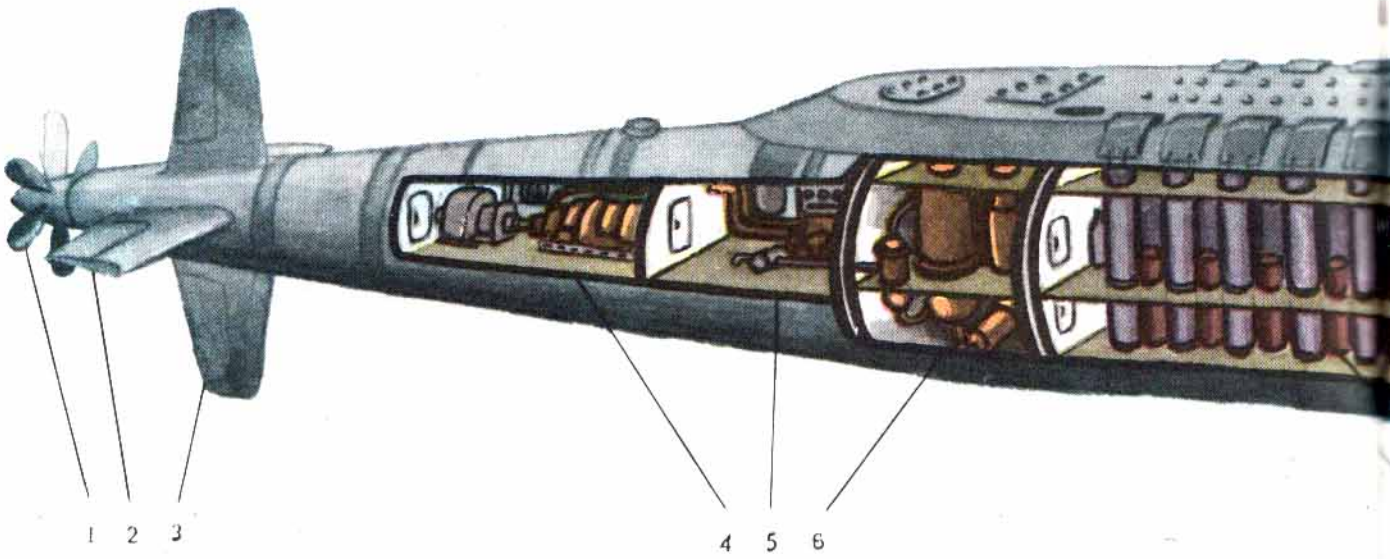
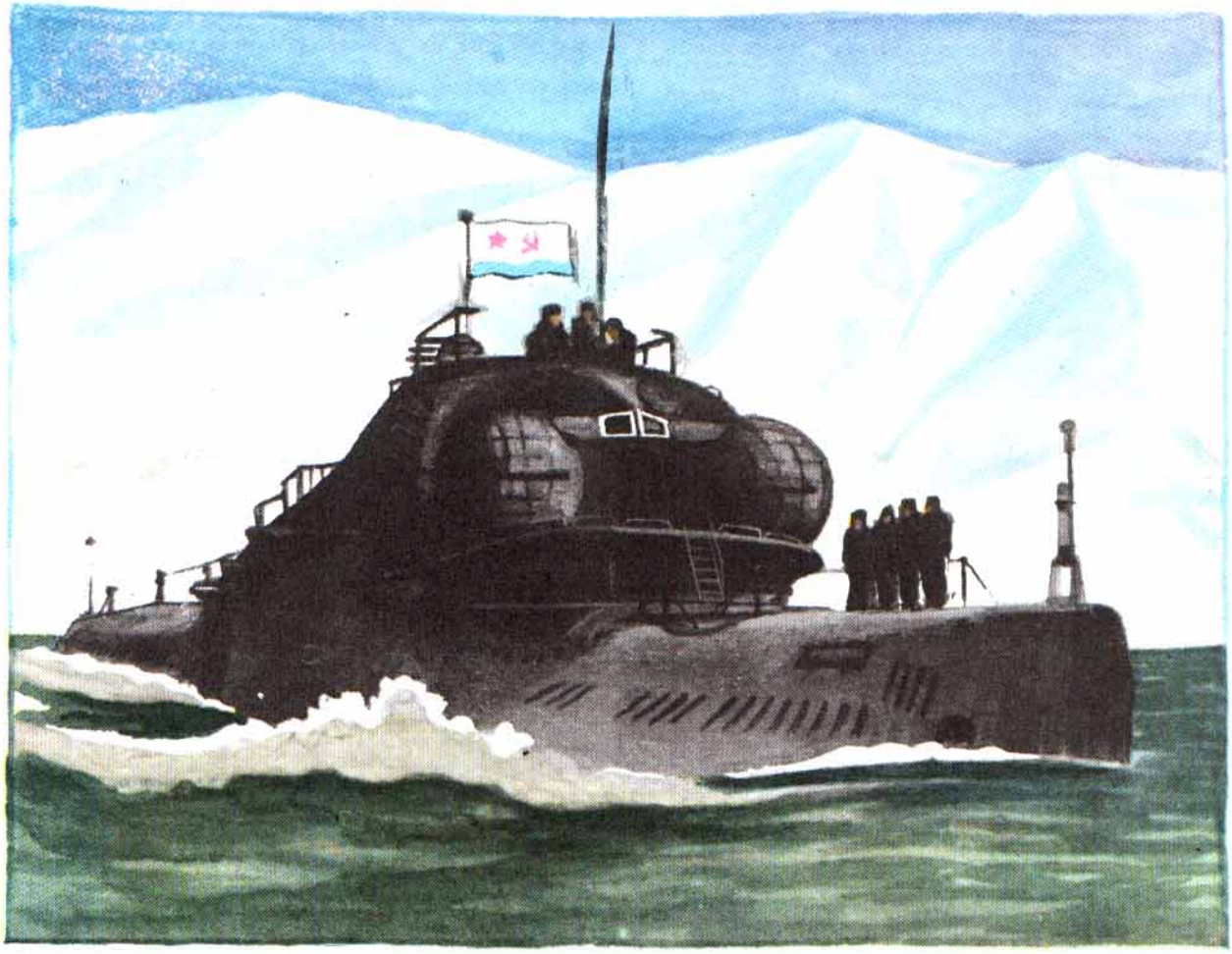
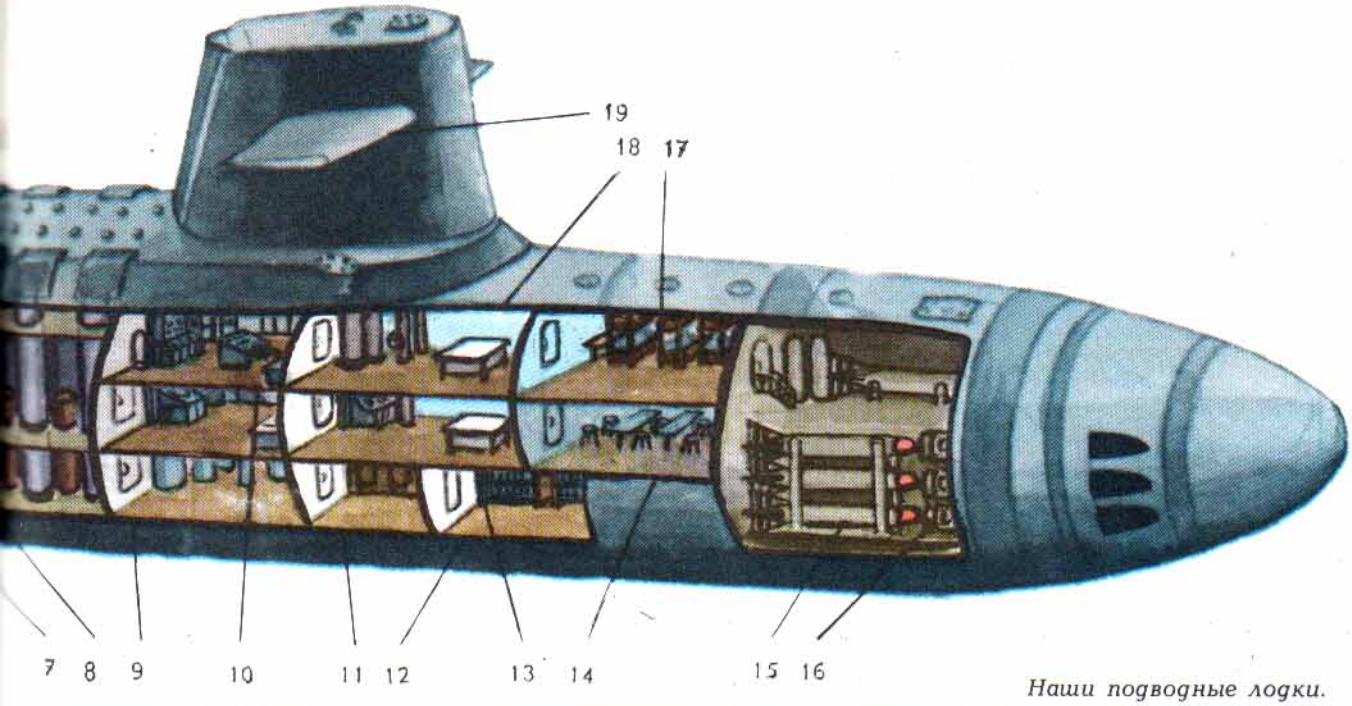


Схема атомной ракетной подводной лодки.

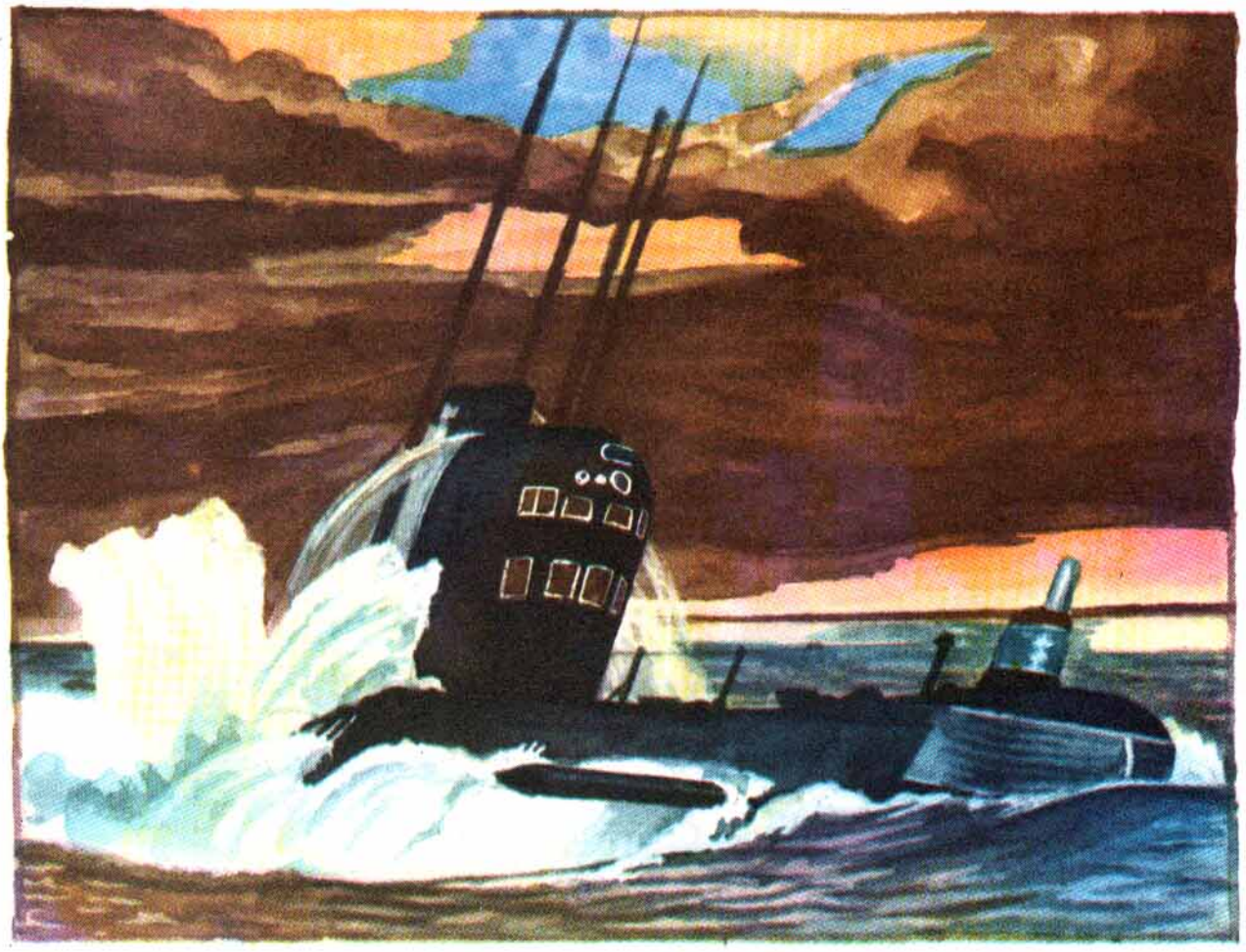
1 — гребной винт; 2 — горизонтальные рули; 3 — вертикальные рули; 4 — редуктор и паровая турбина; 5 — вспомогательные механизмы; 6 — парогенератор и ядерный реактор; 7 — воздушные баллоны; 8 — ракеты; 9, 10 — пост пусков ракет; 11 — жилой отсек; 12, 13 — аккумуляторный отсек и аккумуляторы; 14 — столовая; 15 — запасные торпеды; 16 — торпедные аппараты; 17 — помещение для команды; 18 — центральный пост; 19 — горизонтальные рули.







Наши подводные лодки.



Японцам, чтобы разгромить Тихоокеанский флот США, понадобилось направить к Гавайским островам огромную эскадру. В наше время тех же результатов мог бы достичь одиночный корабль, будучи за тысячи миль от цели. Мощность всех взрывов, которые произведены человечеством со дня изобретения пороха до изобретения атомной бомбы, равна 10 мегатоннам; такой же мощностью обладают, к примеру, пять американских ракет «Поларис». В наше время катер, вооруженный ракетами, может практически вступить в единоборство с любым другим кораблем и одержать над ним победу. Действуя против берега, современные флоты своими ракетно-ядерными ударами способны разрушить промышленные центры, уничтожить войска в местах дислокации и другие важные военные объекты.

Современный флот — это очень сложная и многогранная организация. В его составе имеются разнородные боевые силы, включающие подводные лодки, надводные корабли, морскую авиацию и другие средства. Флот, таким образом, стал важнейшим видом вооруженных сил, способным влиять на ход и исход всей войны. В будущей войне моря и океаны станут не только местом борьбы на коммуникациях и местом боев кораблей и сражений эскадр, но, как считают заправилы НАТО, в первую очередь районами для запуска ракет с ядерными зарядами.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

Рассказ о современных кораблях мы начинаем с подводных лодок, а во всех предыдущих главах мы начинали его с линейных кораблей. Линкоры, знаменитые своей мощной артиллерией, в век ракет потеряли пальму первенства, подводные же лодки приобрели важнейшее значение. Они наряду с морской авиацией являются главной ударной силой флота. Раньше подводные лодки были опасны лишь для кораблей и транспортов, теперь они могут уничтожать целые эскадры в базах, а на суше — промышленные и административные центры, скопления войск, узлы железных и шоссейных дорог, стартовые площадки ракет, аэродромы и все другое, что имеет большую ценность для противника.

Одни ракеты не сделали бы лодку столь грозной. Атомная энергетическая установка (проще — атомный двигатель) позволяет лодке не заботиться о топливе и находиться в океане месяцами, длительное время не всплывать на поверхность, двигаться с большой скоростью — энергии хватает на все. Новые прочнейшие сплавы металлов позволили лодке погружаться на большие глубины.

Современные подводные лодки не одинаковые. Есть с атомными двигателями, есть дизель-электрические. Атомные могут быть подводными ракетоносцами или многоцелевыми лодками, предназначенными для уничтожения надводных кораблей, транспортов и подводных лодок противника.

Ракетный залп из-под воды.

Империалистические державы строят атомные ракетоносцы водоизмещением 6—8 тысяч тонн, длина их свыше 100 метров, скорость подводного хода 30 узлов, глубина погружения несколько сот метров, экипаж — до полутораста человек. Размеры подводных ракетоносцев все увеличиваются. В США создана новая ракетно-ядерная система «Трайдент». В настоящее время 5 лодок этой системы переданы в боевой состав ВМС США. Головная из них — «Огайо» водоизмещением 18 тысяч тонн включена в состав флота в ноябре 1981 года. Первый американский атомный подводный ракетоносец «Д. Вашингтон», вышедший на боевое патрулирование в 1960 году, имел 16 баллистических ракет «Поларис», дальность полета которых около 3 тысяч километров. Ракетоносец США нового типа оснащен 24 многозарядными баллистическими ракетами с дальностью полета почти 12 тысяч километров.

По своим боевым возможностям одна лодка типа «Огайо» превосходит 10 лодок со 160 ракетами «Поларис А-3». В текущем десятилетии завершится формирование эскадры в составе 10 атомных подводных ракетоносцев типа «Огайо» на Тихом океане и начнется развертывание второй эскадры на Атлантике.

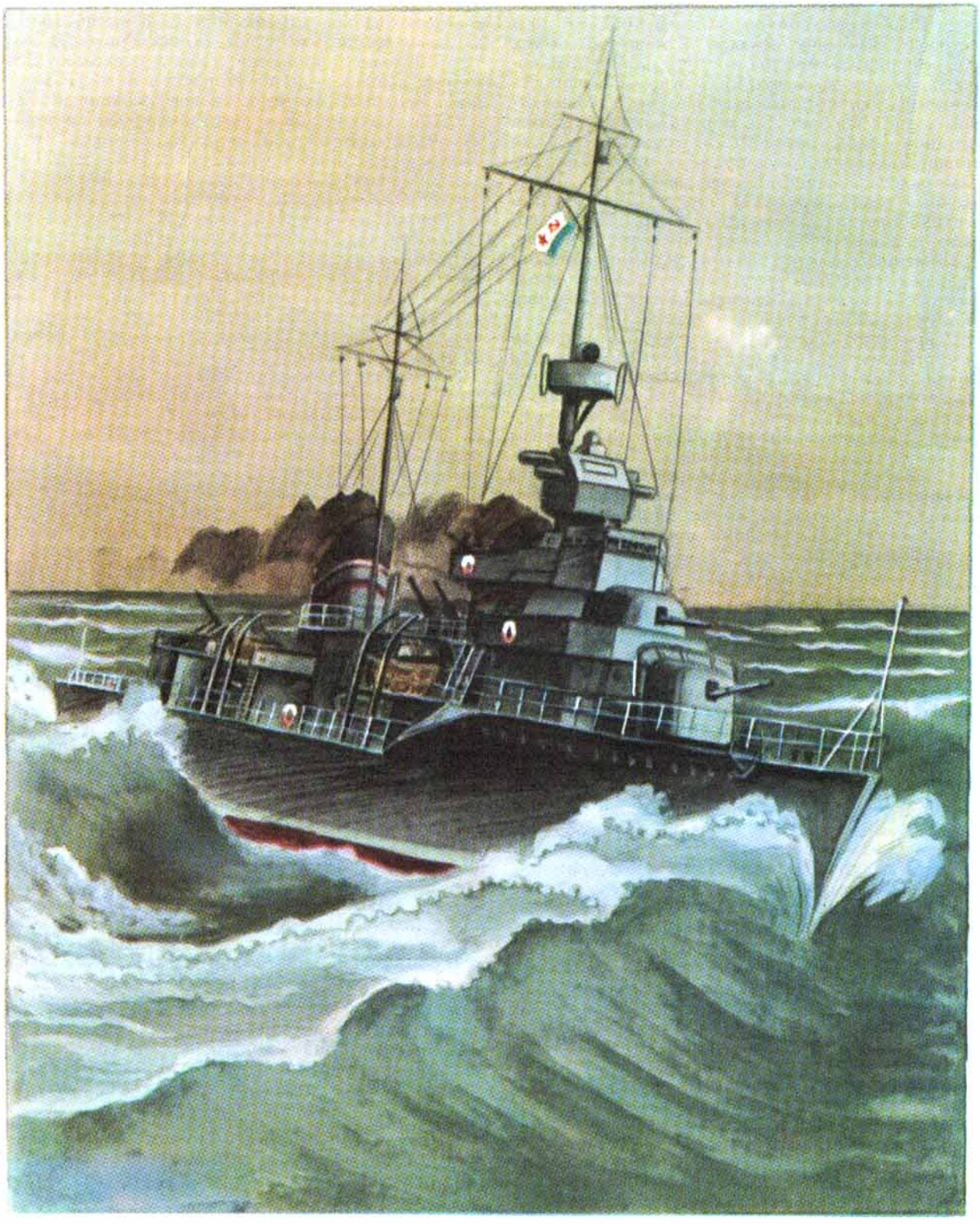
Чтобы ракета, пущенная с подводной лодки, попала в цель, лодка должна точно знать свое местоположение в океане. А это не так просто сделать, особенно в сложных метеорологических условиях. Американцы в помощь лодкам запускают навигационные спутники. Для повышения точности плавания используются высокоточные навигационные системы.

Подводные ракетоносцы вооружены еще и торпедами — для самозащиты. А на многоцелевых лодках торпеды являются основным оружием. На иностранных лодках имеются электрические, акустические и управляемые по проводам торпеды с обычными или ядерными зарядами. Дальность действия торпед от 5 до 18 километров. На большей дальности применяются ракето-торпеды. Ракето-торпеда выпускается под водой, затем летит в воздухе со сверхзвуковой скоростью и снова погружается в воду, где с помощью приборов наводится на цель. Ее ядерный заряд способен уничтожить атакованную лодку в радиусе 2 километров. Дальность действия ракето-торпеды США 60 километров. На таком же расстоянии лодка способна обнаружить цель своими гидролокаторами.

Многоцелевые лодки США меньше ракетоносцев, их водоизмещение до 5 тысяч тонн. Ход у них быстрее, они бесшумнее, что важно для скрытности действий. Почти всю носовую часть лодки занимает гидроакустическая аппаратура. Торпедные аппараты размещаются по бортам.

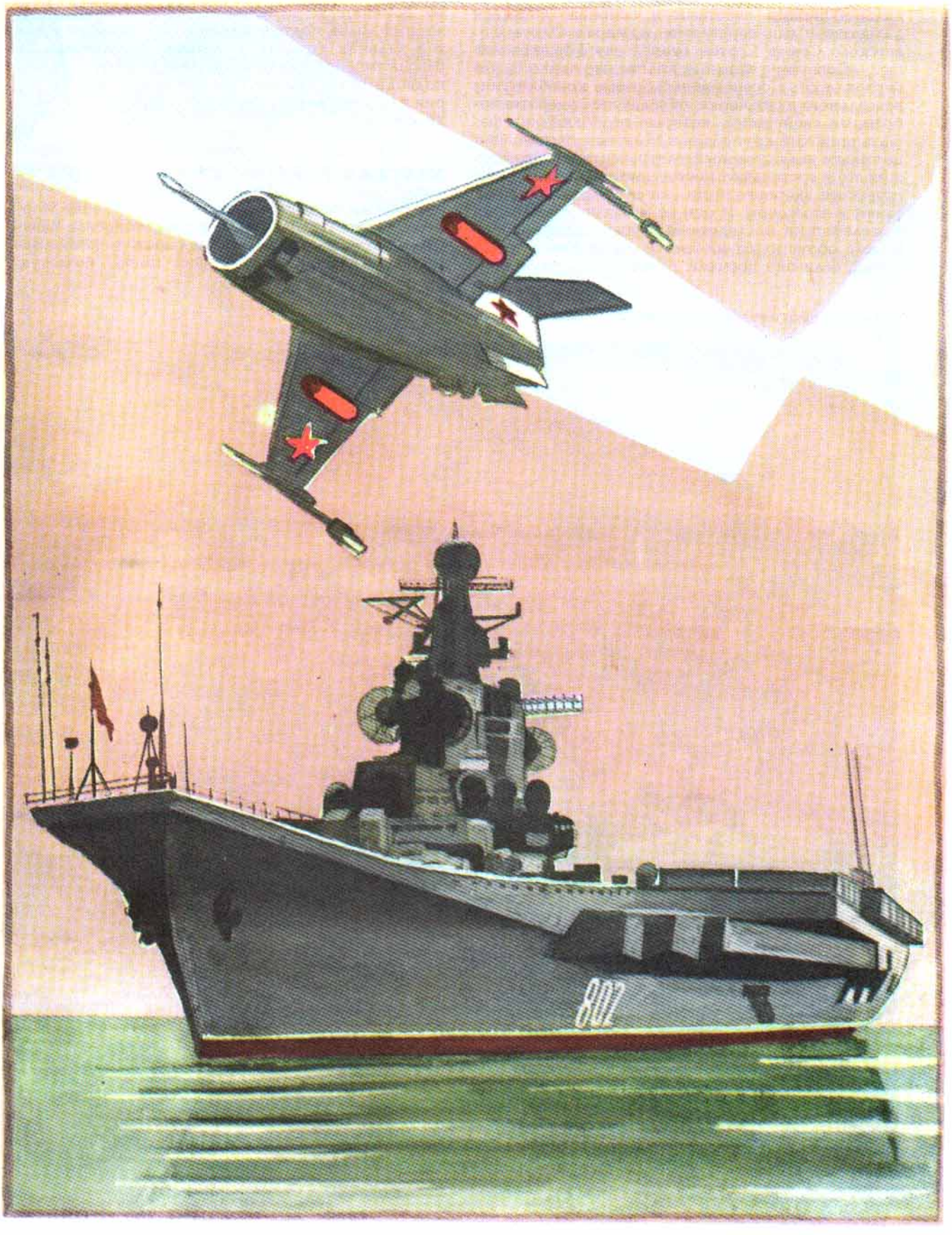
Подводный флот США несет потери из-за аварий и катастроф. На большой глубине затонула многоцелевая атомная лодка «Трешер», затем погибла атомная лодка «Скорпион», при испытании затонула глубоководная лодка «Сивулф». У англичан погибла новейшая лодка «Конкеррор».

По известным соображениям мы не можем подробно описывать наши подводные лодки. Но у нас есть все основания гордиться ими и их оружием —



Сторожевой корабль.

Противолодочный крейсер «Киев» (справа).

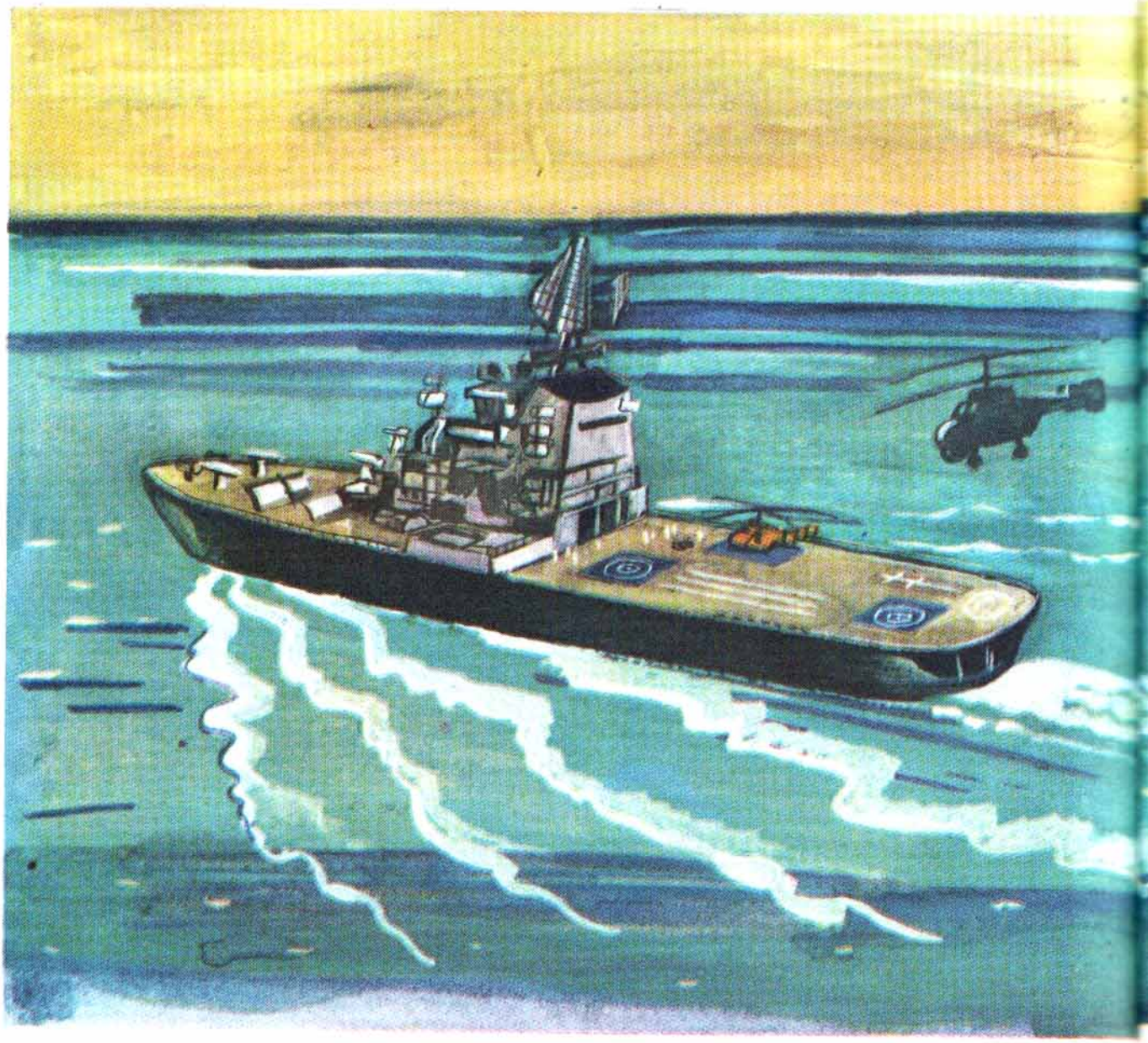

802

дальнобойными ракетами и самонаводящимися дальноходными торпедами. Адмирал Флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков пишет: «Советские атомные подводные лодки — это первоклассные современные боевые корабли универсального назначения, обладающие оперативно-боевыми свойствами, которые позволяют им решать широкий круг задач в Мировом океане. Они не только являются носителями тактического оружия, но и составляют неотъемлемую часть стратегического ядерного щита нашей Родины. Об этом знают и агрессоры. И они не могут не считаться с тяжелейшими последствиями возмездия, которое может обрушиться на них с океанских направлений, если они посмеют развязать ядерную войну. Замечательные качества наших атомных подводных лодок подтверждались на многих учениях и в дальних походах. Советские подводники не раз достигали Северного полюса. Группа атомных подводных лодок совершила беспримерное в истории плавание вокруг света без всплытия на поверхность...»

МОРСКАЯ РАКЕТОНОСНАЯ АВИАЦИЯ

Одна из основных ударных сил Военно-Морского Флота СССР — морская ракетоносная авиация. Реактивные самолеты дальнего действия летают при любой погоде. Они имеют большую

Большой противолодочный корабль и его вертолеты.



скорость, их вооружение — ракеты с ядерными и обычными зарядами. Эти самолеты могут наносить мощные удары по соединениям кораблей противника, по крупным конвоям, идущим в океане и удаленных районах морей, а также по военно-морским базам и портам.

Кроме ракетоносной авиации, военно-морские флоты имеют противолодочные самолеты. Их отличительная особенность большая скорость при полете в район поиска, малая скорость и малая высота при самом поиске подводной лодки. Самолеты или наводят на цель противолодочные корабли, или сами атакуют подводную лодку торпедами, бомбами.

АВИАНОСЦЫ

Как и во вторую мировую войну, флоты США и Англии имеют в своем составе авианосцы. Эти корабли называют «плавучими аэродромами агрессии», ведь они предназначены для действий за тысячи миль от своих берегов. В задачу авианосцев входит нанесение ядерных ударов по объектам на суше, а также охрана эскадр, десантных отрядов и конвоев на переходе морем. Само собой разумеется, что при строительстве новых авианосцев используются достижения науки и техники. Один из самых крупных авианосцев США, «Энтерпрайз» (водоизмещение 90 тысяч тонн), имеет атомную силовую установку, которая поз-

воляет кораблю ходить со скоростью 30 узлов, он может пройти 400 тысяч миль на одной заправке ядерного топлива. В ангарах корабля размещаются 120 самолетов — истребителей и штурмовиков; штурмовики вооружены управляемыми ракетами класса «воздух — поверхность» и «воздух — воздух», а также атомными и обычными бомбами.

Авианосцы и в прежнее время — до изобретения ракетного оружия — требовали сильной обороны от самолетов и подводных лодок. Сами американцы считают, что «достаточно одному атомному заряду (мощностью в несколько десятков тонн) упасть на расстояние полукилометра от авианосца, чтобы тот пошел ко дну». Огромный корабль выходит из строя при повреждении взлетно-посадочной палубы. Во время войны США против Вьетнама на «Энтерпрайзе» под крылом самолета, стоявшего на палубе, случайно взорвалась ракета. За первым взрывом последовали новые. Начался пожар, который гасили несколько дней. При этом погибло много моряков, а корабль надолго вышел из строя.

Зная о всевозрастающей уязвимости авианосцев, американцы продолжают строить их. Эти корабли особенно нужны им в обычных, локальных, войнах против стран, которые не имеют своего сильного флота.

«Наряду с развитием авианосцев,— пишет Сергей Георгиевич Горшков,— во флотах различных стран все большее внимание уделяют постройке качественно новых кораблей — вертолетоносцев. Их имеет и наш Военно-Морской Флот».

РАКЕТНЫЕ И АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ КОРАБЛИ

Несмотря на могущество подводных лодок и морской авиации, надводные корабли являются важной составной частью военно-морских флотов. Ведь у флота, кроме нанесения ракетно-ядерных ударов по объектам на суше, остались и прежние задачи: уничтожение кораблей противника, помощь сухопутным войскам в прибрежных районах, высадка своих десантов и отражение десантов противника, поиск и уничтожение подводных лодок, постановка мин и обезвреживание мин, поставленных противником, охрана коммуникаций, дозорная служба и другие.

Современные надводные корабли существенно отличаются от прежних. Они вооружены: против кораблей и целей на берегу — ракетами и артиллерией, против самолетов — зенитными управляемыми ракетами, против подводных лодок — торпедами, ракето-торпедами и глубинными бомбами. Радиоэлектронное оборудование дает им возможность обнаруживать цели на большом расстоянии и вести по ним точную стрельбу. Корабли обладают высокой скоростью хода. На многих кораблях есть противолодочные вертолеты.

Названия многих новых надводных кораблей звучат привычно: тяжелые и легкие крейсеры, эскадренные миноносцы, фрегаты, сторожевые корабли, торпедные катера. А таких названий, как ракетный крейсер, ракетный катер, раньше не было. Корабли этих классов родились на нашем флоте. Сергей Георгиевич Горшков в книге «Морская мощь государства» пишет: «В составе надводных сил нашего флота имеются быстроходные ракетные корабли и катера. Эти корабли, бесспорно, являются гордостью отечественного кораблестроения. Они стали родоначальниками нового направления в мировом надводном кораблестроении...»

Наиболее современным кораблем Военно-Морского Флота СССР, воплотившим в себе последние достижения научно-технического прогресса, самоотверженный труд советских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, является атомный ракетный крейсер «Киров», названный в честь пламенного революционера-ленинца.

Может возникнуть вопрос — зачем нужны кораблям артиллерийские орудия, если есть ракеты? Полтора десятка лет назад многие зарубежные специалисты считали ствольную артиллерию отжившим оружием. Появление ракет, казалось, подвело черту под тысячелетним господством пушки. Однако ныне артиллерия начала свою новую пору. Технические достижения и научные исследования позволили делать орудия совершеннее прежних — с большой дальностью стрельбы, с высокой скорострельностью. Изменились и снаряды — они могут быть с различными радиолокационными устройствами.

Иностранная печать сообщает о работах над активно-реактивным снарядом; в нем соединены обычный орудийный снаряд и ракета. Выстреленный из орудия, он сначала летит как снаряд, затем — на траектории — включается реактивный двигатель, дальность стрельбы значительно увеличивается. Значит, можно уменьшить вес орудия без уменьшения дальности стрельбы или, не уменьшая веса орудия, увеличить его калибр. Активно-реактивный снаряд крупного калибра может пролететь по отлогой траектории несколько тысяч километров. При стрельбе в зенит может подняться на полторы тысячи километров. Им, как полагают за рубежом, можно будет сбивать баллистические ракеты и высотные самолеты.

ПРОТИВОЛОДОЧНЫЕ КОРАБЛИ

Подводные лодки — атомные ракетоносцы ядерными ударами могут решительным образом влиять на ход и исход войны. Значит, борьба с подводными ракетоносцами приобретает первостепенное значение. На всех флотах для этого есть противолодочные корабли.

Прекрасными противолодочными кораблями располагает и наш флот. Они быстроходны, вооружены дальноходными самонаводящимися торпедами и глубинными бомбами. Большие противолодочные корабли предназначены для действий в океане, малые — для поиска и уничтожения лодок в прибрежных районах. «Необходимо отметить наш приоритет... в создании противо-

Ракетные катера.

лодочных крейсеров, вооруженных вертолетами»,— пишет С. Г. Горшков.

Вертолеты есть не только на крейсерах, но и на других противолодочных кораблях. Они считаются важным средством поиска, обнаружения и уничтожения подводных лодок.

Поднимаясь с корабля, вертолет обследует обширные районы, где могут таиться подводные лодки. Он сбрасывает в воду радиогидроакустические буи, которые излучают акустические волны, принимают их отражение от подводной лодки и передают информацию на вертолет. Вдобавок к буям вертолет может опустить в глубину гидролокаторы и таким образом собирать нужную информацию. На подводную лодку противника вертолет наводит свои корабли или сам атакует ее.

ДЕСАНТНЫЕ КОРАБЛИ

Американские военно-морские силы строят различные десантные корабли. Их задача, по словам адмирала Замволта,— «перенос военной мощи США через океан и обеспечение там постоянного американского присутствия». Эти корабли перевозят морскую пехоту, танки, десантные катера, на них размещаются и вертолеты.

Советский Военно-Морской Флот имеет различные десантные корабли. Они обладают высокой скоростью хода и малой осадкой, что важно для подхода к берегу и высадки на берег войск, танков, самоходных артиллерийских установок и орудий, бронетранспортеров и автомобилей. Вооружены десантные корабли скорострельной универсальной артиллерией — для отражения самолетов противника и его легких кораблей, а также для стрельбы по огневым точкам на берегу, где высаживается десант.

КОРАБЛИ ПРОТИВОМИННОЙ ОБОРОНЫ

По-прежнему важная роль отводится минному оружию. Поэтому строятся и совершенствуются корабли-заградители и корабли-тральщики. На нашем флоте корабли противоминной обороны вооружены современными средствами поиска, обнаружения и уничтожения различных мин. Они обладают высокими мореходными качествами и могут длительное время находиться в море.

* * *

Ни на день, ни на час не прерывают морские державы работу по усовершенствованию кораблей и их оружия. Толща морской воды оказалась самой надежной защитой корабля от современных средств обнаружения и поражения. Поэтому за рубежом ученые и военные инженеры ищут способы делать такие ракетоносцы, чтобы они ходили под водой со скоростью 100 узлов и погружались бы на целый километр. Замышляется ими постройка подводного танкера, подводного десантного корабля и погружающегося авианосца.

Скорости современных надводных кораблей, как считают иностранные специалисты, недостаточны, чтобы вести преследование подводных лодок. Надежды их возлагаются на корабли на подводных крыльях и на воздушной подушке, которые движутся со скоростью 60—90 узлов. К тому же они почти бесшумны, подводная лодка не обнаруживает их, а взрыватели обычных торпед не реагируют на их малые физические поля.

Англичане изучают возможности применить против подводных лодок дирижабли. Заправляясь в воздухе, дирижабль сможет вести непрерывный поиск лодок. Его грузоподъемность велика — значит, он будет «до зубов» вооружен противолодочным оружием и в полной мере оснащен радиоэлектронной и акустической аппаратурой. Есть мнение, что дирижабли смогут охранять от подводных лодок конвои, заменив противолодочные авианосцы.

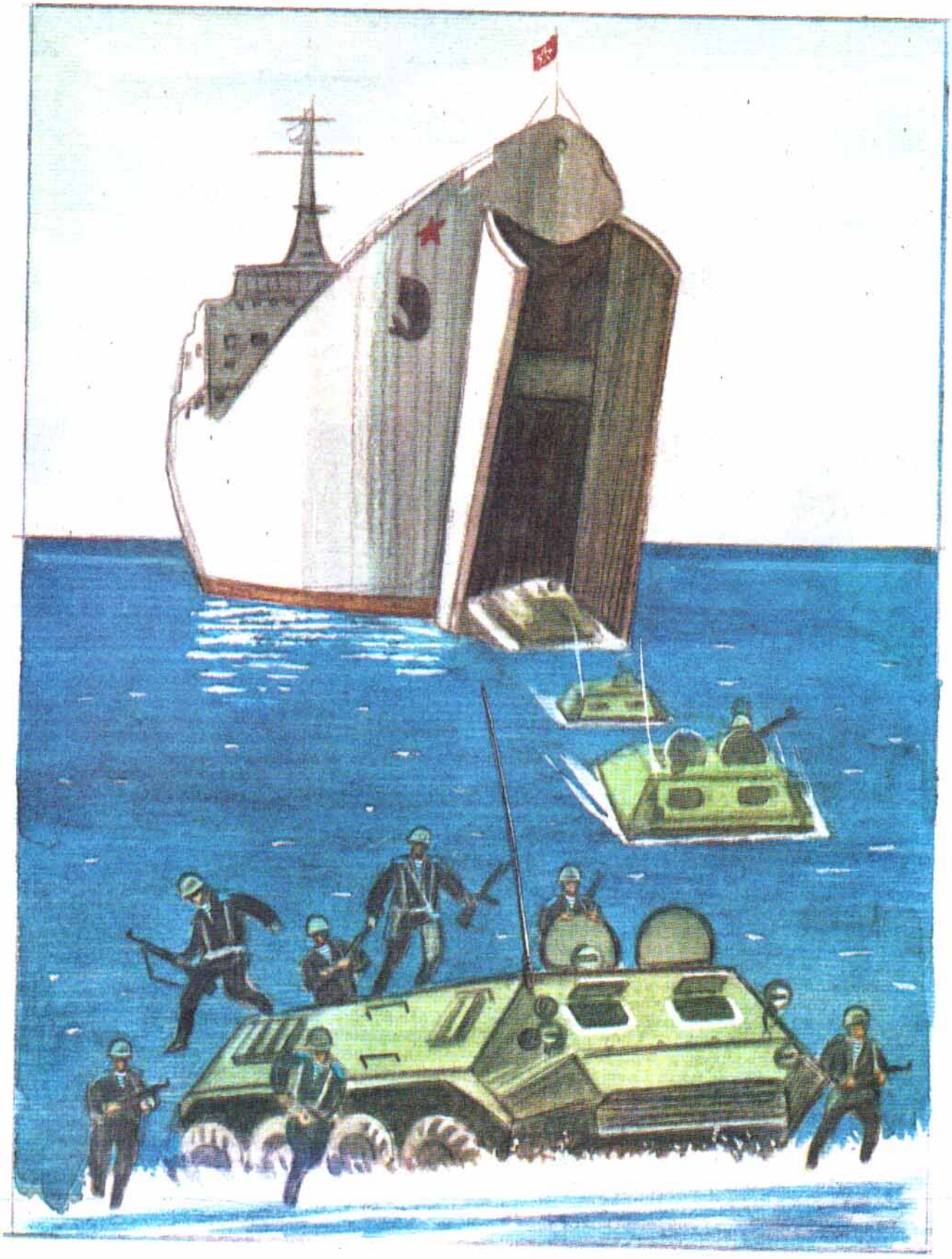
Громадные средства тратят империалисты на подготовку к новой войне. Им все кажется, что они смогут создать оружие, которое обеспечит для них беспроигрышную войну. В эти опасные для судеб человечества времена перед Советской страной стоит задача — держать свои Вооруженные Силы, в том числе Военно-Морской Флот, в таком состоянии, чтобы агрессоры ни на минуту не усомнились, что наш ответ на агрессию будет беспощадным ударом. Вооруженные Силы СССР надежно исполняют свой долг перед народом, зорко стоят на страже мира.

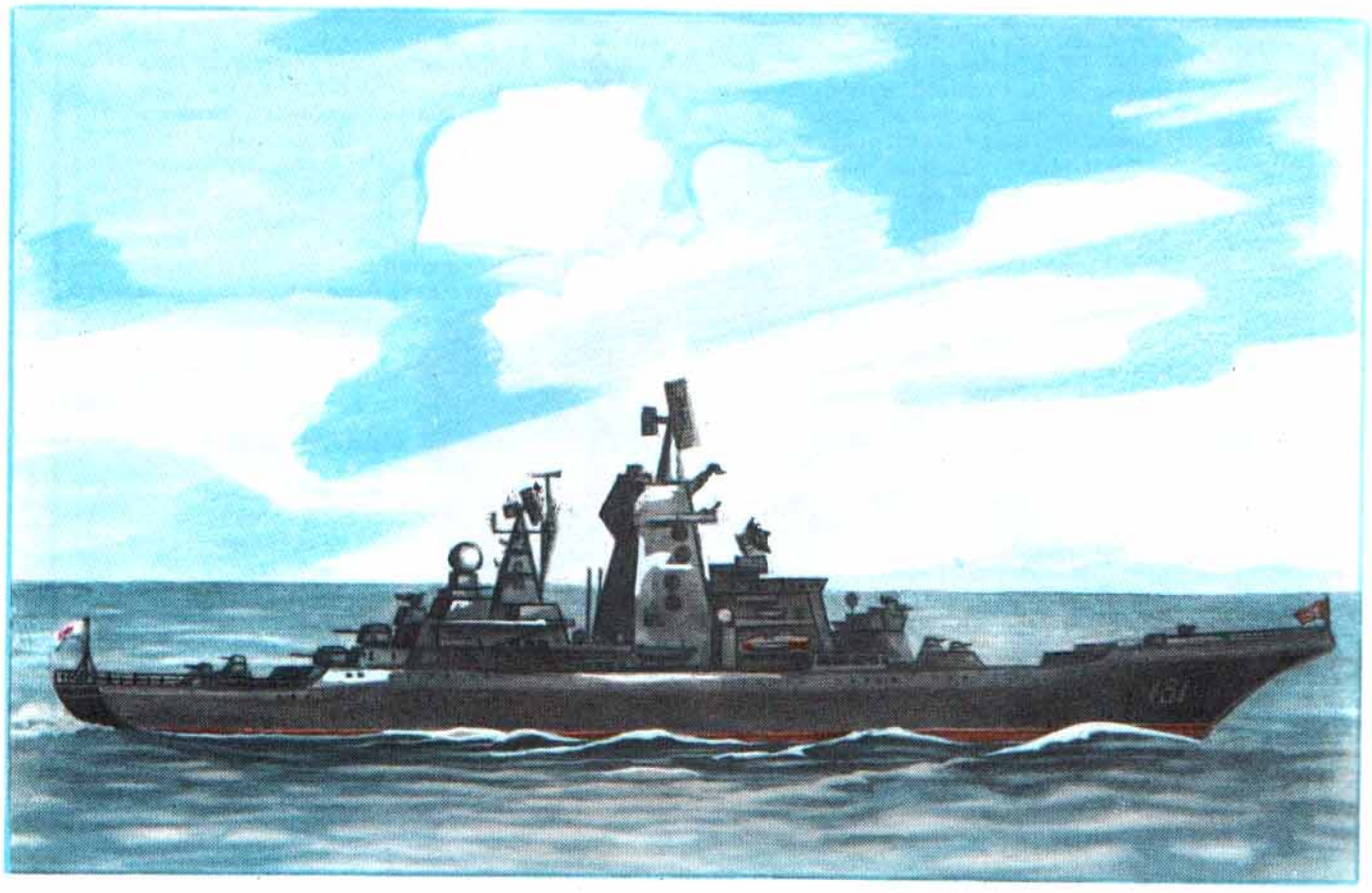
ИМЕНА, ЗОВУЩИЕ НА ПОДВИГ

Издавна принято называть корабельный флот морским. Это название останется и дальше, но правильнее было бы теперь называть наши корабли Военно-Океанским Флотом. Все океаны — с полярными льдами, с тропической жарой, с грозными тайфунами, солнечными штилями — теперь подвластны кораблям, идущим под бело-голубым флагом с красной звездой, с красным серпом и молотом. Благодаря заботам Коммунистической партии наш военный флот стал таким могучим, что невозможно не гордиться им, как одним из самых значительных дел советского народа. Извечным хозяевам океанов — флотам США и Англии пришлось смириться с тем, что корабли Советской державы ходят там, где им нужно и когда нужно.

Смотрят на наши корабли простые люди разных стран и восхищаются: стремительные очертания кораблей говорят об их быстроходности, мачты с ажурными сферами локаторов — о техническом совершенстве, пусковые установки — о грозной мощи справедливого оружия. Когда люди видят наших моряков, то думают об их доброте и мужестве, о выучке и бдительности. Еще думают об их готовности встретить и преодолеть любой шторм, о готовности, если случится, встретить и победить любого врага.

Высадка морской пехоты.





Атомный ракетный крейсер «Киров».

Кроме флага, украшает корабль имя. Оно зовет экипаж продолжать и умножать подвиги моряков прежних поколений.

Главную ударную силу нашего флота составляют атомные подводные ракетоносцы и морская ракетоносная авиация. О замечательных советских атомных подводных лодках свидетельствуют неоднократные плавания подо льдами на Северный полюс и групповой поход атомных лодок в Мировом океане. Грозные корабли прошли тогда 25 тысяч миль, ни разу за полтора месяца не всплывая на поверхность. Они пересекали экватор, обогнули Южную Америку.

Атомная подлодка, впервые побывавшая на Северном полюсе, называется «Ленинский комсомол». Свое имя лодка унаследовала от лодки-«малютки» — от М-106, построенной на средства, собранные комсомольцами, и действовавшей в годы войны в Баренцевом море. Современные подводные лодки носят имена и других североморских «малюток»: М-104 — «Ярославский комсомолец», М-105 — «Челябинский комсомолец».

К атомному ракетоносцу перешло вместе с гвардейским флагом имя знаменитой лодки Д-3 — «Красногвардеец», той, что на Севере потопила десять транспортов врага.

Одной из задач флота является поиск и уничтожение вражеских подводных лодок. Для этих целей у нас есть противолодочные самолеты и вертолеты и различные корабли. Они построены в последние годы, но имена их привычные. Давним славным именем «Очаков» назван большой противолодочный корабль. Есть противолодочный корабль «Пантера». Ты, конечно, помнишь бой подводной лодки «Пантера» с английскими эсминцами? К большим противолодочным кораблям перешли имена героических черноморских крейсеров — «Красный Крым», «Красный Кавказ» и многих эскадренных миноносцев — «Сообразительный», «Славный», «Сильный»... Противолодочные крейсеры названы именами лидеров — «Москва», «Ленинград»...

Совершенно новыми кораблями флота стали ракетные корабли, предназначенные для борьбы с надводными кораблями противника и его самолетами. Быстрые, с большой дальностью хода, вооруженные управляемыми ракетами, они способны наносить мощные удары далеко от своего побережья. И на этих кораблях дорогие нам имена: «Бойкий», «Гневный», «Бедовый», «Гремящий». Гвардейский ракетный крейсер назван «Варягом». Еще один ракетный крейсер — «Грозным». Имя «Грозный» носили эскадренные миноносцы — первый доблестно сражался с японцами

в 1905 году, второй в годы Великой Отечественной войны на Севере сражался с фашистами.

На нашем флоте есть артиллерийские корабли. Они предназначены действовать вместе с ракетными кораблями, а также самостоятельно — охранять от вражеских легких надводных кораблей свои коммуникации и побережье, нести дозорную службу, сопровождать десантные отряды. Десантные корабли идут с морской пехотой, с танками, самоходками, бронетранспортерами, автомобилями. Хотя у них есть скорострельная артиллерия для отражения вражеских кораблей и самолетов, помощь артиллерийских кораблей нужна — и на переходе, и при высадке десанта на берег... Память о знаменитых полководцах и флотоводцах — защитниках Отечества хранят современные крейсеры — «Адмирал Сенявин», «Дмитрий Пожарский», «Михаил Кутузов»...

Увековечены в названиях кораблей имена героев Великой Отечественной войны. Плавают по морям и океанам ракетный крейсер «Адмирал Фокин», большие противолодочные корабли «Адмирал Исаков», «Вице-адмирал Дрозд»... Современным плавучим базам подводных лодок даны имена знаменитых моряков-подводников — «Магомет Гаджиев», «Федор Видяев», «Виктор Котельников», «Иван Кучеренко», «Дмитрий Галкин»...

Рассказ об именах современных кораблей мы начали с имен, связанных с комсомолом. Прибавим к «Ленинскому комсомолу», «Ярославскому комсомольцу», «Челябинскому комсомольцу» морские тральщики «Приморский комсомолец», «Сахалинский комсомолец», ракетные катера «Кировский комсомолец», «Комсомолец Татарии», «Мичуринский комсомолец». Такое обилие комсомольских кораблей не случайно. Еще в 1922 году на V Всероссийском съезде РКСМ было решено «принять шефство над Красным Военным Флотом Республики». С того года комсомольское пополнение — самые грамотные парни, самые преданные молодые защитники — пошло на флот. Комсомольцы и теперь составляют подавляющее большинство военных моряков Советской страны. Они на подводных ракетоносцах, на ракетных, артиллерийских, противолодочных, десантных кораблях, на кораблях противоминной обороны, на самолетах-ракетоносцах, на противолодочных самолетах и вертолетах. Они в береговых ракетно-артиллерийских войсках. Они в морской пехоте.

В годы войны комсомольцы были первыми помощниками коммунистов. Опорой коммунистов они являются и теперь — в боевой и политической подготовке, в дальних походах. Современная техника сложна, походы, как всегда, трудные. Например, службу моряков-подводников в океане сравнивают с работой космонавтов на околоземной орбите. Выполнение приказа, как никогда раньше, зависит от дисциплины, организованности, четкого исполнения обязанностей. Мы с тобой говорили, читатель, как в самые трудные моменты боевой обстановки моряки-комсомольцы вступали в Коммунистическую партию. Традиция эта и в мирное время продолжается на флоте — в дальних походах лучшие молодые моряки становятся коммунистами. В принадлежности к нашей великой партии они черпают силы и вдохновение для служения народу и Родине.

Я думаю о тебе, мой читатель. Мне хочется, чтобы ты стал моряком, моряком настоящим. Может быть, ты будешь плавать на «Меркурии» — гидрографическом судне или на корабле «Адмирал Макаров», может быть, на крейсере «Октябрьская революция» или на атомной лодке «50 лет СССР». Суть не в классе корабля, не в его размерах. Суть в том, чтобы ты на любой должности, в любом звании был необходим флоту.

«Необходимый флоту моряк!» — пусть этот девиз станет для тебя словно вымпел. Однажды подняв, никогда не спускай своего вымпела. Наградой за это будет любовь и признательность Отчизны. А может быть, твое имя напишут на борту корабля...

ПОГОНЫ, НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ И ЭМБЛЕМЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Рис. 1—12. ПОГОНЫ АДМИРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ ВМФ /К ПАРАДНОМУ И ПАРАДНО-ВЫХОДНОМУ ОБМУНДИРОВАНИЮ/:

1. Адмирал Флота Советского Союза; 2. Адмирал флота; 3. Адмирал; 4. Вице-адмирал; 5. Контр-адмирал; 6. Капитан 1-го ранга; 7. Капитан 2-го ранга; 8. Капитан 3-го ранга; 9. Капитан-лейтенант; 10. Старший лейтенант; 11. Лейтенант; 12. Младший лейтенант.

Рис. 13—18. ПОГОНЫ И ПОГОНЧИКИ СТАРШИН И МАТРОСОВ:

13. Главный корабельный старшина; 14. Главный старшина; 15. Старшина 1-й статьи; 16. Старшина 2-й статьи; 17. Старший матрос; 18. Матрос.

Рис. 19—26. ПОГОНЫ И ПОГОНЧИКИ МИЧМАНОВ И КУРСАНТОВ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧИЛИЩ:

19. Курсант — главный корабельный старшина; 20. Курсант — главный старшина; 21. Курсант — старшина 1-й статьи; 22. Курсант — старшина 2-й статьи; 23. Курсант — старший; 24. Курсант; 25. Мичман; 26. Нахимовец.

Рис. 27—38. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ АДМИРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ КОРАБЕЛЬНОГО СОСТАВА ВМФ:

27. Адмирал Флота Советского Союза; 28. Адмирал флота; 29. Адмирал; 30. Вице-адмирал; 31. Контр-адмирал; 32. Капитан 1-го ранга; 33. Капитан 2-го ранга; 34. Капитан 3-го ранга; 35. Капитан-лейтенант; 36. Старший лейтенант; 37. Лейтенант; 38. Младший лейтенант.

Рис. 39—45. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ КУРСАНТОВ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧИЛИЩ И НАХИМОВЦЕВ:

39. Курсант 1-го курса; 40. Курсант 2-го курса; 41. Курсант 3-го курса; 42. Курсант 4-го курса; 43. Курсант 5-го курса; 44. Нахимовец 9-го класса; 45. Нахимовец 10-го класса.

Рис. 46—52. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ. (ШТАТЫ) ДЛЯ МИЧМАНОВ, ПРАПОРЩИКОВ, СТАРШИН, СЕРЖАНТОВ И МАТРОСОВ ВМФ:

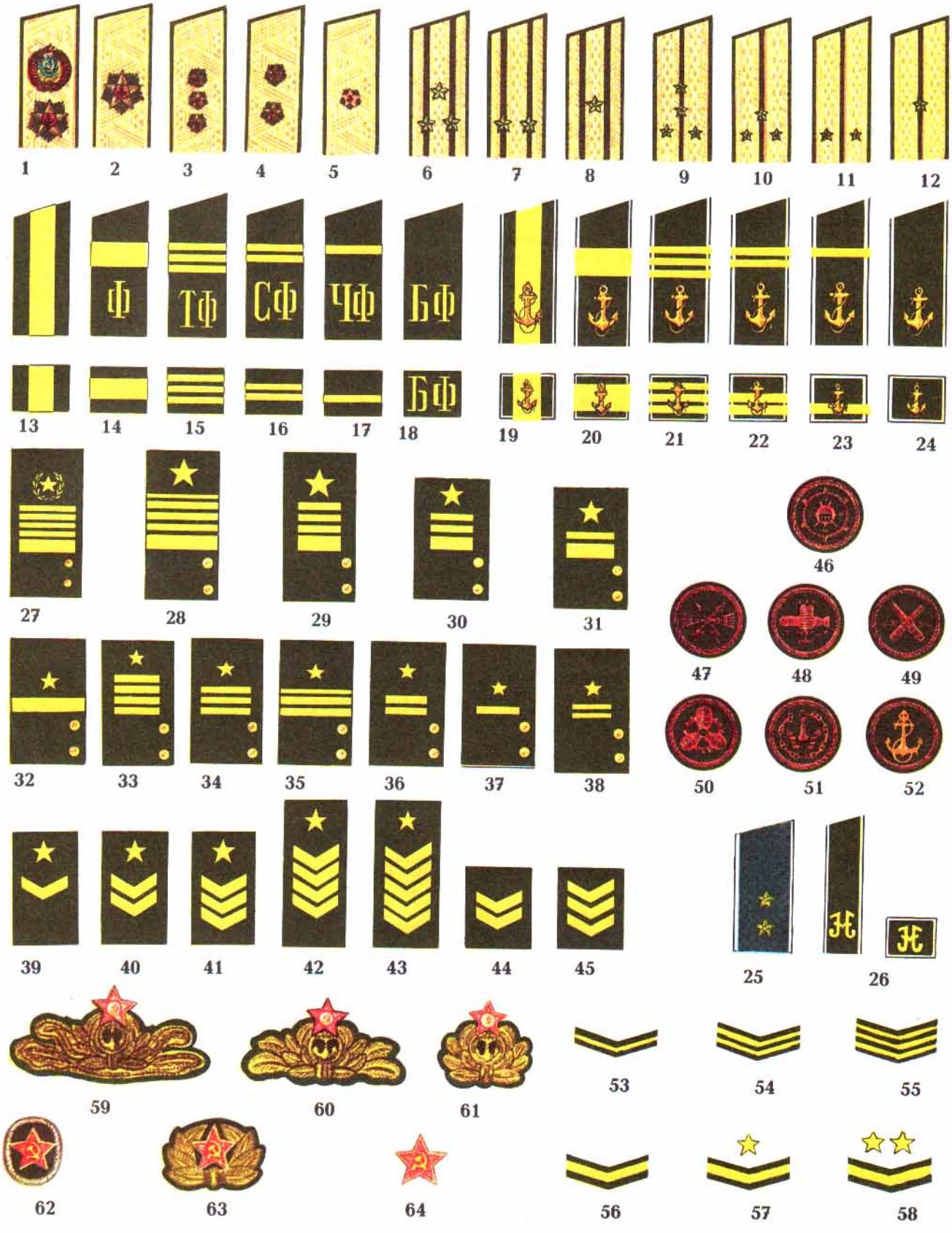
46. Специалисты штурманских средств; 47. Специалисты связи и радиотехнических средств; 48. Специалисты минно-торпедных средств; 49. Специалисты артиллерийских средств; 50. Специалисты электромеханических средств; 51. Специалисты всех видов защиты, обеспечения и обслуживания; 52. Нарукавный знак морской пехоты.

Рис. 53—58. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ ПО ГОДАМ СЛУЖБЫ ДЛЯ МИЧМАНОВ И ПРАПОРЩИКОВ ВМФ:

53. На первом году службы; 54. На втором году службы; 55. На третьем году службы; 56. На четвертом году службы; 57. На пятом — девятом годах службы; 58. На десятом году службы и более.

Рис. 59—64. ЭМБЛЕМЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВМФ:

59. Эмблема на парадной фуражке и меховой шапке с козырьком адмиралов Флота Советского Союза; 60. Эмблема к парадно-выходной фуражке и меховой шапке с козырьком адмиралов и генералов ВМФ; 61. Эмблема к повседневным головным уборам адмиралов и генералов, а также к парадно-выходным и повседневным головным уборам офицеров, мичманов, прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы ВМФ; 62. Эмблема к головным уборам сержантов и матросов морской пехоты; 63. Звезда и эмблема к фуражке, фуражке-бескозырке и шапке-ушанке; 64. Звезда к пилотке, панаме и берету.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Ф
ТФ
СФ
ЧФ
БФ
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
27
28
29
30
31
46
47
48
49
32
33
34
35
36
37
38
50
51
52
39
40
41
42
43
44
45
25
26
59
60
61
53
54
55
62
63
64
56
57
58

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. МАТРОССКАЯ

Ошибка Аристотеля 12
Саламинское сражение 13
Корабли и оружие 22
Воинский подвиг Архимеда 24
О справедливых и несправедливых войнах . . . 26

Глава вторая. СТАРШИНСКАЯ

Ладьи в Русском море 28
Киевские и новгородские суда 37
Ладьи в Северном славянском море 40

Глава третья. КУРСАНТСКАЯ

«Утренняя заря капиталистической эры» 46
Корабли и оружие 48
Четырнадцатое сражение 53
Возвращение к Балтийскому морю 61
Победа у Гангута 63
Возвращение к Черному морю 69
Сражение у мыса Калиакрия 71
«Орел» салютует казачьему адмиралу 77
О красоте кораблей 78

Глава четвертая. МИЧМАНСКАЯ

Пароход и пароходофрегаты 80
Необъявленные войны 81
Адмирал Павел Степанович Нахимов 88
О названиях кораблей 100

Глава пятая. ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ

Флот в начале XX века 104
Война, ускорившая революцию 113
Восстание моряков 121
Флагман несдавшихся 129
О названиях кораблей 133

Глава шестая. КАПИТАНСКАЯ

Флот готовится к большой войне 136
Первая мировая война 140
Балтийские моряки 146
Флаги корабля 152
Главнокомандующий революции 154
Брестский мир и судьба флота 166
Помни первых 172
О названиях кораблей 173

Глава седьмая. АДМИРАЛЬСКАЯ

От «Вайса» до «Барбароссы» 176
Корабли, оружие и средства флота 182
Прежде сражаются заводы 201
Первые дни сорок первого 205
Оборона Ленинграда 207
Как добывают корабли гвардейское звание . . . 223
«Дорога жизни» 231
На черноморских берегах 232
Непревзойденное искусство Одессы 234
Двойная звезда нашей славы 243
Разгром американского флота 251
Об открытии второго фронта 254
Наивность великого физика 254
Третий штурм Севастополя 256
Война на Севере 264
Как ходили конвои 273
Месть за Перл-Харбор 276
Освобождение 278
Жизнь адмирала 279
Малая земля и Новороссийск 283
Фашисты топят свои корабли 291
«Война есть продолжение политики...» 299
Балтийцы выходят в море 300
Мужество североморцев 308
Конец — всему делу венец 316
Морские трофеи 325
На другом краю земли 325
Парни, которых не испугаешь 331
Флоты ракетно-ядерного века 333
Имена, зовущие на подвиг 344

ПРИЛОЖЕНИЕ 348

Митяев А. В.

М 67 Книга будущих адмиралов.— 3-е изд., доп. и перераб.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 351 с., ил.

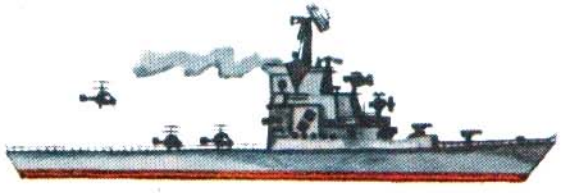
В пер.: 4 р. 40 к. 100 000 экз.

Книга о военно-морском искусстве, об истории военно-морского флота с древних времен до сегодняшних дней. В книге семь разделов, основной из них посвящен рассказу об участии Советского Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне, подвигу советских моряков. Содержание книги дополняют схемы и красочное оформление.

М $\frac{4803010102-035}{078(02)-86}$ КБ—035—011—85

ББК 68.66
355.75

отсканировал и подготовил
КОТЯЙ@torrents.ru



ИБ № 4153

Анатолий Васильевич Митяев

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ

Редактор **О. Снегова**

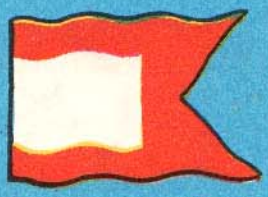
Художественный редактор **Б. Федотов**

Технические редакторы **Т. Кулагина, Г. Прохорова**

Сдано в набор 03.01.85. Подписано в печать 09.01.86. А08009. Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96. Усл. кр.-отт. 150,72. Учетно-изд. л. 45,2. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 4 р. 40 к. Заказ 1859.

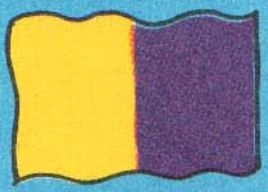
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ФЛАГИ ВОЕННО-МОРСКОГО СВОДА СИГНАЛОВ СССР.



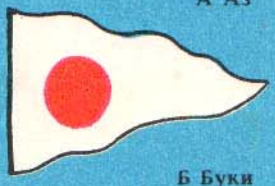
А Аз

И Иже

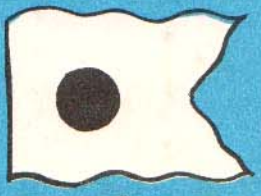


П Покой

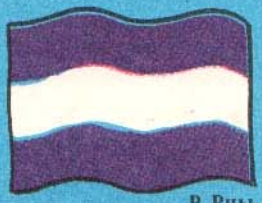
Ц Цепочка



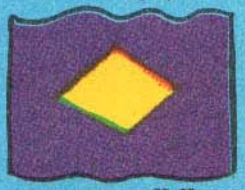
Б Буки



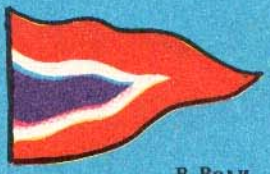
Й И краткое



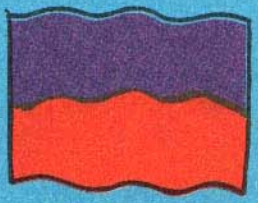
Р Рцы



Ч Червь

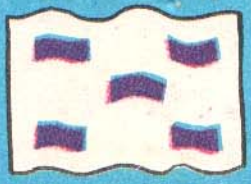


В Веди

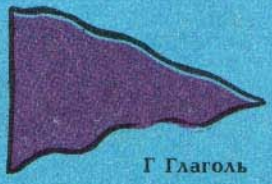


К Ка

С Слово



Ш Шапка



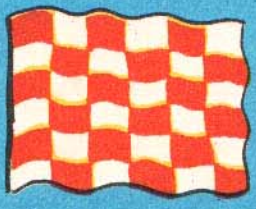
Г Глаголь

Л Люди

Т Твердо

Щ Ща

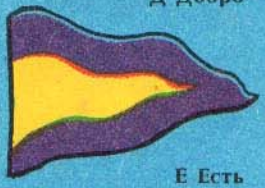
Д Добро



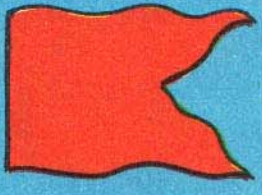
М Мыслете

У Ухо

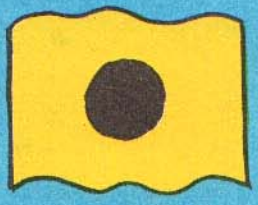
Ъ Твердый знак



Е Есть

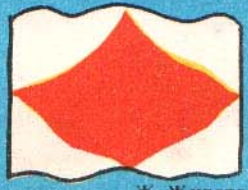


Н Наш



Ф Ферт

Ы Еры

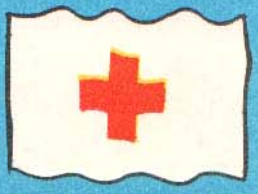


Ж Живете

Ь Мягкий знак

З Земля

О Он

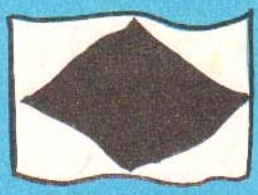


Х Ха

Э Э оборотное

Ю Юла

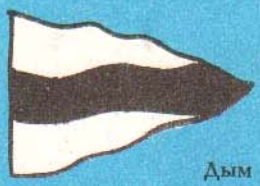
Газ



Ост

3 Тройка

Я Яко



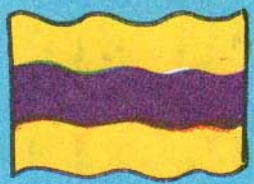
Дым

Вест

4 Четверка

1-й дополнительный

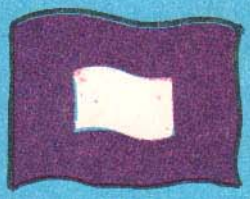
Телеграфный



Вопросительный

5 Пятерка

2-й дополнительный

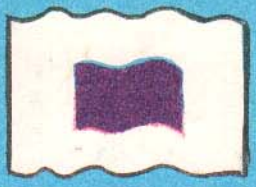


Шлюпочный

Ответный

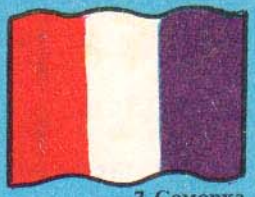
6 Шестерка

3-й дополнительный



Воздушный

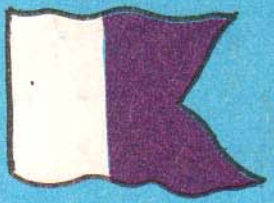
Исполнительный



7 Семерка

4-й дополнительный

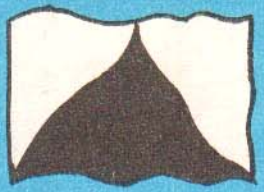
Норд



1 Единица

8 Восьмерка

Гюйс



Зюйд

2 Двойка

9 Девятка

0 Ноль

4 р. 40 к.

АНАТОЛИЙ КИНЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ